**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им. В.И. Вернадского**

**Центр археологических исследований
Благотворительного Фонда «Деметра»**

XVII
БОСПОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

***Боспор Киммерийский
и варварский мир в период античности и средневековья.
Исследователи и исследования***

Керчь - 2016

Research Center of History and Archaeology of the Crimea
of the Crimea Federal V. I. Vernadsky University

Beneficial Foundation «Demetra»

XVII
BOSPORAN READINGS

The Cimmerian Bosporus
and barbarian world in the period of Antiquity and the Middle Ages.
Researchers and research

Керчь - 2016

ПОСВЯЩАЕТСЯ

190-летию Керченскому музею древностей
85-летию начала исследований Тиритаки

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма
Крымского Федерального университета им В.И. Вернадского

XVII Боспорские чтения.
Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования
/ Ред.-сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. - Керчь, 2016. - 604 с.

© НИЦ ИАК КФУ им. В.И. Вернадского, 2016
© ЦАИ БФ «Деметра», 2016
© Авторы, 2016

Абрамзон М.Г.
(Магнитогорск)

МАССОВАЯ ТЕЗАВРАЦИЯ НА БОСПОРЕ В 320-х – НАЧАЛЕ 340-х гг. н.э.: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Массовое сокрытие кладов с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI приходится на вторую половину 320-х – начало 340-х гг. н.э., когда на Боспоре происходили какие-то серьезные события еще задолго до гуннского нашествия. К настоящему времени известно 24 таких комплекса. Все они однородны и содержат монеты, резко ограниченные, с одной стороны, чаще всего чеканкой Фофорса и, с другой стороны, последними сериями Рескупорида VI. Даты наиболее поздних монет в этих кладах позволяют разделить их на пять хронологических групп.

Клады с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI

№ п/п	Год и место находки	Наиболее поздние монеты
Группа 1. Без точной датировки (326/327–341 гг. н.э.)		
1	Пантикапей (1852 г.) (Noe 1937, no. 554)	327–341
2	Пантикапей (1869 г.) (Люценко 1880, 13, № 8)	327–341
3	Пантикапей (1870 г.) (Люценко 1880, 13–15, № 9)	327–341
4	Фонталовское городище (1878 г.) (Люценко 1880, 34, № 8)	327–341
5	Пантикапей (1879 г.) (Люценко 1880, 19–20, № 14)	327–341
6	Пантикапей (до 1884 г.)	327–341
Группа 2. 326/327–328 гг. н.э.		
7	Андреевка (северная) (до 2014 г.) (Яжецки 2014, 183–189)	326/327 г.

8	Малый Таракташ (1908 г.) (Стевен 1909, 99–101; Харко 1968, 284–295)	После 326/327 г. н.э.
9	Ильичевское городище (1977 г.) (Фролова 1983, 16–17)	327 г. н.э.
10	Пантикапей (1999 г.) (Абрамзон 2011, 139-145)	327 г. н.э.
11	Феодосия (1927 г.) (Шелов 1950, 134–139)	328 г. н.э.
12	Пантикапей (1961 г.) (Голенко 1967, 268–272)	328 г. н.э.
Группа 3. 336 г. н.э.		
13	Патрей (1951 г.) (Голенко 1960, 223–289)	336 г. н.э.
14	Батарейка (1976 г.) (Исанчурин, Исанчурин 1989, 92–93, табл. 5, № 14)	336 г. н.э.
15	Китей (2012 г.) (Молев, Буйских 2012).	336 г. н.э.
Группа 4. 341/342 г.н.э.		
16	Пантикапей (1904 г.) (Noe 1937, no. 556)	341 г. н.э.?
17	Тиритака (1946 г.) (Харко 1949, 73–81)	341 г. н.э.
18	Кепы (1962 г.) (Голенко, Сокольский 1968, 72–125)	341 г. н.э.
19	Гай-Кодзор (1972 г.) (Салов 1975, 172–174)	341 г. н.э.
20	Гай-Кодзор (1977 г.) (Абрамзон, Фролова, Горлов 2002, 407–421)	341 г. н.э.
21	Пантикапей (1995 г.) (Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина 2006, 116–131.)	341 г. н.э.
22	Пантикапей (2009 г.) (Сидоренко 2011, 458–569.	341 г. н.э.
Группа 5. 371–565 гг. н.э.		
23	Ксизово-19А, Липецкая область (2012 г.) (Мызгин, Бейдин 2015, 31–32)	Вторая половина IV в.
24	Ильичевское городище (1975 г.) (Фролова, Николаева 1978, 173–179)	538–565 гг.

Мнение о том, что повсеместное массовое зарытие кладов примерно одинакового состава на всей территории Боспорского царства – от Судака и Феодосии до городищ Таманского п-ова – было вызвано общей причиной – вторжением гуннов в 70-е гг. IV в. н.э., долго доминировало в литературе (Гайдукевич 1949, 482; Голенко 1960, 244).

Между тем еще К.В. Голенко и Н.И. Сокольский (1968, 85) сомневались в том, что гибель того или иного боспорского поселения в IV в. н.э. следует связывать с гуннами, а не с другим врагом. Уточненная относительно недавно датировка погребений кочевников, боспорских городов и поселений позволяет говорить о появлении гуннов на Боспоре только в конце IV в. или даже в первой половине – середине

V в.; иначе оценивается и их роль в судьбе поселений (Зубарь, Зинько 2006, 227–228). Отсюда сейчас тезаврация данной группы кладов все реже связывается с гуннами. Вопрос о дате сокрытия этих кладов был поднят также в одной из работ Р.А. и Е.Р. Исанчуриных (1989, 92). Чье же вторжение привело к тезаврации позднебоспорских кладов в 326/327–341/342 гг. н.э.?

Клады, бесспорно, отражают кризисную ситуацию, сложившуюся на Боспоре во второй половине правления Рескупорида VI (Зубарев 2005, 216–127; Зинько 2008, 132–133). Позднейшие монеты в них дают абсолютную хронологию тезаврации: два клада датируются 326/327 г. н.э. (№ 7–8), два – 327/328 г. н.э. (№ 9–10), два – 328/329 г. н.э. (№ 11–12), три – 336/337 г. н.э. (№ 13–15), шесть или семь – 341/342 г. н.э. (№ 16–22). О дате остальных кладов данной группы (№ 1–6), зарытых при Рескупориде VI, нет точных сведений. Еще два комплекса (№ 23–24) стоят особняком: это клад с поселения гуннской эпохи Ксизово-19А (Верхнее Подонье), который связывают с активностью германских племен на Боспоре во второй половине IV в. н.э. и переселением какой-то части германского населения в начале гуннского времени (Мызгин, Бейдин 2015, 30-32), и Ильичевский клад 1975 г., зарытый при Юстиниане I.

Р.А. и Е.Р. Исанчурины обратили внимание на то, что клады Европейского Боспора были зарыты в 328 г. н.э., а клады азиатской стороны – в 336 г. н.э. Такое разновременное зарытие кладов, по их мнению, вряд ли было случайным и являлось следствием каких-то внешних событий, не затронувших вначале Азиатский Боспор. Предположительно, враги пришли на Европейский Боспор с запада или северо-запада, из Крыма (Исанчурин, Исанчурин 1989, 92–94). По-видимому, речь все же должна идти об сармато-аланах и готах, обитавших у Меотиды и нападавших на Римскую империю и вассальный Боспор.

Ряд исследователей связывает тезаврацию кладов из Малого Таракташа, Феодосии, Керчи и других пунктов, а также разгром Батарейки I, со второй херсонесско-боспорской войной, датируемой ими второй четвертью IV в. или 323–327 гг. н.э. (Голенко 1999, 45–48; Болгов 2004, 46; Зубарев 2005, 126–127; Зубарь, Зинько 2006, 224–225). Р. Гарнетт датировал эти события в 342–360 гг. н.э. (Garnett 1987, 102). Против отнесения второй войны Херсонеса с Боспором к 323–327 гг. н.э. (Анохин 1977, 92) аргументированно выступала и Н.А. Фролова (1997, 93–95). Но если стремление исследователей связать зарытие кладов под Судаком и Феодосией с данными событиями еще объяснимо, то тезаврация кладов на азиатской стороне Боспора, тем более в районе Горгиппии (Гай-Кодзор), категорически не может быть

объяснена войной с Херсонесом. Однако сама идея связать сокрытие ряда кладов с военными действиями в 320–340-е гг. н.э. является абсолютно правильной.

В.Н. Зинько (2008, 132) корректно связывает тезаврацию в эти годы с новым движением племен Меотиды, и его гипотеза надежно подтверждается топографией и датировкой кладов. Вслед за В.Н. Зинько, мне представляется наиболее убедительным объяснение массовой тезаврации во второй половине 320-х – начале 340-х гг. н.э. в европейской и азиатской частях Боспора очередным движением варварских племен Меодиты, начавшимся в 322–323 гг. н.э. и достигшим Дуная, где «савроматы, живущие у Меотийского озера» были разбиты Константином Великим (Zosim. II, 21) (Зинько (2008, 132). После поражения сармато-аланов летом 322 г. н.э. (готы были разбиты летом следующего года), обратный путь их лежал через территорию Боспора и сопровождался грабежами; сюда они совершали набеги как в начале столетия, так и последующие годы. Так, например, еще в 307 г. н.э., объединения племен различных этнических групп, в первую очередь сарматов и аланов, осаждали Кесарию (Пантикапей), при защите которой погибли командир фанагорийского лоха, присланного на помощь столице, Алексарф и его отец Андроник, крупный царский сановник (КБН 1051). Годом позже варвары оперировали уже на Таманском п-ове, о чем свидетельствует сокрытие Фанагорийского клада (2011 г.) (Абрамзон, Кузнецов 2014, 81–83). Меньше чем через два десятка лет они снова появляются в регионе, что подтверждает массовая тезаврация в 326/327–341/342 гг. н.э.

Кризис 320-340-х гг. представляет «темное пятно» в военно-политической истории Боспора, но анализ нумизматических источников позволяет нам предложить следующую хронологическую реконструкцию событий. Во-первых, отсутствие кладов до 326/327 г. н.э. свидетельствует о том, что Рескупорид VI, вслед за Константином I, успешно справлялся с натиском сармато-аланских и германских племен в 325–326 гг. н.э., что подчеркивается, в частности, появлением фигурки Ники рядом с портретом императора на его статерах только этих двух лет. Затем ситуация изменилась, и внешняя угроза привела к тезаврации в 326/327–328 гг. н.э. сначала в западных приграничных областях Боспорского царства (клады из Малого Таракташа 1908 г. и Феодосии 1927 г.), столице (Керченский клад 1999 г.) и ее окрестностях (сомнительный «клад» с городища Андреевка (северная). Последний комплекс является самым ранним, судя по присутствию в нем статера 326/327 г. н.э. (Яжецки 2014, 133–189). Возможно, ему синхронен Таракташский клад, в котором позднейшими монетами были статеры того же года. Не исключено, что оба комплекса относятся к 327 г. н.э.,

как и Феодосийский клад. В том же году варвары также переправились через Керченский пролив и разорили ближайшие укрепления в районе современного пос. Ильичевка. Об этом свидетельствуют как дата клада с Ильичевского городища 1977 г., так и нумизматический материал из слоя пожара расположенной рядом «батарейки», где был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монетами из которого были статеры Рескупорида VI 327 г. н.э. (Голенко, Сокольский 1968, 87).

Какие-то набеги сармато-аланов и германцев с Меотиды в 334–336 гг. привели к перерыву в чеканке в 334–335 гг. и тезаврации кладов на Керченском и Таманском п-овах в 336 г. н.э. (клады из Китея 2012 г., Батарейки 1976 г. и Патрея 1951 г.). Свидетельства эпиграфических источников (КБН 1112), перекрываемые нумизматическими данными, подтверждают предположение о трудной борьбе боспорцев с варварами в 335–336 гг. н.э., завершившейся их победой и продолжением эмиссий в 336 г. н.э. (Фролова 1997, 137–138).

Следующая волна набегов приходится на 337–341 гг. н.э. и охватывает обе части Боспора. Следствием ее были сначала трехлетний перерыв в чеканке в 337–340 гг., а затем внезапное полное прекращение ее в следующем году. Повсеместно найдены клады с монетами 341/342 г. н.э., как на Европейском Боспоре (клады из Тиритаки 1946 г. и Пантикапея 1904, 1995 и 2009 гг.), так и на Тамани (Кепский клад 1962 г.) и в южной приграничной области (район Анапы, Гай-Кодзорские клады 1972 и 1977 гг.).

Итак, массовая тезаврация кладов с монетами Фофорса, Радамсада и Рескупорида VI охватывает вторую половину 320-х – начало 340-х гг. н.э., когда на Боспоре. Это явление могло быть вызвано, несомненно, только внешним фактором, но не херсонесско-боспорскими войнами, а новым нажимом на границы Боспорского царства объединений племен различных этнических групп, в первую очередь сармато-аланов и германских дружин с Меотиды. Внезапное прекращение чеканки на Боспоре находит аналогии в монетном деле греческих городов Империи, также прекративших автономную чеканку из-за неожиданных нападений варваров. Все позднебоспорские клады указанной группы (за исключением кладов с Ильичевкого городища 1975 г. и Ксизово-19А) датируются временем с 326/327 г. до прекращения боспорской чеканки в 341/342 г. н.э. (Фролова 1997, 175) и, следовательно, не связаны ни с гуннским нашествием, ни тем более с византийской эпохой.

Литература

Абрамзон М.Г. 2011. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-

культурный заповедник (2009–2010 гг.) (БИ. Supplementum. 7). Симферополь–Керчь.
Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. I. (1834–2005 гг.) (Боспорские исследования. Supplementum. 2).
Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов, Ю.В. 2002. Клады античных монет на юге России (по материалам Краснодарского края). М.
Абрамзон М.Г., Фролова, Н.А., Куликов, А.В., Смекалова, Т.Н., Иванина, О.А. 2006. Клады античных монет. Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Нумизматическая коллекция. Т. 1. Киев.
Абрамзон М.Г., Кузнецов В.Д. 2014. Клад боспорских статеров III–IV вв. н.э. из Фанагории (2011 год) // ВДИ. 4, 56–86.
Анохин В.А. 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев.
Беккер П.В. 1853. Керчь и Тамань в июле месяце 1852 года // Пропилеи. Т. III. М., 349-382.
Болгов Н.Н. 1996. Закат античного Боспора. Белгород.
Болгов Н.Н. 2004. Между империей и варварами: финал античности на Боспоре // Україїна в Центрально-Східній Европі. 4, 39–76.
Фасмер Р.Р. 1929. Список монетных находок. II // СГАИМК. II, 281–324.
Фролова Н.А. 1983. Клады позднебоспорских монет как источник по истории Боспора III в. н.э. // Труды ГИМ. 57, 3–23.
Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в до н.э. – середина IV в. н.э.). Т. II. М.
Фролова Н.А. 1998: Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. 1, 247–262.
Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н. 2001. Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. 3, 59–85.
Фролова Н.А., Николаева Э.Я. 1978. Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. 39, 173–179.
Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л.
Garnett R. 1897. The Story of Gycia. In: English Historical Review. Vol. XII. New York–Bombay, 102–107.
Голенко В.К. 1999. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // Херсонесский сборник. X, 39–48.
Голенко К.В. 1960. Второй Патрэйский клад монет (1951 г.) // НЭ. I, 223–289.
Голенко К.В. 1967. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1961 г. // ВВ. XXVII, 268–272.
Голенко К.В., Сокольский Н.И. 1968. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. VII, 72–126.

Исанчурин Р.А., Исанчурин Е.Р. 1989. Монетное дело боспорского царя Радамсада // НЭ. XV, 53–96.
Харко Л.П. 1949. Тиритакский клад 1946 г. // ВДИ 2, 73–86.
Харко Л.П. 1968. Монеты из Таракташского клада 1908 г. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. К 100-летию со дня рождения акад. С.А. Жебелева. Л., 284–295.
Люценко Е.Е. 1880. Керчь и Тамань. Некоторые сведения о денежных кладах, найденных в последнее время на Керченском и Таманском полуостровах, а также на юге России // Абрамзон, М.Г., Фролова, Н.А. 2007–2008, 580–596.
Молев Е.А., Буйских А.В. 2012. Отчет о работах Китейской экспедиции в сезоне 2012 г. (Архив НАНУ. № 179/00530).
Мызгин К.В., Бейдин Г.В. 2015. О позднебоспорских монетах на территории Барбарикума // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва – Коломна, 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений. М., 30–32.
Noe S.P. 1937. A Bibliography of Greek Coin Hoards (Numismatic Notes and Monographs 78).
Салов А.М. 1975. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 4, 172–186.
Шелов Д.Б. 1950. Феодосийский клад боспорских статеров // ВДИ 2, 134–139.
Сидоренко В.А. 2011. Керченский клад 2009 г. деградированных боспорских статеров // МАИЭТ. XVII, 458–569.
Стевен А. 1909. Таракташский клад // ИТУАК. 43, 99–101.
Зинько В.Н. 2008. «Готы» в Восточном Крыму // БИ XIX, 129–138.
Зубарев В.Г. 2005. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V в. н.э. // VI Боспорские чтения, 125–127.
Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории (БИ. XII).
Яжецки К. 2014. Клад боспорских монет из Андреевки Северной // Археологические вести. 20, 183–188.

Айбабин А.И.
(Симферополь)

ЕВРЕЙСКАЯ ОБЩИНА В ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ПАНТИКАПЕЕ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ БОСПОРЕ[1]

Столицу Боспорского царства Пантикапей уже в античности нередко именовали Боспором. Например, Демосфен в речи против Лептина (355/354 г.) говорил о «новом торговом порте Феодосии, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора» [Латышев, 1890, с. 365], а Гай Плиний Секунд (между 22 и 24-79 гг. н. э.) в «Естественной истории» писал, что «Пантикапей некоторые называют Боспором» [Латышев, 1904, с. 170]. Также называл город и Зосим, повествуя о набегах германцев на столицу Боспорского царства [Zosime, 1971, I, XXXI.3, XXXII,3, p. 30, 31]. Стефан Византийский (527-565 гг.) использовал два имени Боспор и Пантикапей [Латышев, 1890, с. 256, 257, 264], тогда как другие византийские авторы (Прокопий, Малала и др.) именовали Боспором.

Самыми ранними свидетельствами проникновения евреев на территории Боспорского царства филологи считают семитские имена, выявленные в надписях из греческих городов Боспорского царства, отнесенных ко времени господства в регионе царя Малоазийского государства Понт Митридата VI Евпатора (109-63 гг. до н.э.) Вероятно, первые поселившиеся в захваченных Митридатом боспорских городах евреи были выходцами из понтийских городов Малой Азии [Левинская, Тохтасьев, 1991, с. 118-128. Соломоник, 1997, с. 9,10].

В Боспорском царстве первые иудейские общины образовалась

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время

в середине I в. н.э. Сведения об общинах и молельнях содержатся пяти манумисий 57 г. н.э. - первой половины II в., происходящих из Пантикапея (КБН, № 69-73). В других городах Боспорского царства – Фанагории и Горгипи - найдены манумиссии - 16 г. н.э. - первой половины II в. (Марти, 1935, с. 66-67; Даньшин, 1993, с. 59-65).

В 2007 году экспедиция автора доклада нашла в раскопе в Босфорском переулке в вымостке двора усадьбы рыбака VI – начала VII вв. мраморную плиту с надписью, от которой сохранилось 8 строк, переведенных В.А. Сидоренко [Айбабин, Сидоренко, 2007, с. 121,124].

Судя по содержанию, надпись также является манумиссией, фиксирующей юридический акт совершения в одной из молелен Пантикапея отпуска на волю рабов-язычников при условии их перехода под опеку иудейской общины **(sunagwgh)** и посещения молельни **(proseuch)** (Левинская, 1992а, с. 199; Левинская, 2000, с. 124-126,204; Айбабин, 1999, с. 45-46). Установка надписи означала публичное оглашение воли манумиттора и являлось правовым обеспечением безопасности боспорских вольноотпущенников (Блаватская, 1958, с. 95).

Восстанавливаемый в новой надписи термин **qreptou"**– вскормленники, так же как и в других боспорских надписях, использовался для обозначения рабов, выращенных хозяевами. Слово **proskarterhsi"** означает упорное исполнение каких либо обязанностей, а в данной надписи – усердное посещение молельни. По предположению Б.И.Надэля и поддержавшей его И.А.Левинской, в боспорских манумиссиях в термине **proskarterhsi"** содержалось требование к вольноотпущеннику работать при еврейской молельне (Надэль, 1948, с. 203-206; Левинская, 1992а, с. 199, 200). В последних строчках надписи восстанавливается «»…**sun¼agwgh" twn Ìou[daiwn kai twn q¼eosebwn** - общины иудеев и боящихся бога (благочестивых)». Надпись из Керчи с аналогичным завершением текста впервые опубликована Ю.Ю. Марти: «**sunagwgh" twn Ìoudaiwn kai qeon sebwn** - синагоги иудеев и почитания бога» (Марти, 1935, рис. 6; с. 66-67; КБН, № 71). H. Bellen и B. Lifshitz предложили исправить в конце надписи **qeon sebwn** КБН 71 на **qeo‹nÌsebwn** (Bellen, 1965-1966, S.171-176; Lifshitz, 1969, p. 95-96). По утверждению И.А. Левинской, в результате исправления гарантом акта манумиссии следует считать «общину иудеев и боящихся бога», либо «общину иудеев, которые также являются благочестивыми» (Левинская, 2000, с. 126). Однако, по ее словам, вряд ли община имела два обозначения. Читаемое в последней строчке слово **qeosebwn** - «боящихся бога» или «благочестивых» она считает аналогом терминов, обозначающих в Деяниях Апостолов прозелитов (Левинская, 2000, с. 96). И.А. Левинская сомневается в вероятности существования в Пантикапее второй еврейской общины,

в которую входили язычники-квазипрозелиты (Левинская, 2000, с. 126-128). Публикуемая манумиссия наряду с надписью КБН 71 является эпиграфическим подтверждением существования в Пантикапее иудейской общины прозелитов.

В III-IV вв. в столице царства г. Боспоре еврейские кладбища располагались на городских окраинах. На них прослежен не типичный для евреев Палестины обычай устанавливать надгробия с религиозными эмблемами, возникший у говоривших на греческом языке и по латыни евреев диаспоры под влиянием эллинской традиции. В Керчи один из некрополей выявлен рядом с Павловской батареей. На раскопанном участке открыто более двадцати грунтовых могил, покрытых «необработанными» камнями. Погребенные были ориентированы головами на восток. Какие-либо вещи в могилах отсутствовали. Другой некрополь находился близ лазарета слева от дороги в Керченскую крепость. На территории этих и других некрополей еврейской диаспры найдены надгробия. В центре плит высечены изображения семисвечника - меноры или пятисвечника, или девятисвечника, а по сторонам – шораф (изогнутый рог) и лулаб (пальмавая ветвь). На некоторых надгробиях вырезаны эпитафии на греческом или аналогичные по содержанию двуязычные (на греческом и иврите). Например, в эпитафии из Керчи в греческой надписи сказано: «За упокоение блаженнейшего, мир и упокоение», а в еврейской: «В этой могиле покоится Исаак, память о котором да будет блаженна… юноша…Да пребудет его душа в покое и мире». Д.А. Хвольсон по палеографическим особенностям датировал надписи на иврите III-IV вв. На происходящих с них надгробиях с менорами вырезаны еврейские (Исаак, Самуил, Симон, Шимон), греческие (Агафон, Аристон, Хрестиона), римское (Север) имена. Судя по надписям, боспорские евреи имели и римские и греческие имена (Айбабин, 1999, с. 45,46).

Скорее всего, в городе Боспоре сохранилась еврейская община и в V – первой половине VII в.. Еврей Ананий из Боспора упомянут в граффити из раскопанной в Херсонесе иудейской молельни V в. Вероятно, к раннесредневековому времени относятся хранящиеся в Керченском музее раннесредневековые анэпиграфичные надгробия с менорой. В упомянутом выше раскопе в Босфорском переулке в слое V – VI вв. найдены светильник и фрагменты амфор с изображениями менор.

С захватом в 661-4 гг. города Боспора хазарами начался новый период в истории местных евреев.

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма // Симферополь, 1999.

Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манумиссия из Пантикапея // Боспорские исследования. XVII Симферополь, 2007. С. 121-127

Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. №1.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.

Левинская И.А. Рец. на кн.: Reynolds J., Tannenbaum R. Jews and God-fearers at Aphrodisias. Greek Inscriptions with commentary. Cambridge, 1987 (Cambridge Philological Society. Suppl.V.12) // ВДИ. 1992 №2.

Корпус боспорских надписей. Москва-Ленинград, 1965.

Левинская И. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспры. Санкт-Петербург, 2000.

Левинская И. А., Тохтасьев С. Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Acta associationis internationalis antiqua Balcanica. Serdicae, 1991. Vol.VI.

Марти Ю.Ю. Новые эпиграфические памятники из Боспора // ИГАИМК. 1935. Вып. 104.

Надэль Б.И. Об экономическом смысле оговорки χωρις εις την προσευχην ϑωπείας τε και προσκαρτερήσεως боспорских монумисий // ВДИ. 1949. №1.

Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь-Иерусалим, 1997.

Bellen H. Σunagwgὴ twn Ἰoudaiwn kai qeosebwn Die Aussage einer bosporanishen Freilassungsinschrift (CIRB 71) zum Problem der `Gottfürchtigen // Jahrbuch für Antike und Christezntum. 1965-1966. 8/9.

Lifshitz B. Notes d`épigraphie grecque // Revue Biblique. 1969. 76.

Zosime. Histoire nouvelle / Texte établi et traduit par F. Paschoud. Paris, 1971. Tom I; 1979. Tome II; 1979. Tome IV.

Александрова Н.В.
(Москва)

ПЕРЕПИСКА Ю.Ю. МАРТИ И Л.П.ХАРКО. 1926-1952. (По материалам отдела рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина)

Имя Юлия Юльевича Марти (1874-1959) значимо не только для Керчи и Крыма. Он оказал огромное влияние на становление российской античной археологии. Для многих исследователей, кто начинал свою работу на Боспоре в 1920-х-1930-х годах, Ю.Ю.Марти был наставником и помощником. Дружба и сотрудничество с некоторыми из них продолжалась в течении нескольких десятилетий.

В отделе рукописей ГМИИ, в личном фонде Льва Петровича Харко (1899-1961) сохранилось 40 к Марти за 1926-1951 годы и 104 письма Ю.Ю.Марти за 1926-1952 годы. Л.П.Харко, выпускник отделения истории искусств историко-филологического факультета МГУ, в 1924 г. был принят на должность помощника хранителя античного отдела Музея изящных искусств. В его обязанности входили разбор, описание и хранение нумизматической коллекции музея. Л.П. Харко добился выделения ее в самостоятельный Нумизматический Кабинет, а в дальнейшем организовал в музее отдел нумизматики, который возглавлял много лет. Он стоял у истоков организации археологической работы ГМИИ, инициировал и возглавил первые экспедиции музея в 1927-1930 гг.

В 1924 году Л.П.Харко поступил в аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН. И практически сразу стал активным участником возрождающегося археологического изучения античных памятников юга России. Осенью 1925 года по инициативе аспирантов Института (археологов и искусствоведов) организовался Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов. Руководил Коллективом действительный член Института А.С.Башкиров. В состав вошли аспиранты – В.Д.Блаватский, М.М.Кобылина, С.Г.Матвеев, Л.П.Харко, сотрудники Музея изящных

искусств Н.П.Кивокурцев, Н.М.Лосева. **(Коллектив по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов. НИИАиИ. Выставка материалов Таманской экспедиции 1926 г. РАНИОН, Москва, 1927 – 9 с.)**

В июне-июле 1926 Коллектив провел рекогносцировочную экспедицию по Таманскому полуострову с изучением памятников г. Керчи и его окрестностей. В этой экспедиции Л.П.Харко и познакомился с Ю.Ю.Марти. С 1926 года началась их переписка и сотрудничество. В первом сохранившемся письме от 11 августа 1926, Марти благодарит Харко за рисунок солнечных часов, и пишет, что ничего не имеет против издания мраморной головы архаического стиля из Керченского музея (Ф.34, оп.III, ед.хр.657 л.1)

Керченский музей, отметивший в 1926 году столетие, был научным центром и для Таманского полуострова, т.к. музеи Темрюка и Тамани были еще очень молоды (организованы в 1920, 1921 годах). И Харко обращался за помощью к его директору - Ю.Ю.Марти.

В составе Коллектива по изучению древностей Харко организовал в декабре 1926 топографическую группу, которая поставила своей задачей изучение археологической топографии Керченского и Таманского полуостровов - от фиксации монументальных памятников (городищ, курганов, могильников и т.п.) до прикрепления к месту находок мельчайших характерных памятников. Целью исследования была намечена Фанагория и разрабатывался план стационарного исследования на Сенной. Харко удалось убедить в необходимости организации археологической экспедиции директора МИИ Н.И.Романова. Музей находился в стадии реорганизации – учебный музей слепков с начала 1920-х гг. активно пополнялся коллекциями подлинников. Фонды античного отдела также нуждались в поступлении историко-художественных памятников.

Зимой и весной 1927 года топографическая группа вела активную подготовку к экспедиции. Было задумано создать Летопись работ на Таманском полуострове, по образцу летописи созданной Ю.Ю.Марти о работах в Керчи и на Тамани. **Марти - Харко, 1 марта 1927**, сообщает о наличии в Керченском музее карт Таманского полуострова: «Дюбуа, Ашика, Др.Б.К., Герца, кроме того карта Фелицына, неизданных карт в архиве музея нет»(Ф.34, оп.III, ед.хр. 660, л.1)

С 5 по 18 июля 1927, экспедиция МИИ, самостоятельно и на собственные средства, активно работала над составлением топографической карты центральной части городища (37 чертежей на 15 листах). Археологические разведки дали большое количество подъемного материала (свыше 250 предметов). Получив одобрительные отзывы, Харко приступил к развитию собственно

музейной археологической работы. Осенью 1927 года был создан в музее Кабинет экспедиций. По инициативе Харко 6 декабря того же года при Ученом Совете Музея была избрана специальная комиссия для руководства и контроля над работой экспедиции, в которую вошли – Романов, Харко, Щербаков, Новосадский, Трутовский, Марти, Григоров. (5/5/6/67). Авторитет известных ученых должен был обеспечить поддержку экспедиции МИИ.

Самостоятельность и активность группы Харко вызвали у Башкирова опасения, что Музей перехватывает инициативу – начались взаимные упреки и обвинения. 25 января 1928 г. Харко пишет заявление о выходе из Коллектива, настаивая на предварительных исследованиях и разведках, необходимости использовать весь опыт предыдущих раскопок и о преемственности. Опыт практической работы Харко рассчитывал получить в экспедициях Марти. **Марти - Харко**, 14 декабря 1927 пишет, что согласен принять Харко в качестве практиканта на раскопки Керченского музея - «вы будете нам весьма полезны как художник». Но не может оплатить его работу, просит согласовать этот вопрос с МИИ «В этом году 1927/28 предполагается обследовать Аккосов вал и Нимфей. Задачи весьма интересные и ответственные. Начать придется с июня...» (Ф.34, оп.III, ед.хр.664, л.1 об)

Противостояние Башкирова и Харко привело к созыву Комиссии по согласованию планов археологических работ на Таманском полуострове при Музейном отделе Главнауки НКП. 19 мая 1928 г. было проведено заседание, где в весьма накаленной обстановке обсуждений (вплоть до удаления заинтересованных сторон) Комиссия постановила: запретить раскопки на городище у Сенной, размежевать работы на Таманском полуострове территориально: Музей– к северу и северо-востоку от Сенной, РАНИОН – к западу и югу от этого района, разведки вести лишь в местах сыпей прежних ям или естественных обнажений. (ОР ГМИИ. Ф.5. Оп.5.Разд.1, Д.27. Л.14 об)

Харко, отчасти драматизируя ситуацию, писал Марти 10 июня 1928, что территориальное разделение разведок двумя экспедициями несколько разрушает планы, но дает возможность выполнить его на 75% (ОР ГМИИ. Ф.34.Оп.3.Д.466. Л.1) На это ему **Марти** ответил 17 июня 1928: «Вы напрасно плачетесь. Вас можно поздравить с медленным, но верным успехом. Фактически Вы обладатель второй столицы Боспора. Гордитесь!» (ОР ГМИИ. Ф.34.Оп.3.Д. 668. Л.1)

В 1928-1929 годах несмотря различные трудности экспедиции ГМИИ были проведены, а Марти делился с Харко своими планами. **Марти - Харко**, 2 июля 1929: «... Сейчас мы заканчиваем разведывательные работы на г. Митридат. Открыли большой гончарный завод римского времени, не кустарного характера, а государственного значения.

После 10-го переезжаем в район. Будем скрывать катакомбы и произведем небольшую разведку в городище Китея. Далее предстоит рекогносцировочная деятельность…» (Ф.34, оп.III, ед.хр.674, л.1)

Начало 1930-х годов – сложный период для археологической науки. Прокатилась волна арестов среди археологов. Местным музеям было настоятельно рекомендовано развивать краеведение, отражающее индустриальное развитие. Денег на археологические раскопки не выделяли. **Марти - Харко**, 28 апреля 1931: «Перспектива раскопок наших еще в большом тумане. Какое мнение у, Вас в Москве по этой части. Сейчас мы заняты разворачиванием краеведческого музея в б.Александро-Невской церкви...» (Ф.34, оп.III, ед.хр.681, л.1)

Основной задачей Фанагорийской экспедиции ГМИИ 1930 г., было проведение систематической шурфовки на берегу западной части городища и в юго-восточной его части. Результатом работ стала уникальная находка – гончарная печь. Денежные затруднения не позволили экспедиции Музея провести дальнейшее изучение. Материалы Харко передал Ю.Ю.Марти и В.Ф.Гайдукевичу, научная тема которого была посвящена античным керамическим обжигательным печам. **Марти - Харко**, 1 июня 1931 пишет о том, что неизвестно как будет с раскопками в этом году. «… Очень бы хотелось перебросить раскопки в Фанагорию, чтобы этим летом доисследовать гончарную печь, но к сожалению темна вода во облацех. В июне мрак рассеется и может быть, археологические перспективы улучшатся» (Ф.34, оп.III, ед.хр.682, л.1-1об.)

После отказа в экспедиции в 1931 г., Харко стал готовить материалы к изданию и обратился к Марти с предложением издать «Фанагорийский сборник». **Марти - Харко**, 8 ноября 1931. Приветствует идею Харко об издании Фанагорийского сборника, но «Издательские возможности Керченского музея ничтожны, вернее сказать их нет совсем. Но где тот меценат, где то учреждение, которое предоставит нам средства для издания… ГАИМК теперь всесильна в смысле издательства и придется к ним идти на поклон.» (Ф.34, оп.III, ед.хр.684, л.1-2)

В связи со строительством Камыш-Бурунского железорудного комбината «Азовстали» им. Серго Орджоникидзе, археологические раскопки переместились в этот район. **Марти - Харко**, 5 августа 1932 – «Результаты раскопок в Камыш-Буруне весьма солидные: 1) открыта монументальная оборонительная стена города (35 м. дл), 2) расчищены рыбозасоличьи промыслы (16 ванн), 3) открыт древний колодец. На Тамани в этом году никаких раскопок нет» (Ф.34, оп.III, ед.хр. 687 л.1)

В начале 1930-х годов положение Харко в музее осложнилось. Личный конфликт с В.Д.Блаватским привел к тому, что Харко был фактически отстранен от археологии. Марти призывал столковаться

и даже предлагал ему место краеведа в Керченском музее. Харко ходатайствовал о другой кандидатуре. **Марти - Харко**, 30 декабря 1933: «Обращаюсь к Вам по очень важному для нашего музея вопросу. Ваши столичные музеи в общем все коммунизированы. Очередь подходит к провинциальным музеям. Я, очевидно должен принять меры самые срочные в этом направлении. Речь идет о кандидатуре краеведа. Тов. Петров о котором вы написали, по всем данным очень подходящий для нас человек, но я до сих пор ничего не знаю о его партийности. Если он не партиец и не комсомолец, то к глубочайшему сожалению, я не смогу взять его на службу. Если я не подберу сам, то очевидно мне подберут подходящее лицо…Но необходимо иметь знающего научного работника…Если он соответствует предъявленным сейчас политическим требованиям, то пусть напишет мне...» (Ф.34, оп.III, ед.хр.694 л1, 1об)

1934 год был очень нелегким для Керченского музея. Марти отчаянно добивался средств на экспедицию, обращаясь во все инстанции, даже в Комитет по новостройкам. Музей активно политизировался вышестоящими органами. Марти - Харко, 24 марта 1934: «Долго не отвечал Вам на Ваше послание – причиной тяжелые переживания. Музей наш попал в полосу обследований и ревизий. Был у нас начальник музейного отдела НКПР Крыма, поручил нам завершить реэкспозицию Музея, и в самом срочном порядке. Занялись этим делом. Затем начался разбор дела нашего служащего при Митридатском музее, который стал вести какие-то антисоветские беседы, переходя от античной торговли к современной кооперации «не дающей ему возможности приобрести ботинки». На вопрос посетителей сбылись ли проклятия Сорака, он не смущаясь заявлял: «Конечно сбылись! Посмотрите на базар – ничего не купите!» Пришлось его снять, т.к. о подобных беседах немедленно сообщили в культ-проп. На окончательном разборе дела Ст.Павл. увлекся – очень некстати, ролью защитника, т.е. будучи предс. МК, искривил основную линию. Назначить обследование Музея и выявить, что там за научные работники – такова резолюция Президиума Союза. Все довольно неприятные вещи, которые надо пережить» (Ф.34, оп.III, ед.хр.698,л.1)

На 1934 г. была объявлена единая Керченская экспедиция ГАИМК и Керченский музей был в нее включен. Но идеологический фронт надвигался все мощнее. **Марти - Харко**, 12 ноября 1934. Просит помочь достать материалы для выставки к 55-летию Сталина, которую обязали сделать Керченский музей. Сходить в музей Революции – добыть копии фотографий «Сталин мальчиком, мать Сталина, Сталин в подполье и т.д.», сборник сталей к 50-летию, популярные издания «Ведь поймите же, в проклятой Керчи ничего

нельзя достать: ни книжки, ни портрета… Археологическая выставка наша вышла бледной, т.к. только Лазарь Моисеевич сдержал слово и выслал фотографии. Виктору Францевичу не до нас… В общем это заговор против Керченского музея… Сейчас занят восстановлением Керченского отделения общества по изучению Крыма…» (Ф.34, оп.III, ед.хр.705,л.1, 1об)

Отстаивание самостоятельности местных экспедиций и интересов местных музеев было крайне важным для Марти. Ему очень импонировала идея Харко создания стационарных круглогодичных археологический станций. Харко помогал Марти и словом и делом. Не только доставал материалы для Сталинской выставки, подготовка к которой очень затянулась, в связи с решением местных властей преобразовать ее в выставку истории партии. В 1934-1936 годах, Харко как столичный музейный работник, обивал пороги музейного отдела Наркомпроса РСФСР, добиваясь выделения средств Керченскому музею и его экспедиции.

Сам при этом не терял надежды вернуться в Фанагорию. Совместная экспедиция ГИМ и ГМИИ состоялась летом 1936 г. без участия Харко. Поддерживающие его Марти и Гайдукевич критически отнеслись к результатам раскопок Блаватского, которые были «недостаточно ярки». Марти Харко, [1936]: «…Подробности нашей экспедиции Вам расскажет Виктор Францевич. Успехи большие, хотя не такие как у Блавацкого, который извлек 40 ящиков черепья из колодца и приобрел такую сноровку в определении древности лака, что ему достаточно лизнуть черепок, и дело готово, анализ сделан. Советую Вам прочесть описание раскопок Фанагории. Оно не принесет славы Вашему музею» (ОР ГМИИ. Ф.34.Оп.3.Д.717. Л.1-1об).

В 1937 г. Харко продолжал борьбу за Фанагорию. Искал поддержку у местных руководителей археологической работой. Марти - Харко, 8 августа 1937 «Дело, которое Вы задумали совершенно правильное и справедливое. Надо бороться с налетами людей ищущих легкой наживы. Что им Фанагория, Керчь! Им важно побольше набрать ценных вещей и тащить их в Москву. Пора положить конец этим авантюрам! Конечно Фанагория заслуживает устройство там специальной большой археологической базы. – Очень сомнительно, чтобы Исторический музей смог здесь создать базу. На днях напишу Б.В.Лунину в Ростов (возглавлял археологическую секцию Бюро охраны памятников в Ростове-на-Дону) Это дело большое, сразу его не повернешь. Но начать надо...И так, я изложу Вашу точку зрения, начав разговор о Керчи. Представьте себе, недавно узнал случайно, что на Керчь покушается Граков. Удивительное дело! Эти честолюбцы думают только о своей славе! Но эти поползновения мне совсем не нравятся. Я

давно будирую вопрос о раскопках Пантикапея. Но не можем так легко бросить Дию и Мирмикий, как Бл. бросил Ай-Тодор. Раскопки идут с 1 августа и обещают в этом году очень много. Открыт, но не раскрыт храм ранневизантийской эпохи. Есть мраморные колонны с капителями. Это замечательное открытие. У Кивокурцева на раскопках также очень ценное открытие. Найдена мраморная статуя Диониса, правда без головы и ног, но находка на территории Дии уникальная! К сожалению, я настолько занят переустройством краеведческого музея, что не могу полностью отдаться раскопкам. Работают со мной Никахристо и Алла Юлиевна. На другом участке работают Николай Петрович и две студентки.» л.1, 1об, 2. Просит Харко помочь в переустройстве краеведческого музея – обратиться в Музей Революции и Музей Ленина за «революционным материалом по истории партии и эпохи до создания партии. Материал нужно подобрать применительно к Керчи. Нужен материал о народовольце Желябове, но с соответствующими текстами! Сейчас конечно надо сугубо быть осторожным. Далее начало марксизма, период Искры, 1905, 1912, Мировая война, Февральская и Октябрьская революция. Всюду необходимы тексты…Наш парткабинет посоветовал мне обратиться прямо в Музей Ленина….В судьбе Керченского музея ожидаю в скором времени больших изменений. Музей хотят перевести на бюджет РСФСР. Считаю, что музей местного края должен остаться на местном бюджете. Разделение финансовое и административное должно, по-моему, самым благоприятным образом отразиться на судьбах Археологического и Краеведческого музеев. Как бы я радовался, если бы смог Керч. Музей поставить на ноги и на старости лет заняться любимой наукой… и так, помогите, на нашего краеведа я надеяться не могу. Он только знает свою природу: бабочек, змей, лягушек. Приходиться мне полностью взяться за переустройство Музея. Это мой последний долг по отношению к Краеведческому музею. В дальнейшем он должен существовать самостоятельно…» (Ф.34, оп.III, ед.хр.720, л.2, 2об,3)

8 июля 1937 г. Харко получает открытый лист на археологические работы и начинает сбор единомышленников в свой отряд. **Марти-Харко**, 24 июля 1937: «… Я очень рад за Вас, что Вам удалось добиться самостоятельной экспедиции. Не знаю, как квалифицировать подобное отношение к своему собрату научному сотруднику. По-моему, то, что Вы добились, гораздо больше, чем участие в экспедиции. Вы не подчинены контролю сверхученых, а наоборот, можете их контролировать. Конечно, Вашу экспедицию необходимо расширить, так, чтобы Вы могли конкурировать с ними. Во всяком случае, Вы должны ежегодно копать и постепенно расширять раскопки…» (Ф.34, оп.III, ед.хр.719, л.1)

С 1938 Харко больше не ездил на Таманский полуостров, но связи с Марти не терял. Вынужденный перерыв в переписке - 1941-1944 годы. По указанию Комитета по эвакуации Марти участвовал в перевозке имущества и ценностей Керченского музея. 26 сентября 1941 года Ю.Ю.Марти с женой и представителем Керченского горкома ВКП(б) Ф.Т.Иваненковой выехали из Керчи. Они везли 19 ящиков в которых находились наиболее ценные предметы из археологических коллекций, золотые украшения, архив, редкие книги из музейной библиотеки. В дороге Ю.Ю.Марти заболел и был госпитализирован в Краснодарскую больницу. Ценности музея были привезены в Армавир. Поскольку Армавирский музей был эвакуирован, ящики с ценностями из Керченского музея были переданы местному горисполкому и хранились на складе горздрава. В августе 1942 года все погибло во время пожара от взрыва фугасной бомбы во время налета немецкой авиации. Первая весточка от Марти пришла 8 июля 1944. **Марти - Харко**, Благовещенское Кабардино-Балкарской АССР: «Вот уже почти три года, как живу с женой в отдаленном глухом уголку Кабар. Республики, занимаясь учительством. Окунулся в сельско-хоз. Жизнь, доставляющую мне питание огородной культурой. Переписывался с Гайдукевичем. В местном музее, в ст. Каб.р. за отсутствием вакансии не мог устроиться. Тоскую по прежней полнокровной археолог.работе. Хочу устроиться в Нальчике, если не удастся в Крыму. В Керчь был вызван исполкомом, но ликвидируя хозяйство свое опоздал. Прошу Вас побеседовать с зав. краеведч-музейн.отд. в НКПр тов. Маневским о восстановление моем в г.Керчь. Пока что от Комитета по охране памятников искусства послан в Керчь тов. Худяков, думаю временно. Судьба музея печальна: здания сильно разрушены, бесценные сокровища разграблены немецкими фашистами. Всю работу надо начинать сызнова…Хочется с Вами и Гайдукевичем наладить ряд вопросов. Подходит старчество! Пишите о себе, о музейной работе и музейных работниках. Буду очень обязан Вам...Я сильно отстал от музейной жизни» (Ф.34, оп.III, ед.хр.730, л.1)

Действительно старые друзья Марти принялись его спасать. Харко ходил в музейный отдел Накромпроса, но там отказали. Об этом он написал Гайдукевичу, и пришло предложение от К.Э.Гриневича перебраться в Томск на преподавательскую работу. Марти не чая «вырваться из этой дыры и попасть в центр науки и культуры», засобирался, но ехать так далеко не пришлось в 1946 ему удалось устроиться в Херсонесском музее. Проработал там недолго, в сентябре 1947 он с женой был вынужден уехать в Мурманск, где сын его, Ю.Ю.Марти, ихтиолог, возглавлял лабораторию сельди Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и

океанографии. **Марти - Харко**, 20 сентября 1947, Мурманск: «Был в начале сент. В Москве проездом к месту моей ссылки. Иначе не могу назвать Мурманск, куда вынужден был выехать по совету нашего директора Херсонесского музея. Своим необдуманным, а скорее всесторонне обдуманным планом он испортил мне жизнь мою, изгадил ее лишив меня материальных средств, чести научного работника, одним словом загубил меня, поставив меня в такое положение, что мне больше не подняться. Я хорошо помню свое обещание написать Вам о монетных коллекциях Херсонесского музея, но было не этого. Так вот эти сведения…Положение тяжелое! Живу у сына на полном иждивении, но надо иметь свою, хоть маленькую зарплату. Евд. Андр ищет места. Я принимаю меры чтобы увеличить пенсию, но все это делается не по-щучьему велению. Подходит зима. Дают (возможно!) самостоятельную комнату, но надо ее отапливать...» (Ф.34, оп.III, ед.хр.737, 1- 2)

Марти тяготился положением нахлебника, но вскоре пришли хорошие вести. **Марти - Харко**, 13 декабря 1947 «Через мою племянницу до меня доходят слухи, что Виталий Иванович Юдин собирается ко мне обратиться. Мне приятно это слышать! Керчь меня интересует. Интересует и Керченский музей. Интересно знать в каком он сейчас состоянии. Подвигается ли экспозиция? Каков план устройства будущего музея? Остается ли он археологическим музеем или возьмет уклон краеведческий? Написал письмо тов. Юдину с предложением включить меня в общую работу по восстановлению музея» (Ф.34, оп.III, ед.хр.741, л.1) Очень воодушевился, полон планов и надежд. Марти - Харко, 12 февраля 1948, Мурманск. «…Большим счастьем для будущности Керч. Музея считаю возвращение всех музейных экспонатов, украденных фашистскими бандитами...Я недавно пересматривал списки древностей Керчи, отправленных в Армавир Краснодарской области. Если даже половина этих вещей будет доставлена в Керчь, Музей наш почти полностью может быть восстановлен. Я получил точные сведения об этом через В.Ф.Гайдукевича. Надеюсь, что Алексей Степанович Башкиров и Ф.П.Петров помогут восстановить Керченский музей…» (Ф.34, оп.III, ед.хр.743, л1-2)

Хлопотами Юдина, Кряжина и главным образом Гайдукевича Марти получил в 1948 году должность главного хранителя Керченского музея.

В последние годы Марти хлопочет о повышении пенсии, пишет, что снова занялся эпиграфикой, готовит статью о руинах древнего храма Деметры… Переписка оборвалась в 1952. В 1959 не стало Юлия Юльевича, а в 1961 – Льва Петровича.

Эти 144 письма вмести в себя очень многое – историю двух музеев, историю раскопок, историю страны, и судьбы двух людей, преданных своему делу.

Алексеенко Н.А.
(Севастополь)

Г. ШЛЮМБЕРЖЕ, Б.А. ПАНЧЕНКО, Н.П. ЛИХАЧЕВ и др.: ЗАРОЖДЕНИЕ БОСПОРСКОЙ СФРАГИСТИКИ И ПРОБЛЕМА ВИЗАНТИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ НА БОСПОРЕ

Вопрос о существовании византийской администрации на Боспоре с первых моментов возникновения интереса к средневековой истории этого региона всегда находился в поле зрения исследователей. Однако источники сохранили для нас ничтожно малое количество свидетельств по данному вопросу. И очевидно в дальнейшем мы можем рассчитывать здесь лишь на помощь данных памятников археологии, ведущее место среди которых наряду с возможным обнаружением каких либо новых эпиграфических свидетельств, безусловно, займут моливдовулы - беспристрастные источники исторических реалий, свидетелями которых они являлись, отражающие истинное положение своих владельцев в византийском государстве и обществе и тем самым показывающие роль и значение местного status quo для империи.

Напомним, что в традиционных письменных источниках IX-X вв., в которых перечислен многочисленный бюрократический аппарат империи представители боспорской администрации никак не обозначены. Их нет ни в Тактиконе Успенского (842-843), ни в «Клиторологии» Филофея (899), ни в Тактиконе Бенешевича (934-944) [Oikonomides, 1972]. Та же ситуация и с нарративными памятниками. Означает ли это, что собственного аппарата управления или представителей центральной администрации на Боспоре до середины X в. не существовало?

Но как известно, заинтересованность Византии в этом стратегически

важном регионе, контролировавшем внешнеполитическую обстановку на северных границах империи, источники отмечают начиная уже с VI столетия [Прокопий, 1939, с. 249; Латышев, 1894, с. 657; Латышев, 1895, с. 56-60; Сборник греческих надписей, 1896, с. 98-105]. И если вспомнить херсонского дуку Евпатерия, проводившего на Боспоре фортификационное строительство при императоре Маврикии Тиберии [Латышев, 1906, с. 662-672], то можно предположить, что эта территория все время, находясь в ареале византийских интересов в Таврике, оставалась в подчинении херсонских правителей. Однако изменение политической обстановки на полуострове с приходом хазар, очевидно, внесло свои коррективы в сложившуюся обстановку и, видимо, говорить о присутствии представителей византийской администрации здесь в VIII-IX вв, а возможно и до середины X в. у нас нет оснований. В историографии данный период обычно обозначается как протекторат Хазарии над Боспором [см. библиографию: Науменко, 2001, с. 346].

Лишь в Эскуриальском Тактиконе (971-975) появляется указание на византийского правителя Боспора, которого издатель памятника (Н. Икономидис) связывает с Боспором Киммерийским. Примечательно, что местный стратиг фигурирует в табели о рангах вместе с правителями других крымских фем – Херсона и Понта Эвксинского (хотя локализация последней до сих пор не определена), стоящих в служебной иерархии на 44-м и 45-м местах соответственно. Однако боспорский в ней занимает лишь последнее 87-е место вслед за Месопотамией Запада [Oikonomides, 1972, p. 268-269$_{17}$]. Не смотря на очевидный незначительный статус боспорского стратига, его присутствие в официальном имперском документе, вне всякого сомнения, говорит о включении этого региона в последней четверти X в. в орбиту византийского административного управления, а, следовательно, мы в праве ожидать и появления здесь соответствующих атрибутов, присущих имперскому бюрократическому аппарату - моливдовулов чиновников.

Тем не менее, до настоящего времени боспорская сфрагистика принесла лишь единичные отрывочные сведения, которые лишь очерчивают лишь круг традиционных вопросов и даже не обозначают возможных путей решения данной проблемы.

Более 120 лет назад, еще на заре византинистики, один из корифеев сфрагистики Г. Шлюмберже обратил свое внимание на моливдовулы причерноморского региона, посвятив им специальную работу, в которой собрал известные в то время немногочисленные печати чиновников Херсона и Болгарии [Schlumberger 1881, p. 136-154]. И даже в его знаменитой «Сililографии» [Schlumberger 1884], представившей моливдовулы из многих регионов империи не нашлось

место для Боспора, который для сфрагистов по прежнему оставался terra incognita. Тем не менее, благодаря упорным поискам спустя десятилетие ученому удалось ввести в научный оборот буллу стратига Боспора, протоспафария Аркадия [Schlumberger, 1895, p. 206-207] и тем самым стать родоначальником боспорской сфрагистики.

Стилистически моливдовул принадлежит памятникам конца X – начала XI вв., что вполне согласуется с данными Эскуриальского Тактикона. Такую датировку памятника, о котором можно судить лишь по рисунку конца XIX в. предусматривают Н. и В. Зайбты [Зайбт, Зайбт, 1995, с. 95].

К сожалению, происхождение моливдовула как в прочем и современное его местонахождение не известно. Г. Шлюмберже лишь пишет, что о печати ему сообщил М. Постоласса, судя по примечаниям о других буллах, видимо, имевший отношение к Афинскому Кабинету медалей.

Спустя некоторое время Б.А. Панченко, публикуя печати коллекции РАИК, привел фрагмент печати, в легенде которой он также предполагал топоним Боспор [Панченко 1908, с. 57, № 144 (148)]. Позже Н. и В. Зайбты высказали мнение о спорном отнесении буллы к местному топониму вследствие ее плохой сохранности и невозможности принадлежности моливдовула стратигу Боспора по причине ее более ранней датировки (сфрагистический тип представлен инвокативной крестообразной монограммой) [Зайбт, Зайбт, 1995, с. 95].

В своей работе австрийские исследователи называют еще одну печать, хранящуюся в Копенгагене, которая возможно принадлежит еще одному стратигу Боспора. Однако до настоящего времени проверить эти данные так и не представилось возможным.

Обнаруженные в последнее время в Судаке и Херсонесе значительные комплексы византийских печатей тоже не сняли завесу таинственности с рассматриваемой проблемы В Сугдее печатей боспорских чиновников пока не обнаружено вовсе, а в Херсоне присутствуют лишь четыре буллы иерархов боспорской епархии – епископа Петра Пистика VII-VIII вв. и архиепископов Луки IX-X вв., Николая и Георгия второй половины X в. [Алексеенко, 2001, с. 131-138].

Впрочем, однажды нам довелось видеть печать боспорского нотария первой половины IX в., найденную в Херсонесе, следы которой затем затерялись. На сегодняшний день ее путь по коллекциям так и не удалось проследить и мы не располагаем, ни ее изображением, ни точным воспроизведением легенды. Тем не менее, ее наличие может свидетельствовать в пользу мнения А.И. Айбабина, что Боспор не только с последней четверти IX в., но, возможно и ранее, уже принадлежал Византии [Айбабин , 1999, с. 222]. К сожалению, те не

многочисленные сфрагистические находки известные к настоящему времени на Боспоре и относящиеся к рассматриваемому периоду также не проливают свет на данную проблему.

Безусловно, находки византийских моливдовулов на территории самого города Керчи так или иначе свидетельствуют о контактах боспорских властей с имперской администрацией. Один из таких примеров–относительнонедавнообнаруженнаяпечатьскрестообразной монограммой имени Максима VII столетия, происходящая со склона горы Митридат. Другой пример - давно известная печать спафария Боспора Георгия Цулы (ГИМ 159), датируемая началом XI в. [Соколова, 1971, с. 70, № 1], дающая основания полагать о наличии в этот период официальной византийской администрации в регионе.

Однако пока более менее определенно мы можем говорить лишь о том, что представители византийской администрации появляются на Боспоре со второй половины X в. Об этом в первую очередь красноречиво свидетельствуют печати боспорских адресантов, представляющих как представителей имперских центральных или провинциальных ведомств, так и высокопоставленных придворных вельмож. Среди них печати стратига Македонии, протоспафария Николая [Лихачев, 1991, с. 149, № 12. М-6260, табл. LXVII, 12], турмарха Готии, императорского спафария Льва [Алексеенко, 2006, с. 566], аристократов Михаила Псилиана, Никифора Ко… (родовое имя которое не полностью сохранилось), а также найденная около крепости Ени-Кале булла XII столетия, со «стихотворной, вычурной» по выражению Н.П. Лихачева легендой [Лихачев, 1991, с. 118-119, № 13. М-8219, табл. LXIV, 13], владельцем которой был известный по письменным источникам Иоанн Ангел (чаще называемый Дукой), сын деспота Константина Ангела и дочери императора Алексея I Комнина Феодоры.

Текст легенды моливдовула говорит сам за себя; он не оставляет сомнений, что отправитель корреспонденции адресовал свое послание только кому-то из высокопоставленных представителей власти в регионе: «Железо на свинце опечатывает власть Иоанна, урожденного Ангела, от отца могучего деспота Константина и порфирородной Феодоры».

Очевидно, еще одним дополнительным подтверждением существования на Боспоре местной администрации являются и находки здесь древнерусских печатей. Видимо, нет оснований сомневаться, что буллы Ратибора, Олега-Михаила и Владимира Мономаха [библиографию см.: Степанова, 2007, с. 365], обнаруженные в районе Керчи, являются свидетельством тесных русско-византийских контактов в XI столетии. Среди удивительных памятников, хотя он

и найден на другом берегу пролива, на Тамани, нельзя не назвать и моливдовул конца X в. с уникальной надписью «для переправы» [Лихачев, 1930, с. 44-45; Степанова, 2007, с. 371-372, № 11], который, скорее всего, намекает на возможное существование на Боспоре некого таможенного пункта, подобного Херсону.

Таким образом, как видим памятники сфрагистики на Боспоре несмотря на их явную немногочисленность все же обладают ценной и полезной информацией о контактах Боспора с центром и охватывают практически весь период византийского присутствия в Таврике.

Вне всякого сомнения, продолжение исследований средневековых объектов, как в самой Керчи, так и ее округе принесут новые интересные открытия, и мы со временем сможем говорить не только о византийском присутствии на Боспоре, но и возможно проследить определенные особенности или специфику административной системы в регионе.

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Алексеенко Н.А. Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сб. научных трудов. Севастополь, Краков, 2001.

Алексеенко Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ 2006. Т. XII (2).

Зайбт Н., Зайбт В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. Симферополь, 1995. Вып. 27.

Латышев В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. 1894. Вып. 1.

Латышев В.В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892-1894 гг. // МАР. 1895. Т. 17.

Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1906. Т. 18.

Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., 1930. Вып. 2.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. М., 1991. Т. 19.

Науменко В.Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС. Симферополь, 2001. Т. 2.

Панченко Б.А. Каталог моливдовулов. София, 1908.

Прокопий Кессарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4.

Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб., 1896.

Соколова И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // Палестинский Сборник. Л., 1971. Т. 23(86).
Степанова Е.В. Византийские печати, найденные в Керчи и на Таманском полуострове, из собрания Н.П. Лихачева // МАИЭТ. Симферополь, 2007. Т. XIII.
Oikonomides N. Les listes préséance Byzantines des IXe et X^{e} siécle. Paris. 1972.
Schlumberger G. Sceaux byzantins le thème de Cherson et la Bulgarie // Mèmoires de la Société Nationale des Antiquares de France. Paris, 1881. T. 42. p. 136-154.
Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. Paris, 1884.
Schlumberger G.L. Mélanges d'archéologie byzantine: monnaies, médailles, méreaux, jetons, amulettes, bulles d'or et de plomb, poids de verre et de bronze, ivoire, objets d'orfèvrerie, bagues, reliquairies, etc. Paris: E. Leroux, 1895.

Рис. 1. Печать протоспафария и стратига Боспора Аркадия (конец X – начало XI вв.) *(по Г. Шлюмберже 1895)*

Анисимова О.С.
(Судак)

ЗАМЕТКИ АКАДЕМИКА П.С. ПАЛЛАСА О ДРЕВНОСТЯХ АНТИЧНОГО, ВАРВАРСКОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМА

Немаловажную роль в изучении прошлого Крыма играют не только исследования остатков материальной культуры, но и сами исследователи. Которые обнаружили, интерпретировали и популяризировали найденное. Особое место в плеяде исследователей

крымских древностей занимает всемирноизвестный академик Петер Симон Паллас (1741 – 1811гг.).

В рамках изучения полуострова с точки зрения разных наук, академик П.С. Паллас особое внимание уделил изучению древностей. Следует отметить, что на момент путешествия ученого, Крым был в некоторой степени со стороны науки Terra inkognita. Помимо фиксации увиденного, П.С. Паллас, опираясь на труды Страбона, Овидия, Плиния Старшого, Константина Багрянородного, локализовал их описания с конкретной местностью. В последующем описания находок стали важной отправной точкой для последующих исследований.

Однако, как таковых, археологических исследований П.С. Паллас не проводил, ценность его деятельности для науки заключается в другом. Он оставил подробное описание культовых сооружений и других остатков материальной культуры, которые исчезли с лица земли раньше, чем появилась археология. Период жизни П.С. Палласа совпал с периодом накопления археологических свидетельств. Его весомый вклад в исследовании России отмечали известные археологи, в частности, профессор Д.А. Авдусин. Археолог И. Шугаев отметил значительную роль П.С. Палласа в становлении Боспорского археологии. Известный исследователь Косцюшко-Валюжинич К. назвал П.С. Палласа первым, кто изучал археологию Крыму.

Среди описаний памятников истории и культуры, зафиксированных в «Наблюдениях, сделанные во время путешествия по южным наместничествам. Русского государства в 1793–1794 годах» нужно выделить несколько групп:

– фортификационные сооружения Перекопа, Арабата, Эски-Сарая, Судака, Феодосии, Балаклавы, Ени-Кале, Мангупа, Чабан-Кале;

– локализация или идентификация античных полисов на Тмутаракани;

– культовые сооружения, созданные представителями разных религий;

– погребальные комплексы;

– системы водоснабжения, колодцы;

– жилые сооружения или их остатков.

Так, П.С. Паллас прямо указывал на места, где необходимо произвести исследования «внутреннего устройства» или найти что-то «закрытое». Позже направлениям, которые он указывал, проводились археологические исследования. Очертил направления необходимого исследования местностей Херсонеса, Мангупа, Гаспры, Ялты, Судака, курганов Керчи, остатков древних полисов. Кроме этого, П.С. Паллас рассказал о сакральных местах, описывал находки из коллекций древностей крымских жителей.

Практически в каждом археологическом исследовании в историографической части непременно найдем имя академика П.С. Палласа, что говорит о важности его исследований в науке.

Антипенко А.В.
(Симферополь)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ[1]

Конское снаряжение – важный элемент материальной культуры кочевников евразийских степей. Состав комплектов конской упряжи, орнаментальные особенности и взаимовстречаемость с другими элементами погребального инвентаря служат для определения хронологического положения комплекса, а также позволяют делать выводы об этнической, социальной и профессиональной принадлежности погребенного.

Большинство исследователей, занимающихся позднесарматской эпохой, согласны с тем, что металлическая уздечная гарнитура представляет собой группообразующий и датирующий материал – М.В. Кривошеев, А.С. Скрипкин, В.Е. Максименко, С.И. Безуглов [Кривошеев, 2004, С.119; Кривошеев, Скрипкин, 2006, С.133; Максименко, Безуглов, 1987, С.190-191; Безуглов, 1988, С. 111-114]. Несмотря на то, что важность изучения этой категории погребального инвентаря неоднократно подчеркивалась, на данный момент не существует ни одной обобщающей работы на эту тему.

Характерные элементы снаряжения верхового коня исследователями определяются несколько по-разному. М.Г. Мошковой в обзоре позднесарматской культуры к их числу были отнесены удила с кольцевидными псалиями с зажимами, стержневидные псалии – S-овидные или прямые с секировидным расширением на концах; секировидные, пропелеровидные, ромбовидные бляшки; пряжки с обоймами; полые серебряные бусы [Мошкова, 1989, С. 198].

В.Ю. Малашев, следом за И.Р. Ахмедовым, к числу наиболее распространенных типов псалий причисляет еще и колесовидные с

[1] Статья написана в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время»

выступом-рамкой на внешней части [Малашев, 2000, С.210]. Кроме того, в статье, посвященной периодизации сарматской ременной гарнитуры, им выделены хронологические маркеры для предметов конской сбруи. В таком качестве выступают бляхи-подвески круглой, овальной или секировидной формы, прямоугольные бляхи с прорезями; кольца-распределители ремней с тремя-четырьмя зажимами, а также в комплектах хронологической группы 3а, изделия, выполненные в полихромном стиле позднеримского времени [Малашев,2000, С.194-232]

Прямоугольные бляхи с прорезями интерпретируются как накладки на нагрудные ремни или конские ошейники. Они обнаружены в четырех курганах Лебедевского могильника [Мошкова,2001, С. 241]; в отдельном захоронении коня из могильника Килин-Яр III [Флеров, Малашев, 2001]; в кургане у с. Оланешты [Курчатов, Бабулич,2003,С.307; Рис.9]; в мог. 1 кургана №4 некрополя Валовый I [Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, С. 97-103].

Конская сбруя, украшенная в полихромном стиле позднеримского времени, отнесена к числу парадного конского снаряжения за богатство и красочность убранства. В ее изучении исследователи коснулись вопросов хронологии [Трейстер, 2004, С. 256-257], классификации и техники изготовлений таких эффектных комплексов как «погребение с Золотой маской» [Шаров. 2012, С. 16-18], Комаров II, Аэродром I [Засецкая, Шаров, 2009, С.62-65]. Проблеме происхождения полихромного стиля посвящено множество работ, их рассмотрение не входит в задачи данного исследования.

Еще одно стилистическое направление в оформлении элементов амуниции верхового коня выделено авторами публикации мог. Валовый I на примере блях-фаларов, украшавших ремни конского убора. Декоративные элементы снаряжения выполненных в особой технике – гладкая бронзовая основа сплошь плакированная золотой фольгой. Выделены разновидности фаларов, схема расположения и приведены комплексы, содержащие подобные конские уборы [Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009. С. 97-103].

Неоднократно в археологической литературе высказывалось мнение, что позднесарматская уздечная гарнитура составляет монолитную стилистико-хронологическую группу. При ближайшем рассмотрении она распадается на ряд вариантов в рамках обширного региона евразийских степей.

Определенной тенденцией последних двух десятилетий стало переосмысление накопленного материала и создание работ по хронологии локальных вариантов археологических культур. Это обусловлено тем, что позднесарматская культура имеет в отдельно взятых регионах массу особенностей, связанных с рядом факторов:

1) возможностью и степенью взаимодействия с более развитыми обществами (греческими городами Северного и Северо-западного Причерноморья) и, в зонах соприкосновения, с оседлым варварским населением; 2) неоднородность кочевнической группировки в этническом плане; 4) территориальная и политическая разобщенность позднесарматского племенного объединения.

Интерпретация комплексов*, содержащих конское снаряжение*

Тезис о том, что в позднесарматское время практически все богатые в вещевом отношении погребения несут отпечаток воинской специфики, без оспаривания принимается практически всеми исследователями, как и тот факт, что в указанный период резко увеличивается количество погребений, в которых находят конское снаряжение.

Состав различных сбруйных наборов сарматского времени показывает, что им придавалось важнейшее значение внешнего социального индикатора. Наиболее точно, на наш взгляд, этот тезис сформулирован С.И. Безугловым: «Представляется, что различия в инвентаре этой группы погребений могут отражать социальную градацию в среде конных воинов, а сходство – качественную однородность социальных функций погребенных» [Безуглов, 1988, С.112]. Появление на значительных территориях от Казахстана на востоке до Подунавья на западе, включая Предкавказье и предгорный Крым, практически синхронных позднесарматских погребений, сопровождающихся оружием и конской амуницией, может свидетельствовать о формирование группы профессиональных воинов – дружинников, а богатейшие могилы этой группы, возможно, следует соотнести с верхушкой военной аристократии.

Представляется весьма интересным мнение М.Г. Мошковой о совпадении распространения богатых всаднических погребений с определенными периодами активизации сарматов, по которым в отдельных случаях можно проследить направление сарматской экспансии.

Таким образом, благодаря обнаружению нескольких ярких и информативных комплексов, которые стали эталонными для определения облика позднесарматской сбруи интерес к этой категории вещевого инвентаря значительно возрос. Были определены морфологические и стилистические особенности деталей конского снаряжения, предприняты попытки реконструкции внешнего облика экипированного коня. Признается роль элементов снаряжения верхового коня в качестве датирующего материала, но детальная проработка по каждой из категории элементов сбруи отсутствует. Несмотря на то, что о стилистике изделий написано достаточно много,

о функциональном назначении тех или иных вещей в силу ряда фактов (прежде всего потому, что взнузданных коней не хоронили) известно не достаточно. Открытым остается вопрос о возможных центрах производства конской амуниции.

Литература

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье//СА. – 1988. - №4. – С.103-115

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). – Ростов-на-Дону, 2009.

Засецкая И.П., Шаров О.В. Декоративные наборы конского снаряжения III-IV вв. н.э.//Сокровища сарматов. – СПб.,2009. – С.62-65

Кривошеев М.В. Хронология позднесарматской культуры Нижнего Поволжья//Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» - Краснодар, 2004. – С. 117 - 126

Курчатов С., Бабулич В. «Сарматское погребение из кургана у с. Оланешты» - 40 лет спустя//Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. – Кишинев,2003 – С. 285 – 312

Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой// СА. – 1987. – Вып. 1. – С.183-192

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени//Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 194-232

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура// Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С.191-202

Мошкова М.Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан)// Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград, 2001. – Вып.1 – С.236 – 249

Мошкова М.Г. История исследований памятников позднесарматской культуры//Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии – Вып. IV. Позднесарматская культура/ отв. ред. И.М. Гарскова – М.: Восточная литература. – 2009

Скрипкин А.С., Кривошеев М.В. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития//РА. - 2006. - №1. - С. 124-136.

Трейстер М.Ю. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи// Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб.,2004. – С. 247-258

Флеров В.С., Малашев В.Ю., Сбруйный набор III в. из могильника Килин-Яр III (Кисловодск)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1 – Донец, 2001

Шаров О.В. К вопросу о «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху// Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы VII Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2011. – С.217-233

Шаров О.В. Пирамидальный склеп №1 по дороге к Царскому кургану, или склеп №1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование//Stratum plus. - №4. – 2012. – С.1 – 35

Безуглов С.И.
(Ростов-на-Дону)

Д.Б. ШЕЛОВ: ТАНАИС И АНТИЧНАЯ НУМИЗМАТИКА

В 2015 г. исполнилось 60 лет с момента основания Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР. За это время каждый год, без единого пропуска или остановки, экспедиция занималась исследованиями Танаиса. Сейчас, в начале седьмого десятилетия исследований города, мы вспоминаем Дмитрия Борисовича Шелова (1919-1993) – человека, основавшего и восемнадцать лет возглавлявшего Нижне-Донскую экспедицию и практически поднявшего Танаис из забвения.

Основным итогом работ первого серьезного исследователя Танаиса - П.М. Леонтьева в 1854 г. было разочарование – памятник, несмотря на значительные вложения трудов и средств, не дал хороших коллекционных вещей. Свои выводы Леонтьев резюмировал в следующем пассаже: «Наш «тихий», «святой» Дон не может соперничать не только с знаменитыми местами нахождения археологических памятников, какие представляют Италия, Греция, Египет, передняя Азия, но и с многими пунктами в нашем отечестве. Ольбия и Херсонес, Керчь и Тамань из мест исследованных или исследуемых имеют над ним несомненное преимущество». Это заключение на столетие

ослабило интерес к древностям Танаиса и исключило его из числа приоритетных объектов южнорусской античности. Начало работ Нижне-Донской экспедиции под руководством Д.Б. Шелова (1955) и основание на территории Недвиговского городища музея-заповедника (Д.Б. Шелов, С.М. Марков, 1961) в корне изменили ситуацию. Первые годы раскопок радикально изменили представления об истории города и во многих отношениях сделали его эталонным памятником. Итоги исследований были подведены в докторской диссертации Дмитрия Борисовича (1968), вышедших в свет в виде двух монографий (1970 и 1972), сохраняющих свое значение и поныне, несмотря на огромное количество вновь полученного материала. Уже на начальном этапе существования Нижне-Донской экспедиции, в сотрудничестве с Д.Б. Шеловым через нее прошли многие исследователи, составлявшие и составляющие цвет советской и российской археологии. Энергия и компетенция Д.Б. Шелова, его настоящая интеллигентность и доброжелательность, безусловно, служили мощным стимулом к росту интереса к нижнедонским древностям античной эпохи.

Личность Дмитрия Борисовича была исключительно многогранной. Его организационная, раскопочная и научная деятельность, связанная с Танаисом всегда сочеталась с другими видами работы, важнейшим из которых всегда было исследование северопонтийских монет. Античная нумизматика Северного Причерноморья всегда была одним из важнейших приоритетов в научном творчестве Д.Б. Шелова. В начале своего пути в науке Дмитрий Борисович сосредоточил внимание на одном из сложнейших ее разделов – автономных монетах Боспора от возникновения чеканки в VI в. до н.э. до вхождения Боспорского царства в состав державы Митридата VI.

Боспорским монетам архаической и классической эпох была посвящена кандидатская диссертация Д.Б. Шелова (1949). Особое значение он придавал исследованию метрологии и системы номиналов раннего боспорского серебра. Актуальными по сей день остаются поднятые Д.Б. Шеловым методические проблемы метрологических исследований. Важным эпизодом деятельности Шелова как нумизмата-античника стало активное участие в подготовке к печати фундаментального труда умершего в блокадном Ленинграде А.Н. Зографа. В конце сороковых –начале пятидесятых годов XX в. в свет выходят несколько работ Дмитрия Борисовича о монетах и денежном обращении Боспора в VI-IV вв. до н.э. В пятидесятых годах в творчестве Дмитрия Борисовича обозначилась еще одна нумизматическая тема, к которой он неоднократно обращался на протяжении многих лет: это сложнейшая история боспорской чеканки периода т.н. денежного кризиса III в. до н.э.

Итогом раннего этапа нумизматического творчества Дмитрия Борисовича стало монографическое исследование о монетном деле Боспора в VI-II вв. до н.э. (1956). Эта книга на многие годы стала одним из основных трудов по боспорской нумизматике. Д.Б. Шелов расширил, развил и скорректировал положения, сформулированные его выдающимся предшественником – А.Н. Зографом. Хронология эмиссий меди IV-III вв. до н.э., предложенная в работе Дмитрия Борисовича, до сих пор остается наиболее аргументированной в сравнении с более ранней схемой А.Н. Зографа и представленной гораздо позже схемой В.А. Анохина. В 1978 г. труд Д.Б. Шелова был издан в Оксфорде, в серии British Archaeological Reports (1978). Важно отметить, что Шелов никогда не считал свои взгляды непререкаемой догмой. В английском издании книги автором помещен специальный раздел примечаний, учитывающий новые материалы, появившиеся со времени первой публикации. Перу Дмитрия Борисовича принадлежит значительное количество публикаций нумизматических материалов, полученных при исследовании многих причерноморских памятников за определенные хронологические промежутки. Публикация непременно сопровождалась комментариями о типологии и хронологии отдельных разновидностей монет, экскурсами в историю денежного обращения.

Уже в пятидесятых годах Шелов стал одним из лидеров отечественной нумизматики. Активно занимаясь проблемами изучения античных северопонтийских монет, он хорошо ориентировался и в других разделах нумизматической науки. Дмитрий Борисович имел вполне определенные представления о состоянии дел в античной, восточной, византийской и российской нумизматике. Много времени и энергии он отдавал и организационным усилиям в области нумизматики. В 1957 г. под редакцией Д.Б. Шелова вышел в свет «Нумизматический сборник» ГИМ, посвященный 100-летию со дня рождения А.В. Орешникова. Особое внимание привлекает его подзаголовок – «нумизматика и эпиграфика». В 1960 г. появился первый выпуск альманаха с таким же названием. На многие годы он стал одним из особо опекаемых детищ Дмитрия Борисовича. Отличительной чертой нумизматических работ Д.Б. Шелова было постоянное обращение к характеристикам денежного обращения на основе конкретных монетных комплексов. Одна из его статей шестидесятых годов подвела итог многолетних наблюдений над особенностями денежного обращения Боспора в VI-I вв. до н.э., основанных на огромном фактическом материале. Особое место в нумизматическом творчестве Д.Б. Шелова занимает изучение монет, полученных работами Нижне-Донской экспедиции. Работы Д.Б. Шелова до настоящего момента составляют основу наших представлений о нумизматике Танаиса. Им были опубликованы

сведения о монетных находках в Недвиговке, определены основные свойства и отличия денежного рынка города в различные периоды его существования. Д.Б. Шелов постоянно использовал нумизматические данные в историко-хронологических реконструкциях. Время подтвердило правомерность многих его наблюдений, другие могут быть уточнены на основе новых находок. Подлинно научное исследование монет Танаиса началось лишь с работ Нижне-Донской экспедиции и всецело является заслугой Д.Б. Шелова. До него в кратких экскурсах, посвящённых монетам, отсутствовали сведения об их принадлежности к конкретным археологическим комплексам. Датирующие возможности рассматривались суммарно. Без преувеличения можно сказать, что именно Шелов сделал танаисские монеты реальным археологическим источником.

Безусловно, Дмитрий Борисович Шелов стал одной из наиболее значительных фигур в отечественной античной нумизматике. Он поднял изучение боспорских монет VI-I вв. до н.э. на качественно новый уровень в сравнении со своими предшественниками, в значительной степени определил перспективы и направления изучения монет Северного Причерноморья на несколько десятилетий вперед. В соответствии с уровнем его эрудиции многие из не упомянутых выше работ представляют собой своеобразный сплав истории, археологии и нумизматики; работы подобного рода становятся все более популярными в последнее время.

Белик Ю.Л.
(Керчь)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИИ НА МЫСЕ АК-БУРУН

В центральной части современного города Керчи располагается два больших по площади мыса - Ак-Бурун и Павловский, на которых сейчас располагается «Комплекс сооружений Керченская крепость» (XIX в.). Эта территория, по сути своей пограничная между Пантикапеем и Тиритакой. Исследование ее позволяет понять особенности взаимоотношений на Боспоре в начальный период колонизации,

разобраться в топографии поселений, некрополей Тиритаки и Пантикапея, детализировать вопросы каботажного плавания и судоходства в целом в Боспоре Киммерийском, а также определиться с вопросами административного управления в Боспорском царстве. Отдельный вопрос связан с локализацией античного города Гермисий.

Одним из первых этим участком заинтересовался Поль Дюбрюкс в 1823-1827 г. Он нашел многочисленные остатки городских стен, башен и жилых застроек. К сожалению, после П. Дюбрюкса по целому ряду причин исследователем не удалось провести комплексные изыскания в это районе.

Вопросы, касающиеся изучения античных поселений и оборонительных сооружений на этой территории относящиеся к этой же исторической эпохе, затрагивались П. Дюбрюксом, А.Е. Люценко, И.П. Бларамбергом, В.В. Шкорпилом, С.А. Шестаковым, Н.Ф. Федосеевым, В.Н. Зинько, Т.Н. Смекаловой, Ю.А. Виноградовым, А.А. Масленниковым и др. Следует отметить, что большой разрыв во времени между научными изысканиями, проводившимися на этой территории после П. Дюбрюкса, не позволяет на данном этапе изучения воссоздать более или менее полную картину расположения античных и средневековых объектов археологии, размещавшихся в районе мысов Ак-Бурун и Павловский.

Отдельно хотелось бы отметить комендантов крепости, в частности А.А. Ната и К.Э. Седергольма, которые в ходе земляных работ выявили и главное передали государству ряд ценных находок.

В разные годы здесь проводили исследования сотрудники Керченского музея (Керченский историко-археологический музей, Керченский историко-культурный заповедник, Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник) Н.П. Кивокурцев, С.А. Семенов, В.Э. Кунин, С.А. Шестаков, В.М. Стародубцев, Н.Ф. Федосеев, В.Н. Зинько, Л.Ю. Пономарев, Д.В. Бейлин, М.А. Котин, Ю.Л. Белик. В ходе работ был собран, описан и реставрирован и передан на постоянное хранение в фонды музеев Крыма, Украины и России ряд уникальных движимых объектов археологии и истории

В ходе работ был выявлен целый ряд объектов археологии: поселения, грунтовые могильники и некрополи, расположенные в районе мыса Ак-Бурун и Павловский. Среди поселений можно выделить: поселение Ак-Бурун I, Ак-Бурун II, Ак-Бурун III. Эти поселения обнаружены в результате археологических разведок, проведенных керченскими археологами в XX и начале XXI века. К сожалению, памятники оказались практически полностью уничтоженными в результате строительства Керченской крепости. Фактически не выявлены некрополи этих поселений. Удается определить границы

поселений. Полноценные комплексные раскопки поселений и некрополей не проводилось.

Из всех перечисленных поселений наибольшую сохранность имеет поселение Ак-Бурун I. Расположено поселение в северо-восточного участка крепостного рва на мысе Ак-Бурун. Поселение было, по всей видимости, впервые выявлено в результате разведок 1823-1826 гг. П. Дюбрюксом. Им были выявлены незначительные фрагменты кладок и керамики. В связи с постройкой крепости «Керчь» данный район был надолго забыт исследователями. И лишь в 1958 г. поселение было вновь выявлено сотрудниками Керченского Государственного историко-археологического музея им А.С. Пушкина С.А. Семеновым и В.Э. Куниным. Исследователи выявили на площади 0,2 га остатки древних построек и многочисленный керамический материал, представленный фрагментами красноглиняной боспорской и светлоглиняной синопской кровельной черепицы, гераклейских, синопских, фасосских, хиосских и др. амфор средиземноморских и причерноморских центров производства позднеклассического и эллинистического времени. Особый интерес представляют фрагменты чернолаковой посуды и простой столовой и кухонной керамики. В особую категорию находок можно выделить куски штукатурки красного цвета. В 1989 – 1991 гг. в районе мыса Ак-Бурун были проведены разведки С.А. Шестаковым, сотрудником Керченского историко-культурного заповедника. С 2011 г. данный объект исследовался силами научно-исследовательского отдела «Керченская крепость» под руководством Ю.Л. Белика.

Поселение требует дополнительных исследований по причине его систематического разрушения под действием эрозионных процессов, которым подвержена вся береговая линия Керченского пролива. Наличие упомянутых исследователями строительных остатков и недавние находки окрашенной штукатурки могут свидетельствовать о наличии здесь остатков сакральных строений или же достаточно богатой усадьбы.

Поселение Ак-Бурун II. Ак-Бурун III исследовались в начале XXI в. В.Н. Зинько, М.А. Котины, Д.В. Бейлиным и др. к сожалению плохая сохранность культурного слоя не позволяет уверенно реконструировать историю этих поселений.

К северу от поселения Ак-Бурун I располагается грунтовый иудейский некрополь С.А. Шестаков предполагает, что территория некрополя расположена между крепостным госпиталем и передовым люнетом, который разрушил некрополь при его строительстве. С севера территория некрополя застроена современным жилым микрорайоном. Исследователи конца XIX – начала XX вв. упоминают о некрополе и надгробных лапидарных памятниках с иудейской символикой. В 2013

г. Беликом Ю.Л удалось обнаружить фрагмент надгробия с иудейской символикой. Однако определить границы иудейского некрополя по кратким и отрывочным сообщениям исследователей невозможно. В настоящее время территория сильно изменена в результате хозяйственной деятельности в период со второй четверти XIX - XX столетий. На предполагаемой территории некрополя проложены грунтовые дороги, посажены лесонасаждения и возведены жилые и хозяйственные постройки и строения. Современная дневная поверхность носит следы плантажной распашки.

Огромный интерес представляет курганный некрополь, который является восточным окончанием Юз-Обинской гряды курганов. До наших дней дошло описание только части погребений этой местности. Крупномасштабные земляные работы, связанные с постройкой Керченской крепости, которые проводились с 1857 по 1877 г., ускорили раскопки курганного некрополя в районе Керченской крепости. Именно в годы строительства найдены и описаны многие захоронения: 1858 г. – Павловский курган, 1862 г. – конская гробница, 1870 – гробница, упомянутая А.А. Люценко, 1874 – 1875 –Ак-Бурунские курганы. К сожалению, именно при строительстве укреплений курганы подверглись разрушениям, так как мешали строительству крепостных зданий. Грунт с этих курганов использовался для отсыпки оборонительных сооружений.

Курганы некрополя Юз-Оба хорошо известны в археологической литературе. Исследования Юз-Обы начались еще в первой половине XIX в. и продолжается и ныне. Среди исследователей XIX - начала XX вв. изучавших курганы хотелось бы выделить А.Б. Ашика, А.Е. Люценко, С.И. Веребрюсова, Н.П. Кондакова, А.А. Бобринского, М.И. Ростовцева и В.В. Шкорпила, Ю.Ю. Марти и др.

Одной из перспективных задач должно стать полное археологическое обследование района мыса Ак-Бурун и Павловского при помощи современных методов исследования и фиксация археологического материала.

Рис.1. Иудейское надгробие. Иудейский некрополь. Керченская крепость.

Бойко А.Л., Толочко И.В.
(Ростов-на-Дону)

КРИМИНАЛЬНЫЙ АНТИКВАРНЫЙ РЫНОК НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: *«agente recitatore»* Ф.С. Романович и *«tombarolo»* А.А. Смычков

Промышленный переворот в России во второй половине XIX в. имел многочисленные последствия, некоторые из них лежали вне экономики или политики. Изменение форм собственности на землю, капитализация отношений в селе и как следствие – сложные демографические и миграционные процессы в самой значительной мере затронули Юг Российской империи. Формирование мощного

региона хлебного экспорта, развитие других обрабатывающих отраслей, связанных с сельским хозяйством, привели к появлению новых промышленно-торговых центров, расположенных на важнейших транспортных коммуникациях. В силу этих причин начинается ураганное развитие Ростова-на-Дону, в 1888 г. выведенного из состава Екатеринославской губернии и включенного в состав Области войска Донского.

Роль Ростова-на-Дону, этакого «Русского Чикаго» (Кроз, 1910), как важнейшего центра торговли и транспортных коммуникаций (железнодорожных и водных) в крупнейшей аграрной области Европейской России явно не соответствовала культурному статусу города. Отсюда особое отношение к духовной жизни общества и известная криминализация почти всех сфер бытия, связанных с финансовым оборотом.

Одним из направлений подобной деятельности (весьма энергичной) стала торговля краденым и поддельным антиквариатом, а также связанные с этим криминальная, «чёрная» археология и подпольная подделка древностей – ювелирных изделий и предметов торевтики. Криминал обеспечивал широкий приток на рынок тех предметов, которые находились в *mainstream* европейской моды на «антики» − моды, переживающей очередной пик на фоне развития европейской археологии во второй половине XIX в. Коллекции античных произведений искусства или нумизматики могли достаточно быстро ввести любого нувориша в круг общения за пределом «общения выше кабацкого». Это формировало не только особый спрос, но и предложение.

Область войска Донского во второй половине XIX в. пережила несколько пиков кладоискательства, связанных с конкретными экономическими и социальными процессами: 1) 1850–60-е гг. – увеличение объема юртовых (войсковых) земель и постепенное сокращение помещичьего землевладения, как следствие – ограничение контроля за разного рода самостоятельными раскопками; 2) 1860–70-е гг. – широкомасштабное дорожное строительство, связанное с отводом земель и привлечением огромного количества пришлых работников; 3) 1880–90-е гг. – холерные и др. эпидемии, низкая товарная конкурентоспособность малых крестьянских хозяйств и, как следствие, поиск дополнительных средств для существования посредством ограбления памятников древности.

Определенное запаздывание общественных процессов в Области войска Донского стало причиной того, что местные кладоискатели всегда были ориентированы на внешние рынки сбыта: Керчь и Одессу. В 1860-е гг. на казачьих землях появляются первые концессионеры,

проводящие раскопки на известных памятниках (Данцигер и Вейерман на Недвиговском и Елизаветовском городищах: «…около 4–5 лет назад рылись здесь… личности еврейские и, конечно, с еврейской целью обрести бочонки с золотом, но так как они таковых едва ли приобрели, то оставили скоро раскопы, даже плохо расплатившись с рабочими» (Хицунов, 1870, л. 64 об.). Изредка следуют обращения в Санкт-Петербург, в Археологическую Комиссию с целью продажи случайных находок, но это скорее исключение из правил. Соответственно, в этот период нет и разветвленных криминальных структур.

С развитием нового экономического центра на Юге России ситуация резко меняется – появляются всевозможные предпосылки для формирования нового центра криминальной активности в сфере оборота «объектов культурного (археологического) наследия». Данное положение было характерно не только для причерноморского региона, общая ситуация в стране потребовала пересмотра законодательства о правах Археологической Комиссии (1889 г.) и заставила обратить ее пристальное внимание к «мирным» коллекционерам.

В 1890 г. в поле зрения Археологической Комиссии впервые попал некий Ф.С. Романович, владелец книжного магазина в Ростове-на-Дону. Тогда, после значительного перерыва в археологических исследованиях, на Дон был послан В.Н. Ястребов, которому кроме производства раскопок в нескольких пунктах ОВД предписывалось «собрать сведения…о частных коллекциях древностей и т.п.» (Предписание В.Н. Ястребову …, л. 3 об.). Ему пришлось увидеть и коллекцию древних монет книготорговца. Первое впечатление оказалось неблагоприятным: собрание было «небольшое, беспорядочное и очень пестрое по составу» (Ястребов, 1890, л. 30).

Поводом для подобного отклика было, вероятно, лишь поверхностное знакомство с собранием и деятельностью книготорговца. Уже через несколько лет Ф.С. Романович упоминается в деле о хищении древних предметов, обладавших значительной культурной и материальной ценностью. Сотрудники созданной в ноябре 1890 г. в Области войска Донского Комиссии по устройству Донского музея инициируют начало судебного следствия о «миниатюрном золотом блюде с драконом» (*Документ 1)*, которое было найдено в х. Недвиговка при самовольных раскопках и продано в Ростов-на-Дону. Информация об этом просочилась в местные газеты и в сентябре 1893 г. начались следственные действия чинов Ростовского окружного начальства *(Документы 2–4).* Расследование показало три непреложных факта: 1) существование квалифицированного перекупщика − Ф.С. Романович активно скупал и перепродавал предметы старины, имевшие, как правило, криминальное либо точно неустановленное происхождение;

2) формирование криминальной сети, стремящейся к легализации, − имена клиентов книготорговец хранил в тайне, но постоянно указывал чиновникам на свою «крышу» − связи с Археологической Комиссией; 3) коррумпированность местного чиновничества (на фоне общего негативного отношения к представителям «ростовской» власти) − представители низшего слоя администрации (атаманы) и жители казачьих хуторов войска (Недвиговского и Синявского) не разглашали «в присутствии» факты незаконных раскопок и продажи древностей.

С 1895 г. имя Ф.С. Романовича неоднократно упоминается в различных документах, имеющих отношение к деятельности Императорской Археологической Комисиии, поскольку через его руки проходят многочисленные находки из драгоценных металлов, происходящие не только из Области войска Донского, но и из Предкавказья (находки из Майкопского отдела Кубанского войска, фалары из Таганрога и др.).

Важным обстоятельством является то, что осторожный книготорговец присылает в Санкт-Петербург не реальные вещи, а их гальванокопии (Алексеев, 1997, с. 29 и сл.). Действительно, было чего опасаться, поскольку только в официальном обороте находилось вещей общим весом более 100 золотников, т.е. около 0,5 кг драгоценного металла. Часть вещей Романовича (и ныне входящих в коллекции древностей, в т.ч. хранящихся в Западной Европе) были признаны подделками. Их особенность заключалась в том, что они были изготовлены из древнего золота, причем ювелиром, знакомым с оригинальными творениями древних мастеров. Тем не менее, примеры подделок древностей, приведенные Д.Р. фон Штерном на X Археологическом съезде (1896 г., Рига), касались лишь Северо-Западного Причерноморья.

Деятельность Ф.С. Романовича контролировалась таким влиятельным в археологии человеком как Н.И. Веселовский, с которым в 1895 г. установились довольно тесные деловые отношения, ставшие прологом к «делу Щульца» − самому скандальному эпизоду в истории Археологической Комиссии.

До 1904 г. Ф.С. Романович выступает посредником при продаже древностей различным организациям и научным обществам России. В списке его корреспондентов кроме Археологической Комиссии, присутствуют и Московское Археологическое Общество и Эрмитаж. Причем его имя упоминается даже на одном листе с Шульцем в «Книге записи кладов» Императорской Археологической Комиссии (см. *Документ 5*):

События 1904 г. хорошо известны (Брашинский, 1967, с. 101–106; Галанина, 1997, с. 16–26): Давид Готлибович (Богомилович) Шульц,

горный техник, активно участвовал в раскопках на Северном Кавказе (преимущественно в Армавирском отделе Кубанского казачьего войска) к которым был привлечен как «исполнитель поручений» Археологической Комиссии по ходатайству Н.И. Веселовского. Своими эффектными находками, представленными в Эрмитаже перед императором Николаем II, Шульц достаточно укрепил свой авторитет и даже был награжден драгоценным перстнем. Однако, по информации, поступившей из г. Ростова-на-Дону от книготорговца Ф.С. Романовича (Письмо Ф.С. Романовича…, л. 64–64 об.), Шульц весной 1904 г. привозил золотые скифские украшения с целью апробирования, переплавки в слитки и дальнейшей продажи. Н.И. Веселовский выехал на Кубань (с посещением Ростова-на-Дону), где провел быстрое расследование этого «дела», изъял у Шульца оставшиеся находки и Открытый лист. Вследствие скандального характера дела, А.А. Бобринской, как председатель Археологической Комиссии не дал ему дальнейшего хода и судебного разбирательства не последовало.

«Замятый» скандал ранее рассматривался лишь с чисто исследовательской (археологической, искусствоведческой) точки зрения. Криминологический аспект при этом практически не был исследован, поскольку не существовало судебного преследования виновных в хищении и уничтожении древностей Келермесских курганов.

Если рассматривать «дело Шульца» в уголовном ключе, то роль Ф.С. Романовича предстает в явно неприглядном виде: это не просто перекупщик древностей, умело играющий на недостатках в работе Археологической Комиссии, но расчетливый криминальный делец («отец» в криминальной терминологии начала XX в.) уничтожающий случайного конкурента и претендующий на особую роль в сохранении древностей Юга России. Причем деятельность Романовича не ограничивалась только археологическими древностями, в его магазине можно было приобрести множество редкостей: письма жены А.С. Пушкина, бумаги Т.Г. Шевченко времен мангышлакской ссылки и др. Книжный магазин в Ростове-на-Дону на ул. Московской, 79 становится публичным местом, куда вхожи представители местной интеллигенции, книгоиздатели, в том числе – друзья А.П. Чехова (Чехов, 1949, с. 341).

Более того, получив целое состояние только на событиях 1904 г., удачливый торговец стал навязывать Археологической Комиссии выполнение некоей «особой» роли на южнороссийских землях *(Документ 6)*. С коммерческой точки зрения такая операция выглядела бы безупречно: в конечном итоге предполагалась практически легальная скупка древних ювелирных изделий у населения по цене «лома» (или менее) и продажа в столицу по стоимости произведений искусства.

Это предполагало бы, как минимум тридцатипроцентное увеличение первоначальной цены. В 1885 г. Московское археологическое общество, конкурируя с Археологической Комиссией, завышало ценность предмета «за археологическое значение» даже до 37,68 % (Письмо о. М. Наумову…, л. 6). Как правило, вещи у непосредственных находчиков скупались за цену в разы ниже даже стоимости лома, поскольку не было возможности определить на месте пробу металла, а зачастую даже отличить золото от латуни или других сплавов.

Именно в это время окончательно оформляется криминальная роль Ф.С. Романовича, которую можно определить как организация криминальных раскопок и скупка краденого с последующей легитимизацией и перепродажей. Примечательно, но этот тип деятельности востребован и сегодня, причем для этого в Италии, одной из столиц подпольного бизнеса используется термин *«agente recitatore»* [Украденные коллекции…].

Финал карьеры удачливого дельца, как и её начало, были связаны с древностями Дона. Археологическая Комиссия не пошла на поводу у Ф.С. Романовича и искомых полномочий в 1905 г. он не получил. Его письмо было лишь заслушано во время одного из заседаний. Бурные события эпохи первой русской революции изменили вектор общественного интереса в сторону политики. Вероятно, в это время Ф.С. Романович и скончался, поскольку в 1908 г. о нем Н.И. Веселовский пишет как об умершем. Однако оставались наследники, продолжавшие, хотя гораздо менее успешно, криминальные мероприятия. Помогало громкое имя и связи в среде грабителей могил. Подпольный бизнес, связанный с торговлей антиквариатом, продолжал оставаться криминальным. Но возможности дальнейшей деятельности неумолимо сокращались, причем с той стороны, которая, казалось, не предвещала беды. Медленный, неуклонный рост числа образованных людей в станицах и хуторах, появление круга лиц (прежде всего из числа сельской интеллигенции), интересующихся историей края и борьба администрации Области войска Донского с кладоискательством (даже чисто декларативно) меняли ситуацию в регионе. Количество самочинных раскопок постепенно сокращалось. Серьезные проблемы были и с исполнителями («счастливчиками» − южнорусское название кладоискателей), причем требовались не просто «иногородние» поденщики, а местные жители богатых в археологическом отношении мест, умевшие наладить общий язык с администрацией, и чьи основные занятия при этом не вызывали явных подозрений. Т.е. представители низших страт криминальной структуры, непосредственные «расхитители гробниц» − *«tombarolo»* в современной итальянской терминологии [Украденные коллекции…].

Ярким представителем этой категории лиц был казак х. Недвиговка юрта Гниловской станицы Ростовского округа Области войска Донского Алексей Андреевич Смычков (в делопроизводстве и научной литературе зачастую употребляется и другой, «местный» вариант фамилии − Смыков). Расследование событий 1908 г. показало умение этого человека не только обнаруживать древние захоронения, но и иметь определенные представления о стоимости найденного. Н.И. Веселовский, лично общавшийся с ним, характеризовал этого человека как «ловкого плута» (*Документ 7*).

Весной 1908 г. на западной окраине хутора Недвиговка казак А.А. Смычков рубил камень и обнаружил богатое погребение (Ушаков 1912, с. 145). Смычкова выследила полиция и, благодаря оперативным действиям полицейского Немищенкова, находки из погребения были конфискованы и переданы хуторскому атаману, а тот их «представил по начальству» (Веселовский 1908, л. 9). В июне 1908 г. в Ростовский округ прибыл из Петербурга член Императорского Археологического Общества профессор Н.И. Веселовский, который приступил к раскопкам некрополя на окраине Недвиговки. Раскоп Веселовского, судя по двум сохранившимся планам (Веселовский 1908, л. 30; ОАК 1913, табл. III), находился к востоку от основного четырёхугольника городища, на краю выступа коренной террасы Мёртвого Донца. Погребения – открытое Смычковым в 1908 г. и обнаруженное им же в Недвиговке годом ранее (*Документ 8*) – располагались поблизости и были, по мнению Н.И. Веселовского, самыми крайними на участке, нетронутыми грабителями (Веселовский 1908, л. 7).

Куда после изъятия в 1908 г. у А.А. Смычкова были переданы и где хранились находки, неизвестно. Спустя два года, 27 октября 1910 г., они были отправлены в Санкт-Петербург в Императорскую Археологическую Комиссию вместе с описью, составленной заведующим Донским музеем Х.И. Поповым (Перечневая опись … 1910, л. 74). В дальнейшем предметы из Недвиговки по ходатайству Войскового Наказного Атамана и Х.И. Попова возвратились в Новочеркасск и поступили на хранение в Донской музей. В 1919 г. во время гражданской войны они были вывезены в Прагу казачьим атаманом А.П. Багаевским (Ильюков 2002, с. 29–30), а после окончания Великой Отечественной войны опять оказались в Новочеркасске.

Когда А.А. Смычков в 1908 г. открыл древнее погребение, рядом оказались посторонние свидетели. Это решило дело, поскольку полностью утаивать сокровище теперь не было возможности. В дело вступили газеты, перепечатывающие (со всевозможными искажениями) информацию о находке. Было начато судебное следствие, которое выяснило, что в 1907 г. другая гробница была

ограблена «чисто». Причем по совету «опытного» казака Гниловской станицы А.А. Пищулина вещи были проданы в Ростов-на-Дону некоему «Романовичу (который) скупает подобные вещи». Прибыль в размере 600 рублей была тут же поделена. Теперь фамилия книжного торговца упоминалась исключительно в отрицательном контексте, причем во всероссийском масштабе.

Важным представляется тот факт, что события в Недвиговке в 1908 г. не нашли окончательной юридической оценки. Все произошло чисто по-российски: используя несовпадение границ административной и правовой юрисдикции, следственное дело было «замотано» между двумя округами Донского войска − Ростовским и Таганрогским. В течение 1908−1909 гг. Н.И. Веселовским были проведены раскопки, фактически завершившие, вплоть до начала 50-х гг. XX в. активную фазу раскопок Недвиговского городища Археологической комиссией как головным академическим учреждением.

Наследники Ф.С. Романовича сделали все, чтобы вывести криминальный бизнес из под удара. Археологической Комиссии не удалось выкупить коллекцию, в которой по оценке Б.В. Фармаковского только золотых предметов было весом на 12 фунтов. Вещи из собрания разошлись по всей Западной Европе и до определенного времени «всплывали» на антикварных аукционах [подробнее: Черненко Е.В., 2000, с.114–118 и др.].

«Страдающей» стороной в этом деле оказался Донской музей в г. Новочеркасске. Поскольку вещи из погребения 1908 г. в итоге оказались в музее, а судебного преследования А.А. Смычкова не проводилось, то его родственники вплоть до 1917 г. года требовали выплаты им «справедливого» вознаграждения за находки. Сохранились документы, уточняющие обстоятельства дела, в том числе и прошение, адресованное Наказному атаману Войска Донского, от казачки Л.В. Смычковой, жены кладоискателя, с просьбой о выплате вознаграждения её мужу, причитающегося за находку [Прошение…1909, л. 76].

Многочисленные упоминания Ф.С. Романовича в делопроизводстве Археологической Комиссии на протяжении 20 лет, показывают ту роль, которую приобрел криминальный антикварный бизнес на Юге России в начале XX в. Суммируя наши данные с опубликованными материалами по другим центрам (Керчь, Одесса) можно говорить о его размахе, сопоставимом с сегодняшней волной «черной археологии» и других направлений профессиональной криминальной активности в сфере оборота объектов культурного наследия (подделка, международная контрабанда, легализации).

Приложения

Документ 1

(*ГАРО, Ф. 55, Оп.1, Д. 640, оп. 1, л. 32*)

Министерство Императорского двора

Императорская Археологическая Комиссия

23 июня 1893 г. С.-Петербург. Здание Императорского Зимнего Дворца

В канцелярию Помощника Войскового Наказного Атамана войска Донскаго

по гражданской части

Вследствие появившегося в газетах известия о том, что недавно при раскопках в местечке Недвиговке г. Ростов найдено миниатюрное золотое блюдо, с изображением дракона, Императорская Археологическая Комиссия, на основании закона (ст. 2318 т. I ч. II Учр. Мин. По 2 прод. 1886 г.) имеет честь покорнейше просить уведомить её, для доклада г. министру Императорского Двора, кем и когда разрешена означенная раскопка и куда поступило найдено блюдо.

Документ 2

(*ГАРО, Ф. 55, Д. 640, Оп. 1, л. 37-37 об.*)

Протокол

Сентября 7-го дня 1893 года заседатель 5 участка Ростовского Округа Аржановский (?), расспрашивал разновременно хуторских Атаманов: хутора Недвиговского Гниловской станицы и хутора Синявского Елисаветовской станицы и многих жителей означенных хуторов, не производились ли в прошлом и нынешнем году раскопок при хуторе Недвиговском и не было найдено миниатюрное золотое блюдо, при чем хуторские Атаманы и жители отозвались, что они ни о каких раскопках кем либо при хуторе Недвиговском и о находке золотого блюда не слыхали и не знают. Учитель Недвиговского приходского училища Константин Митрофанов Сахаров заявил мне, заседателю, что он слышал о находке золотого небольшого блюда и видел таковое лично у владельца книжного магазина Романовича, в городе Ростове на Дону; Романович объяснил ему, что означенное золотое блюдо он купил у какого-то казака, имя и фамилию его не знает, из какого хутора тоже не знает. Я Заседатель лично обращался к Романовичу, просил его разъяснения, который показывал мне небольшое блюдо и объяснил, что об этом блюде знает Археологическая Комиссия, что же касается до того золотого блюда, о котором говорится в отношении

Императорской Археологической Комиссии за № 859; он, Романович имеет тоже частные слухи и сам разыскивает таковое, принимая разные меры к открытию, но не успел и до настоящего времени.

Заседатель Аржановский.

Документ 3

(*ГАРО, ф.55, Д. 640, Оп. 1, л. 37-37 об.*)

В дополнение произведенного дознания.

По поручению Окружного Начальника Ростовского Округа, Помощ. Начальника Округа есаула Черкесова, осматривал 10-го сего сентября, у г-на Романовича, имеющиеся у него, золотое блюдо, приобретенное им, как заявил он в конце марта н[ынешнего].г. , у Еврея, по фамилии его не знает, который приехал из Таганрога и при продаже сказал, что это блюдо будто бы найдено около гор. Керчи. Блюдо это или скорее тонкий чистого золота кружок с загнутыми краями вес 14 золотников, в диаметре 5 ½ дюймов с изображением по середине морского коня с амуром. Кроме того г-н Романович заявил, что он слышал от еврея, фамилия его ему неизвестна, о находке будто бы в Недвиговке миниатюрного золотого блюда с изображением дракона и что это блюдо будто бы продано в гор. Новочеркасске казачьему (?) полковнику и фамилия которого тоже ему не известна.

1893 г. 10 сентября.

Помощ(ник) начальника Ростовского Округа есаул Черкесов

Пометки на документе (чернила):

«… в В Комиссию по устройству Донского музея. Г.[енерал]-м.[айор] Поляков»

«Рисунок блюда г-на Романовича, при сем прилагается. Генерал-майор Поляков».

Документ 4

(*ГАРО, Ф. 55, Д. 640, Оп. 1, л. 37-37 об.*)

(небольшой вкладыш, черновик)

По собранным мною сведениям находка, купленная Романовичем, дошла к нему из Недвиговки, но он так замаскировал сию покупку, что конца найти невозможно.

Х.И. Попов

Документ 5

(Архив ИИМК, Ф.1,Оп.1, Д.1908/54, л.13, 155)

Книга для внесения кладов и коллекций древностей, поступающих в Археологическую Комиссию с 1895 года

№ по порядку	№ дела	Из чего состоял клад	Кем доставлен	Где найден	Вес клада	Время получения	Куда отправлен на хранение
							л. 13
669	72/ 1896	Древние предметы	Ф.С. Романович	В Ростове н/Д, Таганроге и на берегу Кубани		16 февраля	Возвращён
							л. 155
921	32/ 1899	Четыре куска древних золотых украшений весом в 8 зол[отников]	Ф.С. Романович	Приобретены им в Новочеркасске от горцев, приезжавших из Майкопа	8 зол [отников]		Возвращены
924	37/ 1898	Древние предметы	Д.Г. Шульц	При раскопках в Елисаветградской губ.		10 марта	В Тифлисский музей

Документ 6

(Архив ИИМК, Ф.1, Оп.1, Д.1904/9, л. 65–67 об.)

Председателю Императорской Археологической Комиссии

Ваше сиятельство Граф Алексей Александрович!

В виду появления в продаже разных древних вещей и как надо полагать что раскапывают тайком и без всякой научной цели и почему много вещей много пропадают и остаются не найдены в земле так как это делается второпях и пожалуй ночью и борьба с таким злом почти невозможна так как это тщательно скрывается и местные Власти не могут усмотреть в летнюю пору народ занять в поле копанием рвов канав добычей песку и камня и т.п. и даже если пройдёт слух что кто нашёл то на это местными не обращается внимания и избегают ради (*неразборчиво*) и иногда ценные вещи попадают за границу или сплавляются как метал и продаются для работы с ним часто сообщают о таких находках но поехать уговорить и их отослать Арх[еологическую] Комиссию или же в крайности выкупить для Арх.[еологической] Комиссии не удобно так как некоторые Полицейские Власти всякие сообщения частного лица сочтут для себя неудобными если бы Арх.[еологическая] дала мне разрешение о тех находках которые ускользают от Арх.[еологической] Комиссии наводить справки и даже если нужно купить их узнать где найдены не осталось ещё там и в каком положении были и всё это было бы не дорого и много вещей

сохранилось бы все расходы я бы принял на свой счёт за исключением покупок которые Арх.[еологическая] Комиссия могла бы принять и могла бы отказать.

С истинным Почтением Имею быть покорным слугою вашего Сиятельства.

Книгопродавец Фёдор Степанов Романович.

Документ 7

(Архив ИИМК, Ф.1, Оп.1, д.54/1908, л. 8–8 об.)

В Императорскую Археологическую Комиссию (фрагмент)

Посетив 13 июня сего 1908 г. хутор Недвиговку, где ~~виделся~~ (?) с казаком Алексеем Смычковым (или по местному Смыковым) найдены были погребальные предметы, я убедился из расспросов, что это ловкий плут. В прошлом 1907 г. он, ломая камень, нашёл высеченную в скале женскую гробницу с богатыми золотыми вещами, которыя при посредстве других лиц продал в Ростов Романовичу за 600 р. и особо получил 2 р. за бусы. Деньги были поделены между четырьмя лицами. Кажется, было произведено официальное дознание и, если оно сообщено в Комиссию, то думаю, что всех этих лиц следует привлечь к суду (надо написать Атаману, чтобы сообщил результаты дознания и представил вещи). В апреле 1908 г. Алексей Смычков нашёл там же вторую гробницу, мужскую, и конечно, продал бы вещи в Ростов какому бы нибудь торговцу, т.к. Романович уже умер, но Смыкова выследил полицейский Немищенков, отобрал вещи, передал хуторскому атаману, который представил по начальству. Только тогда Смыков заявил о находке, но вещей у него уже не было. Таким образом Смыков, по моему мнению, теряет право на вознаграждение, а таковое придётся дать полицейскому. О том, что Смыков ничего не получит за укрывательство и похищение чужой собственности, я ему объявил (он и не решается препятствовать); он оправдывает свой поступок неведением; но из подробностей дела видно, что он отлично понимал, что делал.

К исследованию местности я уже приступил. Приходится свезти землю, покрывающую скалу, на что потребуется продолжительное время, и тогда может быть обнаружится танаисское кладбище, которое даст интересную добычу.

Н. Веселовский.

18 июня, Анапа.

Документ 8

(ГАРО, Ф. 55, Оп.1. Д. 640, л. 66-66 об.)

Г. Наказному Атаману Войска Донского

ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что древние предметы, найденные крестьянином Смыковым в хуторе Недвиговском и отправленные в Археологическую комиссию при отношении от 27 октября сего года за № 116, ею получены в исправности. Что же касается до вознаграждения за них, то хотя закон и преследует кладоискательство, однако, в видах предупреждения продажи вещей посторонним лицам, в Комиссии установилось правило удовлетворять полностью того находчика, который добровольно представит клад. В данном случае Смыков никоим образом не заслуживает такого снисхождения тем более, что подобную находку древностей в том же месте на земле, принадлежащей обществу хуторян, по имеющимся в Комиссии сведениям, Смыков укрыл и продал собирателю Романовичу в Ростов-на-Дону, причём присвоил себе самовольно покупную сумму, тогда как ему, находчику, могла причитаться только третья часть этой суммы. Со второй находкой поступить также Смыкову не удалось только потому, что за ним следила местная полиция, мерами коей предметы были своевременно отобраны.

При таких обстоятельствах находчик не только утрачивает права на какое-либо вознаграждение, но вещи от него отбираются, и сам он подлежит законному преследованию за неразрешённыя раскопки и за утайку клада, обнаруженнаго на чужой земле.

В виду всего выше изложеннаго вопрос о вознаграждении в ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии не был возбуждаем.

Председатель Комиссии, Гофмейстер Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, А.А. Бобринской.

20 ноября 1910 г.

Литература

Алексеев О.А. 1997. К реконструкции одного утраченного предмета эллино-скифской торевтики V–IV вв. до н.э // Стратум Stratum plus – Петербургский археологический вестник. СПб.− Кишинев. 1997. С. 29–43.

Брашинский И.Б. 1967. Сокровища скифских царей. М. 126 с. с илл.

Веселовский Н.И. 1908. Письмо в Императорскую Археологическую Комиссию // Архив ИИМК РАН. Ф.1/1908, д. 54.

Веселовский Н.И. 1909. Танаис Младший // «Гермес». СПб. № 6 (32). С. 246–252.

Галанина Л.К. 1997. Келермесские курганы. «Царские погребения» раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. Т. I., М. 269 с. с илл., табл.

Ильюков Л.С. 1997. По следам танаисских сокровищ. Ростов-на-Дону. 166 с.
Кроз Э.В. 1910. Ростов-на-Дону и торговля зерном. Париж.
Перечневая опись // Архив ИИМК, Ф. 1, Оп. 1, Д. 54/108, Л. 74.
Письмо О.М. Наумову от 8.01.1885 за №2 // Архив ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, Д. 65/1886, Л. 6.
Письмо Ф.С. Романовича // Архив ИИМК РАН, Ф.1, Оп.1, Д.9 /1904, Л. 64-64об.
Предписание В.Н. Ястребову от 28.06.1890 за № 522 // Архив ИИМК РАН, Ф.1, Оп.1, Д.9 “А”/1890, Л. 21–33.
Прошение Л. В. Смычковой // ГАРО. Ф. 55, Оп. 1, Д. 640, л. 76–76 об.
Украденные коллекции. По следам «черных антикваров». Док. фильм. Реж. Э. Тухарели. 1997. Эфир: 28.03.2015 // интернет-ресурс: http://russia.tv/brand/show/brand_id/59226. Дата обращения: 19.02.2016.
Ушаков И.И. 1912. На раскопках древнего Танаиса // Записки Ростовскаго на Дону Общества Истории, Древностей и Природы. – Ростов-на-Дону. Т. I, 1912. С. 144–147.
Хицунов П.И. 1870. Извлечение из журнала археологических разысканий, произведённых Надв.[орным] Совет.[ником] П. Хицуновым на развалинах древнего Танаиса, близ слободы Недвиговка, обл.[асти] Войска Донского, и около г.[орода] Азова, на основании разрешения Г.[осподина] Председателя Императорской Археологической Комиссии – 16 марта за № 49 и 14 мая 1870 года за № 227 на имя П. Хицунова последовавших // Архив ИИМК РАН, Ф. 1/1869. Оп. 1. Д. 10. Л. 36–41.
Черненко Е.В. Пластина с изображением скифов из собрания Ф.С. Романовича // Музейные чтения. Материалы научной конференции. Киев. С. 114–118.
Чехов А.П. Полное собрание сочинений в 20 томах. Т. XIV. (II. Письма. 1888–1889). М., 1949.
Ястребов В.Н. Отчет об археологических находках в Области Донского войска летом 1890 г. Архив ИИМК РАН, Ф. 1, Оп. 1, Д. 9 “А”/1890, Л. 21– 33.

Бонин А. В., Шаров О. В.
(Москва, С-Петербург)

Н. И. СОКОЛЬСКИЙ И ЕГО БАТАРЕЙКИ
(От укреплений к поселениям)

Феномен крепостей-батареек интересен не только с точки зрения археологии и истории Боспора, но и со стороны своей историографической составляющей. И в самом деле, не одна из групп столь малоисследованных, как и известных едва ли не с позапрошлого века памятников, не порождала столько внимания к себе. И произошло это именно после исследований Н. И. Сокольского.

Поселение Батарейка 1, упоминается такими авторами как П. С. Паллас, Я. М. Лазаревский и В. Г. Тизенгаузен [Герц, 1870, с. 111-112]. То же самое можно сказать и об обследованных в 60-е Н. И. Сокольским Батарейке 2, Ильичевской, Каменной, Красноармейской, Кучугурской, Патрейской батарейках. Исследователи «досокольского периода» честно сообщали о насыщенных материалом римского времени гектарах поселений, более-менее убедительно (на то время) соотнося их с известными из немногочисленных письменных источников населенными пунктами Боспора. Эта же традиция была продолжена и в первой половине XX в. С. Ф. Войцеховским и А. А. Миллером. Не привнесли, в принципе, ничего нового в толкование вышеуказанных объектов и археологические разведки и раскопки Д. Б. Шелова (Ильичевское городище), А. С. Башкирова (Патрейская батарейка). Но именно работы Таманской экспедицией ИА АН СССР, осуществленные в 60-е гг. прошлого века вдохнули новую жизнь в общем-то незаметные до этого поселения.

Нельзя не отметить, что проведенные Н. И. Сокольским в указанный период работы носили, в том числе, и охранно-спасательный характер – на памятнике Батарейка 1 (первая из обследованных исследователем крепостей) в 50-х – начале 60-х укрепление разрушалось береговой абразией и местными жителями, а также были распаханы плантажным плугом весьма насыщенные слои поселения вокруг укрепления на, что, конечно же не могло не привлечь внимания Николая Ивановича. В ходе

работ 1960 г были начаты раскопки разрушающейся части укрепления, а в 1961 г. был обследован распаханный плантажным плугом участок памятника к северу от крепости, раскопана разрушенная распашкой винодельня. Кроме того, по ходатайству руководства экспедиции нераспаханный участок памятника площадью около 2,5 га решением Темрюкского райисполкома был снят с плана плантажных работ, а на территории городища были установлены бетонные тумбы с охранными надписями [Сокольский, 1961, с. 65-66, рис. 184-185]. Так что, упоминая, что открытие крепостей-батареек произошло в результате охранно-спасательных археологических работ, мы не сильно погрешим против истины.

Найденные на территории значительных по античным меркам поселений укрепления, после нескольких статей Н. И. Сокольского и главы в монографии [Сокольский, 1963; 1966; 1967; 1976] «оторвались» от стоявших под их стенами (и даже после их разрушения) поселений и зажили своей собственной жизнью, становясь то крепостями, населенными военными поселенцами, то сигнальными пунктами оборонительной системы.

О факте наличия вокруг крепостей больших поселений со свойственной скорее городским центрам насыщенность слоя находками теперь упоминалось (если упоминалось!) лишь вскользь, для приличия – глиняные крепости на несколько десятков воинов оказались более привлекательной находкой, нежели обширные поселения вокруг них.

Отметим, кстати, и некритичность подхода к материалам из раскопок даже столь любимых историками Боспора крепостям-батарейкам. Ряд сравнительно небольших статей Николая Ивановича, кратко публикующих основные итоги раскопок крепостей-батареек, разошлись практически «на цитаты», а вот сами материалы исследований, в том числе, массовый керамический материал, почти не появлялся поле зрения ученых – датировкам Сокольского доверяли (и доверяют) всецело. К чести Николая Ивановича, отметим, что его датировки находок, сделанные до или во время появления почти всех трудов, используемых ныне при датировке археологического материала, в целом (с учетом неизбежных корректировок), актуальны и поныне [Бонин, 2012].

Переломить сложившуюся однобокую ситуацию, невольно инициированную исследованиями ТААЭ и ее руководителя на основе данных раскопок прежних лет практически невозможно, хотя первые попытки были предприняты одним авторов этих строк и даже замечены научной общественностью [Бонин, 2014; Гарбузов, Завойкин, 2015]. К сожалению, крепости-батарейки после раскопок Н. И. Сокольского практически не исследовались, не вызывали интереса и результаты

разновременных работ на неукрепленной части этих поселений, хотя за прошедшие годы были раскопаны, в общей сложности не такие уж и маленькие площади (так, до сих пор самыми масштабными раскопками неукрепленной части батареек были работы на поселении Красноармейский 1 (Красноармейская батарейка), где 70-80 гг. прошлого века, в различных частях памятника, раскопано в общей сложности 2050 м^2; проводились небольшие раскопки на поселении Береговой 3 и Ильичевском городище (Каменная и Ильичевская батарейки соответственно)).

Нужны были действительно масштабные раскопки хотя бы одного из вышеупомянутых поселений и, в связи с последними политическим событиями, они были осуществлены.

В 2015-2016 гг. на территории памятника археологии ««Городище и поселение Ильичевка» (гос. № 3337) были проведены охранно-спасательные работы, обусловленные строительством объекта «Кабельный переход через Керченский пролив» по титулу «Сооружение электросетевого Энергомоста Российская Федерация – полуостров Крым». Один из ключевых пунктов энергомоста – переходный пункт «Кубань» ныне располагается на территории этого памятника, западнее крепости-батарейки и ее т. н. вала. Общая площадь землеотвода под объекты строительства составила почти 3 га, в ходе работ было заложено и выкопано четыре раскопа. Руководство работ осуществлялось А. В. Бониным и О. В. Шаровым.

Весьма интересные результаты дал раскоп 1[1], разбитый в 100-150 м юго-востоку от крепости, на территории отвода под вспомогательную ЛЭП ПП «Кубань». Здесь обследован многослойный хозяйственный комплекс, который предварительно датируется II-IV вв. н.э.. В состав комплекса входят каменные фундаменты стен и многочисленные хозяйственные ямы и пифосы римской эпохи (на раскопе зафиксировано более двухсот объектов, в основном это хозяйственные ямы). В вышележащих слоях выявлены фрагменты серолощеной керамики, которые можно отнести к эпохе салтово-маяцкой культуры и датировать VII-VIII вв. н. э.

Раскоп 2[2], заложенный в 200 м северо-западнее укрепления, под обследование территории ПП «Кубань», дал не менее интересные результаты. В юго-восточном углу раскопа прослежена мусорная свалка II-III вв. н. э., в центральной и северной частях раскопа на уровне материка прослежены ямы, материал из которых можно отнести к эпохе поздней бронзы. К сожалению, слой, синхронный

[1] Площадь раскопа 2130 м2, начальник Кандауров Д. С.
[2] Площадь раскопа 11268 м2, начальники Колосов С. В. и Ушаков А. М.

вышеуказанным ямам, прослежен не был.

Раскоп 3[3], разбитый в 200 м к западу от батарейки под подъездную дорогу к переходному пункту показал (на части площади) весьма примечательную стратиграфию. По всей видимости, через северную часть раскопа проходила балка, которая на определенном этапе жизнедеятельности городища была засыпана мусорными сбросами, содержавшими в больших количествах золу, раковины мидий, а также многочисленные фрагменты керамики II-III вв. н. э. и прочие находки. Севернее описанной свалки прослежен жилищно-хозяйственный комплекс с хозяйственными ямами и вкопанными пифосами. Южнее зольной свалки прослежена (предположительно) часть некрополя позднеримского времени и эпохи переселения народов.

Нельзя обойти молчанием и находку винодельни в северо-западной части раскопа 3. Комплекс состоял из давильной площадки и трех цистерн. Несмотря на повреждения распашкой, а также окопом военного времени, сохранность винодельни следует признать удовлетворительной: на давильной площадке и в цистернах сохранилось цемяночное покрытие.

Основными датирующими типами тарной керамики для вышеописанных трех раскопов являются светлоглиняные узкогорлые амфоры (типы, «A» «B» «C» «D» «E» и «F» по Д. Б. Шелову), розовоглиняные широкогорлых амфор боспорского производства (типа 83-89 по И.Б. Зеест), оранжевоглиняные и красноглиняные амфоры II-III вв. н. э. (68, 73, 76-77, по И. Б. Зеест; тип 41 по В. В. Крапивиной), светлоглиняные с воронковидным горлом (тип 90 по И. Б. Зеест), коричневоглиняные колхидские амфоры Кх I по С. Ю. Внукову, светлоглиняные южнопонтийские амфоры типов Син II, Син III и С I. Более редкие находки профильных частей импортных сосудов могут датироваться IV-V вв. н. э. (тип 100 по И. Б. Зеест).

Столовая краснолаковая посуда преимущественно представлена формами сосудов, распространенных в II-III веках н. э. Это формы I, II, VI Pontic Sigillata по J. Hayes. Упомянем и краснолаковые глубокие миски, относящиеся к типу I по И.С. Каменецкому[4].

Раскоп 4[5] разбитый на обрывистом берегу Керченского пролива, в зоне нивелировки склона и сооружения инженерной защиты кабельного перехода через Керченский пролив показал едва ли не самые примечательные результаты. В центральной части раскопа

[3] Площадь раскопа 11520 м2, начальник Шереметьев А. Г.

[4] Определение керамики из раскопов 1-3: Долгополова М. С. и Тяпухина А. В..

[5] Площадь раскопа 4975 м2, руководитель и держатель Открытого листа О. В. Шаров.

был открыт каменный фундамент и вымостки двора большой усадьбы размерами 20 х 20 м, состоящей из 5 помещений. Северная часть этой постройки была открыта в 1993 году экспедицией Таманского музея под руководством Э. Р. Устаевой. Рядом с усадьбой тогда же была открыта сильно разрушенная винодельня, часть которой была доследована в этом сезоне. Две новые винодельни были открыты в северной части раскопа. Они были однотипны и состояли из давильной площадки и двух цистерн. Рядом с винодельней № 3 были открыты каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все открытые комплексы датируются узким периодом: I в. до н. э. – I в. н. э.. Удалось выявить в этом сезоне и более ранний слой, относящийся к раннему железному веку. К нему относятся целый ряд комплексов: 8 колодцев и большие хозяйственные ямы глубиной до 4-6 м, в которых встречены лишь лепные чернолощеные сосуды и кости животных. Один из лепных сосудов с петлевидной ручкой, найденный в кладке и засыпи колодца № 5 относится к протомеотскому периоду VIII-VII вв. до н. э.

Подведем некоторые предварительные итоги исследований 2015-2016 гг.

Исследования западной, неукрепленной части поселения дали как ожидаемые, так и неожиданные результаты:

1. Слои I в. до н. э. – I в. н. э., синхронные времени функционирования Ильичевской батарейки, выявлены лишь на береговом раскопе № 4. Там же, вблизи, в 50 м к югу от раскопа А. А. Завойкиным в 1999 году была раскопана усадьба этого же времени. На остальных раскопах ни один комплекс нельзя достоверно датировать этим узким периодом.

2. Слои V-VI вв. н. э., так ярко представленные на самом городище, не выявлены в раскопах к юго-западу и западу от городища. В культурном слое присутствуют лишь немногочисленные фрагменты амфор типа «Делакеу» и несколько фрагментов мисок формы 1 «Pontic Red Slip Ware» по К. Домжальскому, которые могут относиться также и к последней четверти IV в. н. э. Штампованная керамика фокейской и африканской групп V-VI вв. н. э. полностью в керамическом материале отсутствует.

3. Как и предполагалось [Бонин, 2014, с. 85], основное время жизнедеятельности «посада» Ильичевского городища падает на II-IV вв. н. э. Большинство комплексов на раскопах 1, 1А, 2 и 3 относятся именно к этому времени. Эту дату подтверждают и находки многочисленных монет боспорской чеканки, относящихся к эпохе Савромата 1- Рескупорида V(VI).

Таким образом, исследования прошлых лет, а также результаты последних охранно-спасательных археологических работ убедительно свидетельствуют, что рассмотрение крепостей-батареек в комплексе

с окружающими их поселениями если не заставляет пересмотреть некоторые этапы истории Боспора римского времени, то уж точно обогащает наши представления о Боспорском царстве первых веков нашей эры.

Литература

Бонин А.В. 2012. О хронологии амфор из слоя разрушения батареек Фонталовского полуострова // ДБ. 16.
Бонин А.В. 2014. «Неукрепленные батарейки» // ДБ. 18.
Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. 2015. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. 19.
Герц К.К. 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
Сокольский Н.И. 1961. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции в 1961 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 2290.
Сокольский Н.И. 1863. Крепость на городище у хутора Батарейка I // СА. 1.
Сокольский Н.И. 1966. Ильичевское городище // СА. 4.
Сокольский Н.И. 1967. Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 109.
Сокольский Н.И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.

Бутягин А.М.
(С-Петербург)

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ДАНКАНА МАКФЕРСОНА КУРГАНОВ НА МЫСУ АК-БУРУН В КОЛЛЕКЦИИ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ

Факт раскопок, которые производили британские войска на территории Керчи и округи в 1855-56 гг. во время Крымской войны хорошо известен. Этого нельзя сказать о деталях и участках конкретных работ, их результатах, а также о том, где в настоящий момент находятся найденные предметы. Относительно неплохо документированы раскопки, которые производились по инициативе известного врача Данкана Макферсона. Автор работ отнёсся к опубликованию их результатов весьма основательно для непрофессионала. Он сделал несколько сообщений в научных обществах, опубликованных в прессе, а уже в 1857 году издал богато иллюстрированную книгу (McPherson, 1857), в которой собрал множество сведений о древностях Керчи, а также подробно остановился на собственных работах.

Из этого текста становится ясно, что Д. Макферсон производил раскопки в различных местах. Хорошие результаты дали раскопки большого кургана по дороги от Керчи на Ени-Кале, курганной группы, которую он называет «Пять братьев», а также высеченных в скале на северном склоне горы Митридат. Лучше из найденных предметов были опубликованы в книге, причём туда попали даже изображения развалившихся предметов или тех, которые были взяты себе другими участниками раскопок. Естественным образом, в книге отсутствуют точные привязки исследованных объектов и их планы, а те иллюстрации и разрезы, которые присутствуют, часто являются более художественными произведениями, чем научными документами.

В ходе подготовки издания коллекции предметов из раскопок Государственного Эрмитажа авторами были тщательно рассмотрены данные Д. Макферсона и сделана попытка сопоставить их с материалами известными из российских источников. В результате остроумной догадки Ю.А. Виноградова «следует признать, что

Д. Макферсон проводил раскопки курганов, начиная от самого западного и продвигаясь к восточному, т.е. приблизительно также, как это позднее делал А.Е. Люценко. Принципиально важным в этой связи представляется отождествление Пятого кургана Ак-Буруна (по А.Е. Люценко) с Четвёртым курганом «Пяти братьев» (по Д. Макферсону)» (Виноградов, Бутягин, 2014). Таким образом, возникла возможность сопоставления предметов, найденных при разных работах в одном и том же кургане.

Англичанам удалось открыть здесь гробницу, которая была помещена в скальный выступ, обложена камнем и перекрыта плоским деревянным перекрытием. При раскопках были найдены остродонные амфоры (они, естественно, не заинтересовали британцев), бронзовая гидрия, распавшаяся в ходе раскопок и обломки пластин из слоновой кости, видимо, служивших для инкрустации какого-то предмета. Также удалось открыть костяк погребённого, который, судя по компетентному мнению доктора Д. Макферсона, был горбуном.

А.Е. Люценко, производивший раскопки кургана в 1862 году открыл два конских погребения, в одном из которых был обнаружен уздечный набор из бронзы, а также центральную, как он считал, гробницу, с плоской крышей из плит. Перекрытие было разломано, а гробница не содержала никаких находок.

В издании эрмитажной коллекции этот вопрос также обсуждался. Было выдвинуто предположение, что, не смотря на недостаточность описания в книге Д. Макферсона, можно с большой долей уверенности утверждать, что раскопками были открыты две разные гробницы, причём та, которую исследовали британцы, является основной. Тем не менее, был сделан вывод о том, что сходство датировки гидрии (рисунок которой есть в английском издании) и уздечного набора могут свидетельствовать в пользу того, что эти вещи происходят из одного кургана, который датируется в пределах середины – третьей четверти 5 в. до н.э.

Благодаря помощи английского отделения «Клуба друзей Государственного Эрмитажа», а также благожелательного отношения руководства отделения греческих и римских древностей Британского музея мне удалось в декабре 2015 года познакомится с частью коллекции предметов, добытых в Керчи Данканом Макферсоном. Этот процесс существенно упростила открытая база данных музейной коллекции, доступная всем желающим на сайте музея.

В настоящее время в Британском музее числится 227 предметов, переданных туда Д. Макферсоном с указанием, что они происходят из Керчи (следует заметить, что, как это часто принято в музейной практике, под одним номером часто числится несколько предметов,

так что реальное их число выше). В описании к предметам имя дарителя может быть написано в двух вариантах, как MacPherson, и как McPherson, что порождает определённые трудности в поисках. На сайте представлены фотографии меньше половины предметов коллекции.

Естественно, никаких конкретных указаний на место находки в доступных документах не приводится. Но из сравнения с иллюстрациями книги можно узнать некоторые из предметов, в частности, все происходящие из раскопок на мысу Ак-Бурун, а также в кургане по дороге в Ени-Кале. В ходе знакомства с коллекцией удалось внимательно изучить их, а также несколько десятков предметов, открытых Д. Макферсоном при раскопках гробниц на северном склоне горы Митридат, а также непосредственно при раскопках слоёв городища.

В настоящее время бронзовая гидрия (инв. № 1856.10-4.102) состоит из 7 отдельных фрагментов, три из которых соединяются вместе, присоединяясь к горловой части. Все фрагменты покрыты патиной, а обломки стенок гидрии имеют и свежие очаги коррозии. Горло гидрии сохранилось на высоту 8,8 см, диаметр венчика 15,3 см, диаметр в узкой части – 8,6 см. По краю орнамент – овы, сверху над ним линия астрагала. Толщина стенок гидрии в районе горла до 2 мм. Прекрасно сохранились две боковые внутренние ручки (видимо, они выставлялись, так как в каждую вставлены современные винты для крепления). Длина ручек 12, 2 см, диаметр части примыкающей к стенке – 5, 4 см. По всей длине ручки коннелированы, крепления оформлены в виде розеток с лепестками. Ножка в виде поддона имеет максимальный диаметр 14 см. Она оформлена линией астрагала, от которой вниз отходит орнамент в виде лепестков. Сохранилась придонная часть стенок гидрии, которая смыкается, но, в настоящее время, не соединяется с поддоном. Толщина стенок здесь не более ¼ мм. На небольших неподверженных коррозии участках сохранилась лужёная блестящая жёлтая поверхность. Видимо, так прежде выглядели все стенки гидрии. Вертикальная литая ручка не сохранилась, сам Д. Макферсон отмечал, что ее забрал джентльмен, руководивший работами. В целом, гидрия вполне соответствует иллюстрации в книге раскопщика. Нет сомнения в её датировке серединой – третьей четвертью 5 в. до н.э. (Виноградов, Бутягин 2014).

Намного интереснее оказались костяные фрагменты, которые, по информации Д. Макферсона, были найдены в той же самой гробнице. В книге Д. Макферсона и музейном инвентаре материалом пластин указывается слоновая кость, что позволило бы соотнести их со знаменитыми пластинами из кургана Куль-Оба. К сожалению, все эти

предметы изготовлены из качественной, но, без всякого сомнения, не слоновой кости, о чём говорит их цвет, а также отсутствие характерного строения.

Самый крупный резной фрагмент из кости белого цвета зашлифован с лицевой стороны почти до состояния перламутра (Инв. № 1856.10-4.103). Его размер 8,1х4 см, толщина 25-3 см. Кость сложной формы, представляющая собой часть крупной ажурной пластины, к сожалению, обломанной, что не даёт общего представления о её композиции. На лицевой стороне сохранились остатки резного рельефа – крыла (грифона? Эрота?) и рубчики по краю. Пластина крепилась к деревянной основе небольшими гвоздиками, от которых сохранилось три отверстия.

Следующий фрагмент из более рыхлой желтоватой кости размерами 7,2х9 см, толщиной 1,5 мм (Инв. № 1856.10-4.104) был опубликован Д. Макферсоном. Он представляет собой фигурную пластину в виде крыла, вероятно, грифона, по всей видимости, вплетённого в какой-то орнамент. В древности пластина была окрашена. Следует отметить, что небольшой фрагмент, полностью аналогичный одной из деталей этой пластины был приписан к следующему инвентарному номеру. Интересно, что этот фрагмент имел такую же ориентацию, а не зеркальную, если бы речь шла о геральдической композиции.

Под следующим инвентарным номером (Инв. № 1856.10-4.105) числится 36 костяных пластин, при этом две из них соединяются, а одна аналогична пластине рассмотренной выше. Таким образом, получается 34 различных костяных детали. Их толщины меняются от 2,5 до 1 мм, форма и размеры сильно варьируются, но одна черта остаётся неизменной – края чуть завалены вовнутрь из за чего внутренняя поверхность оказывается меньше по площади, чем наружная, а узкие пластины имеют в разрезе характерную трапециевидную форму, с меньшей стороной внизу. Все детали являются частью растительного орнамента, при этом их назначение не всегда можно точно определить. Условно можно разделить их следующим образом: 7 изображений цветков, одна пальметка, 14 листьев различной формы, 12 стеблей. Многие из пластин обломаны, но есть и сохранившиеся чрезвычайно хорошо. На лицевой стороне пластин часто имеется резной орнамент, а также следы красной и, вероятно, белой краски. По всей видимости, пластины складываются в узор, состоящий из пальметок, листьев аканфа и цветков калл. Интересно, что два из цветков разрезаны вертикально посредине, причем представлены только их правые половины, что опять же, как представляется, исключает возможность принадлежности всех частей к одной симметричной композиции. Причины, по которым цветки разделены на две части неясны, возможно,

это связано с их расположением на углу композиции и переходом на другую сторону предмета, который они инкрустировали.

Предназначение пластин является совершенно ясным – они служили инкрустацией для какого-то деревянного предмета, причём все, кроме, может быть самой большой, были помещены в углубления рельефа, вырезанного в деревянной поверхности. Деталей сохранилось относительно немного, и они никак не могут указывать на размер предмета, который украшали. Тем не менее, наиболее предпочтительным является предположение о том, что они являлись частью украшения большого деревянного саркофага, причём самая большая пластина, скорее всего, украшала часть, имитирующую ножку ложа, а костяные орнаменты могли быть расположены длинными линиями по сторонам. Впрочем, реконструкция требует дополнительных уточнений.

Датировка предмета, от которого происходят костяные пластины также не вызывает сомнения. Особенности орнамента могут говорить только о 4 в. до н.э., вероятно, не ранее второй четверти этого столетия, а. возможно и более поздним временем.

В таком случае сразу же становиться заметен большой хронологический разрыв между датировкой конской узды из коллекции Эрмитажа и гидрии с одной стороны и костяных фрагментов с другой. Никакой возможности представить себе эти предметы сосуществующими в рамках одного погребения не имеется. Здесь стоит вспомнить о том, что описания гробниц, открытых в кургане, расходятся. Каменная гробница с сырцовыми стенами более соответствует 5 в. до н.э. и вполне могла содержать гидрию, а также сопровождаться конскими захоронениями. Аналогичные погребения известны, например, в старшей группе Семибратних курганов. Костяные же пластины более соответствуют гробнице с каменным перекрытием, открытой А.Е. Люценко. Не исключено, что эта гробница также была задета англичанами, или они раскопали грабительский выброс из погребения. Причиной, по которым Д. Макферсон описывает гидрию и пластины, как происходящие из одного погребения, является его отсутствие при раскопках (вспомним, что ими руководил «джентльмен», присвоивший себе одну из ручек гидрии. В связи с его занятостью по военным делам, он мог упустить важные моменты устройства курган.

Таким образом, работа с предметами из раскопок одного из курганов на мысе Ак-Бурун, находящимися в коллекции Британского музея, позволяет предположить, что этот курган был сооружён в 5 в. до н.э., а впоследствии использован для захоронения и в следующем столетии.

Литература

Виноградов Ю.А., Бутягин А.М. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II: Курганы на мысе Ак-Бурун. Керчь; Симферополь.

McPherson D. 1857. Antiquities of Kerch, and Researches in the Cimmerian Bosporus. London.

Быковская Н.В.
(Керчь)

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В ГОДЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Годы Крымской войны и связанной с ней оккупацией Керчи стали временем тяжелых испытаний для Керченского музея древностей. Археологические раскопки, которые сотрудники музея вели на Таманском и Керченском полуострове после появления разведывательных судов неприятеля весной 1854 г. были приостановлены. С началом военных действий в Крыму, уже в апреле 1854 года все наиболее ценные музейные предметы были вывезены в Бердянск и сданы на хранение в таможню. Превентивный вывоз ценностей был обусловлен тем, что еще до высадки десанта корабли противника неоднократно появлялись ввиду керченских берегов и даже обстреливали русские батареи. Вторая партия вещей из музея древностей была вывезена в марте 1855 г. [Герц, 1876, с.108]. В этих условиях угрозы, которым подвергались коллекции Керченского музея, были более чем очевидны.

Вероятность высадка войск союзников весной 1855 г. была столь велика, что в марте 1855 г. директор музея А.Е. Люценко в своем письме ходатайствовал о том, чтобы чиновникам, служившим в музее, было дано новое назначение. Такие распоряжения последовали от графа Л.А. Перовского, и в мае А.Е. Люценко был направлен в Екатеринославскую губернию для производства раскопок Александропольского кургана. Помощника А.Е. Люценко – К.Р.

Бегичева откомандировали на Таманский полуостров для раскопок «по мере возможности» [Герц, 1876, с.108]. Решение дальнейшей судьбы К.Р. Бегичева в случае обострения ситуации было возложено на Керчь-Еникальского градоначальника. В отсутствие А.Е. Люценко на его помощника были возложены и обязанности директора музея, которые он должен был исполнять по возможности. Бегичев, а также два чиновника Керченского музея успели до высадки десанта – 5 мая 1855 г.- выехать на Таманский полуостров в район станции Сенной, где для археологических изысканий для Керченского музея имелся казенный дом.

С 6 по 15 мая в районе Сенной сотрудниками музея велись раскопки, начатые еще в 1854 году. После высадки десанта союзников положение «сделалось критическим», раскопки были прекращены, а сотрудники уехали: Я.М. Лазаревский – в Керчь, К.Р. Бегичев – в Ставрополь, Мазиров – в Ростов [Герц, 1876, с.114]. Вместе с Бегичевым в Ставрополь были направлены все архивные дела и большая часть казенного имущества, за исключением инвентаря, использовавшегося при производстве раскопок. Во второй половине 1855-1856 гг. сотрудниками музея раскопки велись кроме Екатеринославской губернии в окрестностях Феодосии [Марти, 1926, с.21-22]. В архиве заповедника, несмотря на утраты времени Великой Отечественной войны, сохранились которые документы, относящиеся к этим событиям, самым интересным из которых является дневник археологических раскопок, предпринятых Керченским музеем древностей в 1851 – 1856 годах [Архив КИКЗ, оп.2, ед.хр.1588] .

Несмотря на то, что наиболее значимые предметы из коллекций Керченского музея были вывезены еще до высадки союзников, в здании музея древностей оставалось немало ценностей, прежде всего, скульптура и надгробия, перемещение которых даже в условиях мирного времени было проблематичным. Кроме того, в здании на горе Митридат находились также типологически известные и наиболее часто встречавшиеся в погребениях боспорских некрополей вещи.

Высадившиеся в Керчи в мае 1855 года в составе англо-франко-турецким десанта военнослужащие не только серьезно повредили здание, где находился музей, но и практически полностью уничтожили хранившиеся в нем коллекции. Об этом писали не только российские периодические издания, в частности газета «Русская пчела». Красноречивое повествование об этих событиях оставил нам очевидец - доктор Д. Мак-Ферсон, занимавший должность главного инспектора госпиталей турецкого контингента и одновременно являвшийся членом Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии. Когда он, будучи вблизи здания музея,

заглянул в распахнутые настежь двери, то увидел, что *«пол музея на несколько дюймов был покрыт осколками разбитого стекла, ваз, урн, статуй, бесценной пылью их содержимого и обугленных остатков дерева и кости вперемежку со свежими щепками из полок. Столов и витрин, где они хранились. Ни одна вещь не могла так сломаться или сгореть, разве что при помощи молотка и поджога. Витрины и полки оторваны от стен, стекло разбито до атомов, а статуи расколоты на кусочки… Поднявшись к полке, где хранились урны, я увидел картину полного хаоса»* [Мак-Ферсон, 2008, с.63].

Вину за разрушение Керченского музея древностей современники возлагали на турецкую часть десанта, хотя, как пишет Мак-Ферсон, *«..вина определенно ложится на цивилизованные государства, офицера и солдаты которых принимали самое активное участие в операциях против врага»*. Оценивая масштаб утраты, он пишет, что, по словам *«русского джентльмена… столь бессмысленно уничтоженная коллекция являлась уникальной, поскольку содержала не только прекрасные образцы … греческого и римского периодов, но и несколько экземпляров скифского, собрать которые еще раз не представляется возможным»* [Мак-Ферсон, 2008, с.63-64]. Относительное представление о масштабах утрат можно составить по книге А.Б. Ашика «Боспорское царство», описывающей главные ценности керченских коллекций к 40-м годам XIX в.

Судьба уцелевших от уничтожения оккупантами ценностей из коллекций Керченского музея древностей известна. В изложении Мак-Ферсона это выглядит следующим образом: *«Великий скульптор ..сэр Ричард Вестмакотт сразу обратил внимание на возможность, представившуюся благодаря оккупации Крыма союзниками, сохранить для Англии то, что осталось после разрушения Керченского музея»* [Мак-Ферсон, 2008, с.69]. По распоряжению военного ведомства Англии было принято решение о передаче в Британский музей уцелевших от разграбления мраморных скульптур, надгробий и других памятников. Для отбора «достойных» памятников была создана комиссия, в которую вошел и доктор Мак-Ферсон. Комиссией из Керченского музея древностей были отобраны около пятидесяти артефактов, которые и перевезли из Керчи в Британский музей. Среди этих памятников находились следующие:

Надгробие Психе, жены Брадака. I до н.э. (K-W., 186.)Было найдено разбитым на две части на г. Митридат 9 октября 1854 г. Бегичевым на северном склоне вместе с еще одной стелой, как следует из рукописного отчета Бегичева, хранящегося в архиве Керченского музея (МФ. 45). Женская фигура на троне со слугой. Нижняя часть вывезена в Британский музей.(3)

Надгробие Кулии, жены Диоскурида. I до н.э. (K-W., 367). нижняя часть стелы с клином для вставки в постамент с надписью. Британский музей.

Фрагмент надгробия Кириайны и Аристагора. I до н.э. (K-W., 368). Сохранилась верхняя часть туловища женщины, голова и правая часть мужской фигуры. описана Ашиком в Боспорском царстве.

Надгробие Гая и матери Василины. I н.э. (K-W., 374). В центре рельеф – мужчина и женщина подают друг другу руки, справа – мальчик в опоясанной куртке и хламиде. Надпись сохранилась плохо, но читается. В Британском музее. Из раскопок Д. Карейши 1842 г.

Надгробие Бакхия, сына Багея. I н.э. (K-W., 541). опубликовано у Ашика в Боспорском царстве. Над квадратной нишей – фронтон с розеткой в центре, гладкий акротерий, по розетке над покатостями фронтона. В центре – двое мужчин, подающих друг другу правые руки: влево – юноша в сапогах, штанах, хитоне, куртке и плаще; вправо – бородатый мужчина.

Надгробие Езуса, сына Аполлонида. (K-W., 611). Найдено на Таманском полуострове до 1793 г. находилось в стене Фанагорийской крепости, откуда было перевезено в Еникале в дом коменданта, где его увидел и описал Паллас

Фрагмент надгробия с изображением всадника (K-W., 681).

Из упомянутых выше памятников отметим первый, найденный в раскопках К. Бегичевым накануне вторжения. Надгробие было найдено за несколько месяцев до неприятельського вторжения - 9 октября 1854 г. на северном склоне г. Митридат в земляной с перекрытием гробницей, на глубине одной сажени от поверхности насыпи. От других захоронений эту гробницу отличал способ перекрытия гробницы, а именно, тремя каменными плитами, составлявшими надгробные памятники «очевидно ей не принадлежащие». [Архив КИКЗ, оп.2, ед.хр. 1588, л.112].

Список вывезенных из Керченского музея древностей памятников известен благодаря документу - хранящейся в архиве заповедника копии инвентарной книги Британского музея, опубликованным каталогам, а также сохранившимся в инвентарной картотеке записям директора музея Ю.Ю. Марти.

В Британский музей кроме этих предметов, хранившихся в Керченском музее, попали и вещи из раскопок курганных некрополей Пантикапея, которые велись под руководством Мак-Ферсона в 1855 г.

Вывоз культурных ценностей из Керченского музея в период военных действий 1854-55 гг. получил негативную оценку современников. Причастность европейских держав к разрушению одного из очагов культуры мирового уровня – Керченского музея древностей - вызвала

осуждение в российском обществе. Впоследствии вопрос о возврате ценностей был поднят российскими юристами, в частности Ф.Ф. Мартенсом. Есть сведения о том, что была предпринята попытка возвратить вывезенные памятники. А инициатива России в созыве и принятии Брюссельской декларации 1874 г., касающейся, в том числе, и сохранения культурных ценностей и учреждений культуры в во время военных действий, учитывала события Крымской войны. Вопрос о судьбе культурных ценностей в военное время поднимался европейскими державами и на Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. Несмотря на принятые дна рубеже XIX и XX векав декларации события Великой Отечественной войны показали, что правовые нормы, касающиеся культурных ценностей, не были урегулированы.

Литература

Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 года. Москва, 1876.

Герц К.К. Археологическая топография Таманского полуострова. Москва, 1870.

Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея. Керчь, 1926.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). Санкт-Петербург, 2002.

Архив КИКЗ, Оп.2, ед.хр.1588 Журнал археологических розысканий Керченского музея древностей. 1851-1856 годов.

Мак-Ферсон Д. Древности Керчи. Перевод с англ. О.Н.Герардини. Симферополь. 2008 г.

НА КИКЗ, оп.5. ед.хр. 133. Ксерокопия инвентарной книги Британского музея.

Вахтина М.Ю.
(С-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ РАСКОПОК КУРГАНА НА ТЕМИР-ГОРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО АРХИВА ИИМК РАН)[1]

Знаменитый скифский курган на Темир-Горе в Восточном Крыму (рис. 1) был исследован в 1869-1870 гг. П.И. Хицуновым и А.Е. Люценко (ОАК за 1869 г., с. XII-XIII; ОАК за 1870-71 гг., с. XX-XXI). Он содержал целый ряд захоронений, относящихся к разным периодам. Самым известным комплексом является основная гробница (Яковенко, 1972, с. 261-265; Вахтина, 1991, с. 4-7; Кузнецова, 2002, с. 81 сл.), в составе инвентаря которой была найдена расписная восточногреческая (милетская) ойнохоя, изготовленная в 650-630 гг. до н.э. (о датировке сосуда см. Копейкина, 1972, с.156; Cook, Dupont, 1998 p. 36, 38; Kerschner, Schlotzhauer, 2005, p. 20).

Дата ойнохои определяет и дату центрального погребения, принадлежавшего к древнейшему «пласту» скифских погребальных комплексов Восточной Европы, а также время возведения насыпи кургана. Инвентарь одного из более поздних по времени погребений, т.н. погребение «богатой скифянки», содержавшего золотые украшения, был введен в научный оборот Э.В. Яковенко (1977, с. 140-145). Этой исследовательнице принадлежит и единственная подробная статья, просвещенная истории исследования кургана на Темир-Горе, в которой на основе изучения архивных материалов была предпринята попытка реконструировать все захоронения, открытые при раскопках этого замечательного памятника (1972). Э.В. Яковенко отметила, что «раскопки проводились со значительными перерывами» (1972, с. 259). В этом, правда, не было ничего необычного. Таким же образом, в несколько приемов, был исследован целый ряд грандиозных курганов

[1] Работа над данной темой ведется при поддержке РГНФ, грант № 15-31-10151.

Северного Причерноморья, в числе которых - Большая и Малая Близницы, курган на Васюринской горе и многие другие. Впрочем, курган на Темир-Горе, значительный по величине, все же уступал насыпям аристократических курганов Боспора IV в. до н.э. Причины, из-за которых этот памятник копался двумя исследователями и в течение двух сезонов, сводились (как это обычно бывает) к целому ряду конкретных обстоятельств. Их последовательность, события, предшествующие и сопутствующие раскопкам, довольно подробно отражены в материалах научного архива ИИМК РАН, к которым мы и обратились.

Личность и биография одного из исследователей Темир-Горы, директора Керченского музея древностей А.Е. Люценко, заслуженно привлекает внимание исследователей, и в настоящее время его деятельность достаточно подробно освещена (Лазенкова, 2001; 2003, с. 23-28; Виноградов, 2009, с. 250 сл.). Другой, П.И. Хицунов, оставил менее яркий след в истории археологической науки. Да и многие вехи его биографии не совсем ясны. Попытки оценить вклад этого исследователя-энтузиаста в изучение природы и истории юга Российской Империи стали предприниматься сравнительно недавно (Коршунов, 2001; Амельченко, 2004, с. 221). Основной его заслугой, очевидно, можно считать описание природных и исторических достопримечательностей Ставропольской губернии (Хицунов, 1841).

В период, предшествующий раскопкам кургана на Темир-Горе, надворный советник Петр Иванович Хицунов находился в отставке, однако, активно проявлял себя на общественном и научном поприще. Сохранилась подробная докладная записка от 18 марта 1868 г. (1868 г., д. 41, л. 10), адресованная директору Керченского музея древностей А.Е. Люценко, в которой П.И. Хицунов выражал желание заняться изучением древностей. Приведем выдержки из этого документа, как нам кажется, прекрасно характеризующие этого разностороннего и любознательного человека.

«Давно заявлял я желание принять деятельное участие в разысканиях древностей и Ваше Превосходительство всегда одобряли мысль мою, содействуя мне опытными советами и руководствами по этой части.

Наднях я узнал, что заведовавший Феодосийским музеем древностей, предположивший с весны нынешнего года производить в окрестностях Феодосии раскопки, - недавно умер[2], а за смертию

[2] Речь идет о директоре Феодосийского музея Н.А. Чекалеве, скончавшемся в марте 1868 г. После его смерти должность директора Музея принял на себя И.С. Безкровный (Тункина, 2011, с. 162), так же, как и П.И. Хицунов, имевший чин надворного советника.

его столь важные для науки изыскания в замечательной местности остаются неисполненными.

Если справедлив слух, что дело находится в таком положении, то я с истинною ревностию любителя готов посветить себя на служение столь полезной отрасли исторической науки. Мне кажется, что я с пользою мог бы заступить должность умершего хранителя музеума в Феодосии, по указаниям просвещенных членов Археологической Комиссии и Вашим руководством заниматься обследованиями Феодосийской почвы.

Имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство не отказать мне в содействии Вашем касательно определению меня в должность хранителя Феодосийского музеума и производства там разыскания древностей.

Касательно вознаграждения мне по означенной должности, на действительной ли это будет службе или частным образом, я совершенно предоставляю усмотрению Начальства… […….]. Надеюсь, что Ваше Превосходительство, зная меня лично, не оставите выразить о мне благоприятного отзыва перед Высшим Начальством. При сем имею честь на обороте сего присовокупить о себе краткие сведения из имеющихся документов, в готовности по первому требованию представить их в подлиннике. Отставной Надворный Советник Петр Хицунов».

Эти «краткие сведения», изложенные в «Записке о надворном Советнике Петре Ивановиче Хицунове» также сохранились в архивном деле. Приведем почти полностью текст этой, как мы сказали бы теперь, краткой автобиографии. Из нее следует, что П.И. Хицунов получил образование «… в Главном Педагогическом Институте по филолого-историческому факультету в 1839 г., где кроме греко-римской словесности слушал лекции о древностях классических у профессоров Грефе и Гримма и проч. факультетские предметы. Поступив затем на службу в Кавказскую Областную Гимназию старшим учителем (и библиотекарем гимназии) по Русской словесности, состоял вообще в Кавказском и Закавказском крае на службе до половины 1850 года в должностях инспектора Инспектора Гимназии, директора Училищ в Кавказской обл. и Черномории и инспктора классов Закавказского Института Благородных девиц. В продолжение своей службы всегда заслуживал отличные отзывы начальства, но по случаю сильного расстройства здоровья должен был оставить оную, прослужа беспорочно по учебному ведомству около 12-и лет, да прежде в общегражданской службе более 8-ми лет; удостоин получить, полную пенсию по учреждениям Государыни Императрицы. Кроме прямых своих обязанностей по службе, Начальству угодно было мне давать

разные другие порученнности – разбор старинных архивов на Кавказе, редакцию Кавказского календаря, редакцию и сотрудничество газет «Кавказа», «Закавказского Вестника» и разработку данных по Истории, Статистике, Географии и Этнографии края, описание городов, Заведование делами Статистического Комитета и т.д. В разных периодических изданиях по означенным частям напечатано довольно моих статей, начиная с 1839 года. И последнее время не оставляю продолжать моих слабых трудов по литературе, сообщая свои описания из путешествий, совершенных мною по разным странам. Обязанным считаю присовокупить, что после поправления здоровья я выслушал курс Медицинских и естественных наук в Медико-Хирургической Академии в С. Петербурге, с половины 1851 до половины 1857 года. Для усиления средств к содержанию себя и совершению путешествий, кроме занятий в периодич. изданиях, время от времени продолжал частно заниматься педагогией, как в С.Петербурге, так и в провинциях, между прочим заведовал Благотворительным Пансионом при Варшавской Русской гимназии и преподаванием учебных предметов в Ставропольской и Черноморской Гимназиях. Петр Хицунов» (1868 г., д. 41, л. 11).

А.Е. Люценко откликнулся на просьбу П.И. Хицунова и рекомендовал его Археологической Комиссии. В 1868-69 гг. директор Керченского Музея занимался раскопками в Керчи и на Тамани (1868 г., д. 41, л. 58-67). Много сил и времени весною 1868 г., очевидно, отнимала у него и конфликтная ситуация с Керчь-Еникальским градоначальником вице-адмиралом А.А. Спицыным – Первым, требовавшем прекращения раскопок на г. Митридат. Документы, направленные градоначальником в Комиссию и ответные пояснительные записки А.Е. Люценко, повествующие об этой достаточно длительной и, по-видимому, неприятной «тяжбе», также хранятся в деле (1868 г., д. 41, л. 15-17; Виноградов, 2009, с. 298-301). В этот период времени директор Керченского музея неоднократно обращался в Комиссию с просьбами о своем увольнении по состоянию здоровья, которое неуклонно ухудшалось (1868, д. 41, л. 13; Лазенкова, 2003, с. 26-27).

Благодаря хлопотам председателя Археологической Комиссии, графа С.Г. Строганова, А.Е. Люценко был предоставлен четырехмесячный отпуск. В письме от 15 апреля 1869 г. (1869 г., д. 7, л. 12), А.Е. Люценко благодарит его за хлопоты, сообщает, что готовится к отъезду и ждет приезда В.Г. Тизенгаузена «для временной передачи ему Музея, что конечно же, было бы удобнее сдачи его больному моему помощнику Ф. Гроссу». В том же письме он упоминает и о П.И. Хицунове, к этому времени, очевидно, активно помогавшему ему в работе. «Относительно П. Хицунова, имею честь доложить, что

уверенный заранее в благосклонности Вашего Сиятельства на мое о нем представление от 7-го февраля, я допустил его к участию в раскопках, которые пока мы производим с ним совокупно, с помощью буровых скважин, в боковых частях полуразрытых курганов, лежащих поблизости от Керчи между селениями: Глинище и Катерлес, причем в случае болезни или дурной погоды, препятствующих мне приезжать на работы, он согласился бескорыстно заменять меня, наблюдая за правильным их производством, при содействии опытных надсмотрщиков Музея. Результатом этих раскопок, начатых 10-го марта, было открытие в упомянутых курганах 4-х черепичных и 2-х каменных уцелевших гробниц, из которых в одной – каменной, с прахом сожженного на костре покойника, отыскано не менее 45 золотых, поврежденных огнем золотых вещей довольно изящной работы…

Приготовляясь в дорогу, я привожу Музей в более систематический порядок… [….] Что же касается до г. Хицунова, то, присмотревшись к механическим приемам моих раскопок, он теперь изучает местность и старается выбрать несколько курганов, наименее тронутых прежними искателями, чтобы при благоприятной погоде приступить самому к разысканиям, получив от меня для этого некоторую сумму, согласно разрешению Вашего сиятельства… Вообще, усердие, добросовестность и научные познания этого деятеля не позволяют сомневаться в пользе, которую он может принести своими трудами археологии» (л. 12-13).

Дождавшись приезда В.Г. Тизенгаузена и передав ему 12-го июня 1869 г. руководство Музеем, А.Е. Люценко 22-го июня уехал заграницу. Отъезд пришлось немного отложить и «из-за перемещения на другую квартиру» (л. 15). Сначала А.Е. Люценко отправился в Вену, а оттуда, после консультации с врачами, на минеральные воды в Карлсбад.

В его отсутствие должность заведующего Музеем вскоре, вероятно, вследствие занятости В.Г. Тизенгаузена раскопками на Тамани (1869 г., д. 4, л. 14) временно перешла к Ф.И. Гроссу. Меж тем П.И. Хицунов начал свои, по-видимому, первые самостоятельные археологические изыскания на Тамани и в Керчи. На Тамани он занимался раскопками Острого кургана, «лежавшего близ Лысой горы» (л. 19-20), а с 1-го сентября 1869 г. начал раскопки кургана Темир-Гора, которые закончил 7-го октября этого года. Его исследования достаточно подробно отражены в «Журнале археологических изысканий» (л. 24-30). Описание раскопок на Темир-Горе (1869 г., д. 23, л. 27-29) предваряет образное и одновременно точное описание расположения кургана.

«Так называемая Темир-Гора, в 4,5 – 5, 5 верстах (4.8 – 5.9 км – *М.В.*), на северо-востоке от Керчи и 4-х (4.3 км) на севере от Еникале. Она состоит в скалистой цепи холмов, которые тянутся полукругом с запада

на восток по северной окраине Керченского полуострова, ограничивая с той стороны г. Керчь и оканчиваясь скалами у Азовского моря. На природных возвышениях этой цепи насыпаны курганы, начиная с известного огромного кургана Кара-Оба. […] Темир-Гора, со стоящим на вершине ее курганом, значительно выдается своей огромностью из рядовых окружающих ее скалистых возвышенностей. […] По предварительному осмотру и приблизительному барометрическому измерению высоты этой местности, считая от морского берега Керчи более 37 саж. (приблизительно 79 м – *М.В.*), от подошвы же своей до вершины кургана более 22 саж. (50 м); сам курган вышиною около 4 саж. (8. 5 м), а в окружности у подошвы до 42 саж (90 м); вершина его, по видимой впадине, кажется давно снята, и разрушены раскопами в разных местах западная и восточная стороны у подошвы кургана; южная, покатая сторона кургана сохранилась неприкосновенною».

П.И. Хицунов начал раскопки в юго-западной части кургана, недалеко от его подошвы, где исследовал «южное пепелище», «в предположении открыть здесь фундаменты древних зданий или мраморы с надписями». С этой целью им было сделано два разреза на расстоянии 15 саженей (примерно 32 м) друг от друга, глубиной до материка. Один из них имел 3 сажени в длину, 2 сажени в ширину ¾ сажени в глубину (соответственно 6. 41 х 4. 27 х 1. 6 м), второй – 9 саженей в длину, 1, 5 в ширину и 7/9 в глубину (19. 2 х 3. 20 х 1.66 м). Здесь были обнаружены обломки «грубых статуэток», клеймо с надписью АΣΤΙΝΟΜ… ΕΛΚΙΝΙΩΥ… ΤΟΥ… ΤΑΙ…, «в конце надписи рельефный бюст какого-то лица» (л. 28), а также монета с изображением лука, стрелы и надписью ΠΑΝ. П.И. Хицунов полагал, что здесь существовало поселение. Вскоре был обнаружен «жженый точок» (остатки трупосожжения), где 18 сентября были найдены золотые украшения (л. 28-29). В конце «Журнала» П.И. Хицунов писал, что должен был отлучиться, «тогда как прибывший из-за границы А.Е. Люценко изъявлял желание продолжить мой раскоп и доследовать под насыпью точок, который я предполагал докончить раскрытием по своем возвращении, то я и согласился на это, передав г. исполнявшему тогда обязанности Директора Ф.И.Гроссу оставшуюся тогда у меня на руках небольшую сумму от аванса, с выражением своего согласия на продолжение в отсутствие мое означенного раскопа» (л. 30). Прервав раскопки, П.И. Хицунов уехал в Таганрог, где он тогда проживал и где 29 ноября 1869 г. и завершил свой «Журнал». К раскопкам кургана на Темир-Горе он более не вернулся.

Мы можем сейчас только гадать, что побудило П.И. Хицунова покинуть раскопки Темир-Горы в столь интересный и ответственный момент – не завершив исследование гробницы, из которой извлекались

золотые вещи. Неясно, были ли это неотложные семейные дела или же иные обстоятельства. Вскоре он был направлен Археологической Комиссией на Нижний Дон, где в 1870-1871 гг. провел раскопки городища Танаис и одного кургана из группы «Пять Братьев». Возможно, исследования древностей Подонья не способствовало дальнейшему участию П.И. Хицунова в раскопках Керченского музея.

Что же касается раскопок кургана на Темир-Горе, то они были успешно продолжены и завершены директором Музея. А.Е. Люценко вернулся в Керчь в конце сентября 1869 г., за месяц до окончания своего четырехмесячного отпуска. Не вступая официально в должность, принимал «некоторое участие в трудах помощника моего Гросса и П. Хицунова, чему особенно благоприятствовала прекрасная погода».[3] В своем отчете за 1869 г. А.Е. Люценко писал также, что «…. по случаю кратковременной отлучки в Таганрог г. Хицунова, мне довелось окончательно расследовать замечательную жженую гробницу, открытую им в кургане, находящимся на Темир-Горе» (1869 г., д. 7, л. 17). Здесь «… в дополнение к найденным в упомянутой гробнице г. Хицуновым золотым вещицам – было открытие в ней по одной паре массивных бронзовых запястий, обложенных листовым золотом и украшенных по концам золотыми львиными головами весьма изящной отделки, двух золотых перстней с перегоревшими камнями, на которых была заметна весьма интересная резьба и проч. Впрочем, все эти вещи сильно повреждены огнем» (л. 18).

А.Е. Люценко составил «Примечания к журналу археологических разысканий» П.И. Хицунова. Эти «примечания» содержат 7 пунктов (1869 г., д. 4, л. 34-35). А.Е. Люценко выразил сожаление по поводу прекращения П.И.Хицуновым исследований на Тамани. «Очень жаль, что г. Хицунов, найдя в этой местности две каменные гробницы, с одними костями скелетов, без вещей, прекратил дальнейшие… расследования». Большинство же замечаний касались раскопок кургана на Темир-Горе. Так, стены, обнаруженные в основании насыпи кургана, А.Е. Люценко определил как «каменную ограду», т.е. крепиду. По этому поводу он писал: «Стены эти, обнаруживаемые в основании курганов под насыпью их, на расстоянии 2 или 3 сажень от окружности подошвы, известны под названием не завалов, а круглых, каменных оград. Не позволяя курганной насыпи оседать и скатываться вниз, они состоят обыкновенно из двух, трех или четырех рядов больших тесаных плит известкового камня, лежащих один на другом отвесно;

[3] Согласно донесению А.Е. Люценко в Комиссию, «разыскания директора Музея в окрестностях Керчи» велись с 8-го октября 1869 г. по 1 января 1870 г. (1869 г., д. 7, л. 21-23).

в некоторых же курганах, как, например, в Царском, имеют форму треугольного вала, сложенного из обломков плит, дикарных камней и мелкого щебня». В последнем, седьмом пункте, А.Е. Люценко коснулся обстоятельств своего вовлечения в процесс раскопок кургана на Темир-Горе. «Я изъявил не желание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженный точок, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженной гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова, и потому вынужден был вызваться окончить расследование, остановленное поездкой его в Таганрог».

В целом, директор Керченского Музея древностей благожелательно отнесся к деятельности П.И. Хицунова и высоко оценивал ее результаты. «За исключением этих маловажных неясностей», - писал А.Е. Люценко, - «журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного описания их видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела» (1869 г., д. 4, л. 35).

Курган на Темир-Горе был доследован в следующем, 1870 г. (рис. 2). Результаты раскопок отражены в «Журнале археологических разысканий» А.Е. Люценко (1870 г., д. 23, л. 29-32). Основные исследования памятника были проведены с 30 марта по 14 июня. Небольшие работы велись также зимой 1871 г. (ОАК за 1870-71 г., с. XX-XXI). В результате были открыты центральная гробница кургана и целый ряд более поздних захоронений (Яковенко, 1972, с. 265). Был также исследован небольшой курган «у подошвы Темир-Горы с восточной стороны ее»; здесь была обнаружена «обложенная дикарными камнями гробница с одним остовом, лежавшим головой на восток», у ног его находился «самый простой глиняный горшок с 4-мя маленькими ушками» (л. 32).

История раскопок кургана на Темир-Горе, комплексы открытых здесь захоронений, несомненно, до сих пор нуждаются в полной и подробной публикации.

Литература

Амельченко В.М. Древние клады и сокровища Черномории. Ростов-на-Дону, 2004.

Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991.

Виноградов Ю.А. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Боспора Киммериского // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917). СПб., 2009.

Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора// ВДИ, 1972. № 1.

Кузнецова Т.М. Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Санкт-Петербург, 2004. Ч. II.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Исследователи. «Почетный» археолог А.Е. Люценко // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Санкт-Петербург, 2001. Ч. II.

Лазенкова Л.М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

Тункина И.В. Открытие Феодосии. Киев. 2001.

Хицунов П.И. Заметки по пути от реки Дона до Пятигорска, с кратким описанием Ставрополя, Пятигорска и окрестных Минеральных Вод // Отечественные Записки, 1841, т. XVII, № 7, отд. VII.

Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА, 1972, № 3.

Яковенко Э.В. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977.

Cook J.M., Dupont P. East Greek Pottery. London and New-York, 1998.

Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005, Vol. 4, no. 1.

Материалы Научного архива ИИМК РАН

«Об археологических разысканиях на Таманском полуострове и в Керчи г. Люценко». Ф. 1, д. 41/ 1968.

«Об увольнении г. Директора Керченского Музея Люценки в 4-х месячный отпуск за границу». Ф. 1, д. 7/1869.

«О раскопках в Керчи и на Таманском полуострове в 1869 году». Ф. 1, д. 4/1869

«Об археологических раскопках г. Люценко в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове и о случайной находке древностей на этом полуострове в 1870 году». Ф. 1, д. 23/1870.

Рис. 1. Темир-Гора, современный вид.

Рис. 2. Раскопки кургана на Темир-Горе в 1870 году. Рисунок И.Ф. Гросса (НА ИИМК РАН, ф. Р I, № 693, л. 7).

Вахонеев В.В.
(Симферополь)

КОРАБЛЕКРУШЕНИЯ X-XI ВВ. В АКВАТОРИИ КРЫМА

Подводная археология больших глубин – одно из самых перспективных направлений, которое только начинает приоткрывать завесу над уникальными открытиями. Лишь к началу XXI века археологическая наука получила в своем арсенале технические возможности преодолеть глубину 100 м.

Так, в 2006-2007 гг. в акватории юго-западного Крыма совместной международной экспедицией под рук. С.А. Воронова было выявлено место гибели небольшого судна с грузом кувшинов таманского типа, получившего условное наименование «Херсонес-А». Обнаружено оно было на глубине 139 м в 12 морских милях от побережья Севастополя. Объект был визуально осмотрен в мае 2006 г. телеуправляемыми подводными аппаратами (ТПА) «Hercules» и «Argus» после проведенного геоакустического сканирования дна. На основе груза затонувшего судна, состоявшего из одноручных кувшинов, памятник был датирован X-XI вв. н.э.

В первый год исследований видимая часть памятника состояла из двух возвышенностей, образованных грузом, занимавших участок размером приблизительно 7х3 м, с 60-ю (по предварительным подсчетам 2006 года) одноручными плоскодонными кувшинами. Несколько больших деревянных брусьев, находившихся сверху возвышенностей, первоначально были приняты за современные. В тоже время окончания нескольких деревянных фрагментов, которые выступали по внешнему периметру, позволили выдвинуть предположение о том, что, по крайней мере, какая-то часть корпуса судна сохранилась.

После детальной фиксации кораблекрушения «Херсонес-А» и взятия образцов со дна памятника был начат первый этап его комплексного изучения. Судно было небольшим по размерам – 7 м в длину и 2,5-3 м в ширину.

Для картирования участка был использован метод составления фотомозайки, разделенной на 8 зон, ориентированных вдоль оси судна. Зоны 7 и 8 с юго-восточной стороны были идентифицированы как участки правого и левого бортов. На фотомозаике объекта до археологического вмешательства можно было насчитать примерно 90 кувшинов. После проведенных археологических исследований были обнаружены признаки наличия еще, по крайней мере, одного слоя таких же кувшинов и, возможно, третьего под ним, что в целом потенциально дает общее число более чем 200 кувшинов. Их размеры достигают от 40 до 49 см, а максимальные диаметры составляют 19-22 см.

Данные кувшины представляют собой один из наиболее распространенных видов керамической тары средневекового периода. В литературе эта керамическая форма называется красноглиняными кувшинами с плоскими ручками, кувшинами-амфорами или кувшинами таманского типа, названных по одному из регионов их распространения.

Кувшины были распространены преимущественно в крупных центрах Таврики, Таманского полуострова, Приазовья и Подонья [Науменко, 2009, с. 54-57]. Существующие морфологические типы данных кувшинов не позволяют на данный момент говорить об их хронологической дифференциации [Майко, 2013, с. 98].

Появляются они в Таврике в третьей четверти IX в. и активно используются до последней четверти XI в. [Майко, 2013, с. 98; Науменко, 2009, с. 57]. Центр или центры их производства находились на Таманском полуострове, возможно и на территории Керченского полуострова [Майко, 2013, с. 98-99; Науменко, 2009, с. 53-54; Чхаидзе, 2008, с. 401-402].

При археологических исследованиях нередко фиксировались остатки нефтяной смолы на внутренних поверхностях кувшинов. Проведенные анализы подтвердили близость данной смолы нефтяным месторождениям Таманского полуострова [Науменко, 2010, с. 324-328]. В поднятых при подводных исследованиях кораблекрушения «Херсонес-А» кувшинах не было обнаружено смолы или другого указания на то, каким было их первоначальное содержимое. Кроме того, при раскопках на объекте также не было выявлено никаких признаков пробок.

Одним из важных открытий на объекте было то, что фрагменты древесины на памятнике, которые первоначально считали современными, оказались частью древнего торгового судна. Совершенно очевидно, что на этих глубинах окружающие условия чрезвычайно благоприятны для сохранения органических материалов, хотя в некоторых местах древнюю древесину неизбежно путали с

накопленными ветками, листьями и другими наносными обломками.

Телеуправляемый аппарат «Hercules» на момент исследований не имел инструментов для осуществления раскопок корпуса судна с деликатностью, требуемой современными археологическими стандартам. Тем не менее, возможным стало открыть достаточно фрагментов древесины, чтобы установить, что судно имело одновременно и нагели, и металлические детали крепления, от которых были обнаружены лишь продукты коррозии. Однако для полного понимания конструкции судна проведенных раскопок было недостаточно. Трудно судить даже относительно точного назначения некоторых из крупных фрагментов древесины. Предварительные исследования позволяют предположить, что судно лежит на левом борту. Вертикальные фрагменты древесины (футоксы?), открытые на участке кормы правого борта (зоны 1 и 3), представляют собой каркас, внутреннюю и внешнюю обшивку днища судна. Древесина достаточно хрупкая, однако, на ней все же прослеживаются следы инструментальной обработки.

Обнаруженное затонувшее судно представляет чрезвычайно интересный объект для изучения морской истории Причерноморья. В настоящий момент лишь затонувший корабль XI в. в Серче Лимани [Bass and others, 2004] и судно IX в. в Бозбуруне, которые были изучены в турецких водах, предоставляют широкие исследования аналогичных раннесредневековых затонувших судов и их грузов. Следует также упомянуть и про недавние археологические исследования в занесенном песчаными отложениями порту Ени-Капи в Стамбуле, которые предоставили также важные данные для сравнительного анализа [Pulak and others, 2013]. Немногочисленные находки керамического материала IX-XI вв. в акватории Судака хотя и свидетельствуют о возможных кораблекрушениях этого периода в данном районе, однако конкретных объектов пока найдено не было. Схожая ситуация в Новосветской бухте и у мыса Меганом, где могли иметь место кораблекрушения торговых судов XI в., однако гидрофизическое влияние на малых глубинах привело к их полному разрушению.

Второе глубоководное кораблекрушение этого периода было выявлено в 2015 г. в акватории Балаклавы в 5 км от берега. Исследования проводились экспедицией Института востоковедения РАН и подводного клуба «Ростов-Дайв» (рук. В.В. Лебединский) при поддержке РГО и Министерства обороны РФ. На дне было выявлено скопление амфор и фрагменты деревянных конструкций.

Кораблекрушение находится на глубине 83 м в илисто-песочном грунте. Размер верхнего, видимого горизонта памятника (амфорного

пятна) - 27х14м. В 2015 г. на объект были проведены серии спусков технодайверов. В результате была проведена трассировка и разметка квадратов. После проведения фото и ведеосъемки с помощью фотограмметрии был составлен общий план памятника и создана его 3D модель. В двух квадратах была проведена шурфовка. На поверхность было поднято пять амфор, в одной из которых была обнаружена пробка из сосновой коры.

Груз судна состоял из амфор типа 3 по классификации Н. Гюнзенин. Этот тип амфор распространен в Средиземноморье и бассейне Черного моря во второй половине X-XI вв. [Gunsenin, 1990, pl.XXXVIII-LII].

В амфорах, вероятнее всего, перевозилось вино, так как в одной из них обнаружена пробка из сосновой коры с отверстием для удаления продуктов брожения. На месте кораблекрушения видны выступающие из грунта части корабельных конструкций удовлетворительной сохранности, что позволяет надеяться на значительные фрагменты корпуса судна, сохранившиеся в грунте.

Таким образом, описанные кораблекрушения представляют чрезвычайный интерес для восстановления торговых контактов в прошлом, реконструкции особенностей судостроения и навигации. Кроме того, они создают новый пласт для работы с современной техникой при подводных исследований на глубинах, не так давно бывших практически недоступными исследователям.

Литература

Майко В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. К.: Видавець Олег Філюк, 2014. – 465 с.

Науменко В.Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII-X вв. Симферополь-Керчь, 2009. – С. 50-57.

Науменко В.Е. Константин Багрянородный о боспорской нефти. «греческий огонь» и так называемые «тмутараканские» кувшины: историко-археологические комментарии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесло и промыслы. Керчь, 2010. – С. 324-328.

Bass G., Matthews Sh., J. Steffy R. Serçe Limani: An Eleventh-Century Shipwreck. Vol. 1. The Ship and Its Anchorage, Crew, and Passengers. – Texas: Texas A&M University Press, 2004. – 592 p.

Günsenin N. Les amphores byzantines (Xe–XIIIe siecles): typologie, production, circulation d'apresles collections turques. Vol. 2. Paris, 1990.

Pulak, C., Ingram R., Jones M., Matthews S. The Shipwrecks of Yenikapı and their Contribution to the Study of Ship Construction // Sakli Limandan Hikayeler: Yenikapi'nin Batiklari. Istanbul: Istanbul Archaeological Museums Press, 2013. – Pp. 22-34.

Виноградов Ю.А.
(С-Петербург)

РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГ КИРИЛЛ РОМАНОВИЧ БЕГИЧЕВ[1]

В истории нашей науки есть немало археологов, о деятельности которых знают все со студенческой скамьи, имена которых часто мелькают на страницах научных изданий, но обстоятельства их жизнь, тем не менее, известны очень слабо. В числе таких археологов, безусловно, находится Кирилл Романович Бегичев, человек, стоявший у истоков боспорской, а можно сказать и шире – российской археологии, и немало для неё сделавший [см.: Тункина, 2002; Лазенкова, 2003; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009].

Год рождения будущего археолога приходится на 1819 г. Как свидетельствует официальный документ [НА ИИМК РАН, ф. 9, д. 30, л. 9-10], Кирилл Родионов сын Бегичев 2-й (т.е. у него был старший брат) происходил из дворян Могилевкой губернии. Совсем в юном возрасте, 13 февраля 1835 г. он был принят в Дворянский полк для «научения порядка военной службы». В этом полку К.Р. Бегичев дослужился до унтер-офицера, и 5 мая 1837 г. был произведен в прапорщики. Затем 27 июля этого года он был определен в Минский пехотный полк и прибыл в него 5 октября. Здесь «для испытания по службе» молодой офицер был прикомандирован к Первому Учебному Карабинерному

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10151а(ц) «Российские археологи XIX – начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора».

полку и переведен в него 29 декабря 1838 г. Дослужившись до чина поручика, он 3 мая 1843 г. был переведен в Виленский егерский полк. Во время службы в составе этого полка в январе 1844 г. принял участие в походе из города Севастополя на Кавказ для усиления Отдельного Кавказского корпуса. Проследовав через г. Керчь, 21 января полк был переправлен через пролив на судах Черноморского флота в г. Тамань, откуда путь пролегал к Усть-Лабинской крепости. Из неё К.Р. Бегичев был направлен во Владикавказ, куда и прибыл 11 марта 1844 г.

Документ сообщает также, что особых поручений К.Р. Бегичев никогда не имел, но в числе прочих штаб и обер-офицеров неоднократно получал «Высочайшие благоволения» за смотры, ученья, манёвры и т.п. Специально отмечено также: «В штрафе по суду и без суда не был. Высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался. … Жалобам не подвергался. … В неприличном поведении оглашаем и изобличаем не был». Как будто, служба шла своим обычным путем, но К.Р. Бегичев решил оставить ее по причине плохого здоровья.

Дальнейшие события его жизни кратко изложены в рапорте, направленном 10 марта 1853 г. керчь-еникальским градоначальником Д.Н. Гагариным министру уделов Л.А. Перовскому [ф. 9, д. 22, л. 3]. В нем сообщается, что подав заявление об отставке, Кирилл Романович выхлопотал себе четырехмесячный отпуск и прибыл в г. Керчь, где 10 января 1845 г., по распоряжению тогдашнего градоначальника генерал-майора князя З.С. Херхеулидзева, был допущен к исполнению должности скульптора и рисовальщика при Керченском музее. Увольнение со службы было получено позднее – только 22 марта этого года. В новой должности К.Р. Бегичев был утвержден 17 июня 1846 г. Помимо обязанностей скульптора и рисовальщика он еще с 7 марта стал исполнять должность директора музея. Директором же тогда, как известно, был А.Б. Ашик, параллельно служивший в МИДе. Не трудно понять, что отношения с непосредственным начальником у Кирилла Романовича не сложились.

В мае этого года по распоряжению министра Императорского двора К.Р. Бегичев был командирован в С-Петербург для доставления в Императорский Эрмитаж керченских древностей. Нетрудно понять, что доставленные вещи произвели на императора большое впечатление, и Кирилл Романович «за труды и усердие по части археологии» был награждён бриллиантовым перстнем. В «Формулярном списке» К.Р. Бегичева записано, что помимо своих основных обязанностей он «исправлял должность директора Керченского музеума с 7 марта 1846 г. по 31 мая 1850 г.» [ф. 9, д. 22, л. 6-9], а затем с 4 октября 1851 г.

О причинах такого резкого поворота судьбы К.Р. Бегичева можно только гадать. Совсем не праздным представляется и вопрос,

как простой армейский офицер получил должность скульптора и рисовальщика. Специального художественного образования у него явно не было. В этом отношении следует указать, что его старший брат, Александр Родионович Бегичев (1816–1894), был достаточно известным художником-пейзажистом. Может быть, от него Кирилл Романович усвоил основы работы художника.

Археологические раскопки Кирилл Романович, по заключению петербургского начальства, «производил … с отличным усердием». Л.А. Перовский даже выхлопотал для него подарок из Императорского кабинета – часы стоимостью 315 руб. [ф. 9, д. 22, л. 5]. Отчеты о раскопках 1846-1850 гг., а также сделанные К.Р. Бегичевым видовые зарисовки и рисунки находок переправлялись в Императорский Эрмитаж.

Граф Л.А. Перовский, как известно, принимал весьма энергичные меры к организации археологических исследований в России. В 1851 он посетил район Боспора Киммерийского, осмотрел тамошние памятники древности и, возможно, предпринял какие-то раскопки. К.К. Гёрц отмечал, что еще в этом году у графа возникла мысль «поручить производство раскопок на таманском полуострове исправляющему обязанность директора Керченского музея Кириллу Романовичу Бегичеву, который с начала 1852 г. и приступил к этим работам» [Гёрц, 1876, с. 42].

В мае 1852 Л.А. Перовский в сопровождении Н.И. Надеждина и А.А. Сибирского вторично посетил Керчь и Тамань. Тогда под его наблюдением были раскопаны два курганы в окрестностях древней Фанагории, в результате чего были открыты весьма любопытные древние гробницы. Непосредственным руководителем этих раскопок был К.Р. Бегичев [Гёрц, 1876, с. 56-67; Застрожнова, 2014, с. 472-474]. Одним из результатов его деятельности стало открытие хрестоматийно известной гробницы с фигурными сосудами [Застрожнова, 2012].

Л.А. Перовский, ставший в 1852 г. министром уделов и управляющим Императорского кабинета, 8 апреля 1853 г. принял постановление «О штате Керченского музеума древностей и о суммах, на содержание его назначенных» [ф. 9, д. 28, л. 1-2]. В нём, в частности, было сказано, что археологические исследования в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове должны производиться таким образом, «чтобы в каждой из сих местностей находился особый чиновник для главного надзора за разысканиями». Раскопки на Тамани поручались помощнику директора.

Несколько ранее принятия этого программного документа, 30 марта 1853 г., на должность директора Керченского музея древностей был назначен А.Е. Люценко. Соответственно, К.Р. Бегичев

получил должность помощника директора, и первостепенной задачей его профессиональной деятельности стало проведение раскопок на Таманском полуострове. Обязанностей рисовальщика и скульптора с него при этом никто не снимал! В июне 1853 г. в Керчь прибыли чиновники А.С. Линевич и Я.М. Лазаревский, один из которых должен был помогать А.Е. Люценко при раскопках на территории Керченского градоначальства, а другой, соответственно, – К.Р. Бегичеву на Таманском полуострове.

В 1854 г. началась Крымская война, вскоре затронувшая Керчь [Быковская, 2015, с. 29-46]. На деятельности керченских археологов она поначалу никак не сказалась, однако весной 1855 г. положение города сделалось не только неблагоприятным для археологических разысканий, но даже не безопасным. Важнейшей задачей сотрудников Керченского музея древностей была забота о спасении его собрания, и к выполнению этой задачи они приступили заблаговременно, без всякой спешки. Многие экспонаты из Керченского музея были эвакуированы в г. Бердянск ещё в апреле 1854 г.

Следует особо отметить, что в начале 1855 г., несмотря на трудности военного времени, ограниченные раскопки были предприняты в Керчи, а основные усилия было решено сосредоточить на Тамани, поскольку положение там казалось безопасней. Чиновники Керченского музея во главе с К.Р. Бегичевым переправились на другую сторону пролива 5 мая 1855 г. [ф. 9, д. 47, л. 47]. А.Е. Люценко же по поручению Л.А. Перовского отправился в Екатеринославскую губернию для раскопок Александропольского кургана. В этой сложнейшей обстановке на Кирилла Романовича было возложено управление музеем и передана вся документация и имевшаяся в музее сумма денег, всего 2307 рублей серебром.

В общем, К.Р. Бегичев и его коллеги стали очевидцами захвата Керчи неприятелем, именно Кирилл Романович доложил Л.А. Перовскому об обстоятельствах этих событий [там же, л. 52-53]. Надо признать, что действия бывшего штабс-капитан были образцом дисциплинированности и четкого исполнения своих обязанностей. Он сумел спасти документацию музея и имеющиеся в нём денежные средства и, в конце концов, прибыл к А.Е. Люценко.

После завершения Крымской войны археологические работы в районе Боспора Киммерийского пошли своим чередом сначала под Феодосией, а потом и на берегах пролива. Вскоре, однако, произошла весьма существенная перемена – 2 февраля 1859 г. была создана Императорская археологическая комиссия, во главе которой был поставлен С.Г. Строганов, и Керченский музей древностей был включён в ее структуру [Виноградов, 2009; 2012]. К.Р. Бегичев был

оставлен на должности помощника директора, но за ним по-прежнему сохранялись и обязанности рисовальщика. Теперь он уже не проводил самостоятельных исследований на Таманском полуострове, всем этим занимался А.Е. Люценко, и он, конечно, очень нуждался в помощнике, который мог его в нужный момент заменить. Петербургское начальство требовало, чтобы результаты раскопок были документированы профессионально выполненными рисунками, и эта нелёгкая работа целиком ложилась на плечи Кирилла Романовича.

Керченские археологи надеялись, что это преобразование приведёт к улучшению их положения, прежде всего, материального, но эти надежды оказались напрасными. Естественно, возникло недовольство, выражением которого стало письмо К.Р. Бегичева, написанное С.Г. Строганову 27 апреля 1859 г. [ф. 1, 1859 г., д. 7, л. 11-12]. Это послание не возымело действия, никаких изменений к лучшему у сотрудников музея не произошло, а Кириллу Романовичу даже было предложено подать в отставку, на что тот пойти никак не мог. До конца своих дней он вынужден был довольствоваться скромным содержанием в 572 руб. в год.

Вскоре у К.Р. Бегичева стала развиваться чахотка, и 7 марта 1862 г. он скончался. Узнав о смерти археолога, С.Г. Строганов в своём письме А.Е. Люценко от 28 марта 1862 г. отметил [ф.1. 1862 г. № 9, л. 3]: «С истинным сожалением узнал я из донесения Вашего о смерти Бегичева. Археологическая комиссия потеряла в нем усердного и добросовестного чиновника и человека, во многих отношениях полезного для керченских разысканий. Жалею о нем тем более теперь, когда опять настало время для производства раскопок, Вы остались без помощника». Помощником, как известно, вскоре стал Ф.И. Гросс.

К.Р. Бегичев прожил очень недолгую жизнь, всего 43 года, из которых 16 лет посвятил служению археологии. Надо признать, что им были сделаны очень важные открытия, но, может быть, еще большее значение для нас имеют исполненные Кириллом Романовичем рисунки. Только благодаря им мы можем достаточно полно представить себе конструкцию Павловского кургана, масштабы раскопок на Юз-Обе, грандиозность кургана Кара-Оба и т.д. Уверен, что давно пора собрать все эти рисунки вместе и опубликовать в виде специального издания. Такая публикация стала бы лучшим памятником российскому археологу К.Р. Бегичеву.

Винокуров Н.И.
(Москва)

ПРОФЕССОР А.С. БАШКИРОВ – АРХЕОЛОГ, ИСТОРИК, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ (штрихи биографии)

Вместо предисловия: В сентябре 2014 г. в моей почте оказался запрос из Государственного исторического музея, интересовались ссылками на мою статью, посвященную биографии незаслуженно забытого профессора Алексея Степановича Башкирова. Недавно в архивах ГИМа был обнаружен уникальный и богатый архив А.С. Башкирова, который считался утраченным. В настоящий момент научный сотрудник ГИМ И.В. Белозерова готовит архив к публикации и активно собирает все возможные сведения о А.С. Башкирове. Однако оказалось, что статья, появившаяся в 2006 г. на одном из электронных ресурсов, нигде не была опубликована, а сам электронный ресурс закрыт, осталось её безымянное сокращение на сайте МПГУ[1]. Кстати говоря, изначально она готовилась для сборника МПГУ об ученых и преподавателях, отставивших заметный след в истории университета. По каким-то причинам, сборник опубликован не был. Тем не менее, восполняя утраченное и отдавая дань уважения трудам и открытиям А.С. Башкирова, не претендуя на полноту изложения, я решился ввести в научный оборот то, что удалось собрать о жизни ученого из публикаций и открытых источников информации.

Алексей Степанович Башкиров (19.07.1885, г. Кукмор Казанской губ. – 1.01.1963, Москва), археолог-антиковед, доктор исторических наук, профессор, специалист по древней и средневековой истории, искусствоведению и архитектуре, этнограф и краевед, культуролог, один из основателей отечественной палеосейсмологии (рис. 1)[2]. Автор

[1] http://xn--c1arjr.xn--p1ai/scientists/bashkirov-aleksey-stepanovich/

[2] Автор пользуясь, благоприятной возможностью, выражает глубокую признательность научному сотруднику Государственного музея Востока

нескольких монографий, многочисленных научных статей и публикаций, популяризатор античной истории и археологии; организатор более пятидесяти научных экспедиций в Крыму, на Кавказе и Закавказье, Поволжье и Средней Азии (Пятышева Н. А., 1963, с. 316 и сл.).

А. С. Башкиров родился в семье учителя сельской школы. Получил фундаментальное классическое образование, владел несколькими европейскими и древними языками. Окончил историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета (1907–1913)[3]. Прослушал 2 курса Санкт-Петербургского Археологического института (1910–1913)[4]. Во время учебы принимал участие в археологических раскопках Ольвии у Б. В. Фармаковского и в Херсонесе у Р. Х. Лепера (Пятышева Н. А., 1963, с. 316 и сл.).

В 1912 г. А. С. Башкиров приглашен в состав именитого авторского коллектива, состоявшего из видных ученых и краеведов, для написания путеводителя по Крыму, отвечавшего научным требованиям и запросам многочисленных туристов[5]. Путеводитель состоял из двух частей: очерков истории и этнографии Крыма и справочной. Для исторического краеведения Крыма А. С. Башкиров написал историко-археологический очерк, где впервые для подобных изданий была дана научная характеристика древнему периоду истории Крыма. Довольно подробно на основе анализа научных отчетов императорской Археологической комиссии исследователь остановился на истории археологических исследований в Крыму, дал оценку деятельности в этом направлении известных отечественных археологов Н. И. Веселовского, Ю. А. Кулаковского и графа А. С. Уварова, осветил историю Боспорского царства. Очерк сопровождали иллюстрации: рисунки, разрезы курганов и планы пещерных городов, тщательно подобранные автором[6].

Т. Г. Алпаткиной, старшему преподавателю МПГУ А. А. Лысенковой за помощь, оказанную в сборе материалов о жизни и деятельности профессора А. С. Башкирова.

[3] В книге А. А. Формозова приведены неверные данные об окончании А. С. Башкировым Московского университета (2006).

[4] Основные биографические данные А. С. Башкирова см.: Войтов В. Е., 2003, с. 438.

[5] Источники: http://obook.ru; http://krymology.info; http://tavrida.museum.crimea.ua/index.php/catalogues/125-catalogue/289-2010-06-02-08-36-00

[6] Данные путеводителей по Крыму, подготовленных с участием А.С. Башкирова: Крым: Путеводитель /под ред. К.Ю. Бумбера, Л.С. Вагина, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова; Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – Часть I: Очерки Крыма / Н.И. Андрусов, А.С. Башкиров, С.А. Зернов, Н.Н. Клепинин, С.А. Мокржецкий, В.Ф. Нейенкирхен, М.Н. Сарандинаки, А.А.

В 1913 г. А. С. Башкиров преподавал историю и латинский язык в Польской гимназии в Санкт-Петербурге. В 1914–1917 г. по рекомендации своих университетских учителей Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева он был направлен в качестве научного сотрудника в Русский историко-археологический институт в Константинополе, откуда много выезжал с научными целями по различным областям Средиземноморья. Из Института его командировали на три года в Грецию, Италию, Францию, Англию, Скандинавию в связи с подготовкой к профессорскому званию. Он также побывал на о. Крит и на Балканах (Пятышева Н. А., 1963, с. 316–317). В своих поездках молодой ученый уделил большое внимание изучению античных и средневековых древностей, древнегреческому, древнеримскому и средневековому искусству и архитектуре, сбору материалов по античной строительной технике и технологии, особенно – по правилам и приемам антисейсмического строительства.

Работа и научные изыскания А. С. Башкирова на Балканах обогатили науку новыми античными памятниками. Так, в 1914 г. А. С. Башкиров, будучи в Солуни (Македония), как отмечал А. С. Шофман, снял копии с 30 античных эпитафий II–IV вв. н. э., найденных « … на улицах города, в стенах домов, около военного госпиталя. Издание этих надписей А. С. Башкиров предоставил Н. И. Новосадскому» (Шофман А.С., 1960, с 63–64). Они проливали свет на особенности административного устройства Македонии, различные аспекты социальной жизни, сообщали неизвестные ранее имена магистратов, содержали уникальные данные о македонском обществе, генеалогии, монетной системе древней Македонии (Шофман А.С., 1960, с 63–64).

В начале 1917 г. А. С. Башкиров вернулся в Россию, уже охваченную революционным брожением. В 1917–1918 г. А. С. Башкиров стал магистрантом Петроградского университета. В годы Гражданской войны остался в России и не эмигрировал. Из Петрограда, где, очевидно, на тот момент не было перспектив для научной работы и преподавания[7],

Яната; Часть II: Справочная: Путеводитель. – Симферополь, 1914. Крым: Путеводитель /под ред. И.М. Волошинова, В.В. Лункевича, И.И. Пузанова, А.О. Штекера; Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – 3-е, полное изд. – Ч. I: Очерки Крыма / А.С. Башкиров, Г.А. Бонч-Осмоловский, А.В. Вознесенский, Е.В. Вульф, Н.Н. Клепинин, А.М. Лункевич, П.В. Никольский, А.Д. Петровский-Ильенко, С.П. Попов, И.И. Пузанов; Ч. II: Справочник. – Симферополь, 1929. Источник: http://tavrida.museum.crimea.ua/index.php/catalogues/125-catalogue/289-2010-06-02-08-36-00

[7] Есть данные, что А.С. Башкиров в этот период преподавал в Петроградском и Московском университетах. См.: Малов Н.М., 1999, с 14. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное

он перебрался в Поволжье, в Самару. Там 1 сентября 1917 г. открылся историко-филологический факультет в университете и имелись вакансии, постепенно занимаемые учеными из Москвы и Петрограда[8]. В период с 1919 по 1923 г. учёный преподавал в Государственном университете, сначала в качестве преподавателя, затем профессора; входил в комитет по заведованию Самарским краеведческим музеем (Войтов В. Е., 2003, с. 438). На историческом факультете университета ученый читал курс искусствоведения Греции и Рима, средних веков и эпохи Возрождения, активно занимался популяризацией древней истории.

Весной 1919 г. в остановке ожесточенной Гражданской войны А. С. Башкиров во главе археологической экспедиции приступил к графической фиксации, описанию и «зондажному» исследованию некоторых булгарских памятников (Башкиров А. С., 1929, с. 6 и сл.). Она была организована Самарским университетом и Губернским музеем при помощи инженера П. Н. Преображенского. Летом информация о результатах экспедиционной работы оперативно докладывается в Совете общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном Университете, несмотря на сложную обстановку в Поволжье[9]. По возвращению в Самару А. С. Башкиров столкнулся с неприятностями, которые могли резко осложнить научную работу и даже угрожали личной безопасности. В сентябре 1919 года большевики в связи с новыми «революционными требованиями» решили прибрать к рукам Самарский Губернский музей. Сначала музей закрывается под предлогом реорганизации, а Комитет по заведованию музеем отстраняется от руководства. Именно до этого момента проработал в качестве эксперта музея и А. С. Башкиров. Затем начались прямые репрессивные действия против ответственных лиц, связанных с работой музея. В ноябре 1919 года практически все члены Комитета по заведованию Музеем были арестованы. Музейных работников заподозрили в саботаже и контрреволюционной деятельности, так как они пытались спасти от уничтожения бумаги Полицейского архива, перевезенные по их инициативе в музей. Хранилище и экспозиции музея остались без должного присмотра, по этой причине пока его ведущие сотрудники находились под арестом многие ценные экспонаты

становление, развитие и репрессии. Саратов. Источник: http://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2014/06/19/aves_vol_4.pdf.

[8] Источник: http://www.egyptology.ru/history/Balodis.html.

[9] Весной 1919 года адмирал Колчак в ходе наступления захватил Поволжье, включая города Симбирск и Самару. К лету, потерпев поражение, был выбит в Сибирь, а в регионе утвердилась власть большевиков.

из музея оказались расхищенными революционными «кураторами»[10].

С 1920 г. по 1922 г. С. Башкиров являлся Председателем Общества археологии, истории, и этнографии (ОАИЭ) при Самарском Государственном Университете[11]. В одном из сохранившихся писем в адрес губернскому отделению народного образования А.С. Башкиров подробно излагает план преобразования Губернского Центрального музея под патронажем ученых и ОАИЭ и просил должного финансового обеспечения проекта (Иванушкина С.А., 2009, с. 110–111).

В январе 1921 года для спасения остатков фондов и самого Музея была создана Музейная Коллегия (из бывших членов Комитета по заведыванию Музеем) под председательством профессора А. С. Башкирова. Задачами, стоявшими перед Коллегией, были приём, учёт и управление Музеем. В дальнейшем руководство учреждением было поручено Самарскому Обществу Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания, хотя кадровый состав музейного руководства мало изменился с сентября 1919 года[12]. На заседании коллегии 2 февраля 1921 г. А. С. Башкиров был избран директором музея (Иванушкина С.А., 2009, с. 111).

Самарский период деятельности профессора А. С. Башкирова [13]ознаменовался передачей в фонд Семинария археологии и искусств Самарского Университета коллекции профессора Санкт-Петербургского университета Дмитрия Константиновича Чичагова, которая содержала большое количество ценных и редких книг и альбомов по искусству и истории древнего мира[14]. Свою работу

[10] А. С. Башкиров сразу указал на исчезновение из витрин золотых монет, некоторых видов оружия и альбома Симакова с рисунками туркестанских мечетей с деталями орнамента. С. А. Хованский обратил внимание на отсутствие различных серебряных экспонатов: столовых приборов с фамильными пометками Бугурусланского дворянства, серебряных и платиновых монет. Кроме того были испорчены экспонаты из естественно-исторического отдела. Ф. Т. Яковлев выявил кражу китайского фарфора, большого количества сукна, покрывавшего лестницы в помещении Музея, бесследно пропали многие иконы, представляющие историческую ценность. В ходе дальнейшего осмотра были замечены другие утраты: оказались пустыми витрины для монет и медалей; отсутствовали многие картины; ценные спиртовые и формалиновые препараты, необходимые для естественно-исторического отдела; палеонтологические и ботанические коллекции. В историко-археологическом отделе не досчитались ценной серебряной иконы и т. п. Мародеры унесли также все инвентарные книги. Источник: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.16765_1.html.

[11] По другим данным с 1919 г. (Войтов В. Е., 2003, с. 438).

[12] Источник: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.16765_1.html.

[13] Башкиров А. С., 1922, с. 86–92.

[14] См. подробнее: Бессонова Н.А. Владельческая коллекция К. Д. Чичагова в

он выполнял с большой тщательностью и ответственностью. А. С. Башкиров курировал передачу коллекции по завещанию Д. К. Чичагова, чем фактически спас её от несомненного разграбления и уничтожения, так как её владелец очень скоро трагически скончался, погибнув от голода[15]. Кроме того, А. С. Башкиров отвечал с 1920 г. за передачу музею крупнейшего собрания из нескольких коллекций древностей, собранных пивоварами и коллекционерами В. А. и А. Ф. Вакано[16]. Среди прочих документов сохранилось его обращение в совнархоз с просьбой передать музею несколько ковров: текинских, бухарских и персидских, которые представляют собой «...изделия высшего порядка, могут быть только на стенах музея, не на полу частного лица или тем более учреждения, где чистить и сохранить их невозможно... орнамент означенных ковров мы можем наблюдать на грандиозных фасадах Самаркандских и Персидских мечетей»[17].

Определенное содействие оказывал А. С. Башкиров деятельности самарского Общества археологии, истории и этнографии в составлении учебно-показательной коллекции по церковной археологии на основе икон, реквизированных Комиссией по отделению церкви от государства. Под предлогом необходимости Археологическим курсам иметь материал по русской иконографии и ввиду «практических занятий со слушателями» по данной дисциплине эти ценнейшие раритеты были спасены от возможной гибели или перепродажи. Отдельные иконы, медные образа и кресты были принесены в дар Обществу разными частными лицами, среди дарителей был и А. С. Башкиров[18].

Самарской ОУНБ. Источник: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag06/1c.pdf.

[15] В настоящий момент владельческая коллекция Д. К. Чичагова включена в реестр памятников Самарского Поволжья. Она хранится в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Источник: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag06/1c.pdf.

[16] Альфред Филиппович фон Вакано (?–1934/35(?). владелец пивоваренных заводов в Самаре и Баку. Потомственный пивовар. Австрийский подданный. Коллекционер производственного искусства и предметов культуры, один из основателей Жигулевского пивоваренного завода в Самаре. Коллекция Вакано, состоящая из произведений древнеегипетского и античного искусства, предметов культуры и искусства Китая, Японии, Индии, Ирана, Средней Азии, является в настоящее время основой экспозиции Саратовского художественного музея. Саркофаг из коллекции Вакано находится в собрании Государственного Эрмитажа, а ковры и восточное оружие – в музеях бывшего СССР. В 1918 году после разгона Комуча, в аппарате которого служил его сын Лойк, Вакано уехал в Австрию. Источник: http://www.samarabeer.ru/page-31.html.

[17] Источник: http://www.samarabeer.ru/page-31.html.

[18] Источник: http://www.alabin.ru/alabina/exposure/collections/icons/icons/

Передача и ревизия музейных коллекций началась с 21 марта 1921 г. Постановка коллекций на учет шла затем целых два года (Иванушкина С.А., 2009, с. 113). На финальном этапе все проходило уже без участия А.С. Башкирова. С марта 1921 года чекисты начали оказывать давление на А.С. Башкирова. Сначала они потребовали отдать им телефон Археологического общества. А. С. Башкиров категорически отказал, мотивируя тем, что в музее находились огромные ценности, а телефон являлся единственным средством спасения, если возникнет пожар или будет грабеж. Таких «просьб» со стороны уполномоченных работников было несколько. Ответ со стороны профессора следовал один: отказ. В результате учёного арестовали прямо во время лекции в университете[19]. Сохранилось свидетельство, что 29 октября 1922 г. А. С. Башкиров выехал из Самары (в Москву?)[20], возможно, по причине начавшихся в 1921 г. Поволжье страшного голода, эпидемий тифа и холеры. Но, скорее всего, его отъезд был связан с повышенным вниманием со стороны ЧК, совпавшим с обострением идеологической борьбы в ВУЗах, насильственным внедрением марксизма в научную и преподавательскую сферу, репрессиями против старых кадров. Не случайно, именно в этом году из России были высланы сто наиболее видных преподавателей гуманитарных наук. Среди них были и ученые, преподававшие в ВУЗах Поволжья[21].

В 1922–1924 гг. А. С. Башкиров – уже профессор II-го МГУ. Как известно, в этот период преподавателям и учёным приходилось очень трудно, не хватало самых элементарных жизненных благ. Им приходилось работать, чтобы выжить, в разных учреждениях, на нескольких должностях, которые хоть как-то позволяли сводить концы с концами и не умереть от голода. А. С. Башкиров вынужден трудиться во многих научных и музейных учреждениях, так как скудное содержание не позволяло ограничиться каким-то одним местом. А. А. Формозов писал, что заниматься античностью в тот период было весьма проблематично, большевики всячески препятствовали преемственности классического образования, базировавшегося на изучении античности. Средства на раскопки античных памятников не выделялись, что привело к

[19] Источник: http://www.samarabeer.ru/page-31.html.

[20] Источник: Бессонова Н.А. Владельческая коллекция К. Д. Чичагова в Самарской ОУНБ. Прим. 3. Источник: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag06/1c.pdf.А. А. Формозов указывает, что А. С. Башкиров в Москве с 1923 г. (2006, с.230).

[21] Например, видный философ С. Л. Франк (1877-1950) из Саратовского университета. См. подробнее о репрессиях в университетах: Аврус А.И., 2001, с. 50–52.

вынужденной научной переориентации исследователей на изучение исторического и этнографического наследия в национальных республиках, где можно было найти некоторое финансирование. Многие коллеги профессора были отстранены от работы, умерли от голода и болезней, или эмигрировали. Ученые-антиковеды, оставшиеся в России, пытались переквалифицироваться. Б. Н. Граков обратился к Казахстану, И. Н. Бороздин – к средневековому Крыму и Туркмении. Аналогичным образом действовал и А. С. Башкиров. Его научные интересы уже не ограничивались античностью, он начал изучать средневековые памятники, не только на территории Крыма, но и Кавказа, Поволжья (откуда он был родом), Средней Азии (Формозов А. А., 2006, с. 231).

В период 1922–1927 гг. ученый организовал многочисленные археологические экспедиции с целью проведения разведок и раскопок в Крыму, Тамани и на Кавказе. К сожалению, сохранились лишь отрывочные сведения о его полевых изысканиях. Работы по изучению истории и культуры Кавказа заложили первоосновы становлению национальных научных кадров Абхазии и Дагестана и показывают широкую эрудицию А. С. Башкирова, который к этому времени уже занимал заметное в науке место. В 1923 г. А. С. Башкиров проводил археологические разведки средневековых памятников в окрестностях хутора Уташ под Анапой. Видимо, в районе Уташского поселения салтово-маяцкой культуры VIII–X вв., среди прочих находок был найден мраморный карниз[22]. А. С. Башкиров обратил внимание на сочетание относительной простоты и архаичности социальных основ традиционного кавказского общежития и одновременно тонкость и сложность религиозной и художественной культуры местных народов, отчасти компенсирующих суровость и архаизм их социального бытования. В археологических изысканиях А. С. Башкирова принимали деятельное участие сотрудники Кубанского научного музея[23] (с 1924 г.), возглавляемого педагогом, археологом и краеведом А. Ф. Лещенко. А. С. Башкиров вместе с А. А. Миллером оказывал помощь музею в проведении различных выставок, подбирал экспонаты из раскопок, делал доклады, развивал связи с местными краеведческими организациями. Материалы, полученные в результате археологических раскопок, стали основой создаваемой в Музее археологической

[22] Источник: http://anapacity.com/hramy-anapy/hramy-anapy.html.

[23] См. подробнее: Ткачев А. Н. Изучение археологических памятников Таманского полуострова в 1920-е гг. // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Археологі та історія Боспору» //Таврiські студії. Історичні науки. №1 (4). Симферополь. 2013. 190 С. Источник: http://kukiit.ru/docs/ts/no4/23.pdf.

коллекции по древней и средневековой культуре среднеазиатских и кавказских народов.

С 1924 г. по 1933 г. профессор А. С. Башкиров работал Ученым секретарем Государственного Исторического Музея. В середине двадцатых годов заведовал Отделом византийских древностей ГИМ (Пятышева Н. А., 1963, с. 316; Войтов В. Е., 2003, с. 438).

А. С. Башкиров с 1924 г., когда была образована Российская ассоциация научных институтов общественных наук (РАНИОН), а в ее рамках – Институт археологии и искусствознания, принимал участие в отделении археологии РАНИОН, возглавляемом признанным лидером отечественной археологии профессором В. А. Городцовым (Формозов А. А., 1995, с. 37). Научные планы у отделения были очень серьезные и амбициозные. К примеру, на заседаниях Археологического отделения Научно-исследовательского института археологии и искусствознания, директором которого являлся нарком А. В. Луначарский, обсуждался проект коллективной командировки египтолога и востоковеда Е. Ф. Баллода, археологов В. А. Городцова и А. С. Башкирова в Турцию, Египет и Грецию для изучения взаимоотношений древних культур Юга СССР и названных стран и для участия в международном этнолого-археологическом конгрессе в Каире в 1925 г. (Башкиров А. С., 1924, с. 40 и сл.). Большинству планов не было суждено реализоваться. Не состоялась и эта перспективная командировка, задуманная, вероятно, по аналогии с дореволюционными поездками А. С. Башкирова в качестве сотрудника Русского историко-археологического института в Константинополе[24].

Осенью 1924 г. по предложению Крымсовнаркома Научная Ассоциация Востоковедения ЦИК'а СССР и Крымский Отдел по делам музеев (Крымохрис – Крымский комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта) приступили к археологическому обследованию урочища Эски-Юрт (древнее селище) около Бахчисарая. Для исследовательской работы была составлена особая Комиссия под председательством проф. И. Н. Бороздина, коллега А. С. Башкирова. После тщательного осмотра территории и составления точного плана предстоящего исследования, выполнение его было возложено Комиссией на проф. А. С. Башкирова и заведующего Бахчисарайским музеем-дворцом У. Э. Боданинского. Была сформирована археологическая экспедиция под их руководством. Результаты ее работы были изложены в краткой статье А. С. Башкирова и У. Боданинского[25]. В 1924 г. вместе с И. Н. Бороздиным исследовал Гераклейский полуостров[26].

[24] Источник: http://www.egyptology.ru/history/Balodis.html.

[25] Башкиров А., Боданинский У., 1925.

[26] Источник: http://arheologija.ru/sledstvennoe-delo-treh-professorov-istorikov-1935-

А. С. Башкиров принимал активное участие в работе краеведческого Российского общества по изучению Крыма (ОПИК). На первом годичном собрании ОПИК 21 декабря 1924 г. было сформировано новое Правление общества во главе с проф. А. И. Пинкевичем и его заместителями проф. А. К. Шенком и Е. Э. Лейтнеккером. А. С. Башкиров был избран членом правления ОПИК и деятельно принимал участие в работе в последующие годы, читал доклады, посвященные археологическим раскопкам и истории Крыма, содействовал развитию туризма на юге России, комплектации научной библиотеки общества[27]. Большое значение для науки имели начатые в 20-х гг. XX столетия археологические исследования в Эски-Юрте и Кырк-Ере, проводимые А. С. Башкировым, У. Боданинским, О. Акчокраклы.

В 1924 г. А. С. Башкиров провел разведочные работы на очень одном из самых больших археологических объектов Восточного Кавказа – городище Торпак-кала (Топрак-кала), площадью более 100 га, мало исследованном и в настоящее время[28].

А. С. Башкиров был избран действительным членом, а затем – и членом Коллегии Института археологии и искусствознания (1925–1931 гг.).

Ученому принадлежит большая заслуга в деле развертывания археологических изысканий в Абхазии. Он обследовал Сухуми и его окрестности, Пицундский мыс, Лыхны, район реки Псырцха[29]. В 1925[30] г. Абхазское научное общество поручило проф. А. С. Башкирову произвести археологическое обследование северной части побережья Абхазии. По сообщению О. Х. Бгажба, благодаря плодотворному сотрудничеству с Абхазским научным обществом (АБНО), созданным в 20-х годах, проведенные летом 1925 г. археологические раскопки были очень успешными. Их результаты опубликованы в IV вып. «Известий АБНО» в 1926 г[31].

А. С. Башкиров был очень наблюдательным полевым исследователем и успешным разведчиком археологических памятников, некоторые из них он описывал или открывал

goda/#return-note-12452-6.

[27] Общество по изучению Крыма и другие краеведческие общественные организации были ликвидированы в 1930–1931 годах.

[28] Городище расположено в 18 км от Дербента, у железнодорожной станции Белиджи, в 10 км к северу от Самура или в 1 км к северу от Белиджи. Подробнее: http://www.belidzhi.ru/index/proshloe/0-8

[29] Подробнее см.: Бгажба О. Х., 1967, с. 115–128.

[30] По непроверенным данным, летом 1925 г. научная археологическая экспедиция А.С.Башкирова работал также в Старом Крыму.

[31] Источник: http://apsnyteka.org/1297-bashkirov_a_k_arkheologii_abkhazii.html.

впервые. Ученому принадлежит заслуга в обнаружении остатков монументальных кладок римского Себастополиса, которые, впрочем, были им интерпретированы как византийские руины X–XI вв. Развалины цитадели на Иверской горе (Новом Афоне) он приписал Анакопии, а остатки христианской базилики на вершине горы датировал VIII–IX вв. Он занимался визуальным обследованием Сухумской турецкой крепости. Ему удалось описать стратиграфию культурно слоя, имевшего богатую свиту отложений от периода античности (II–IV вв.) до турецкого времени (XVI–XVIII вв.). Ему принадлежит описание Пицундского и Лыхненского храмов, которые А.С. Башкиров отнёс к периоду XI–XII вв. Опыт его дореволюционных поездок по Средиземноморью позволил правильно определить мраморные плиты, найденные в Пицунде, как продукцию византийских каменоломен с островов Мраморного моря[32]. Алексей Степанович изучил еще ряд других историко-археологических памятников: монументальный Пицундский акведук, городище, на котором были найдены различные архитектурные фрагменты, обломки керамики, руины храма, полы которого были украшены мозаикой[33]. В Лыхны он детально исследовал и подробно описал развалины дворца владетельных князей Шервашидзе-Чачба, на которые до этого обращалось очень мало внимания[34].

А. С. Башкиров с 1926 г. избирается действительным членом, а затем и членом Коллегии Института народов Востока РАНИОН (до 1932 г.). На Северном Кавказе под его руководством ведутся работы на средневековых памятниках Дагестана в районе аула Кубачи (Войтов В. Е., 2003, с. 47).

Весной 1926 г. А. С. Башкиров пытается организовать

[32] Якобсон А. Л., 1972, с. 38 и сл.

[33] Источник: www.kolhida.ru.

[34] По мнению, О.Х. Бгажба, археологические изыскания А. С. Башкирова «… способствовали широкомасштабным раскопкам в Сухумской крепости, Анакопии, Пицунде, Лыхны. Он тогда еще мечтал о создании Пицундского историко-архитектурного заповедника (ныне его мечта осуществилась)». Далее О.Х. Бгажба пишет, что А.С. Башкиров «…до конца своей жизни был в тесном творческом контакте с ведущими археологами и историками Абхазии: М. Трапшем, Л. Соловьевым, В. Пачулия и др. В начале 60-х годов он обратился к тогдашнему директору Абхазского института с просьбой опубликовать монографию «Архитектурные памятники Абхазии» без гонорара (лишь просил оплатить иллюстративный материал). Дирекция института поставила вопрос об издании рукописи перед Абгосиздатом, но, поскольку историко-археологические работы получали разрешение Главлита Грузии, книга, к великому сожалению, не была допущена к печати» Источник: http://apsnyteka.org/1297-bashkirov_a_k_arkheologii_abkhazii.html.

археологическую экспедицию в Крым. В Симферопольском архиве сохранилось письмо от 17 мая 1926 г. профессора-этнографа МГУ А. С. Башкирова Председателю Крымского ЦИКа В. Ибраимову с просьбой о финансировании АЭ по исследованию Эски-Крыма(?) (№ фонда и описи Р-663/1; № дела 707). Летом 1926 г. А. С. Башкирову удается найти необходимые ресурсы для проведения археологического обследования только Таманского полуострова. Финансирование проекта осуществлялось из средств Главнауки НК Правительства РСФСР, I Московского Государственного университета и Кубано-Черноморского педагогического института. Археологическая экспедиция на Тамань была организована и проведена при активном содействии «Коллектива по изучению древностей Керченского и Таманского полуостровов», Института археологии и искусствознания РАНИОН. Первым пунктом обследования оказался Темрюк и его окрестности, попутно была проведена инвентарная опись фондов местного музея. Также обследовались собрания древностей Краснодара и Тамани. Благодаря Таманскому проекту, профессору удалось побывать в Крыму и ознакомиться с богатыми фондами Керченского музея.

С 28.11.1926 ученый выбран научным консультантом Отдела Среднего Востока Музея Восточных культур «без содержания».

А. С. Башкиров как сотрудник музея отвечал среди прочих обязанностей за организацию тематических выставок, собирал материалы для экспозиций, делал доклады.

В 1926–1927 гг. выходит несколько работ А. С. Башкирова, посвященных исследованию средневековых татарских древностей[35]. Оперативно публикуются результаты разведок 1926–1927 гг. на Таманском полуострове[36]. Профессор рецензирует диссертационные работы по краеведению, этнографии и фольклору. Известна его внимательная и благосклонная рецензия на исследование марийского этнографа, краеведа и поэта К. Герда «Родильные обряды и восточно-финская колыбель»[37].

27 февраля 1927 г. в Музее восточных культур открывается «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по исследованию татарской культуры в Крыму» с демонстрацией археологических экспонатов. Ее готовили А. С. Башкиров и И. Н. Бороздин при участии студентов В. Н. Чепелева и А. Л. Якобсона (Войтов В. Е., 2003, с. 85).

[35] А. С. Башкиров, 1926, с. 114; 1927, с. 135.

[36] Башкиров А. С., 1927а.

[37] Источник: www.mark-itt.ru/sunlight/books/l1-2-98/4_25.pdf.

А. С. Башкиров продолжает сотрудничество и с МООПИК, в рамках которой только в 1927 г. на собраниях и заседаниях московской секции было заслушано около 30 докладов известных ученых (Н. Д. Протасова, А. С. Башкирова, Б. Н. Засыпкина, Г. А. Бонч-Осмоловского, Ф. Н. Петрова, Н. Р. Левинсона, Ю. В. Готье, А. А. Фомина, Н. И. Репникова, К. Э. Гриневича, Н. С. Барсамова, Б. С. Жукова). Выступления А. С. Башкирова посвящены археологическим раскопкам и обследованию архитектурных памятников Крымского полуострова.

Летом 1927 года археологическая экспедиция под руководством А. С. Башкирова продолжила обследовать памятники Таманского полуострова и прилегающие территории. В ее организации на этот раз принимали участие Государственный музей изящных искусств и Государственный исторический музей. Рекогносцировочные работы экспедиции затронули обширную территорию от Анапы до станицы Таманской. А. С. Башкиров открыл в ходе разведок по геоморфологическим и археологическим признакам местоположение древнего широтного протока (гирла) Кубани, разделявшего острова Фанагорию и Гермонассу, представлявшего собой обрамленное древними курганами болотистое продольное понижение от западного края Ахтанизовского лимана к средней части Таманского залива на месте нынешней Шимарданской бухты. Протока здесь вполне могла существовать и во времена Тмутараканского княжества. В ходе разведок Анапского района на окраине хутора Уташ был обнаружен обширный христианский могильник, с которого местные жители для строительных нужд выбирали многочисленные надгробия с изображением крестов[38]. В экспедиционных трудах хорошо проявили себя аспиранты А. С. Башкирова – С. В. Разумовская и Л. П. Харко[39].

С октября 1927 г. в Музее восточных культур А. С. Башкиров готовил материалы для сводной Кавказской выставки по результатам

[38] Башкиров А. С., 1928, с. 71 и сл.

[39] Л. П. Харко (1898–1861) – специалист по нумизматике и античной археологии. В 1927 г. входил в краеведческое Общество по изучению русских усадеб. Известна его работа «Античные памятники в русской усадьбе: Поречье (Источник: http://oiru.archeologia.ru/history27.htm). В 1942 защитил кандидатскую диссертацию, работал в ГМИИИ им. А. С. Пушкина. В конце 1944 и в течение 1945 г. Л. П. Харко, майор запаса, работал в Польше и Германии в качестве эксперта по розыску и спасению художественных ценностей. Вместе с реставратором С. С. Чураковым он не только оценивал состояние музейных предметов, но и производил раскопки разрушенных зданий, спасая уникальные художественные раритеты (Источник: http://www.coins.su/forum/viewtopic.php?t=1889&highlight=). После войны Л. П. Харко принимал участие в археологических раскопках и разведках на Таманском полуострове, руководил экспедициями ГМИИ.

своих раскопок и исследований в Дагестане и Абхазии (Войтов В. Е., 2003, с. 88).

В 1928 г. А С. Башкиров – член Ученого Совета Музея восточных культур, читает доклады на научных заседаниях в рамках проектов по изучению тюркской культуры в СССР: «Задачи тюркской археологии», «Обследование Дагестана летом 1927 г.», «Художественные памятники древнего Солхата», «Археологическое обследование Абхазии осенью 1927 г.». Профессор принимает участие в археологической экспедиции в Татарии и вновь руководит археологическими раскопками на Тамани. По завершению полевых работ слушается его отчетное сообщение: «Летние работы в Билярске, на Тамани и в Хорезме» (Войтов В. Е., 2003, с. 88, 91, 106, 108, 125). В тот момент работы ученого в различных регионах СССР были подчинены общей тематической задаче, связанной с плановым изучением торговых и караванных путей, соединявших в древности Среднюю Азию с Поволжьем и Крымом (Войтов В. Е., 2001, с. 24).

Алексей Степанович принимал участие в решении одной из важных миссий МООПИК по созданию в Москве собственной крымоведческой библиотеки. Благодаря усилиям многих ученых к 1928 г. в ее фондах насчитывалось до тысячи томов.

В 1928 г. вышла в свет работа А. С. Башкирова «Деревянные двери дагестанского аула Кала Корейш», посвященная замечательному памятнику средневекового искусства резьбы по дереву в Дагестане[40]. В статье говорится о пышном развитии искусства деревообработки в XV–XVI вв. и о его упадке в XIX в. Автор пытается объяснить причину упадка, указывает на необходимость скорейшего всестороннего изучения памятников дагестанского искусства резьбы по дереву, подчеркивает, что издание материалов быта и искусства Дагестана является одной из важных задач изучения материальной культуры Кавказа.

[40] Работа содержит описание и образцовый искусствоведческий анализ богато орнаментированных дверей средневековой мечети в с. Калакорейш (Дахадаевский район). Эти двери А. С. Башкиров датирует XI–XII вв. Приводя многочисленные аналогии рассматриваемому памятнику на территории Грузии, Армении, Передней Азии и даже Владимиро-Суздальской Руси, ссылаясь также на персидские фаянсовые изделия и ткани, на многочисленные находки в Средней Азии, Китае и Западной Европе, автор доказывает влияние стиля средневекового искусства народов, граничащих с Дагестаном, и стран Передней Азии на искусство дагестанцев. Наряду с этим А. С. Башкиров отмечает, что под воздействием художественных традиций Востока и Запада, сложившихся в феодальную эпоху, в искусстве Дагестана рождаются специфические, своеобразные черты. Источник: http://www.yandex.ru/yandsearch?text=.

В 1928–1929 гг. А. С. Башкиров исследовал строительно-конструктивные и архитектурно-художественные особенности культовых и мемориальных булгарских и золотоордынских сооружений. Раскопки 1928 г. А. С. Башкирова на городище Биляр, бывшей столице Волжско-Камской Болгарии, открыли оборонительные системы Биляра, установлены факты их многократной перестройки; найдены остатки кирпичных зданий, могильник, изделия местных ремесленников, привозные товары из Ирана, Средней и Передней Азии, Китая, Византии, Кавказа и Руси. Раскопочные работы (проводимые вместе с Ф. Калининым) затрагивали помимо Билярского Джукетауское городище. Также было организовано исследование оборонительных сооружений и вала «Болгарского городища». Результаты экспедиции были опубликованы[41].

В 1931 году А. С. Башкиров по просьбе археолога Туркменского научно-исследовательского института Ершова выезжал на раскопки городища Ниса, лежащего под самым хребтом Копет-Дага у селения Багир. Проведенные на памятнике шурфовки открыли остатки древнего парфянского храма с мощными колоннами и портиками, домов, городского водоема, обнаружены центральная площадь и линии улиц.

За период своей наиболее активной деятельности А. С. Башкиров успел опубликовать более 40 статей и две монографии[42] (Формозов А. А., 2006, с. 231). Однако его дальнейшему научному росту начали мешать серьезные внешние обстоятельства, связанные с тем, что на грани 1920-х и 1930-х гг. положение советских ученых стало резко ухудшаться (Формозов А. А., 2006, с. 204).

Внутриполитическая обстановка в СССР была очень напряженной. Репрессии против представителей старых сословий, духовенства, ученых и интеллигенции, краеведов, начатые сразу же после революции, только набирали обороты. На этом фоне в 30 гг. продолжалась чистка рядов профессорско-преподавательского состава с целью освобождения ВУЗов от «буржуазной» профессуры, ликвидации высшего гуманитарного образования, краеведения и музееведения. В этот период подверглись преследованиям многие российские историки старшего и среднего дореволюционных поколений (Формозов А. А., 1995, 1998). Судьбы людей науки ломала карательная система государственной власти, которой требовалась новая генерация ученых, более послушная, гибкая и управляемая. Дореволюционные кадры не отвечали потребности дня, были частично уничтожены и в основном отодвинуты от научных занятий и преподавательской

[41] См. Башкиров А.С., 1929.

[42] Башкиров А. С., 1925; 1931.

деятельности (Формозов А. А., 2006, с. 243). РАНИОН был закрыт. В результате гонений против представителей «старой» школы, обвиняемых в антимарксизме, буржуазном формализме, расизме, А. С. Башкиров в 1930 г. прошел партчистку в 1-ом МГУ; правда, стал доцентом, а затем – с 1932 г. – профессором I МГУ (Войтов В. Е., 2003, с. 438), но вскоре был уволен из Университета и Исторического музея. Шаткость и уязвимость его положения совершенно очевидны. Помимо увольнений последовали провокационные клеветнические рецензии, в которых говорилось о А. С. Башкирове, как человеке несерьезном, пишущем о чем угодно, всегда плохо и в чуждом для советской науке духе, критиковали его за вредные исходные установки, дилетантизм, антимарксизм и проповедь расизма (Формозов А. А., 2006, с. 233)[43].

[43] А. А. Формозов в этой связи пишет: *«Началась кампания травли старых ученых в печати. В хронике «Сообщений ГАИМК» отмечено, что 19 марта 1931 г. по докладу Башкирова на секции социально-экономических формаций Института народов Советского Востока была принята резолюция: «Доклад т. Башкирова совершенно несостоятелен с точки зрения методологической, страдает некритическим отношением к источникам и представляет собой чисто описательную механическую компиляцию, не дающую раскрытия классовой природы и феодальных отношений Поволжья».*

В 1932 г. в тех же «Сообщениях» появилась написанная в памфлетном стиле статья «Олень с тоской во взоре и меланхолическая свинья» о книге Башкирова про резные камни Дагестана. Под статьей стоит подпись К. В. Тревер. Знавшим ее как очень томную пресную петербургскую даму, ученицу М. И. Ростовцева, Ф. Ф. Зелинского, Б. В. Фармаковского, В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, бывавшую в Греции и Италии, читавшим ее публикации, чисто фактологические, написанные в совершенно ином – академическом – стиле, нельзя не удивиться тону этой давней полемической статьи. Объяснения два: В ГАИМК шла «чистка». Ученые старой школы оказались под ударом. Кое-кому хотелось показать, что они «перестроились», пишут теперь в новой советской манере. В эти годы Тревер была близка с И. А. Орбели, а он зарекомендовал себя способным на многое в истории с травлей С. А. Жебелева, чуть ли не инспирировал ее. Старые сотрудники ГАИМК говорили мне, что интересующая нас статья написана в действительности им, а вовсе не Тревер. Замечу, что тогда Орбели ездил в Дагестан в аул Кубачи, чтобы посмотреть и вывезти в Эрмитаж те самые надгробия с гравировками, на которые обратил внимание Башкиров.

Так или иначе, в «Сообщениях ГАИМК» говорилось не только о реальных ошибках в книге Башкирова (ведь востоковедом он не был), не только о неудачных стилистических выражениях (вроде вынесенных в заголовок статьи), но и о вещах, куда более серьезных. Башкиров — типичный представитель РАНИОН, а там неверно понимали марксизм. Он «чистейшей воды формалист», не порвавший со своей «классической школой», пишущий в духе Ростовцева, Фармаковского, П. С. Уваровой и А. А. Бобринского, одним

Не случайно в 1932 г., когда Комиссия Коммунистической академии проверяла работу секции археологии Государственной академии искусствознания (в нее перевели археологов из РАНИОН), работу ее признали неудовлетворительной и особо отметили, что здесь укрылись всякие «башкировы и гриневичи». Как полагает А. А. Формозов, в этом сказались извечная петербургско-московская рознь, борьба за лидерство, за получение средств на исследования от национальных республик, а в начале 1930-х гг. в ходе этой борьбы кое-кто не гнушался и обвинений политического плана, граничащих с доносом (2006, с. 233).

После таких ударов со стороны недругов – ленинградских востоковедов из Академии истории материальной культуры, А. С. Башкиров потерял все карьерные позиции и едва смог найти место в 1932–1934 гг. в качестве действительного члена Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП), а с 1934 – действительного члена Всесоюзной академии архитекторы (ВАА). Но и там оказался под наблюдением секретных сотрудников, доносивших о его вольных высказываниях и критике советской власти (Формозов А. А., 2006, с 233 и сл.).

Несмотря на осложнения А. С. Башкиров в этот период вместе с другими ведущими учеными Москвы участвует в попытках воссоздания разгромленного репрессиями высшего гуманитарного образования, в частности, – историко-археологического и искусствоведческого. Встречи и совещания, проходившие в доме ученых, в комиссии по истории техники, а также в I-МГУ (с В. А. Городцовым, И. Н. Бороздиным, А. А. Захаровым и др.), должны были способствовать консолидации старых археологических кадров. Здесь обсуждались среди прочих вопросов необходимость создания кафедры археологии в МГУ и восстановление на базе университета запрещенных к преподаванию предметов гуманитарного цикла: археологии, литературы, языка, этнографии, искусства. Этому оживлению самоорганизации ученых, деморализованных массовыми арестами и увольнениями начала тридцатых годов, способствовал декрет о преподавании истории (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 125 и сл.). Подобная активность ученого не могла остаться незамеченной и закономерно привлекла пристальное внимание органов госбезопасности. Прямые репрессии не заставили себя долго ждать.

словом, чуждый советской науке человек. Отсюда вполне ясный вывод: «не пора ли подумать о целесообразности дальнейшего развития системы лихих выездов Башкирова в самые разнообразные районы СССР?» Иначе говоря: не пора ли его убрать?» (Формозов А. А., 2006, с 232 и сл.)

Алексей Степанович Башкиров был арестован 8 января 1935 г.[44] (Формозов А. А., 1998, с. 197), что неизбежно повлекло увольнение его со всех постов. Известно, что А. С. Башкиров во время отпуска проф. Б. П. Денике (1.11.1934–8.01.1935) замещал его и по совместительству трудился заведующим Отдела Ближнего Востока Музея Востока. С этой должности он был немедленно уволен «ввиду окончания временной работы» (Войтов В. Е., 2003, с. 438), видимо, «задним» числом сразу после ареста (8.01.1935).

Согласно анкете арестованного, А. С. Башкиров на момент ареста проживал в Москве, являлся научным сотрудником Всесоюзной академии архитектуры (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 123 и сл.)[45]. Изматывающие ночные и дневные допросы длились уже месяц. Следователь В. А. Смирнов, в своей практике применявший и методы физического воздействия, вел линию расследования к «расстрельной статье», пытаясь максимально увеличить число обвиняемых (Формозов А. А., 2006, с 234). Против профессора обернулась все детали его биографии, связанные и с сотрудничеством в РАНИОН, и с поездками за границу. Наличие обширных связей внутри страны и за рубежом, авторитет в научном мире только усугубили тяжесть его положения, создав определенную стартовую позицию для обвинения. Не случайно, особенное внимание было обращено на тех ученых, с которыми А. С. Башкиров чаще всего общался в ходе своей научной и преподавательской деятельности. Он, отвечая на вопросы о своих знакомых, упомянул более десятка имен ведущих ученых. Многие из них уже были давно под подозрением органов безопасности, а часть ранее репрессирована (Формозов А. А., 2006, с 234).

Вслед за А. С. Башкировым по обвинению в создании контрреволюционной националистической группы и контр-революционной деятельности были арестованы 14 февраля 1935 г. Алексей Алексеевич Захаров (1884–1937) и Илья Николаевич Бороздин (1883–1959), видные профессора, археологи и известные специалисты по истории древнего мира. Они среди прочих были названы А. С. Башкировым (Формозов А. А., 2006, с. 234) и стали проходить по одному с ним делу. Вряд ли здесь следует говорить о вине А. С. Башкирова в их аресте. Следствие для фабрикования «основательной» доказательной базы выбирало среди «бывших» наиболее подходящие кандидатуры, которые можно было увязать в

[44] Источник: http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/archeology/1998/3/ 191–206.pdf. По другим данным – 15 января 1935 г. (Формозов А. А., 2006, с. 204 и сл.).

[45] Дело по обвинению А.С. Башкирова, И.Н. Бороздина и А.А. Захарова // ГАРФ, ф.10035, оп.1, № П21128. Л.д.236.

одну логическую цепь – антисоветского заговора[46]. Связи этих ученых с ленинградскими и московскими исследователями, проходившими по сфабрикованному органами ГПУ «академическому делу» 1929–1931 гг., работа в РАНИОН – организации «идейно сомнительной» для большевиков, независимая к власти гражданская позиция самым серьезным образом усугубили положение подследственных. Следствие стремилось расширить круг подозреваемых, поэтому все факты их биографии и научной деятельности интерпретировались как враждебные советской власти и криминально-политические. К примеру, выезды на раскопки трактовались как мероприятия по установлению связей с местными контрреволюционными центрами и националистическими элементами; рядовые встречи и научные дискуссии – как подпольные собрания заговорщиков; контакты с зарубежными учеными Э. Миннзом, А. Талльгеном, Э. Герцфельдом – как неоспоримые свидетельства контрреволюционной деятельности (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 126).

Следователи ГПУ пытались доказать, что арестованные ученые создали свою «подпольную организацию» еще в период 1924–1925 г., когда в рамках РАНИОН были образованы Институт археологии и Институт искусствознания. Таким образом, в ее состав входили помимо подследственных крупные ученые РАНИОН Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, А. И. Некрасов. Так как некоторые из них (Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин) проходили по «академическому делу», то «группа Башкирова, Бороздина, Захарова» могла быть представлена отделением большой контрреволюционной организации, часть которой уже была к тому времени ликвидирована в ходе оперативных действий. Выяснялись связи с ленинградскими академиками и историками С. Ф. Платоновым и Н. П. Лихачевым, С. А. Жебелевым и С. Ф. Ольденбургом, проходившими по «академическому делу». Арестованным грозила смертная казнь по ст. 58–10, ч. 1 и 58–11 УК РСФСР. Помимо контрреволюционной деятельности им вменялись агитация и пропаганда против советской власти, шовинизм и национализм. А. С. Башкирову – еще и пантюркизм – за связи с археологами Крыма и Поволжья. Однако они в целом держались мужественно. Несмотря на изнуряющие многочасовые допросы, которые порой длились по нескольку ночей подряд, оставляя арестованных без дневного

[46] Кстати, за каждым из них была установлена еще до ареста негласная слежка и сбор агентурной информации. По месту работы А. С. Башкирова – в Академии архитектуры – внедренные секретные сотрудники ГПУ собрали его антисоветских высказываний на несколько листов, обобщенных в справке на арест от 5 января 1935 г. (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 124).

сна, запрещенного тюремными правилами, они не оговорили своих коллег и знакомых и не признавали своей вины. Ученые абсолютно не скрывали своего отрицательного отношения к засилью марксизма в науке, подвергали его положения критике, отвергали политику диктатуры пролетариата и советской власти в научно-гуманитарной области (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 126 и сл.).

А. С. Башкиров, сломленный непрерывными допросами, которые наверняка сопровождались избиениями, свою вину в антисоветской деятельности частично признал, так как его антисоветские высказывания были хорошо представлены в донесениях секретных сотрудников и отпираться от них было, вероятно, было делом безнадежным. А. А. Захаров и И. Н. Бороздин, арестованные несколько позже, отрицали все предъявленные им обвинения (см. Формозов А. А., 2006, с. 234 и сл.).

В результате после трех заседаний суда 9 августа 1937 г. дело было отложено и более не возобновлялось. Оно было направлено Прокуратурой на Особое совещание НКВД. 14 сентября А. С. Башкиров и его двое коллег, так и не выпущенные из тюрьмы, по распоряжению ОСО были сосланы на три года в Казахстан (считая со дня ареста) за контрреволюционную деятельность (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 130)[47].

[47] А. А. Захарова, отправленного в Алма-Атинскую ссылку в инвалидном кресле, расстреляли по надуманному обвинению в ноябре 1937 г., после третьего ареста (Формозов А. А., 2006, с. 240). И. А. Бороздин после первого наказания также был вновь арестован в 1937 г. Дальнейших репрессий удалось избежать только А. А. Башкирову. Возможно, данное обстоятельство привели И. Н. Бороздина к выводу, что А. С. Башкиров их предал. Об этом он говорил и сыну А. А. Захарова. И. Н. Бороздин настолько ожесточился, что порвал все связи с А. С. Башкировым (которому был много обязан и в науке). А. А. Формозов писал, что даже через десять лет после ареста, И. Н. Бороздин, когда однажды встретился с А. С. Башкировым на Всесоюзном археологическом совещании в 1945 г., не подал ему руки (2006, с. 230). Но эти подозрения, как показывают материалы дела, вряд ли обоснованы. А. С. Башкиров не пособник репрессий, а их прямая жертва. А А. Формозов возлагает известную долю вины на ленинградских коллег – современников Башкирова-Бороздина-Захарова, пытавшихся наветами и интригами убрать конкурентов на научной ниве (2006, с. 233). Далее А. А. Формозов резюмировал: «Я уверен, что рафинированная Камилла Васильевна Тревер вовсе не хотела, чтобы Башкирова истязали в застенках. Но дискредитировать своего конкурента по изучению древнего искусства Кавказа и убрать его с дороги она была не прочь. К чему это может привести в данный момент и в данной ситуации она не задумывалась. Киселев, Брюсов, Воеводский, Дебец, Толстов, надо думать, не хотели, чтобы Захарова расстреляли, но своими выступлениями подталкивали его к месту казни.

В начале Великой отечественной войны А. С. Башкиров работал на историческом факультете Калининского государственного педагогического института (КГПИ). Институт, большая часть студентов и преподавателей которого ушла на фронт, был с октябре 1941 – января 1942 в эвакуации в г. Глазове Удмуртской АССР. Известны его работы «Ученых записках» КГПИ, где публиковались научные труды сотрудников и преподавателей. В 1944 г. А. С. Башкиров был упомянут в разгромном по характеру Постановлении бюро Обкома ВКПб «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» вместе с Л. В. Черепниным, как историк, который характеризовал присоединение Казани к Москве лишь как завоевание и захват, и игнорировал исторически прогрессивное значение этого события. В результате чего сотрудники Института, изучавшие историю Казанского ханства, не сумели дать правильного, научного анализа этого периода истории татарского народа[48]. Это не было случайностью, так как однажды репрессированные и сосланные потом постоянно находились под гнетом политической неблагонадежности.

А. С. Башкиров в 1945 г., в конце войны, защитил докторскую диссертацию в МГУ на тему «Антисейсмизм древней архитектуры (Восток, Греция, Италия, Юг СССР)». Защита репрессированного ученого состоялась, благодаря активной помощи видных археологов – В. А. Городцова, А. В. Арциховского, Б. Н. Гракова, В. Д. Блаватского (Формозов А. А., 2006, с. 216)[49]. Впоследствии данная диссертационная

Мы уверяем себя, что есть некое научное сообщество, дружная семья ученых, озабоченная неким общим делом. А в действительности идет борьба за место под солнцем, за чины, ставки, средства на исследования, перспективные районы и темы. Кое-кто готов в этой борьбе орудовать без перчаток, а кто-то умело использует это.

Добились ли враги Башкирова, Бороздина и Захарова своей цели? Увы, в общем да. В 1930-х гг. эти ученые были растоптаны. В 1940-х Башкиров и Бороздин вернулись к преподаванию, но особой роли уже не играли. Бороздина чтили в Воронеже. Еще бы: в детстве он разговаривал со Львом Толстым, в 1918 г. бродил по ночному Петрограду с Блоком, обсуждая судьбы России! Но о большой науке речи уже не было. Башкирова в Москве не слишком уважали. А Захарова просто забыли. До 2000 г. судьба его была не ясна и решительно никого не интересовала. Рукописи, оставшиеся после него, никто не читал и не оценил. В справочнике «Советские востоковеды» о нем нет ни слова» (Формозов А. А., 2006, с. 242).

[48] Источник: www/kcn.ru/tat-ru/politics/pan.

[49] А. А. Формозов (2006, с. 216) по каким-то причинам считает диссертацию А. С. Башкирова спорной, однако, мое ознакомление с ее текстом вполне позволяет заключить, что присуждение докторской степени А. С. Башкирову

работа, посвященная антисейсмизму древней архитектуры – Средиземноморья (Востока, Греции, Италии и Юга России)[50], была издана в четырех выпусках в 1945–1948 гг. Материалы для своей работы он начал собирать еще до революции. Ее удалось издать под грифом Калининского государственного педагогического института (КГПИ), где А. С. Башкиров преподавал.

Заслугой профессора А. С. Башкирова является внимательное изучение древней архитектуры и последствий сейсмических воздействий на обнаруженные археологические объекты. Он писал, что исследователи часто ограничивались «...общими фразами о штурмовых разрушениях внешнего врага» и мало обращали внимание на статическое состояние остатков строительных конструкций, характерные деформации в различных элементах сооружений, на наличие специфических трещин, направленность развалов кладок, подвижки и приобретенные после строительства дефекты, грунтовые условия поселений, а также на другой археологический и геологический контекст (1948, с. 292). В настоящее время его наблюдения и выводы по археосейсмологии, которые еще при жизни ученого называли «неоднозначными» и не вполне обоснованными, нашли блестящее подтверждение. Не случайно, что после разрушительных Ташкентских землетрясений работой профессора по средневековой архитектуре Средней Азии предметно заинтересовался Институт сейсмологии АН СССР. Благодаря скрупулезно собранной и аналитически проработанной информации А. С. наработкам Башкирова по антисейсмическим приемам древней архитектуры, профессору А. А. Никонову, сотруднику Института физики земли РАН, удалось в конце прошлого столетия разработать археосейсмический метод исследования деформаций и нарушений строительных конструкций, образовавшихся в результате разновременных сейсмических воздействий[51]. Этот метод был успешно

было вполне заслуженным, а проблемы, рассмотренные в работе, вполне актуальны и в настоящее время. В целом следует отметить, что этот труд ученого был незаслуженно забыт (как и многое другое из его наследия) и крайне мало известен в научных кругах. По этой причине тема палеосейсмологии и антисейсмического древнего зодчества остается вне поля научных приоритетов современного отечественного антиковедения.

[50] Уч. зап. Калининского Гос. Пед. Института. Т. XIV. Вып. 1 и 2.

[51] Так, к примеру, на многих боспорских памятниках, которые традиционно считаются погибшими в ходе вражеских захватов в III в. н. э., выявляются со всей определенностью следы сильных, направленных ударов и другие признаки, характерные для мощных землетрясений. Такие разрушения зачастую сопровождались локальными или всеобъемлющими пожарами, подвижками грунта особенно на склонах, и нарушениями рельефа. Они

апробирован на ряде археологических памятников, в том числе боспорских, и стал необходимым инструментом изучения последствий воздействия сейсмических катастроф на древние цивилизации[52].

В послевоенное время профессор А. С. Башкиров возглавлял Кафедру всеобщей истории (сформирована на базе кафедры истории древнего мира и истории средних веков в 1942 г.) исторического факультета Ярославского государственного университета (до 1962 г.). Здесь он читал курс археологии и историю древнего мира. Впервые после репрессий ученому удалось вплотную вернуться к своей любимой античной тематике.

В 1948 году по инициативе А. С. Башкирова создается межвузовское научное объединение кафедр истории древнего мира и всеобщей истории четырех педагогических институтов с целью изучения территории Таманского полуострова (Башкиров А. С., 1950). Это было, несомненно, новаторское начинание ученого, стремившегося создать свою научную школу и поставить научно-изыскательские работы на Тамани на более прочную финансовую и организационную основу. Подобной совместной деятельности по ведению научно-изыскательских работ и педагогическо-преподавательской подготовке в рамках кафедр, изучавших среди прочих дисциплин классическую историю и археологию, еще не было. В работах и экспедициях объединения принимали участие ученые, педагоги, студенты и сотрудники педагогических ВУЗов г. Москвы (им. Ленина, им. Крупской, им. Потемкина[53]) и г. Калинина (им. Калинина). Кафедра всеобщей истории ЯГПИ также участвовала в этом научном объединении. В этом году исследовались археологические объекты античного Патрея в районе бывшего хутора Чиркова и композитная винодельня, открытая в «нижнем городе». В рамках научно-изыскательской деятельности межвузовского научного объединения аспиранты и студенты исторического факультета МГПИ им В. И. Ленина трудились

отличаются от следов медленных тектонических движений, которые способны влиять на эволюцию ландшафтов античного времени (Винокуров Н. И., Никонов А. А., 1998, с. 98 и сл. О следах землетрясения античного времени на западе Европейского Боспора // РА. № 4).

[52] См. подробнее: Аракелян Р. О., 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском полуострове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Арм. ССР. Науки о земле. XXXVI, № 4; Никонов А. А., 1990. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого // Источники и воздействие разрушительных сейсмических колебаний // Вопросы инженерной сейсомологии. Вып. 31. с. 137 и сл.

[53] Сообщалось, что в МПИ им. В. Потемкина А. С. Башкиров преподавал с 1948 г. (Формозов А. А., 2006, с. 205).

в составе археологических экспедиций А. С. Башкирова в Крыму и Закавказье. Именно на этой базе проводилась среди прочих учебных и научных мероприятий и археологическая практика, традиционно представленная и организованная сначала Кафедрой истории древнего мира МГПИ, а с 1950 г. – Кафедрой истории древнего мира и средних веков МГПИ.

В 1950 г. А. С. Башкиров работал также в Москве. В 1955 г. профессор и его коллеги, проходившие по «делу Бороздина, Башкирова, Захарова», были полностью реабилитированы за недоказанностью состава преступления (Ватлин А. Ю., Канторович А. Р., 2001, с. 130). Теперь научной деятельности А. С. Башкирова уже ничего не мешало, но силы исследователя уже были подорваны пережитыми тяжелейшими жизненными испытаниями. По подсчетам А. А. Формозова, А. Башкиров написал в послевоенные годы совсем немного – десять публикаций (2006, с. 237). Правда, к этому списку следует добавить научные Отчеты о проводимых археологических исследованиях на Таманском полуострове (1947–1949, 1951, 1962).

В течение многих лет заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского института профессор А. С. Башкиров продолжал руководить археологической экспедицией и большое внимание уделял изучению античной культуры Северного Причерноморья и древнеславянских поселений на Таманском полуострове. Приоритетом в его полевой работы было исследование в период 1948–1961 гг. Патрея, боспорского города на северном берегу Таманского залива, довольно значительное по масштабам[54].

В 1963 г. А. С. Башкиров скончался. Обстоятельства его смерти мне остались неизвестными, как и до недавнего времени судьба архива и библиотеки[55].

Вполне можно согласиться с мнением А. А. Формозова, что А. С. Башкиров – яркая фигура отечественного антиковедения, одаренная и очень талантливая. Действительно, совершенно неверно расценивать А. С. Башкирова как малоодаренного ученого с сомнительной репутацией. Репрессии существенным образом повлияли на его судьбу и не позволили в полной мере раскрыться его немалому дарованию. Профессор был оклеветан и тень молвы недоброжелателей легла отпечатком на всю его биографию и научную деятельность[56].

[54] Башкиров А. С., 1950; 1957.

[55] Есть информация, которую мне не удалось проверить, что в Самарской библиотеке хранится уникальное собрание книг профессора А. С. Башкирова. Источник: http://www.kg.ru/culture/default.asp?file=instance.asp&iid=5.

[56] В свое время я поинтересовался у антиковеда Н. П. Сорокиной (супруги

А. А. Формозов, заключает, что А. С. Башкиров не занимался политиканством, был честным человеком и хорошим исследователем, имел четко очерченную специальность — антиковедение, проводил систематические раскопки, был хорошим педагогом. По его словам, А. А. Узянов, занимавшийся в школьных археологических кружках, под руководством профессора, и сейчас с удовольствием вспоминает его лекции, обильно уснащенные диапозитивами, привезенными еще до революции из Греции и Италии (Формозов А. А., 2006, с. 237). К слову, замечу, остатки этих диапозитивов до сих пор сохраняются на Кафедре истории древнего мира и средних веков МПГУ.

Основные труды проф. А. С. Башкирова[57]

Башкиров А.С. 1914. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь.

Башкиров А.С. 1922. Отчет археологии и искусств Самарского государственного университета с 20 апреля 1919 по 20 сентября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. С. 86–92. Самара.

Башкиров А.С. 1923. Прошлое Крыма: исторический очерк. М.: Чатырдаг.

Башкирова А.С. 1924. О деятельности Археологического отделения Научно-исследовательского института Археологии и Искусствознания в 1923/1924 учебном году // Древний мир. Вып. 1. авг. 1924. С. 40–42.

Башкиров А.С. 1925. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань.

Башкиров А.С. 1925. Доисторический человек горного Крыма // Крым. № 1. С. 18–22.

Башкиров А.С. 1925. Крым в его прошлом // Крым // Путеводитель. Москва-Ленинград.

Башкиров А., Боданинский У. 1925. Памятники крымско-татарской старины Эски-Юрт // Новый Восток. № 8–9.

Башкиров А.С. Средневековые памятники дагестанского аула Кала-Корейш. ТСАИАИ. Т. 1, 1926.

известного археолога Н. И. Сокольского), лично знавшей А. С. Башкирова и видевшей его раскопы, хорошо ли копал А. С. Башкиров в Патрее, но получил совершенно для меня неожиданный ответ: «Плохо!». От расспросов я тогда воздержался. А жаль. Расспросить подробнее уже некого.

[57] В списке приведены далеко не все труды А. С. Башкирова.

Башкиров А.С. 1926. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым, № 2(4). С. 108–125.

Башкиров А.С. 1927. Художественные памятники Солхата // Крым, 1927, № 1/3. С. 122–124.

Башкиров А.С., А.С. 1927а. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 года // Труды Этнографо-археологического Музея I МГУ, 3. М.

Башкиров А.С. 1927б. Изучение памятников старины в Дагестане. – Дагестанский сборник. Махачкала. Т 3. С. 233–240.

Башкиров А.С., Бороздин И.Н. 1927 г. Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму в 1925 – 1926 гг. М.

Башкиров А.С. 1928. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции РАНИОН. III. С. 71–86.

Башкиров А.С. 1928. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш.– ТСАИАИ. Т. 2.

Башкиров А.С. 1929. Памятники булгаро-татарской культуры на Волге. Казань.

Башкиров А.С. 1929а. Экспедиция по изучению болгарско-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Вып. III, Казань.

Башкиров А.С. 1929. Древние и средние века в истории Крыма. Симферополь: КрымГИЗ, 1929 г. – 24 с. 2 изд.: «Крым: путеводитель», Симферополь, 1929 г. С. 171–192.

Башкиров А.С. 1929. Экспедиция по изучению болгарско-татарской культуры летом 1928 г. Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР, вып. III, Казань.

Башкиров А.С. 1930. Петрографика Аварии.– ТСАИАИ. Т. 5.

Башкиров А.С. 1931. Искусство Дагестана. Резные камни. Москва.

Башкиров А.С. 1931а. Резьба по камню и дереву в Дагестане.– Художественная культура Советского Востока. М.-Л.

Башкиров А.С. 1948. Антисейсмизм древней архитектуры. Уч. зап. Калининского Гос. Пед. Института. Т. XIV. Вып. 1–2.

Башкиров А.С. 1950. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 года.// Уч. зап. Московского ГПИ им. В. П. Потемкина. Т. 13. Вып. 2.

Башкиров А.С. 1957. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949–1951 гг. // Уч. записки Ярославского пединститута. Вып. XXП (XXXП). Ярославль

Научне отчеты

Аврус А.И. 2001. История российских университетов. М.
Башкиров А.С. 1947. Отчет об археологическом обследовании городища Патрей в 1947 г. // Архив ИА РАН. Р–I, № 165. М.
Башкиров А.С. 1948. Отчет об изысканиях на Таманском полуострове в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р–I, № 248. М.
Башкиров А.С. 1950. Отчет и альбом об археологическом исследовании территории древнего города Патрей на Таманском полуострове в 1951 г. // Архив ИА РАН, Р–I, №506. М.
Башкиров А.С. 1951. Отчет об археологическом исследовании территории древнего города Патрей на Таманском полуострове в 1951 г. // Архив ИА РАН, Р–I, №661, 662. М.
Башкиров А.С. 1961. Отчет об археологических раскопках древнего города Патрея на Таманском полуострове. М., 1961 // Архив ИА РАН. Р–I, №2386, 2386а. М.

Литература

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. 2001, с. 123–131. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА. № 1.
Войтов В.Е. 2001. Из истории археологических экспедиций Музея Восточных Культур в Старом Термезе 1926–1928 (по архивным данным и публикациям). М.
Бгажба О.Х. 1967. История изучения средневековых памятников Абхазии// Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси
Войтов В.Е. 2003. Материалы по истории Государственного музея Востока 1918–1950. М.
Иванушкина С.А. 2009. Возрождение Губернского музея в 1920-е годы // Вестник СамГУ. №7 (73). Самара.
Пятышева Н.А. 1963, с. 316–317. А. С. Башкиров (некролог) // СА. № 3. С. 316–317.
Шофман А.С. 1963. История античной Македонии. Часть II. Казань. 434 С.
Формозов А.А. 1995. Русские археологи до и после революции. М.
Формозов А.А. 1998, с. 191 и сл. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940 гг.
Формозов А.А. 2006. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.
Якобсон А.Л. 1972. О дате большого храма в Пицунде (Абхазия) // КСИИМК, Вып. 132. М.

Волошинов А.А., Масякин В.В.
(Симферополь)

ГЕРМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИЗ НЕКРОПОЛЯ СУВЛУ-КАЯ[1]

Некрополь Сувлу-Кая расположен в северо-восточной части г. Бахчисарай, на обрывистом плато к северу от долины реки Чурук-Су. Памятник находится в небольшой низине, ограниченной выходами нуммулитовых известняков, его площадь составляет более 1,5 га.

С 2009 г. по 2013 г. некрополь исследовался совместной экспедицией Крымского филиала Института археологии НАН Украины и Бахчисарайского историко-культурного заповедника. С 2015 г. Бахчисарайским историко-культурным и археологическим музеем-заповедником и Институтом археологии Крыма. В настоящее время исследовано 40 погребальных сооружений, среди которых 9 катакомб, 28 подбойных могил, 2 могилы с плитовым перекрытием и 1 грунтовая яма. Особенностью некрополя является чрезвычайно плотное расположение могил, конструкции которых в ряде случаев перерезают друг друга. Эта особенность позволяет рассматривать этот памятник в качестве эталонного для рассматриваемой эпохи (Masyakin, Voloshinov, Nenevolja 2013.).

Исследованные погребения относятся к 3 - началу 5 вв. н.э. Выделяются две культурно-хронологические группы погребений, отличающиеся особенностями погребального обряда. К ранней группе, датирующейся 3 - первой половиной 4 вв. н.э., относятся все подбойные могилы. Поздняя группа второй половины 4 – первой половины 5 вв.

[1] Тезисы подготовлены в рамках плановой темы № 1005 – 2015 – 0002 «Скифская и позднескифская культуры Крыма в системе кросс-культурных взаимодействий с античной цивилизацией и варварским миром Северного Причерноморья и Средиземноморья» отдела раннего железного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии Крыма РАН».

н.э. представлена катакомбами, исследования которых позволили выявить новое явление - германские элементы в погребальном инвентаре и обряде. Катакомбы состоят из узкой и длинной входной ямы длиной до 8 м, с многочисленными ступеньками, в торцевой стенке которой вырублена подпрямоугольная в плане подземная камера с максимальными размерами до 3,5 х 3,5 м, глубиной от современной поверхности до 5 м. Вход в камеру закрывался известняковой плитой.

Исследованная группа катакомб представляет наибольший интерес, поскольку в последней четверти 4 – первой половине 5 вв. н.э. многочисленные некрополи Центрального Крыма прекращают функционировать. Считается, что это связано с вторжением гуннов, спасаясь от которых, население переселилось в горную часть Юго-Западного Крыма. Действительно, в это время здесь возникают большие катакомбные некрополи, такие, как Алмалык-Дере, Красный Мак и другие. Поскольку все катакомбы этих некрополей ограблены, представления исследователей о культуре населения этого региона основаны на особенностях конструкций погребальных сооружений и отдельных находках вещей. В этой связи несомненной удачей является открытие в некрополе Сувлу-Кая непотревоженных погребений этого периода. Среди них наиболее репрезентативны катакомбы (№№ 7 и 10, 25, 32). Погребенных сопровождал многочисленный и разнообразный инвентарь, представленный следующими категориями:

Предметы вооружения. Наиболее репрезентативный набор найден в погребении 6 склепа № 10, по количеству и составу не имеющий себе равных в варварских некрополях Крыма (рис.1).

Мечи (длина 84 см, ширина клинка 4,8 см) (рис. 1, 7). Он относится к типу, распространенному на обширной территории и характерному для позднеримского времени и начала Эпохи великого переселения народов. Подобные предметы встречаются и в ареале германских культур.

Умбоны и рукояти щитов. Найдены в катакомбах №№10 и 25. Судя по расположениям металлических деталей, щиты были прислонены к стенкам склепов. Находки подобных предметов в Северном Причерноморье считаются свидетельством контактов местного населения с германцами или непосредственным присутствием носителей культур германского круга. Умбон (рис.1, 4) относится к типу Zieling K1, широко распространенному на территории Европы (Zieling 1989, Taf.14, 2; Kazanski 1994, P. 440). В Крыму однотипные умбоны найдены в некрополе Пантикапея (Засецкая 1993, Табл. 47, 215; Kazanski 1994, Fig. 2, 21, 22; Лысенко, Юрочкин 2004, Рис. 9,1; 22, 2; 32, 1) и погребении с кремацией № 4 Чатырдагского некрополя, который связывают с германской культурной традицией (Мыц и другие 2006, Табл.7, 4).

Рукоять щита (рис.1, 5) близка типу Ilkjaer 5dg, характерному, главным образом, для Южной Скандинавии и ареала пшеворской культуры (Ilkjaer 1990, Abb. 200; Kazanski 1994, P. 449).

Наконечник копья в деревянном чехле (длина 41 см), найден за головой. Древко копья было окрашено в красный цвет (рис. 1,1; 2, 2). Примечательно, что в Крыму единственный совершенно аналогичный наконечник найден в погребении № 4 Чатырдагского некрополя (рис. 2, 4). Морфологически эти предметы близки наконечникам копий пшеворской культуры типа Kaczanowski XX, отличающихся меньшими размерами (Kaczanonowski 1995., Tabl.14, 4, 5).

Еще одним свидетельством связей с Северной Европой является длинный **наконечник дротика** с двумя шипами (рис. 1, 2; 2, 5) (длина 46 см), который относится к специфическому виду оружия, характерному для Скандинавии. Он принадлежит к типу 15 по классификации J.Ilkjaer и типу Kvamme по классификации J.Bemmann и G.Hahne (Ilkjaer 1990, Abb. 198; Bemmann, Hahne 1994, Abb. 67, 1). Большое количество разных вариантов таких наконечников найдено в болотном святилище Illerup в Дании (рис.2, 6). За пределами скандинавского региона находки наконечников дротиков этого типа встречаются чрезвычайно редко.

Таким образом, формирование рассмотренного комплекса предметов вооружения (рис.1) связано с тремя культурными элементами: местным (мечи), германским (умбон и рукоять щита, наконечники копья и дротика), кочевническим, очевидно, гуннским (стрелы). Вместе с тем, по своему составу (щит, длинный меч, копье, дротик и стрелы) он близок комплексу вооружения воинских погребений германской элиты (франков, алеманнов и других) (Например: Perin 1995, Fig. 14 – 18, 20).

Украшения. В склепе № 7 в погребении VI в области шеи зафиксирован набор из восьми серебряных пластинчатых ромбовидных подвесок с проволочными витыми петельками (рис. 2, 7). Почти все достоверно известные находки таких подвесок происходят из ареала черняховской культуры, связываемой большинством исследователей с историческими готами, и интерпретируются в качестве украшения волос. Наиболее близкий набор происходит из погребения 63 некрополя Сынтана де Муреш в Румынии и также был расположен в области шеи (рис. 2, 9) (Гопкало 2012, С. 110 – 111, Рис. 5). Еще один аналогичный набор найден в пещере Koszice к северу от Кракова, но об условиях находки ничего не известно (рис. 2, 8). Известно лишь, что недалеко от пещеры находится некрополь с кремациями пшеворской культуры (Bursche 2010, P. 19, Fig. 4, a, b). В двух склепах (№10, 34) найдены бронзовые двучленные прогнутые подвязные фибулы, наиболее характерные для ареала черняховской культуры. В одном

из детских погребений найдено ожерелье из янтарных грибовидных (восьмерковидных) подвесок, происхождение которых также связывают с культурами германского круга.

Сосуды. Еще одним показательным примером связей носителей черняховской культуры с населением, оставившим некрополь, являются два лепных кувшина, найденные в рассматриваемых склепах и выделяющиеся среди остальной лепной посуды (рис. 3, 1, 2, 3, 4). Судя по характеру примесей в глине, они сделаны непосредственно на месте. Кувшины имеют поддон, биконическое тулово и узкое высокое горло с отогнутым наружу венчиком, и в деталях повторяют форму черняховских гончарных кувшинов, найденных в наиболее поздних комплексах этой культуры (рис. 3, 5, 6) (Петраускас 2008, С. 6, Рис.5, 2, 30). Судя по инвентарю, сопровождающему черняховские погребения, они синхронны захоронениям в склепах. При этом тулово одного из кувшинов украшено горизонтальным волнообразным налепом в виде «змеи», который, вероятно, является элементом местного творчества (рис. 3, 1, 3).

В склепе № 32 найден стеклянный ритон. Основной ареал распространения сосудов такого типа находится в области Южной Скандинавии и Нижнего Рейна. Эта находка также свидетельствует о контактах населения предгорного Крыма с данным регионом.

Еще одним ярким примером погребальных традиций, характерных для германских культур является захоронение по обряду трупосожжения, совершенное в катакомбе № 40. В юго-западном углу камеры, на полу склепа, среди нескольких ограбленных в древности захоронений по обряду ингумации и фрагментов большой широкогорлой красноглиняной амфоры, предположительно относящейся к типу Делакеу, было зачищено in situ темно-коричневое пятно (1,26х0,88 м), содержавшее значительное количество мелких (до 4 см) обломков человеческих костей со следами кремации и многочисленный погребальный инвентарь (бусы, бронзовый перстень, серьга, фрагменты фибул и т.д.). Обломки амфоры, на стенках которой сохранился винный налет, были разбросаны по всей площади камеры, на разных уровнях от ее пола.

Появление на территории некрополя в последней четверти 4 – начале 5 вв. н.э. нового типа погребальных сооружений – катакомб с предметами инвентаря и элементами погребального обряда, характерными для германцев, вероятно связано с приходом нового населения, в культуре которого присутствуют элементы, демонстрирующие дальние этнокультурные связи, не характерные для предшествующего периода функционирования некрополя. Это отражает процессы, связанные с началом Эпохи великого переселения народов.

Литература

Гопкало О.В. Прикраси волосся у дівочому вбранні населення черняхвськоі культуры. Археологія і давня історія України. Вип. 8. 2012. 109-116.

Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000-2002 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. К., 2004. С. 94-166.

Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В., Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. С-Пб, 2006.

Петраускас О.В. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины // Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград, 2008. С. 88 – 103.

Bemmann J, Hahne G. Waffenführende Grabinventare der jüngeren römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit in Skandinavien, Studie zur zeitlichen Ordnung anhand der norwegischen Funde. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1994. 75. S. 283–640.

Bursche A. More Recent Evidence on the Dancheny-Brangstrup Horizon // I. Kharpunov (ed.), International Conference “Inter ambo maria. Contacts between Scandinavia and Crimea in the Roman Period”. Simeropol, 2010. P. 18-27.

Ilkjaer J. Illerup Ådal. Die Lanzen und Speere. Textband. Jutland archaeological societt publications 25/1. Aarhus, 1990.

Kaczanowski P. Klasyfikacja grotow broni drzewcowej kultury przeworskiej z okresu rzymskiego. Krakow, 1995.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l’époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. In: Claus von Carnap-Bornheim(ed.), Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lubin –Marburg, 1994. S. 429-485.

Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen - Skythen - Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. Bonn, 2013.

Perin P. Les tombes de “ chefs “ du debut de l’epoque merovingienne. Datation et interpretation historique. In: Michel Kazanski, Françoise Vallet (ed.), La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle (Mémoires publiées par l’Association Française d’Archéologie Mérovingienne, IX). Saint-Germain-en-Laye, 1995. S. 247-299.

Zieling N. Studien zu germanischen Schilden der Spätlaténe und römischer

Kaiserzeit un freien Germanien. BAR International Series 505, Bd. III. Oxford, 1989.

Рис.1. Некрополь Сувлу-Кая. Оружие из погребения VI могилы № 10.

Рис. 2. 1, 2, 5, 7 - Некрополь Сувлу-Кая. 3, 4 – Чатырдагский некрополь. 6 – Иллеруп. 8 – Кошице. 9 - Некрополь Сынтана де Муреш.

Рис.3. 1, 2, 3,4 - Некрополь Сувлу-Кая. 5 - Некрополь Жовнин-Пристань. 6 - Некрополь Косаново.

Гарипов А.С., Смекалова Т.Н.
(Симферополь)

А.Н. ЩЕГЛОВ – ИНИЦИАТОР ВНЕДРЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЮ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА[1]

Пионером в использовании различных естественнонаучных методов в археологии Крыма был выдающийся ленинградский археолог А.Н. Щеглов (1933-2009 гг.), долгие годы (с конца 1950 гг.) возглавлявший Тарханкутскую экспедицию Ленинградского отделения института археологии (ЛОИА), позднее Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН. Благодаря усилиям и инициативе А.Н. Щеглова, античное поселение Панское I, стало своего рода полигоном для испытания возможностей различных естественнонаучных методов, отработки приемов их применения и интерпретации полученных данных. Этому благоприятствовали небольшие глубина залегания и мощность культурного слоя на памятнике, а также его относительная непотревоженность.

Крупное античное поселение Панское I, представляющее собой конгломерацию из 14 отдельных усадеб, находится на берегах Ярылгачского озера (Сасык-Панское) в 2 км к юго-западу от с. Межводное в Черноморском р-не Республики Крым. Основное внимание археологов было сосредоточено на раскопках усадеб У13, У11, У6 и У7 и некрополя.

По приглашению А.Н. Щеглова с начала 1970-х гг. на поселении Панское I группами ученых из Института земного магнетизма и распространения радиоволн (ИЗМИРАН), Санкт-Петербургского Горного института и Санкт-Петербургского государственного университета

[1] Работы выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

активно применялись методы магниторазведки и электроразведки для исследования практически всех усадебных комплексов и курганного некрополя. Здесь также проводилась съемки микрорельефа, высоты растительного покрова, фосфатный анализ [Щеглов, 1983, с. 23]. Все методы показали исключительно хорошие и согласующиеся между собой результаты, но особенно успешными в выявлении планировки античных построек оказались магнитная съемка и электроразведка. Наибольшее количество различных геофизических методов было применено на усадьбе У7. Пример карт магнитного поля и кажущегося электрического сопротивления, измеренных геофизической группой Санкт-Петербургского Горного Института под руководством В.В. Глазунова для усадьбы У7 представлены на рис. 1, *а, б*. [Глазунов, 1978; 1979].

В 2007, 2008 и в 2015 гг. магнитная съемка на поселении Панское I была возобновлена авторами данной статьи [Смекалова, 2011, с. 10-11, 94, 95]. Она охватила всю основную часть поселения, свободную от раскопов и отвалов земли и распаханное поле, находящееся к востоку от усадеб (рис. 2). На магнитных картах отчетливо проявились линейные отрицательные аномалии, пересекающиеся под строго прямыми углами, создаваемые каменными стенами построек усадеб У3 и У1. На распаханном поле к востоку от усадеб был обнаружен земельный участок с виноградным плантажем (буква «В» на рис. 2). На карте магнитного поля виноградник отразился в виде положительной линейной аномалии от водоотводной канавки, которая обычно устраивалась по периметру виноградника и, перпендикулярно ей, целой серии параллельных отрицательных аномалий от каменных плантажных стен, идущих на расстоянии 2 м друг от друга (рис. 2).

На космическом снимке, от 9 апреля 2009 г., к северу от курганного некрополя хорошо различимы так называемые «длинные поля» (обозначены буквой «Г» и сплошными и штрих-пунктирными параллельными линиями на рис. 2). Данные поля состоят из параллельных валиков, идущих по краям поля и ровику, следующим ровно посредине. Этот вид древних пахотных полей мы встречаем повсеместно на нетронутых современной распашкой участках северо-западного и предгорного Крыма. Специфический вид полей обусловлен тем, что они образовались в результате действия плуга с боковым отвалом [Смекалова, Кутайсов, 2013, с. 153-192]. Целый ряд данных позволяет нам предположить, что эти поля, возможно, обрабатывались местным населением и могут быть датированы эллинистическим временем [Смекалова, Лисецкий и др. 2015].

К югу от виноградника «В» находятся и другие объекты, свидетельствующие о хозяйственной жизни обитателей поселения.

Так, непосредственно к востоку и северо-востоку от усадьбы У11 находится скопление более чем 30 ям (вероятно, зерновых) (обозначено буквой «А» на рис. 2). К югу от этого скопления находится довольно интенсивная положительная аномалия, которая может оказаться гончарной печью. К юго-востоку от линии «Б» (рис. 2), магнитное поле имеет существенно возмущенный характер, однако, это, скорее всего, аномалии, вызванные естественными причинами. Здесь материковая скала приближается к поверхности и ее неровности и карстовые полости, заполненные слабомагнитным грунтом, создают положительные аномалии на фоне немагнитной скалы.

Помимо применения геофизики, А.Н. Щеглову принадлежит также честь первого в истории археологии широкого внедрения палеогеографических, палеоботанических и геологических приемов в реконструкции природного пространства и среды обитания человека в античный период.

Комбинирование различных методов позволило отобразить картину жизни поселений дальней хоры Херсонеса в раннеэллинистический период. Выяснение абсолютной и относительной хронологии в процессе сопоставления полученных данных естественнонаучных приемов с археологическими находками помогло сделать значительный рывок в области смежных дисциплин.

К этому времени уже существовали обобщённые палеогеографические схемы для отдельных периодов и эпох. Однако в середине 1950-х гг. ученые начали переходить к созданию более детальных карт небольших регионов для геологии отдельных веков или ещё более узких интервалов времени. Именно этих целей и придерживался отряд геолога и геоморфолога Н.С. Благоволина при работе на Тарханкутском полуострове. При построении схемы природно-ландшафтного окружения для поселений античного периода обследовались берега Ярылгачской бухты. С помощью инвазионного бурения были взяты пробы в некоторых частях побережья озера Панское и на пересыпи Ярылгачской бухты. Результатом комплексных анализов 72 скважин, сделанных вдоль двух профилей пересыпи, стало обнаружение новых форм палеоландшафта в пределах античного поселения Панское I – Палео-Сасыкской и Палео-Карлавской балок, протянувшихся вдоль северо-западного и северо-восточного берегов озера соответственно [Hannstad, Stovba, Ščeglov, 2002, p. 293].

Следующей задачей для палеогеографов стало построение стратиграфического профиля усадьбы У14, расположенного в пределах северо-восточной лагуны озера. Срез глубиной 1,5 м включает в себя шесть геологических слоев, включая археологические остатки указанного поселения. Выявленные результаты показали,

что уровень воды на данном участке лагуны, где непосредственно располагаются остатки античной усадьбы, находился ниже минимум на 2-4 м от уровня современной поверхности. Об этом свидетельствуют палеоэкологические характеристики иловых отложений, покрывающих каменные руины поселения У14 [Hannstad, Stovba, Ščeglov, 2002, p. 292].

Еще одним новшеством, использованным археологами и палеогеографами стал гидроэхолот ПЭЛ-3. С его помощью под непосредственным руководством А.Н. Щеглова был обследован вход в устье Ярыгачской бухты. Сделаны были два поперечных профиля (отстоящих друг от друга на 180-330 м) с востока на запад между отрогами бухты. Полученные данные смогли подтвердить конфигурацию древнего залива, а наличие подводных террас и возможных остатков волноприбойных ниш предполагает, что уровень моря в период голоцена повышался либо колебался, имея тенденцию в целом к возрастанию [Щеглов, Благоволин и др, 1972, с. 353].

Комплекс палеогеографических наблюдений отряда Института географии АН СССР показывает, что оз. Панское в своих современных границах образовалось уже в ходе современной трансгрессии, возможно осложненной неотектоническими опусканиями северного крыла Тарханкутского поднятия. На месте оз. Панского, вероятно, в IV – III вв. до н.э. находилась приморская низменная долина, пересеченная развитой системой балок, затопленные устьевые части которых образовывали узкие, далеко вдающиеся в сушу извилистые заливы. В долине, по краям балок и заливов, а также на водоразделах располагались земледельческие поселения [Щеглов, 1968, с. 214].

В свою очередь берега имели несколько иные очертания. Повышение уровня моря, продолжающееся и сейчас, началось после гибели поселений северо-западного Крыма. Это повышение, связанное как с эвстатикой, так и с тектоникой, значительно ускоряет процессы абразии и аккумуляции, формирующие современные берега. Таким образом, прибрежные археологические памятники служат основой для определения скорости геологоморфологических изменений в историческое время.

А.Н. Щеглов на протяжении своей полевой деятельности очень внимательно относился к находкам любых органических остатков при раскопках. На городище Тарпанчи, усадьбе в бухте Ветреная, поселении Панское 1 были обнаружены обугленные деревянные конструкции жилищ и зерна растений. Для определения видовой категории растений, к которым относятся данные материалы, потребовался ряд палеоботанических исследований и внедрения на широкой основе новой методики отбора органических остатков.

Так как в античное время важным компонентом производящей

экономики являлось земледелие, то остатки культурных и сопутствующих (как правило, сорных) растений, отлагающиеся в культурных слоях археологических памятников, позволяют выявить многие его особенности: природно-экологическую обстановку, в которой развивалось поселение, состав выделывавшихся культур, антропогенное влияние на естественные ландшафты.

Основным палеоботаническим приемом стал метод статистического подсчета выборки из массового органического материала. Комплексная методика, выработанная одним из пионеров советской палеоботаники З.В. Янушевич, включала в себя обработку статистических данных, родовое и видовое определение растительных остатков с помощью атласов растительности, определителей плодов и семян и эталонных коллекций. На интерпретационном этапе устанавливались соотношения разных видов растительности и производилась реконструкция растительного покрова, ландшафтов и палеоклимата, особенностей земледелия [Янушевич, 1976, с. 8].

Полученные палеоботанические данные позволили А.Н. Щеглову с высокой степенью достоверности отобразить картину природно-климатического состояния окружающей среды Северо-Западного Крыма в античный период и передать видовой состав возделываемых земледельческих культур, где преобладающую роль занимали зерновые (пшеница, ячмень, рожь) и виноград [Щеглов, 1978, с. 104-108].

Следы растений проявлялись не только путем непосредственного сбора и подсчета обугленных семян и зерен, но также их можно наблюдать в качестве отпечатков на керамике или обмазке. В большинстве случаев это были отходы обмолота хлебных злаков. Растительные остатки добавлялись намеренно в керамические изделия для придания им легкости и прочности. При обжиге керамики, а также при прокаливании обмазки, все органические примеси сгорали, образуя пустоты, сохраняющие объем, форму и характер поверхности растений. А.Н. Щеглов предложил применить метод рентгенографии для выявления этих пустот в лепных сосудах, которые, по его мнению, были сделаны жителями поселения непосредственно на месте проживания [Щеглов, 1978, с. 109].

Результаты, полученные Тарханкутской экспедицией с помощью всего арсенала естественнонаучных методов, до сих пор не потеряли свою научную значимость и могут и сейчас служить примером мультидисциплинарного подхода для решения археологических задач.

Литература

Глазунов В.В. Геофизические исследования на археологических памятниках. Записки ЛГИ, Л.: 1978, т.76, с.46-51.

Глазунов В.В., Наумов А.П. Геофизические исследования на античном поселении Панское-I.- В сб.: Новое в применении физико-математических методов в археологии. М.: Наука, 1979, с.22-39.

Смекалова Т.Н. Дистанционные и геофизические исследования поселений античной эпохи в северо-западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Доля, 2011, Вып. V. 296 с.

Смекалова Т.Н., Лисецкий Ф.Н., Маринина О.А., Чудин А.В., Гарипов А.С. Изучение пространственной организации древнего землепользования в северо-западном Крыму геоархеологическими методами. Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2. 150-160.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма, 2013 г., т. VIII, ч. 2. 336 с.

Щеглов А.Н. Исследования в Северо-Западном Крыму // Археологические открытия за 1967 г. 1968. С. 213-214.

Щеглов А.Н., Благоволин Н.С., Гилевич А.М., Глазунов В.В., Кац В.И., Подольский Н.Л. Исследования на хоре Херсонеса // Археологические открытия за 1971 г. 1972. С. 353-354.

Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху / Отв. Ред. Брашинский И.Б. Л.: Наука, 1978. 158 с.

Щеглов А.Н. Разведки и раскопки античных сельских поселений и аграрных систем. //Методика полевых археологических исследований. М.: Наука, 1983. С. 12-30.

Янушевич З.В. Культурные растения Юго-запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев: Штиинца, 1976. 214 с.

Hannstad L., Stovba V.F., Ščeglov A.N. Panskoe I. Volume 1. The monumental building U6. / Archaeological investigations in Western Crimea. Aarhus: University press, 2002. 368 p.

Рис. 1. Античное поселение Панское I в северо-западном Крыму, усадьба У7. Карты магнитного поля (а), кажущегося электрического сопротивления (б) и план раскопа (в). Геофизическая съемка проведена в 1970-е гг. группой Санкт-Петербургского Горного Института под руководством В.В. Глазунова. Раскопки Тарханкутской экспедиции ЛОИА под руководством А.Н.Щеглова.

Рис. 2. Результаты магнитной съемки 2008 и 2015 гг. и интерпретации данных на поселении Панское I. Отмечены усадьбы У1, У3, У6, У7, У9, У10, У12, У13, У14 и курганный некрополь.
«А» - группа зерновых ям. К югу от них – возможная гончарная печь. «В» - античный земельный надел с виноградным плантажем. «Б» - граница выхода известняковой скалы к поверхности. «Г» - «длинные поля», видимые на космическом снимке (сплошные линии обозначают валики, пунктирные – ровики). «К15» - план раскопа кургана К15, на котором в 1979 г. были раскрыты плантажные стены виноградника.

Голенцов А.С.†, Туровский Е.Я., Филиппенко А.А.
(Севастополь)

КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА С ПОСЕЛЕНИЯ У МЫСА ЗЮК

Анатолий Сергеевич Голенцов – человек, который дорог всем, кто его знал. Наверное, он не был идеалом обязательности, но всегда был человеком глубоко преданным главному делу своей жизни – античной археологии. В своем профессиональном пути А.С. Голенцов работал на многих археологических памятниках, но думаем, не погрешим против истины, если скажем, что главными в его жизни были два памятника на территории Херсонесского государства – Беляус и Кульчук. Тем не менее, круг интересов А.С. Голенцова не ограничивался этими памятниками, он работал и на ближней хоре Херсонеса, и на Боспоре, и даже на Сахалине.

В 1980 г. А.С. Голенцов работал в составе Восточно-Крымской экспедиции и принимал участие в раскопках боспорского сельского поселения у м. Зюк. Следует подчеркнуть, что исследователь был не только блестящим полевиком, как говорится «тонко чувствующим землю», но и прекрасно разбирался в разных группах археологического материала, включая керамическую эпиграфику. Труд по обработке керамических клейм, найденных на поселении в сезонах 1979-1981 гг., он взял на себя. Над керамической эпиграфикой с этого интересного памятника Анатолий Сергеевич продолжал работать в Северо-Западном Крыму. Он являлся заместителем О.Д. Дашевской, руководителя Донузлавской археологической экспедиции. На долгие годы узы дружбы и партнёрства связали жизнь этих двух замечательных людей. Выполняя полевое руководство раскопок Беляуса, Кульчука, Западно-Донузлавского городища, находясь в полевых условиях, он не прекращал заниматься обработкой керамических клейм. Об этом свидетельствует оставленная им картотека находок. К сожалению, данная коллекция не была опубликована.

Поскольку керамические клейма принадлежат к числу наиболее

информативных и ценных памятников, которые способны наиболее точно определять хронологию античных поселений, публикация такого материала представляется полезной. Отметим, что определения клейм в подавляющем большинстве экземпляров А.С. Голенцов провел безошибочно. Однако за прошедшее время керамическая эпиграфика шагнула далеко вперед. Мы позволили себе сделать определенные уточнения в выводах, согласно современным исследовательским разработкам.

Керамические клейма на поселении у м. Зюк были на черепицах (керамидах) и на амфорных горлах и ручках.

Строительная керамика. Всего 5 клейм, все на керамидах. 3 клейма имеют энглифический характер и несут одно имя – Βάκιδ[ος]. В одном случае имя заключено в рамку в виде листа или сердечка, в центре рамки эмблема в виде сосуда, возможно, кратера, по сторонам которого буквы ΒΑΚ-ΙΔ. Два других клейма, по-видимому, оттиснуты одним штемпелем дают то же имя в линейку Βάκιδ[ος]. По-видимому, данные керамиды принадлежат продукции Гераклеи Понтийской и датируются рамками IV в. до н.э. Имя фабриканта тем не менее в списке гераклейских керамевсов не значится. Нужно сказать, что в Северном Причерноморье гераклейские черепицы, в отличие от амфор, материал достаточно редкий.

Еще 2 клейма – рельефные и представляют собою, вероятно, сокращения имен в квадратных рамках: 1-е – ΙΗ; 2-е – две пересекающиеся буквы Μ и Ο, или Σ и Ο. А.С. Голенцов полагал, что эти клейма местного боспорского производства.

Амфорная тара. Амфоры, найденные на поселении четко распадаются на две хронологические группы. Ранняя представлена продукцией Гераклеи, Синопы, Херсонеса и Фасоса и включает сосуды, изготовленные в IV- первой четверти III вв. до н.э.; поздняя представлена амфорами Синопы, Родоса, Коса, Книда и неизвестных центров и датируется последней четвертью III – II вв. до н.э. Представим описание клейм по отдельным производственным центрам.

Гераклея. Наибольшее число клейм IV в. до н.э., принадлежащих разным хронологическим группам. Все клейма на горлах амфор, выполнены энглифически.

Клейма 90-х гг. IV в. Ранняя фабрикантская группа (далее РФГ) – Εύρ-υ(δάμου), клейма заключены в фигурную рамку, напоминающую очки -2 экз.; Ήρακ-λε(ί)δα (в две строки; РФГ и I магистратская группа – далее МГ) – 1 экз.; Ονάσο(ς).-Ορθε-σίλα (в три строки, ΙΑ МГ) – 1 экз.; [Θ]εοξεν-ου. Άριστο-κλέο(υ)ς (в три строки) – 1 экз.; [Δα]μα - [τρι] ο и Δαμα - τριο (в две строки, ретроградно, РФГ и I МГ) – 2 экз.; Δαος (ретроградно, РФГ и I МГ) – 1 экз; Αριστοκ-λης-Ονα-σο(ς) (I МГ) - 1 экз.;

Στασ[ι]-[χόρο] (в две строки, ретроградно, I МГ) – 1 экз.; Άργ-είο(ς) (в две строки, ретроградно, РФГ, I МГ) – 1 экз.; Άριστο[κλή]-ς Πυρωνίδα (в две строки, ΙΑ-МГ; РФГ) – 1 экз.; [Ἑύ]κλε-[ίω]νος (в две строки, РФГ и I МГ); Έύαρχ-ο(ς) и Έύαρ-χο. Λυ (в две строки, РФГи I МГ); Διονυ-σ(ί)ο и Διον-υσ(ί)ο (в две строки, РФГи I МГ) – 2 экз. Σωτή-ρος (в две строки, РФГи I МГ); Ορθε-σίλα[ς] (в две строки, I МГ, эпоним) – 1 экз; Εύάρχ-ο. Άίθηρ (в две строки, РФГ и I МГ) – 1 экз.; Ορθε-σ[ιλας] (в две строки, ΙΑ МГ, эмблема: гроздь вправо); два клейма на одном горле Σω-τηρ (в две строки, ретроградно) и Ρήτ-ος (в две строки, РФГ, ΙМГ) – 1 экз.; Ορθε-σιλα (в две строки) – 1 экз.(эпоним I МГ); Άρισ[το]-κλ[ης] (в две строки) – 1 экз; Άρισ[τοκλής]-Ευρ[υδάμο] (в две строки, эпоним, МГ ΙΑ) – 1 экз; Άρχεσ]τρ-ατο(υ). Νο (в две строки, эмблема - палица) – 1 экз; Άρχεσ] τρ-ατο(υ). Πα (в две строки)- 1 экз; Έύρ[υ]-[δάμο] (в две строки, РФГ, I МГ) – 1 экз; Δα[ματρίου]-Επ[…] (в две строки, РФГ, I МГ) – 1 экз.; [Кац, 2007, с.429].

Клейма II МГ (80-70 гг. IV в.). Άθανοδωρου (имя вокруг розетки, II МГ) – 1 экз.; Βόταχ[ος]-Δαμά[τριος] (в две строки ΙΙΑ МГ) – 1 экз.; [Δ] αμότρατος-[Ἀ]ρίστωνος (в две строки, ΙΙБ МГ)- 1 экз.; Νόσσος-Μολόσσο(υ) (в две строки, оттиснуто дважды, II МГ, эпоним) – 1 экз.; 2 клейма на одном горле Άργ-ειο (в две строки, ретроградно) и επ Ἀ[ρι]-στω[ν]-ος (в три строки, II Б МГ) – 1 экз.; Ἀγάθων-έπί Ἀλκέτα(ς) (в две строки, II МГ, эпоним) – 1 экз; [Κερκ]ινος – гроздь - Ἀρτε[μιδωρ] (в три строки, II Б МГ) – 1 экз.; Ὥρος (ретроградно внутри круглой рамки, II Б МГ) – 1 экз.; Νόσσο(υ)-Δεινο[μάχου] (в две строки, II Б МГ) – 1 экз.; Θεω[δωρο έπ]-Ἀλ[κέτας] (в две строки, II МГ) – 1 экз.; [Кац,2007,с.429,431].

Клейма III МГ (60-50 гг. IV в.). [Σ]κύθας-гроздь влево-[Μ]αλακών (в три строки, ΙΙΙΑ МГ) – 1 экз.; [Κ] αλλία(ς)-[Διο]νυσίο (в две строки, эпоним) – 2 экз. (один штемпель); Καλ-палица-λία(ς) (в три строки, III Б МГ) – 2 экз.[Кац,2007,с.429,431,432].

Клейма IV МГ (50-30 гг. IV в.). Βόστρυ(χος)-палица-Φιλόξε(νος) (в три строки, эпоним, IVБ МГ) – 1 экз.; Μαλκό(ς)-Επίν[ταρος]-палица вправо (в три строки, эпоним IVБ МГ) – 1 экз.; έπί Ἀγασίλλ[ος]-Γερων (в две строки, МГ IVA) – 1 экз.; [Νικο]κλείο(υ)-[Λυσι]θέ(ου) (в две строки, МГ IVB); Ἀγάθων-кадуцей-έπί Ἀνδρονί(κου) (в три строки, IVB МГ) – 1 экз. [Кац, 2007, с.430,432].

Клейма V МГ и ПФГ (поздней фабрикантской группы) (посл. десятилетия IV- самое начало III вв.). Διονυίο(υ) – έπί Κρονίο(υ) (в две строки, МГ VA); Έτυ-μου (в две строки, ПФГ) [Кац, 2007, с.430,432].

Еще 9 гераклейских клейм восстановлению не подлежат.

Клейма Фасоса. Всего 6 клейм этого центра, все они нанесены на ручках амфор. Наиболее ранний магистрат – Λεωγ относится к раннему периоду группы I-B, по И. Гарлану, ок. 390-380 гг. до н.э., легенда

клейма: Λεωγ-Θασι-Φυλο (в три строки) – 1 экз.; другое относительно раннее клеймо: Θα-σί(ον)-Με-Κλεο-φων расположенно по периметру рамки, в центре которой эмблема – лабрис, датируется 335-325 гг., по И. Горлана. Более поздним клеймом 3-го этапа, по Горлану, является клеймо магистрата Клеофона 2: Θασ-ι[ων]-Με-Κλεο-φων по периметру рамки с непонятной эмблемой в центре, которое датируется 325-310 гг. до н.э.; примерно тем же временем датируется клеймо магистрата Аристофана 2: Θασιω[ν]-непонятная эмблема-Άριστοφα[ν]. Еще два клейма Фасоса имеют только эмблемы – заяц и лира (легенды затерты).

Клеймо Херсонеса. Единственное клеймо этого центра представляет желобчатый оттиск астинома Герогейта: Ήρογειτ(ου)-άστυνόμ(ου) группы I-Б, по В.И. Кацу [Кац 1994: 51], которое датируется 315-300 гг.

Клейма Синопы. 28 клейм этого центра выводит его на 2-е место в абсолютном исчислении. Наиболее древние среди них имеют эмблему: орел на дельфине с именем магистрата Эндема в сочетании с фабрикантами Голанта – 1 экз.; Архептолема – 1 экз., их датировка скорее всего, лежит в пределах 2-й и 3-й четвертей IV в. Второй половиной IV в. датируются клейма Каллистрата и гончара Посейдония; Эпиэлпа и гончара Гераклида с эмблемой –амфора; Эпиэлпа и гончара Дионисия, астинома Аристоклея и гончара Сагария; астинома Филона и гончара Посейдония вокруг канфара и грозди; астинома Теафиона, астинома Аристофана; астинома Патайка и гончара Посейдония; астинома Аристобула; астинома Евхаристия. Уже к III в. относятся клейма: астинома Аттала и гончара Филократа; того же чиновника с гончаром Митрадатом; астинома Икесия и гончара Маникка; астинома Истиэя и гончара Пифия; астинома Истиэйя и гончара Филократа (2 экз.); астинома Иппона сына Дионисия; астинома Пасихара сына Димитрия; астинома Евхариста; астинома Каллисфена сына Естиэйя; астинома Посейдония (2 экз.); астинома Димитрия. Второй половиной III- началом II в. датируются клейма: астинома Митродора сына Аристогора; астинома Наупоноса сына Каллисфена; астинома Пасихара сына Димитрия; астинома Бориоса сына Зевксиса (2 экз.); астинома Антипатра сына Аполлодора; астинома Митродора сына Митро…; астинома Посейдония сына Теариона; в одно клейме читается только начало имени – Апо… [Федосеев, 1994, с.189; Кац, 2007, с.249-278].

Клейма Родоса. Всего 6 экземпляров. Магистрат гр. IIb: έπί Ξενοφάν-του.-Ύακινθιου ок.210 г.; только герма в прямоугольной рамке легенда не читается; Τιμαρχιδα(ς) вокруг цветка, фабрикант VI гр. 107-86 гг. до н.э.; ΆριστοκλεΙ вокруг цветка 198-161 гг.; έπί Δαμων έτου ок.110 г. Βακχίου вокруг цветка лотоса 145-108 гг.; в прямоугольной рамке

читается только месяц Άρτ[αμιτί]ου [Кац, 2007, с.419-423].

Клейма иных центров. На двуствольной ручке Коса клеймо Δάδα. К ранней продукции Книда относится прямоугольное клеймо с носом корабля и надписью по двум сторонам Φιλια-τος [Кац, 2007,с.223], к тому же центру, вероятно относится фабрикантское клеймо в прямоугольной рамке с именем – Σκιθικόυ, к неизвестным центрам относится клеймо с буквами – КА в квадратной рамке, буква Е в круге и квадрате, монограмма АК или АΛ в треугольнике, ΛΥ или ΙΥ в рамке, 6 оттисков относится к колесообразным клеймам, которые ныне относят к продукции Аканфа [Кац, 2007, с.200-201].

Краткий анализ клейм с поселения у м. Зюк показывает, что жизнь здесь начинается с самого начала IV в. до н.э. и интенсивно протекает на всем протяжение этого столетия, на что указывают многочисленные клейма Гераклеи, Синопы, Фасоса, Аканфа. В начале III в. до н.э. импорты всех этих центров, кроме Синопы, прекращаются. Можно предполагать, что и жизнь на поселении у м. Зюк на некоторое время прекращается и возобновляется уже ближе к концу III в. до н.э. Набор клейм на позднем поселении уже иной: Родос, Кос, Книд, поздние варианты клейм Синопы. Наиболее поздние экземпляры показывают, что поселение у м. Зюк существует почти до диофантовых войн.

Литература

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Боспорские исследования. Вып. XVIII.Симферополь-Керчь, 2007.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994.

Федосеев Н.Ф. Хронология синопских магистратских клейм//Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994. Ч.II.

Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos: Vol.I. Timbres Protothasins et Thasiens anciens. Paris, 1999.

Гунчина О.Л.
(Керчь)

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛОВ В ФАНАГОРИЙСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ

Научную реставрацию памятника истории и культуры предваряет обязательное лабораторное исследование, атрибуция объекта. Научная реставрация рассматривается как процесс поэтапной работы над произведением, который требует применения точных наук, разработки реставрационных методик и проведения искусствоведческого анализа. Целью реставрации является не только сохранение предмета, но и получение максимальной информации при сохранении аутентичности памятника.

В 2013 году в Фанагорийском археологическом центре открыта лаборатория научной реставрации. Фанагорийский научный центр предоставляет возможность исследования и реставрации археологических находок в непосредственной близости от исследуемого археологического объекта и совершенно редкий случай, когда изъятые из земли или из воды артефакты поступают в стационарную лабораторию в тот же день. Это дает возможность максимально полного сохранения предметов, их всестороннего исследования в кратчайшие сроки без транспортировки, что для археологических находок тоже важно.

Наличие исследовательской базы и точное определение материала важно для составления программы реставрации, так как предыдущих исследований не было, а ошибки в применении реставрационных методик исключены. Поступающие из раскопа предметы проходят превентивную консервацию, а затем в зависимости от состояния сохранности и информационной значимости находки поступают в неотложную консервацию и реставрацию.

Состояние сохранности археологических предметов из металла в нашем приморском климате, как правило, неудовлетворительно.

Очень часто продукты коррозии металла находящиеся на поверхности являются продуктами коррозии легирующих добавок, а не основного металла. Как правило, изделия из низкопробного серебра выглядят как минерализованная бронза, то есть на поверхности могут быть продукты коррозии меди зеленого цвета. Программа реставрации для бронзовых и серебряных предметов различна. В реставрационной лаборатории работа начинается с проведения качественного анализа типа сплава. Под микроскопом проводится расчистка небольшого участка поверхности до металла и с помощью небольшого набора реактивов определяется основной металл сплава.

В настоящее время для музейных исследований стал доступен и популярен неразрушающий рентгенофлуоресцентный анализ сплава. Так в исследовании монет обязательным параметром, наряду с традиционными исследованиями типологии и анализом штемпелей, является точное определение состава сплава, которое позволяет не только составить точную программу реставрации, но и проследить развитие металлургии, торговые связи, а также проведение денежных реформ и кризисные явления того или иного государства.

Для определения качественного и количественного состава металлов и их сплавов в лаборатории Фанагорийского научного центра применяется прибор M1 Mistral(1). M1 является энергодисперсионным рентгенофлуоресцентным спектрометром, который применяется для определения элементного состава объемных материалов, а также для анализа покрытий. В нашем случае послойное определение состава сплава очень важно, так как в процессе реставрации при удалении с поверхности археологического предмета продуктов коррозии может происходить рафинирование поверхностного слоя. То есть на поверхности низкопробного серебряного изделия проба сплава будет выше, чем в более глубоких слоях. Специфическая аналитическая задача, для которой применяется M1 Mistral,-это анализ сплавов требующий высокой точности. Для музейных предметов важно, что это неразрушающий анализ. M1 управляется с помощью персонального компьютера, который соединен с прибором посредством USB. Результаты анализа сохраняются и могут быть распечатаны в виде сертификата с отображением состава сплава и точным местом анализа на предмете(2).

Использование прибора для определения состава сплава дает возможность исследователям изучать материал в рабочем порядке и непосредственной близости к месту исследования, обеспечить точность применения реставрационных методик и. что тоже важно, археологические находки не покидают музей.

Литература

Минжулин А.И. Реставрация произведений из металла. Киев 1998. – С.36-39.

Смекалова Т.Н., Дюков Ю.Л. Монетные сплавы государств Причерноморья. Изд. С.-Петербургского университета.2001 С.-6-7.

Руководство пользователя M1 Mistral. Berlin 2011

Шемаханская М.С. Металлы и вещи. М.2015. С.92-93.

Деваев А.С.
(Симферополь)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА III В. ДО Н.Э. – VI В.Н.Э. (К истории исследования вопроса)[1]

В истории изучения пространственной локализации поселений Керченского полуострова III в. до н.э. – VII в.н.э. можно выделить несколько этапов.

1. На первом этапе (XVI–XVIII вв.), при переводах и переиздании рукописей античных авторов в Европе, возможно для удобства читателей, появилась необходимость размещать на прилагаемых к ним картах упоминаемые в тексте городища и поселения. С этой целью проводился анализ географического описания местности и поселений, упоминаемых древними авторами, которое затем сопоставлялось с имеющимися на то время картографическими материалами, по современным меркам не вполне соответствующими действительности.

[1] Работа подготовлена в рамках выполнения прикладной плановой темы «Археологические памятники варварского населения Крыма в 3 в. до н.э. – 6 в. н.э.» (1005-2015-0003), утвержденной государственным заданием отделу археологии раннего железного века ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» на 2016 г.

В итоге, уже во второй половине XVI в. многие населенные пункты были приблизительно размещены на карте побережья Черного моря (Агбунов, 1992, с. 8). Это послужило толчком для дальнейшего развития античной географии Северного Причерноморья.

2. В конце XVIII века, после включения Крыма в состав Российской империи, интерес к античной географии данного района возникает у российских географов, путешественников и историков. При этом появилась возможность проводить локализацию древних поселений непосредственно на месте. П.С. Паллас был одним из первых, кто по приказу императрицы Екатерины II посетил Крым, чтобы дать его описание. Во время путешествия по Таврике его интересовали вопросы географии, минералогии, зоологии, этнографии, но особое место уделялось изучению исторической географии Тавриды. П.С. Паллас был хорошо знаком с географическими трудами древних авторов, и во время посещения Керченского полуострова он довольно точно разместил на карте отмеченные в периплах античные центры (городища), что в целом совпадает с современным общепринятым расположением таких памятников, как Акра, Нимфей, Китей, Киммерик, Казека, Феодосия (Паллас, 1999, с. 146-147). К концу XVIII – началу XIX в. наиболее крупные поселения, упомянутые в периплах, были локализованы на местности, что способствовало их дальнейшему археологическому изучению.

3. Период XIX в. характеризуется активизацией интереса к археологии, что во многом связано с модой на памятники античности и формированием частных археологических коллекций, в том числе императорского Эрмитажа. Начали проводиться разведки на обширных пространствах для поиска новых археологических объектов, а также активное проведение раскопок. Немалый вклад в исследование античных памятников Керченского полуострова внес Поль Дюбрюкс. Наряду с проведением археологических раскопок он обнаружил и локализовал ряд новых поселений с нанесением их на карту (Дюбрюкс, 2010, с. 55-56). Работы П. Дюбрюкса не были оценены его современниками в полном объеме, так как в то время археология в основном сводилась к добыче ценных и высокохудожественных артефактов для пополнения частных и музейных коллекций.

Хотя в XIX в. раскопки не проводились постоянно и систематически, а также не имели четкой методологии в исследовании, но на их основании начали публиковаться археологические материалы, проводились первые попытки анализа процессов, происходивших в древности на этой территории.

4. В XX в., благодаря накопленному за прошлые годы материалу, археология начинает приобретать «современные» черты.

Исследователей начинают интересовать не только драгоценные и художественные объекты. Разрабатывается методика проведения разведок и раскопок для получения более полной информации об исторических событиях и процессах.

В 20-е годы XX в. проведены первые изыскания на сельской территории европейской части Боспора. Во время работ Ю.Ю. Марти (Марти, 1928) и позже В.Ф. Гайдукевича (Гайдукевич, 1949) было открыто множество новых поселений, предпринята попытка их хронологической дифференциации. В.Ф Гайдукевичем впервые вводится термин «малые города Боспора» (Масленников, 1989, с. 67).

5. В 1950-е гг. на Керченском полуострове начала работать Восточно-Крымская археологическая экспедиций под руководством И.Т. Кругликовой. По итогам работ этой экспедиции вышло множество статей, а также обобщающая монография И.Т. Кругликовой (Кругликова, 1975). В ней впервые приведена картосхема Керченского полуострова (с частью Феодосийского района) с нанесенными на нее 276 поселениями античного времени и проведена типология поселений Боспорского царства (Кругликова, 1966, с. 63).

В это же время территорию Керченского полуострова обследовал В.В. Веселов, работы которого опубликованы в 2005 году (Веселов, 2005). В результате проведенных им разведок в сводную ведомость вошли 704 объекта археологии, из них к периоду III в. до н.э. – VII в.н.э. можно отнести порядка 497 памятников.

6. В XXI веке с развитием и внедрением в археологию новых технологий и методов естественных наук (дистанционное зондирование земли с применением георадаров, метод пространственного анализа и пространственного моделирования, метод многомерного статистического анализа и другие геоинформационные технологии, применение крупномасштабных карт, аэрофо- и спутниковых снимков) стало возможно более четко, с минимальной погрешностью отмечать на карте обнаруженные объекты.

На данный момент наиболее подробную и полную карту поселений Крымского полуострова и, в частности, Керченского полуострова составил С.Л. Смекалов. Он провел обобщающую работу по накопленному к началу 2000 года объему информации по размещению поселений на Керченском полуострове. Карта С.Л. Смекалова на данный момент является наиболее подходящей основой для проведения пространственного анализа поселений Керченского полуострова. В одной из статей, одним из авторов которой является С.Л. Смекалов, даны координаты 619 поселений, из них 281 имеет точно установленные по GPS координаты (Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов, 2014, с. 43-72). Однако, поскольку территория Керченского полуострова

изучена неравномерно, для проведения пространственного анализа поселенческих структур Керченского полуострова некоторые данные, приведенные в данной работе, нуждаются в дополнениях и уточнениях.

Исторически сложилось так, что довольно подробно и систематически изучено побережье европейской части Боспора. Именно здесь располагались основные крупные поселения, которые первоначально представляли интерес для археологов. К наиболее изученным районам можно отнести также т. н. Генеральские пляжи (Азовское побережье) – А.А. Масленников; урочище Артезиан – Н.И. Винокуров; прибрежную часть пролива европейской части Боспора – В.Н. Зинько; черноморское побережье от м. Такиль до м. Опук – В.К. Голенко, А.Л. Ермолин. В этих районах раскопки на памятниках проводились регулярно и планомерно, что дает довольно подробную информацию о периодах существования, площади поселений и их планировке.

«Внутренняя» часть Керченского полуострова, а также район от м. Опук до м. Чауда до сих пор, в силу разных причин (наличие закрытого режимного военного объекта; удаленность от крупных населенных пунктов) остаются малоизученными. Несмотря, на то, что большое количество поселений локализовано здесь в результате разведок, но они еще не подвергались археологическим раскопкам или шурфовкам.

При составлении археологической карты этих малоизученных районов Керченского полуострова С.Л. Смекалов, в основном, опирался на работы В.В. Веселова и И.Т. Кругликовой, в которых нет точной привязки поселений к географическим координатам. Как правило, при описании расположения объектов указано расстояние и направление до какого-либо населенного пункта. Это затрудняет, в известной степени, их точную локализацию, поскольку многих деревень и поселков того времени либо уже не существует, либо в силу естественных причин они разрослись, и откуда именно начинать отсчет расстояний установить довольно проблематично, что приводит к довольно большим погрешностям – от нескольких сотен метров до нескольких километров.

Кроме того, в процессе разведок И.Т. Кругликовой и В.В. Веселова не всегда проводились шурфовки, поэтому нельзя считать однозначно установленным, что в этом пункте находилось именно поселение. В описании этими исследователями обнаруженных объектов часто встречаются такие определения, как «небольшое скопление фрагментов посуды», «скопление фрагментов посуды» (Кругликова, 1975, с 256-277), «скопление керамики», «редкие обломки керамики» (Веселов, 2005, с. 107-180). Как показывают раскопки некоторых подобных объектов, не всегда в данном случае может идти речь о культурном слое.

Немаловажным аспектом в работах В.В. Веселова и И.Т. Кругликовой является дифференциация поселений по периодам их существования. Так, И.Т. Кругликова выделяет два периода: «эллинистический» и «I–III вв. н.э.» (Кругликова, 1975, с. 256-277). При этом на картосхеме, приведенной в монографии, она делит поселения на периоды «IV – III в. до н.э.» и «II до н.э. – III в. н.э.» (Кругликова, 1975, с. 253-255). У В.В. Веселова хронология памятников интересующего нас периода практически совпадает с позицией И.Т. Кругликовой. Этими авторами и современными археологами были сделаны попытки более точно датировать отдельные памятники, но для большинства поселений их датировку можно считать условной, так как она проводилась на основании подъемного материала, что не всегда отражает реальную картину, особенно если речь идет о многослойных поселениях.

Довольно неоднозначная ситуация возникает и с типологией поселенческих памятников. У В.В. Веселова выделены такие типы, как «поселение», «незначительное поселение», «крупное поселение», «усадьба», «укрепленное поселение» и др. (Веселов, 2005, с. 107-180). При этом количественные показатели размеров поселенческих структур не приводятся. Кроме того, без проведения раскопок или хотя бы шурфовок достоверно определить размер памятника довольно проблематично, так что эти определения во многих случаях являются оценочными и предварительными.

Таким образом, для проведения анализа пространственного развития поселенческих структур Керченского полуострова необходимо уточнить их местонахождение. Желательно также провести раскопки или хотя бы шурфовки на некоторых из них, особенно там, где наличие культурного слоя находится под вопросом.

Литература

Агбунов М.В. Античная география северного Причерноморья. М. 1992.

Бейлин Д.В., Ермолин Е.Л, Масленников А.А., Смекалов С.Л. Античные поселения Европейского Боспора эллинистического времени (каталог памятников) // Древности Боспора 18, 35-73. 2014.

Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949 – 1964 гг. Древности Боспора. Supplementum II. М. 2005.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л. 1949.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Том I. Тексты/ под ред. И.В. Тункиной. Санкт-Петербург. 2010.

Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М. 1966.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.

Марти Ю.Ю. Городища Боспорского царства к югу от Керчи. Киммерик, Китей, Акра. Керчь. 1928.

Масленников А.А. К типологии сельских поселений Боспора // СА. 2, 66–79. 1989.

Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 – 1794 годах / под ред. Б.В. Левшина. М. 1999.

Дорошко В.В., Дорошко О.П.
(Севастополь)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ВЫСОТЕ 283 КАРАНЬСКИХ ВЫСОТ К СЕВЕРО-ЗАПАДУ ОТ С. ФЛОТСКОЕ Г. СЕВАСТОПОЛЯ В 2014 – 2015 ГГ.

В 1902 году жители с. Карань при добыче камня обнаружили античные монеты, что привело к разграблению памятника неким скупщиком древностей Гончаровым и местными жителями. В 1903 году эта деятельность привлекла внимание севастопольского краеведа Д.О. Шпака, который тогда же и провел здесь раскопки с целью изучения сохранившихся строительных остатков. Результаты этих работ кратко изложены автором раскопок в рукописи об истории Гераклейского полуострова (1912) и А.Л. Бертье-Делагардом в статье «Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса» (1906).

Согласно Д.О. Шпаку, им был открыт древний некрополь и крематорий, связанный с ним. Здание представляло собой квадратную в плане постройку размером около 8,5 х 7,8 м, разделенную перегородкой на два помещения, заглубленных в скалу. Внутри неё и вокруг Д.О. Шпаком обнаружены остатки пережженных человеческих костей, фрагменты керамики, металлические орудия труда и элементы украшений. Наибольший интерес у всех копавших вызвали херсонесские монеты, которых только собранных А.Л. Бертье-

Делагардом оказалось около 200 бронзовых и 50 серебряных единиц.

С того момента уникальный для херсонесской хоры памятник остался малоизученным и точно не локализованным. Неубедительными были и попытки определить тип и принадлежность памятника той или иной культуре. А.Л. Бертье-Делагард назвал здание деревенским жилищем или маленьким укреплением, подвергшимся нападению во время скифских войн. Здесь же, по его мнению, находился некрополь античного времени и клад херсонесских монет эллинистического периода (Бертье-Делагард, 1906, с. 254). С.Ф. Стржелецкий полагал, что здесь был могильник III – конца II вв. до н.э., связанный с поселением в Каранской долине, которое он обнаружил в 1953 г. в 600-900 м к северо-востоку от с. Флотское (Архив НЗХТ, д. 690/IV, л. 17 – 19; Стржелецкий, 1961, с. 85).

А.И. Романчук соотнесла могильник с варварским населением (Романчук, 2008, с. 460), а В.М. Зубарь, напротив, осторожно предполагал, что это могла быть усадьба, которую скрывал холм, а вокруг располагался могильник позднеантичного времени (Зубарь, 2007, с. 14 – 15).

Установление точного места и определение нынешнего состояния памятника стали основными задачами разведочных работ, проведенных в 2014 – 2015 гг.

Территория исследований расположена в центральной части массива Караньских высот на безымянной высоте с отметкой 283. Она имеет плоскую вершину, вытянутую с севера на юг. С запада и северо-запада её выделяют отроги Верхнее-Юхариной балки, с юга она ограничена верховьем балки Бинзон, а на востоке – Балаклавской долиной. Пик вершины находится в её крайней южной части.

В месте, которое описывали Д.О. Шпак и А.Л. Бертье-Делагард, жилая застройка отсутствует, однако здесь присутствуют многочисленные траншеи, воронки и фортификационные сооружения периода Великой Отечественной войны. В этом месте также находится опора ЛЭП и остатки довоенной ветросиловой установки ВЭУ Д-30 ЦАГИ. Фиксируются следы активной деятельности современных грабителей. Вследствие постоянных нарушений почвенного слоя древние архитектурные остатки на поверхности не определялись, однако присутствует подъемный керамический материал, собранный на пространстве радиусом 30 м. Это фрагменты эллинистических амфор, черепицы, лепной и столовой посуды (рис. 1, *5, 9, 10, 13, 14, 17, 21*). Многие их них - со следами огня. Возле остатков опор ветросиловой установки грабителями задет золистый слой с фрагментами керамики и пережженных костей.

Сходный керамический материал собран под склоном, на месте

каменоломни конца XIX - начала XX в. Здесь фиксируется сброс старых отвалов.

Собранный материал, вместе с описанными Д.О. Шпаком и А.Л. Бертье-Делагардом монетами, позволяет датировать памятник в пределах III – начала II вв. до н.э. Большинство монет, обнаруженных на памятнике, образуют непрерывную серию, начиная с середины III в. до н.э. и заканчивая концом III – первой четвертью II вв. до н.э. (Туровский, Горбатов, 2013, с. 102 – 107). Приведенный Д.О. Шпаком план двухкамерной постройки с размерами 8,5 х 7,8 м соответствует башне сельской усадьбы, тем более, что она северной и западной сторонами соединяется со стенами, показанными на плане.

В 2015 году на вершине горы были заложены 4 шурфа с целью обнаружить культурный слой и строительные остатки, которые исследовал Д.О. Шпак. Во всех шурфах под задерновкой зафиксирован слой, который образовался во время нивелировочных работ при сооружении высотной опоры ЛЭП в новое время. Однако повсеместно под этой засыпью присутствует культурный слой без архитектурных остатков и перекрывающий его погребенный дерн. Также в южной части исследуемой площади обнаружены остатки скального выруба. По нашему предположению, это и было полуподвальное помещение постройки, которую исследовал Д.О. Шпак. К сожалению, этот участок практически полностью утратил рельеф и большей частью обрушился по склону во время Великой Отечественной войны при взрыве блиндажа под ним. Сохранился только северо-восточный угол с обожженной глиняной обмазкой, о которой также писал Д.О. Шпак. Рядом были заложены три из четырех шурфов, а оставшийся – к северо-востоку, возле грабительских раскопов у остатков опор ветросиловой установки ВЭУ Д-30 ЦАГИ. Важно отметить, что обнаруженный в ходе раскопок материал связан с жизнью поселенческого памятника III – начала II вв. до н.э. и, возможно, предшествовавшего ему кизил-кобинского поселения. Об этом свидетельствуют фрагменты черепицы, столовой, кухонной и лепной посуды, амфорной тары, лутериев, пифосов (рис. 1, *2 – 4, 6 – 8, 11, 12, 15, 16, 18 – 20, 22*), фрагменты костей животных, а также фрагмент зернотерочной рамки из серого камня.

Наиболее информативными оказались результаты раскопок самого южного, четвертого шурфа, заложенного в 4 м к востоку от раскопа Д.О. Шпака. Здесь частично исследованы два скальных выруба, заложенные плотной забутовкой из камней. Во втором из них под забутовкой обнаружен рыхлый золистый слой, содержавший большое число фрагментов лепной посуды и нескольких амфор херсонесского производства (рис. 2), одна из которых реконструируется почти полностью. Примечательна эта амфора тем, что на обоих её ручках

оттиснуты клейма (рис. 2, *1*). Одно из них плоское, магистрат Theodōros Prutanios, (227-210 гг. до н.э.) (Кац, 1994, № 62, 1; 2007, с. 442, III А ХГ). Второе - Πα(...) Магистратское 1Б-2Б ХГ (Кац, 1994, 2а-32, 2) т.е. 316-266 гг. до н.э. (Кац, 2007, с. 326). Очевидно, период функционирования мастерской Πα(...) следует продлить до времени III А ХГ (227-210 гг. до н.э.) (Кац, 2007, с. 442). Амфора имеет яйцевидное тулово с небольшой усеченно-конической ножкой. Венец валикообразный, с подрезом снизу. Посередине горла амфоры – глубокая горизонтальная бороздка. Ручки наклонены к венчику, овальные в сечении. Сосуд относится к типу V по классификации С.Ю. Монахова (Монахов, 1989, с. 64, 65).

Разведочные работы 2014 – 2015 гг. позволили выявить памятник античного времени в центральном районе Караньского плато на безымянной высоте с отметкой 283. Его местоположение в точности совпадает с описанием, составленным Д.О. Шпаком и А.Л. Бертье-Делагардом. Определенно можно сказать, что в древности здесь существовал поселенческий памятник, тип которого ещё предстоит определить во время будущих раскопок. Приведенные исследователями данные, несомненно, свидетельствуют в пользу того, что в древности здесь существовал и погребальный памятник, вероятнее всего, кремационный тачок, позднего времени, под который удобно было приспособить разрушенную эллинистическую постройку. При этих обстоятельствах мог быть разбросан спрятанный здесь во II в. до н.э. клад херсонесских монет конца III – начала II вв. до н.э.

Литература и архивные материалы

Бертье-Делагард А.Л. Несколько новых или малоизвестных монет Херсонеса // ЗООИД. – 1906. – Т. 26. – С. 215 – 276.

Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове. – К., 2007. – 318 с.

Кац В.И. Керамические *клейма* Херсонеса Таврического. – Саратов, *1994*. – 168 с.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. – Вып. XVIII. – Симферополь, Керчь. – 480 с.

Монахов С.Ю. *Амфоры* Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Опыт системного анализа. Саратов: – Изд-во Саратовск. ун-та, *1989*. – 159 с.

Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. Т. 1: Античный полис. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. – 720 с.

Стржелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического // ХСб. – 1961. – Вып. VI. – 247 с.

Туровский Е.Я., Горбатов В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. – 160 с.

Шпак Д.О. Рукопись об истории Гераклейского полуострова. 1903 г. // Архив НЗХТ. – 1912. – Д. 217. – 55 л.

Шпак Д.О. Рукопись об истории Гераклейского полуострова. 1903 г. // Архив НЗХТ. – 1912. – Д. 218. – 25 л.

Рис. 1. Керамический материал, собранный во время работ 2014 – 2015 гг.

Рис. 2. Находки из засыпи скального выруба шурфа 4.

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А.
(Москва, Севастополь)

Р. Х. ЛЕПЕР И ЕГО РАСКОПКИ ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ[1]

Некрополь Херсонеса Таврического является одним из крупнейших античных некрополей Северного Причерноморья. Несмотря на длительное изучение и наличие обобщающих публикаций [Белов, 1978; 1981; Зубарь, 1982; Стоянов, 2004], материалы некрополя, в первую очередь, погребальный инвентарь, до сих пор являются *terra incognita* для большинства специалистов.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Ювелирное искусство Херсонеса Таврического IV в. до н.э. - IV в. н.э.: комплексное исследование (по материалам собрания Государственного исторического музея)» (№ 15-31-10168).

Как известно, основные раскопки некрополя Херсонеса были осуществлены в период между 1890 и 1914 гг. В это время работы на территории некрополя последовательно проводили два заведующих раскопками в Херсонесе. К.К. Косцюшко-Валюжинич в 1890-1907 гг. раскопал около 2500 погребальных сооружений. Несмотря на то, что результаты этих работ неплохо представлены в отчетах, погребальные комплексы, открытые этим исследователем, сегодня нельзя считать полноценным источником. Самым крупным недостатком раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича является потеря связи между объектами раскопок и вещами, найденными в них [Стоянов, 2009, с. 546].

В 1908 г. Императорская археологическая комиссия назначает заведующим раскопками Романа Христиановича Лёпера (Robert Georg Loeper) (Рис. 1). Биография исследователя и история его работ в Херсонесе уже не раз становились предметом исследования [см. например: Басаргина, 1996; Басаргина 1999, с. 97-101, Стоянов, 2009, с. 548-552].

Собственно о раскопках Р.Х. Лёпера на некрополе Херсонеса известно не так уж и много. Самим автором, к сожалению, за 1908-1914 гг. не было составлено ни одного отчета. В литературе нет даже ориентировочного количества открытых им погребальных сооружений. Места расположения раскопов не привязывались к точным ориентирам. Планы раскопов не составлялись, так же как чертежи и разрезы могил. После открытия содержимое погребений разбиралось, грунт просеивался.

Положение с информацией о раскопанных комплексах могло быть совсем безнадежным, если бы не полевые дневники (Рис. 2), сохранившиеся в архиве Херсонесского заповедника. В этих записях под полевыми номерами перечислялись находки из погребений. Иногда сообщались подробности о размерах и конструкции погребальных сооружений, взаиморасположении предметов и другие сведения.

На важность полевых дневников как источника о проведенных исследованиях впервые обратил внимание в 1927 г. К.Э. Гриневич. В предисловии и послесловии к изданию записей Р.Х. Лёпера о раскопках некрополя за 1908-1910 гг. К.Э. Гриневич не только характеризует дневники в качестве «единственного документального источника», но и излагает исследовательскую программу по публикации материалов этих раскопок. Согласно этой программе публикация записей дневников должна была предварять издание «систематического каталога предметов» [Гриневич, 1927, с. 189, 255, 256]. К сожалению, из этой программы была реализована только публикация части текстов дневников, касающихся раскопок 1908-1910 гг. [Лёпер, 1927].

Итоги исследования некрополя Херсонеса по состоянию на конец 70-х гг. XX в. подвел В.М. Зубарь. Он использовал как опубликованные, так и неопубликованные тексты дневников Р.Х. Лёпера. В его кратком обзоре этих работ основное внимание было уделено вопросу выяснения приблизительных мест проведения раскопок. Также В.М. Зубарем была дана характеристика методов раскопок и состояния источниковой базы [Зубарь, 1978, с. 53], повторенная позже и в монографии о некрополе Херсонеса римского времени [Зубарь, 1982, с. 4].

Программа введения в научный оборот комплексов из раскопок Р.Х. Лёпера в 1908-1914 гг. остается актуальной и сегодня. Работа с документальным первоисточником позволяет яснее представить картину ведения работ и извлечь дополнительную информацию, помимо уже известной нам по публикациям.

Дневники представляют собой записные книжки различного формата (Рис. 2). Записи велись как самим Р.Х. Лёпером, так и руководителями бригад, проводивших раскопки. В документации они фигурируют как надсмотрщики. Известны имена трех таких руководителей: Николай Фёдоров, Василий Логачев, В.С Львович.

Одним из реперов, позволяющих ориентироваться в текстах дневников, являются условные обозначения мест проведения раскопок. Эти указатели проставлены в записных книжках цветными химическими карандашами. Известно несколько участков на некрополе: *F* – участок между шоссе и Карантинной бухтой; F_1 – участок у Карантинной бухты; *g* – участок за западной оборонительной стеной; *B* – участок по левую сторону шоссе к Стрелецкой бухте, во дворах офицерских флигелей.

Указанные участки раскапывались на протяжении нескольких полевых сезонов каждый. В текстах дневников также отмечены даты проведения раскопок, судя по которым, работы на некрополе практически всегда велись одновременно только на одном участке. Бригада рабочих, заканчивая один участок, переходила на новый. Даты также позволяют утверждать, что раскопки производились круглый год.

Во многих случаях записи о работах велись одновременно в нескольких дневниках. Это позволяет проводить перекрестную проверку данных, уменьшая вероятность ошибок в описаниях и отнесении погребального инвентаря к тем или иным комплексам.

Пожалуй, самой ценной частью этой лаконичной документации являются полевые номера вещей, проставленные в дневниках согласно «описи древностей», хранящейся в архиве Музея-заповедника Херсонес Таврический. Под этими номерами предметы хранятся в фондах Херсонесского заповедника и сегодня.

Общая картина раскопок некрополя на основании дневниковых записей реконструируется следующим образом.

В 1908 г. Р.Х. Лёпер провел с 6 по 22 октября небольшие работы в районе строящихся офицерских флигилей (современные дома №№ 30 и 34 по ул. Древней), по левую сторону шоссе, где открыл 7 могил [Лёпер, 1927, с. 189,190; Дело[2] 64, л. 1-5].

В 1909 г. 20 марта, с 4 мая по 26 августа и с 4 по 19 ноября раскопана 91 могила на участке около Башни Зенона (*F*) [Лёпер, 1927, с. 190-202; Дело 64, л. 1-5]. На участке у западной оборонительной стены с 14 октября по 29 декабря раскопано 56 могил [Лёпер, 1927, с. 202-209; Дело 71, л. 5-26].

В 1910 г. работы велись в районе офицерских флигелей, на восточном склоне Девичьей горы, между шоссе и Карантинной бухтой, на западном некрополе. Группы рабочих часто перемещались с места на место, следуя за строителями инженерного ведомства. Картина работ в этом году довольно хаотична. По общей сводке погребений, сделанной К.Э. Гриневичем, в 1910 г. было раскопано 255 погребальных сооружений [Лёпер, 1927, с. 209-255].

Документация о раскопках некрополя в 1911 г. представлена сразу несколькими дневниками. За западной оборонительной стеной (*g*) было найдено 4 могилы [Дело 76, л. 84-98; Дело 86, л. 28-29; Дело 111, л. 80-83]. По левую сторону шоссе к Стрелецкой бухте (*B*) с 8 марта по 12 мая раскопано 34 могилы [Дело 85, л.2, 12, 13, 18, 19; Дело 86, л. 2-20; Дело 111, л. 2-35; Дело 119]. Между шоссе и Карантинной бухтой (*F*) – 48 могил [Дело 84, л. 1-8; Дело 85, л. 23-27, 36; Дело 86, л. 21-28; Дело 111, л. 36]. На участке (F_1) у Карантинной бухты с 17 по 24 августа и с 9 сентября по 26 ноября открыто 68 могил [Дело 78, л.41-54, 58, 64-76, 98, 100, 101; Дело 79, л. 1-14, 36; Дело 80, л. 2-4; Дело 85, л. 13-18; Дело 86, л. 31-41; Дело 111, л. 84-136].

В 1912 г., вопреки мнению В.М. Зубаря [Зубарь, 1978, с. 53], интенсивность раскопок некрополя существенно не снижалась. По какой-то причине в этом году полевые записи велись в единственном экземпляре и не дублировались. На участке (F_1) было раскопано 15 могил [Дело 86, л. 42-59; Дело 111, л. 137-150], на участке (*F*) – 119 могил [Дело 86, л. 70-95], на участке (*B*) – 31 могила [Дело 86, л. 59-69; Дело 111, л. 151-168]. Кроме крупных участков было найдено 9 могил на «кладбище справа от шоссе» [Дело 83, л. 108-111] и один склеп в минной роте у Карантинной бухты [Дело 87, л. 43].

В 1913 г. у пороховых погребов на Девичьей горе раскопано 5 могил [Дело 89а, л. 45-46], между шоссе и Карантинной бухтой – 95 могил [Дело 89, л. 1-8; Дело 89а, л. 37-45, 47, 48; Дело 194, л. 3-9]. «К югу

[2] Здесь и далее ссылки на номера дел в архиве Музея-заповедника Херсонес Таврический.

от гимназического раскопа», т.е. у южных оборонительных стен было раскопано 29 могил [Дело 89а, л. 33-37; Дело 194, л. 1,2]. Вероятно, у Карантинной бухты располагался участок, в котором были открыты 46 могил [Дело 88, л. 2-11].

Военный 1914 год стал последним сезоном регулярных интенсивных раскопок некрополя. В этом сезоне были раскопаны 4 могилы на участке (*F*) [Дело 93, л.2], 8 могил у монастырского училища [Дело 93, л. 3; Дело 97, л. 3,4; Дело 98, л. 2-5), 21 могила за западной оборонительной стеной [Дело 94, л. 2-5; Дело 97, л.5-8), 23 могилы в периболе между западными оборонительными стенами [Дело 94, л. 8-12; Дело 98, л. 5-28, Дело 91, л. 2-7], одна могила на Рудольфовой горе [Дело 93, л. 6].

Подсчет раскопанных под руководством Р.Х. Лёпера погребений дает общую цифру не менее чем 970 погребальных сооружений. Таким образом, перед нами значительный пласт, составляющий приблизительно четверть раскопанных до сих пор комплексов херсонесского некрополя.

Часть погребальных комплексов содержала предметы из золота. Ювелирные изделия из раскопок Р.Х. Лёпера, хранящиеся в Херсонесском музее, вместе с другими находками из драгоценных металлов, в 1941 г. по распоряжению отдела музеев Наркомпроса РСФСР были переданы в Государственный Исторический музей, где они хранятся и поныне (ГИМ 95570, оп. Б-1054а). В 1956 г. в серии «Памятники культуры. Труды Государственного Исторического музея» была опубликована небольшая монография Н.В. Пятышевой, посвященная ювелирным изделиям Херсонеса из собрания музея, в которую вошли лучшие образцы из этой коллекции [Пятышева, 1956]. Сегодня, спустя более полувека с момента выхода этой работы, очевидно, что пришло время вновь обратиться к этой тематике. Среди ювелирных изделий этой коллекции (Рис. 3) – нашивные бляшки различных типов, серьги, перстни, подвески, амулетницы, детали погребальных венков и диадем, монетные индикации и заготовки для них, и другие изделия. Подавляющее большинство ювелирных изделий относится к первым векам н.э., и лишь небольшая часть (например, урна № 53 из раскопок 1912 г.) – к эллинистическому времени.

Задачей нашего проекта, осуществляемого при финансовой поддержке РГНФ, является обработка и монографическая публикация всех материалов комплексов из раскопок некрополя Херсонеса, содержащих изделия из драгоценных металлов (по материалам ГИМ и Музея-заповедника Херсонес Таврический). Для примера представим здесь далеко не полный список комплексов из раскопок Р.Х.Лёпера с ювелирными изделиями: 1909 г. – могилы № 27, 39 (55), 74 (89), 75

(90), 114-116, 117 (27), 119 (29), 130 (42), 145 (59) склепы 10, 14(21), 46; 1910 г. – могилы № 00, 11, 15, 48 (V), 121, 131, 134, 136, 147, 188, 212 (98), 218 (104), насыпь у могилы 111; склепы 1, 59, 63, 86 (26), 139, 235 (11); 1911 г. – могилы № 13, 14, 31, 35, 37, 42, 57, 61, 63, склеп 65, насыпь траншей; 1912 г. – могилы 3, 5, 9в, 22, 99, склеп № 11, 17, 27, 80, 113, урна 53; 1913 г. – могилы № 2, 3, 6, 7, 11-14, 19, 23, 27, 32, 53, 80, склепы № 8, 9, 113; 1914 г. – могилы 3, 7, 14, 15, склеп 4, куча жженых костей.

Вне всякого сомнения, введение в научный оборот погребального инвентаря из этих могил, а также всесторонний анализ ювелирных изделий существенно обогатят источниковую базу херсонесской археологии.

Литература

Басаргина Е.Ю. Слово С.А. Жебелёва, посвященное памяти Р.Х. Лёпера // Деятели русской науки XIX-XX вв. Исторические очерки. СПб., 1996. С. 98-104.

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999.

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 19. Л. 1978. С. 45-66.

Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1981. № 3.

Гриневич К.Э. От редактора. В: Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХС. 1927. Вып. 2. С. 255-256.

Зубар В.М. Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонеса // Археологія. Вып. 25. Київ, 1978. С. 50-59.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев, 1982.

Пятышева Н.В. Ювелирные изделия Херсонеса. Конец IV века до н.э. – IV век н.э. (Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XVIII). М., 1956.

Стоянов Р.В. Некрополь Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. Дисс. … канд. исторических наук. СПб., 2004.

Стоянов Р.В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009. С. 522-555.

Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХС. 1927. Вып. 2. С. 189-256.

Рис. 1 - Роман ХристиановичЛёпер (1864-1918). МЭХТ.

Рис. 2 – Страницы полевого дневника Р.Х. Лёпера за 1912 г. МЭХТ.

Рис. 3. – Ювелирные изделия из раскопок Р.Х.Лёпера разных лет (ГИМ).

Завойкина Н.В.
(Москва)

ЦАРЬ АСПУРГ, ОН ЖЕ РЕСКУПОРИД I ИЛИ РЕМЕТАЛК? ИСТОЧНИКИ И ГИПОТЕЗЫ

Исследователи пока не пришли к единому мнению в вопросе, кто из боспорских владык носил первым тронное имя Рескупорид. Вследствие этого в научных трудах присутствует путаница в нумерации царей с именем Рескупорид на Боспоре в I – первой половине IV вв.[1]. Такая ситуация связана с тем, что одни исследователи придерживаются версии, что Аспург в 14 г. принял тронное имя Рескупорид I. Другие, напротив, считают, что не было не какой исторической необходимости менять Аспургу свое царское имя, поскольку, как отмечал еще М.И.Ростовцев, женитьбой на Гепепирии, «…принцессы из Полемоновской династии, которая в лице Антонины Трифэны, соединилась с фракийской царской династией…»[2], он устранил возможные претензии потомков Полемона I на боспорский престол. Следовательно, первым царем, носившим это имя, на боспорском престоле был Рескупорид сын Котиса I, внук Аспурга.

Если принимать версию о принятии Аспургом нового тронного имени, тогда насчитывается шесть царей, но, если не принимать ее, то получается уже пять. Надежно засвидетельствованы надписями и монетами следующие боспорские цари с именем Рескупорид:

Рескупорид, сын Котиса 1 и внук Аспурга (68–91/2 гг.)

Рескупорид, сын Савромата II (210/11–226/7 гг.)

Рескупорид (233/234 гг.). Видимо, сын одного из царей-

[1] Особенно это заметно в публикациях надписей и монет Рескупорида, сына Котиса I, которого обозначают как второго, а Рескупорида, сына Савромата II, которого обозначают как третьего. См, например: Кузнецов 2007, 227–238; Абрамзон 2013, 42 – 60.

2 Ростовцев 1925, 21.

соправителей – Котиса III (227/228 – 232 гг.) или Савромата III (229 – 232/233гг.)

Рескупорид (239/240–275/6 гг.). Возможно, сын или ближайший родственник предшествующего царя Рескупорида.

Рескупорид (318/9–332/3 гг.). Последний носитель династического царского имени боспорских царей династии «Аспургианидов».[3]

Основанием для версии о смене Аспургом тронного имени служат золотые статеры и медные монеты, датированные временем правления этого боспорского владыки, с монограммой, которую принято расшифровывать как ВАР. Первый выпуск этих монет приходится на 14 г.н.э. (= 311 г.б.э.), и они чеканились до смерти Аспурга 38 г.[4] П.О. Бурачков предложил первым понимать монограмму ВАР на монетах Аспурга как Βα(σιλέως) Ρ(ησκούποριδος).[5] Исходным пунктом ему послужил вывод, что не известно ни одной монеты с полным именем царя Аспурга, а на его правление приходятся золотые и медные монеты только с монограммами. Исходным пунктом для дешифровки послужила догадка нумизмата, что во всех позднейших монограммах крайняя справа буква всегда является и начальной буквой имени царя. Так, например, монеты Котиса 1 содержат монограмму ВАК = βα(σιλέως) Κ(ότυος)[6]. Несмотря на слабую доказательную базу, догадка Бурачкова нашла сторонников и последователей. В той или иной степени сторонниками гипотезы Бурачкова являются А.Л. Бертье-Делагард[7], В.Ф. Гайдукевич, Н.А. Фролова[8]. Крупнейший отечественный специалист по античной нумизматике А.Н. Зограф писал: «…догадка Бурачкова, что Аспург носил также личное имя Рескупорида и признание его первым боспорским царем этого имени заслуживает большего внимания, чем ей уделялось до сих пор. По крайней мере, вычитывать элементы имени Аспурга в монограмме ВАР затруднительно».[9] В 50–60 гг. 20 в. история Боспорского государства I – III вв. была еще не достаточно изучена, многие вопросы оставались не решенными, поэтому и авторы «Корпуса Боспорских Надписей» сочли необходимым учесть гипотезу Бурачкова и тем самым увеличить

[3] Название династии условное.

[4] Зограф 1951, 192; Анохин 1986, 90 – 92.

[5] Бурачков 1885, 65 – 68.

[6] Бурачков 2009 (репринт 1884), 237 – 239.

[7] Бертье-Делагард 1911, 157–158; 164–165.

[8] Гайдукевич 1949, 324: «Женой царя Аспурга была фракиянка Гипепирия. Связи с фракийской династией обусловили присвоение себе Аспургом второго фракийского имени Рескупорид (в то время во Фракии правил Рескупорид III»;: Фролова 1979, 139 - 147, табл. I – II.

[9] Зограф 1951, 192.

число боспорских царей с именем Рескупорид, и использовать эту нумерацию в комментариях к надписям[10].

Авторитет крупнейших советских антиковедов, в том числе и авторов КБН, в числе которых был В.Ф. Гайдукевич, оказал существенное влияние на распространение гипотезы Бурачкова.[11] Определенную роль в ее популяризации сыграли исследования Н.А. Фроловой. Долгое время она придерживалась версии, что Аспург принял в 14 г. тронное имя Рескупорид.[12] В работе 1992 г. она отказывается от этой точки зрения на основании того, что «…в надписях … 312 г., 313 г. и 320 г., названо имя Аспурга. Таким образом, получается, что монограмма ВАР, стоящая на статерах тех лет, должна содержать имя Аспурга.».[13] Однако в монографии 1997, посвященной монетному делу Боспора первых веков, она вернулось к своей старой версии и именует Аспурга Рескупоридом I и, соответственно, увеличивает число последующих носителей этого имени на единицу.[14] По всей видимости, отсутствие надежных источников, прежде всего, надписей с именем царя Аспурга, датированных до 23 г.н.э., заставили Н.А. Фролову вернуться к «старой» версии. Одним из последовательных сторонников версии о принятии нового тронного имени Аспургом выступает В.П. Яйленко. Он полагает, что принятие нового тронного имени Аспургом в 14 г. было продиктовано необходимостью пресечь возможные претензии на боспорский престол родственников его новой супруги Гепепирии, в частности, Реметалка II, женатого на Пифодориде младшей дочери Полемона и Пифодориды старшей.[15] По мнению исследователя, первым Рескупоридом на боспорском престоле был Рескупорид, сын

[10] О хронологии правлений боспорских владык см.: КБН, 1965, 832–833.

[11] Список авторов КБН см.: КБН 1965, 10–12.

[12] Фролова 1979, 139 – 147, табл. I – II; 1997, ч.1, 64 - 70. О том, что она сторонник этой версии свидетельствует приводимая ей в статьях нумерация боспорских царей с именем Рескупорид. Так, первый боспорский Рескупорид (69 – 91 гг.), стоит у нее под номером два: Фролова 1968, 43. Рескупорид, сын Савромата II, бывший втором носителем этого имени на боспорском престоле (211 – 226 гг.) под номером три: Фролова 1980, 13.

[13] Фролова 1992, 192. Исследовательница указывает, что «…установленный факт одновременности выпусков статеров с ВАР и воздвижения памятников с именем царя Аспурга дает возможность отделить эмиссии статеров с ВАР от выпусков статеров с монограммами ПА и ПАР, и датировать время правления Аспурга 311–334 гг.б.э.=14–37 г.н.э.».

[14] Фролова 1997. Ч.1, 64 – 70. В работах, изданных после 1997, она оставалась верна этой же точке зрения.

[15] Первоначально В.П. Яйленко придерживался версии о принятии Аспургом имени Рескупорид (1990, 170 сл.). Позднее он пришел к выводу, что Аспург принял имя Реметал (2010, 259 – 261).

Котиса, внук Аспурга–Реметалка, поскольку Аспург после женитьбы на Гепепирии принял тронное имя Реметалк. Таким образом, путаница в нумерации боспорских Рескупоридов оказывается устранена. Однако вопрос о правомерности версии о принятии Аспургом нового тронного имени остается по-прежнему открытым. Строго говоря, поддержку версии о присвоении Аспургом нового тронного имени из именника фракийских династов его супруги, и неважно было это имя Рескупорид или Реметалк, оказывает гипотеза о недостатке у Аспурга легитимных прав на боспорский престол.[16]

Параллельно с рассмотренной версией была сформулирована и другая гипотеза. В.В. Латышев считал, что в монограмме на монетах 311 – 334 гг.б.э. = 13/14 г.н.э. – 37/38 г.н.э., напротив, вычитывается βας(ιλέως) Ἀσπ(ο)ρ(γου). М.И. Ростовцев полагал, что Аспург будучи законным наследником боспорского престола, сыном Асандра и Динамии, правил как царь Аспург с 10 г. по 35 г.[17] В небольшой, но важной, статье В.Д. Блаватский выявил и разобрал причины, по которым Аспург не мог быть Рескупоридом I.[18] Однако эта работа не нашла должно внимания у специалистов. Несколько позднее, В.А. Анохин оспорил вывод Н.А.Зографа, что монеты с монограммой ПАР и ВАР принадлежат разным правителям Боспора и указал, что до 15/16 г. Аспург чеканил монеты с монограммой ПАР.[19] Однако после визита в Рим, о чем свидетельствуют рескрипты царя горгиппийцам, где Аспург был признан законным правителем Боспорского государства, а на золотых статерах царя появляется уже монограмма ВАР, которую следует понимать как β(ασιλέως) Ἀσπ(οῦ)ρ(γος). С.Ю. Сапрыкин является сторонником версии, что Аспург был сыном Асандра и Динамии, следовательно, прямым наследником и законным

[16] Надписи сообщают, что Аспург был сыном Асандроха. По мнению В.П. Яйленко, имя Асандрох не может быть тождественно имени боспорского царя Асандра, поэтому Асандрох – это местный скифо-сарматский царь, женатый на одной из дочерей Митридата Евпатора, что позволило его сыну Аспургу захватить боспорский трон. Следовательно, женитьба Аспурга на принцессе Гепиперии позволила варвару, не имевшему законных прав на боспорский престол, взять себе имя Рескупорид или Реметалк. Таким образом, родство с царским домом Фракии, находившихся в родстве с Полемонидами, сделала его законным правителем на боспорском престоле с позиции царского наследственного права.

[17] Ростовцев 1916, 17.

[18] Блаватский 1976, 56–63.

[19] Слабую критику этого мнения Анохина приводит Н.А. Фролова (1992, 230).

правителем Боспорского царства и ему не было нужды принимать новое тронное имя.[20]

Итак, существуют две разнонаправленные версии. Первая, назовем ее условно, «нумизматическая», поскольку основными ее сторонниками и проводниками являлись отечественные специалисты по античной нумизматике. Особенность ее заключается в доверии ряда специалистов, обладавших или обладающих научным авторитетом, гипотезе Бурачкова. В.П. Яйленко, пожалуй, один из немногих исследователей, который поставил гипотезу о принятии Аспургом тронного имени Рескупорид после женитьбы на Гепепирии в рамки научно-исторической интерпретации. Но и в его, казалась бы, логичной гипотезе, подкрепленной данными источников, есть ряд допущений.

Вторая версия, «историческая», распадается на две линии. В первом случае, специалисты вообще не касаются вопроса о принятии Аспургом тронного имени Рескупорид, поскольку для них он абсурден по сути (М.И. Ростовцев, В.А. Анохин, С.Ю. Сапрыкин). Мнение других, В.В. Латышева, В.Д. Блаватского, оказалось либо забытым, либо они не смогли убедить читателей в правомерности своих выводов.

Обратимся непосредственно к источникам. Если следовать гипотезе о принятии Аспургом нового тронного имени, это событие приходится на 14 г.н.э., когда впервые были отчеканены монеты с монограммой, как считают ее сторонники, ВАР. Следовательно, с этого времени Аспург во всех документах, в том числе, если в них царское имя стоит в эпонимной формуле, должен именоваться как Ρησκούποις. Однако подобной ситуации не наблюдается. К настоящему времени известна серия надписей с именем царя Аспурга. Первая надпись – это посвятительная надпись царя Аспурга 305 г.б.э. = 8 г.н.э. на мраморном постаменте из Горгиппии[21]. Вторая надпись – это рескрипты Аспурга горгипийцам 15/16 г., поставленной от имени самого царя.[22] Третья – это манумиссия 16 г. из Фанагории, в ней имя царя упоминается в эпонимной формуле «βασιλεύοντος βασιλέως Ἀσπούργου φιλορωιμαίου …». В 23 г. в Пантикапее было построено здание дорического ордера, на архитраве которого было написано, что оно посвящено Аспургу: “βασιλεῖ μεγάλου Ἀσπούργωι ...» (КБН 39). Почетная надпись КБН 40, вырезанной ок. 23 г, судя по сходству с палеографией надписи КБН 39 и тождеством царской титулатуры в них, сообщает об установке статуи царя Аспурга в Пантикапее. Следующая надпись – это посвящение

царя Аспурга Афродите Урании из Фанагории, которую В.Д. Кузнецов

[20] Сапрыкин 2002а, 146–156.
[21] Константинов, Новичихин – в печати.
[22] Блаватская 1965, 197–209.

датирует 20-ми годами н.э.[23]

Таким образом, при жизни Аспурга в период с 8–23 гг. н.э., официальным тронным именем царя для жителей боспорских городов являлось Ἀσποῦργος. Оснований сомневаться в правдивости официальных надписей, отражающих конкретный исторический момент, у нас нет. Поэтому следует согласиться с мнением, что монеты с легендой ПАР расшифровываются как Ἀσπ(οῦ)ρ(γος). Легенда ВАР на монетах скрывает слова β(ασιλέως) Ἀσπ(οῦ)ρ(γος) и отражает официальное признание Тиберием прав Аспурга на Боспорский престол примерно с 14 г.. После смерти Аспурга его потомки продолжали именовать его этим же именем. Котис I (45 – 67/68 гг.) в надписи КБН 958, вырезанной на мраморном карнизе какого-то сооружения над нимфеем, и, следовательно, доступной для всеобщего обозрения, именует себя Котисом сыном Аспурга. Его сын Рескупорид, получивший право с 80 г. ставить на моментах вместо монограммы легенду «βασιλέως Ῥησκουπόριδος», на одной серии дупондиев чеканил легенду «τείμαι βασιλέως Κότυος τοῦ Ἀσπούργου», датированных Н.А. Фроловой 80–90 гг.[24]

Итак, эпиграфические и нумизматические источники I в. показывают, что Аспург не принимал нового тронного имени. Он правил как царь Аспург и его потомки указывали, что они происходят от царя Аспурга. Следовательно, боспорских царей – носителей имени Рескупорид было пять, а не шесть. Эта ситуация ясно отражена в источниках. Первым был Рескупорид сын Котиса I, внук Аспурга, а последним, пятым, был Рескупорид правитель Боспора в 318/9–332/3 гг.. Таким образом, нет оснований придерживаться гипотезы, не имеющей под собой надежной опоры в источниках. В целом, гипотеза о принятии Аспургом тронного имени Рескупорид является воплощением научного поиска исследователей конца 19–20 вв., вобравшей в себя сомнения, вызванные отчасти и недостатком сведений об эпохе правления царя Аспурга на Боспоре.

Литература

Абрамзон 2013. Нумизматический комментарий к надписи времени Рескупорида III из Фанагории // Фанагория, Том 1. Материалы по археологии и истории Фанагории. М.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев.

Бертье-Делагард А.Л. 1911. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗИООИД. Т XXIX.

[23] Кузнецов 2006, 156–161.
[24] Фролова 1968, 50–51.

Блаватский В.Д. 1976. О Рескупориде I // СА, 1.
Блаватская Т.В. 1965. Рескрипты царя Аспурга // СА, 2.
Бурачков П.О. 1885. Несколько замечаний о медалях Аспурга и Рескупориса, преемников Босфорского царя Полемона I // Древности. Т. X.
Бурачков П.О. 2009. Общий каталог монет, принадлежащий эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, (репринт 1884). М.
Гайдукевич В.Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л.
Зограф А.Н. 1951. Античные монеты // МИА 16.
Кузнецов В.Д. 2006. Новые надписи Фанагории // ВДИ, 1.
Ростовцев М.И. Бронзовый бюст царицы Динамии и
Сапрыкин С.Ю. 2002а. Боспорское царство на рубеже веков. Москва.
Фролова Н.А. 1968. Монетное дело Рескупорида II // НЭ, 7.
Фролова Н.А. 1980. Монетное дело Рескупорида III (211 – 226 гг.н.э.) // НЭ, 13.
Фролова Н.А. 1979. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ, 1.
Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора первых веков новой эры. Ч.1. М.
Яйленко В.П. 1990. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
Яйленко В.П. 2010. Тысячелетний боспорский рейх. Москва-Тула.

Застрожнова (Панкратова) Е.Г.
(С-Петербург)

ОРГАНИЗАЦИЯ И БЫТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ФАНАГОРИИ В XIX СТОЛЕТИИ

Фанагория является одним из крупнейших античных памятников на территории Российской Федерации. История ее изучения насчитывает уже более двух с половиной веков. На настоящий момент, Фанагорийская археологическая экспедиция не имеет себе аналогов по

масштабам проведения раскопок. В научный состав экспедиции входят археологи, нумизматы, геологи, реставраторы, зоологи, антропологи и другие ученые. В 2013 г. был открыт Научно-исследовательский центр, сочетающий в себе все условия для научной работы и проживания сотрудников. Стоит также отметить бытовое оснащение экспедиции: в полевой лагерь проведен водопровод, оборудована лаборатория для исследовательской работы и построена стационарная столовая. Несомненно, современным исследователям будет интересно узнать о том, как в позапрошлом веке их первые предшественники организовывали и проводили археологические раскопки столицы Азиатского Боспора.

В опубликованных отчетах и научной литературе XIX в. не содержится никаких данных по обозначенной теме. Основным источником информации являются архивные документы. Это в первую очередь полевые дневники, рапорты и личная переписка археологов. В полевых дневниках фиксировались записи самого различного характера: ежедневное описание археологических работ, фамилии рабочих, объемы выполненной ими работы и начисление суммы зарплаты, бытовые записи и даже различные зарисовки. Но, к сожалению, этот вид архивных документов очень редко сохраняется и передается в научные фонды[1]. Общая информация об итогах полевых исследований приводится в рапортах ученых, подаваемых в Министерство императорского двора, а позднее – в Императорскую археологическую комиссию (ИАК), в качестве отчетов. Некоторые сведения о подробностях экспедиционного быта содержатся в личной переписке между самими исследователями и членами их семей.

В ходе анализа всего комплекса источников, была восстановлена следующая картина. Как для современных археологов, так и для исследователей XIX в., основная проблема заключалась в финансировании археологических исследований. Для проведения раскопок на территории Керченского и Таманского полуостровов из Кабинета Его императорского величества выделялось 3000 руб. В начале 1830-х гг. на территорию юга Россиийской империи, были командированы А.Б. Ашик, а затем и Д.В. Карейша. Практически сразу они столкнулись с трудностями при организации раскопок на

[1] Огромный интерес представляет собой полевой дневник К.Р. Бегичева, чудом сохранившийся в Керченском музее. Из всего дневника опубликован только фрагмент (см. Застрожнова, 2014), а остальная часть только готовится к публикации. В данной работе были использованы материалы из полевых дневников К.К. Гёрца (НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1859. Д. 11) и И.Е. Забелина (ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 95)

территории Фанагории. Согласно заметкам А.Б. Ашика, «полуостров безлюден, пуст, нигде нет ни одного дерева, кроме садов близ Тамани, уцелевших после владычества турок» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. 1-1846. Д. 126. Л. 2].

Действительно, населенные пункты Таманского полуострова состояли в то время из станицы Тамань, четырех почтовых станций (Сенной, Старотитаровской, Пересыпной и Темрюкской) и разрозненных хуторов. Судя по всему, самая главная трудность заключалась в поиске и найме рабочих для проведения раскопок. В 1836 г. А.Б. Ашиком были наняты 35 человек рабочих и два надсмотрщика, однако из-за нехватки денег и отдаленности от населенных пунктов, все люди разбежались, из-за чего раскопки не состоялись. В 1838 г. А.Б. Ашику удалось нанять рабочих в окрестностях Тамани и провести раскопки близ Фанагории, в период с сентября до конца декабря [Тункина, 2008, с. 60].

Присоединившийся в 1838 г. к археологическим исследованиям Д.В. Карейша писал в своем рапорте Керчь-Еникальскому градоначальнику З.С. Херхеулидзеву, о том, что «большая сумма денег была потрачена на перегоны, переправку рабочих через пролив и за наем подвод для перевозки из Тамани к древней Фанагории». Он подчеркивал, что необходимо выделять по 2000 руб. на раскопки на каждом из полуостровов, так как выделенных денег хватило лишь на то, чтобы оплатить рабочим выемку 87 кубов земли из курганов близ Фанагории [ОР ГЭ. Ф.1. Оп. I-1838. Д. 30. Л. 159].

В «Записке об археологических разысканиях в Керчи и на Таманском полуострове за 1839 и первую треть 1840 гг.» Д.В. Карейша указывает на другую проблему, возникшую при раскопках в курганах близ станции Сенной. «Рабочие, занимающиеся разрытием древних насыпей у Сенной станции накопав несколько кубических саженей в показанных мною местах и заработав некоторую сумму денег, не захотели там больше трудиться. Недостаток вообще рабочих рук заставили меня на время приостановить работы там» [ОР ГЭ. Ф.1. Оп. I-1838. Д. 30. Л. 217]. А.Б. Ашик и Д.В. Карейша продолжали совместные раскопки окрестностей Фанагории вплоть до 1847 г. В среднем для работы ими нанималось порядка 40 человек рабочих и несколько надсмотрщиков. Они переправлялись из Керчи в Тамань, а затем на конных подводах доставлялись к почтовой станции Сенной. Отсутствие там каких-либо построек для проживания рабочих и самих чиновников позволяет предполагать, что бытовые условия были более чем скромные.

В 1852 г. граф Лев Алексеевич Перовский возглавил Министерство уделов и Кабинет Его Императорского Величества канцелярии, где с 30 августа 1852 г. по его инициативе было сосредоточено руководство всеми раскопками в стране [Тункина, 2002, с. 254]. В

своем ходатайстве к Николаю I, Л.А.Перовский обращал внимание императора на исключительное значение Фанагории и испрашивал разрешение начать там раскопки в более масштабном объеме. Разрешение было получено и лично императором было выделена на исследования тысяча рублей серебром. По инициативе Л.А. Перовского были выделены средства для постройки «казенного дома» для археологов у станции Сенной, близ хутора казака Петра Дмитриевича Семеняки [Гёрц, 1898, с. 44]. Дом был разделен на две части, одна из них предназначалась для хозяйственных нужд – в ней хранился инвентарь и найденные археологические находки, до их отправки в Императорский Эрмитаж и Керченский музей древностей. Другая часть была жилой – в ней располагались сами исследователи, проводившие раскопки. Как правило это было не более 2-3 человек: археолог, его помощник и художник. Закономерно предположить, что рабочие жили в полевых условиях, поблизости от места проведения раскопок. В качестве рабочих инструментов использовались лопаты, тачки, веревки, заступы, ломы, молоты, канаты, кирки, пилы и топоры. Л.А. Перовский полагал, что «что для работ на Таманском полуострове не следует употреблять более 20 человек» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. 1-1852. Д.15. Л. 67]. К.Р. Бегичевым было набрано в Керчи именно это количество рабочих, и в его рапорте Л.А. Перовскому содержатся некоторые подробности о переправке рабочих к Фанагории. «5 августа, в два часа пополудни, мы вышли из Керчи, но по причине противных ветров, встреченных нами на проливе, мы могли только с большим трудом добраться к ночи до Тамани. На другой день, 6 августа, пользуясь благоприятным ветром, мы снялись рано утром из Тамани по направлению к Таманскому заливу» [НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Оп. 1-1853. Д. 15. Л. 106]. Археологические раскопки под руководством К.Р. Бегичева проводились в районе Фанагории до 1855 г. Важно отметить, что уровень его работы сильно отличался от раскопок А.Б. Ашика и Д.В. Карейши в лучшую сторону.

Основание в 1859 г. в Санкт-Петербурге ИАК значительно упорядочило процесс организации и проведения археологических раскопок [Виноградов, 2009, с. 250]. В смету Комиссии была заложена определенная сумма на проведение археологических исследований на территории Керченского и Таманского полуостровов. Первоначально она составляла 17764 рубля. Однако расходы постоянно превышали эту сумму, и к 1880 г. они превысили ее более чем в десять раз [Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009, с. 37].

Статьей основных расходов были: путевые траты археологов на дорогу из Санкт-Петербурга в Керчь (на данный маршрут затрачивалось две недели), наем рабочих в Керчи, их переправа из Керчи к станции

Сенной, оплата труда рабочим, различные расходы бытового характера (продукты питания, ремонт рабочего инвентаря и пр.), расходы по отправке находок в Керченский музей древностей, и, особенно ценных, в Императорский Эрмитаж (изготовление ящиков, перевозка в отдельном вагоне/отделении). К дополнительным, нефиксированным, относились расходы на приобретение у местного населения случайных находок древних вещей. Археологи, руководившие раскопками жили в казенном доме, рабочие, судя по всему, неподалеку в полевых условиях. Интересно отметить, что ко времени основания ИАК, среди рабочих уже был подобран определенный контингент надежных людей, которых лично знал А.Е Люценко и рекомендовал их для раскопок сотрудникам ИАК. Судя по всему, особо ценились надсмотрщики за рабочими и были проверенные люди, которые из года в год занимали одну и ту же должность. Так, В.Г. Тизенгаузен, несколько лет подряд нанимал в качестве надсмотрщика за рабочими керченского мещанина, некоего Павла Версоблюка, которому лично сам С.Г. Строганов отправлял деньги в качестве аванса за каждый новый полевой сезон [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1879. Д. 4. Л. 8]. Важно также отметить, что наличие и количество рабочих напрямую зависело от сезонных сельскохозяйственных работ. Археологические раскопки на определенных участках проводились артелями по 10-15 человек. Их работу контролировал надсмотрщик, который в конце каждого рабочего дня подавал археологам сведения о количестве выкопанных кубов каждым из рабочих. На основе этих данных насчитывалась заработная плата. К сожалению, в ходе раскопок, в основном курганов, случались и несчастные случаи. Так, в 1870 г. при расчистке катакомбы в одном из курганов был насмерть завален землей рабочий, после чего вся артель не работала целый день [ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 95. Л. 38 об.] В 1886 г. при похожих обстоятельствах погиб еще одни рабочий. Ф.И. Гросс, руководивший на тот момент раскопками, ходатайствовал в ИАК об оплате похорон и выплате пособия его семье [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1886. Д. 7. Л. 8].

Следует отметить, что в 1880-х гг. наблюдается некоторое ослабление интереса к Фанагории. Это не замедлило сказаться и на ряде бытовых вопросов. В 1883 г. на одном из заседаний ИАК был поднят вопрос о перестройке казенного дома, который уж требовал капитального ремонта. С.И. Веребрюсов считал, что «данные хлопоты по усовершенствованию дома» не следует начинать «ввиду неудовлетворительных в последнее время разысканий». Вскоре, в октябре 1884 г. было принято решение о сносе казенного дома. В апреле 1885 г. казенный дом был снесен, кирпич из его постройки был приобретен П.Д. Семенякой, а имущество распродано на сумму 118 рублей. Эти деньги были направлены на покрытие расходов

Комиссии за приобретение древностей от частных лиц [НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1884. Д. 8. Л. 41]. На протяжении 1890-х гг. раскопки в окрестностях Фанагории проводились эпизодически, в отчетах и рапортах почти нет информации о каких-то подробностях бытового характера этих исследований.

Подводя итог, можно сказать, что организационно-бытовые подробности археологических раскопок Фанагории в XIX в. очень важны и интересны в рамках истории изучения этого памятника. Они помогают лучше понять отношение археологов того времени к раскопкам, установить причины увеличения или уменьшения объемов полевой работы в тот или иной год, выявить причину смены участков, выбранных для раскопок. Особое значение приобретает сейчас факт строительства казенного дома в 1852 г., как первого прообраза современного научно-исследовательского центра.

Список источников

Дело по отношению Департамента Народного Просвещения о доставлении сведений о древностях Тавриды и полуострова Тамани // НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. 1-1846. Д. 126

О разысканиях гг. Ашика и Карейши // ОР ГЭ. Ф.1. Оп. I-1838. Д. 30.

Раскопки на Таманском полуострове. Полевые материалы И.Е. Забелина // ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Д. 95

О составлении карты Таманского полуострова и о археологических разысканиях около Тамани // НА РО ИИМК РАН. Ф. 6. Оп. 1-1852. Д 57

О археологических разысканиях на Таманском полуострове // НА РО ИИМК РАН. Ф. 9. Оп. 1-1853. Д. 15

Об археологических разысканиях К.К. Гёрца в Черномории // НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1859. Д. 11

О раскопках старшего члена барона Тизенгаузена близ станицы Сенной и на земле хоружего Артюхова // НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1879. Д. 4

О раскопках Ф.И. Гросса в Керчи и на Таманском полуострове // НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1884. Д. 8

О раскопках в Керчи и на Таманском полуострове // НА РО ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1-1886. Д. 7

Список литературы

Гёрц К.К. Исторический обзор археологических исследований на Таманском полуострове с кон. XVIII в. до 1859 года. СПб., 1 898. 152 с.

Виноградов Ю.А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Императорская археологическая комиссия. СПб., 2009. С. 248-401

Медведева М.В., Всевиов Л.М., Мусин А.Е., Тихонов И.Л. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859 -1917 гг. // Императорская археологическая комиссия. СПб., 2009. С. 21 -247

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII- сер. XIX вв.). СПб., 2002. 675 с.

Тункина И.В. Археологические исследования А.Б. Ашика и Д.В. Карейши на Таманском полуострове в 1820-40-х гг.» // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья; сборник статей по материалам конференции. Одесса, 2008.

Зинько А.В.
(Керчь)

ИЗ ИСТОРИИ ПОДВОДНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КЕРЧЕНСКОМ ПРОЛИВЕ[1]

На протяжении тысячелетий Керченский пролив, в древности Боспор Киммерийский, является оживленной морской артерией, по которой проходили торговые пути, связывающие цивилизации Средиземноморья с кочевниками Евразии. В VI в. до н.э. на берегах Боспора древние греки основывают многочисленные поселения, часть из которых в настоящее время оказалось на морском дне из-за поднятия уровня моря. Древние суда доставляли различные товары с материковой и островной Греции, из эллинских городов южного

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

и восточного побережья Понта (Черного моря). Велась внутренняя морская торговля между различными городами Боспорского царства расположенными на островах азиатской части и в Азовском море (древняя Меотида). Был также значительный флот небольших рыболовецких суден, которые добывали в проливе огромное количество рыбы. Все это способствовало накоплению в акватории Керченского пролива значительного количества объектов подводного культурного наследия античной и византийской эпох.

Впервые научное изучение этих объектов стало проводиться в 30-х гг. XX века и связано оно с именем Р.А. Орбели, которого считают основоположником подводной археологии в России. По инициативе Р.А. Орбели в августе 1937 г. была достигнута договоренность с Главным управлением Краснознаменного ЭПРОНа (экспедиция подводных работ особого назначения) о совместных подводных работах, ставящих своей задачей поиск и изучение памятников древности, находящихся в воде и грунте близ Керчи, Феодосии, Коктебеля, Херсонеса и Ольвии [Орбели, 1938].

Уже в 1940 г. Р. А. Орбели направил свои изыскания в район Керчи. «Неудивительно, что при богатстве края археологическими древностями первостепенной важности, на суше и под водой обнаруживаются следы древнейшей культуры, указывающие на связь с морем через Боспорский (Керченский) пролив и на древний Пантикапей, столицу Боспорского царства», отмечал Р.А. Орбели. «Ко времени керченских изысканий подводная археология приобрела нового ценнейшего союзника в лице гидрографической службы, и с этого момента все работы экспедиции по изучению местности производились ее методами. Благодаря широкому содействию, оказанному мне работниками гидротехнической службы Черноморского флота, мне с отрядом водолазов ЭПРОНа удалось 16, 17, 18 ноября осуществить подводное обследование в районе старокерченской гавани у пристани, находящейся в ведении Военно-морского флота. Топографически это место является прямым продолжением остатков Пантикапейского митридатовского строительства. Имелись сведения о том, что сооруженная в девятисотых годах защитная волнорезная постройка под водой набрасывалась на каком-то старом фундаменте. И действительно, у основания этой стенки обнаружены древние каменные массивы. Наши подводные работы привели к извлечению со дна моря каменных массивов от основания обнаруженной постройки на расстоянии приблизительно 60 метров от берега, с глубины 7 метров в воде и более полутора метров в подводном грунте. Они оказались местной породы локкалит — той самой, из которой возведены сохранившиеся от прошлых культур надгробия на Митридате и другие постройки. Мне думается, что

после археологической разведки, которую мы провели в самой Керченской бухте, приблизилось разрешение проблемы о месте нахождения Пантикапейской пристани, о которой свидетельствует древнегреческий историк и географ - Страбон» [Орбели, 1945].

Так Р.А. Орбели был одним из первых исследователей, который пытался датировать так называемый «старый генуэзский мол» и связывал его с портовой пристанью античного Пантикапея. Исследователь был уверен, что при детальном изучении самой кладки, очевидно, будут обнаружены и другие древние артефакты - кольца, якоря, грузила, рыболовные крючки и т. п., подобно знаменитой находке древнегреческой амфоры, сделанной в этом районе в непосредственной близости от древней гидротехнической постройки. Амфора была вынута из воды дружинником ОСВОДа в октябре 1938 г. и оказалась в фондах Керченского музея. Амфора датирована IV в. до н. э. и происходит из Гераклеи Понтийской, которая производила и поставляла в Пантикапей в такой таре вино и оливкое масло [Орбели, 1947].

В те же годы исследовалась акватория Керченского пролива, прилегающая к косе Чушка, где по данным письменных источников находился древнегреческий храм Ахиллеса. Полагаясь на записки П. Дюбрюкса, известного своими исследованиями в Керчи, под 1833 г. упоминается о мраморных колоннах, будто бы видимых в тихую погоду на дне моря, вдоль внутреннего берега Северной косы. На карте Боспора Киммерийского, составленной П. Дюбрюксом и Бларамбером, приложенной к IV тому «Записок Одесского общества истории и древностей» близ восточного берега Северной косы, ближе к её южной оконечности, даже обозначено место, где из-под воды видны мраморные колонны.

Известно, что еще в 1823 и 1824 гг. обыватели Керчи видели эти колонны и даже пробовали вытащить из воды одну из них, но по недостатку средств принуждены были отказаться от такого предприятия. С тех пор об этих колоннах ничего не слышно. Поиски, предположительно, здания храма Ахиллеса в районе Чушки с помощью водолазов не могли в данной стадии окончиться эффективно вследствие схематичности и неточности данных, сделанных впервые еще во времена пребывания в Керчи А.С. Пушкина.

На основании многолетних подводных археологических исследований Р.А. Орбели впервые сформулировал задачи новой научной дисциплины - подводной археологии, которые предусматривали целый комплекс мероприятий. По его мнению, первоочередной задачей являлась подготовка специальных кадров для оперативной работы по подводным историческим изысканиям. Специалисты такого рода должны были хорошо разбираться в водолазной технике, обладать

навыками работы под водой и одновременно быть археологами-профессионалами. Обладая большими практическими навыками, Р. А. Орбели не без основания считал, что результативность подводной археологии базируется на тесной взаимосвязи с естественными науками, в частности с геологией, биологией, физикой, механикой, гидрографией [Орбели, 1939]. На этой основе предполагалось разработать методику проведения разведки и раскопок под водой, учитывая при этом технические возможности. Составной частью программы, разработанной на длительную перспективу, являлось составление гидроархеологической карты, как по регионам, так и всей страны. С одной стороны, это давало возможность поставить под контроль государства все памятники подводной археологии, их сохранность, с другой составить перспективный план проведения работ и их последовательность.

В середине XX века были проведены очередные подводные археологические исследования в Керченском проливе, организованные Институтом археологии АН СССР под руководством профессора В.Д. Блаватского. На протяжении трех лет, начиная с 1957 года, археологической экспедицией В.Д. Блаватского велись подводные разведки на акватории Керченского пролива. Обследованию подверглись прибрежные районы Крымского полуострова, у мыса Такиль, возле косы Тузла и Чушка, где были обнаружены многочисленные фрагменты античной и средневековой керамики [Блаватский, 1958].

Наиболее результативными оказались работы у мыса Еникале. В 1959 г. водолазы Керченского порта возле крепости Еникале обнаружили остатки затонувшего корабля. Выяснилось, что на дне пролива лежит нижняя часть парусника, который погиб, вероятно, в годы Крымской войны 1855–1856 гг. От корпуса сохранилась нижняя килевая часть, доски бортовой обшивки. Длина судна составляла 31 метр, при ширине корпуса 5,5 м. Определенный интерес представляли конструктивные особенности корпуса. На внешней стороне бортов сохранились обрывки просмоленного войлока, по верх которого крепились тонкие медные листы. Подобным образом кораблестроители стремились предохранить бортовую обшивку от гниения и тем самым продлить срок службы корабля на море. Скопления чугунных ядер и следы пожара, дали возможность предположить о гибели корабля во время морского сражения. По объективным причинам остатки корабля только нанесли на карту, а на поверхность подняли лиш детали обшивки корпуса и чугунные ядра.

Свой вклад в изучение памятников подводной археологии Керченского пролива внес и Керченский историко-археологический заповедник, который с середины 70-х гг. XX века начал организовывать

свои подводные экспедиции. Одна из первых таких экспедиций была организована под началом В. Лаврухина в 1977 г. Исходя из потребностей музейного строительства, экспедиция получила задание обнаружить и поднять реликвии времен Великой Отечественной войны. Также исследователи пробовали определить места, которые в античное время были опасными для плавания [НА КИКЗ, 1977].

В 1980 г. была организована следующая комплексная подводно-археологическая экспедиция. Работы проводились в двух направлениях: разведки в Керченском проливе (в районе высадки Эльтигенского десанта и возле Тобечикского озера) и исследования античных памятников. Возле с. Героевское на глубине 15 м ученые обнаружили сильно занесенный песком корпус 30-ти метрового корабля. На поверхность были подняты заклепки, гвозди, листы бронзовой обшивки [Шамрай, 1981]. Части еще одного корабля XIX в. были исследованы в районе мыса Ак-Бурун. Полученные материалы позволили выяснить масштабы использования цветных металлов на кораблях, определить меры борьбы с обрастанием моллюсками, которые использовались в то время.

В 1982-1985 гг. берут свое начало подводные археологические работы у западного и восточного побережья Керченского пролива под руководством К. К. Шилика, в ходе которых были обнаружены руины двух древнегреческих городов Акры и Корокондамы, поиски которых на суше продолжались около 200 лет.

Новый этап изучения подводных археологических памятников можно связать с деятельностью Боспорской охранно-археологической экспедицией, которая наряду с раскопками античных поселений и некрополей, начала проводить подводные разведки. В течении нескольких лет, под руководством В.Н. Зинько, были обследованы припортовые части некоторых боспорских городов у азиатского и европейского побережья Боспора Киммерийского, древнего Киммерика, а также стоянки судов у мыса Такиль. В 1993-1997 гг. в рамках российско-польско-украинского проекта «Нимфей – полис и хора на Боспоре Киммерийском» специалистами Боспорской охранно-археологической экспедицией совместно с подводниками Варшавы были проведены сплошные археологические разведки в прибрежной части Нимфейского полиса на площади около 7 кв. км. В ходе этих исследований были картографированы затопленные древнегреческие поселения, стоянки судов, места древних кораблекрушений [Scholl, Zin'ko, 1999, pp.112-114].

Таким образом к концу XX в. было положено начало составление археологической карты подводных объектов Керченского пролива. На современном этапе необходимо завершить эту масштабную работу, особо учитывая те большие изменения и антропогенные разрушения, которые происходят в акватории пролива в последние годы.

Литература

Блаватский В. Д. О подводной археологии // Советская археология. – 1958. – № 3. – С. 73-89.

НА КИКЗ. — Оп. 2. – Ед. хр. 739. Рабочий журнал поисковой группы подводных работ КИАМа, руководитель группы Лаврухин В. Н., водолазы Львов Б. Ф., Глазатов Ю. Н., 1977 г. – 63 л.

Орбели Р.А. Подводная археология // Наука и жизнь. 1939. №8.

Орбели Р.А. Гидроархеология. Подводные исторические изыскания близ древних греческих городов на Черноморском побережье // Судоподъем. – М.-Л., 1945. – № 1.

Орбели Р.А. Исследования и изыскания. Москва-Ленинград, Речиздат, 1947.

Шамрай А.Н. Подводные исследования // Керченский рабочий. – 1981 г. – 4 июля. – № 129 (15822). – С. 3.

Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). – Warsaw, 1999.

Зинько В.Н.
(Керчь)

АРХАИЧЕСКАЯ ТИРИТАКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ В.Ф. ГАЙДУКЕВИЧА И НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ[1]

В 1931 г. на южной окраине пос. Камыш-Бурун в 11 км к югу от Керчи началось строительство железорудного комбината, которое сопровождалось земляными работами. Поэтому зимой 1931-1932 гг. в Керченский музей (КИАМ) стали поступать сведения об обнаружении остатков античных сооружений и керамики. Выехавшие на место строительства музейные сотрудники увидели, что большой косогор у дороги, ведущей из Керчи в Эльтигень, оказался срезанным уступами.

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Во многих местах были обнажены хозяйственные ямы, пифосы, фундаменты построек. Летом 1932 г. экспедиция музея уже приступила к раскопкам части древней крепостной стены с башнями и примыкающих к ним городским постройкам [Марти 1941, с.11]. В течение первых трех лет экспедицией КИАМ, под руководством директора музея Ю. Ю. Марти, исследовался юго–западный участок нижнего города (раскопы I-II). В 1933 г. общее руководство раскопками на Тиритаке, а затем и Керченской археологической экспедицией ИИМК АН СССР, принял Л. М. Славин.

С 1935 г. Керченскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР возглавил В. Ф. Гайдукевич, который продолжил исследования на ранее начатых раскопах, а также заложил новые раскопы в периферийных районах Тиритаки. На участке I-II в предвоенный период В.Ф. Гайдукевич открыл остатки ранней крепостной стены шириной около 1.70 – 1.80 м. Оборонительная стена сохранилась не только под кладкой башни II, но и тянется от нее на юго-восток на протяжении почти 7 м, притом строго параллельно куртине I [Гайдукевич 1952, с.18, рис.5]. Подошвой стены, которая сохранилась на высоту всего лишь 1-2 ряда кладки, служит материк. В 1936 г. в целях выявления древнейшей южной крепостной стены на всем протяжении куртины I, от башни II до башни I, был расширен раскоп. Значительная часть ранней стены на этом пространстве оказалась полностью разобрана и только непосредственно около башни I обнаружились небольшие остатки фундамента стены. В. Ф. Гайдукевич датировал остатки этой ранней крепостной стены первой половиной V в. до н.э. [Гайдукевич 1952, с.20]. С целью дальнейшего исследования городища, в 1935 г., в юго–восточной части мыса, был разбит раскоп X площадью 220 кв. м. Однако строительных остатков позднеархаического времени, за исключением «редких вкраплений керамики VI в. до н.э.» в нижней части предматерикового слоя, здесь обнаружено не было [Гайдукевич 1952, с.47].

В 1937 г. в западной части верхнего города был заложен раскоп XIV, который в последующие годы стал основным и в 1940 г. исследованная на нем площадь составила 1187,5 кв. м. Как подчеркивал В. Ф. Гайдукевич, особенностью участка XIV являлось то, что здесь остатки наиболее раннего периода жизни Тиритаки обнаружены не в виде обычных фрагментов архаической керамики, встречающихся почти во всех районах городища, а в виде четко выраженного слоя со строительными остатками, занимающими достаточно большую площадь [Гайдукевич 1952, с.74]. Прежде всего, это архаическое здание, исследованное в 1938 г., от которого сохранились не только остатки стен, но и многочисленные находки. Дом 1 представляет собою в плане

вытянутый прямоугольник, ориентированный короткими сторонами на северо-запад и на юго-восток, и состояла из трех помещений. Стены сложены из бутового плитняка и мелких окатанных плиток-галек на глине. Во всех трех помещениях здания на полах выявлен горелый слой [Гайдукевич 1952, с.74-76, рис.86-91]. Внешние стены архаического здания на всем своем протяжении обрываются строго на одной и той же высоте – 0,70 м, имея сверху совершенно ровную поверхность. В. Ф. Гайдукевич объяснял это тем, что они служили каменным цоколем, на котором лежала сырцовая кладка. Небольшой фрагмент такой сырцовой стены был при раскопках отмечен в северной угловой части помещения А [Гайдукевич 1952, с.77].

Многочисленные находки, обнаруженные при раскопках дома 1, были сосредоточены преимущественно в помещении А, где они лежали на глинобитном полу. Ниже пола раскопки на всем пространстве помещения А не производилась. Лишь на ограниченном участке в 1939 г. был сделан небольшой разведочный прокоп показавший, что под глинобитным полом залегает культурный слой толщиной 0.20 м с весьма незначительным содержанием культурный остатков в виде единичных «крайне невыразительных мелких фрагментов керамики», а глубже – материковая глина [Гайдукевич 1952, с.77].

Под слоем пожара на полу помещения А обнаружились следы двух очагов, а также многочисленные находки – архаические терракоты, клазоменская расписная амфора, две коринфские котилы, крышка аттической чернолаковой пиксиды, обломки чернолаковых киликов и амфор с низким цилиндрическим горлом. В средней части помещения на полу были разбросаны фрагменты терракотового алтаря, нижнюю часть которого удалось восставить [Гайдукевич 1952, с.79-81]. В соседнем помещении Б на земляном полу в слое пожара вещественных находок было немного. Они представлены в основном обломками амфор, среди которых В.Ф. Гайдукевич упоминает горла хиосских амфор, на одном из которых оттиснута буква «А», на другом темной краской написан крестообразный знак. Преобладающее число находок из помещений архаического здания В. Ф. Гайдукевич отнес к последней четверти VI в. до н.э., а само здание датировалось им с 540-х до 480-470 гг. до н.э. [Гайдукевич 1952, с.85]. В этом тиритакском архаическом доме, по мнению В. Ф. Гайдукевича, представлен древнейший боспорский культовый комплекс, связанный с поклонением женскому божеству плодородия, которое почиталось греческими поселенцами в качестве их покровительницы [Гайдукевич 1952, с.86]. С внешней стороны здания в культурном слое найдена верхняя часть аттической чернофигурной ольпы и многочисленные бронзовые наконечники стрел ранней формы.

Остатки другого архаического здания обнаружены на расстоянии 10,80 м к северу от дома 1. От этого дома 2 сохранились две сложенные в переплет и образующие угол помещения. Восточная часть постройки осталась не раскопанной. Внутри помещения было довольно мало находок. В. Ф. Гайдукевич упоминает лишь фрагменты хиосских пухлогорлых амфор и обломки чернофигурных сосудов [Гайдукевич 1952, с.86-87, рис.106]. К югу от дома 1 исследована стена, которая тянется в юго-восточном направлении на протяжении 15,25 м. В.Ф. Гайдукевич справедливо предположил, что это остатки оборонительной стены, ограждавшей западную сторону Тиритаки. Тем более характер кладки этой западной крепостной стены имел полное сходство с южной крепостной стеной на раскопе I. Многочисленные находки бронзовых наконечников стрел с внешней стороны стены еще более укрепляют вывод о оборонительном значении стены [Гайдукевич 1952, с.88]. Исследователь установил, что застройка этого участка городища (рис.1) происходила в следующем порядке. Первоначально на западной окраине был построен ряд зданий, ориентированный узкими сторонами на восток – запад. Несколько позднее, в связи с возведением вокруг города оборонительной стены, вдоль западной граница Тиритаки также стали возводить каменную ограду. Местами она прошла через разобранные дома, остатки стен которых были перекрыты оборонительной оградой. Но некоторые здания, оказавшиеся на линии ограды, не уничтожались, а включались в эту ограду. Ранняя крепостная стена Тиритаки, по мнению В. Ф. Гайдукевича, была рассчитана на то, чтобы воспрепятствовать неожиданному набегу и проникновению на территорию поселения конных групп степных кочевников [Гайдукевич 1952, с.88-89].

Соглашаясь с этими обоснованными выводами В. Ф. Гайдукевича, следует обратить внимание на два очень важных момента. Во-первых, раскопками на участке XIV архаические постройки и слои были исследованы лишь на четверти площади, а на остальной В. Ф. Гайдукевич остановился на уровне сооружений римского времени. Во-вторых, исследования не были доведены до материка даже на тех квадратах, где были открыты архаические постройки, хотя небольшой прокоп в помещении А показал наличие более раннего слоя под домами. Производимые в последние годы исследования в этой части Тиритаки на раскопе XXVII [Зинько 2010; 2011], который частично включил в себя и центральную часть раскопа XIV, позволили не только значительно уточнить, но в ряде случаев и скорректировать выводы В. Ф. Гайдукевича об этапах застройки западной окраины города.

На основании систематических довоенных раскопок В. Ф. Гайдукевич относил основание Тиритаки ко времени около середины

VI в. до н.э. [Гайдукевич 1952, с.131]. В то же время он справедливо отмечал, «что тот материал, который имеется в наличии и относится к доримскому времени, все же еще недостаточен для того, чтобы можно было уже набросать, хотя бы в самых общих чертах, картину устройства города и главных особенностей последнего в его хозяйственной и культурной жизни. Слишком капитально была перестроена Тиритака в первые века н.э., когда она заняла на Боспоре одно из первых мест как крупнейший пункт рыбного промысла» [Гайдукевич 1952, с.132].

В послевоенные годы (1946 – 1952 гг.) В. Ф. Гайдукевичем работы продолжились на старых раскопах и на новых участках XVI-XXI, разбитых в северной, западной и восточной части городища. Керамика последних десятилетий VI – начала V вв. до н.э. в переотложенном состоянии или «как содержимое ранних культурных напластований, уцелевших кое-где совершенно незначительными «островками» была встречено на участках XV и XIX-XX» [Гайдукевич 1958, с.175]. И только лишь на новом участке XVII площадью всего 75 кв. м в восточной части городища была открыта постройка, относящаяся к архаическому времени. Здесь в предматериковом слое оказались остатки стен, принадлежащих раннему периоду городского строительства. Они были сложены преимущественно из мелких плиток известняка на глине и напоминает стены архаического здания, открытого на участке XIV. В целом постройка представляла собой прямоугольник шириной 5,25 м, вытянутый с северо-запада на юго-восток более чем на 9 м и разделенный поперечными стенами на 2 или 3 помещения [Гайдукевич 1958, с.178-179]. Однако, как ни фрагментарны строительные остатки, представленные в самом нижним культурном слое, все же они позволили В. Ф. Гайдукевичу «установить, что уже на рубеже VI-V вв. до н.э. восточный край верхнего плато Тиритаки был застроен домами». А учитывая архаические здания, открытые на западной окраине города, исследователь сделал заключение о «широком заселении всего плато к концу VI – началу V вв. до н.э.» [Гайдукевич 1958, с.179].

Суммируя результаты раскопок В. Ф. Гайдукевича можно отметить, что основание Тиритаки им датировалось в пределах середины - второй половины VI в. до н.э. [Гайдукевич 1949, с.172; 1952, с.131]. В последней четверти (во второй половине) VI в. до н.э. начинается строительство сырцово-каменных домов, которые просуществовали до первых десятилетий V в. до н.э. В начале V в. до н.э. эти каменные постройки были обнесены крепостной стеной, которая охватила нижнюю и верхнюю часть города. Вопрос о том, что представляли собой жилища первых греческих колонистов, остался открытым. Это и все, что было известно до недавнего времени о архаической Тиритаке.

С 2002 г. автором ведется программа «Боспорский город Тиритака»,

в ходе которой на больших площадях верхнего города открыты ранние слои и постройки. Так в центральной части верхнего плато Тиритаки на раскопе XXVI в 2006-2010 гг. были исследованы самые ранние археологические комплексы, датируемые второй третью VI – первой третью V вв. до н.э. Стратиграфически их можно разделить на два строительных периода. К I-му и наиболее раннему строительному периоду, который датируется 565-560 – около 530 гг. до н.э., относятся первые постройки эллинских колонистов. Культурные напластования I строительного периода по всей площади раскопа отчетливо не выделяются, лишь в отдельных местах зачищены небольшие участки. В целом этот горизонт представлен заглубленными в материк объектами: полуземлянками и хозяйственными ямами, фиксируемыми лишь с уровня предматерикового слоя.

Культурные напластования и сооружения II строительного периода выявлены на всей площади раскопа, за исключением северо-западной части, где исследования были остановлены на слоях первых вв. н.э. Во II строительном периоде, который датируется мною около 530 г. – 480-470 гг. до н.э., отчетливо выделяются две фазы - II-А и II-Б, границей которых служат горизонты пожарищ и разрушений. В рамках фазы II-А начинается строительство сырцово-каменных домов на всем исследуемом участке города. В последнее десятилетие VI в. до н.э. эти постройки сгорают, но затем быстро восстанавливаются. В рамках последующей фазы II-Б происходит перестройка отдельных помещений зданий и сооружение новых хозяйственных объектов. Завершается эта фаза сильным пожаром и разрушениями, которые можно датировать около 480-470 гг. до н.э.

В планировочном отношении раскопанные на участке XXVI шесть архаических сырцово-каменных домов (рис.2) являются многокамерными, с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Постройки были одноэтажными и перекрывались одно- или двускатной саманной кровлей. Вход в дом установлен только в одном случае, где он находился в южной части и вел через небольшой проулок к улице. В остальных случаях можно только предполагать, что он находился в южной или западных частях зданий. Во всех домах в некоторых помещениях имелись открытые очаги, а для поздней строительной фазы II-Б исследованы большие сырцово-каменные печи, которые вероятно имели и какие-то технологические функции. В архаических тиритакских домах использован равнозначно-параллельный принцип планировки и они представляли собой четко спланированные наземные безордерные многокамерные постройки типичной схемы, характерной для раннего периода Греции. Размеры тиритакских построек сравнительно невелики от 170-180 кв. м до

275 кв. м, а площадь внутреннего двора колеблется от 25-30 % до 50 % от всей площади застройки. В тоже время типы ранних домов были неустоявшимися, о чем свидетельствует расположение дворов в ряде случаев в северных частях сооружений. Планировка зданий в основном прямоугольная, но с многочисленными отклонениями, обусловленными как небрежностью разбивки на местности самих домов, так и вероятной нечеткостью планировки городских кварталов в целом.

Все дома, исследованные в центральной части верхнего города Тиритаки, вероятно составляли единый квартал, ориентированный, как и здания, углами по сторонам света. К сожалению, на участке раскопок не удалось выявить следов архаических улиц и поэтому можно лишь предполагать, что одна из них должна проходить у юго-восточных стен домов. Другая улица, вероятно, могла находиться у северо-восточных стен домов. Раскопки в западной части Тиритаки (раскоп XXVII) позволили открыть ранее неизвестные постройки, расположенные под крепостной стеной, а также уточнить время возведение ранних городских стен [Зинько, 2015].

На основании исследований последних лет в центральной (раскоп XXVI) и западной (раскоп XXVII) частей верхнего города, можно существенно скорректировать процесс основания и становления боспорского города Тиритака. Вывод колонии состоялся около 565-560 гг. до н.э. Впервые удалось обнаружить объекты и выделить I период (вторая треть VI в. до н.э.) жизни на поселении, когда колонисты обитали в заглубленных постройках. Во II период (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.) возводятся наземные сырцово-каменные дома. Для II строительного периода города выделяется две фазы – II-А и II-Б, которые завершались пожарами и разрушениями. Учитывая результаты раскопок В.Ф. Гайдукевича, площадь города в архаическое время могла составлять не менее 5 га. За вычетом улиц и сооружений общественного назначения жилая застройка равнялась около 3 – 3,6 га. Поэтому общую численность городского населения Тиритаки в последней трети VI – первой четверти V вв. до н.э. можно определить в пределах около 3 тыс. жителей.

По результатам новейших исследований Тиритака предстает как один из ранних и довольно крупных городских центров европейского побережья Боспора Киммерийского, имеющий определенные элементы регулярной прямоугольной квартальной структуры, который уже в конце VI в. до н.э. был укреплен крепостными стенами.

Рис.1. Общий вид и планы построек в западной части Тиритаки (раскоп XIV). Реконструкция С.Д.Крыжицкого.

Рис.2. Общий вид архаических домов центральнойчастиТиритаки (раскоп XXVI). Реконструкция - В.Н. Зинько; построение перспективы – В.Н. Королев.

Зинько Е.А.
(Керчь)

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ СКЛЕПЫ БОСПОРА В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ю.А. КУЛАКОВСКОГО[1]

Систематические археологические исследования территории столичного некрополя Пантикапея-Боспора III-VI вв. н.э., расположенного на северном склоне горы Митридат в г. Керчи, следует отнести к началу XIX в. В результате работ российских археологов была исследована значительная часть некрополя, открыты уникальные погребальные памятники, часть которых известна своими настенными изображениями, созданы важные и значительные для дальнейшего изучения некрополя публикации и исследования. Богатейшее наследие исторической науки составляют труды Ю.А. Кулаковского (1855-1919 гг.), многие из которых посвящены истории Крыма. «Кто следит внимательно за ученой литературой, посвященной исследованию судеб нашего юга – писал Б.В. Варнеке, - тот не может не обратить особого внимания на деятельность как раз в этом направлении одного из самых усердных и энергичных русских ученых, ординарного профессора Киевского Университета св. Владимира, Ю.А. Кулаковского» [Варнеке, 1907, с. 14].

Библиографический список научных трудов Ю.А. Кулаковского был впервые опубликован к 30-летию его деятельности в Университете Св. Владимира [Список трудов..., 1911, с. 3-14]. Сфера его научных исследований включала и поздний период римской истории, и зарождение христианства [Кулаковский, 1891, с. 1-52]. С увлечением

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

позднеантичной историей связано участие Ю.А. Кулаковского в переводе исторического труда Аммиана Марцелина [Аммиан Марцелин, 1906-1908]. В этот же период Ю.А. Кулаковский обращается к изучению позднеантичных древностей в Северном Причерноморье и получает приглашение от Императорской Археологической комиссии заняться археологическими исследованиями древних памятников в Керчи. Ю.А. Кулаковскому принадлежит одна из первых попыток общеисторической интерпретации завершающего периода боспорской истории в III-VI вв. [Кулаковский, 1914]. Используя как археологические, так и письменные источники исследователь дает целостную концепцию истории Боспорского царства на протяжении III-VI вв., которая в значительной мере близка современным представлениям. В историческом очерке «Прошлое Тавриды» изданным первый раз в 1906 году и второй раз в 1914 году Юлиан Андреевич пишет: «Свет истории озарил этот край на целое тысячелетие раньше, чем забрезжили его лучи для древнейших центров нашей государственности. Связь Крыма с античным миром и великой эллинской культурой составляет особенную прелесть истории этой земли и своим последствием имеет нахождение в его почве неисчерпаемых археологических богатств, разработка которых является важной задачей русской науки. Научный интерес к древностям Крыма имеет за собой уже целое десятилетие, он вызвал к жизни наши музеи, обогатил их великими и навсегда ценными сокровищами и стал родоначальником археологической науки в России» [Кулаковский, 1914, с. 2-3].

Начав свои исследования в Керчи в 1890 году, Ю.А. Кулаковский открыл несколько склепов с надписями и росписями, среди которых уникальный раннехристианский склеп, с написанной на стене датой 491 года [Кулаковский, 1891; 1896]. Обращая внимание на несомненный факт существования христианства на Боспоре с IV в. Ю.А. Кулаковский пишет, что «одним из его памятников является наша катакомба, которая занимает видное место в ряду немногих других, ставших доселе известными за пятидесятилетие раскопок в Керчи. Памятников этих, кроме нашей катакомбы, всего девять. Наша катакомба занимает первое место по обилию данных и по их важности» [Древности Южной России.., 1891, с.28]. Подробно описанное сооружение в специальном исследовании Ю.А.Кулаковского «Керченская христианская катакомба 491 г.» до сих пор является одним из важнейших датированных объектов позднебоспорской материальной культуры.

В 1895 году, Ю.А. Кулаковский, открывает новый склеп в непосредственной близости к ранее открытому склепу 491 года, расположенный на северном склоне горы Митридат по улице Госпитальной. На стенах лежанок камеры склепа 1895 года

исследователь обнаружил написанные красно-бурой краской текст 90-го псалма, молитву «Святый Боже» и кресты (рис.1), по характеру письма определена дата - 491 год н.э. Новый расписной склеп являлся открытием большого исторического значения как памятник раннего христианства на Боспоре в V в. [Кулаковский, 1896, с.64-66].

Сам Ю.А. Кулаковский результаты своих обширных археологических изысканий в Керчи оценивал всегда скромно: «В поисках за катакомбами тоже пока ничего хорошего не разыскал. Что же до возложенной на меня обязанности позаботиться о вторичном воспроизведении фресок с катакомб……, то с одной катакомбой я уже покончил; вскрыть же вторую – стоило много хлопот и неприятностей, так как прежний пустырь оказался проданным, и по соседству строится дом, новый владелец дома изрядный мошенник, как и большинство населения Митридатовой горы…. Сегодня, наконец, эта катакомба уже открыта» [ИР НБ НАНУ. – Ф. III. – Д.20301-20309. – Л. 1-4].

Анализируя опыт предыдущих исследователей склепов на некрополе Пантикапея-Боспора Ю.А. Кулаковский подверг резкой критике приведенные А.Б. Ашиком аналогии открытых памятников с римскими христианскими катакомбами и отметил неправомерность его утверждения «о первенстве открытия сооружений этого рода на Боспоре», указал на неопределенность обозначений местонахождения открытых катакомб [Кулаковский, 1896. с.1-3].

В ходе проведения своих исследований, Ю.А. Кулаковский столкнулся с умышленным уничтожением местными жителями ранее открытых склепов на некрополе Пантикапея-Боспора, местонахождение некоторых других оказалось со временем просто забыто. Стремясь изменить сложившееся отношение к открытым памятникам и сохранить бесценное культурное наследие Боспора, Ю.А. Кулаковский объединил задачи изучения и сохранения памятников. В 1891 г. Ю.А. Кулаковский и директор Керченского музея К.Е. Думберг хлопотали о приобретении частного земельного участка для города, на котором располагался христианский склеп 491 года. Планировались строительные мероприятия по устройству входа в погребальную камеру склепа, осуществление которых могло явиться примером в будущем для организации охраны и других расписных склепов [Кулаковский, 1892, с. 223]. К сожалению этот склеп не был сохранен для изучения, и территория его расположения осталась частным владением. Длительное время в практике исследователей некрополя присутствовал единственный способ сохранения открытых расписных склепов – после осмотра и снятия копий с росписей вновь их засыпать[2].

[2] Исключение коснулось только двух памятников некрополя Пантикапея - склеп

К началу 90-х гг. на северном склоне горы Митридат было открыто в общей сложности до 200 склепов [Кулаковский, 1896, с. 4]. Осуществив обследование ранее открытых склепов, Ю.А. Кулаковский составил один из первых планов местонахождения керченских расписных и нерасписных склепов северного склона горы Митридат, исполненный военным кондуктором Полтавским. Этот план должен был храниться в Керчи для постепенного пополнения его новыми данными, а уменьшенная копия части этого плана была опубликована [Кулаковский, 1896, табл. А]. Всего Ю.А. Кулаковским было нанесено на план северного склона горы Митридат 12 расписных склепов и 40 так называемых «местонахождений катакомб». Для изучения топографии некрополя Пантикапея-Боспора карта Ю.А.Кулаковского содержит важную, но к сожалению фрагментированную информацию, ограниченную лишь определенным видом погребальных сооружений и одним районом. И тем не менее, хотя работы Ю.А. Кулаковского вызывали далеко не однозначную оценку [Скифский роман, 1997, с. 383, 387, 388-389, 390, 392, 394; Ростовцев, 1897, с.291-298], признанием ученых заслуг исследователя явилось утверждение его в 1894 г. в звании члена-корреспондента Императорской Археологической комиссии за проведение археологических раскопок на юге России.

Литература

Варнеке Б.В. Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора Императорского Киевского Университета св. Владимира (1876-1906 гг.) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Т.XXIII. Вып.1. Приложение. Казань, 1907.

Древности Южной Росси. СПб Т. 1. 1891.

Кулаковский Ю.А. Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. № 6. СПб., 1891.

Кулаковский Ю.А. Археологическая заметка по вопросу о катакомбах в Керчи // Русская мысль. Кн. 12. 1892.

Кулаковский Ю.А. Две керченские христианские катакомбы с фресками. Прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // МАР. № 19. СПб., 1896.

Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1914.

Деметры и склеп 1891 года, расположенных на частных владениях, территории которые были выкуплены в 1908 году Императорской Археологической комиссией [Зинько и др., 2009, с. 16-37; Ростовцев, 1914, с. 183].

Скифский роман. Ред. Г.М. Бонгард-Левин. Москва, 1997.

Список трудов Ю.А. Кулаковского//Serta Borysthenica: сб. в честь заслуженного профессора императорского Университета Св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. 3-14.

Рис.1. Христианский склеп исследованный в 1895 г. (по: Ю. Кулаковский, 1896, табл. XII).

Ибраимова С.Ш.
(Симферополь)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЮВЕЛИРНОГО ИСКУССТВА[1]

Неотъемлемой частью традиционного крымско-татарского костюма являются ювелирные украшения. Именно они придают традиционному костюму художественную завершённость и национальный колорит. Ювелирные украшения сохраняют многовековые традиции народа, отражают его историю и культуру, и при условии тщательного анализа, становятся ценным историческим источником.

Первые описания ювелирных украшений крымских татар встречаются в записках путешественников. Г. Рубрук, посетивший Крым в 1253 г., подробно описал бокка (богтаг) – традиционный женский головной убор периода Золотой Орды [1, с.77-78]. Сведения Г. Рубрука ценны тем, что, по сути, являются первым средневековым описанием полуострова, составленным очевидцем, и дают представление об образе жизни татар через тридцать лет после их первого появления в Крыму [2, с.29].

Немногочисленные материалы, содержащие описания и изображения одежды крымских татар, появляются в XVII в. В основном, это рисунки, гравюры и литографии, которые прилагались к описанию путешествия. В сочинениях XVIII-XIX вв. заметно увеличение интереса путешественников к крымскотатарскому костюму. К примеру, в трудах, П.С. Палласа [3, с. 77], В.В. Пасека и его супруги появляется описание быта крымских татар. Супруга В.В. Пасека – Татьяна очень интересовалась образом жизни крымских татарок. Побывав в гостях у татарских княгинь, она оставила важные сведения по этой скрытой

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

от мужских глаз стороне жизни крымскотатарского общества [4, с.226-230]. В очерке «Крымские татары» (1856-57 гг.) Г.И. Радде описывает некоторые украшения крымских татарок, например кольцо в носу, пояса и т.д. [5, с.55-60]. Некоторые замечания по одежде и украшениям крымских татар сделал Х.А. Монастырлы, отметив, что «татарки – большие охотницы до колец и браслетов…» [6, с. 212-214].

Безусловно, записки и зарисовки путешественников представляют собой важный источник для изучения крымско-татарского традиционного костюма. При этом следует отметить фрагментарность сообщений. Описывая одежду, авторы зачастую лишь перечисляют украшения, не давая их подробного описания. На гравюрах и литографиях XIX в. рассмотреть украшения в деталях практически невозможно.

В начале XX в. заметно активизировалась научно-исследовательская деятельность по истории и этнографии народов Крыма. Среди исследователей, обращавшихся к проблеме крымскотатарского костюма, следует, прежде всего, отметь У.А. Боданинского [7, с.18-19] и П.В. Никольского [8], изучавших ювелирно-филигранное производство крымских татар и его проблемы в этот период. Г.А. Бонч-Осмоловский составил описание ювелирного набора замужней женщины [9, с. 340-341]; В.Х. Кондараки [10, с. 24-25] и Б.А. Куфтин [11, с. 22-31] описали костюм и некоторые украшения крымских татарок.

Из современных исследований наибольшую ценность представляет работа Л.И. Рославцевой [12], посвященная изучению особенностей крымскотатарского мужского и женского костюма. Отметим, однако, что тема украшений в этой работе второстепенна [12, с. 40-42]. Определенный интерес представляет работа О.А. Желтухиной [13, с.10-14] об искусстве филиграни, в которой автор описывает женские украшения крымских татар и способы их ношения. В работах И.А. Заатова [14, с.276-279] отдельный раздел посвящён ювелирному искусству. Защитные и магические функции крымскотатарских украшений рассмотрены в публикациях Л.Х. Аблямитовой [15, 154-158] и З. Ниметуллаевой [16, с. 102-107]. Наиболее подробное описание ювелирных украшений, способов их ношения, техники изготовления и материала даны в монографии Н.М. Акчуриной-Муфтиевой, посвященной декоративно-прикладному искусству крымских татар [17, с. 156-174]. В статье В.А. Бухтояровой о детском костюме крымских татар по иллюстративным источникам [18, с. 714-741] затронут вопрос об украшениях. Автор отмечает идентичность украшений взрослых и детей.

Ценнейшими собраниями украшений являются коллекции музеев. Кроме самих предметов, музеи также хранят ценные иллюстративные источники: гравюры, литографии, фотографии, открытки, акварели и

рисунки. В 2015 г. Крымский этнографический музей выпустил каталог ювелирных изделий [19], значительный раздел которого занимают ювелирные украшения крымских татар.

Настоящее время ознаменовано возрождением национальных традиций, трагически прерванных в середине XX века. В последние десятилетия увеличилось количество исследований, посвященных крымскотатарскому костюму, однако до сих пор не существует фундаментальных работ по ювелирным украшениям крымских татар. Для наиболее полного и глубоко рассмотрения данной проблемы необходимо привлекать также и археологические данные, так как развитие традиционных национальных украшений сопряжено со сложным историческим процессом становления и развития этносов.

Литература

Рубрук В. Путешествіе въ восточныя страны в лето 1253. С.-П., 1911.

Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.

Паллас П.С. Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах// ЗООИД, Т.12. Одесса, 1881.

Пассек Т. Приезд в Бахчисарай. Увеселения и обычаи татарок// Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.

Радде Г.И. Крымские татары / Вступительная статья, общая редакция и комментарии Г.Бекировой. Киев, 2008.

Монастырлы Х.А. Одежда крымских татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь, 1890.

Боданинский У.А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. Симферополь, 1930.

Никольский П.В. Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь, 1924.

Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары // Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре старожильческого населения Крыма Ч. 1. Мусульмане: крымские татары, крымские цыгане. Симферополь, 2004.

Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. Ч.11. С.-П., 1875.

Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма// Крым. 1925. № 1.

Рославцева Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX вв.: историко-этнографическое исследование. М., 2000.

Желтухина О.А. Исчезающее искусство филиграни // Qasevet. 2000. № 1.

Заатов И.А. Крымскотатарское декоративно-прикладное искусство и живопись (Генезис, эволюция и современное состояние). Симферополь, 2003.

Аблямитова Л.Х. Обрядовое значение платка и пояса – деталей национальной одежды крымских татар // Этнография Крыма XIX-XXвв. и современные процессы. Материалы и исследования / Отв. ред. М.А. Араджиони, Ю.Н. Лаптев. Симферополь, 2002.

Ниметуллаева З. Защитные функции крымскотатарских украшений// Таврические научные чтения. Симферополь, 2003.

Акчурина-Муфтиева Н.М. Декоративно-прикладное искусствокрымских татар XV – первой половины XX вв. Симферополь, 2008.

Бухтоярова В.А. Детский костюм крымских татар по изобразительным источникам первой половины XIX в.//МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.

Ювелирная коллекция этнографического музея. Каталог/сост., авт. аннот. Е.Е.Таратухина. – Симферополь, 2015.

Иванов А.В.
(Краснодар)

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ КРАСНОБАТАРЕЙНОГО ГОРОДИЩА

Краснобатарейное городище расположено в х. Красная Батарея, Крымского района, на удобном в фортификационном плане и стратегически важном участке небольшой равнины между горами и берегом реки Адагум. Памятник относится к категории со сложной структурой, и его реальные размеры очень велики. В пределах городища выделяются два фортификационных образования – укрепление-«батарейка» в восточной части хутора и большое прямоугольное городище-«акрополь» в западной. Помимо этого, на городище и территории к нему прилегающей расположено несколько линий оборонительных рвов и валов.

Центральной частью городища, является так называемый ещё со времен Н.В. Анфимова «акрополь». Это рельефно выраженное возвышение подпрямоугольной формы вытянутое вдоль берега р. Адагум. С южной стороны в районе юго-западного угла возвышения находился въезд на его территорию. В двухстах метрах юго-восточнее «акрополя» находится так называемая «батарейка», которая представляет собой курганообразное возвышение с подпрямоугольной площадкой наверху. Край этого возвышения обвалован, что, видимо, является показателем наличия стен. По периметру укрепление окружено довольно глубоким оборонительным рвом. От берега реки Адагум до восточного края «батарейки» и далее на юг визуально прослеживается оборонительный вал с несколькими башнями. Между валом на востоке и «акрополем» расположена центральная, неукрепленная часть поселения.

Наиболее подробная схема укреплений была составлена Н.В. Анфимовым (Анфимов, 1948, Шилов, 1950, рис. 1; Крутоголовенко, 2013, рис. 2–3). Помимо уже упомянутой системы с башнями, есть еще и второй вал, который проходит южнее первого и пересекает наискось прибрежную равнину в восточном направлении. Помимо этих двух валов, в окрестностях городища имеется еще и третий вал. Он был упомянут Н.В. Анфимовым, но по какой-то причине на план фортификации, предложенный исследователем, не попал. Этот вал хорошо заметен на аэрофотосъемке ВОВ (Гарбузов, Сударев, 2015, рис. 11).

Городище известно очень давно, и в разное время называлось Батарейное, Батарейка, сейчас известно как Краснобатарейное. Оно впервые появляется на карте 1882 г. Е.Д. Фелицына (Фелицын, 1882). Но первые серьезные обследования памятника были проведены лишь в 20-х – 30-х годах Н.А. Захаровым и Н.В. Анфимовым (Захаров, 1937; Анфимов, 1937). Результатом этих работ стало описания городища и всего комплекса связанного с ним укреплений. Вслед за этими исследованиями последовали работы Н.В. Анфимова и В.П. Шилова, в которых были высказаны предположения этнокультурной атрибуции памятника, обозначена его хронология, дана характеристика городища в системе древностей региона (Анфимов, 1948; Шилов, 1950, с. 113–123). Не большой, но подробный историографический очерк о Краснобатарейном городище, в том числе и с кратким анализом собственных разведочных работ был дан И.С. Каменецким (Каменецкий, 2001, с. 5–7). Собранный им на городище керамический материал был датирован античным временем, и позволил исследователю выделить два крупных периода существования городища – V–III вв. до н.э. и I–III вв. н.э. (Каменецкий, 2001, с. 7). Не

противоречит этим двум выделенным И.С. Каменецким периодам и находки монет, которые в разные годы были собраны на городище (Захаров, 1937, с. 230; Анфимов, 1937, с. 14–16; 1948, с. 141; Каменецкий, 2001, с. 7). Следует упомянуть, что И.С. Каменецкий не считал городище единым целым, и более того им было высказано предположение, что «батарейка» в восточной части памятника – типичное меотское городище, а западное укрепление, по планировке ближе к античным памятникам (Каменецкий, 2001, с. 6).

Однако детальные разведки и полномасштабные раскопки были проведены лишь относительно недавно, экспедициями под руководством Н.Ф. Шевченко и А.А. Малышева. Эти работы на разных участках памятника, как на обеих цитаделях, так и на неукрепленной части поселения, дали очень схожую стратиграфическую и хронологическую картину, и в общих чертах, подтвердили хронологические наблюдения И.С. Каменецкого. Внятно обозначены два основных периода – эллинистический и римский, между этими широкими периодами прослеживается хронологический разрыв в полтора столетия. Полученные при раскопках основные материалы датируются в диапазоне от IV в. до н.э. по II в. н.э. (Малышев, Гольева, Новичихин, 2008, с. 68). Нижние горизонты городища образованны не ранее середины IV в. до н.э., наиболее поздний амфорный материал относится к раннему средневековью и связан с отдельными жилыми участками на «акрополе» (Шевченко, 2009, с. 435–437).

Подводя итог краткому обзору Краснобатарейного городища отметим, что на сегодняшний день памятник, в некоторых случаях осторожно (Шевченко, 2009, с. 435), в других более уверенно (Анфимов, 1948; Шилов, 1950; Каменецкий, 2000, 2001; Требелева, 2010; Крутоголовенко, 2013, Гарбузов, Сударев, 2015), признается как пограничный форпост Боспорского царства на его восточных рубежах. Такого же мнения придерживается и автор этих строк (Иванов, 2011).

И все же, даже после полноценных раскопок, анализа материала и выделения основных вех истории городища, еще остаются некоторые дискуссионные вопросы, особенно связанные с ранним хронологическим периодом памятника. Это вопрос о времени основания городища и проблема его культурной атрибуции.

Довольно продолжительное время считалось, что памятник был основан в V в. до н.э. Основным доводом служила подъемка. Но после знакомства с материалами городища сразу обращает на себя внимание парадоксальное несоответствие находок полученных при раскопках, с тем материалом, который был собран в результате различных разведок. И.С. Каменецкий отмечал среди своих находок и в сборах Н.В. Анфимова материалы V в. до н.э. (Каменецкий, 2001,

с. 6-7). И действительно, приведенные им в качестве доказательства фрагменты хиосских пухлогорлых амфор поздней серии датируются второй половиной V в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 24). Однако остальной материал, среди которых сколы и фрагменты чернолаковых сосудов и овальные ручки (скорее всего амфор), в качестве датирующего материала едва ли применимы. Справедливости ради стоит отметить, что и сам исследователь датировал их весьма широко, в пределах V–IV вв. до н.э. (Каменецкий, 2001, с. 6-7). Таким образом, остается всего два амфорных фрагмента, которые не укладываются в хронологические рамки памятника. В этой связи, можно предположить, что либо эти фрагменты попали на памятник во вторичном использовании[1], что по нашему мнению наиболее вероятно, либо на территории городища существовало более раннее поселение, слои которого по каким-то причинам не сохранились. Гипотетически это вполне возможно. Но на тех же соседствующих с Краснобатарейным городищем меотских памятниках[2], где присутствуют слои V в. до н.э. эти напластования едва уловимы, но все же очевидны. Следовало бы ожидать подобного и на территории городища. Но этого нет. Самый нижний слой, выделенный при раскопках памятника, был хорошо стратифицирован, имел четко выраженный поселенческий характер, и, по сути, являлся отражением жизни первых поселенцев, которые начали обживать эту территорию согласно массовому и нумизматическому материалу не ранее середины IV в. до н.э. (Шевченко, 2009, с. 436-437). Соответственно именно этим временем и следует датировать основание городища, и так же стоит констатировать, что предположение о существовании городища в V в. до н.э. осталось не подтверждённым.

Теперь о составе и характере находок из раннего слоя: обилие пантикапейских монет разного достоинства, наличие в слое фрагментов чернолаковой посуды, черепицы, ткацких грузиков, терракоты. В простой столовой посуде присутствуют красноглиняные миски, кувшины, фрагменты сероглиняных рыбных блюд. Среди амфор выделяется прямогорлый Хиос, Фасос, Книд, немного Гераклеи. Так же среди особенностей материала отметим малое количество лепной посуды. Подобный набор находок, как и сам облик памятника близок многим сельским поселениям Азиатского Боспора (Шевченко, 2009, с. 437).

[1] В данном контексте следует упомянуть, что среди материалов городища были находки ранних материалов во вторичном использовании, в частности обратим внимание на керамическую пробку изготовленную из ножки ранепухлогорлой хиосской амфоры, которая была найдена при раскопках на «батарейке» (Малышев, 2012, рис. 267)

[2] Таких как «Красное-1» и «Виноградный 1», «Ударный 2»

Как подтверждение последнему тезису, в качестве иллюстрации, обратимся к, наверное, наиболее показательному объекту, найденному на площади «акрополя». Он представлял собой крупную аморфную яму. По предположению автора раскопок, открытая конструкция более всего напоминает яму для забора глины – так называемое «глинище»[3] (Шевченко, 2008, с. 24). Видимо, после использования объекта по прямому назначению, он довольно длительное время существовал в качестве хозяйственной ямы. Материал из ямы разнообразен, в хронологическом плане он охватывает период с третьей четверти IV в. до н.э. до первой половины II в. до н.э. Этот диапазон дают находки полтора десятка монет. Керамика представлена фрагментами разнообразной столовой посуды различных типов: миски, лутерии, кувшины, кастрюли, рыбные блюда. Донца некоторых сосудов имели граффити. Среди фрагментов чернолаковой керамики встречены как минимум три канфара на высокой профилированной ножке, фрагмент горла одного из канфаров был орнаментирован растительным орнаментом, нанесенный жидкой глиной, две чернолаковые чаши на кольцевом поддоне с пальметтами в круге на внутренней поверхности донца. Лепная керамика была представлена фрагментами четырех грубых горшков с покатыми плечиками и отогнутым наружу венчиком[4], а так же одним археологически целым лепным светильником закрытого типа[5]. Фрагменты амфор относятся к таким центрам производства как Фасос, Синопа, Гераклея, Менда, Кос, в поздних отложениях были встречены фрагменты тары Родоса и коричневоглиняных колхидских амфор. Из объекта так же происходят фрагменты боспорской черепицы, несколько десятков ткацких грузика, часть из которых была клейменные, две терракоты, железный нож, фрагмент очажной подставки, а так же уже упомянутые монеты.

В целом, состав комплекса можно рассматривать, по нашему глубокому убеждению, только в контексте присутствия на городище населения чрезвычайно эллинизированого. Тот факт, что наряду с фрагментами бытовых вещей отслуживших свой срок в яму были сброшены иные предметы (например, высококачественная

[3] Подобный котлован для добычи глины был исследован в районе поселения «Голубицкая 2», предположительно функционировал в античное время и был связан с самим поселением (Жеравлев, Фирсов, 20013, с. 123-125).

[4] Аналогичные по форме горшки были распространены значительно шире в регионе Анапы-Новороссийска, нежели на Кубани, где в IV в. до н.э. доминировали бочковидные горшки без шейки и с загнутым краем.

[5] Экземпляр выполнен по образцу светильников так называемого типа «кувшинчик», который является одним из господствующих на Боспоре типов в эллинистическое время (Журавлев, Быковская, Желтикова, 2010, с. 46).

чернолаковая керамика, терракота, не говоря уже о монетах), имевшие в варварской среде определенный высокий статус сопоставимый с предметами роскоши, и входившие в категорию «престижных» вещей, является прямым подтверждением этого тезиса. Аналогичного по содержанию комплекса даже на ближайших к Боспору варварских памятниках, где процент импортной посуды весьма высок, нам не известно. В Синдике, а так же на меотских поселениях Нижней Кубани, в культурном слое фрагменты чернолаковой керамики встречаеются[6], но в хозяйственные ямы эта категория сосудов практически не попадала. Опираясь на материалы варварских некрополей, где сосуды сохраняются максимально полно, и существует возможность детально проанализировать историю их использования, мы приходим к выводу, что местное население ценило статусные веши, как правило дорогая посуда ремонтировалась, сколы и отбитые детали тщательно зашлифовывались, отдельные части сосудов, например поддоны использовались вторично. Напротив, урбанизированная, в какой то степени "потребительская" греческая цивилизация, тем более в эпоху эллинизма была уже далека от подобного обращения, по сути, с бытовыми, утилитарными предметами. Испорченные, либо уже не нужные вещи попросту выкидывались. Так произошло и на этот раз с упомянутыми выше ткацкими грузиками, терракотой и светильником.

Приведенные наблюдения, конечно не могут однозначно полностью исключить участие варваров в жизни городища в элинестический период (впрочем, такой задачи не ставилось), однако они, по нашему мнению, позволяют утвердительно говорить об античном характере этого памятника. Это в свою очередь снимает вопросы кем было основано поселение, и более того, допускает утверждение, что Краснобатарейное городище является своеобразным репером, маркирующий восточный рубеж, к которому подошло Боспорское государство к середине IV в. до н.э.

Основание городища на стратегически важном участке, безусловно, отвечало логике экспансионной политики государства на восточном направлении, и преследовало несколько геополитических и экономических целей. Во-первых, городище осуществляло пограничную функцию, как форпост, тем самым не только отодвигались границы и защищались подходы к азиатским владениям царства, но и закреплялось право государства на подчинённые ранее земли,

[6] В частности, несколько фрагментов чернолаковой керамики и фрагмент стенки аттического чернофигурного сосуда с отверстиями для ремонта были встречены в слое меотского поселения «Виноградный 1» (Шевченко, 2004, с. 416)

в частности Синдику. Во-вторых, данный опорный пункт позволял контролировать один из самых удобных сухопутных путей между Боспором и обширными равнинами Закубанья густо заселенными меотами. Видимо, через свой форпост государством осуществился контроль над торговлей, которая являлась основой обогащения местной знати, что позволяло через аристократию контролировать и саму прилегающую территорию. Это было необходимо. Для понимания ситуации, безусловно, важен исторический фон, на котором происходили эти события. Середина IV в. до н.э. – время наивысшего расцвета торговли между греческими полисами, Боспором и меотами (Улитин, 2006, с. 137-138), основу которого составлял хлеб. Осуществляя хлебную торговлю с Афинами, закрепленную декретом 347/346 гг. до н.э.[7], Боспор нуждался в устойчивом его поступлении, не менее важным был контроль и надежность путей и маршрутов торговли. Прямая заинтересованность меотской знати снимало опасения по этому поводу, хотя бы на направлении, контролируемом Краснобатарейным городищем. Все перечисленное наводит на мысль, что памятник необходимо рассматривать как своеобразную акцию, направленную на расширение Боспором своего экономического влияния в регионе, что, в конечном счете, привело к расширению и укреплению влияния политического.

Литература

Анфимов Н.В. 1937. Отчет по обследованию низовья реки Кубани. Архив ИИМК. Ф.2. Оп.1. №190.

Анфимов Н.В. 1948. Городище восточной окраины Боспорского государства // Историко-археологический сборник. М.

Гарбузов Г.П., Сударев Н.И. 2015. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // ДБ. Том. 19. М.

Журавлев Д.В., Быковская Н.В., Желтикова А.Л. 2007. Светильники VI – первой половины III в. до н.э. К.

Захаров Н.А. 1937. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище // СА. II. М.-Л.

Иванов А.В. 2011. О восточной границе Боспорского царства // БФ. СПб.

Каменецкий И.С. 2000. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар.

[7] Афинский декрет 347/346 гг. до н.э., изданный в честь сыновей Левкона I, являлся одновременно и торговым договором между Афинами и Спартокидами.

Каменецкий И.С. 2001. У границ Азиатского Боспора // МИАК. Вып. 1. Краснодар.
Крутоголовенко В.А. 2013. К вопросу о боспорских оборонительных сооружениях Западного Закубанья // II «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья. Краснодар.
Малышев А.А., Гольева А.Н., Новичихин А.М. 2008. Новое в изучении переферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. Вып. 222.
Малышев А.А. 2012. Отчет о работах Новороссийской экспедиции ИА РАН в Новороссийском и Крымском районах Краснодарского края в 2011 г. М.
Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. Саратов.
Жеравлев Д.В., Фирсов К.Б., 2013. Котлован для добычи глины (?) в районе поселения «Голубицкая 2» // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
Требелева Г.В. 2010. Контроль над территорией // Античное наследие Кубани. Т.2. М.
Шевченко Н.Ф. 2004. Виноградный 1 - поселение эпохи эллинизма в степном Закубанье // V БЧ. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь.
Шевченко Н.Ф. 2008. Отчет о раскопках городища «Батарейка» в Крымском районе Краснодарского края в 2008 году. Краснодар.
Шевченко Н.Ф. 2009. Краснобатарейное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
Шилов В.П. 1950. К вопросу о расселении меоских племен // СА. XIV.
Улитин В.В. 2006. Торговые связи племен Прикубанья с античным миром в конце VII – первой половине I в. до н.э. (по данным амфорной тары). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб.
Фелицын Е.Д. 1882. Археологическая карта Кубанской области / Составил Е.Д. Флицын, член-сотрудник Императорского русского и член-корреспондент Императорского московского археологического общества. Составлена в 1882 г. Масштаб: в английском дюйме 20 верст. М.

Ильяшенко С.М.
(Ростов-на-Дону)

СЕВЕРНЫЕ И ЮЖНЫЕ ВОРОТА ТАНАИСА ИЗ РАСКОПОК П.М. ЛЕОНТЬЕВА

Согласно записи профессора Московского университета П.М. Леонтьева в «Ведомости о раскопках на Недвиговском городище», с 30 сентября по 10 октября 1853 г. его экспедицией исследовался так называемый «Малый разрез I» в квадрате J 9. В нем обнаружены: «остатки городской стены, трех аршин толщиною и другой стены, примыкающей к ней под прямым углом с наружной стороны и имеющей в толщину 2 ½ аршин. В этой последней стене основание ворот, обделанных цельными камнями, которых длина равняется толщине стены» [Ведомость, л. 69]. К сожалению, сведения об этом объекте не вошли в итоговый отчет исследований («Разыскания на месте древнего Танаиса и его окрестностях»), опубликованный позже в «Пропилеях». Однако в отчете был отмечен еще один объект: «На южном, тянущемся вдоль реки, вале городища, почти в самой его середине, было видно углубление, которое могло служить для въезда в город, раскопки показали потом, что здесь были ворота» [Леонтьев, 1854, с. 409].

Со временем сведения о координатной сетке, которая применялась П.М. Леонтьевым для учета находок, были утеряны. В дальнейшем, как отмечал М.А. Миллер, систематическое разрушение подземных и наземных остатков Танаиса вместе с ростом населения пос. Недвиговка приобрело широкий и организованный характер [Миллер, 1958, с.43]. Тем не менее, основываясь на собственных наблюдениях 1940 г., он привел следующее описание северной части оборонительных укреплений Танаиса: «Северный, как и западный валы со своими рвами, сохранился относительно лучше, и еще сейчас производят импозантное впечатление. В северо-восточном конце вала, как и в западном, сохранились следы большой башни 11х11 м. Такая же башня находилась посередине вала. Возле неё, внутри городища

– также следы пристройки... Во всю длину северного вала, между валом и рвом, тянется узкая площадка в пять м шириною. Средняя башня построена в линию вала, угловые же выдвигаются наружу во всю ширину площадки. Такая конструкция вала давала возможность обстрела из угловых башен в стороны всей линии фронта в случае, если неприятель подойдет к самым стенам» [Миллер, 1958, с. 50-51]. Это описание остатков средней башни напоминало объект из «малого разреза I». Только в соответствии с П.М. Леонтьевым стена с воротным проемом была пристроена к наружной стороне оборонительной стены, а М.А. Миллер увидел следы какой-то пристройки изнутри. На месте южного входа на акрополь к тому времени сохранились лишь углубления в средней части южной стороны городища [Миллер, 1958, с. 50].

В книге «Танаис. Историко-археологическое исследование», изданной в 1949 г., Т.Н. Книпович указала на то, что приведенное выше описание конструкции на квадрате J-9 относилось к южными воротами Танаиса: «В то время как внешней оградой служил простой земляной вал, ограда внутренняя представляла мощную каменную стену (толщиной приблизительно в 2,15 м), снабженную целым рядом (не менее 6) сторожевых башен и имевшую в южной части ведущие к реке укрепленные ворота «обделанные цельными камнями, которых длина равняется толщине стены; эти ворота прорезаны в стене, примыкающей к основной оборонительной стене под прямым углом, с наружной стороны, и имевшей толщину 2 ½ аршина» (1,8 м)» [Книпович, 1949, с. 26-27].

В 1970 г. Д.Б. Шелов восстановил сетку квадратов 1853 г. (рис. 1.2). При этом он отметил следующее: «Сопоставление данных рукописного отчета П.М. Леонтьева с планом Недвиговского городища позволило выяснить некоторые очень интересные топографические вопросы. Так, оказалось, что городские ворота, открытые в «малом разрезе I» квадрата J-9, и кратко описанные в рукописном отчете, это не ворота в южной оборонительной стене, а совсем другие ворота, лежавшие напротив первых, в северной оборонительной линии. О существовании этих вторых ворот до сих пор даже не подозревали» [Шелов, 1970, с.103].

Эти наблюдения учел в своей диссертации 1981 г. В.П. Толстиков: «Южные ворота были открыты П.М. Леонтьевым в средней части южной оборонительной линии, однако, об их устройстве он ничего не сообщает, отмечая только, что подъезд был замощен «съезженной настилкой». Исходя из хорошо читаемых особенностей рельефа южной границы городища можно предположить, что проезд ворот на данном участке был фланкирован не только башнями, но и изломом оборонительной стены, прикрывавшей ворота с левой стороны, с

запада… Кроме того, в квадрате J-9 (по плану Леонтьева), в центре северного фронта обороны города, были открыты еще одни – северные ворота, конструкция которых также неизвестна… Танаис имел, как минимум, трое ворот, подробными сведениями о конструкции которых мы не располагаем. Вероятнее всего предполагать, что они имели вид простых проемов, перекрытых полуциркульными арочными сводами и фланкированных одной или двумя башнями» [Толстиков, 1981, с.118-119].

В ходе работ 2005-2006 гг. в средней части западной оборонительной линии городища Танаис были полностью открыты западные ворота. Как выяснилось, их конструкция во II-I вв. до н.э. вполне соответствовала предположениям В.П. Толстикова. Они находились в том месте, где оборонительная стена смыкалась под прямым углом с выступающей наружу стеной оборонительной башни, точно под уровнем воротного проема первых веков нашей эры. Поздняя конструкция, обнаруженная в 1968 г., сохранилась хуже. Однако, судя по оставшейся части, облик ранних и поздних ворот был аналогичен [Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2010, 315-323].

В 2008 - 2012 гг. велись исследования в районе южных ворот [Ильяшенко, 2013, с. 159-177]. Как выяснилось тогда, траншея П.М. Леонтьева не дошла до них каких-нибудь 5 метров и, вероятно, в 1853 г. главным аргументом для определения присутствия входа на акрополь послужила находка двух плит с надписями о ремонте городской стены и ворот [КБН 1246; КБН 1247]. Благодаря этому «промаху», каменные кладки в районе ворот не были разобраны добытчиками камня и оказались вполне пригодными для реконструкции. Здесь к остаткам внешней стороны городской оборонительной стены (толщиной до 3 м), проходившей вдоль южного края склона террасы, примыкала снаружи под почти прямым углом еще одна мощная стена (длиной 6,5 м). В ней, на месте стыка с первой стеной находился воротный проем, обращенный на ЗЮЗ (рис. 2). Далее, в своей южной части эта последняя стена поворачивала на восток под прямым углом и тянулась параллельно краю террасы Таким образом, в районе южных ворот из оборонительных стен был составлен большой Г-образный выступ, обращенный к югу, в сторону реки и Нижнего города. На наш взгляд, эта вновь выявленная конструкция имела некоторое сходство с описанием остатков северных ворот «в малом разрезе I» на квадрате J-9. По крайней мере, в их сооружении так же мог использоваться принцип составленных под прямым углом друг к другу оборонительных стен и расположение воротного проема на месте их стыка. Не противоречит подобному предположению и современный вид северной части акрополя на снимках из космоса. На них видна линия оборонительной стены, проходившей вдоль края городища, и следы Г-образной

конструкции на предполагаемом месте ворот. Конструкция обращена выступающей частью к северу, в сторону степи. Примечательно, что от её восточной стороны в северо-восточном направлении идет в степь трасса предполагаемой древней дороги. Если привлечь для реконструкции облика северных ворот достаточно схематичное изображение раскопов П.М. Леонтьева на «Плане древнего Танаиса близ села Недвиговка в земле Войска Донского» 1855 г. [Извлечение, табл. III], можно отметить их некоторое отличие от южных ворот (рис. 1.1, 2). Оно заключалось в том, что створ южных ворот находился у внутреннего угла сочленения оборонительных стен, а северные ворота, вероятно, располагались у внешнего угла стыка и были обращены к востоку-северо-востоку.

Судя по лапидарным надписям из раскопок последних лет, южные ворота известного сейчас облика могли быть построены в конце первого десятилетия II в.н.э [Ильяшенко, 2013, с. 170]. Вероятно, к этому же времени следует отнести и сооружение ворот на севере.

При раскопках 1853 г. в районе ворот были обнаружены две плиты с одинаковым текстом, говорящем о реконструкции стен в 20-х гг. III в.н.э. Первая из них находилась у южных ворот [КБН 1246] и была известняковой, вторая плита, найденная в районе северных ворот (обращенных в степь) – мраморная [КБН 1248]. На этой второй плите была вырезана тамга.

Литература

Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Укрепления в центре западной оборонительной линии Танаиса конца III – II вв. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. - Том 1.- Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010.

Ведомость о раскопках на Недвиговском городище. - Архив ИИМК РАН. - Ф.9., Оп.1., Д. 25., Л. 68-88

Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. – СПб., 1855.

Ильяшенко С.М. Южные ворота Танаиса // Археологические записки. - Вып. 8. - Ростов-на-Дону, 2013.

Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. - Москва-Ленинград, 1949.

Миллер М.А. Дон и Приазовье в древности. Часть II. Древняя история (греко-скифо-сарматский период) // Институт по изучению истории СССР. Исследования и материалы Серия II (ротаторные издания) № 67. – Мюнхен, 1958.

Леонтьев П.М. Археологические разыскания на месте древнего

Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. - Кн. IV - Москва, 1854.

Толстиков В.П. Фортификация античного Боспора. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Москва,1981.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. - Москва, 1970

Рис. 1: 1-план раскопов 1853 г.; 2 - план городища Танаис с сеткой 1853 г. (по Д.Б. Шелову).

Рис. 2. Южные ворота Танаиса. Вид с юга.

Казанский М.М.
(Париж)

НАХОДКА 1918 Г. В КЕРЧИ (КОЛЛЕКЦИЯ МЕСАКСУДИ)

В 1920 г. парижские музеи - Лувр и Музей национальных древностей в Сен-Жермен-ан-Лэ - приобрели керченские вещи из коллекции Петра Константиновича Месаксуди, бывшего в 1919 г. директором Керченского Археологического музея. Среди предметов этой коллекции имеются предметы самых различных эпох, однако наибольшую известность, благодаря публикациям М.И. Ростовцева (Rostovtceff, 1923; Rostovcev, 1930), получила «гробница Месаксуди», открытая в 1918 г.

Это погребение было обнаружено на южном или юго-западном склоне горы Митридат и исследовано летом 1918 г. в отсутствие П.К. Месаксуди рабочими. Суммарное описание погребения подготовлено после раскопок его женой. Согласно этому описанию, использованному в публикации М.И. Ростовцева, под курганной насыпью находилось три плитовые могилы, из них две, расположенные поблизости одна от другой, оказались разграбленными. Зато третья могила содержала вещи, позиция которых в гробнице не зафиксирована. Найденные предметы сохранились полностью, за исключением может быть одного кольца (перстня?), якобы украденного рабочими. Следов гроба или костей в данной плитовой могиле не замечено (Rostovtceff, 1923, p. 100).

В состав инвентаря входят диадема из золотой фольги с индикацией монеты Коммода (рис. 2,*1*), серебряная пряжка с прямоугольным щитком, декорированным пластиной из золоченой бронзы с инкрустацией и зернью (рис. 1,*5*, 2,*5*), золотая имитация лучковой фибулы (рис. 1,*4*), два прямоугольных золотых ременных наконечника с валиком на окончании (рис. 1,*3*), эмалевая пиксида (в погребении была покрыта какой-то тканью) (рис. 2,*6*), три золотых индикации императора Пупиена (238 г.) (рис. 2,*3*), две пластины из золотой фольги с тисненым декором (рис. 2,*2*), длинный меч (длина сохранившейся части лезвия - 74 см), с позолоченным полусферическим навершием полихромного стиля и серебряным дисковидным основанием, украшенным чернью, деревянными ножнами с серебряной обкладкой и нефритовой портупейной скобой (принята находчиками за гарду) (рис. 1,*20,26,29-31*, 2,*4*), железные двучастные удила с серебряными «почковидными» держателями ремней (1,*28*), двучастный серебряный наконечник с секировидным окончанием, прикипевший к удилам (1,*22*), семнадцать круглых серебряных накладок (рис. 1,*15*), девять серебряных ременных наконечников прямоугольной формы с валиком на окончании (рис. 1,*13*), несколько серебряных пряжек со щитками (рис. 1,*7-11,17,18,23,24*), в том числе хорошо датируемого типа Келлер А (рис. 1,*16*), одна хоботковая пряжка (рис. 1,*1*), несколько серебряных предметов, принадлежавших, скорее всего, ременной гарнитуре (рис. 1,*2,12,14,21,25*), таких например, как круглые усеченно-конические накладки с гвоздиками (рис. 1,*19,27*).

Сразу же возникает вопрос, является ли находящися в Музее нацональной археологии набор вещей закрытым комплексом? Ведь раскопки могилы проходили без участия археологов-профессионалов, да и сам владелец коллекции мог впоследствии добавить в продаваемый лот какие-либо предметы, для придания ему большей ценности. Наконец, плитовая могила 1918 г. могла быть коллективной гробницей и содержать вещи двух и более поколений боспорян. Тем не

менее основные составляющие погребального инвентаря - диадема, меч, фибула, большая пряжка, удила - представлены единичными предметами, что характерно для индивидуалных погребений. Поэтому интерпретация данной находки как единого закрытого комплекса мне представляется предпочтительной.

М.И. Ростовцев, опираясь на нумизматические данные - индикации монет Пупиена, 238 г. - датировал находку III в. (Rostovtceff, 1923, p. 110, 111). Публикация М.И. Ростовцева не содержит иллюстраций всех вещей, но она привлекла внимание советских исследователей, в частности А.К. Амброза. Он не имел тогда возможности ознакомиться непосредственно с материалом и датировал инвентарь второй половиной III в. (Амброз, 1966, с. 54; Амброз, 1989, с. 25; Амброз, 1992, с. 8-10). По его мнению керченское погребение 1918 г. сопоставимо с богатыми боспорскими и степными погребениями с вещами позднеримского полихромного стиля, такими как Керчь-Золотая Маска 1837 г., Аджимушкай 1841 г. или Кишпек (Амброз, 1989, с. 24-26). Предложенная дата стала на какое-то время опорной и повторялась другими исследователями.

Полностью вещи из курченской находки 1918 г. были опубликованы лишь в 1988 г. (Beck *et alii* 1988), несколько позднее эти предметы были включены в каталоги выставок «Золото сармат» и «Золото варварских князей», предназначенных для широкой публики (Entre l'Asie et Europe, 1995, p. 112-117; L'Or des princes barbares 2000, p. 98-101). Уже при первом знакомстве с керченскими вещами в коллекции Музея национальных древностей (сейчас - Музей национоальной археологии) стало ясно, что погребение 1918 г. принадлежит к более позднему времни, чем считали М.И. Ростовцев и А.К. Амброз. Наличие в его инвентаре типичной «хоботковой» пряжки гуннского времени (рис. 1,*1*) и характерных элементов ременной гарнитуры, таких как позднеримские пряжки типа Келлер А (рис. 1,*16*), дали основание датировать данное погребение последней третью IV в. (Beck *et alii* 1988, p. 70) и соотнести его с горизонтом богатых могил второй половины IV в., таких как Муслюмово, Центральный - IV, Тугозвоново (Казанский, 1994, с. 243). Эта хронология нашла отражение и в русской историографии (Айбабин, 1999, с. 43). Близкая дата несколько позднее была предложена и В.Ю. Малашевым. Он сопоставил находку Месаксуди с погребениями группы IIIб позднесарматской эпохи согласно его классификации (320/330 - 350/370 гг.), к которым также принадлежат, по В.Ю. Малашеву, такие богатые комплексы как Тугозвоново, Брюхановский, Аджимушкай 1841 г., Керчь 1891 г. (Малашев, 2000, с. 203). Похожий инвентарь имеется и в погребениях группы IV по В.Ю. Малашеву, таких как Центральный IV, Муслюмово

или Утамыш, где встречены похожие пряжки и ременные наконечники (Малашев, 2000, рис.12,*М,* 13,*В,Г*). Однако О.В. Шаров предложил для погребения 1918 г. несколько более раннюю дату - 300/310 - 330/340 гг. Этим же временем, эпохой Радамсата - Рескупорида, он датировал такие известные керченские находки, как Аджимушкай 1841 г. и склеп Гордиковых (Шаров, 2012, с. 226).

Хронология вещей, составлявших инвентарь погребения 1918 г., на мой взгляд не дает оснований для столь ранней даты. Достоверно к числу ранних вещей, III в., относится лишь роскошная эмалевая пиксида (рис. 2,*6*), скорее всего западноримского (рейнского?) происхождения, специально изученная Ф. Бек (Beck *et alii* 1988, p. 77-79). Таких пиксид сейчас известно всего семь экземпляров (из них три в Музее национальной археологии), эти дорогие вещи могли находиться в быту очень долго.

К III в. А.К. Амброзом была отнесена и золотая имитация лучковой фибулы типа 15-III-3 (рис. 1,*4*), не имеющая прямых паралелей[1]. В целом же лучковые фибулы серии III, были датированы А.К. Амброзом, с учетом кавказских парраллелей, временем со II-III по IV век (Амброз 1966, с. 52, 54; Beck *et alii* 1988, p. 65). Последующие находки лучковых фибул подтвердили эту широкую датировку.

Достаточно ранней является и большая инкрустированная пряжка позднеримского полихромного стиля (рис. 1,*5*, 2,*5*). Прямых параллелей ей не обнаружено, она несколько напоминает пряжки с прямоугольной рамкой из Тимошевской, на Кубани и из Херсонеса, погр. 888.1892 г. Эта пряжка, как и навершие меча из погребения 1918 г. (см. ниже) принадлежат изделиям позднеримского полихромного стиля последней четрверти III - второй трети IV вв., групы «Силистра-Керчь», хорошо известной как на территории Римской империи, так и по погребениям аланских вождей в понто-кавказских степях, а также на Боспоре Киммерийском и в Юго-Западном Крыму (Shchukin *et alii* 2006, p. 66, fig. 58,*1-5*). В настоящее время, ввиду отсутствия прямых аналогов, более точную дату пряжки назвать затруднительно. Отметим лишь, что по декору вещи полихромного стиля из гробницы Месаксуди родственны изделиям гуннского времени первой стилистической группы по классификации И.П. Засецкой (Засецкая, 1982, с. 16).

Элементы меча из рассматриваемого погребения имеют довольно широкий круг аналогий, охватывающий время от от позднего III до

[1] К той же серии А.К. Амброзом отнесена и фибула из знаменитого погребения 1837 г. с золотой маской, но от нее в реальности сохранилась лишь игла (см. Тайна золотой маски, 2009, кат. № 12), не дающая пердставления о типе застежки.

первой половины V в. Так полусферическое навершие с инкрустацией (рис. 1,*20*, 2,*4*) представлено в таких находках как Батырь, Усть-Лабинская, Новокорсунская, Брюхановский, Керчь-Глинище 1896 г., Керчь - погребения 24 июня 1904 г. (Beck *et alii* 1988, p. 65). Его полихромный декор может быть отнесен, как уже говорилось, к группе «Силистра-Керчь». Портупейные скобы из нефрита (рис. 1,*26*), вероятно китайского происхождения, известны в восточной Европе с I по V в. (Beck *et alii* 1988, p. 68). К числу наиболее поздних относится скоба из погребения гуннского времени Покровск-Восход в Поволжье (Засецкая, 1994, табл. 32,*3*). Деревянные ножны меча с металлической обкладкой имеют параллели как в позднесарматских древностях (Щербаковка), так и в контексте гуннского времени (Альтлюссхайм, Цебельда) и даже постгуннской эпохи (Дюрсо) (Beck *et alii* 1988, p. 65,68).

К числу предметов инвентаря, надежно датируемых IV веком следует назвать прежде всего ременную гарнитуру, включающую пряжку типа Келлер А (рис. 1,*16*). Это форма, связанная по происхождению с позднеримскими поясами, бытует в Империи с 290/310 по 350/370 гг. (Казанский, 1994, с. 240, 241). Согласно В.Ю. Малашеву в позднесарматском контексте эти пряжки появляются в его хронологической группе IIIа, т.е. в конце III - первых десятилетиях IV вв. (Малашев, 2000, с. 201, 207). Такая пряжка представлена в одном из наборов конской узды в погребении Аджимушкай 1841 г. (Шаров, 2012, рис. 13), принадлежавшем по В.Ю. Малашеву группе IIIб т.е. 320/330-350/370 гг. (Малашев, 2000, рис. 1,*12Б,11*), а по О.В. Шарову группе IIIа, что соответствует. 280/290-320/330 гг. (Шаров, 2012, 233). Наконечники с секировидной подвеской (рис. 1,*22*) также имеют параллели в аджимушкайской узде 1841 г. (Шаров, 2012, рис. 13) и в погребениях позднеримского времени в Юго-Западном Крыму (Храпунов, 2002, рис. 80,*15*). В.Ю. Малашев считает их типичными для позднесарматской группы IIIб, т.е. для 320/330- 350/370 гг. (Малашев, 2000, с. 202). Пряжки с овальным кольцом и прямоугольным и полукруглым щитком (рис. 1,*17,18,23,24*), входившие в состав ременной гарнитуры имеют черняховские параллели (Beck *et alii* 1988, p. 68), что позволяет их отнести перимущественно к IV в. Малые пряжки с овальными щитком и кольцом (рис. 1,*8-11*) имеют очень многочисленные параллели второй трети III - IV вв., например в Керчи, в погр. Аджимушкай 1841 г. (Шаров 2012, рис. 13), в Юго-Западном Крыму (Юрочкин, Труфанов, 2007, рис. 3,*22*, 4,*5,6*, 5,*5*), а также у сармат (Малашев, 2000, с. 195, 196). Ременные прямоугольные наконечники с валиком (рис. 1,*3,13*) широко распространены в IV в. (Малашев 2000, рис. 9,*Б,6,7*, 10,*Б.2*, ; 12,*Е.6*; Храпунов, 2002, рис. 75,*40*, 43; Юрочкин, Труфанов, 2007, рис. 4,*12,21*)

и доживают по меньшей мере до начала гуннского времени (Beck *et alii* 1988, p. 65; Малашев, 2000, рис.13.*А.3,4,Г,10,11*). В степных древностях позднесарматского периода находят параллели и усеченно-конические серебряные накладки (рис. 1, *27*, ср. Казанский, 1994, рис. 8,*1,2*).

Почковидные держатели на удилах (рис. 1,*28*) имеют парарллели в уже упоминавшейся узде из погр. Аджимушкай 1841 (Шаров, 2012, рис. 13), а также в погребении Муслюмово, датируемом серединой-вторая половиной IV в. (Beck *et alii* 1988, p. 68) и отнесенном В.Ю. Малашевым к его группе IV (Малашев, 2000, рис. 1, *13Г,18*), а также в аджимушкайской узде 1841 г. (Шаров 2012, рис. 13), которую В.Ю. Малашев относит к его группе IIIб, т.е. ко второй трети IV в. (Малашев, 2000, рис. 12.*Б, 11*). Для гуннского времени «почковидные» зажимы ремней конской упряжи отмечены в инвентаре известного «княжеской» находки Кошовени (Cosoveni de Jos), на Нижнем Дунае (L'Or des princes barbares 2000, n° 6,*3*; Tejral 2011, Abb. 128).

Наконец пряжка с округлым кольцом и длинным, загнутым вниз «хоботковым» язычком (рис. 1,*1*) несомненно относится к гуннскому времени, не ранее последней трети IV в., что подтверждается многочисленными параллелями, в ряде случаев сопровождавшимися монетными находками (Beck *et alii* 1988, p. 69). Присутствие данной пряжки в инвентаре и определяет возможную дату совершения захоронеиня в гробнице 1918 г. Если учесть, что основная часть вещей всё жк датируется несколько более ранним временем, в пределах конца III - второй трети IV вв., то видимо, наиболее оптимальной датой данного закрытого комплекса является последняя треть IV в., как это и было предложено в 1988 г. Можно допустить, что в гробнице был захоронен уже пожилой человек, с вещами времени его молодости.

По хронологии позиция керченской могилы 1918 г. должна находится сразу после таких находок как Аджимушкай, 1841 г. и Керчь, 1891 г. (покупка Запорожского). По времени к ней примыкают, может быть несколько более поздние Новиковский склеп 1890 г., а также ранняя часть вещей из тайника склепа 145.1904 г. и из двух погребений, разграбленных 24.06.1904 г. (о них см. Казанский, 1999, с. 279). Из степных комплексов наиболее близкими по времени оказываются, как уже говорилось, погребения групп IIIб- IV по В.Ю. Малашеву - Муслюмово, Брюхановский, Тугозвоново, Центральный IV, Утамыш.

Ингумация в плитовом склепе под курганом с богатым инвентарем, включающим вооружение и конское снаряжение, обычна для боспорских некрополей позднеримского времени и начала эпохи переселения народов. В целом по подсчетам А.А. Масленникова, около 5 % поогребений Боспора позднеримского времени содержали оружие (Масленников, 1985, с. 69), что по общему мнению отражает

сармато-аланское влияние, особено если учесть набор - меч и конское снаряжение - характерный для погебений степной знати того времени (ср. Казанский 1994).

Литература

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 151 с.

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР. IIв. до н.э. - IV в.н.э. (Свод Археологических Источников, Вып. Д1-30). Москва: Главная редакция восточной литературы, 1966, 112 с.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. Москва: Наука, 1989, 134 с.

Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. 1, 1992. С. 6 - 108.

Засецкая И.П. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи переселения народов V-VIII веков / Амброз А.К., Эрдели И.Ф. (отв. ред.). Москва: Наука, 1982. С. 14-30.

Засецкая И.П. Культура кочевников эжнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Санкт-Петербург: Эллипс, 1994. 224 с.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Вып. IV, 1994. С. 238-256.

Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре / Левада М.Е. (ред.), Киев: Товариство Археологиії та Антропології, 1999. С. 277-297.

Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I) / Гугуев Ю.К. (отв. ред.), Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194-232.

Масленников А.А. Некрополи городов азиатского Боспора в первые века н.э. // Советская Археология, 1985, № 1, 61-74.

Тайна золотой маски: каталог выставки. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. 204 с.

Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002. 314 с.

Шаров О.В. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или слеп № 1, открытый в 181 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // Stratum plus, 2012, № 4. С. 201-238.

Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв.н.э. // Древняя Таврика / Зайцев Ю.П,, Мордвинцева В.И. (ред.), Симферополь: Универсум, 2007. С. 359-382.

Beck F., Kazanski M., Vallet F. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. 1988, 20, P. 63-81.

Entre l'Asie et Europe. L'Or des Sarmates. Nomades des steppes dans l'Antiquité. Daoulas: Abbaye de Daoulas, 1995, 144 p.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.C. 2000. Paris: Réunion des musées nationaux.

Rostovtceff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kerch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires Fondation Eugène Piot. Vol. XXVI. 1923. P. 145–161.

Rostovcev M. La porte-épée des Iraniens et des Chinois // L'Art Byzantin chez les Slavs: les Balkans. Recueil 1 (Orient et Byzance IV) / G. Millet (dir.), Paris: Paul Geuthner, 1930, P. 337–346.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations (BAR International Series 1535). Oxford: Archaeopress, 2006. 482 p.

Tejral J., Einhemische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, 2011.

Рис. 1. Вещи из погребения 1918 г. («гробница Месаксуди»).

Рис. 2. Вещи из погребения 1918 г. («гробница Месаксуди»).

Катюшин А.Е.
(Симферополь)

ХАЗАРЫ И ХЕРСОН В ИСТОЧНИКАХ: ТОЧКА ЗРЕНИЯ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА ТАТИЩЕВА.[1]

Сегодня, с позиций наших исторических знаний и современной методологии источниковедения, нельзя не признать, что той подборкой источников, которую собрал Василий Никитич Татищев, крайне сложно пользоваться. Опубликованные им сведения пестрят ложной этимологией, неправильной топографией, путаницей в летописях и так далее. Это, кажется, признают как сторонники Татищева, так и его критики. Но, безусловно, Василий Никитич был одним из тех «птенцов гнезда Петрова», которые обладали недюжинными талантами и очень быстро совершенствовались в новых умениях. В.Н. Татищев был военным, инженером, географом, геологом, администратором. В круге его интересов была экономика, этнография, филология, механика. И, в конце концов, можно сказать, что Татищев стал первым в России источниковедом.

В 2008 году Алла Ильинична Романчук в своей фундаментальной монографии «Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы» упомянула одно из высказываний В.Н. Татищева: «можно сказать, что первым, кто выдвинул концепцию господства хазар в Таврике и власти их над Херсоном, являлся В.Н. Татищев. В примечаниях к «Истории Российской» он отметил: «Хазары и Херсоном владели» [*Романчук*, 2008, с. 160; *Татищев*, 1995, с. 231].

Следует добавить, что В.Н. Татищев написал про хазар и Херсон не только это. Он развил свою мысль в своём «изъяснении»: «Козари

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

когда под власть императоров греческих пришли, неизвестно, однако же прежде Константина, ибо в договорах с Ольгом и Игорем императоры их и Херсонез, яко подданных, включали и, когда у них жидовство завелось, следовать и наказывать от себя посылали, как в Лексиконе историческом показано, потому в строении замка Феофил около лета 825 им, яко подданным, помогал[2]» [*Татищев*, 1994, с. 206]. При этом он, заочно полемизируя с Готлибом Зигфридом Байером, писал, что: «казари, хотя не как под властью греческих императоров были, однако же особых владетелей, или каганов, имели» [*Татищев*, 1994, с. 328].

То есть В.Н. Татищев считал, что хазары владели Херсоном, но при этом были подданными византийского императора. К тому же они имели «особых владетелей». В то же время, как видно из вышеприведённой цитаты, В.Н. Татищев знал об их иудействе. Подобная логическая конструкция, привнесённая в исторический контекст византийского средневековья, озадачит, пожалуй, любого современного исследователя.

До сих пор мы не можем сказать (да и никогда, наверное, не сможем), что доступные нам материалы по истории хазар достаточны. Но и тот научный багаж, что у нас имеется, совершенно очевидно позволяет говорить, что процитированные выводы о хазарах уважаемого собирателя летописей В.Н. Татищева чересчур обобщены и, большей частью, неверны. Но интересно другое. В данной работе я решил разобраться, что же вдохновило Василия Никитича, как исследователя, на необычную мысль о византийском подданстве хазар. Мне кажется, здесь есть субъективный момент.

Коротко говоря о биографии В.Н. Татищева, баталии Северной войны и Прутского похода и поездки за границу сменились в его жизни тяжёлой административной работой в Сибири. В 1720 году он был откомандирован на Урал, руководить металлургическими заводами, чем занимался, с перерывами, до 1737 г., параллельно собирая материалы для будущей Истории Российской [*Татищев*, 1994, с. 6 и сл.].

В XVIII в. российское правительство приступило к серьёзному административно-политическому и экономическому освоению своих восточных территорий. В ходе задуманных еще Петром I Сибирских экспедиций в 1734 г. была открыта *Оренбургская экспедиция*. В рамках предприятия планировалось построить крепость на р. Орь и систему укреплений [*Иофа*, 1949, с. 25]. Главным разработчиком и первым руководителем экспедиции стал обер-секретарь Правительствующего Сената И.К. Кирилов (или, как пишут в соответствии с современными

[2] Речь идёт о миссии Петроны Каматира [*Константин Багрянородный*. С. 171-173]

нормами языка, Кириллов). Однако И.К. Кирилову не суждено было долго руководить предприятием. Этот талантливый государственный деятель умер от туберкулёза в 1737 г. На его место с уральских металлургических заводов в мае 1737 г. перевели новоиспечённого тайного советника В.Н. Татищева [*Попов*, 1861, с. 161; *Устюгов*, 1950, с. 75].

Таким образом, В.Н. Татищев оказался на «переднем крае» административно-политического расширения Российской империи на восток. При этом он столкнулся со значительными трудностями: приходилось осваивать территории, населённые родоплеменными кочевыми и полукочевыми соединениями. В фокусе внимания экспедиции оказались, главным образом, башкиры. Практически сразу после открытия Оренбургской экспедиции, уже при первом директоре Оренбургской комиссии И.К. Кирилове, началось одно из самых крупных башкирских восстаний.

Башкиры, жившие по р. Кама, Белая и Яик, пришли в российское подданство при Иване Грозном. Этому сопутствовало то, что башкирские племена, оказавшиеся между трёх крупных осколков Золотой орды (Казанского и Сибирского ханств, а так же Ногайской орды), подвергались всяческим притеснениям и чрезмерным поборам. После падения Казанского ханства башкиры пришли под руку московского царя. В те времена в их жизни мало что поменялось. В 50-80-х гг. XVI в. на землях башкир были построены города Бирск, Оса и Уфа. Иван IV документально закрепил за башкирами их же земли, надеясь использовать кочевников для охраны границ. В качестве подданных царя они выплачивали ясак, который был значительно меньше подушной подати в остальной стране. При этом они продолжали жить прежним укладом, при своих местных правителях. Однако в XVII в., по причине новых чрезвычайных налогов и злоупотреблений местных воевод, начинается ряд восстаний башкир, закончившихся только во второй половине XVIII в. Волнения XVII в. разрешались, за некоторыми исключениями, относительно малой кровью. Но в XVIII в., а особенно во время восстания 1734-1740 гг. ситуация поменялась. Напористое вторжение Российской империи в земли башкир вызвало сильное недовольство, сопровождавшееся кровавыми бунтами и не менее кровавым их подавлением. Можно сказать, что Российская империя формировала в то время политику поведения со своими «малыми» народами, используя как кнут, так и пряник. При этом родоплеменные соединения поделились на пророссийские и бунтарские, «мирных» и «немирных» башкир. В таком столкновении двух совершенно разных миров, Российская империя просто не имела возможности сразу внедрить свою административную

систему в осваиваемые земли. Высшим представительным органом в башкирских землях была Оренбургская комиссия, управлявшаяся, благодаря усилиям В.Н. Татищева, коллегиально [*Попов*, 1861, с. 5]. Российские власти пытались усовершенствовать фискальную систему, забрав у башкирских старшин право сбора ясака и прислав своих целовальников. Эта политика потерпела крах, поскольку целовальники увидели в неискушённых башкирских налогоплательщиках отменные объекты для собственного обогащения. Пришлось вернуть родовым главам их функции ясачного сбора (инициатором выступил всё тот же Василий Никитич) [*Попов*, 1861, с. 186; *Татищев*, 1901, с. 5-6]. Самым эффективным (и единственным, если исключить силовой) способом влияния на народы Сибири был контроль над родоплеменными старшинами (теми или иными средствами). Реальная власть над племенами всё равно принадлежала им. Ещё со времён Михаила Фёдоровича русский царь выдавал башкирам тарханные грамоты, что означало исключение пожалованных лиц из подушного или ясачного оклада [*Вельяминов-Зернов*, 1864, с. 2]. В 1734 г. Анна Иоанновна поручила И.К. Кирилову давать из Оренбургской экспедиции указы на тарханство. Эти указы известны в виде пространных списков башкир [*Вельяминов-Зернов*, 1864, с. 26 и сл.].

Ислам по-прежнему оставался господствующей религией среди башкир. Для клятвы в преданности российской короне часто использовался Коран [*Попов*, 1861, с. 181; *Устюгов*, 1950, с. 105]. Правда, законодательно было ограничено количество ахунов и запрещено обращать в ислам представителей иных вероисповеданий. Так же воспрещалось строительство мечетей и медресе без специальных указов со стороны российского правительства [*Попов*, 1861. с. 185].

В контексте настоящего доклада особенно интересна история постройки Орской крепости. В этом случае речь пойдет не о башкирах, а о казахских племенах, поскольку именно казахи инициировали (по крайней мере, формально) постройку этой крепости. Казахские племена, или как их называли раньше, киргиз-кайсаки, на рубеже XVII-XVIII веков переживали расцвет, объединившись под властью сильного хана. После его смерти казахские племена снова оказались в раздробленности и стали лёгкой добычей для окружающих конкурентов, особенно джунгаров. Казахи делились на три основных жуза (сотни): Старший, Средний и Младший жузы. С 1730 г. все три жуза стали искать контакты с Российской империей. Быстрее всех оказался хан Младшего жуза Абулхаир. «Летом 1730 года хан Абулхаир отправил к уфимскому воеводе Бутурлину… послов с письмом, предлагая себя и орду в вечное подданство России…» [*Из истории Казахстана*

XVIII в. 1938, с. 131]. Тогда же они приняли присягу на верность государыне. А в 1734 году Абулхаир направил к Анне Иоанновне ещё одно посольство. Императрице хан обещал безопасность русских границ в его компетенции, обеспечение дополнительным войском и защиту русским купцам. В награду Абулхаир просил утвердить ему потомственное ханство и *построить на реке Оре город, где бы он мог спрятаться в случае опасности* [*Из истории Казахстана XVIII в.* 1938, с. 131]. Вслед за Абулхаиром того же захотели ещё некоторые представители казахов [*Из истории Казахстана XVIII в.*, с.137].

Мне кажется, что достаточно неожиданные выводы В.Н. Татищева обусловлены тем, что информацию источников он пропускал сквозь призму собственного жизненного опыта. На его глазах формировались порой довольно странные (на тот момент) гибриды государственной власти и фискальной системы с местными обычаями сибирских племён. И я так же рискну предположить, что мысль о подданстве хазар византийскому императору «потому в строении замка Феофил… им, яко подданным, помогал» возникла именно по аналогии с обстоятельствами строительства Орской крепости. По словам А.П. Толочко «вымысел играл для Татищева весьма существенную роль «объяснительного устройства… историк прибегал к вымыслу, чтобы конструировать связный и логически последовательный нарратив… Мистификации «Истории» оказываются не безответственной и беспричинной «ложью», но одним из технических приёмов историка» [*Толочко*, 2005., с. 22]. В рассматриваемом случае В.Н. Татищев, как мне кажется, несколько «дополнил» информацию Константина Багрянородного о строительстве крепости Саркел, спроецировав современные ему обстоятельства на средневековые события.

Литература

Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими царями. СПб., 1864 г.

Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев. Географы первой половины XVIII в. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1949 г.

Из истории Казахстана XVIII в. (Вводная статья А.Б[ирзе])// Красный архив. № 2 (87). 1938 г.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: «Наука», 1991 г.

Попов Н.А. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М., 1861 г.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень, 2008 г.

Татищев В.Н. История Российская. Часть первая. М.: «Ладомир», 1994 г.

Татищев В.Н. История Российская. Часть вторая. М.: «Ладомир», 1995 г.

Татищев Ю. К истории управления В.Н. Татищевым Оренбургской экспедицией (1737-1739 гг.) М., 1901 г.

Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.-Киев, 2005 г.

Ковалевская Л.А.
(Севастополь)

ХОРА ХЕРСОНЕСА В РИМСКОЕ ВРЕМЯ. ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Хора Херсонеса занимает почти весь Гераклейский полуостров, который входит в состав административной территории современного г. Севастополя. В древности вся его площадь была поделена более чем на 400 земельных наделов (Николаенко, 2001). Следы размежевки некоторых участков хоры прослеживаются до настоящего времени.

Как известно, древний город Херсонес Таврический и его сельская округа привлекали внимание учёных и путешественников с конца XVIII века. Масштабный и систематический характер исследования приобрели в XX веке, особенно начиная с конца 70-х гг.

В настоящей статье представлены итоги раскопок, которые более десяти лет проводились Крымским филиалом Института археологии НАНУ совместно с Институтом археологии Варшавского университета в пограничной зоне хоры Херсонеса, в микрорегионе Верхне-Юхариной балки. Целью исследований является реконструкция археологического ландшафта и общих исторических процессов, следы которых на территории сельской округи сохранились гораздо лучше, чем в самом городе. Работы носили комплексный характер с применением различных научных методов исследования. Главным

источником информации, бесспорно, являются традиционные раскопки, позволяющие выявить план археологических объектов, хронологические рамки их существования и некоторые особенности хозяйственной организации. Также широко применялись неинвазийные методы исследования, среди которых особо следует выделить:

- геофизические исследования на основе метода электросопротивления;
- анализ данных, полученных в результате аэрофотосъёмки, спутниковых съёмок и фотографий, сделанных с небольшой высоты с помощью зонда;
- геодезические обмеры археологических объектов и их локализация на местности.

В результате осуществлённых работ в Верхне-Юхариной балке было исследовано в той или иной степени 8 построек типа сельских усадеб, винодельня на земельном наделе 340, керамический водопровод, следы древней размежёвки. Перечисленный комплекс исследовательских мероприятий был осуществлён на территории усадеб земельных наделов 340, 343, 363. На усадьбах 342 (северная), 342 (южная), 344, 341, 364 исследования в основном проведены неинвазийными методами.

Особое внимание уделялось такому типу археологических памятников как постройки, которые возводились в узловых стратегических местах, с учётом существующего рельефа местности: около дорог, на возвышенностях, по краям балок, в местах выхода воды. Вышеперечисленные сельские усадьбы, по-видимому, были основаны в период размежёвки Гераклейского полуострова, как ближней сельской округи Херсонеса Таврического. Некоторые из них с перерывами просуществовали до X-XII веков.

Но самый многочисленный и информативный материал получен по римскому периоду, что и будет более подробно рассмотрено. В качестве примеров привлечём итоги раскопок двух усадеб 343 и 363. Следует заострить внимание на том, что наши последующие наблюдения основаны на тщательном изучении керамических комплексов, обнаруженных на территории указанных сельских построек, чего ранее не делалось.

Сельская усадьба земельного надела **363** *(рис. 1)* расположена на юго-западном склоне Верхне-Юхариной балки. Систематические раскопки охранного характера на её территории проводились начиная с 2006 по 2010 год. В итоге осуществлённых работ обнаружены строительные остатки постройки с общей ориентацией углов – по сторонам света Всего размеры усадьбы согласно выявленным строительным остаткам 24,75 х 29,75 м. В западной части постройки

находится башня, на участке которой и проводили основные работы. Башня прямоугольная в плане, имеет размеры по внешнему периметру стен 12,3 х 8,0 м. Внутреннее пространство башни стеной разделено на два помещения, которые соединены между собой проходом.

В принципе почти все обнаруженные строительные остатки и большая часть культурных напластований относятся к римскому времени. Особенно чётко прослеживаются в башне, в помещениях 1 и 2.

Помещение 1 (размеры – 5,00 х 4,50 м) занимает северо-восточную половину башни. В северном углу помещения к стене пристроена «загородка» из поставленных на ребро камней, где, по-видимому, были установлены амфоры с продуктами. Поверхность пола помещения 1 была покрыта глиной, местами положены каменные плиты. У юго-восточной стены сохранились 4 ступени каменной лестницы, которая ведёт на второй этаж башни. В юго-восточной же стене находится вход в башню. С северо-западной стороны лестницы была обнаружена цистерна с квадратным в плане устьем, прикрытая каменной плитой. Цистерна в плане круглая, в разрезе имеет колбообразную форму, её глубина 4,40 м.

Помещение 2 (размеры – 5,00 х 4,00 м) занимает юго-западную половину башни. В южном и западном углах помещения вдоль стен, как и в помещении 1, выявлены «загородки». Пол помещения 2 покрыт неплотной вымосткой из плоских камней небольших размеров.

Стратиграфия помещений 1 и 2 почти аналогична – под метровым каменным завалом имеется слой разрушения со следами пожара общей мощностью 0,80 - 1,20 м. В нём был выявлен самый многочисленный и информативный археологический материал. Главными находками являются фрагменты и целые формы амфорной тары, столовой посуды, лепной керамики.

Среди амфор, следует отметить доминирующее количество позднегераклейских (С Iб) 10-х гг. I в. н.э. – первой трети II в. н.э. (Внуков, 2003. С. 167) и (С IV A_1) второй - начала последней четверти I в. н.э. (Внуков, 2003. С. 118-128), позднесинопских (Син III) 40-х гг. I в. до н.э. (?) – конца I в. н.э. (Внуков, 2003. С. 167) и (Син IVa) первой четверти I в. н.э. – середины II в. н.э. (Внуков, 2003. С. 147-156). Также присутствуют колхидские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. (Цецхладзе, 1992. С. 101. Рис. 7) и амфоры типа Зеест 90 широкого хронологического диапазона существования (Зеест, 1960. С. 117, Табл. XXXVII, 90).

Среди краснолаковых сосудов особо следует отметить большую группу кувшинов, имеющих аналогии на памятниках Юго-Западного Крыма: 2 кувшина близких форме 2.1 второй половины I - первой половины II вв. н.э. (Журавлёв, 2010. С. 74-75. Табл. 40), кувшина близкого форме 11.1 конца I – начала II вв. н.э. (Журавлёв, 2010. С. 79. Табл. 48).

Следует отметить также значительное количество лепной керамики, которая представлена горшками, мисками, цедилками для приготовления творога и сыра.

Корреляция керамического материала позволяет с уверенностью отнести гибель в пожаре здания усадьбы к I в. н.э. после чего жизнь надолго замирает.

Усадьба земельного надела **343** *(рис. 2)* находится на равнинной террасе водораздела между балками Верхне-Юхариной и Бермана, на расстоянии около 1300 м на запад от усадьбы земельного надела 363. Сельская усадьба 343, входит в комплекс, известный под названием «Близнецы». Первые раскопки на усадьбе были проведены в 1987-1990 годах. Позднее работы на территории памятника археологии были возобновлены в 2007 году. В результате раскопок на усадьбе 343 была исследована её северо-восточная часть с главным сооружением - башней. Площадь постройки составляла приблизительно 1800 м^2. Углы усадьбы ориентированы по сторонам света.

На территории самой усадьбы было исследовано помещение 4 и помещение 14, расположенное в северном углу постройки, которые в римский период служили хозяйственным целям. Главное и самое долговременное сооружение усадьбы - башня, расположена в её западной части. В башне прослеживается как минимум 3 строительных периода. В результате осуществлённых работ было выяснено, что первоначально размеры башни по внешнему периметру составляли 7,70 х 7,00 м, позднее её стены со всех сторон были окружены так называемым «противотаранным поясом» и размеры по внешнему периметру стен достигли 10,70 х 9,70 м.

Внутреннее пространство башни первоначально и, похоже, в римский период было поделено на два помещения. Северо-восточную часть башни занимало помещение 5, имеющее размеры 2,60 х 4,25 м, первоначально служившее подвалом, где были установлены 8 пифосов. В римский период пифосы были извлечены. В юго-восточной части помещения 5, имеется площадка из каменных блоков, которая, скорее всего, служила основанием лестницы, ведущей на второй этаж башни. В северо-западной стене находится вход в помещение.

Помещение 8 занимает всю юго-западную, большую часть башни, имеет размеры - 5,20 х 4,25 м. Пол, покрыт крупными каменными плитами. Вход находится в юго-восточной стене помещения.

Помимо самой постройки усадьбы на данном участке земельного надела 343 исследованы три круглых в плане сооружения, скорее всего, жилого и хозяйственного значения. Самое крупное круглое сооружение 1, его внутрений диаметр достигает 7,00 м, а внутреннее пространство стеной поделено на два не сообщающиеся помещения,

выходы из которых направлены на юго-запад. Второе круглое сооружение расположено впритык к первому. Внутренний диаметр данной постройки 4,70 - 5,00 м, вход находился с западной стороны. На расстоянии 17 м на юго-запад от двух упомянутых круглых сооружений исследована ещё одна круглая структура, внутренний диаметр которой достигает 4,00 м, вход расположен в северо-восточной части.

На территории всей усадьбы и круглых структур решительно преобладает керамика римского времени: строительная, тарная, столовая и лепная. Больше всего фрагментов амфор относятся к боспорским типам II – III вв. н.э. (Зеест, 1960. С. 111-119. Табл. XXX 72, 73; XXXI 75; XXXIV 83). Достаточно высокий процент составляют также фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор (Шелов тип С) конца II - III вв. н.э. (Шелов, 1978. С. 17-19. Рис. 5,6), (Шелов: тип Д) II – III вв. н.э. (Шелов, 1978. С. 19. Рис. 8).

Относительно немногочисленной является столовая керамика, которая представлена, прежде всего, краснолаковыми кувшинами, кубками и чашками I - III (Зубарь, 1982. С. 76. Рис. 50; С. 67. Рис. 42), некоторые из них херсонесского производства (Ушаков, 2004. С. 285-296. Рис. 2, 1,3). Среди кружальных и лепных кухонных сосудов преобладают горшки и сковороды. Описанный материал обнаружен повсеместно, в слоях с признаками горения, что свидетельствует о гибели всех строений. Время гибели уточнено первой половиной III в. н.э. благодаря опубликованному материалу из круглого сооружения 1 (Созник, 2005. С. 238-262).

Таким образом, на основании керамических комплексов прослеживаем 2 эпизода разрушений римского времени на территории двух сельских усадеб в пограничной зоне хоры Херсонеса. На усадьбе 363 разрушения относятся к I в. н.э., на усадьбе 343 – к первой половине III в. н.э.

Исследования последних лет показали, что в пограничной зоне хоры Херсонеса помимо сельской усадьбы 363 в I в. н.э. погибают также усадьбы 338 и 357. Имеются также следы пожара на усадьбе 197, расположенной в центре Гераклейского полуострова.

Что касается гибели в первой половине III в. н.э. сельской усадьбы 343. Только в пограничной зоне приблизительно в это время следы разрушений фиксируются на территории усадьбы 313 (северная), 340 и 342 (южная).

Что могло послужить причиной гибели усадеб на хоре Херсонеса? Можно предположить, что в том и другом случае усадьбы рарушены в результате сильных землетрясений, которые, по мнению Антоновой И.А. и Никонова А.А., пережил Херсонес (Антонова, Никонов, 2009. С. 14-51).

Другой причиной могут являться исторические события. Зафиксированные на усадьбах сельской округи Херсонеса следы разрушений в I в. н.э. можно связать с активизацией скифов и притоком кочевых сарматов на Крымский полуостров, которые захватили ближнюю округу города и угрожали Херсонесу. Такие же разрушения могли появиться в результате решительных действий римских войск, когда был отогнан царь скифов от Херсонеса во время похода легата Мезии Т. Плавтия Сильвана в Таврику (Зубарь, 2004. С. 50-59)

Причиной разрушений на территории хоры Херсонеса в первой половине III в. н.э. может быть общее изменение военно-политической обстановки в Подунавье и Северном Причерноморье, а именно активизация и агрессивные устремления варварских племён, прежде всего, готов.

Таким образом, полученная информация пока не позволяет однозначно связать разрушения на хоре Херсонеса с конкретными историческими или природными событиями, однако итоги исследований, без сомнения, служат базовыми для дальнейшей исследовательской работы.

Литература

Антонова И.А., Никонов А.А. Следы разрушительных землетрясений в Херсонесе и окрестностях в римское время и в раннем средневековье // Очерки истории христианского Херсонеса. - Санкт-Петербург, 2009. - С. 14-51

Журавлёв Д.Б. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I-III вв. н.э. -Симферополь, 2010. - 320 С.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. - № 83, 1960. – 180 С.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. – К., 1982

Зубарь В.М., Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. – Харьков, 2004. -732 С.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. - Часть II. – Москва, 2003. - 235 С.

Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. - Часть II. - Санкт-Петербург, 2006. - 320 С.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. - Часть II. – Севастополь, 2001. - 163 С.

Созник В.В. Круглая башня на усадьбе «Близнецы» на хоре Херсонеса Таврического (керамический комплекс) // Боспорские исследования. – 2005. – Вып. VIII. – С. 238-262

Цецхладзе Т.Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. - Саратов, 1992 - С. 90–101.

Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА, вып. 156. – 1978. - С. 17-19. - Рис. 5,6

Ушаков С.В. Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы) // Херсонесский сборник. – Вып. XIII. – 2004. - С. 285-296

Рис.1. Башня сельской усадьбы земельного надела 363. Вид с севера

Рис.2. Сельская усадьба и круглые сооружения на земельном наделе 343. Вид сверху

Колосов В.П.
(С-Петербург)

ЗОЛЬНИК II МИРМЕКИЯ В РАСКОПКАХ В.Ф. ГАЙДУКЕВИЧА

В течение длительной истории исследования городища Мирмекий было получено огромное количество информации о жизни древнего города. Среди различных археологических объектов, открытых на его территории, особое внимание исследователей привлекают так называемые зольники – мощные зольные насыпи, насыщенные значительным количеством разнообразного материала, в основной массе - керамикой. Всего к настоящему времени в Мирмекии обнаружено четыре подобных объекта, два из них – к западу и востоку от скалы Карантинного мыса, а также два – на участке «И», за которыми закрепились названия «зольник I» и «зольник II».

С 1934 по 1938 г. и с 1946 по 1966 г., с некоторыми перерывами, на территории городища проводились планомерные археологические изыскания Боспорской экспедицией под руководством В.Ф. Гайдукевича. В этот период были открыты и частично исследованы насыпи зольника I и зольника II на участке «И», расположенном в центральной части городища. Результатом раскопок явился ряд научных трудов, посвященных изучению Мирмекия, в том числе мирмекийским зольным насыпям и работам на участке «И» (Гайдукевич. 1966, 1985). В статье «Мирмекийские зольники – эсхары» Гайдукевич интерпретирует данные объекты как своеобразные культовые комплексы, отождествляя их с зольными алтарями «эсхарами» греческой метрополии (Гайдукевич. 1966. С. 28-30).

С 1982 по 1994 гг. изучение городища проводилось Мирмекийским отрядом Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) во главе с Ю.А. Виноградовым. В 1982 г. осуществлялись раскопки зольника II. В 1999 г. раскопки были продолжены совместной экспедицией ИИМК

РАН и Гос. Эрмитажа. А с 2000 г. и по настоящее время археологические изыскания на городище проводит Мирмекийская экспедиция Гос. Эрмитажа под руководством А.М. Бутягина. С 2001 г. ведутся раскопки на участке «И». Тогда же был доследована часть зольника I (Бутягин. 2002). С 2008 г. по 2011 г. продолжалось систематическое исследование зольника II.

Несмотря на многолетние исследования, ряд вопросов до сих пор остаётся нерешённым. Так, помимо проблемы интерпретации, существуют некоторые расхождения во взглядах на период бытования насыпи и интенсивность её формирования. Такая ситуация связана с некоторыми различиями в результатах, которые были получены в разное время. В частности, интерпретация зольника II как зольного алтаря «эсхара», высказанная В.Ф. Гайдукевичем, была пересмотрена А.М. Бутягиным, по результатам проведенных им археологических исследований других зольников на территории Мирмекия. По мнению А.М. Бутягина, два из трёх изученных с 2001 года аналогичных комплекса не могли являться культовыми ввиду малого количества обнаруженных в их слоях предметов-приношений. Большое количество подобных находок в слое зольника II могло объясняться крупными размерами самой насыпи. Использование зольника II как культового комплекса носило, по мнению А.М. Бутягина, лишь временный или даже эпизодический характер (Бутягин. 2005. С. 107). Кроме того, в результате раскопок в сезонах 2008–2011 гг. в слое зольника II было обнаружено большое количество позднего датирующего материала, в частности, родосских клейм относящихся к III-II вв. до н.э., что не совсем соответствовало данным приводимым В.Ф. Гайдукевичем, который условно делил насыпь зольника на хронологические ярусы от IV до конца III вв. до н.э. (Гайдукевич, 1987. С. 71). При этом исследователь особо подчёркивал, что основная часть материала зольника II относилась к рубежу IV–III вв.

Таким образом, некоторые расхождения в полученных результатах в основном сводились не столько к качественным, сколько к количественным характеристикам археологического материала: относительное количество вотивных предметов-приношений по отношению ко всему объёму находок, процентное распределение основных групп керамических фрагментов и датирующего материала. В связи с этим, более пристальное внимание требовалось обратить непосредственно на соотношения массового и датирующего материала в стратиграфии комплекса, по результатам раскопок разного времени.

Для этой цели, по архивным данным была собрана информация о массовом керамическом материале, полученном в ходе археологических работ на нескольких центральных квадратах зольника

II в течение полевых сезонов 1960, 1961 и 1962 годов (Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. оп 1. 1962. Ед. хр. 220; Ф. 35. оп 1. 1961. Ед. хр. 259.). Это позволило провести сравнительную характеристику данных по керамическому комплексу зольника II разных периодов исследования.

В целом процентное распределение материала схоже по большинству групп, но существенную разницу можно видеть в процентном выражении чернолаковых сосудов и кухонной керамики. В то время как процент чернолаковых фрагментов в материалах В.Ф. Гайдукевича почти в два раза выше (18% и 7%, без учёта амфорной тары), доля кухонных сосудов наоборот существенно ниже чем по данным 2008-2011 годов (13% против 24%). По всей видимости, столь существенные различия в распределении керамики объясняется спецификой отбора материала в процессе археологического исследования. Кроме того, в выборке 1958–65 гг. количество амфорных стенок существенно меньше в сравнении с профильными частями амфор. Важно отметить, что среднее количество керамического материала из равных по объёму условных горизонтов в раскопках 1958–65 гг. в несколько раз ниже чем в раскопках 2008–11 гг. Очевидно, что при археологических работах в 1958-65 гг. выборка была более избирательной. На примере разницы профильных частей амфор и количества их стенок можно предположить, что отбору и подсчёту стенок красноглиняной или кухонной керамики могло уделяться также меньше внимания, в то время как чернолаковая керамика собиралась и подсчитывалась более тщательно. Отсюда разница в результатах подсчёта процентного распределения основных групп, которые выразились в большем по сравнению с 2008–2011 гг. проценте чёрнолаковых фрагментов. Кроме того, могла сказаться разница в подходах к выделению и классификации некоторых керамических групп, в частности – кухонной посуды. Наиболее стабильны в выборке 1958–65 гг. процент чёрнолаковой керамики, как и процент амфорной тары.

Таким образом, прямое сравнения двух выборок не является правомерным ввиду различий в принципах подсчёта. В данном случае продуктивным может быть только сравнительный анализ изменений процентного распределения материала по условным горизонтам. Наблюдая различия между соотношением материала в нижних и верхних горизонтах, мы видим очень близкую картину для обеих выборок: для нижних слоёв зольника характерен более высокий процент фрагментов амфорной тары и низкий – красноглиняной и чернолаковой керамики. По данным раскопок 2008–11 гг., от нижних слов к верхним увеличивается процент лепных фрагментов, что не так ярко проявляется в материале В.Ф. Гайдукевича. Здесь такую

роль играет кухонная керамика. Вполне возможно, что так отразилась разница в классификации во время отбора материала.

Обращаясь к датирующему материалу, нужно заметить, что центральная часть насыпи, которую раскапывал В.Ф. Гайдукевич, характеризовалась в основном горизонтальной стратиграфией слоёв. На основании такой постоянной стратиграфической ситуации Гайдукевич, опираясь на нумизматический материал, ориентировочно делил насыпь зольника на хронологические ярусы, привязывая их к нивелировочным отметкам. От +7.80 до 8.00 м. – IV в. до н. в.; от +8,00 до +8.60 м – рубеж IV-III вв. и начало III в., выше – до +10.25 м залегали отложения III в. до н. э., охватывающие период примерно до 250–230-х годов до н. э. (Гайдукевич, 1987. С. 71).

Большее количество позднего материала в раскопках А.М. Бутягина, объясняется тем, что в ходе работ 2008–2011 гг. исследовалась пола зольной насыпи, и удалось зафиксировать не только период максимальной интенсивности формирования зольника, выпадающий на рубеж IV–III вв. до н.э., но и более поздние этапы его функционирования. Слои зольника, относящиеся к позднему периоду (втор. пол. III и вплоть до I вв. до н.э.), расположены в периферийной части насыпи и характеризуются заметно меньшей насыщенностью находками, что свидетельствует о гораздо менее интенсивном процессе формирования насыпи в это время. Расчет совместной встречаемости массового и датирующего материала показывает, что основной пик приходится на рубеж IV–III вв. до н.э., что абсолютно согласуется с выводами В.Ф. Гайдукевича.

Таким образом, с учётом того, что археологические исследования насыпи зольника II проводились в несколько этапов, полученные в разное время результаты доступны для сравнительного анализа при должном внимании к особенностям методики разного времени. Несмотря на то, что работы 2008–2011 гг. были направлены на доследование периферийной части насыпи, слои которой находились в очень плохой сохранности (пострадали во время Великой Отечественной войны), удалось получить данные, которые стали логическим продолжением начатого около полувека назад исследования, и позволили получить новую информацию об археологическом памятнике.

Литература

Бутягин А.М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и Боспорскаям культовая практика)// Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб, 2005. С.101-107.

Гайдукевич В.Ф. Мирмекийские зольники - эсхары// КСИА.– 1966.– № 103. – С.28-37.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирекия в 1946 – 1952 гг.// МИА. – 1958. – № 85 – С.149-218.
Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. оп 1. 1961. Ед. хр. 259.
Научный архив ИИМК РАН. Ф. 35. оп 1. 1962. Ед. хр. 220.

Конкин Д.В.
(Симферополь)

ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.: ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ (дефект описания)[1]

После 1783 г. Крым становится объектом повышенного внимания со стороны российского правительства. Освоение новой территории, интеграция в состав империи требовали значительного объема информации о самых различных аспектах жизни и истории полуострова. При поддержке государства активно проводились научные исследования. К этому периоду относится появление классических описаний Крыма учеными-энциклопедистами, чиновниками, литераторами, путешественниками. Имена таких первопроходцев изучения российского Крыма, как П.-С. Паллас, В.Ф. Зуев, К.И. Габлиц, П.И. Сумароков, М.Г. Ливанов, Ф.К. Маршал фон Биберштейн, Э.Д. Кларк, М. Гатри, Ж. Рёйи и др. широко представлены в историографии. Их работы соединяли все возможные научные отрасли: от истории и этнографии до геологии и сельского хозяйства. Тем не менее, как мне кажется, несколько выпал из орбиты внимания историков такой аспект, как изучение прикладных исследований, осуществлявшихся по заказу

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825»

правительства. А именно различного рода списки имуществ, реестры земель, межевые ведомости, имевшие узко хозяйственное назначение. Речь идет, прежде всего, о земельных описях. Эти, скучные на первый взгляд, документы, на самом деле имели важнейшее значение для экономической жизни, хозяйственного развития края, его интеграции в общероссийское пространство.

И как раз их слабое качество стало одной из главных причин медленного экономического развития полуострова. Эту проблему обобщенно можно назвать как «дефект описания», когда исследования, инициированные имперской властью, проводились на низком исполнительском уровне, с многочисленными нарушениями и допущениями, в результате чего описи, различного рода правила и указы часто не соответствовали реальному положению, содержали многочисленные неточности и ошибки, искажали действительность. Но именно такие реестры, с «дефектом описания» внутри них, становились теми официальными документами, отталкиваясь от которых правительство проводило свою программу по раздаче крымских земель российским помещикам. Вследствие чего возникли многочисленные и долголетние конфликты «новых» и «старых» собственников, в конечном итоге приведшие к полной стагнации экономики Крыма к к. XVIII – н. XIX вв. Проблема же крымского землеустройства, напрямую связанная с качеством описей, точностью межевания, надолго стала ключевой и конфликтогенной в регионе. И многочисленные попытки решить ее растянулись на большую часть XIX века.

Дефект актуальности. В октябре 1783 года Г.А. Потемкин дает распоряжение предоставить ему информацию о населении Крыма, разоренных деревнях, а также об источниках доходов бывшей ханской казны. В результате был подготовлен известный документ – т.н. «Камеральное описание Крыма 1784 года» [Камеральное описание…].

Собранная информация оказалась весьма полезной. Но характеризовала она в первую очередь экономическое, фискальное, административное устройство и институциональную структуру управления полуостровом при последнем хане Шагин-Гирее. Современное же состояние полуострова оценено не было. Между тем планирование экономического функционирования и развития Крыма требовало исследований о настоящем положении хозяйственных дел. И прежде всего, подробной описи земельных владений, поскольку дальнейшее развитие края, по замыслу Потемкина, должно было быть связано с непременной раздачей т.н. «пустопорожних земель» в частные руки новым владельцам под разного рода обязательства (прежде всего заселение этих бесхозных участков).

Дефект исполнителя. Для точного определения количества и расположения казенных, собственнических земель, объема и границ т.н. «пустопорожних» участков, предназначенных к раздаче, необходимо было провести исследование земельного фонда полуострова. Составление описей правитель Таврической области В.В. Каховский поручил бывшему ханскому откупщику Абдул-Хамит аге и смотрителю перекопской таможни, коллежскому асессору М. Караценову [Лашков. Исторический очерк…, с. 53; ГАРК, ф. 27, д. 506, л. 1, 1 об.]. Чиновники категорически не успевали выполнить задание в срок. Но им повезло. Они обнаружили составленную при Шагин Гирее опись земель, перешедших во владение хана, после выхода христианского населения из Крыма в 1777 году. Караценов и Хамит ага перевели ее на русский язык, добавили информацию о владениях, эмигрировавших крымскотатарских мурз, и в таком виде представили начальнику Таврической области в качестве самостоятельного исследования [РГИА, ф.1305, д. 32, л. 4, 4 об.]. Но не учли, что за время своего правления Шагин Гирей на вполне законных основаниях раздавал, продавал, оставленные христианами земли, а на оставленных позднее мурзами землях продолжали находиться целые крымскотатарские селения с хозяйственными округами. И таким образом, де-факто в опись попадали не пустопорожние земли, а имевшие владельцев, и, конечно же, не предназначенные к раздачам. Тем не менее, опись эта в 1785 г. Каховским была передана областному землемеру, а затем попала Таврическую казенную палату [РГИА, ф.1305, д. 32, л. 2, 2 об.]. Таким образом, несмотря на очевидные недостатки, этот документ надолго стал главным указателем для определения земель, предназначенных для раздачи и продаж [см. например: ГАРК, ф. 801, д. 37, л. 6-9; ГАРК, ф. 27, д. 506, л. 1-5]. Караценов и Абдул-Хамит ага же остались курировать «описные имения» и контролировать сбор доходов с них, со всеми перспективами извлечения личных выгод от такого назначения.

Дефект знания. Освоение крымского пространства происходило без должного знания со стороны российской администрации культуры и традиций ислама. Профессиональные исследования в данном направлении не проводились. Собственно, их было и некому проводить, поскольку востоковедческая школа, прикладное исламоведение еще не были созданы в России. Поэтому приходилось двигаться путем проб и ошибок. Элементарное незнание чиновниками местных религиозных обычаев и законов привели к пропуску, игнорированию или искаженному восприятию таких важных традиционных институтов как вакуф, бейлик, меват, шифат, джемаат. Что заложило серьезные проблемы в экономическую и социальную жизнь полуострова, решать

которые приходилось десятилетиями. В правовом поле российского законодательства просто не находилось критериев для полноценной фиксации местной юридической номенклатуры и понятий.

Дефект исправления. Потемкин умер в 1791 году. П.А. Зубов был назначен руководить Новороссией в 1793 г. Новый начальник попытался исправить ситуацию в крымском землеустройстве, навести порядок. С этой целью была подготовлена «Ведомость о розданных и нерозданных казенных землях по Таврической области» (1794 г.) [Лашков. Сборник документов…, с. 97-114]. В целом, это не были новые исследования, проведенные чиновниками на практике, с выездом на места. Судя по всему, была проведена бумажная работа в канцелярии, где собрали все уже имевшиеся сведения вместе, зафиксированы предыдущие ошибки и неточности.

Дефект подготовки. Начатое по распоряжению Павла в 1798 г. межевание в Крыму закончилось неудачей прежде всего из-за того, что не было проведено предварительной подготовки. При проведении межевания совершенно не учитывалась специфика региона, традиции землеустройства и землепользования. Землемерам Межевой конторы, до этого работавшим в Тамбовской губернии, не хватало знаний местных обычаев, они путались в крымскотатарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков.

В итоге, лишь 15 % от общей площади было обмежевано. Но и эти земли в большинстве своем оставались несверенными с планами. Вместо желаемого успокоения, межевание в Крыму принесло дополнительные проблемы и поставило новые вопросы в землеустройстве края. Увеличилось количество жалоб со стороны старожильческого населения, в которых теперь уже звучали претензии на неправильное обмежевание.

Сохранился «дефект описания» при решении проблем крымского землеустройства и при следующем императоре – Александре I. Так, созданная в 1802 г. в Крыму землеустроительная комиссия руководствовалось в своей работе особыми правилами, предельно четко и понятно, по мнению их разработчиков, описывавших земельные отношения, сложившиеся в Крыму к этому моменту. Но уже в процессе функционирования Комиссии стало понятно, что правила невыполнимы на практике, не соответствуют реальной обстановке. Их пришлось переделывать. Но даже в обновленном регламенте по-прежнему не нашлось места для традиционных форм крымского землеустройства (вакуф, бейлик и т.д.). А поскольку вердикт Комиссии

имел статус судебного и становился прецедентом для решения спорных вопросов в деятельности последующих землеустроительных комиссий и в судебных инстанциях, то данное обстоятельство закладывало огромные проблемы в крымское землеустройство в будущем. Например, в массовом порядке эти проблемы стали возникать, начиная с конца 20-х гг. XIX в., когда понятия «частный вакуф» и «духовный вакуф» были инкорпорированы в официальное российское законодательство [Конкин, с. 500-510].

Таким образом, с самого начала в Крыму были предприняты значительные усилия со стороны правительства по прикладному исследованию края. Но почти всегда результаты этих исследований оказывались весьма неточными, страдали многочисленными ошибками («дефект описания»). Причины создания такой ситуации были разные: корысть чиновников, небрежность исполнителей, отсутствие четкого планирования, недостаток интеллектуальной подготовки и т.п. Утвержденные официально погрешности в фиксации землеустройства стали одними из главных факторов, парализовавших экономическое развитие Крыма на начальном этапе его интеграции.

В целом же, искаженные данные, полученные в результате поверхностных исследований, формировали деформированное представление о хозяйственном потенциале края и направлениях по его развитию, что в конечном итоге на десятилетия обусловили глубокую экономическую стагнацию полуострова.

Литература

ГАРК. – Ф. 27. – Оп. 1. – Д. 506.
ГАРК. – Ф. 801. – Оп. 1. – Д. 37.
Камеральное описание Крыма 1784 года // ИТУАК. – № 2. – С. 20-30; № 3. – С. 36-64; № 4. – С. 32-45; № 6. – С. 36-63; № 7. – С. 25-45; № 8. – С. 12-40.
Конкин Д.В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796-1810 гг.) // МАИЭТ. – 2008. – Вып. XIV. – С. 491-512.
Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (Продолжение) // ИТУАК. – № 24. – С. 35-71.
Лашков Ф.Ф. Сборник документов по крымско-татарскому землевладению (Продолжение) // ИТУАК. – № 25. – С. 89-158.
РГИА. – Ф. 1305. – Оп. 1. – Д. 32.

Котина А.В.
(Керчь)

К. МИХАЛОВСКИЙ И ТРАДИЦИЯ ПОЛЬСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА БОСПОРЕ

Уже около двухсот лет Боспор является местом формирования и развития российской античной археологии. Поколения ученых трудились и трудятся, приумножая открытия и достижения науки, несмотря на политические и экономические трудности, многочисленные проблемы и изменения, которые, к сожалению, не всегда приносили и приносят позитивный результат. По словам одного замечательного современного археолога, международные научные связи весьма сложно формируются и легко разрушаются. Но наша задача – сохранять и развивать их, несмотря на непростое время и политические сложности.

На протяжении долгой истории изучения Боспора, важным фактором является то, что в исследования внесли свой вклад ученые различных государств. В этой связи, хотелось бы указать на особую роль, и важное место в развитии истории и археологии Боспора археологических миссий из Польши, начало традиций которых положил блестящий ученый, всемирно знаменитый археолог, египтолог, историк искусства и создатель польской школы Средиземноморской археологии – профессор Казимеж Михаловский (1901 – 1981). Родился в Тернополе, окончил гимназию, а затем поступил в университет Яна Казимежа во Львове, где прошел обучение на философском факультете по специализации классической археологии и истории искусства. За свою жизнь профессор К. Михаловский занимал немалое количество важных и ответственных постов – заместитель директора Национального музея в Варшаве, руководитель Отдела средиземноморской археологии ИАЭ ПАН, руководитель Станции средиземноморской археологии Варшавского университета в Каире, действительный член Польской Академии наук, президент

Международного Нубиологического общества, вице-президент Международного Египтологического общества. Профессор был неутомим в научной работе и до самого конца жизни активно ее вел. Польские СМИ пишут о Михаловском: «Благодаря нему, мир узнал о польской археологии…» [Węgłowski, 2011, http://historia.focus.pl], называя его «Польским Индианой Джонсом». На протяжении научной деятельности, профессор занимался исследованиями в Каире, Александрии, Пальмире, Дейр эль-Бахри, Фарасе, Крыму.

Среди многочисленных, действительно выдающих достижений этого ученого, есть и то, что экспедиция, им возглавляемая, была первой, подобного рода польской миссией, на территории Боспора. Советско-польская экспедиция под руководством выдающегося ученого В.Ф. Гайдукевича (советская сторона) и К. Михаловского (польская сторона) производила исследования на древнем городище Мирмекий с 1956 по 1958 г. Систематические исследования Мирмекия, как известно, начались с 1934 г. и проводились Боспорской экспедицией ИИМК (затем – ЛОИА) АН СССР под руководством профессора В.Ф. Гайдукевича [Мирмекий…, 2006, с. 10].

В 1956 г. к работам на городище присоединились польские ученые. Результатом советско-польских работ, кроме научных открытий и обмена исследовательскими методиками, как К. Михайловский, явилось «создание условий для общения ученых разного возраста, что способствовало углублению дружбы между польским и советским народами» [Michałowski, 1958, s. 1]. Итоги совместных работ опубликованы в трех томах под названием «Мирмекий» (два на польском, и один – на русском языках) в Варшаве [Michałowski, 1958; Гайдукевич, 1959; Sztetyłło, 1976], а также нашли отражение в многочисленных статьях и докладах польских и советских исследователей Артефакты, найденные в процессе работ на польском участке, были отправлены в Варшаву для научного описания [Michałowski, 1958, s. 5] и изучения. В 1957 г. В МНВ была организована выставка находок из раскопок Мирмекия [Michałowski, 1958, s. 5, ryc. 3]. Находки хранятся там и ныне, занимая достойное место в коллекциях Национального музея в Варшаве.

После долгого перерыва, польские археологи возобновили работы на Боспоре лишь в 1993 г. Речь идет о новом совместном польско-русско-украинском научном проекте «Нимфей – история и структура греческого полиса», который был создан благодаря совместным усилиям директора Керченского историко-культурного заповедника Э.В. Яковенко и заведующей Отделом средиземноморской археологии Института археологии и этнологии ПАН А. Вонсович. Одной из основных задач проекта являлось создание подробной археологической карты

памятников, расположенных в окрестностях древнегреческого города Нимфея, который на протяжении нескольких столетий являлся одним из важнейших центров Боспора. В результате пятилетних работ были проведены археологические разведки на площади около 70 кв. км в окрестностях Нимфея, а итоги этих работ опубликованы [T.Scholl, V.Zin'ko, 1999]. Кроме этого польскими специалистами велись раскопки в Нимфее, а также под руководством Т. Хербиха проводились электромагнитные исследования на городище Нимфей и сельских поселениях: Южно-Чурубашское и Тобечик-9. Результаты этих работ нашли отражение в ряде статей, опубликованных в специальном разделе «Нимфейский проект»[1] польского ежегодника «Археология» [A. Wansowicz, 1995; S. Solov'ev, V. Zin'ko, 1995; O. Neverov, 1996; V. Zin'ko, 1997; N. Kunina, 1998; A. Butjagin, 1998 и др.].

В связи с юбилейным годом 85-летнего систематического исследования античного городища Тиритака, в работах на котором автор принимает участие с 2009 г., особое место занимает научно-исследовательская деятельность Польской археологической миссии «Тиритака» Национального музея в Варшаве, возглавляемой заведующим Отделом древнего и восточно-христианского искусства Национального музея в Варшаве, доктором Альфредом Твардецки.

Совместные археологические исследования античного городища Тиритака, проводимые Боспорской охранно-археологической экспедицией Крымского отделения института востоковедения НАН Украины, Центра археологических исследований Фонда «Деметра» и Польской археологической миссией «Тиритака» Национального музея в Варшаве осуществлялись с 2008 по 2013 гг. Польская часть экспедиции исследовала раскоп XXVII. Помимо археологических, проводились реставрационные работы под руководством В. Терликовски (Варшавский политехнический Университет, Отдел сухопутной инженерии). Большое количество замечательных находок сданы на хранение в Керченский историко-культурный заповедник. По итогам исследований опубликованы многочисленные доклады и статьи. В ноябре 2013 г. в Национальном музее в Варшаве состоялась международная конференция «Тиритака – античный город Боспора Киммерийского». В 2014 г. вышел сборник статей по итогам конференции, который является своеобразным отчетом о совместной деятельности польских и крымских ученых [Tyritake…, 2014]. Кроме археологических и реставрационных работ, в период 2008-2013 гг. имели место перекрестные стажировки польских и крымских

[1] С 1995 г. по 1999 г. в Варшаве вышло 5 номеров «Археологии» с разделами «Нимфейский проект».

специалистов, совместные проекты публикаций археологических коллекций из фондов Керченского заповедника. Несмотря на политические изменения, сотрудничество ученых продолжается и планируются публикации материалов по итогам археологических исследований Тиритаки на раскопе XXVII.

Среди других работ польских археологов на Боспоре следует отметить, что с 2009 по 2010 гг. польский отряд под руководством доктора наук, профессора Института археологии Ягеллонского Университета (Краков) Евдоксии Папучи-Владыка работал в составе экспедиции под руководством Л.Г. Шепко на поселении Заветное-5, в окрестностях античного городища Акра [http://www.archeo.uj.edu.pl]. В 2013 г. на городище Илурат, совместно с экспедицией, возглавляемой заведующим Отделом истории античной культуры ИИМК РАН В.А. Горончаровским принимали участие в исследованиях польские ученые и студенты, под руководством доктора Яцека Ракочи (Институт археологии Университета Н. Коперника в Торуни).

Таким образом, Крым и Польша имеют давние научные связи, благодаря которым происходит развитие и обогащение античной истории и археологии, а польские исследователи вносят достойный вклад в изучение и популяризацию древнего наследия Боспора.

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И.
(С-Петербург, Симферополь)

ДЮРБЕ ИНДЖИ-БЕК ХАТУН В СОЛХАТЕ. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

1. Археологические исследования на городище средневекового Солхата не раз становились объектом внимания главным образом в аспекте историографии (А.А. Непомнящий, У.К. Мусаева, Д. А. Ломакин). Однако сами археологические наблюдения, а тем более материалы раскопок, основная часть которых хранится в крымских музеях, привлекают внимания нечасто.

2. Одним из первых значительных объектов, к которому обратились исследователи солхатских древностей 1920-х гг., стало медресе, построенное в 1-ой трети XIV в. под попечительством Инджи-бек Хатун.

2.1. Археологические исследования на памятнике начались в 1925 г. Их возглавил проф. МГУ И.Н. Бороздин. В рабочую группу вошли А.С. Башкиров, У.А. Боданинский, П.И. Голландский, О.Э. Акчокраклы, Б.Н. Засыпкин. Хотя первоначально работы носили разведочный характер, но как свидетельствует сам И.Н.Бороздин, на комплексе медресе-мечеть Узбека разведки перешли «частично в раскопки».

2.2. Раскопки дали, как видно из опубликованных отчетов, достаточно большое количество исторического материала. К сожалению, результаты исследований и сами находки из раскопок 1925-28 гг., введены в научный оборот лишь частично. Впоследствии часть этих материалов было утеряно.

3. По результатам раскопок опубликован ряд очерков. В первую очередь назовем очерк И.Н. Бороздина «Солхат. Предварительный отчет о работах археологической экспедиции Крымсовнаркома, Крымцика и Научной ассоциации востоковедения Союза ССР в 1925 году» В нем приводится описание обстоятельств выявления дюрбе основательницы медресе и часть сопровождающего материала.

3.1. Заложив в направлении восток-запад через всю площадь медресе траншею шириной 2 м., исследователи обнаружили, что один из компартиментов *медресе* превращен в *дюрбе*. В процессе работ исследователями выявлены груды кирпичей с остатками раствора (размеры кирпичей 0,32х0,32 м и 0,32х0,16 с, толщиной 0,05 м.). Под этими кирпичами обнаружены плитки с бирюзовой поливой, которыми было украшено деревянное возвышение с установленными на нем двумя мраморными надгробиями. Одно из них принадлежало основательнице медресе Инджи-бек Хатун, датированное 1371 г.; второе - ее родственнице Ир-султан с датой1428 г. Под полом дюрбе был обнаружен склеп, содержавший 8 женских захоронений; еще 2 погребения были выявлены у входа в мавзолей. Захоронения безинвентарные; сохранились, по описаниям находчиков, фрагменты деревянных гробовин со следами обивок (?) из тканей и кожи, а так же медные и железные гвозди и скрепы.

4. Археологические материалы из этих раскопок переданы в Бахчисарайский дворец музей, но после репрессий 1930-х гг., в которых пострадали практически все участники экспедиции, след этих находок, казалось, утерян.

5. Только в 2013 г. Н. Абдульваповым во внутреннем дворике Зынджирлы-медресе в Бахчисарае случайно обнаружена мраморная надгробная плита из дюрбе Инджи-бек Хатун. Судя по надписи,

надгробие принадлежало Ир-Султан Н. Абдульвапов датирует памятник 1429 г. В 2014 г., по сообщению И.В. Зайцева, в лапидарии музея (?) найдено и второе надгробие с именем Инджи-бек Хатун, устроительницы медресе в Старом Крыму.

5.1. Обе эти находки в данный момент поставлены на фондовый учет в Бахчисарайском заповеднике (инв. №№ КП12436 ЛП28, КП12437 ЛП29). Кроме них, в коллекциях Бахчисарайского заповедника, хранятся и другие артефакты, поступившие сюда после раскопок 1925-26 гг.

5.2. Среди прочих следует назвать глазурованные изразцы, украшавшие возвышение (*суфу*), на котором/(которой) были помещены упомянутые мраморные кенотафы. И.Н. Бороздин приводит описание плиток отделки постамента (они бирюзовые по цвету и украшены орнаментом в виде звезд и арабесок, выполненным твореным золотом). Пол вокруг постамента так же был выложен бирюзовыми майоликовыми изразцами, но без орнаментов.

5.3. Оба описанных вида декоративной плитки присутствует среди предметов в фондах БИКАМЗ (инв. №№ КП1702 Ф78, КП1741 Ф84, КП1742 Ф85, КП1743 Ф86). В предварительном отчете И.Н. Бороздина приводятся изображения плиток и мраморного надгробия in situ, а также продольный разрез большой траншеи с фиксацией усыпальницы и склепа под ней. Согласно инвентарным книгам Государственного Бахчисарайского дворца-музея 1920-30-х гг., часть этих предметов поступила из Центрального музея Тавриды. Вероятно, после исследований в Старом Крыму именно туда сдавалась коллекция, полученная в процессе раскопок.

5.4. Проблемы сохранения дюрбе Инджи-бек Хатун, уже тогда озаботили исследователей. После раскопок 1926 г. территория медресе и мечети была обнесена проволочным заграждением, а западные помещения медресе, включая дюрбе, защищены навесом.

6. В 1983 и 2013-15 гг. доследование дюрбе было продолжено силами СКАЭ Государственного Эрмитажа. Экспедиции удалось сделать ряд дополнительных наблюдений. В склепе были обнаружены сердоликовая перстневая вставка с арабской надписью «*Слава тому, что не умирает*» (перевод А.А.Иванова) и серебряный гвоздь с позолоченной шляпкой. После склеп снова был законсервирован.

6.1. В 2013-15 гг. в ходе мероприятий посвященных 700-летию мечети Узбека, работы на комплексе были продолжены. Целью работ стало получение дополнительных сведений в преддверии возможных реставрационных мероприятий на объектах о состоянии фундаментов. Установлено, что подземная часть дюрбе требует срочного укрепления. Погребальная камера представляет собой сводчатый склеп 3,3 х 2,7 м.

высотой в 2,3 м. в наивысшей точке. У северного торца в верхней части свода сохранились остатки вентиляционного канала, входившего под суфу наземного помещения. Нами выполнены работы по составлению пробной 3D модели самого медресе, включая дюрбе и склеп (арх. Д.В. Корзюк).

6.2. В завершении работ СКАЭ ГЭ, с помощью старокрымской мусульманской общины над остатками дюрбе сооружен защитный навес, а нижние кладки погребальной камеры поддержаны крепидой из досок и камня.

7. Полагаем, что при принятии соответствующих охранных мер один из значимых средневековых комплексов культурно-исторического наследия Крыма и Восточной Европы будет музеефицирован по стандартам ЮНЕСКО.

Кропотов В.В.
(Симферополь)

ГРУНТОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО (по материалам работ В.П. Бабенчикова 1947 – 1948 гг.)

Изучение древнего некрополя Неаполя Скифского началось еще в 1834 г. с открытия Дюбуа де Монпере нескольких склепов и кургана, расположенных к востоку от городища. С тех пор внимание к памятнику не ослабевало. В разные годы его исследовали Г.Х. Караулов, Г.Д. Филимонов, Н.П. Кондаков, Х.П. Ящуржинский, Ф.Ф. Лашков, А.О. Кашпар, Н.И. Веселовский и другие. Однако дошедшие до нас данные о результатах этих работ крайне скудны: в литературе имеется лишь общее описание открытых сооружений и рисунки некоторых из найденных в них вещей, полевая документация не сохранилась.

Первыми исследованиями, материалы которых представлены более или менее полно, стали раскопки Тавро-Скифской экспедиции под общим руководством П.Н. Шульца, проведенные в 1945 – 1950 гг. В ходе этих работ небольшим отрядом под руководством

В.П. Бабенчикова был изучен ряд интереснейших археологических объектов – группа вырубленных в скале склепов, расположенных на восточном склоне плато и в Петровской балке, участок грунтового некрополя, открытый на значительном удалении к юго-востоку от городища, а также «курган 1949 г.» с коллективными погребениями, выявленный на углу дороги, ведущей к Алуштинскому шоссе. К сожалению, все эти памятники описаны в литературе слишком кратко [Бабенчиков, 1949; 1957], хотя их научное значение трудно переоценить.

В данном сообщении речь пойдет об участке грунтового могильника, который почти полностью выпал из поля зрения современных исследователей. Вместе с тем, изученные на нем сооружения достаточно хорошо сохранились и позволяют более полно охарактеризовать некрополь Неаполя Скифского. В.П. Бабенчиков датировал их I – III вв. н.э. Новые исследования корректируют эту точку зрения.

Описываемый участок находился в 750 м к юго-востоку от городища, в 200 м к югу от раскопанного в 1956 – 1958 гг. Э.А. Сымоновичем Восточного могильника. В течение полевых сезонов 1947 и 1948 гг. на нем было открыто 28 погребальных сооружений, среди которых 3 склепа и 25 подбойных могил (23 – с одной и 2 – с двумя погребальными камерами), пронумерованных в порядке их обнаружения с 1 по 29[1]. Изученные захоронения располагались в два ряда – один выше (могилы №№ 1 – 12, 15, 17, 21, 23 – 29), другой ниже (могилы №№ 13, 14, 16, 18 – 20, 22) по склону, и сохранились к началу раскопок в не потревоженном виде.

Все подбойные могилы были вытянуты с северо-запада на юго-восток (т.е. не вдоль склона, а поперек него, что нетипично для этого типа погребальных сооружений) и содержали от одного до четырех погребенных, расположенных один над другим или рядом друг с другом. Антропологический порядок костей более ранних захоронений, как правило, был нарушен. Выявленный в подбойных могилах инвентарь достаточно многочислен – это терракотовая

[1] Номер 10 получила подпрямоугольная в плане неглубокая яма, доверху забитая бутовыми камнями. Поскольку в ней никаких следов захоронения обнаружено не было, весомых оснований относить ее к числу раскопанных могил нет. Кроме того, два номера – 21 и 21а, В.П. Бабенчиков присвоил разным погребальным камерам одной подбойной могилы. Именно с учетом этих объектов, общее число исследованных в 1947 – 1948 гг. комплексов, отмеченное в краткой предварительной публикации результатов исследования памятника (Бабенчиков, 1957. С.120), равнялось 30.

ваза с рельефным изображением Гермеса и Эрота в обрамлении листьев и плодов виноградной лозы, узкогорлая коричневоглиняная амфора, краснолаковые кувшины, кубки, чашки, тарелки и миски, несколько лепных и стеклянных сосудов, бронзовые и железные фибулы (лучковые подвязные I и II серий варианта 4, провинциально-римские сильно профилированные, смычковая и с завитком на конце приемника), орнаментированные зеркала-подвески, проволочные браслеты, кольца, пряжки, наконечники ремней, золотая серьга, железные удила, короткий меч с кольцевым навершием, фаянсовые плакетки, разнообразные бусы и пронизи. Все эти вещи и, в первую очередь, набор фибул позволяют датировать данные сооружения последней четвертью/концом II – первой половиной III вв. н.э. [Кропотов, 2009, с.139; 2011, с.31-35].

Очень интересны открытые В.П. Бабенчиковым склепы. Ориентированные перпендикулярно подбойным могилам, они имели подпрямоугольную в плане погребальную камеру и вмещали от 8 до 15 усопших: наиболее поздние погребения располагались в центре камеры в правильном анатомическом порядке, а более ранние были разрушены и смещены к ее дальней стенке. У всех склепов пол погребальной камеры ниже дна входной ямы на 0,2 – 0,3 м. В двух случаях (склепы №№ 13 и 14) прослежен соединяющий их короткий коридорчик-дромос. Последний, возможно, был и у склепа №16, входная яма которого в поисках захоронений была обкопана В.П. Бабенчиковым по периметру. Перечисленные признаки сближают исследованные в 1947 – 1948 гг. склепы с аналогичными погребальными сооружениями могильника Нейзац, появление которых исследователи связывают с переселением в Крым с Северного Кавказа аланских племен [Храпунов, Мульд, 2004. С.310-313].

Собранный в склепах материал не менее информативен в хронологическом плане. Особенно показательны находки из склепа №13: лепная миска с двумя горизонтальными ручками – маленькой сплошной и большой петельчатой, массивный поясной крюк, пряжка с неподвижным язычком, пластинчатый наконечник пояса, свинцовое и керамическое пряслица, а также набор стеклянных, янтарных и гагатовых бус. Все эти вещи датируют комплекс I в. до н.э., возможно, второй половиной/концом этого столетия [Кропотов, 2013, с.126].

Важно подчеркнуть, что сходные предметы, в частности железная пряжка с неподвижным язычком и бронзовый пластинчатый наконечник пояса, характерные для второй половины II – I вв. до н.э., обнаружены среди наиболее древних захоронений еще в одном погребальном сооружении – в склепе №14, большинство погребений которого, судя по сопровождавшему их инвентарю (краснолаковой посуде,

орнаментированным зеркалам-подвескам, лучковым фибулам I и II серий варианта 4 и проч.), было совершено уже в конце II – первой половине III вв. н.э.

Третий склеп (№16), последний из изученных в 1947 – 1948 гг. памятников этого типа, выразительных находок II – I вв. до н.э. не содержал (за исключением фрагмента ручки родосской амфоры с клеймом, найденной в заполнении входной ямы), но явно образовывал вместе с двумя другими единый ряд: сооружения расположены на одинаковом расстоянии друг от друга (около 10 м), ориентированы в одном направлении, имеют сходную планировку и размеры. Поэтому, хотя собранные в склепе №16 вещи (лучковые фибулы I серии варианта 4, металлические украшения, бусы и т.п.) типичны в основном для конца II – первой половины III вв. н.э., не возникает особых сомнений в том, что этот объект так же, как и два других, сооружен еще в I в. до н.э.

Принимая во внимание это наблюдение, можно заключить, что открытый В.П. Бабенчиковым участок грунтового некрополя Неаполя Скифского использовался для погребений дважды: в I в. до н.э., когда были возведены и активно функционировали склепы, и в последней четверти/конце II – первой половины III вв. н.э. – времени бытования подбойных могил. На последнем этапе использования могильника совершены подзахоронения в двух из трех исследованных В.П. Бабенчиковым склепах (№№14 и 16). При этом останки более ранних покойных были либо сдвинуты к дальней стенке камеры, либо попросту удалены из нее. Лишь один объект (склеп №13), скорее всего из-за обрушения свода его погребальной камеры, остался в конце II – первой половине III вв. н.э. не потревоженным.

Сравнение изученных в 1947 – 1948 гг. могил с уже известными на тот момент роскошными вырубленными в скале склепами Восточного склона и Петровской балки, а также царскими погребениями мавзолея позволило В.П. Бабенчикову отождествить открытый им памятник с местом упокоения усопших из числа рядовых жителей столицы позднескифского царства и населения пригородов [Бабенчиков, 1949, с.116]. На это, по его мнению, указывало и его периферийное расположение [Бабенчиков, 1957, с.94]. Вместе с тем, изученные позднее синхронные захоронения Восточного некрополя Неаполя Скифского и других погребальных памятников Предгорного Крыма в целом дали те же типы могильных сооружений и те же наборы инвентаря. На всех крымских могильниках в погребениях последней четверти/конца II – первой половины III вв. н.э., при редкости изделий из драгоценных металлов, мы встречаем те же формы лепной и краснолаковой посуды, простые бронзовые и железные украшения: зеркала, фибулы, браслеты, серьги, кольца и т.п., что отражает быт

широких масс населения Крымского полуострова накануне Готских походов.

Периферийное же расположение открытого В.П. Бабенчиковым могильника, по-видимому, объясняется не принадлежностью его рядовым жителям Неаполя Скифского, а общей перегруженностью в то время двух основных некрополей – Восточного и Западного, и, в следствие этого, необходимостью освоения для погребений новых, более удаленных территорий.

Литература

Бабенчиков В.П. Новый участок некрополя Неаполя скифского // ВДИ. 1949. №1. С.111-119.

Бабенчиков В.П. Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С.94-141.

Кропотов В.В. Подбойные могилы Юго-Восточного участка некрополя Неаполя скифского // РА. 2009. №2. С.135-141.

Кропотов В.В. Фібули з південно-східної ділянки некрополя Неаполя скіфського (за матеріалами розкопок В.П. Бабенчикова 1947 – 1948 рр.) // Археологія. 2011. №3. С.31-35.

Кропотов В.В. Поховальний комплекс I ст. до н.е. з південно-східної околиці Неаполя Скифського // Археологія. 2013. №1. С.122-128.

Храпунов И.Н. Мульд С.А. Склепы с погребениями III в. н.э. из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып.VII. Симферополь-Керчь, 2004. С.299-326.

Кучеревская Н.Л.
(Керчь)

ВКЛАД ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ТИРИТАКИ В КОМПЛЕКТОВАНИЕ ЛАПИДАРНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

Находки раскопок городища Тиритака и его некрополя составили ценную группу памятников лапидарной коллекции.

Самыми древними предметами в лапидарном собрании являются антропоморфные изваяния эпохи бронзы (КЛ-1, КЛ-2) из раскопок Тиритаки Л. М. Славина в 1934 г., открытые в основании крепостной

стены V в. до н. э. в юго-западной части городища [Книпович, Славин 1941, с. 39, рис. 51; Гайдукевич 1949, с. 39; Соколов 1973, с. 22, № 1; Молева 2012, с. 60, табл. V, 2].

Раскопки Боспорской экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича на некрополе Тириитаки пополнили коллекцию надгробными памятниками. В 1934 г. найдены надгробие Фракида, сына Фракида с изображением всадника (КЛ-365) I в. до н. э. - I в. н. э. [КБН № 905], служившая перекрытием могилы, и стела Соэста, Мастариона и Никефора, сыновей Пагана, и дочери (КЛ-319) I-II вв. н. э. [КБН № 907).

В 1935 г. экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича на городище открыты две мраморные импостные капители средневековой базилики [Гайдукевич 1952, с. 67-72], в 1938 г. найден вотивный рельеф с изображением Кибелы со львенком на коленях (КЛ-246), I в. до н. э. I в. н. э. [Марти 1941, с. 204, № XII; Античная скульптура 2004, с. 67, № 22].

Исследования городища в 1937 г. Боспорской экспедиции ИИМК под руководством Ю. Ю. Марти увенчались выдающейся находкой мраморной статуэтки Диониса (КЛ-1177) первой половины III в. до н. э. [Античная скульптура 2004, с. 46, № 7]. В результате раскопок Ю. Ю. Марти в 1938 г. в коллекцию поступили антропоморфное надгробие III в. до н.э. (здесь и далее по классификации Н. В. Молевой) КЛ-238, обнаруженное в перекрытии подземного хода, ведущего за городские стены [Марти 1941, с. 25–26, рис. 23; Молева, 2002, с. 105; Молева 2012, с. 68, табл. II, 44], и обломок мраморной плиты с фрагментом почетной надписи II-III вв. (КЛ-1185), использованный в кладке стены рыбозасолочной ванны [КБН № 901].

После Великой отечественной войны исследования Тиритаки были возобновлены. Экспедицией В. Ф. Гайдукевича в 1946 г. найдена антропоморфная стела с надписью «NЄIKOC» (КЛ-263), по которой памятник датирован III в. н. э. [Гайдукевич 1947, с. 197, рис. 5; Марти 1959, с. 69, рис. 2; Гайдукевич 1952, с. 120; КБН. № 910; Молева 2010, с. 161-162, рис. 11; Молева 2012, с. 57, 67, табл. III, 11]. В 1947 г. найдены стела Никефора, сына Сабада, со всадником и собакой (КЛ-350) I в. н. э. [КБН № 906] и перекрытие погребального наиска (КЛ-958), служившее во вторичном использовании перекрытием дверного проема [Гайдукевич 1958, с. 70, рис. 23; Буйских 2009, с. 81, № 57]. Из раскопок В. Ф. Гайдукевича 1948 г. происходит фрагмент руки с витым браслетом (КЛ-1618) [Античная скульптура 2004, с. 225, № 158].

В результате исследований О. Д. Чевелева в 1980-х гг. лапидарная коллекция значительно пополнилась находками из Тиритаки. Среди них антропоморфные изваяния (КЛ-1728, КЛ-1767, КЛ-1860) [Молева 2012, табл. II, 47, 46, 43]. В 1984 археологом найдены на городище мраморная голова Кибелы (КЛ-1803) первых веков н. э. [Античная скульптура 2004, с. 188, № 121], база пилястра (КЛ-1804) III-II вв. до н. э. [Буйских 2009, с. 45, № 20]. Свидетельством почитания Кибелы и божеств ее круга является вотивный рельеф I в. с изображением богини (КЛ-1754) [Античная скульптура 2004, с. 66, № 21]. Единственное в лапидарной коллекции целое половецкое изваяние XIII-XIV вв. (КЛ-1765) поступило из раскопок в 1986 г., каменная баба служила перекрытием могилы. Фрагмент карниза ионического ордера (КЛ-1768), датированный второй половиной IV-III в. до н.э. [Буйских, 2009. С. 69, № 46] - случайная находка О. Д. Чевелева на территории некрополя в 1986 г. В 1987 г. из раскопок О. Д. Чевелева поступила стела Диофанта, сына Феопропа, и жены Протагора со сценой загробной трапезы (КЛ-1789).

Поступали в лапидарий и случайные находки. На некрополе Тиритаки в апреле 1982 г. В. В. Долониным найден приставной акротерий (КЛ-1726) и доставлен в Керченский музей С. А. Шестаковым и А. Е. Кислым. С. А. Шестаковым сданы в музей антропоморфные изваяния КЛ-1627 (III–II вв. до н. э.) и КЛ 1626 (II–I вв. до н. э.), обнаруженные при рытье котлована (Железорудный комбинат) на территории некрополя Тиритаки.

В результате исследований В. Н. Зинько в 2000-х гг. в лапидарий поступили карниз (КЛ-2373) эллинистического времени (2003) [Буйских 2009, с. 70, № 47], капитель пилястра (КЛ-2230) III-II вв. до н. э. (2005) [Буйских 2009, с. 126, № 109]. Из Тиритаки происходит капитель пилястра (?) (КЛ-2243), датированная III-II вв. до н. э. [Буйских 2009, с. 129, № 112]. Раскопки экспедиции в 2004 г. предоставили фрагмент мраморной плиты с надписью, нанесенной с двух сторон памятника (КЛ-2212). Исследования 2005 г. пополнили коллекцию фрагментами стел (КЛ-2370, 2371), архитектурными деталями (КЛ-2372, 2373). Ценная находка сдана экспедицией в 2012 г. - фрагмент мраморной плиты с надписью позднеантичного периода (КЛ-2650).

Материалы из Тиритаки вошли в публикации каталогов Керченского заповедника и БФ «Деметра», в КБН и др. издания, составив основу для изучения истории и культуры Тиритаки.

Литература

Античная скульптура из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция: каталог. Т. I. Киев. 2004. 256 с., илл.

Буйских А. В. Античная архитектура. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника: каталог. Т. IV. Киев. 2009. 224 с., ил.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. № 25. 1952. С. 67-72.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия (1946) // КСИИМК. 21. 1947. С. 89–91.
Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.–Л. 1949. 624 с.
Гайдукевич В.Ф. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия // КСИИМК. 45. 1952. С. 97–113.
Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. Вып. 85. 1958. С. 149–218.
Книпович Г.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. Вып. 4. Археологические памятники Боспора и Херсонеса. С. С. 37-60.
Корпус боспорских надписей. М.-Л. 1965. 950 с.
Марти Ю.Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса. МИА. 4. М.–Л. 1941. С. 25–36.
Молева Н.В. Антропоморфные памятники в погребальном обряде на Боспоре // БИ. Симферополь–Керчь, 2002. Т. 2. С. 103–108.
Молева Н. В. Боспорские антропоморфные изваяния с надписями // Из истории античного общества. Н.Новгород, 2010. Вып. 13. С. 148–163.
Молева Н. В. Боспорские антропоморфные изваяния. Кросс-культурные и межэтнические коммуникации во времени и в пространстве. Н. Новгород. 2012. 179 с.

Лавров В.
(Симферополь)

ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧИ-КАЛЬОНА В 1954 Г. ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА Е.В. ВЕЙМАРНА

Городище Качи-Кальон относится к группе так называемых «пещерных городов» Крыма. Городище расположено в Бахчисарайском районе близ современного с. Баштановка Верхнереченского сельского совета, на юго-западном склоне г. Фыцки-Кая-Баш (рис. 1). Качи-Кальон представляет собой комплексный объект археологии и архитектуры общей площадью 12,5 га, на территории которого расположено пять естественных гротов и 118 искусственных пещерных сооружений. Во многих пещерах вырублены хозяйственные помещения – подвалы, стойла, а также хозяйственные ямы и тарапаны. Именно большое количество последних, на данный момент насчитано более 120, и выделяет Качи-Кальон среди других «пещерных городов».

Первые научные исследования на Качи-Кальоне прошли в 1930 г. Е.В. Веймарном и Н.И.Репниковым. Исследователи по подъемному материалу и зачистки наслоений возле стены считали, «что существование поселения на месте укрепления восходит к VI-VII вв.» [Репников, 1932, с. 205-206].

Вход к укрепленному комплексу перекрывает линия «мощной стены, поднимающейся по склону и примыкающей к западному краю обрыва массива Качи-Кальонского утеса. Кладка стены частично из тесаных камней, но местами использованы обломки-дикари» [Репников, 1935, с. 105]. По обмерам Е.В. Веймарна в данной статье были даны схемы некоторых пещерных сооружений [Репников, 1935, с. 104 рис. 63, с. 105 рис. 64, с. 107 рис. 66]. Территория мыска перед Четвертым гротом перекрывает оборонительная стена, которая «проходит вдоль доступного края площадки, там, где к ней

из долины поднимается ложбина-балка.» [Репников, 1935, с. 109]. С западной стороны находилась башня, с которой производился обстрел подхода, от башни осталось только основание. С восточной стороны стены находилась входная калитка [Репников, 1935, с. 110, рис. 69]. По данным Н.И. Репникова стена стоит на скале, в специальной вырубке. Состоит из крупных неравных по величине тесаных блоков на известковом растворе. «Изнутри к ним примыкает бутовая кладка из неровных камней, на таком же растворе. Толщина стены в среднем – 1 м» [Репников, 1935, с.109]. В кладке стены был обнаружен фрагмент столбообразного надгробия с рельефным крестом. Была дана стратиграфическая ситуация после расчистки за стеной (рис.2): верхний пласт земли с камнями и фрагментами желтой и зеленой поливной керамики, затем слой овечьего помета, зольная прослойка и нижний землистый слой с камнем и «керамикой конца I тыс. н.э.» [Репников, 1935, с.110].

На площадке располагается небольшой некрополь, на осыпи была найдена медная пряжка. Н.И. Репников отнес ее к типу «Суук- су» (рис. 2) [Репников, 1906, табл. X, 19],но если верить рисунку в таблице, то эта пряжка больше похожа на тип «Сиракузы», датируемой второй половиной VII в. [Айбабин, 1990, с. 43, с. 221 рис. 42, 6,7].Далее в статье автор ставит вопрос о боеспособности укрепления, «когда сверху, с бровки плато, как на ладони, видно все, что делается внизу» [Репников1935, с. 111]. В 1930 г. Е.В. Веймарн выполнил рекогносцировку плато над укреплением, и удалось установить, что вдоль юго-западного его края тянется стена. Кладка «циклопическая», без связующего раствора, камни нетесаные. Н.И. Репников отнес это укрепление ко времени «таврской поры». В «Материалах к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» Н.И. Репников [Репников, 1939 - 1940, с 286-294] фактически дублируют статью ИГАИМКа 1935 г.

В 1954 г. были проведены разведки Е.В. Веймарном [Веймарн, 1954]. Он считает, что этот «археологический объект не может быть крепостью» [Веймарн, 1954, с. 30], т.к. легко мог быть пораженным сверху. По наличию некрополя и остатков церквей автор предположил, что здесь находился монастырь, а за стеной, которую Н.И. Репников принял за оборонительную, находилось открытое раннесредневековое поселение. По мнению Веймарна, данное поселение крайне интересно в аспекте изучения сельского хозяйства средневековья в связи с большим количеством тарапанов. В результате разведок было насчитано и пронумеровано 60 тарапанных комплексов, некоторые из которых были зачищены.

Материал, полученный в ходе зачистки, хранится в фондах ГБУ БИКАМЗ, всего 215 единиц хранения:

	Наименование	фр-в	%
1	Материал VII-X вв.	12	6%
2	Материал XIV-XV вв.	151	70%
3	Материал позднее XV в.	5	2%
4	Не имеет точной атрибуции или являются не датирующим	40	19%
5	Индивидуальные находки	7	3%
6	Всего единиц хранения	215	

Разведки Е.В. Веймарна, которые дали, хоть и небольшой по количеству комплекс материала, на данный момент являются единственными информативными исследованиями. Даже при обработке столь скудного по количеству материала можно предположить, что пещерный город Качи-Кальон, собственно, как и другие пещерные города является многослойным памятником, имеющим, как минимум 2 периода функционирования городища в пределах VII-X иXIV-XV вв. Наличие же материала более позднего времени говорит об использовании пещер и гротов в качестве кошар, и функционировании скита св. Анастасии. Безусловно без систематических и детальных археологических исследований делать точные выводы кажется преждевременным.

Литература

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени// МАИЭТ. Вып. I.1990.

Веймарн Е.В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА. Вып.10.Киев, 1960.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. «Корабль» на Каче. Симферополь, 1976.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готов. // ИАК. Вып. 19, 1906.

Репников Н.И. Остатки укреплений Эски-Кермена. // Готский сборник, 1932.

Репников Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928-1929 гг. // ИГАИМК. Т. 12. 1932.

Репников Н.И. Городище Качи-Кальен. // ИГАИМК.Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931 -1933гг. М. – Л., 1935.

Репников Н.И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма. Архив ЛОИА, ф. №10, д. № 10. 1939-1940.

Качи-Кальон

- граница государственного акта

0 150м

Рис. 1. План-схема. Место расположения городища Качи-Кальон.

Рис. 3. А - стратиграфия по Н.И. Репникову. Б - пряжка типа «Сиракузы».

Майко В.В.
(Симферополь)

САЛТОВО-МАЯЦКАЯ КУХОННАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОГО КРЫМА. ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Визитной карточкой керамики крымского варианта салтово-маяцкой археологической культуры является кухонная керамика. Ее изучение началось еще в конце 20-х гг. XX в. Именно тогда, спасая от застройки и преобразования в колхоз плато Тепсень близ поселка Коктебель, Николай Степанович Барсамов (1892-1976) начал его археологические исследования. Их итогом стала небольшая брошюра, где ученый впервые высказал предположение о том, что открытый им памятник датируется XI-XII вв. и относится к кругу древнерусских, появление которых связано с расширением границ Тмутараканского княжества. Одним из главных аргументов в пользу этого и явилось морфологическое сходство найденной кухонной керамики и древнерусской кухонной посуды. Этот вывод исследователя на достаточно долгое время получил широкое признание. Его поддержали почти все ведущие специалисты историки и археологи того времени (В.А. Городцов, Б.А. Рыбаков, А.В. Арциховский, А.П. Смирнов, В.В. Мавродин). И это не удивительно. Тогда, в начале 30-х гг. Прошлого века, Тмутаракань-Таматарха считалась древнерусским памятником, южным форпостом Киевской Руси.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10162 «Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев (по неопубликованным материалам Научных архивов Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа, Крымских научных учреждений и историко-культурных заповедников)».

Только перед самой войной И.И. Ляпушкину, благодаря накопленному материалу из археологических разведок других памятников, удалось отделить в материальной культуре Тмутаракани два культурных слоя. Нижний был правильно датированы VIII-X вв. и отнесен к салтово-маяцкой культуре. Однако, этот вывод выдающегося исследователя еще в течение 40-50-х гг. считался дискуссионным.

К проблеме раннесредневековой кухонной керамики восточного Крыма исследователи вернулись уже после войны. В связи с необходимостью идеологического обоснования заселения полуострова славянским населением в качестве развития предположения Н.С. Барсамова под руководством Владимира Петровича Бабенчикова (1885-1974) были продолжены раскопки памятника на плато Тепсень. Учитывая тот факт, что кухонную керамику памятника уже невозможно было датировать древнерусским временем, исследователь высказал предположение о том, что она является отдельным вариантом аланской и болгарской кухонной посуды без характерных видов той и другой, но с наличием типов, известных среди славянской керамики. Этнически керамический комплекс связывался с искусственно предложенной местной славяно-аланской северо-причерноморским культурой, появление которой было прямым следствием развития местной культуры более раннего времени.

В 1954 г. самостоятельные исследования на плато Тепсень начал Михаил Антонович Фронджуло (1914-1998). Он развил теорию о северо-причерноморской культуре, однако полностью убрал из нее политическую «славянскую» составляющую. Участие в раскопках на Тамани и Боспоре окончательно убедили исследователя в том, что кухонная керамика, найденная на Тепсене, не имеет ничего общего с керамикой восточных славян. Проанализировав, как и предшественники, прежде всего орнаментацию сосудов, М.А. Фронджуло пришел к выводу, что исследуемая им керамика имеет отличия от классической салтовской. Они заключались, по его мнению, с наличием местных античных поздне боспорских традиций. При этом исследователь верно подметил и некоторые безусловные технико-морфологические различия кухонной керамики, связанные с воздействием высоких гончарных технологий.

В то же время, в середине 60-х гг. прошлого века в печати появилась небольшая статья А.В. Гадло, в которой автор вернулся к анализу кухонной керамики юго-восточного Крыма, сделанной еще И.И. Ляпушкиным. Благодаря собственным раскопкам на территории Керченского полуострова, он доказал, что кухонная посуда, найденная на исследуемых им поселениях и на Тепсене, относится к керамическому комплексу салтово-маяцкой культуры. К вопросам

типологии раннесредневековой кухонной керамики Крыма обращался и А.Л. Якобсон.

Параллельно с А.В. Гадло, в конце 60-х первой половине 70-х гг. исследования салтовских памятников Крыма начал Игорь Авенирович Баранов (1946-2001). Уже в кандидатской диссертации на основе типологии керамики салтовской культуры С.А. Плетневой он впервые предложил типологию кухонной посуды салтовцев Крыма. Основой типологии явился метод соотношения основных параметров сосудов, их орнаментация и функциональное назначение. Эта типология до сих пор остается актуальной и используется специалистами. Однако накопленный за последние 25 лет материал позволяет скорректировать ее и углубить. В настоящее время эта работа успешно проделана А.И. Айбабиным.

Исследование и публикация кухонных керамических комплексов салтовских памятников всех регионов Крыма позволяет уверенно утверждать об их полной тождественности. С другой стороны они имеют лишь некоторые общие черты с синхронными кухонными керамическими комплексами поселений южной и западной Таврики.

В последние десятилетия кухонной керамикой салтовских памятников Керченского полуострова активно занимается Л.Ю. Пономарев. Им разработана типология кухонной посуды, рассмотрены отдельные редкие формы, впервые систематизированы орнаментальные мотивы. К рассмотрению общих черт и характерных различий кухонной керамики сельских памятников Керченского полуострова и самого Боспора неоднократно обращались В.Е. Науменко и В.Н. Зинько.

Интересные, но пока не до конца аргументированные идеи по этнической неоднородности салтовской керамики Крыма высказывает сын Игоря Авенирович Баранова, Вячеслав Игоревич. По мнению исследователя, кухонные горшки, изготовленные из красной или красно-коричневой глины, имеющие орнамент в виде врезанных волнистых линий прочерченных острым инструментом, принадлежат другой этнической группе. Встречены они, как отмечает автор, только на памятниках центрального, юго-восточного и северо-восточного Крыма.

Многие проблемы, возникающие при исследовании рассматриваемой кухонной керамики, связанны с хронологией керамических комплексов. Общеизвестно, что датирующих вещей при раскопках салтовских памятников встречается очень мало. Помочь, на мой взгляд, в некоторой степени может использование технологического анализа с помощью методики, разработанной А.А. Бобринским. Ученый предлагал его в своей монографии, даже сделал первые шаги

при анализе керамики донского варианта салтово-маяцкой культуры. Отметим при этом, что технологический анализ салтовской кухонной керамики Крыма на основе раскопок на плато Тепсень был проделан В.Ю. Ковалем и С.Г. Бочаровым.

Анализ рассматриваемой категории посуды с помощью разработанного «трассологического» метода, позволяет предположить, что технологически, а частично и морфологически, салтовская кухонная керамика Крыма на протяжении существования культуры имеет закономерные различия. Безусловно, все сосуды изготовлены на ручном гончарном круге, однако степень использования его возможностей, в разные периоды не была одинакова. Во-первых, для периода второй половины VIII - первой половины IX вв. характерно большее морфологическое разнообразие форм и орнаментации горшков. Именно в это время чаще всего встречаются так называемые салтовские «пифосы». Одной из особенностей сосудов, зафиксированной при исследовании комплекса первой половины IX в. из Сугдеи, является наличие простого линейного орнамента нанесенного на плечики горшков, отсутствие линейного гребенчатого орнамента и ярко выраженный паз для крышки. Именно для горшков этого хронологического периода характерно сочетание наколов по краю венчиков с внешней и внутренней сторон и многорядного волнистого, глубоко прочерченного орнамента. Только на сосудах, изготовленных до середины IX в., присутствует орнамент в виде «гусеничных» наколов по краю венчиков. Технологически для сосудов характерные признаки операций заглаживания и обтачивания, а так же, что особо важно, зарождающейся операции профилирования. Признаки последней зафиксированы исключительно для венчиков горшков.

Кухонная посуда следующего хронологического периода второй половины IX - первой половины X вв. исследована гораздо лучше. Типичной формой становятся сероглиняные горшки с яйцевидным туловом, изготовленные на ручном гончарном круге. Отличительной их особенностью становится ярко выраженная стандартизация форм, связанная, прежде всего, со значительным увеличением населения и византинизацией гончарного производства. Стандартизация, в первую очередь, проявилась в форме, орнаментации горшков и появлению эллипсообразных отогнутых венчиков. Только с этого времени орнаментальные мотивы представляют всего несколько вариантов сочетания гребенчатого рифления на тулове и волнистого орнамента, нанесенного одним инструментом. Для этих горшков характерны признаки не только хорошо развитых операций заглаживания и обтачивания на гончарном круге, но и хорошо развитой операции профилирования. Следы последней фиксируются не только на

венчиках, но и на тулове сосудов. Стандартизация охватывает не только горшки, основу кухонной посуды салтовцев Крыма, но и так называемые горшки-кувшины. Последние, как самостоятельный тип были окончательно выделены относительно недавно. Характерной их отличием является отсутствие шейки, небольшие уплощенные отогнутые венчики, слабо выраженный носик слива и наличие небольшой ручки. Система орнаментации полностью повторяет орнаментацию горшков.

В последнее время активизировались и исследования гончарных клейм на днищах рассматриваемых сосудов. Полученные новейшие материалы еще раз подтверждают точку зрения об их однотипности. В подавляющем большинстве это различные варианты изображения креста в круге. И.А. Барановым в свое время были выделены три группы клейм. Среди них знаки, связанные с влиянием христианства, по мнению исследователя, наиболее многочисленны. Эта ситуация, на мой взгляд, так же объясняется византинизацией и христианизацией гончаров, изготовлявших горшки. Вместе с тем, конечно, нельзя не учитывать ремесленные традиции, политическую ситуацию, определенную роль культа очага и других магических ритуалов и верований.

Таким образом, кухонная салтовская керамика Крыма, неоднократно становилась важным источником для решения не только концептуальных вопросов средневековой истории Крыма, но и инструментом для обоснования политических событий. Она и сейчас остается в центре внимания исследователей в дискуссии по ключевым проблемам крымской медиевистики.

Николай Степанович Барсамов (1892-1976)

Владимир Петрович Бабенчиков (1885-1974)

Михаил Антонович Фронджуло (1914-1998)

Игорь Авенирович Баранов (1946-2000)

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В.
(Симферополь, Тула)

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ САЛТОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА. ИССЛЕДОВАТЕЛИ И ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Хронология, особенности и механизм проникновения христианской идеологии в среду населения салтовской культуры Восточной Таврики является одной из актуальных проблем не только при

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Структурно-пространственное изучение памятников как парадигма археологического исследования истории конкретного региона (на примере урочища «Аджиэль» и городища «Белинское»)» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание № 2014/389 Минобрнауки России, № НИР 1799).

изучении указанной археологической культуры, но и всего Крымского полуострова в целом.

Вопрос о христианизации населения полуострова, в том числе и его восточной части, ставился неоднократно, прежде всего, в связи с проблемой локализации, времени возникновения и функционирования христианских епархий.

После выделения и обоснования И.А. Барановым в кандидатской диссертации 1977 г. характерных особенностей крымского варианта салтово-маяцкой культуры, ученый впервые поставил и вопрос о христианизации салтовского населения Крыма. Результаты работы были в обобщенном виде опубликованы в 1990 г. Исследователем выделялись основные археологические источники для решения проблемы, представленные, по его мнению, византийскими по конструкции склепами с христианскими погребальными надписями и христианскими храмами, обнаруженными на салтовских поселениях полуострова. Христианские плитовые могилы середины VIII-IX вв., ученый связывал с миграцией иконопочитательского населения с территории Малой Азии. В целом был сделан вывод о том, что христианская идеология не получила широкого распространения в салтовской среде, а языческие представления оставались живучими на протяжении всего периода существования культуры.

В течение прошедших лет накопление новых археологических материалов и переосмысление старых позволяет значительно расширить перечень археологических источников.

Анализ материалов археологических исследований христианских храмов дает возможность утверждать, что в большинстве случаев они не возводились на руинах византийских культовых сооружений. На территории городища на плато Тепсень ранневизантийский слой отсутствует, а наиболее ранние материалы, датированные предварительно первой половиной VIII в., связаны с салтовской культурой. Соответственно и первоначальный тепсеньский храм, как и все последующие, сооружены салтовским населением городища.

В качестве несомненного источника по христианизации салтовского населения восточного Крыма можно рассматривать плитовые могилы. Подобную точку зрения в разные годы обоснованно высказывали А.В. Гадло и А.И. Айбабин. Как показывают многолетние исследования, плитовые захоронения обнаружены на большинстве некрополей крымского варианта салтово-маяцкой культуры. Среди погребений ранних городских могильников, датированных до середины IX в., например Судак-VI, они составляют не более трети и расположены вперемешку с грунтовыми языческими. На сельских поселениях или городищах с естественными укреплениями, например

Западный некрополь Тепсеня, плитовые могилы единичны, но так же расположены на одной площади с грунтовыми. Аналогичная ситуация и с ранним прихрамовым некрополем Тепсеня. С середины IX в. большинство захоронений составляют наоборот плитовые могилы. Таковы поздние некрополи Тепсеня, большая часть некрополей на территории Керченского полуострова, исследованные В.Н. Зинько и Л.Ю. Пономаревым, городские могильники и прихрамовые некрополи Сугдеи и Боспора. Вместе с тем, в большей или меньшей степени сохраняются и грунтовые погребения. Примером этому может служить некрополь поселения Кордон-Оба. Таким образом, все эти по сути дела биритуальные могильники наглядно свидетельствуют о постепенном, разном по масштабам и продолжительности, проникновением христианской идеологии в местную среду и не являются каким-либо этническим маркером.

В качестве дополнительного источника, позволяющего проследить сложный механизм восприятия христианства местным населением, являются погребения с т.н. комбинированной конструкцией, выделенные еще в середине 1990-х гг. Разное соотношение христианских и языческих элементов в конструкции погребального сооружения как раз и отражает процесс постепенного восприятия новой идеологии. Наконец, нельзя не учитывать и обычные грунтовые захоронения, но с христианским погребальным инвентарем. Все эти могилы, как и плитовые, так же расположены на территории одного и того же некрополя.

Нельзя не забывать и о редких находках христианских вещей в жилых, хозяйственных объектах и культурных горизонтах памятников. Это, прежде всего, нательные кресты, медальоны, фрагменты литейных форм для отливки предметов личного благочестия, сердоликовая вставка в перстень с раннехристианским сюжетом, происходящая из раскопок городища на плато Тепсень.

Важнейшие материалы для решения проблемы христианизации салтовцев Крыма были получены в 2015 г. при раскопках салтовских горизонтов поселения «Белинское» на территории Керченского полуострова. Речь идет о находке в культурном слое памятника фрагмента христианского керамического просфорного штампа. Подобные христианские раритеты до сегодняшнего дня на салтовских памятниках полуострова, как и всей культуры в целом, ни разу не обнаруживались. Эта находка, учитывая находки фрагментов цепей для хоросов из заполнения тепсеньских храмов, позволяет поставить вопрос о существовании новой перспективной категории источников для изучения вопроса, а именно о литургических предметах.

Вместе с тем, даже наличие предметов литургического характера

не позволяет считать проникновение христианской идеологии в салтовскую среду восточного Крыма окончательной и всеобъемлющей. Это лишнее свидетельство уникального религиозного синкретизма Крымской Хазарии.

Рис. 1. Фрагмент керамического штампа на участке раскопа «Восточный» городища «Белинское».

Манаев А. Ю.
(Симферополь)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРЫМУ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Анализ литературы позволяет обратить внимание на недостаточную разработку темы восстановления культурной жизни в Крыму в послевоенные годы, и в частности, в сфере охраны культурного наследия. Кроме того, отдельного внимания заслуживает своего рода культурный феномен – широкомасштабные археологические исследования на полуострове и их взаимосвязь с общими тенденциями развития исторической науки в СССР.

Археология стала своеобразным «локомотивом» всех процессов, связанных с охраной культурного наследия в Крыму в послевоенные годы. В первую очередь это возобновление работы на памятниках Керченского полуострова, продолжение археологических раскопок на территории Херсонеса Таврического в Севастополе, а также масштабные исследования Тавро-скифской археологической экспедиции.

Особенностью культурной жизни в СССР второй половины 40-х годов является усиление идеологического пресса. Хрестоматийным примером является принятие 1946 году постановления ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а затем и других постановлений о кино, театре, музыке, в которых осуждению подверглись выдающиеся деятели культуры, разворачивается кампания по борьбе с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом».

Не остается в стороне от новых веяний и историческая наука, всегда находившаяся на острие идеологических установок. Еще в мае-июне 1944 года в ЦК ВКП(б) проходило совещание историков [Новые документы 1991, с. 188]. Свои исправления в итоговый текст документа лично вносили А. Жданов и И. Сталин. Заключительная

редакция тезисов содержала следующие главы: «попытки возрождения буржуазно-исторической школы», «интернационализм и национализм», «против реставрации исторических ошибок». Личные правки Сталина касались усиления темы исторической судьбы славянства, славянского патриотизма [Дубровский 2005, с. 477-482]. Несмотря на то, что тезисы не были опубликованы, их содержание было хорошо известно как партийным деятелям, так и советским историкам. Давление партийных установок на «правильное» понимание исторических процессов обусловило характер развития исторической науки в СССР по окончании войны.

Основные задачи и направления развития советской археологии определило Всесоюзное археологическое совещание, которое состоялось в Москве 24 февраля – 1 марта 1945 г. Наряду с достижениями археологии в СССР, были определены и недостатки: отсутствие единого плана археологических изысканий и общесоюзных археологических экспедиций, отсутствие системной охраны памятников, не ведутся в должном объеме исследования важнейших памятников, в частности, на г. Митридат в Керчи [Археология 1946, с. 5-7; Тараканова 1947].

Дальнейшее развитие исторической науки проходило в контексте выполнения пятилетнего плана восстановления народного хозяйства СССР на 1946 – 1950 гг. В публикациях второй половины 40-х годов, посвященных развитию советской науки, часто приводится цитата из выступления И. Сталина от 09.02.1946 г.: «…если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Данный тезис во многом и предопределил темпы развития советской науки в послевоенные годы, в том числе и в гуманитарной сфере, одновременно это и объясняет масштаб исследований в археологии.

В рамках господствующих идеологических концепций основные направления исторической науки виделись в изучении процесса разложения рабовладельческой социально-экономической формы, кроме того, важнейшим вектором исторических исследований являлось изучение происхождения восточных славян и их государственности, преемственность между культурой славян и культурой сарматов и скифов [Задачи, с. 3, 5].

В связи с этими установками были сформулированы планы работ основных научных археологических организаций СССР. Сектор древней истории Института истории АН СССР планировал в 1946-1950 гг. разработать ряд проблем, в частности, «Скифская и греческая культура в Причерноморье».

Институт истории материальной культуры АН СССР в контексте

изучения крымской истории ставил перед собой следующие задачи: 1) выяснение стадий развития палеолита; 2) история и культура греческих колоний Черного моря. Под руководством В.Д. Блаватского планировалось выполнить следующие темы: археологическая топография Пантикапея, архаический Боспор, культурные связи Боспора, керамика Боспора Киммерийского; темы под руководством В.Ф. Гайдукевича: боспорские античные города как хозяйственные производственные центры, римская керамика боспорских городов, керамическая торговая тара, боспорская лепная керамика. С целью изучения проблем скифской государственности планировалось провести исследования по темам: царские курганы и большие скифские городища. Отдельной проблемой выделялись исследования крымских скифов (руководитель работ П.Н. Шульц). Для выполнения поставленных задач планировалось деятельность ряда экспедиций, в частности: крымская (палеолитическая), боспорская и херсонесская (по античной археологии), симферопольская (по скифо-сарматской археологии) [Пятилетний план, с. 194-199, 202].

По инициативе Государственного исторического музея в 1945 году возобновились археологические исследования на Херсонесском городище под руководством Н.В. Пятышевой, а затем С.Ф. Стржелецкого. В 1946 году совместная экспедиция ГИМ и Херсонесского музея проводила исследования в юго-восточном районе городища, с наружной стороны протейхизмы. С.Ф. Стржелецким продолжены раскопки на северном берегу городища, в результате раскопок открыто несколько помещений и зафиксирован культурный слой с материалами эллинистического времени. В 1947 году на территории Херсонесского городища проводятся масштабные реставрационные работы. Возобновились планомерные раскопки на северном берегу городища объединенной экспедицией Государственного Эрмитажа и Херсонесского музея [Зубарь 2009, с. 58-60].

В 1945 году возобновляются археологические исследования на Керченском полуострове, ведущую роль в этом играл Керченский государственный историко-археологический музей им. А.С. Пушкина. Сотрудниками музея проводились обследования территорий памятников археологии, осматривались места окопов и других оборонительных сооружений, выявлялись выходы культурного слоя, фиксировались строительные остатки. По просьбе музея в 1944 году экспедиция ИИМК под руководством В.Д. Блаватского и И.Б. Зеест провела разведки на территории Керчи с целью определения состояния памятников, которые исследовались в довоенный период.

Керченский музей непосредственно участвовал в организации первых послевоенных экспедиций, в частности, Пантикапейской,

которая возобновила в 1945 году исследования на Митридате. В целом сотрудники музея в послевоенные годы принимали участие в раскопках Пантикапея, Илурата, Мирмекия, Киммерика. Кроме того, музейщики осуществляли спасательные археологические исследования [Баукова, с. 181-186].

Силами совместной экспедиции ИИМК и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина продолжены исследования Пантикапея. Основные работы были проведены на восточном и северном склонах г. Митридат. Были заложены раскопы в районе руин мавзолея Стемпковского, у подножия монумента героям, павшим за освобождение Крыма и над старым зданием музея [Блаватский 1947, с. 105-106].

В 1946 году возобновила работу Боспорская экспедиция под руководством В.Ф. Гайдукевича. В состав экспедиции входили такие специалисты как Т.Н. Книпович, М.А. Наливкина, Е.Г. Кастанаян, М.В. Кубланов. Были возобновлены раскопки на Мирмекии, Тиритаке, а с 1947 года начались исследования Илурата [Виноградов 2006, с. 11]. В ходе исследований 1946 г. на Тиритаке был открыт винодельческий комплекс, закончены исследования большой усадьбы, при раскопках которой найден клад из 223 боспорских монет [Гайдукевич 1947, с. 89-90]. В целом материалы исследований Тиритаки, Мирмекия и Илурата изложены в ряде обобщающих публикаций В.Ф. Гайдукевича [Гайдукевич 1958].

В 1947 году под руководством директора Керченского музея В.И. Юдина продолжено исследование ранневизантийского некрополя на северном склоне г. Митридат. Учитывая уникальность погребальных памятников Пантикапея основные усилия исследователей были сконцентрированы на сохранении и реставрации склепов [Зинько 2013, с. 530].

В том же году совместной экспедицией ИИМК, ГМИИ им. А.С. Пушкина и Керченского музея под руководством И.Б. Зеест начаты археологические разведки и раскопки на городище Киммерик на г. Опук [Зеест 1949, с. 93].

Яркой страницей истории изучения памятников археологии Крыма стала деятельность Тавро-скифской экспедиции, созданной в 1945 году. Руководителем экспедиции являлся П. Н. Шульц. Объединенная экспедиция была представлена многими научными учреждениями СССР, в первую очередь ИИМК, ГМИИ им. А.С. Пушкина, а также Крымский филиал академии Наук СССР, Академия архитектуры СССР, Институт археологии Академии наук УССР, Крымский краеведческий музей [Шульц 1957, с. 61].

В 1945 г. были начаты планомерные раскопки Неаполя

Скифского: исследованы оборонительные сооружения городища в районе центральных ворот, на западном и восточном некрополях расчищены вырубные склепы. В 1946-1947 годах на Неаполе были продолжены исследования оборонительных сооружений, некрополей. Выдающимся археологическим открытием стало обнаружение в 1946 году погребальной камеры мавзолея, предположительно скифского царя Скилура [Шульц 1947; Погребова 1947; Зайцев 2003, с. 6, 54].

Начиная с 1945 года возобновляются масштабные археологические разведки. Они охватывали долину р. Салгир с притоками: осмотрены городища Кермен-Кыр и курганная группа рядом с ним, Залесье, Таш-Джарган, курганные группы у деревни Марьино и деревни Эски-Сарай, проведены разведки в районе Красных пещер [Зайцев 2015, с. 6].

В 1947 году Бахчисарайским горным отрядом Тавро-скифской экспедиции под руководством Е.В. Веймарна проведены исследования на Южном берегу Крыма и на склонах Главной гряды Крымских гор. В ходе разведок были выявлены многочисленные таврские могильники и средневековые укрепления Сераус и Ай-Йори [Фирсов 1990, с. 63-65, 84, 444-445]. Кроме того, в 1946-1947 годах были проведены археологические разведки оборонительной стены на западном склоне г. Чатыр-Даг, в районе вершины Эклези-бурун [Соломоник, Домбровский 1968, с. 34; Веймарн 1958, с. 45, 54]. Белогорским отрядом Тавро-скифской экспедиции был исследован т.н. «Долгий курган» в районе г. Белогорска, а также проведены археологические разведки на территории района, обследованы городища Аргинское (с. Зеленогорье) и Ак-Кая / Вишенное [Шульц 1949, с. 65; Смекалова, Колтухов, Зайцев 2015, с. 187, 205].

Представленный, далеко не полный, перечень археологических экспедиций и их исследований в Крыму в послевоенные годы показывает по-настоящему государственные масштабы организации археологических работ на полуострове. Статистика показателей количества археологических полевых исследований в 1946-1953 годах в разных регионах РСФСР, показывает, что Крымская область занимает в этом списке 1 место (9,8 % от общего числа исследований), далее Краснодарский край (5, 5 %) и Москва (5,3 %) [Сорокина 2010, с. 4, 9].

Таким образом, развертывание полномасштабных археологических исследований в Крыму следует рассматривать не просто как возрождение довоенных экспедиций, а как продуманный политический и экономический шаг.

Приведенные выше факты позволяют сделать вывод, что Крым в послевоенные годы являлся одной из ведущих научных площадок в СССР. Логичным следствием этого стала организация Крымской научно-исследовательской базы АН СССР, об истории создания

которой красноречиво свидетельствуют опубликованные недавно документы. В письме Крымского облисполкома и Крымского обкома ВКП(б) в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Академию Наук СССР помимо прочего указывалось на выдающийся интерес изучения историко-археологического наследия Крыма. Учитывая высокий научный потенциал полуострова подчеркивалось, что «… вопрос об организации базы Академии наук вполне назревший и своевременный» и высказывалась просьба открыть ее в Симферополе, включив в ее состав историко-археологический сектор.

23 декабря 1947 года Президиум АН СССР, в соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 01.06.1947 г., утвердил направление деятельности и структуру Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. П.Н. Шульц был утвержден заведующим сектором истории и археологии, основной задачей которого было определено изучение истории Крыма как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории. [Киселев, Стрижова 2015, с. 69-72, 75].

Археологические исследования, развернувшиеся в Крыму в 1945-1947 годах году, определили один из основных векторов развития сферы культурного наследия – изучение и сохранение археологического наследия полуострова. В этот период в Крыму работало целое созвездие выдающихся советских археологов – Г.Д. Белов, В.Д. Блаватский, В.Ф. Гайдукевич, И.Б. Зеест, С.Ф. Стржелецкий, П.Н. Шульц, А.Л. Якобсон, и др. В тоже время археологические исследования в Крыму, и в большей степени интерпретация находок, находились под жестким идеологическим прессом со стороны партийного и советского руководства.

Литература

Археология и ее роль в развитии советской исторической науки // ВДИ. 1946. №1. С. 3-8.

Баукова А.Ю. Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50-х рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь. 2008. Вып. 2. С. 181-194.

Блаватский В.Д. Раскопки Пантикапея в 1945 г. // КСИИМК. 1947. Вып. XVII. С. 105-115.

Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М. 1958. С. 7-54.

Виноградов Ю.А. Памяти В.Ф. Гайдукевича // БИ. 2006. Вып. XIII. С. 3-15.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия // КСИИМК.1947. Вып. XXI. С. 89-91.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. 1958. Вып. 85. С. 147-218.

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е гг.). Брянск. 2005.800 с.

Задачи советской исторической науки в новой пятилетке // ВДИ. 1946. №2. С. 3-9.

Зайцев Ю.П. Начало. По страницам дневника П.Н. Шульца «Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР» 1945 года // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы научной конференции, посвященной 70-летию с начала работ Тавро-Скифской экспедиции (1945-2015). Симферополь. 2015. С. 5-8.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь. 2003. 212 с.

Зеест И.Б. Раскопки Киммерика в 1947-1948 гг. // ВДИ. 1949.№3.С. 92-102.

Зинько Е.А. Из истории изучения ранневизантийских склепов Боспора // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С.525-540

Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914-2005 гг.). Т.I . Т. II. // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009. 496 с.

Киселев М.Ю., Стрижова Т.П. «Крым с давних времен привлекал к себе внимание выдающихся деятелей науки»: документы об организации Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. 1947-1948 гг. // Исторический архив. 2015. №1 (130). С. 66-79.

Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.) // ВИ. 1991.№1.С.188-205.

Погребова Н.Н. Мавзолей Неаполя Скифского // КСИИМК.1947. Вып. XXI. С. 22-32.

Пятилетний план научно-исследовательской работы сектора древней истории Института истории Академии Наук СССР // ВДИ. 1946. №2. С. 192-194.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма // Материалы к археологической карте Крыма. СПб. 2015. Вып.XV. 248 с.

Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. К.1968. С. 11-46.

Сорокина И.А. Полевая археология Кубани в 1946-2008 годах по материалам Отдела полевых исследований Института археологии РАН // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск. 2010.Вып. 4 (30). С. 3-16.

Тараканова С.А. Всесоюзное археологическое совещание // КСИИМК.1947а. Вып. XV. С. 146-149.
Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск.1990. 472 с.
Шульц П.Н. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК.1947. Вып. XXI. С. 16-21.
Шульц П.Н. Тавро-скифская экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII. С. 56-66.
Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945-1950) // История и археология древнего Крыма. К. 1957. С. 61-93.

Масленников А.А
(Москва)

КТО БЫЛ БОСПОРСКОЙ ЗЕМЛИ ХОЗЯИН?[1]

Этот полу - риторический вопрос, без сомнения, напомнивший читателю знаменитый ответ императора Николая Александровича в анкете переписи населения Российской Империи («род занятия: «… хозяин земли Русской») имеет, как догадывается каждый, несколько «оттенков». Или это вопрос о верховной власти в государстве (т.е. «земле», ибо нет государства без территории) вообще, или о власти именно над земельными угодьями, да и неугодьями тоже. Но, опять - таки, если быть точным: то «хозяин» вовсе не значит обязательно и «владелец». (Хозяйствовать – это ещё не владеть; оба эти глагола сами по себе, т.е. in infinitivo, относясь к несовершенному виду действительного залога, что придаёт всякой «ситуации» некоторую неопределённость.) Даже если оставить «за скобками» государственную, верховную власть...

На первый взгляд, казалось бы, здесь всё ясно. Есть свидетельство

[1] Доклад и тезисы подготовлены в рамках работы по проекту гранта РГНФ № 15-31-10125

Демосфена, назвавшего Левкона I «хозяином (владельцем, собственником?) боспорского хлеба» (Demosth. Adv. Lept. 31). Но, как уже неоднократно отмечалось многими исследователями, во - первых, строго говоря, хозяин - собственник хлеба (по контексту речи – товарного зерна) - не обязательно владелец пашни. Это, скорее, его монопольный продавец на «рынке». Во - вторых, Демосфен – в данном случае оратор, а судебная речь – документ по - своему специфический, допускающий разного рода не вполне юридически - точные, риторические обобщения и эпитеты, которые надо иметь в виду, но вовсе не обязательно брать на веру. В - третьих, есть мнение, что, опять – таки, по контексту речи, тут следует понимать лишь округу Феодосии, недавно подчинённой боспорским правителям. Второй документ – ещё менее определённый. Это стихотворная надпись IV в. до н.э., в которой Перисад I назван правителем земель от границ с таврами до Кавказских гор, (см. КБН № 113). Но это - эпиграфический памятник особого, «несерьёзного» жанра. (Отметим, что, вероятно, именно поэтому в отличие от официально-строгих надписей того же времени о его - Перисада «царствовании» здесь не упоминается.) Иными словами, это опять: власть, но не собственность на все упомянутые здесь земли – территории. Третий источник, как будто бы подтверждающий наличие неких собственных земельных владений правящей династии (Сатира) – не менее специфический по своему жанру, нежели оба предыдущих. Это многократно комментированная целым рядом исследователей т.н. трапезитская речь Исократа. (Некто Сопей начальствовал над большой областью и имел попечение о всех владениях этого правителя. Isocr. XVIII). Более определённое (и также ещё более часто комментированное) свидетельство не просто власти, но и владения (на сей раз другим «Спартокидом» - Евмелом) какими – то землями, пригодными для жизни и хозяйственной деятельности мы находим у Диодора Сицилийского (эпизод с 1000 каллатийцами Diod., XXII). В самом деле: распоряжаться землёй, распределять её среди временных пользователей мог, по идее, только тот, кто ею владел. Он же (Диодор), завершая своё повествование о правлении и жизни Евмела, упоминает о некоей его («своей») земле, возвращаясь из Синдики в которую он и погиб. Поскольку Синдика к этому времени (конец IV в. до н.э.) уже несколько десятилетий входила в Боспорское государство (державу Спартокидов), данное уточнение, безусловно, свидетельствует о наличие земель – территорий (скорее всего, где - то на Таманском п-ове) с особым, отличным от Синдики (и, добавим, хоры тамошних городов и городков) статусом, непосредственно принадлежавших самому правителю – фактически уже царю.

Надпись же о «фанагорийских» наёмниках времени Митридата VI (Виноградов Ю.Г., 1991), впрочем, не содержащая прямых указаний

на их наделение (в собственность или во владение) земельными участками, - это декрет от «имени» полиса, а не верховной власти. Другая, давно известная надпись о пелатах, подаренных вместе с участком земли храму (Афродиты Апатуры?) (151 г. н.э., КБН № 976), говорит о существовании на Боспоре ещё одной формы земельной собственности. Обе они и с известной осторожностью могут быть упомянуты здесь, но уже в иной связи, Вот, пожалуй, и все наши письменные источники о местных «поземельных» отношениях.

Почему, так мало? Почему относительно более позднего времени их практически вовсе нет? Разве различные житейские коллизии, связанные с разными формами земельной собственности, столь часто отражённые в античной эпиграфике и юридической практике эллинистического и римского времени не коснулись Боспора? Или «виной» тому всегдашняя ссылка на «медвежий угол»? Вероятно, и то, и другое – отчасти верно, и некая специфика таких отношений здесь, видимо, действительно имела место. (Рано сложившаяся «доминанта» разного рода правовых норм от имени верховной власти над полисными традициями, особый статус значительных территорий, на которые эллинские правовые установления в соответствующей области вообще не распространялись, а действовало т.н. обычное право неписанных законов скорее не соседской, а, по крайней мере, в эпоху Спартокидов, родовой общины и какие - то другие.) Поэтому простое перенесение соответствующих норм и традиций античного Средиземноморья, вне её учёта, вряд ли правомерна (Кругликова, 1075, с. 156). Но продолжим нашу историографию.

В сущности, по рассматриваемому вопросу она начинается с известной работы С.А. Жебелёва «Основные линии экономического развития Боспорского государства», впервые изданной в 1934 г., когда собственно и судить о ней (экономике) было не по чему, кроме вышеупомянутого… . Кратко, эти «основные линии» следующие: античная зона хозяйствование (торговля, ремесло, промыслы, отчасти земледелие) включала исключительно города и поселения побережья с их греческим по этносу и культуре населением. Полноправные граждане оных владели, как и положено, земельными участками по соседству с городами. Все внутренние территории Тамани и Восточного Крыма с их пахотными угодьями населяли различные по этносу варвары. Сама же эта земля принадлежала туземной знати. Т.о., в целом преобладала крупная земельная собственность и рабовладельческие хозяйства, владельцы которых и были похоронены в большинстве крупных курганов городских некрополей) (Жебелёв, 1953, с. 122-124, 153).

Через два десятилетия (1953 г.) вышла гораздо более известная читателю книга В.Д. Блаватского «Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья», в которой помимо письменных источников

привлекался и весь доступный к тому времени археологический материал. Напомним, что именно в этот год работами ВКА отряда, а затем экспедиции ИА РАН (И.Т. Кругликова) собственно и начались планомерные исследования сельской территории Боспора. Владимир Дмитриевич тогда полагал, что собственником всех присоединённой при Спартоке, Левконе и Перисаде земель являлся именно глава правившей династии и признавал наличие, по крайней мере, в архаическое время и в эпоху ранних Спартокидов крупной (с использованием рабского труда) и мелкой земельной собственности граждан городов – полисов и иных полноправных категорий населения. На обширных же пространствах, занятых местными племенами, жили зависимые (от верховной власти?) земледельцы (Блаватский, 1953, с. 45-47, 178). О более позднем периоде он столь же определённо уже не высказывался, отмечая впрочем, что временами (III-II вв. до н.э.) роль т.с. мелкого земледелия могла и возрастать.

Несколько позднее (в 1955 г. а, что показательно, не в 1949) В.Ф. Гайдукевич также остановился на характере земельных отношений на Боспоре. Как и его (впрочем, и наши) предшественники и современники он признавал наличие мелкой земельной собственности в ранний, или как теперь сказали бы: «автономный» период истории боспорских городов. По мере расширения территории государства росли земельные владения боспорских царей и их приближённых. Основными производителями на них было местное зависимое варварское население, положение (правовое и материальное) которого напоминало илотов, пенестов или мариандинов. Вблизи городов существовали и усадебные хозяйства, на которых использовался скорее рабский, нежели вольнонаёмный труд (Гайдукевич, 1955, с. 113-114). Последнее «положение» опиралось, как нетрудно догадаться, на результаты раскопок Виктора Францевича вблизи городища Мирмекий. Но в целом, всё это были, главным образом, кабинетные изыскания, вернее – кабинетный этап разработки данной проблематики.

Последовавшие примерно два десятилетия достаточно масштабных для того времени разведок и раскопок на сельской территории Азиатского (В.Д. Блаватский, Н.И. Сокольский, Н.А. Онайко, Ю.С. Крушкол) и особенно Европейского (И.Т. Кругликова, Б.Г. Петерс, В.Н. Корпусова, М.М. Кубланов) Боспора позволили хотя бы отчасти археологически материализовать (в ту или иную «стороны») вышеприведённые положения. Итогом стала известная монография И.Т. Кругликовой (1975), остающаяся и по сей день самым доступным и связным изложением археологии и истории хоры античного Боспора. Не обойдён в ней и рассматриваемый нами вопрос, главным образом, разумеется, на основании Восточно-Крымских материалов.

Так ранние (архаические) поселения близ первых боспорских

городков функционировали как сезонные или постоянные «выселки» их граждан, имевших примерно одинаковый, небольшой достаток и, в сущности, являвшихся мелкими землевладельцами и одновременно их основными работниками. Что же касается более удалённых территорий полуострова, то с конца V и особенно в IV вв. до н.э. там появляется очень большое количество поселений. Те из них, что были расположены относительно недалеко от городских центров, прежде всего, Пантикапея, фиксируют расширение площадей их хоры и числа наделов (клеров) граждан. Прочие - (их было большинство) появились вследствие оседания на землю прежде кочевых скифских племён. Этот период (IV- первая половина III вв. до н.э.) совпал с расцветом хлебной торговли Боспора. По мнению Ирины Тимофеевны, впрочем, не категоричному, на землях, «захваченных боспорскими царями работали меоты и осевшие на землю скифы». В небогатых пригородных усадьбах наряду с хозяевами трудились и рабы (Кругликова, 1975, с. 158-159). Исследовательница одновременно отмечала, что к концу этого периода имела место концентрация (укрупнение – А.М.) земельных владений. (Вероятно, это касалось усадеб дальней городской хоры – А.М.) В последующие один-два века этот же процесс происходит и на ближних усадьбах (Кругликова, 1975, с. 159). Часть этих усадеб, в отличие от селищ, доживает до рубежа эр и трансформируется в совершенно новый тип укреплённых поселений – крепостей, который становится характерным для («глубинки» - А.М.) обеих частей государства приемников Митридата Евпатора. Эти поселения -, согласно И.Т. Кругликовой, принадлежали крупным землевладельцам. Наряду с ними в первых веках н.э. там же существуют как бы два вида поселений типа городищ с тесной блочно-квартальной, как правило, однотипной застройкой и столь же однотипным, лучше сказать - однообразным, небогатым интерьером и находками. Наиболее характерны в этом отношении Приазовские городища Восточного Крыма. Населяли их свободные земледельцы (1975, с. 159), часть которых имело полуварварский этнос и «пользовалась землёй на условиях выполнения некоторых повинностей, в частности несения военной службы и уплаты податей». То есть, являлось чем то вроде варварских родов, общин и целых племён, селившихся «на правах колонов» в Имперском пограничье. Таким образом, сельская территория Боспора, полагала Ирина Тимофеевна, на протяжении почти тысячелетия демонстрирует развитие от мелких земледельцев до крупных рабовладельческих хозяйств, и от хоры городов с участками граждан и общинными землями до хоры государства, обширные земли которого частично стали собственностью правителей, частично розданы его приближённым или храмам, или даже проданы (1975, с. 160). Она предполагала, по-видимому, постоянно-действовавший

процесс концентрации земельной собственности, сопровождавшийся обезземеливанием свободных крестьян, массу которых составляли осевшие на землю представители местных варварских племён. Их согнали с земли и либо переместили в новые посёлки, либо превратили в рабов. Наиболее интенсивно это происходило в III-II вв. до н.э., вылившись в известное восстание Савмака (там же). Впоследствии, для восстановления экономики страны власти Боспора прибегли к «новым формам эксплуатации»: варварским родам или племенам выделялись земли для обработки, за что они должны были нести военные повинности и подати в качестве части урожая (там же).

Из всего, только что сказанного, вернее, повторённого, нетрудно заметить как явные противоречия и общие, плохо или вовсе не обоснованные утверждения-штампы, так и, что, наверное, гораздо важнее, попытки выводов на основании только археологического материала. Причём, материала, полученного по большей части самой Ириной Тимофеевной. Должно сказать, что, по сути, она была первой, кто прямо обозначил наличие на Боспоре т.н. царской хоры (земель в личной собственности архонта, потом царя – А.М.), аналогичной той, что существовала согласно письменным источникам в эллинистических государствах Востока и Малой Азии (Кругликова, 1975, с. 8). Очень плодотворной и неоднократно повторённой впоследствии целым рядом исследователей оказалась её идея о существовании на боспорской хоре в первых веках н.э., а может быть и ранее, своего рода военных поселенцов, то - есть, условном землепользовании.

Последнее положение, особенно в отношении митридатовского и постмитридатовского времени и применительно в основном к Азиатскому Боспору, (аспургиане-племя-поселенцы) усиленно развивал в дальнейшем С.Ю. Сапрыкин. Хорошо известна и его позиция относительно появления царской собственности на землю и, следовательно, экономической основы эллинизма, как определённой стадии политэкономического развития античного общества, применительно к Боспору только со времени правления Митридата Евпатора (Сапрыкин, 1996, с. 206-290; 2002, с. 14-55; 2003, с. 29-30; 2006, с. 227-236). Существование на Боспоре т.н. царского землевладения уже IV-III. вв. до н.э. как будто бы склонен был отрицать и В.М. Зубарь. Во всяком случае, хорошо известные усадебные комплексы Приазовья он, по некоторым аналогиям с дальней хорой Херсонеса, предлагал считать т.н. коллективными усадьбами, выведенными на окраины земельных владений самых сильных боспорских полисов (читай – Пантикапея) Такого же мнения придерживается и С.Ю. Сапрыкин. Действительно, чисто планировочное и хронологическое сходство в отдельных случаях имеет место (усадьба Панское в Западном Крыму и Генеральское западное – в восточном). Но в том то и дело, что в

конкретных политико-экономических обстоятельствах Боспора того времени всякая землеустроительная деятельность такого масштаба не могла быть частной или даже полисной инициативой, а непременно осуществлялась верховной, государственной властью. Власть же эта фактически принадлежала правящей династии; по сути дела, была «царской», хотя до какого - то времени и не именовалось таковой официально.

В принципе, вышеприведённые взгляды относительно наличия в архаическое, классическое и отчасти эллинистическое время мелкого и отчасти среднего (полисного) землевладения античного типа не так давно были высказаны в совместной работе В.М. Зубаря и В.Н. Зинько (2006) и монографии В.Н. Зинько (2007). Осторожнее - суждения этих авторов о крупном царском землевладении.

Напротив, Ваш покорный слуга уделил именно этому «сюжету» как в поле, так и за столом не один десяток лет. Уверен, что государственное, а фактически принадлежавшее правившей династии или лично её главе (верховному архонту, а затем царю) крупное землевладение, начало складываться уже при первых Спартокидах, получив вполне очевидное территориально-административное и хозяйственное оформление в последовавшее столетие (Масленников, 2010, с. 220-230). Со временем, оно (царское землевладение), видоизменяясь, как способ хозяйствования (этнос, культура, правовой статус основной массы «производителей», характер поселенческих структур, характеристика и соотношение видов хозяйственной деятельности, степень их товарности и н.д.), но не как форма земельной собственности (т.е. юридически), просуществовало весьма длительное время. Вероятно, до середины III в. н.э., а, может быть, и вообще до конца античной эпохи. Наличие крупной земельной собственности уже у первых Спартокидов (Левконидов) недавно активно поддержал и А.А. Завойкин (2013, с. 100-106).

Что представляла собой, так сказать, средняя земельная собственность – хозяйства, как писал Н.В. Гоголь, «господ средней руки», да и кого таковыми можно считать в ту или иную эпоху боспорской истории, мы вовсе не имеем представления. Не ясно даже имелись ли крупные земельные владения в полной собственности у т.н. боспорской аристократии, включая представителей высшего «звена» местной бюрократии и варварской знати, вообще. Никакие археологические реалии (границы больших наделов, особо выделяющиеся усадьбы с сопутствующими «богатыми» некрополями) ни спартокидовского, ни «римского» времени сколь-либо уверенно с оной не соотносимы. Во всяком случае, как представляется, крепости – башни, дома башенного типа, хорошо укреплённые городища – крепости I в. до – III вв. н.э., известные и неплохо исследованные в настоящее время на Азиатской

части Боспора и в Восточном Крыму, выполняли скорее военно-административные функции, нежели являлись центрами такого рода частных хозяйств. Может таковой земельной собственности и вовсе не было, и вся или почти вся знать была служивой: нечто вроде «городских помещиков» и «помещиков по своим надобностям» из известных произведений всё того же Н. Гоголя? Маловероятно, но … .

Относительно т.н. полисной земельной собственности (скорее всего, мелкой) у нас для «римского» времени нет никакой, даже археологической конкретики, кроме чисто умозрительных рассуждений о вероятном наличии оной. (Иначе трудно понять, вернее, обосновать достаточно длительное функционирование некоторых полисных традиций на Боспоре. См. например монографию Н.В. Завойкиной (2013)). Для всей домитридатовской эпохи признаками её существования могли бы стать следы земельных наделов – правильной размежёвки угодий на относительно небольшие участки. Немалые усилия, потраченные в этом направлении научного поиска в последние годы (изыскания Т.Н. и С.Л. Смекаловых и автора в Восточном Крыму, Г.П. Гарбузова на Тамани), оказались или малорезультативными, или весьма спорными и неконкретными. Во всяком случае, ничего аналогичного херсонесской «классике» обустройства ближней городской хоры на Боспоре нет.

Столь же мало, а точнее – никак, оставшись на уровне простой констатации оного, да и то - в относительно позднее время, не продвинулись наши представления, включая, естественно, археологическую конкретику и в вопросе о храмовом землевладении.

Но, пожалуй, самым малопонятным на сегодняшний день является вопрос о характере поземельных отношений у «боспорских» варваров. По сути дела, вся историография на эту тему выше уже нами упомянута. В этой задаче вообще пока слишком много «неизвестных вводных». Ясно лишь вроде как два обстоятельства. Во-первых, земли - территории с более или менее осёдлым, в основном варварским населением (скифы, меоты, синды, сарматы, готы-германцы, тавры и …?) существовали на Боспоре, по крайней мере, со второй четверти IV в. до н.э. Во – вторых, их административно-правовой статус и этно-культурная характеристика не оставались неизменными и зависели как от перемен в сопредельном варварском мире, так и от социально-экономической ситуации на самом Боспоре. Ясно также и то, что формы собственности на землю, как основное средство производства и источник существования зависели от того и другого. Иными словами: это могла быть изначально общинная собственность (родовой, а позднее, может быть, семейной, соседской общины) или государственная (царская), на которой отдельные группы (семьи, отряды, целые роды) варваров скорее расселялись специально,

нежели поселялись самостоятельно на тех или иных условиях. Первое – имело место в относительно ранний, а, не исключено, и самый поздний (гунны, готы, болгары) период местной истории, второе – с эпохи эллинизма и в «римское» время.

Вообще говоря, не столько суждения, сколько некие повторы, или же скорее упоминания основных положений по данной тематике встречаются в ряде других относительно недавних работ отечественных и украинских исследователей, но всё это, как бы вскользь, «по ходу дела», не специально. А что делать? Такова наша источниковедческая база. Прямых (письменных) свидетельств фактически за сто лет не прибавилось, а возможности анализа того, что есть, по - видимому, исчерпаны. Перспективы же соответствующей интерпретации археологических материалов, даже сильно пополнившихся в последние десятилетия, весьма ограниченны и «туманны». Так что, сколь – либо полного и конкретного ответа на поставленный в заголовке вопрос мы вряд ли когда дождёмся. Хорошо бы определиться хотя бы по «частностям».

Мастыкова А.В.
(Москва)

ПТИЦЕВИДНЫЕ ФИБУЛЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА КАВКАЗЕ И СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В данной работе будут рассмотрены история изучения и происхождение малых зооморфных фибул-брошей в виде хищных птиц, найденных на Кавказе и в Северном Причерноморье на памятниках эпохи Великого переселения народов (последняя треть IV – вторая треть VI в.).

Самые первые сведения о находке птицевидной фибулы на Северном Кавказе стали известны благодаря П.С. Уваровой. Впервые изображение такой броши из могильника Верхняя Рутха (Северная

Осетия) появилось в издании «Материалы по археологии Кавказа», опубликованном в 1900 году (Уварова, 1900). Однако полноценно в научный оборот эта категория находок вводится лишь в 1950е–1960е гг., когда в Советском Союзе формируется вещеведческий подход к древностям эпохи Великого переселения народов (В.К. Пудовин, В.Б. Ковалевская, А.К. Амброз). В западной археологии птицевидные фибулы конца античности и начала средневековья впервые стали предметом монографического исследования в 1939 г. (Thiry, 1939). Впоследствии эта тема получила дальнейшее развитие в работах И. Вернера (Werner, 1961) и других археологов.

Однако в Северном Причерноморье птицевидные фибулы не привлекли внимания русских исследователей, возможно по той причине, что они здесь единичны. Фактически можно назвать лишь три находки: одна – из Керчи[1], вторая – из Южной России; третья – с Тамани. Во всех случаях сведения о контексте находок отсутствуют.

Фибулы в виде птицы со сложенными крыльями с мощным клювом и трапециевидным хвостом, имеющие чешуйчатый декор в стиле перегородчатой инкрустации, из Керчи и Южной России (рис. 1, *1*) (Thiry, 1939. S. 69, 70. Kat. 27, 29. Taf. 6, *27, 29*) по форме очень напоминают накладку из известной «княжеской» могилы Концешты (Conceşti) в Румынии (см. об этом: Казанский, 2014. С. 304, 305) (рис. 1, *2*), а также фибулу из Лавиньи (Lavigny) в Швейцарии (Thiry, 1939. S. 70. Kat. 30. Taf. 6, *30*) (рис. 1, *3*), археологический контекст последней неизвестен. По мнению М.М. Казанского, находки из Керчи, Южной России, Концешт и, возможно, Лавиньи, можно отнести к отдельному (понтийскому?) варианту птицевидных украшений с чешуйчатым декором (Казанский, 2014. С. 304). Дата этого варианта птицевидных фибул устанавливается только по накладке из Концешт – это начальная фаза эпохи Великого переселения народов, т.е. период D1 (360/370–400/410 гг.) согласно хронологической схеме европейского Барбарикума (Казанский, 2014. С. 328). При этом надо учитывать бесспорно византийское, возможно константинопольское, происхождение накладки из Концешт (подробнее: Казанский, 2014. С. 304, 305). Не исключено, что и остальные украшения этой серии (Керчь, Южная Россия, Лавиньи) произведены где-то в Империи.

Из других северопричерноморских находок следует упомянуть две птицевидные бляшки-накладки с Тамани (рис. 1, *4*) из коллекции

[1] Вполне возможно, что фибула из Керчи, которую приводит Г. Тьери, является, очень ее напоминающей, накладкой из Концешт, т.к. место хранения у обеих находок указано – Гос.Эрмитаж, но в коллекции музея имеется только концештская накладка.

барона Иоганнеса фон Диргардта (Johannes von Diergardt), хранящихся в Римско-Германском музее в Кёльне (*Plaketten*: Thiry, 1939. S. 67. Kat. 11, 12. Taf. 2, *11, 12*; Damm, 1988. S. 178, 179. Kat. 101. Abb. 185, 186). По форме они больше напоминают меровингские птицевидные фибулы, но всё же представляют собой накладные украшения, возможно, как полагает И. Дамм, от конского снаряжения (Damm, 1988. S. 178, 179).

На Северном Кавказе изучение птицевидных фибул было продолжено, прежде всего благодаря В.Б. Ковалевской. Напомню, что именно ею впервые для Северного Кавказа была предложена периодизация раннесредневековых украшений V–VII вв. по материалам аланского могильника Чми, в Северной Осетии (Деопик, 1963), позднее распространенная на весь регион (Ковалевская, 1981; 1995; 2005). Специально В.Б. Ковалевская изучает и кавказские птицевидные фибулы (1981; 1992). Анализируя находки, обнаруженные в Закавказье и в Центральном Предкавказье, она обращает внимание, что закавказские фибулы такого типа не имеют аналогий в северокавказском материале и приходит к выводу, что именно закавказские броши можно рассматривать как «византийские реплики (или импорты)», которые в свою очередь послужили прототипами для птицевидных фибул на Северном Кавказе (Ковалевская, 1992. С. 33, 34. Рис. 2, *1–3, 7*).

Действительно, на Кавказе для эпохи Великого переселения народов (последняя треть IV – вторая треть VI вв.) известна группа малых зооморфных фибул-брошей в виде хищных птиц. Поскольку, в сравнении с северопричерноморскими, кавказских находок значительно больше, то остановлюсь более подробно на этой серии украшений.

В данной работе будут рассмотрены только броши в виде птичек с одной головкой (рис. 1, *5–14*), которые можно разделить на три варианта:

1 – с трапециевидным или веерообразным хвостом (рис. 1, *5–11*);

2 – с трапециевидным/веерообразным хвостом и с круглым выступом на спине птичьей фигурки (рис. 1, *12*);

3 – с хвостом в виде крючка (рис. 1, *13, 14*).

Броши в виде птичек с одной головкой лучше всего представлены на памятниках Центрального Кавказа: Верхняя Рутха, Мокрая Балка, Бермамытский, Стырфаз, Квемо Алеви, Гвелети (Уварова, 1900; Мастыкова, 2009. С. 38, 39; Албегова, Ковалевская, 2014. С. 217). Одна находка птицевидной фибулы-броши известна в Абхазии, на могильнике Цибилиум-2 (Воронов, 2003. С. 78. Рис. 196, *9*).

Находки птицевидных фибул, которые обнаружены на памятниках Центрального Предкавказья в закрытых комплексах, по совокупности

погребального инвентаря датируются постгуннским или шиповским горизонтом, т.е. временем от 430/470 по 530/570 гг.: Мокрая Балка погр. 11, 22 (*вариант 1*: рис. 1, *5, 6*), погр. 25-К (*вариант 3*: рис. 1, *13*); Бермамытский, погр. 3 (*вариант 1*: рис. 1, *7*) (Мастыкова, 2009. С. 221, 236, 237, 243). В Абхазии, погребение 414 некрополя Цибилиум-2 с птицевидной фибулой (*вариант 3*: рис. 1, *14*) отнесено к стадии IV/9, что соответствует времени около 450–550 гг. (Kazanski, Mastykova, 2007. P. 20–25). В погребении 86 могильника Стырфаз в Южной Осетии помимо птицевидной броши (*вариант 1*: рис. 1, *8*) были обнаружены монета Кавада (488–531 гг.) и амулет, типичный для второй фазы некрополя Мокрая Балка, т. е. второй половины VI – начала VII в. (Мастыкова, 2009. С. 38).

Известны еще несколько находок, но вне археологического контекста. Это птицевидная фибула из Верхней Рутхи (*вариант 2*: рис. 1, *12*) происходит из сборов графини П.С. Уваровой (Уварова, 1900). В коллекции Пре- и Протоистории музея в Берлине хранятся еще две находки предметов в виде птичек из Чегема и Кумбулты, которые, судя по иллюстрациям, можно было бы отнести к рассматриваемой категории (Thiry, 1939. S. 66. Kat. 1, 2. Taf. 2, *1, 2*). Однако Г. Тьери, автор свода «Птицевидные фибулы германской эпохи переселения народов», указывает, что из Чегема (*вариант 1*: рис. 1, *9*) представлена декоративная деталь в виде птицы (*Zierstück in Vogelform*: Thiry, 1939. S. 66. Kat. 1. Taf. 2, *1*), а о находке из Кумбулты (*вариант 1*: рис. 1, *10*) указано только – «птица», без уточнений, что это за изделие (*Vogel*: Thiry, 1939. S. 66. Kat. 2. Taf. 2, *2*).

Наиболее близкие параллели кавказским фибулам в виде птичек с одной головкой можно найти в многочисленных меровингских и аламаннских некрополях второй половины V – второй трети VI в. (Thiry, 1939; Werner, 1961. Taf. 41–43; Legoux, Périn, Vallet, 2009). И хотя общее родство птицевидных фибул очевидно, но тем не менее прямых параллелей кавказским фибулам в Европе нет – у западных брошей другой декор, а в их общей морфологии подчеркнуто наличие крыла, чего нет на кавказских застежках. Но все-таки некоторые малые птицевидные фибулы, в частности принадлежащие меровингским типам 239, 241, 248 (он же тип *Brochon*: Werner, 1961. S. 60. Taf. 41, *210*), напоминают общими очертаниями кавказские застежки (Legoux, Périn, Vallet, 2009. № 239, 241, 248). Имеется сходство формы/силуэта и с некоторыми инкрустированными фибулами гепидов – Берегово (Beregszász), Флорешть (Floreşti/Szászfenes-Polus center), франков – Пикиньи (Picquigny), тюрингов – Веймар (Weimar) (Thiry, 1939. S. 70–72. Kat. 32, 36, 48. Taf. 6, *32, 36, 48*; Rácz Z., 2011. 3. kép., 3).

Стоит упомянуть и хорошо известные роскошные инкрустированные

птицевидные фибулы, но более крупные и несколько другой морфологии и, как правило, имеющие декор в стиле перегородчатой инкрустации. Больше всего они популярны у готов Испании и Италии (Bierbrauer, 1975. S. 121, 122; Ebel-Zeperzauer, 2000. S. 29–31; Rummel, 2007. S. 331–337; Rummel, 2012. P. 51–66), а также известны на Дунае и в Карпатах (Петросса, Апахида) (Harhoiu, 1998. P. 92).

В целом же, количество находок птицевидных фибул в Европе такое большое, что вряд ли можно предполагать независимое/конвергентное появление их на Кавказе и в Северном Причерноморье. Такое практически одновременное появление одного типа украшения на разных и далеко отстоящих друг от друга территориях, свидетельствует, скорее всего, о наличии общего позднеримского прототипа, переработанном в местных традициях как в Восточной Европе, так и на меровингском Западе. Птицевидные фибулы распространялись, также как и многие другие средиземноморские вещи, благодаря распространению и дальнейшей «демократизации» престижной имперской моды.

Надо отметить, что на территории Восточно-Римской империи, собственно Византии, птицевидных фибул очень мало, можно назвать лишь одну роскошную инкрустированную брошь второй половины V в. из погребения в Нове на Дунае (Болгария) (Čičikova, 1997. Fig. III, *12*). Это обстоятельство объясняется скорее всего средиземноморскими погребальными обычаями, когда в лучшем случае в могилу помещали лишь отдельный предмет (Martin, 1988; Martin, 1990. P. 192, 193). Именно поэтому в Галлии практически все малые фибулы-броши, единодушно определяемые здесь как принадлежащие римской традиции, происходят почти исключительно из варварских женских погребений с костюмом германской традиции (Marti, 1990. S. 52–55). Только через погребальный инвентарь варварских погребений можно судить о римском/византийском влиянии.

И если на Западе малые броши, в том числе птицевидные, отражают западную средиземноморскую традицию (Martin, 1994. S. 569–574), то в Восточной Европе их можно связать с восточноримским/византийским воздействием (Ковалевская, 1992. С. 33, 34; Мастыкова, 2009. С. 38). Это предположение подтверждается тем фактом, что на Кавказе в V–VI вв. птицевидные фибулы – не единственный элемент средиземноморского влияния. Здесь также появляются солярные фибулы, «тюрингские» фибулы-броши, ранневизантийские инкрустированные пряжки, ложки-цедилки, буллы и т.д. (Мастыкова, 2009. С. 122, 123). Концентрация изделий средиземноморской традиции в Центральном Предкавказье объясняется скорее всего тем, что здесь формируется к середине VI в. сильный политический центр,

ориентированный на Византию. При этом возникает вопрос, каким образом предметы, связанные с этим византийским импульсом попали в этот регион. Подобных вещей практически нет или очень мало в Абхазии, а также в Западном Предкавказье, то есть на возможных направлениях византийских контактов – из Себастополиса и Питиунта в первом случае, или из Боспора – во втором. Не исключено конечно, что апсилы и протоадыги по каким-то причинам отвергали византийскую моду, подобные случаи известны, однако такое предположение нуждается в более развернутой аргументации.

Можно предположить, что птицевидные фибулы попали к населению Центрального Кавказа, скорее всего через местную варварскую знать, имитирующую престижный имперский убор. Реальным объяснением данной ситуации может быть схема, предложенная П. Переном для распространения больших двупластинчатых фибул дунайской традиции у испанских визиготов: распространение престижной моды происходит через численно небольшую, но социально значимую группу людей, которая археологически практически неуловима (Périn, 1993). Такая группа, например местная знать или даже какие-то мигранты, начинают носить вещи иноземного происхождения, чрезвычайно редко попадающие в землю или представленные в небольшом количестве только в привилегированных могилах, если таковые найдены. В скором времени эти сравнительно немногочисленные инородные изделия начинают копироваться массой рядового населения, так называемым средним классом, они модифицируются, изготовляются уже большими сериями и с этого момента начинают «выпадать» в археологических находках.

* * *

Итак, подводя итог, можно сказать, что кавказские и северопричерноморские птицевидные фибулы принадлежат большой группе застежек, широко распространенных в Европе в середине V – середине VII в. Они имеют общий, скорее всего, позднеримский прототип, и являются отражением интернациональной престижной моды.

Литература

Албегова З.Х., Ковалевская В.Б. 2014. Солярно-зооморфные фибулы Северного Кавказа // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва: ИА РАН. С. 216–219.

Воронов Ю.Н. 2003. Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиума в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
Деопик В.Б. 1963. Хронология и классификация украшений VI–IX вв. (по материалам могильника северокавказских алан в Чми) // Средневековые памятники Северной Осетии. (МИА. № 114) / Крупнов Е.И. (отв. ред.). Москва: Издательство Академии Наук СССР. С. 122–147.
Казанский М.М. 2014. Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция // Stratum plus. № 4. С. 299–336.
Ковалевская В.Б. 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Плетнева С. А. (отв. ред.). Москва: Наука. С. 83–97.
Ковалевская В.Б. 1992. Методические приемы выделения аланских древностей I тыс. н. э. в Закавказье // Аланы и Кавказ (Alanica II) / Тменов В.Х. (отв. ред). Владикавказ; Цхинвал: Северо-Осетинский институт гуманитарнх исследований при Совете Министров Северо-Осетинской ССР. С. 22–50.
Ковалевская В.Б. 1995. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура (Alanica III) / Тменов В.Х. (отв. ред). Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. С. 123–183.
Ковалевская В.Б. 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва: Институт Археологии РАН. 398 с.
Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. Москва: Инстиут Археологии РАН. 502 с.
Уварова П.С. 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Том VIII. 381 с.
Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schtzfunde in Italien. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo. 378 S.
Čičikova M. 1997. La basilique et la necropole paléochrétiennes extra muros de Novae (Mesie I inferieure) // Late Roman and Early Byzantine Sites on the Lower Danube /. Biernacki A., Pawlak P. (eds.). Poznan: Instytut Adama Mickiewicza w Poznaniu. P. 57–69.
Damm I.G. 1988. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet: Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. S. 65–210.
Ebel-Zeperzauer W. 2000. Studien zur Archäologie der Westgoten vom 5.–7. Jh. n. Chr. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern. 410 S.

Harhoiu R. 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 410 S.
Kazanski M., Mastykova A. 2007. Tsibilium: La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C.–VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase): L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 164 p. (BAR. International Series; S1721).
Legoux R., Périn P., Vallet F. 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en-Laye: AFAM. 66 p.
Marti R. 1990. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne; Bibliothèque historique vaudoise. 224 S.
Martin M. 1988. Grabfunde des 6. Jahrhunderts aus der Kirche St. Peter und Paul in Mels SG // Archäoloige der Schweiz. 11. S. 167–181.
Martin M. 1990. Le Haut Moyen Age // Peuples et archéologie. 6ème cours d'initiation à la Préhistoire et à l'Archéologie de la Suisse. Bâle: Société suisse de Préhistoire et d'Archéologie. P. 187–213.
Martin M. 1994. Fibel und Fibeltracht. Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Band 8. Lieferung 5/6. Berlin-New York: Walter de Gruyter. S. 541–582.
Périn P. 1993. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne (Ve-VIe siècles) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Vallet F., Kazanski M. (dir.). Saint-Germain-en-Laye: AFAM. P. 411–424.
Rácz Z. 2011. Madárfibulák a gepida korból // Archaeologiai Értesítő. 136. P. 165–179.
von Rummel P. 2007. Habitus barbarus. Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 481 S.
von Rummel P. 2012. L'Aquila Gotica. Sull'Interpretazione di un Simbolo // La Trasformazione del Mondo Romano e le Grandi Migrazioni / Ebanista C., Rotili M. (eds.). Cimitile: Tavolario Edizioni. P. 51–66.
Thiry G. 1939. Die Vogelfibeln der Germanischen Völkerwanderungszeit. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag. 144 S., Taf.
Werner J. 1961. Die Fibeln der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Band. 1. Berlin: Verlag Gebr. Mann. 68 S. 56 Taf.

Рис. 1.Птицевидные украшения Кавказа и Северного Причерноморья и их параллели

1: Южная Россия; 2: Концешты; 3: Лавиньи; 4: Тамань; 5: Мокрая Балка, погр. 11; 6: Мокрая Балка, погр. 22; 7: Бермамыт, погр 3; 8: Стырфаз, погр. 86; 9: Чегем; 10: Кумбулта; 11: Гвелети; 12: Верхняя Рутха; 13: Мокрая Балка, погр. 25-К; 14: Цибилиум-2, погр. 414. 1–3, 9, 10 – по: Thiry, 1939; 4 – по: Damm 1988; 5–8, 13 – по: Мастыкова, 2009; 11 – по: Албегова, Ковалевская, 2014; 12 – по: Уварова, 1900; 14– по: Воронов, 2003. масштаб к 5–8, 13, 14.

Молев Е.А.
(Н-Новгород)

ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БОСПОРА В МАТЕРИАЛАХ I-V БОСПОРСКИХ ЧТЕНИЙ

Характерной чертой древних сообществ является тесная взаимосвязь этно-генетических процессов с формированием потестарно-политических структур. Для античности эта проблематика особенно важна в плане изучения взаимодействия античной цивилизации с варварской периферией, поскольку итоги этого взаимодействия в различных районах античной ойкумены были, хотя иногда и сравнительно близкими, но никогда одинаковыми.

В процесс формирования Боспорского государства были вовлечены не только эллинские полисы, но и многочисленное, разноэтничное население, проживающее на территории этого государства и в его окрестностях. Степень интенсивности взаимодействия в экономическом и культурном отношении эллинских колонистов и местного населения на территории Боспора относится к числу ключевых проблем истории этого государства. Данная проблематика в разных ее аспектах не раз привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей по истории Боспора. В Отечественной науке она развивается наиболее успешно благодаря ежегодным «Боспорским чтениям» в г. Керчь и проходящему раз в два года в Санкт-Петербурге «Боспорскому феномену».

Разнообразный источниковый материал (данные археологии, лингвистики, нарративной традиции), который представлен и комментирован в материалах «Боспорских чтений» позволяет выявить особенности и тенденции формирования новых этно-политических сообществ в процессе взаимодействия кросс-культурных коммуникаций,

миграционных потоков, локальных и глобальных военных конфликтов. В данном исследовании мы рассмотрим материалы I-V Боспорских чтений, в которых представлен целый ряд этно-политических проблем от времени основания Боспорского государства до его гибели. Важность постановки этих проблем подкрепляется уже тем фактом, что в каждых последующих чтениях этно-политические проблемы рассматривались все чаще, а пятые и вовсе были прямо посвящены этническим процессам на Боспоре.

Начнем с того, что в качестве постановки проблемы этнических процессов на Боспоре общий анализ таковых был предложен А.А. Масленниковым, который отметил, что сами греки на Боспоре «довольно долго не представляли собой абсолютного единства в плане языка, культурных традиций и этнографических деталей», а границы Боспора «не всегда и не везде являлись одновременно административно-военными и этно-культурными рубежами» [Масленников, 2004. С. 241-244]. А кроме того, нельзя не согласиться с мнением автора, что на темпы и характер этнических и культурных процессов на Боспоре влияли столь многочисленные факторы, что и сейчас трудно дать более или менее однозначное этническое определение населения государства, которое Страбон именует «боспоряне». Тем не менее рассмотренные на чтениях материалы конкретных археологических исследований и результаты анализа других видов исторических источников позволяют несколько уточнить наши взгляды на эту проблему.

Одним из таких факторов является характер взаимоотношений греков и варваров, складывавшийся на Боспоре на протяжении нескольких веков. Теоретически типы таковых рассмотрел С.Л. Соловьев, который предложил выделить 5 типов греко-варварских взаимоотношений, существовавших в процессе освоение региона [Соловьев, 2004. С. 333-337]. В ранний период, со 2 п. VII в. до н.э. это были эпизодические встречи, которые при благоприятных обстоятельствах могли перерастать в регулярные сезонные контакты. Позднее происходит процесс инкорпорирования одного или несколько торговцев в состав жителей варварского поселка. Еще позднее появляются торговые фактории и наконец, с возникновением греческим полисов во второй половине VI в. до н.э. появляются типы, скажем так, более мягких взаимоотношений греков с варварами, свойственные ионийцам, и более жестких, свойственные дорийцам. Предложенная типология явно исходит из концепции торгового характера греческой колонизации Северного Причерноморья, которая со времени выхода монографии В.В. Лапина (1966) неоднократно подвергалась критике. Тем не менее, все типы греко-варварских взаимоотношений, предложенные автором, в реалиях существовали, хотя признать

раннеберезанское поселение, Торик и даже Таганрогское поселение (о чем говорить труднее т.к. о его существовании свидетельствует только вещевой материал) как исключительно торговые фактории вряд ли можно. Это, несомненно (по крайней мере, для меня) уже колонии с целью переселения на новое место жительства, а не с целью торговли.

Об этническом составе населения на территории Боспора в период архаики-классики приводят материалы своих исследований несколько авторов. Так, С.А. Шестаков дает первый обзор находок каменного века на территории будущего Боспорского государства (Шестаков, 2002, с. 276-279). В.Н. Зинько в нескольких статьях (Зинько, 2000, с. 61-65; Зинько, 2001, с. 35-41; Зинько, 2004, с. 143-151) характеризует состав населения Нимфея и его хоры. Он отмечает, что вопрос об этносе самый трудный и запутанный и, тем не менее, главным проявлением этнических процессов в IV в. до н.э. является, по мнению автора, с которым нельзя не согласиться, постепенное смешивание различных этнических групп. Но чье влияние было сильнее – эллинизация или варваризация? Автор оставляет это без ответа, хотя отмечает, что «варварское население составляло, вероятно, наиболее значительную массу жителей на большинстве сельских селищ нимфейской хоры, за исключением приморских» (Зинько, 2004, с. 150).

Этнические характеристики по материалам некрополей рассматривают в своих докладах М.Ю. Вахтина (2002, с. 31-35), Чистов Д.Е. (2002, с. 259-265), Толочко И.В. (2003, с. 248-258) и В.А. Хршановский (2003, с. 270-275), Кашаев С.В. (2004, с. 184-190), Сорокина Н.П. и Сударев Н.И. (2004, с. 353-362); по материалам городищ и поселений – Шепко Л.Г., Куликов А.В., Соловьев С.Л. (2003, с. 234-239), Грицик Е.В. (2004, с. 104-108), Зубарев В.Г., Масленников А.А., Крайнева А.А. (2004, с. 158-163); по отдельным видам археологического материала (лепная керамика, зеркала, надгробия) – Незабитковска Б. (2001, с. 100-102), Кашовская Н.В., Кашаев С.В. (2002, с. 132-138), Сидоренко В.А., Зинько В.Н. (2003, с. 219-222), Власов В.П. (2003, с. 56-58).

Данные письменных источников, свидетельствующие об этнических группах населения Боспора рассматривают Кулакова А.П. (2003, с. 148-151) и Завойкина Н.В. (2004, с. 133-136). Все представленные материалы существенно дополняют наши сведения об этнических процессах на Боспоре и позволяют сделать ряд новых важных исторических выводов.

Значительную часть материалов чтений составляют проблемы политической истории Боспора, которые в большинстве случаев так или иначе связаны и с этническими проблемами. Раннему периоду истории Боспора по материалам городищ и поселений посвящены доклады Гаврилова А.В. (2001, с. 25-30), Борисовой В.С. (2003, с. 21-

25), Вахтиной М.Ю. (2002, с. 31-35; 2003, с. 45-50), Толстикова В.П., Журавлева Д.В., Ломтадзе Г.А.

(2003, с. 259-265), Бутягина А.М. (2004, с. 48-53), Гаврилова А.В. (2004, с. 74-82).

Период эллинизма в истории Боспора по материалам раскопок городищ и поселений рассмотрен в докладах Гуленкова К.Л. (2002, с. 78-81), Молева Е.А. (2002, с. 182-187), Глебова В.П. (2003, с. 80-88), Завойкина А.А. (2004, с. 125-132), Чистова Д.Е. (2004, с.391-396), Шевченко Н.Ф. (2004, с. 414-419). Эти материалы подкрепляют исследования в области нумизматики периода, представленные в докладах Куликова А.В. (2002, с. 139-144; 2003, с. 152-159), Мельникова О.Н. (2002, с. 165-181; 2003, с. 174-183; 2004, с. 248-258),

Шонова И.В. (2002, с. 280-283), Аптекарева А.З. (2004, с. 15-18). К тому же периоду относятся доклады Д. Браунда (2003, с. 303-304), предлагающего новый вероятный письменный источник по истории династии Спартокидов и С.Р. Тохтасьева (2001, с. 161-164), анализирующего проблему происхождению титулатуры Спартокидов.

Римский и позднеантичный периоды в истории Боспора также рассмотрены, прежде всего, по материалам археологического изучения городов и поселений. Им посвящены доклады Айбабина А.И. (2000, с. 6-7), Болгова Н.Н. (2001, с. 6-10), 2002, с. 9-15; 2003, с. 15-20), Горончаровского В.А. (2002, с. 68-77; 2004, с. 96-103), Завойкиной Н.В. (2003, с. 100-102), Панова А.Р. (2003, с. 205-209). Эти доклады хорошо дополняют результаты сейсмологических исследований на археологических памятниках Боспора, представленные в докладах Винокурова Н.И. (2002, с. 36-43; 2003, с. 51-55), которые позволяют думать, что определенная часть разрушений и пожаров на Боспоре была вызвана не политическими, а природными причинами.

Кроме того, исследования по истории Боспора в римский период дополняются новыми источниками, представленными в докладах Э.А. Хайрединовой (2001, с. 173-174), А.В. Куликова и О.Д. Чевелева (2004, с. 220-226).

В целом, представленные авторами материалы по истории политических процессов на Боспоре в результате обсуждения их на чтениях получили не только новые обоснования уже устоявшихся точек зрения, но и внесли ряд изменений в их трактовку, а также дали импульс дальнейшим исследованиям в этом направлении.

Вопросы культуры и ее составной части религии, играющие важную роль в формировании новой этно-политической общности – боспоряне, также достаточно широко представлены в материалах чтений. Здесь, прежде всего следует отметить работы А.С. Русяевой о культах Боспора и их связи с классическими греческими культами (2000, с. 130-

134; 2001, с. 122-127; 2002, с. 206-211; 2003, с. 225-233). Вслед за С.Ю. Сапрыкиным автор приходит к выводу, что уже с VI в. до н.э. Деметру и Кору почитали на Боспоре под влиянием элевсинских мистерий. Под влиянием тех же факторов развивался и культ Диониса-Иакха. При этом реальные проблемы политики, по ее мнению, были для греков все же более значимыми, чем религиозно-пропагандистские.

Отдельные проблемы религиозной жизни Боспора в связи с ролью этнических и этно-политических влияний рассмотрены в докладах Н.З. Куниной (2001, с. 69-71), Желтиковой А.Л. (2002, с. 88-94), Ильиной Т.А., Муратовой М.Б. (2002, с. 115-121), Зубарева В.Г. (2003, с. 117-123), Скржинской М.В. (2003, с. 230-233), Зинько Е.А. (2004, с. 152-157). Они существенно расширяют наши представления о характере взаимодействия эллинской и варварских культур на Боспоре и позволяют во многом изменить уже сложившиеся представления о роли культуры и религии в формировании новой этнополитической общности на Боспоре – боспоряне.

С этими же проблемами связаны доклады Хворостяного А.И. (2001, с.) и Зинько Е.А. (2002, с.), посвященные исследованию особенностей росписи боспорских склепов, как исторического источника, касающегося религиозных представлений боспорян в римское и позднеантичное время и влияния на их характер греческих и варварских традиций.

Особо выделяется доклад Е.В. Савостиной (2004, с. 307-312), посвященный культурному самоопределению на этнических и родовых материалах в изображениях правителей Боспора. Автор пересматривает устоявшиеся представления на ряд скульптурных изображений последних и приходит к выводу об их принадлежности иным героям античной истории.

В целом, результаты исследований на Боспорских чтениях показали плодотворность, а главное результативность проводимых на них научных мероприятий. И это подтверждается не только на примере рассмотренных нами проблем в период «первой пятилетки» работы чтений, но и в последующие годы вплоть до настоящего времени. Остается пожелать этому поистине замечательному явлению в научной жизни столь же успешного продолжения без ограничения времени.

Литература

Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.

Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорский чтений. Керчь, 2001.

Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002.
Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.
Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V Боспорские чтения. Керчь, 2004.

Молева Н.В.
(Н-Новгород)

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МУЗЕЙ
(исследования Тиритаки в середине 70-х гг. XX века)

1974 год. Прошло почти четверть века со времени интенсивных и многолетних раскопок на городище Тиритака археологическими экспедициями под руководством В.Ф. Гайдукевича. Вышли из печати десятки трудов, посвященных разным категориям великолепных находок из Тиритаки (Гайдукевич, 1940; Марти, 1941; Ернштедт, 1941; Зограф, 1952; Успенский, 1952; Иванова, 1952; Наливкина, 1958; Белова, 1958; Пругло, 1970 и ряд других). Были опубликованы отчеты об археологических раскопках Тиритаки (Марти, 1941а и 1941б; Гайдукевич, 1941; Книпович, Славин, 1941; Гайдукевич, 1952; Гайдукевич, 1958). Тогда казалось, что на Тиритаке делать больше нечего: исследованы крепостные стены с подземным ходом, комплексы виноделен и рыбозасолочных ванн, городские кварталы и ремесленные мастерские. До того как эстафету раскопок в самом конце XX века примет В.Н. Зинько и сделает на Тиритаке замечательные открытия, дополняющие историю этого города и Боспора, оставалось еще более 20 лет.

Как раз на этот период «безвременья» и приходится исследования Тиритаки 1974-1976 гг. сотрудниками Керченского историко-археологического музея. Эти раскопки не были плановыми. В то время Керченский железорудный комбинат (ЖРК) запланировал

строительство столовой и кафе на западной границе Тиритаки. ЖРК – крупнейшее и богатое предприятие города. Директор комбината Валерий Сергеевич Власов был не только «хозяином» в поселке Аршинцево, одним из первых лиц в городе, но и большим любителем античных древностей и археологии. Он предложил не только субсидировать предварительные раскопки на территории городища, но и выстроить современную музейную пристройку в южной части здания для того, чтобы организовать там музей Тиритаки. Администрация музея приняла это предложение и охранные раскопки в северо-западной части городища начались. Сразу оговорюсь, что само здание, увы, было выстроено на мало исследованной территории городища. Это, конечно, печально. Но многочисленные рабочие аглофабрики и автобазы ЖРК получили возможность вовремя и хорошо питаться, заводоуправление обзавелось прекрасным банкетным залом. Последний был выполнен в строгом римском стиле, со стенами облицованными сиреневым туфом и бронзовыми светильниками в виде факелов. Для музея появился большой, хорошо освещенный зал и двухкомнатная квартира со всеми удобствами для сотрудника. Теперь-то все «пошло прахом» и вопрос «стоила ли овчинка выделки» возникает невольно. Но вернемся к раскопкам.

Наша маленькая экспедиция, возглавляемая Д.С. Кирилиным, состояла кроме него из трех сотрудников музея (Молев Е.А., зам. начальника; Гладкова Т.А. и Молева Н.В. – научные сотрудники). Иногда привлекались для расчисток и свободные экскурсоводы музея. Кроме того рабочие ЖРК с экскаваторами и бульдозерами, стесавшие немало красивых рустов на внешней стороне северной оборонительной стены. В результате было вскрыто 8300 кв. м. площади города. Основные усилия были сосредоточены в северной части городища, примыкающей к северо-западной башне. В нескольких культурных слоях мощностью от 1,5 до 5,5 м. был прослежен вещественный материал с конца VI в. до н.э. по IV в. н.э. Это были амфорные фрагменты с клеймами Синопы, Родоса, Фасоса, Гераклеи (53), 20 монет, 6 терракот. Самым примечательным, на мой взгляд, был хозяйственный комплекс VIII-IX вв. н.э.: остатки жилищ с очагами, жерновами, складами амфор (один из них в виде круглой ямы с радиально выложенными амфорами на вымостке во дворе дома – красиво! Осматривать этот комплекс приехало все заводоуправление ЖРК, а от школьников и ПТУшников не было отбоя.

Кроме того, были прослежены части северной и западной крепостных стен с рустованными блоками на протяжении около 20 м. Были также открыты (фрагментарно) винодельня и рыбозасолочные ванны. Выяснилось, что на протяжении 400 лет в первых веках

н.э. на участке постоянно производились перестройки со следами многократной обмазки и побелки. Существовала в этой части города и значительная открытая площадь, вымощенная известняковыми плитами. Открыто около 95 кв. м. ее территории. На ней был обнаружен железный светильник ладьевидной формы.

К сожалению, результаты этих раскопок опубликованы всего лишь на одной странице в «Археологических открытиях» 1974 г. (Кирилин, Молев, Гладкова. 1975. С. 286). Думается, они были достойны большего. Но вот раскопки, длившиеся 3 месяца, закончены. Современное по тем временам здание столовой с названием «Тиритака» выстроено (фото 1), квартиру при музее получили в 1975 г. Молевы. Молевой Н.В. было поручено разработать тематико-экспозиционный план и построить экспозицию, посвященную городу Тиритака и истории его исследования. Начался новый этап исследовательской работы на Тиритаке.

Приступила я к этой работе с большим энтузиазмом, который разделяли и поддерживали Е.Г. Кастанаян и Н.Л. Грач, начальники Порфмийской и Нимфейской экспедиций. Задуманный экспозиционный план состоял из трех частей. Большое окно, фактически представлявшее собой южную стену зала, было решено сделать витражным, разместив в нем на просвет фотографии 30-40-х гг., иллюстрирующие историю Тиритакской экспедиции. Саму экспозицию было решено сделать в хронологическом порядке: эпоха бронзы – античность – средневековье. Затем – экспозиция под открытым небом, куда должны были войти рыбозасолочные ванны, винодельня и вновь открытый средневековый комплекс. Почти все вещи для такой экспозиции имелись в фондах Керченского музея. Все они были достаточно хорошей сохранности и уникальны. Вот некоторые из них.

Эпоху бронзы представляли знаменитые парные антропоморфные изваяния (Книпович, Славин, 1941, с. 39. Рис. 50-51) и несколько каменных орудий труда (Гайдукевич, 1952. С. 27. Рис. 17). Античность выглядела еще более привлекательно. Из ранней греческой керамики VI – начала V в. до н.э. экспонировались клазоменская амфора, чернофигурный килик, комплекс архаических терракот, а также – вотивная маска того же времени (Гайдукевич, 1952, с. 78-80. Рис. 93-97; Шмидт, 1951, с. 223. Рис. 4). Керамическая пластика IV-I вв. до н.э. была представлена многочисленными и качественными терракотовыми статуэтками (Пругло, 1970, с. 90. Табл. 35-38). Следует отметить и рельефный кубок с изображением подвигов Геракла (Наливкина, 1958, с. 312-313. Рис. 1-3).

Скульптура была представлена мраморной статуей Диониса III в. до н.э. (Соколов, 1973, с. 87. № 81) и мужской головой из известняка

V в. до н.э. (Иванова, 1952, с. 348. Рис. 1-2). Продукция боспорских резчиков по камню воплощалась в двух рельефных надгробиях II в. н.э. (КБН-Альбом, № 907, 909). Нашел место в экспозиции и фрагмент посвятительной надписи, каллиграфически высеченной на белом мраморе (КБН, 901).

Сакральная сторона жизни Тиритаки иллюстрировалась алтарями различной формы. Один из них – мраморный, кубовидный, с профилированным карнизом (Гайдукевич, 1952, с. 123. Рис. 152). Ох и трудно же было его водружать на подиум. Не обошлось и без ненормативной лексики и угроз не заплатить премию рабочим. Затем экспонировался бронзовый штамп для чеканки золотых бляшек с изображениями Афродиты и Эрота (Гайдукевич, 1940; он же, 1952, с. 44-45. Рис. 43-44). Кроме того, были представлены терракоты с изображениями олимпийских богов, многочисленные курильницы и граффити.

Экономическую сторону жизни города демонстрировали амфоры (одна из них с остатками нефти – Успенский, 1952, с. 115), пифосы, монеты в том числе и 2 клада (Зограф, 1951, с. 363-373; Харко, 1952, с. 357-360), зернотерки, жернова, лутерии, фотографии виноделен и рыбозасолочных ванн.

Средневековая экспозиция планировалась и была выполнена в виде графической реконструкции на торцовой стене зала музея: развалины античных оборонительных стен, базилика VI в. н.э., средневековая керамика и поднятая на высоту дорисованной на стене колонны мраморная капитель с крестом. На подиуме выставлялись средневековые амфоры, зернотерки и ряд архитектурных деталей.

Самое удивительное, что музей отдал для этой экспозиции почти все экспонаты, кроме антропоморфных изваяний, статуи Диониса и монет. С изваяний и статуи Диониса в мастерских ЖРК сделали точные копии, передающие фактуру материала. Монеты принесли только на открытие музея.

Оформление экспозиции взяло на себя бюро эстетики ЖРК. По периметру зала был сделан узкий подиум для объемных и тяжелых вещей, засыпанный мелким гравием. Стены, на которых крепились легкие витрины и полки тонировались очень светлыми цветами: серым, сиреневым и кремовым. Самым проблемным было найти хорошие «бытовые» фотографии для витража. Мне дали командировку в Ленинград. Там, по рекомендациям Е.Г. Кастанаян и Н.Л. Грач, я обратилась к фотографу ЛОИА, работавшему с В.Ф. Гайдукевичем на Тиритаке и в Мирмекии. Мне ее назвали как Маро. Думая, что это ее фамилия, я так к ней и обратилась, когда отыскала ее в подвале архива. Она долго смеялась, но признала это имя паролем и приветом

от В.Ф. Гайдукевича (это была Мириам Агоронян). Мы вместе отобрали нужные фотографии и витражи получились замечательными. Надеюсь, что привезенные тогда мной негативы сохранились в фототеке Керченского музея.

Огромную помощь в создании экспозиции музея Тиритаки мне оказала Е.Г. Кастанаян, давшая мне рукопись своей книги «Тиритака», так и оставшейся неопубликованной. Я руководствовалась ее текстом при составлении тематико-экспозиционного плана и оформлении экспозиции. Огромная ей благодарность и светлая память.

Все бы хорошо, но в 1976 г. в музее сменился директор, который очень уж невзлюбил археологию и археологов. Музей Тиритаки отменить он не мог – в сентябре должна была состояться представительная конференция в честь 150-летия Керченского музея древностей. Работы были закончены. Состоялось торжественное открытие музея. Экскурсию для участников конференции провел Е.А. Молев, тогда уже уволившийся из музея и работавший на кирпичном заводе. Я в то время была в командировке. Отзывы о музее были очень хорошие, тем более, что в течение 1976-1977 гг. нами уже было проведено несколько десятков экскурсий для рабочих ЖРК и школьников города. Но постепенно, по распоряжению дирекции, экспонаты один за другим стали возвращаться в фонды Керченского музея. Филиал стал не нужен. Огромные усилия и энтузиазм археологов и сотрудников ЖРК пропали всуе. Обидно, что и слайды музейной экспозиции не сохранились.

Так в 1977 г. закончилась, едва начавшись, история музея Тиритаки. А жаль!

Литература

Белова Л.Н. 1958. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1946-1953 гг. // МИА. № 85.

Гайдукевич В.Ф. 1940. Находки античного бронзового штампа в Тиритаке // СА. Т. VI.

Гайдукевич В.Ф. 1941. О местоположении древней Тиритаки // МИА. № 4.

Гайдукевич В.Ф. 1952. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. № 25.

Гайдукевич В.Ф. 1958. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. // МИА. № 85.

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л., 1981.

Ернштедт Е.В. 1941. Статуэтка Диониса из Тиритаки // СА. Т. VII.

Зограф А.Н. 1952. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. // МИА. № 25.

Иванова А.П. 1952. Голова из известняка, найденная в Тиритаке и вопрос о раннем этапе развития местного стиля боспорской скульптуры // МИА. № 25.

Кастанаян Е.Г. Тиритака. Рукопись.

Кастанаян Е.Г. 1952. Лепная керамика из Мирмекия и Тиритаки // МИА. № 25.

Корпус боспорских надписей. М-Л., 1965.

Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004.

Кирилин Д.С., Молев Е.А., Гладкова Т.А. Раскопки Тиритаки // АО-1974. М., Наука, 1975.

Книпович Т.Н., Славин Л.М.1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки//. МИА. № 4.

Марти Ю.Ю. 1941. Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. № 4.

Марти Ю.Ю. 1941. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн // МИА. № 4.

Наливкина М.А. 1958. Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // МИА. № 85.

Пругло В.И. Терракоты из Тиритаки // Терракоты Северного Причерноморья. САИ. Г1-11. М., 1970.

Соколов Г.И. 1973. Античное Причерноморье. Л.

Успенский В.А. 1952. Исследование древней амфоры с нефтью, найденной в Тиритаке // МИА. № 25.

Харко А.П. 1952. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935-1940 гг. // МИА. № 25.

Шмидт Р.В. 1952. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки // МИА. № 25.

Рис.1. Здание «Тиритака». Фото 1975 г.

Мосягина А.А.
(С-Петербург)

ПОСТУПЛЕНИЯ И ПОТЕРИ АНТИЧНОГО СТЕКЛА (из истории Отдела античного мира Государственного Эрмитажа 1917-1929)

Стекло - один из первых искусственных материалов, которое изобрел человек. Открытие удивительных возможностей при работе с этим веществом шло не один век. Стекло любили и ценили во все времена, в том числе в античную эпоху, когда массивные заготовки и хрупкие изделия перевозили для продажи на тысячи километров. Первые предметы из стекла - бусы, маленькие сосуды для ароматических масел. С изобретением техник прессовки и литья появляются такие формы как блюда, чаши, вазы. Особенно завораживают изделия в технике «миллефиори», которые ценили на вес золота даже римские патриции. С изобретением техники выдувания с помощью трубки стеклянные сосуды появились во многих домах жителей римской империи наряду с их керамическими современниками. Поэтому до наших дней дошло большое количество предметов, изготовленных в те давние времена.

Государственный Эрмитаж обладает одной из богатейших и интереснейших коллекций античного стекла. Формирование этого собрания происходило постепенно. Как и весь материал подобного рода, изделия из стекла в музее разделены на две группы - 1 группа - изделия из раскопок; 2 группа - поступления отдельных предметов или частных собраний через закупочную комиссию или в дар. Во вторую группу входят предметы, поступившие из национализированных частных коллекций. Изучению этой темы долгое время не уделяли внимания по понятным причинам. Сейчас же о судьбе эрмитажных собраний в 20-е гг. начинают говорить, писать, публикуют документы, архивные материалы.

Из истории Императорского Эрмитажа

Первые экземпляры античного стекла попали в Эрмитаж благодаря Екатерине II, которая приобрела Cabinet des Meidailles, где оказалось два сосуда римского времени. В 1792 году в Дрездене она покупает коллекцию директора саксонской Академии художеств Дж.Б.Казановы, куда попал бальзамарий.

В 1833-1834 гг. куплена коллекция доктора Дж. А. Пицатти для Академии художеств, однако в 1851 предметы были переведены в Эрмитаж (*Петракова 2014, с.109*). 28 стеклянных предметов.

Следующая крупная покупка - коллекция графини Лаваль, которая после смерти владелицы в 1850 году перешла ее дочерям и была ими продана Эрмитажу. 28 изделий из стекла. (*Петракова 2013, с. 59)*

В 1884 году Эрмитажем приобретена часть коллекции П. А. Сабурова, вместе с великолепной коллекцией танагр в музей поступило 14 стеклянных сосудов. (*Ходза 2004, с. 166)*

Одна из самых больших коллекций стекла, которая приобрел музей, стала коллекция Юлиуса Христиановича Лемме, одесского купца 1-ой гильдии, члена одесской купеческой управы. Юлиус Христианович также запомнился страстью к коллекционированию, он собирал ювелирные украшения, бронзовые статуэтки, стеклянные предметы, камеи и резные камни, расписные вазы. Благодаря Хранителю древностей Гангольфу Егоровичу Кизерицкому, коллекция Лемма была куплена Эрмитажем в 1893 г., собрание стекла пополнилось 180 сосудами и другими стеклянными изделиями. (*Тихонов 2012, с. 428-429)*

Не менее ценным оказалось приобретение коллекции Александра Васильевича Новикова. (*Кунина 1997, с. 10)* Новиков в своем имении в Эльтигене производил раскопки некрополя Нимфея, а также скупал древности у торговцев антиквариатом. Интересно, что в инвентарных записях помимо указания что предмет получен «из кол. Новикова», всегда помечено место находки: Керчь, Эльтиген, Митридатова гора, Глинище. Эрмитаж приобрел коллекцию в 1900 г. за 15000 руб., в которой более 150 стеклянных предметов. (*Тихонов 2012, с. 428)*

В том же году в Эрмитаж поступила коллекция древних вещей из Ольвии и Аккерамана (совр. Белгород-Днестровский) купца Г. Калло (за 3371 руб. 70 к.), где было несколько изделий из стекла. (*Тихонов 2012, с. 428)*

Помимо приобретения крупных коллекций Эрмитаж покупал отдельные вещи у торговцев древностями, некоторые из которых оставались поставщиками артефактов не одно десятилетие: например, братья Гохманы (жители Очакова, ставшие известными после скандала с тиарой Сайтоферна), Е.Р. Запорожский (Керчь), А.Ф. Эльтерман (держатель лавки древностей в Петербурге) (*Бильвина 2007, с. 17)*,

Нури-бей (антиквар из Константинополя), Сиваджан (торговец из Париж) (*Звучат лишь письмена 2012, с. 575, 582)*. В некоторых случаях в описании в инвентарной книге писали место покупки и год «Ольвия, 1912» или указывали продавца как «куплено у таманского казака».

В Императорский музеум нередко поступали дары - 6 сосудов из Помпей от Великого князя Николая Николаевича (1887 г.), 51 предмет от Патриарха Антиохийского (1909 г.), 2 фрагмента стеклянных изделий от старшего хранителя Кизерицкого (1889 г.) и др.

Приобретения античного стекла в период 1917 - 1929 гг.

После революции Эрмитаж переходит в качестве музея на государственное обеспечение, штат сотрудников увеличивается. В 1917 г. учреждается Совет Эрмитажа, по протоколам заседания которого можно проследить жизнь музея в те нелегкие времена.

Первые два года в протоколах заседаний есть специальная строка - приобретения, в которую заносили предложения о покупке тех или иных коллекций у владельцев или отдельных предметов. Вклад в пополнение Отдела Римских и Греческих древностей внес Оскар Фердинандович Вальдгауэр, заведующий отделом древностей. Помимо других покупок по его рекомендации приобретен в 1917 г. «античный стеклянный сосуд за 250 руб.». (*Журналы заседаний 2001, с. 292)*

В истории коллекции стекла Отдела античного мира это последняя покупка за последующие несколько десятилетий. В 1919 г. на заседании Совета Эрмитажа было объявлено, что «ввиду наступившего кризиса и больших долгов, временно отказаться от приобретений». (*Журналы заседаний 2001, с. 374)* После этого вещи уже не приобретались, а были национализированы или переданы из других структур.

1925 ГОД

Коллекция музея барона Штиглица

Барон Александр Людвигович фон Штиглиц (1814 - 1884) был крупнейшим российским финансистом, промышленником, управляющим Государственным банком России (1860—1866). Он широко занимался благотворительной деятельностью, любил и собирал предметы искусства, на свои средства учредил в Петербурге центральное училище технического рисования для лиц обоего пола с художественно-промышленным музеем при нем и отлично оборудованной библиотекой.

В 1923 г. Петроградское управление научно-художественными учреждениями поставило вопрос о передаче Государственному Эрмитажу музея Училища, который к тому времени находился под управлением Академии художеств, и в 1924 г. это произошло официально. Экспонаты из музея Штиглица перевозили в Эрмитаж до

1941 г. (*Раппе 2006*). В инвентарной описи поступление стеклянных изделий зафиксировано 21.05.1925 г. Помимо прочего, ко многим предметам есть приписка, взятая, видимо, из инвентарных карточек музея Штиглица, о месте приобретения или продавце товара. В собрание барона (букина) попадали предметы из лавок известных антикваров второй половины 19 в., например, Бориса Ихелевича Букселя (владельца собственных магазинов в Крыму, где, в том числе, осуществлялась купля-продажа древностей). (*Букина 2010, с. 69)* Некоторые предметы Штиглиц приобретал в Риме (у некого Пассикоти, если фамилия была переписана верно во время передачи музея). Всего в отдел поступило 32стеклянных предметов.

1926 ГОД

Коллекция С. Г. Строганова

Сергей Григорьевич Строганов (1794 - 1881) - потомок одного из богатейших родов России, государственный деятель, меценат. Помимо военной службы Строганов стал основателем и президентом Императорской Археологической Комиссии. (*Клейн 2014, с. 292-293)* Граф достаточно хорошо разбирался в древностях и за свою жизнь собрал большую коллекцию, в том числе, около 190 стеклянных предметов, которые хранятся в Эрмитаже с 1926 г.

1928 ГОД

Коллекция Иверсена

Юлиус Готлиб Иверсен (1823 - 1900), известный нумизмат, автор многих печатных работ по истории русского медальерного искусства. Состоял на службе в Императорском Эрмитаже в должности старшего хранителя Минц-кабинета. За свои исследования избран членом-корреспондентом Императорской Археологической комиссии, также был членом Одесского обществ древностей и Общества истории и древностей Прибалтийского края. Как и его современники Юлиу Готлиб занимался коллекционированием. (*Иверсен 2008, с. 314)* После его смерти Эрмитаж приобрел его коллекцию западноевропейских монет, а в 1928 г. в отдел Римских и Греческих древностей попали 3 стеклянных сосуда из той части вещей, которые были национализированы.

Коллекция Шуваловой

Графиня Шувалова Елизавета Владимировна (1855 - 1938) происходила из древнего боярского рода Барятинских, в обществе ее больше знали как «Бетси Шувалову», она была супругой Павла Петровича Шувалова - полковника русской гвардии, создателя тайной антитеррористической организации «Священная дружина». Пара жила в Шуваловском дворце, где еще до них, отдавая дань моде на увлечения древностями, собирали коллекцию различных старинных предметов. Павел Петрович и Елизавета Владимировна

активно участвовали в светской жизни. Шувалов умер в 1902 г. от злоупотребления морфием, а через 15 лет графиня покинула дворец и коллекцию и эмигрировала во Францию. Первоначально в здании большевики открыли Музей быта, но вскоре он был ликвидирован, а коллекции разделены между Эрмитажем и Русским музеем. (*Носик 2005, с. 38)* В 1928 г. в инвентарной книге числится 54 предмета из стекла «из кол. Шуваловой».

Коллекция Гамон-Гамана

Георгий Нестерович Гамон-Гаман (1880 - 1964) - датчанин по происхождению, родился в Риге, где окончил реальное училище и рисовальную школу, с отличием оканчивает Академию изящных искусств в Мюнхене, переезжает в Петербург для изучения техники гравюры в Академии художеств. Выставляет свои работы и открывает в Москве студию офорта и гравюры, которая просуществовала до революции. После 1917 г. Гамон-Гаман возвращается в Петроград, где работает художником, но в 1927 г. его арестовывают по обвинению в шпионаже и ссылают в Сибирь. (*Гамон-Гаман 2005)* Как художник Георгий Нестерович старался окружать себя красивыми вещами, поэтому в его коллекции оказались живописные полотна, предметы прикладного искусства. В 1928 г. собрание был национализировано и разделено между Эрмитажем и Музейным фондом, в инвентарную книгу записано 65 стеклянных изделий.

Коллекция Романченко

Николай Филиппович Романченко (1869–1923) - историк архитектуры, действительный член Археологического института. Был председателем Старо-Ладожского церковно-приходского попечительства. Автор нескольких публикаций по археологии, архитектурных ансамблях Петербурга, истории масонства и пр. Благодаря своей собирательской деятельности Романченко обладал большой коллекцией артефактов, часть из которых он даже опубликовал - в 1905 г. издал брошюру «Надписи и девизы на русских печатях моего собрания», где систематизировал заявленный материал по категориям. Через некоторое время после смерти архитектора его собрание, где было 66 стеклянных предметов, переехало в Эрмитаж.

1929 ГОД

Коллекция Прохорова

Василий Александрович Прохоров (1818 - 1882) приехал в Петербург из Орловской губернии. В столице окончил Академию художеств, после чего преподавал историю в морском кадетском корпусе. С 1857 г. Василий Александрович увлекся изучением славянских древностей, издавал художественно-археологический журнал «Христианские древности и археология». Занимался коллекционированием.

(*Прохоров 2008*, с. 579-580) Александр Васильевич (1848 - 1917?) - сын, так же закончил Академию художеств, при Императорском дворе состоял в должности учителя рисования детей великого князя Михаила Николаевича, был хранителем музея Академии художеств. В конце XIX в. Александр Васильевич приобретает деревянный особняк в Шлиссельбурге, в 1913-1916 гг. возглавляет городскую Думу. Но государственные дела не мешают ему продолжать дело своего отца и расширять коллекцию, 15 стеклянных сосудов из которой в 1929 г. поступают в Эрмитаж с пометкой «передано из Горсовета Шлиссельбурга (из б. собр. Прохорова)».

Владельцы коллекций старались собирать целые формы. Больше всего сосудов из стекла - сосуды римского времени «из прозрачного зеленоватого стекла» или «прозрачного бесцветного», «прозрачного синего» и пр., бальзамарии, штофы, кувшины, пиксида с расписной крышкой (из собр. Строганова), фигурные сосуды в виде рыбы *(Кунина 1997, с. 281)*, виноградной грозди *(Кунина 1997, с. 281)*, стакан с рельефным орнаментом *(Кунина 1997, с. 275).*

Меньше было «финикийского» стекла, это всевозможные формы маленьких сосудиков для ароматических масел темного или светлого (за редким исключением) непрозрачного стекла с волнообразным орнаментом - алабастры, амфориски, арибалы, ойнохои *(Кунина 1997, с. 247-253)*.

Совсем немногочисленную группы представляют сосуды, сделанные в технике литья и прессовки - чаши, фиалы *(Кунина 1997, с. 257)*, канфары, тарелки.

Особую ценность даже во фрагментированном виде имели мозаичные стекла, которые, например, лучше всего демонстрирует коллекция Штиглица.

В собраниях коллекционеров были также низки бус, купленные зачастую целиком, браслеты, подвески.

Из истории Эрмитажа 1924-1929 гг.

До 1924 г. музей полностью находился на государственном обеспечении. Штат сотрудников увеличивается в 5 раз. Такая огромная организация требовала немалых расходов.

К 1924 г. государство разрешило музеям самостоятельно зарабатывать деньги, в бюджете Эрмитажа появляется графа «спецсредства», куда входили доходы, полученные в том числе от реализации Госфондов. В категорию Госфондов входили «фонды, не входящие в музейный состав», получается, что это был предметы, поступившие в музей после 1917 г., так как их приказали не включать в инвентари.

Первая выдача в Госфонды произошла в 1925 г.

В 1926 г. была образована комиссия, которая отбирала предметы, после комиссии их еще раз просматривали хранители отделений, чтобы исключить случайности. После этого вещи поступали в Комиссию Госфондов, откуда уже производилась реализацию.

60% суммы после продажи получал музей, предполагалось потратить эти деньги на приобретения экспонатов из рук частных владельцев «для предотвращения их вывоза за границу».

К концу 1927 г. продажа Госфондов была приостановлена, а в январе 1928 г. Совнарком принял постановление о распродажах предметов искусства из музеев на экспорт. Для Эрмитажа был установлен план выдач и сумма, на которую надо было сдать вещи.

В начале 1928 г. начались выдачи на экспорт, к апрелю Эрмитаж предоставил предметы на 1 300 000 руб. Сумма, которую ожидали после реализации, должна была пойти на хозяйственные нужды, зарплату, приобретения экспонатов, печать музейной продукции. Но деньги поступали не полностью.

К марту 1929 г. в Госфонды и на экспорт было выделено вещей на 2 510 971 руб. Но музей не получал сведений дальнейшей судьбе имущества.

В июне 1929 г. для Госторга неудачно прошел аукцион в Берлине, большинство предметов вернулись в Эрмитаж.

Советское правительство сократило доход музеев по спецсредствам в три раза. Были урезаны средства Эрмитажа, выделяемые государством. Музей столкнулся с проблемой - денег на ремонтно-строительные работы не было.

В это же время Госфонды были переданы из Наркомпроса в распоряжение Наркомфина, средства обезличивались и выделялись музеям на неотложные нужды.

А с октября 1929 г. все средства от Госфондов перешли в Госбюджет. (*Соломаха 2004, с. 174-178)*

Потери античного стекла 1920-е гг.

Участь экспонатов, выданных из музея, затронула стеклянные изделия из коллекций, поступивших в 20-е гг. При этом больше всего пострадали коллекции Шуваловой, Романченко, Гамона-Гамана, Прохорова. Пометка в инвентарной записи «передано в экспорт 29.10.1929».

Следует отдать должное комиссии, занимавшейся отбором предметов, так как, судя по сохранившимся описаниям, большая часть - бальзамарии, то есть самый массовый материал. Хотя среди них были сосуды «финикийского стекла», бусины.

Информации о последующих перемещениях предметов нет. Поэтому сотрудники отдела, заранее понимая, что экспонат,

скорее всего, больше не вернется, делали пометки в виде красной прямоугольной рамки с инвентарным номером (который оказывался уже не нужен) внутри.

Помимо красных прямоугольников, которыми пестрят инвентарные тетради, были еще пометки, сделанные тем же красным карандашом, но уже овальной формы. Это те вещи, которые были перераспределены между музеями.

Из Эрмитажа в разное время были небольшие выдачи античного стекла в Омский музей им. Врубеля, в Хабаровск, но больше всего предметов «ушло» в 20-е гг. в Музей керамики. На этом примере можно проследить логику процесса перераспределения музейных экспонатов.

Музей керамики был открыт в 1919 г. в усадьбе Шереметьевых в Кусково. Основным источником пополнения музея был государственный музей фонд, формировавшийся на основе национализированных коллекций.

Музеи, подобные Музею керамики, открывались во многих городах. В документах они названы пролетарскими музеями. Цель - «побудить рабочего стремиться к усовершенствованию своих знаний и к более высоким художественным достижениям».

Эта идеологическая установка требовала от руководителей «рабочих» музеев серьезного подхода к отбору экспонатов. По этой причине директор Музея керамики несколько раз наведывался в Ленинград для отбора произведения, подходящих для выставки в музее-усадьбе Кусково. Таким образом, в 1924 г. «из фондов Эрмитажа было выделено 710 предметов - фарфор, фаянс, стекло». (*Ода стеклу 2014, с. 14-15)* Если обратиться к инвентарным записям, то еще фигурирует 1929 г. Интересно, что Эрмитажу пришлось отдать не только вещи из национализированных коллекций, но и несколько предметов непосредственно из собственных фондов.

Как и в случае с экспортом (только в меньшем количестве), в Музей керамики были отобраны сосуды «финикийского стекла», штофы, бальзамарии, большая часть предметов была римского времени.

Время шло. 20-е гг. сменялись 30-ми. Молодое советское государство продолжало выстраивать свои порядки в музеях. Впереди у Эрмитажа были новые поступления и выдачи экспонатов.

Литература

Бильвина 2007 - Бильвина О. Л. Частное коллекционирование произведений античного искусства в России (вторая половина XIX - первые два десятилетия XX в.) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. искусствоведения. СПб. 2007.

Букина 2010 - Букина А. Г. Коринфские вазы с росписями силуэтного стиля (по материалам из собрания государственного Эрмитажа)// Вестник Томского государственного университета. №341. Культурология. Томск. 2010.
Гамон-Гаман 2005 - Гамон-Гаман – кому знакомо это имя?// газета «Вечерний Мурманск» Вып. №230 от 10 Декабря 2005.
Журналы заседаний 2001 - Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Ч. 1 : 1917-1919 годы. СПб. 2001.
Звучат лишь письмена 2012 - «Звучат лишь письмена...»: к 150-летию со дня родения академика Николая Петровича Лихачева:каталог выставки// Гос. Эрмитаж. СПб. 2012.
Иверсен 2008 - Иверсен, Юлий-Готлиб // Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Т. 6] : Ж - Й. 2008.
Клейн 2014 - Клейн Л. С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1 : [Общий обзор и дореволюционное время]. СПб. 2014.
Кунина 1997 - Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб. 1997.
Носик 2005 - Носик Б. М. Русский XX век на кладбище под Парижем. СПб. 2005.
Ода стеклу 2014 - Ода стеклу : [альбом /вступ. слово: С. В. Авдонин; В. Микитина. Т. Еникеева]. - Москва. 2014.
Петракова 2013 - Петракова А. Е. Античные керамические вазы из коллекции Лаваль в Государственном Эрмитаже: к вопросу о приобретении и изучении// Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXXI. СПб. 2013.
Петракова 2014 - Петракова А. Е. Античные вазы из итальянской коллекции 18 в. в России// Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXXII. СПб. 2014.
Прохоров 2008 - Прохоров Василий Александрович// Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. [Т. 11] : П. 2008.
Раппе 2006 - Раппе Т. В. Западноевропейское прикладное искусство в музее Училища барона Штиглица// Журнал «Наше Наследие», № 77, 2006.
Соломаха 2004 - Соломаха Е. Ю. О спецсредствах Эрмитажа. К истории распродаж в 1920-1930х гг.// Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXII. СПб. 2004.
Тихонов 2012 - Тихонов И. Л. Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий// Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 11. СПб. 2012.

Ходза2004 - Ходза Е. Н. История покупки коллекции П. А. Сабурова. По материалом архива Эрмитажа// Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LXII. СПб. 2004.

Мульд С.А.
(Симферополь)

СКЛЕП УНИКАЛЬНОЙ ФОРМЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ЛЕВАДКИ (Центральный Крым)[1]

Экспедицией Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского под руководством автора, в 2015 году продолжено комплексное изучение позднескифского могильника у с. Левадки Симферопольского района Республики Крым. За 14 археологических сезонов здесь исследовано 191 погребальное сооружение, в том числе: 26 склепов, 22 катакомбы, 94 подбойные могилы, 44 могилы в простых грунтовых ямах, 2 могилы, устроенные в хозяйственных ямах, 3 незаконченных сооружения. По погребальному инвентарю памятник датируется II в. до н.э. – III в. н.э. В этнокультурном плане здесь весьма четко определяются позднескифские и сарматские элементы погребального обряда.

При всем кажущемся однообразии получаемого в ходе раскопок могильника материала, мы периодически сталкиваемся с нестандартными ситуациями, дающими повод к очередным открытиям. Тому подтверждением является склеп уникальной формы, получивший в полевой документации порядковый номер 190. Объект располагался в центральной части могильника и представлял собой конструкцию, сочетающую в себе элементы характерные для двух

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

типов погребальных сооружений могильника – склепов и катакомб.

Катакомбы Левадков состоят из входной ямы, чаще всего прямоугольных очертаний, и вытянуто-овальной погребальной камеры, размеры которой позволяли располагать умерших лишь в двух противоположных направлениях. Осевые линии ямы и камеры параллельны. Часто в катакомбах две погребальные камеры, вырубленные, как правило в противоположных стенках входной ямы. Склепы же имеют Т-образную планировку, в которой осевые линии входной ямы и камеры перпендикулярны друг другу. Ямы вытянутой подтрапециевидной формы, расширяющиеся ко входу в камеру. Камеры имеют различные формы в плане. Они просторны и позволяют совершать захоронения с ориентировкой практически по всем сторонам света. В обоих типах конструкций камеру и яму соединяет узкое входное отверстие и высокая ступенька, ямы плотно забутованы камнем. Склепы камерами ориентированы вверх по склону – юго-восточное направление могильника. Катакомбы с одной камерой в своем большинстве ориентированы вниз по склону в секторе от северо-востока до северо-запада. Судя по материалу катакомбы были первыми сооружениями могильника, склепы начинают сооружать на столетие-полтора позже.

В могиле № 190 входная яма имела пропорциональную прямоугольную форму в плане (рис. 1.1). Ее длина – 2,1 м, ширина – 1,4 м, глубина от современной дневной поверхности – 2-2,3 м. Длинной осью она ориентирована по линии восток-запад. Погребальная камера вырублена в западном борту. Она асимметричной подтрапециевидной формы, вершина которой начинается у входного отверстия и соответствует ширине ямы. Длина камеры – 2,2 м, максимальная ширина – 2,4 м, высота свода – 1,4 м. Дно ямы соединено с полом камеры невысокой (0,3 м) ступенькой. Очень массивная закладная плита, размером 1,15х1,35х0,2 м, установлена в вертикальном положении и расклинена небольшими камнями.

Как видно, входная яма могилы более походит на катакомбный вариант. Для обычных склепов она слишком широкая и короткая, к тому же отсутствуют ступеньки, типичные для последних. На дне ямы зафиксированы остатки сдвинутого в древности костяка лошади со следами от металлических деталей сбруи. Заметим, что погребения лошадей ни разу не фиксировались в склепах могильника. Ориентировка поперек склона также более типична для катакомбных конструкций. Вместе с тем, погребальная камера вместительная и погребенные, вероятней всего, лежали вытянуто вдоль центральной осевой могилы. В целом конструкцию можно считать неким переходным вариантом от катакомбы к склепу. Тому подтверждением служит и датировка комплекса.

Камера была ограблена как минимум дважды. Собранные в ее заполнении кости принадлежали двум индивидуумам. Из инвентаря сохранились только золотая сережка в виде стилизованного изображения живого существа (голова льва, грифон или рыба) и гончарный красноглиняный миниатюрный сосуд (рис. 1.2,3). Обе находки имеют аналогии на Неапольском и Беляусском могильниках и позволяют датировать склеп №190 временем близким к рубежу II – I вв. до н.э.

В качестве аналогии рассматриваемому склепу можно с определенной оговоркой привести могилу из Левадков №100. Нестандартная конструкция ее не была должным образом интерпретирована из-за плохой сохранности. Входная яма частично уничтожена крутым склоном балки, на краю которой она расположена. В погребальную камеру со свода было совершено позднее подзахоронение, а затем проникли грабители, тем самым разрушив свод. И тем не менее, ее входная яма широкая и возможно была короткой, камера, вытянутая подрапециевидная, продолжает ось ямы. В нетронутой грабителями забутовке входной ямы было найдено множество предметов включая фибулы, золотые пронизи, датирующие комплекс довольно широко I в. до н.э. – I в. н.э.

Рассмотренный склеп предоставляет новые данные для понимания процессов изменений в погребальном обряде позднескифского общества. Новые исследования памятника, позволили бы их уточнить и конкретизировать.

Рис. 1. Могильник Левадки. План, разрезы и находки из склепа №190.

Науменко В.Е., Душенко А.А.
(Симферополь)

К ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАНГУПА. РАСКОПКИ Р.Х. ЛЕПЕРА В 1912-1914 ГГ. (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа)[1]

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых «пещерных городов» Юго-Западного Крыма. Его археологическое изучение начато еще в середине XIX в. небольшими раскопками графа А.С. Уварова (Уваров, 1910, с. 14-15). В дальнейшем они периодически возобновлялись работами приват-доцента Санкт-Петербургского университета Ф.А. Брауна в 1890 г. (Браун, 1890, л. 1-34), директора Херсонесского музея Р.Х. Лепера в 1912-1914 гг. (Лепер, 1913а, с. 266-269; 1913б, с. 73-79, 149-154; 1914, с. 297-300; Лепер, Моисеев, 1918, с. 72-84) и совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. (Веймарн, 1953, с. 419-429; Тиханова. 1953, с. 334-389; Якобсон, 1953, с. 390-418). С 1967 г., с момента создания Мангупской археологической экспедиции на базе Симферопольского педагогического института (ныне Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского), раскопки городища приобрели систематический характер, будучи направленными не только на доследование крупных архитектурно-археологических комплексов (цитадели на мысе Тешкли-бурун, дворца, трехнефной базилики, синагоги, храмов Св.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10159 «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV-XVII вв. н.э.)»

Константина и Св. Георгия), изучение которых было начато нашими предшественниками и осталось, по разным причинам, незавершенным, но и на исследование новых памятников (линий оборонительных стен, жилой и хозяйственной застройки, производственных центров, некрополей) на территории Мангупского плато и его ближайшей округи.

За многие годы исследований Мангупа накоплен значительный массив археологического материала, публикация которого являются, пожалуй, наиболее важными задачами современного этапа изучения городища. Нужно сказать, что результаты раскопок археологических объектов последних лет в целом оперативно вводятся в научный оборот. Менее известны материалы исследований середины XIX – начала XX вв., которые, по сути, позволили не только сформировать современные представления о топографии крепости в различные периоды ее истории, установить архитектурно-топографические доминанты городища, но и привлечь на долгие годы внимание специалистов к этому уникальному памятнику средневекового Крыма.[2] Скептицизм исследователей, обращавшихся к ним, на первый взгляд, вполне понятен. Слабая методика ведения раскопок, недостаточная графическая и фотофиксация объектов изучения, отсутствие полной описи находок, значительные лакуны в сохранившихся коллекциях артефактов в фондах музеев – реалии, которые нужно учитывать в работе. Тем не менее, изучение археологических коллекций из ранних раскопок городища не выглядит безнадежным занятием и способно привести к качественному научному результату. В настоящей работе мы попытаемся подтвердить это заключение на примере анализа коллекции из раскопок Мангупского городища Р.Х. Лепером в 1912-1914 гг., хранящейся в фондах Государственного Эрмитажа.

В публикациях об исследованиях Р.Х. Лепера на Мангупе известно немного, хотя их общий ход и круг археологических объектов восстанавливается вполне определенно. Раскопки велись в течение трех полевых сезонов (1912-1914 гг.), обычно ранней осенью, вплоть до отстранения директора Херсонесского музея от исполнения своих обязанностей и отъезда из Севастополя. Их причиной, о которой сообщает сам Р.Х. Лепер, послужила информация о договоренности между владельцем земель, на которых располагалось городище, И. Крымтаевым и севастопольским купцом и коллекционером А.Я. Гидалевичем на право проведения последним раскопок в крепости. При этом А.Я. Гидалевич имел возможность оставлять для своих нужд половину находок. Предложение Р.Х. Лепера о совместных

[2] О раннем этапе археологических исследований Мангупа подробнее см.: Герцен, 2008, с. 228-246.

работах на Мангупе, на условиях равных затрат на их проведение и распределения находок пополам, было принято А.Я. Гидалевичем (Лепер, 1913б, с. 73). К сожалению, сам руководитель раскопок бывал на Мангупе редко, фактически перепоручив их ведение опытному рабочему Херсонесского музея Н.З. Федорову, что сказалось, безусловно, на качестве анализа и обработки получаемого материала. Тем не менее, работы носили масштабный характер, особенно в 1912-1913 гг., затронув практически все ныне известные крупные архитектурно-археологические комплексы городища **(Рис. 1).**

Одним из наиболее важных объектов раскопок Р.Х. Лепера стала Большая базилика в центральной части Мангупского плато, открытая еще в 1890 г. Ф.А. Брауном. В процессе работ впервые были установлены полные контуры и основные архитектурные компоненты памятника (три нефа с колоннадами, северная и южная галереи, нартекс, центральная апсида с синтроном, южная апсида, солея), составлен его общий план. Исследования сопровождались раскопками многочисленных погребальных комплексов внутри храма. Для дальнейшего изучения базилики и в целом истории Мангупа важное значение имеют эпиграфические находки, особенно фрагмент плиты с именем византийского императора Юстиниана I (527-565) и надпись 1361-1362 гг. с упоминанием о работах по восстановлению города Феодоро и строительству некоей Пойки, произведенных гекатонтархом Хуйтани (Латышев, 1918, с. 18-19, рис. 1; Малицкий, 1933, с. 9-14, рис. 2).

Другим центральным объектом исследований 1912-1914 гг. стал дворец правителей княжества Феодоро. В ходе раскопок был составлен общий план комплекса на площади более 1000 кв. м, включавший, на момент завершения работ, девять архитектурных комплексов – оборонительную башню (помещение A), большое двухэтажное здание (C), две галереи с колоннадами (B и F), а также ряд вспомогательных помещений (D, E, G, H, I) (Лепер, 1913б, с. 149-154, рис. 5). Время строительства дворца справедливо увязано с датировкой строительной надписи 1425 г. с именем князя Алексея, выявленной при раскопках башни в 1912 г. (Малицкий, 1933, с. 33-35, рис. 10].

Наконец, третьим важнейшим районом исследований Р.Х. Лепера являлся мыс Тешкли-бурун с прилегающей территорией Мангупского плато. В цитадели были полностью раскопаны ее двухэтажная башня-донжон (Лепер, Моисеев, 1918, с. 79-80) и так называемая «гарнизонная церковь» (Лепер, 1913б, с. 154, рис. 9), завершены начатые Ф.А. Брауном исследования октагонального храма.[3] За пределами цитадели раскопки проводились, прежде всего, на площади церкви Св.

[3] Подробнее см.: Герцен, Науменко, 2010, с. 229.

Георгия и ее некрополя в верховьях мыса Елли-бурун, где был найден фрагмент плиты с рельефным изображением Св. Георгия Победоносца, что дало возможность отождествить храм с одноименной церковью, которую видел Мартин Броневский в 1578 г. (Лепер, 1913б, с. 74-75). Кроме того, сохранились краткие упоминания Р.Х. Лепера о расчистках пещерного монастыря с фресками на южном склоне Мангупа (Лепер, 1914, с. 299), скальных гробниц над главными воротами в крепость и на эспланаде цитадели.

Помимо базилики, дворца и памятников в округе цитадели раскопками 1912-1914 гг. были охвачены объекты в районе балки Табана-дере, связанные с жизнью караимской общины Мангупа. Главное внимание здесь, безусловно, были приковано к синагоге и караимскому некрополю. Однако, в одном из предварительных сообщений Р.Х. Лепер упоминает также о расчистке пещерной церкви с калиткой у оборонительной стены в Табана-дере (Лепер, 1913б, с. 76), которая ныне уверенно отождествляется с так называемым «Северным монастырем» городища (Герцен, Могаричев, 1996, с. 26-30).

Несмотря на значительный объем работ 1912-1914 гг., подробный отчет об их результатах так и не был подготовлен. Краткие сообщения о ходе раскопок, опубликованные в Известиях ИАК и протоколах заседаний ТУАК, не компенсируют этот пробел. Позднее Л.А. Моисеев, преемник Р.Х. Лепера на посту директора Херсонесского музея, попытался дать обзор результатов исследований на Мангупе в 1913-1914 гг. в специальной публикации, основываясь на записях полевых дневников, сообщениях участников экспедиции и личных впечатлениях в процессе осмотра археологических объектов. Однако, и здесь текст изобилует лакунами, как, например, при описании работ 1914 г. на дворце. Ценность этой статьи заключается в большом количестве уникальных фотографий, на которых запечатлены исследованные археологические памятники и таблицы наиболее ярких находок (Лепер, Моисеев, 1918, с. 72-84). Одновременно В.В. Латышевым издано шесть фрагментированных надписей, в том числе уже упомянутая с именем императора Юстиниана I (Латышев, 1918, с. 17-21). Дальнейшая судьба материалов раскопок Р.Х. Лепера на Мангупе восстанавливается по материалам архивных и фондовых собраний, сохранившихся в музеях Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга.

Нам не известно, были ли выполнены условия соглашения между Р.Х. Лепером и А.Я. Гидалевичем в части передачи последнему половины находок из проведенных на Мангупе раскопок. Во всяком случае, об этом нигде не упоминается в архивных и опубликованных материалах. В отношении же коллекции, связанной с именем Р.Х. Лепера, можно уверенно говорить, что вся она по завершении работ

вначале оказалась в Херсонесе. Сюда же была передана полевая документация экспедиции (дневники, рабочие чертежи, фотографии), которая до сих пор хранится в музее (см. научный архив ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (далее – НА ГИАМЗ ХТ), дела №№87а, 90, 107, 108, 123, 129, 143, 144, 560, 1527).

Однако, еще самим Р.Х. Лепером в феврале 1914 г., очевидно, наиболее яркая часть коллекции из раскопок 1912-1913 гг. была отправлена в Санкт-Петербург (всего 287 предметов согласно описи) (НА ГИАМЗ ХТ, дело №123, л. 2-5). Ныне значительная ее часть хранится в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Средней Азии Государственного Эрмитажа (коллекция №1808; всего 233 предмета, объединенные в 177 инвентарных номера).[4] Основная же группа предметов оставалась в Херсонесе до 1938 г., когда она была передана в фонды формирующегося Музея «пещерных городов» в Бахчисарае (НА ГИАМЗ ХТ, дела № 107 и 108). В настоящее время Бахчисарайская коллекция, совершенно не известная в литературе, насчитывает несколько тысяч артефактов, сгруппированных в 1396 инвентарных номера. До конца не ясной остается судьба лапидарных коллекции из раскопок 1912-1914 гг. на Мангупе. Скорее всего, большая часть ее, на момент передачи в Бахчисарай, осталась на хранении в Херсонесе.

Обращаясь к Мангупской коллекции в Государственном Эрмитаже, нужно заметить, что она практически не введена в научной оборот. Опубликованы лишь фрагмент погребальной пелены из грубой ткани с золотой канителью из раскопок, очевидно, базилики (Новицкая, 1967, с. 287-288, рис. 4) и частично группа глазурованных сосудов, связанных с изучением дворцового комплекса 1425-1475 гг., хотя и без точной привязки к объектам исследований на его площади (Даниленко, Романчук, 1969, с. 116-117, 122-123 (группа II, тип 2), табл. 2; Мыц, 1991, с. 100-102, рис. 42, *1-7*, 43-45; 2005, с. 294-295, рис. 2, *5-6*, 5-6, 9; Залесская, 1993, с. 370-374; 2011, с. 217-220, № 451-456). Однако, информативные возможности коллекции представляются значительно большими.[5]

[4] 22 предмета находятся на временном хранении в Отделе Востока либо в экспозиции музея. При этом нужно отметить, что в Эрмитаж находки поступили в два этапа – из ИАК в 1915 г. (142 из 177 номеров по описи) и ГАИМК в 1925-1926 гг.

[5] Выражаем искреннюю признательность А.Г. Фурасьеву, хранителю археологической коллекции Р.Х. Лепера в Государственном Эрмитаже, за помощь в работе с ней

По материалу, хранящиеся в Эрмитаже находки, можно разделить на 11 групп, количественные характеристики которых представлены в сводной **таблице №1:**

№ п/п	Наименование	Ко-во (шт.)
1	Изделия из драгметаллов	67
2	Изделия из бронзы	12
3	Изделия из железа	43
4	Изделия из стекла	5
5	Бусы из различных материалов	14
6	Изделия из кости и рога	27
7	Изделия из ткани	2
8	Курительные трубки	18
9	Неполивная бытовая керамика	6
10	Глазурованная керамика	36
11	Фаянсовые сосуды	3
	Всего:	**233**

Комментируя ее, остановимся лишь на некоторых моментах. Самая многочисленная категория изделий из золота и серебра состоит, главным образом, из украшений и деталей костюма (серьги, кольца, пуговицы, цепочка из звеньев крученой золотой проволоки с бусинами синего пастового стекла). Группа предметов из железа включает инструменты (ножницы, долото), бытовые (поясные пряжки, иглы, ножи, детали замков, ключи, подковы) и культовые (кресты) предметы, немногочисленное оружие (лезвие сабли, дротик и наконечники стрел). Поливная керамика представлена, в основном, красноглиняными сосудами, покрытыми монохромной (желтой) либо полихромной (желтой с зеленой или коричневой подцветкой) глазурью, с орнаментом в технике «сграффито», изготовленными в гончарных центрах полуострова в XV в. (группы «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware»). Выделяется серия мисок и тарелок с монограммами в виде греческих букв «хи» и «тау» (ТХ; №№1808/70, 83-87, 93-94). Импортная керамика представлена поздневизантийской (группы «Glazed White Ware IV» (№1808/21), «Monochrome (Yellow) Sgraffito Ware» с монограммой «Димитрий» (№1808/89), «Slip-Painted Ware» (№1808/81) и «Monochrome (Blue) Ware» (№1808/91)) и раннеосманской поливной посудой (группа «Miletus Ware»), более поздними по времени бытования глазурованными изделиями группы

«Polychrome Marbled Ware» и фаянсом «Iznik Ware» и «Kütahya Ware».

Большая часть предметов из Эрмитажной коллекции Р.Х. Лепера, которая поддается достаточно точной атрибуции, в том числе хронологической, относится к поздним периодам в истории Мангупа (второй половине XIV-XVIII вв.). Это наблюдение объясняется довольно просто. Основными объектами исследований в 1912-1914 гг. являлись памятники, где культурные горизонты этого времени лучше всего представлены – базилика, дворец, синагога, цитадель, церковь Св. Георгия, на что уже неоднократно указывалось в литературе (Герцен, Науменко, 2015, с. 88-100).

Одной из важнейших задач нашей работы является установление, по возможности, максимально точной атрибуции предметов коллекции. Описи Эрмитажа позволяют соотнести с известными объектами исследований 123 из 177 (около 70%) инвентарных номеров фондового собрания, что отражено в **таблице№2:**

№ п/п	Наименование	Ко-во (инв.№№)
1	Базилика	83
2	Дворец 1425-1475 гг.	25
3	Некрополи на эспланаде цитадели и над главными крепостными воротами	8
4	Донжон цитадели	3
5	«Малый храм» (октагон)	3
6	Церковь св. Георгия	1
7	Не определено	54
	Всего:	**177**

Из таблицы видно, что далеко не все объекты исследований 1912-1914 гг. нашли отражение в описи находок (синагога, караимский некрополь и Северный пещерный монастырь в балке Табана-дере, Южный пещерный монастырь и «гарнизонная церковь на мысе Тешкли-бурун). Для остальных находок также проблематичной является установление более точного археологического контекста, чем просто констатация их привязки к названию отдельного памятника или комплексам на его площади. К примеру, шифры предметов из раскопок базилики, в лучшем случае, содержат надписи «могила за алтарной апсидой», «могила с южной стороны алтаря» и т.д. При отсутствии точного плана раскопа этого явно недостаточно, чтобы оценить точные стратиграфические условия обнаружения артефактов. Исключением в этом смысле являются 12 поливных сосудов (№№ 1808/83-94),

найденных, согласно описи, в «яме ниже пола «дворца» с надписью 1425 г.». Сопоставление этих данных с архивными материалами Р.Х. Лепера и результатами новейших раскопок памятника неожиданно позволяют точно атрибутировать комплекс.

Серия глазурованных сосудов из «ямы» Р.Х. Лепера состоит из нескольких, по происхождению, групп изделий. Девять мисок и блюд (группы «Monochrome Sgraffito Ware» и «Polichrome Sgraffito Ware») представляют продукцию местных гончарных центров, изготовленных, очевидно, в середине – третьей четверти XV в. Семь из них на внутреннем поле изделий имеют монограмму «ТХ», традиционно встречающуюся на памятниках княжества Феодоро в горном и южнобережном Крыму (Мыц, 1991, с. 94-96, рис. 43-45).[6] Еще два сосуда, несомненно, византийского происхождения – миска группы «Monochrome (Blue) Ware» (Мыц, 1991, с. 93, рис. 42, *1*) и фрагмент дна сосуда на кольцевом поддоне, покрытого монохромной желтой глазурью, с монограммой, которая обычно расшифровывается как «Димитрий» (Мыц, 2005, с. 297, рис. 1, *1*). Наконец, засыпь ямы содержала раннеосманскую тарелку с подглазурной росписью кобальтом («Miletus Ware») (Мыц, 1991, с. 93, рис. 42, *7*). Такие изделия, производившиеся в Изнике, обычно встречаются на памятниках Крыма в комплексах 1450-1475 гг.

В кратких сообщениях Р.Х. Лепера о результатах раскопок содержатся упоминания о двух раскопанных на дворце ямах. Одна, пристроенная к восточной стене помещения С, обозначена литерой G и интерпретирована как «ретирад для верхнего этажа» (туалет) (Лепер, 1913, с. 152). Вторая яма, открытая в северо-западном углу помещения Н, содержала «массу поливных черепков, среди них много от чаш с желтой поливой и крупными вдавленными коричневыми знаками в виде буквы Х». Упомянута также тарелка с подглазурной росписью синего цвета («Miletus Ware») (Лепер, 1913, с. 153). В сопроводительном письме Р.Х. Лепера в ИАК, приложенном к ящику «мангупских древностей» (НА ГИАМЗ ХТ, дело №143, л. 20), вновь отмечены *фрагменты поливных сосудов с монограммой «ТХ», происходящие из ямы в помещении Н*. Таким образом, анализ архивных материалов позволяет установить точное происхождения серии поливных сосудов из раскопок Мангупского дворца в 1912-1914 гг., хранящихся в Эрмитаже.

Помещение Н, входившее в комплекс Мангупского дворца, было

[6] В.Л. Мыц, впервые опубликовавший данную группу поливных сосудов, указал на их происхождение с площади раскопок дворца, но не обратил внимания на дополнительные сведения описи Эрмитажа

полностью доследовано в 2008-2009 гг.[7] Оно представляет собой прямоугольную постройку размерами 7,60 х 5,30 м, отделенную узким простенком от двухэтажного жилого здания (помещение С) **(Рис. 2, *1*).** В северной части помещения Н открыты два сооружения – «очаг» и интересующая нас яма Р.Х. Лепера, получившая в процессе работ обозначение «ямы №34». Яма №34 округлая в плане, диаметром 1,50-1,70 м и общей глубиной до 1,43 см. Контур выложен кольцевой однорядной бутовой кладкой на известковом растворе. Верхний слой заполнения фактически представлял собой «слой отвала» из раскопок 1912 г. мощностью до 1,00 м, нижний горизонт остался непотревоженным. Из него происходит еще одно дно от византийского глазурованного сосуда с монограммой «Димитрий» **(Рис. 2, *2*).** Следует отметить, что помещение Н содержит узко датированный комплекс керамических и нумизматических находок в пределах 1462-1475 гг. (датирующие монеты – акче хана Хаджи-Гирея (1441-1466) выпусков 1453 и 1462 гг.), погибшее в пожаре 1475 г., связанном с турецкой осадой в истории Мангупского городища. Этой датировке не противоречит материал из заполнения ямы №34, который, в результате наших архивных изысканий, может быть уверенно отнесен к числу наиболее показательных керамических комплексов финального этапа жизни княжества Феодоро (около 1450-1475 гг.). Особо обратим внимание на сочетание в нем разнообразных глазурованных сосудов местного производства с монограммой «ТХ» и раннеосманских поливных изделий группы «Miletus Ware».

В заключение, отметим, что изучение археологических материалов из раскопок Р.Х. Лепера на Мангупе, хранящихся в архивах и фондах музеев Севастополя, Бахчисарая и Санкт-Петербурга, находится еще на начальном этапе. Однако, уже их первичный анализ позволяет надеяться на ряд серьезных открытий в будущем, которые помогут лучше представить общий ход и результаты раннего периода изучения городища.

Литература

[Браун Ф.А.] Отчет об археологических исследованиях Ф.А. Брауна в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890.

Веймарн Е.В. Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. №34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л., 1953.

[7] Выражаем признательность руководителю Мангупской археологической экспедиции А.Г. Герцену за возможность использовать в работе неопубликованные материалы раскопок дворца в 2008-2009 гг.

Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангупа. Симферополь, 1996
Герцен А.Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // БИАС. 2008. Вып. 3.
Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // ТГЭ. T.LIII. Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII вв.: материалы международного семинара. СПб., 2010.
Герцен А.Г., Науменко В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // XVI Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум». Материалы конференции. Керчь, 2015
Даниленко В.Н., Романчук А.И. Поливная керамика Мангупа // АДСВ. 1969. Вып. 6
Залесская В.Н. Балканская поливная керамика в Северном Причерноморье в позднее средневековье // Преслав. София, 1993. С. 370-374
Залесская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX-XV вв. Каталог коллекции. СПб., 2011
Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России // ИАК. 1918. Вып. 65.
Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913а. №49.
Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИАК. 1913б. Вып. 47.
Лепер Р.Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р.Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. №51.
Лепер Р.Х., Моисеев Л.А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913-1915 гг. Пг., 1918.
Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71
Мыц В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. Киев, 1991
Мыц В.Л. Историко-культурный контекст некоторых букв, монограмм и надписей на поливной керамике Крыма XIV-XV вв. // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Киев, 2005.
Новицкая М.А. Орнаментальная вышивка средневекового Крыма // ЗОАО. 1967. Т. II (35)
Тиханова М.А. Базилика // МИА. №34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л., 1953.
Уваров А.С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М., 1910
Якобсон А.Л. Дворец // МИА. №34. Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес, Мангуп). М.-Л., 1953.

Рис.1. Общий план Мангупского плато с указанием объектов исследований 1912-1914 гг. 1. «Гарнизонная церковь». 2. Октагональная церковь. 3. Башня-донжон цитадели на м. Тешкли-бурун. 4. Христианский некрополь на эспланаде цитадели. 5. Христианский некрополь над Главными крепостными воротами. 6. Церковь Св. Георгия. 7. «Южный пещерный монастырь». 8. Большая трехнефная базилика. 9. Дворец 1425-1475 гг. 10. Синагога. 11. «Северный пещерный монастырь». 12. Караимский некрополь в Табана-дере.

Рис.2. Дворец. I. Помещение Н. Общий план по завершении раскопок.II. Фрагмент глазурованного сосуда с монограммой «Димитрий» из раскопок ямы №34 (2009 г.)

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю.
(Симферополь; Керчь)

К ДИСКУССИИ О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕРКВИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В КЕРЧИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

В 1829 г., после того как была разобрана генуэзско-турецкая крепость единственным, к тому же хорошо сохранившимся средневековым памятником на территории Керчи осталась церковь Иоанна Предтечи. В настоящее время она представляет собой сложный эклектичный храмовый ансамбль, сложившийся окончательно после нескольких перестроек только к концу XIX в. Однако, ее древнейшая часть (восточная), по-прежнему служит классическим образцом крестово-купольного храма средневизантийского периода. Под своим современным названием церковь стала фигурировать в официальных документах только с 70-х гг. XVIII в. До этого, по крайней мере, на момент посещения Керчи в 1634 г. префектом Кафы и Татарии Эмиддио Дортелли Д'Асколи, она именовалась церковью Святого Георгия. Но была ли она освящена в честь этого святого сразу после своей постройки, остается пока нерешенной загадкой, поскольку вплоть до 30-х гг. XIV в. памятник не упоминается в письменных источниках. Дискуссионным на протяжении уже более чем двух столетий остается и вопрос времени сооружения храма.

Церковь Иоанна Предтечи обратила на себя внимание ученых и путешественников еще в конце XVIII в., но ее предварительное историко-архитектурное обследование были произведено только во второй половине XIX в., вначале И.С. Рыдзевским (1867 г.), затем А.А. Авдеевым (1884 г.). В конце XIX – начале XX вв. к изучению архитектурных особенностей храма, обоснованию даты постройки и составлению плана его реставрации обращались также Н.П. Кондаков, П.П. Покрышкин и Н.И. Брунов.

Во второй половине прошлого столетия церковь Иоанна Предтечи впервые стала изучаться как комплексный архитектурно-археологический памятник. Раскопки и шурфовки внутри храма, а также на прилегающих к нему участках плитового христианского некрополя проводились с перерывами в течение 1949–1988 гг. П.Д. Барановским, М.А. Фронджуло, Е.В. Веймарном, Т.И. Макаровой, Д.С. Кирилиным и В.Н. Холодковым. Архитектурный ансамбль церкви, вопросы ее датировки и строительной периодизации рассматривались в работах Ю.С. Асеева, А.Л. Якобсона, О.И. Домбровского, Ю.Г. Лосицкого и А.И. Комеча. Итоги более чем столетнего периода изучения памятника частично подведены Т.И. Макаровой, в работах которой впервые была предложена его археологически обоснованная дата – в целом рубеж IX-X вв. Однако дискуссия относительно времени сооружения церкви на этом не исчерпала себя. На сегодняшний день, существующие гипотезы о времени возведения церкви охватывают период между VIII и XIV вв., при этом едва ли не все предлагаемые исследователями даты обозначились как предмет научных споров уже в середине – конце XIX в.

Изначально церковь датировалась большинством исследователей в пределах VIII в. В качестве единственного, но весомого аргумента использовалась граффити с эпитафией некоему Кириаку 757 г., сохранившая на северо-западной колонне храма. Вслед за П.И. Сумароковым (1799 г.) в XIX – начале XX вв. этой точки зрения поддерживались Ф. Дюбуа де Монпере, М. Кларк, А.Б. Ашик, И.С. Рыдзевский, А.А. Авдеев, Д.И. Иловайский, Ф.К. Брун, А.А. Сибирский, В.Г. Васильевский, Ю.А. Кулаковский.

Альтернативная точка зрения была высказана еще в 30-е гг. XIX в. Н.Н. Мурзакевичем. Вопреки сложившемуся мнению, он предположил, что колонна с вырезанной на ней эпитафией Кириака вместе с другими мраморными архитектурными деталями была демонтирована из какого-то иного, более раннего и разрушенного на тот момент, мало-азийского храма и перевезена на Боспор. Соответственно, керченскую церковь Иоанна Предтечи, «по наружному виду и внутреннему расположению», он отнес к X в. Однако, предложенная им дата, за редким исключением, осталась практически незамеченной современниками. Позднее Н.Н. Мурзакевича поддержал Н.П. Кондаков, предложивший по «подвышенным сводам, узким боковым нефам и трем полукруглым апсидам» датировать памятник IX или IX–X вв. К сожалению, в своих работах оба исследователя не изложили развернуто свою аргументацию, ограничившись несколькими общими фразами, своего рода констатацией собственных наблюдений.

Еще одна нетрадиционная гипотеза о времени сооружения церкви

Иоанна Предтечи, в пределах XII в., была предложена И.Я. Павловским, автором «Географии Российской империи» (1843 г.). Спустя несколько десятилетий независимо от него к такому же выводу пришел А.Л. Бертье-Делагард, определивший время постройки церкви не ранее XII в. или XIII в. Однако, как и большинство его предшественников, свою точку зрения исследователь не аргументировал. Более того, в одной из последних своих работ (1918 г.) он предположил, что церковь функционировала уже в период правления в Тмутаракани князя Глеба, иными словами, была возведена не позднее 60-х гг. XI в. Таким образом, к началу XX в. сложились три гипотезы о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи – VIII в., IX–X вв. и XII–XIII вв.

Новый этап дискуссии открывает доклад Н.И. Брунова на Всесоюзной археологической конференции в Керчи в 1926 г. Спустя два года его полный вариант был опубликован в «Византийском временнике». В этой работе особое внимание автором было уделено сравнительному архитектурному анализу церкви Иоанна Предтечи и некоторых подобных византийских памятников Константинополя и Малой Азии. И хотя хронология последних варьировались между VI и IX вв., анализ отдельных архитектурных элементов церкви в Керчи и уже упомянутая эпитафия Кириака позволили Н.И. Брунову сузить датировку храма до первой половины VIII в. В числе сторонников этой гипотезы сразу оказались Ю.Ю. Марти, В.Ф. Гайдукевич, М.И. Артамонов, а с 50-х гг. XX в. ее последовательно отстаивал А.Л. Якобсон, по мнению которого в пользу возведения церкви в VIII в. свидетельствовали композиционное решение храма (церковь Иоанна Предтечи как промежуточное звено в развитии крестово-купольных храмов), кладка «opus mixtum» и эпитафия Кириака.

Более двух десятилетий гипотеза Н.И. Брунова о времени возведения памятника считалась едва ли не единственно верной. Однако, в середине XX в. дискуссия вокруг даты его строительства вновь оживилась. Оппонентом Н.И. Брунова и А.Л. Якобсона выступил старший научный сотрудник Академии строительства и архитектуры УССР Ю.С. Асеев (1951 г.), который предложил рассматривать церковь Иоанна Предтечи в Керчи как памятник «тмутараканской архитектуры», сооруженный после X в. По его мнению, четырехстолпная композиция христианского храма характерна для византийской культовой архитектуры только с XI в., членение его фасадов пилястрами типично для периода XII–XIV вв., а смешанная кладка стен («opus mixtum») становится распространенной не ранее XIII–XIV вв. Позднее, Ю.С. Асеев неоднократно пытался уточнить свою гипотезу о хронологии строительства памятника, от широкой (в пределах X-XIII вв.) до

максимально узкой (конец X – 30-е гг. XI вв.), подтверждая ее поиском близких аналогий среди храмовых комплексов Киевской Руси.[1]

Таким образом, к началу 50-х гг. XX в. дискуссия вокруг даты сооружения церкви Иоанна Предтечи в Керчи вновь усложнилась. Анализ одних и тех же архитектурных данных позволял исследователям рассматривать это вопрос в широком хронологическом диапазоне. Дальнейшее решение проблемы потребовало комплексного подхода к изучению памятника, в том числе привлечения археологического материала.

Этот подход, хотя и далеко не в полной мере, в 1949 г. впервые применил П.Д. Барановский, включивший церковь в программу исследований Третьей Кавказской экспедиции Института истории искусств АН СССР. С помощью шурфа, заложенного между северной и центральной апсидой храма, была решена одна, сравнительно локальная задача – прослежен уровень древнего пола. В целом же по итогам этих раскопок П.Д. Барановскому удалось установить, что церковь пережила несколько строительных периодов, хотя, к сожалению, результаты его работ так и не были полностью введены в научный оборот.

Проведение уже более масштабных археологических раскопок на площади памятника предусматривалось программой реставрационных работ, намеченных на 1958 г. В рамках подготовительных мероприятий внутри церкви в 1957 г. заложено пять шурфов, с помощью которых планировалось раскрыть участки стен и фундамента ее древней части. Кроме Е.В. Веймарна (Институт археологии АН УССР), отвечавшего за археологическую часть проекта, в работах приняли участие Ю.С. Асеев и представитель Госстроя УССР архитектор В.П. Петичинский. По результатам раскопок, Е.В. Веймарн пришел к выводу, что в течение IV–V вв. на месте церкви находилась «солидная постройка», толщина

[1] В пределах XI–XIV вв. церковь Иоанна Предтечи вначале датировал и О.И. Домбровский. Позднее он несколько изменил свою точку зрения. Отнеся сохранившиеся фрески внутри храма к началу XIV в., исследователь допустил их роспись вместе со строительством церкви. В пользу этого, по мнению автора, указывали не только «способ письма и характер самих персонажей», но и тот факт, что фрески были нанесены «на первичный слой штукатурки». Однако, этот «решающий» для хронологии фресок аргумент противоречил наблюдениям П.И. Юкина и И.А. Баранова, раскрывших фрески еще в 1937–1938 гг. Из материалов их отчета следует, что фрески находились под тремя слоями позднейших покрасок, на втором слое штукатурки, который, вероятнее всего, был нанесен в XIV в. в процессе крупного ремонта, зафиксированного археологически Т. И. Макаровой на фасаде апсидной части церкви.

стен которой достигала 0,75 м. В конце VI в. она была разрушена и со временем перекрыта слоем насыпи, мощность которой на отдельных участках достигала 1,5 м. Позднее, возможно, в начале VII в., в этом культурном горизонте был сооружен каменный водосток, перекрытый, в свою очередь, еще одним слоем нивелировочной подсыпки. И, только поверх данных культурных напластований, не затронув водопровода, в VIII в. сооружается крестово-купольная церковь, основанием для фундаментов которой послужили стены постройки, разрушенной в конце VI в. В отличие от Е.В. Веймарна, Ю.С. Асеев, базировавшийся исключительно на материалах архитектурных обследований, продолжал датировать церковь в пределах X–XIV вв. Таким образом, достичь единого мнения относительно времени сооружения храма по результатам комплексных архитектурно-археологических работ не удалось.

Новая возможность прийти к консенсусу по данному вопросу представилась во время реставрационных работ на памятнике, которые проводились под руководством Е.И. Лопушинской в период с 1967 по 1980 гг. Археологическую часть проекта осуществила Т.И. Макарова (сектор славяно-русской археологии Институт археологии АН СССР). В 1970–1971 гг. она раскопала участок прихрамового некрополя площадью 95 кв. м, вдоль южной и восточной стен церкви, а в 1976 г. и в 1980 г. провела дополнительно раскопки в интерьере храма – в центральной апсиде, южном нефе, нартексе и вокруг северной пары колонн. У южной стены церкви, на глубине 2,1-2,5 м, ей впервые удалось зафиксировать культурный горизонт, с уровня которого началось строительство храма. Обнаруженная в нем керамика, прежде всего, высокогорлые кувшины с плоской ручкой, «причерноморские» амфоры и белоглиняная византийская поливная посуда, позволили датировать слой строительства храма рубежом IX–X вв. или началом X в. Однако, Е.И. Лопушинская, руководитель проекта, остановилась все-таки на более ранней дате памятника (VIII–IX вв.). Таким образом, и на этот раз единого мнения между специалистами достигнуто не было. Дискуссионными остались и все предложенные прежде даты церкви.

Вслед за Ю.С. Асеевым, поздней хронологии строительства церкви Иоанна Предтечи придерживались ряд известных специалистов в области истории византийской и древнерусской архитектуры. А.И. Комеч, Ю.Г. Лосицкий и некоторые другие датировали ее возведение в пределах X–XIII вв., X–XIV вв., XI–XII вв., второй половины XIII – начала XIV вв. или середины – второй половины XIV в. Среди недостатков этих работ здесь нужно отметить главный – ни в одной из них не были использованы в качестве аргументов материалы проведенных археологических исследований. Предпочтение отдавалось

сравнительно-архитектурному анализу постройки в целом и поиску аналогий ее отдельным архитектурным элементам за пределами Крыма. Не всегда учитывалось, что церковь Иоанна Предтечи представляет собой сложный и многовековой архитектурный комплекс, сохранивший следы неоднократных ремонтов и перестроек. Еще одной особенностью таких историко-архитектурных реконструкций является широкая датировка времени сооружения памятника, отражавшая, на самом деле, его отдельные строительные периоды.

В 70-х гг. XX в. дискуссия вокруг даты сооружения церкви Иоанна Предтечи в Керчи получает новое развитие в связи с обсуждением хронологии четырех амфор-голосников, обнаруженных в 1969 г. во время реставрационных работ в парусах церкви. По ошибочному заключению М.М. Никитенко (1970 г.), впервые опубликовавшего эти амфоры, время их бытования приходится на VII–VIII вв. или конец VI – начало VIII вв. А.Л. Якобсон отнес их к IX–X вв., при этом наиболее близкие аналогии привел среди амфор X–XI вв. (1979 г.). Позднее А.В. Сазанов датировал однотипные амфоры второй половиной X–XI вв. (1997 г.), а С.М. Зеленко – XIII–XIV вв. (1999 г.). А.И. Айбабин также обратил внимание на амфоры-голосники из храма. По его мнению, они, как и церковь Иоанна Предтечи, датируются XII в. (2003 г.). Морфология и хронология византийских амфор данного типа (вытянуто-конические, тип С) подробно рассмотрена В.В. Булгаковым (2004 г.). По его наблюдениям, такие тарные сосуды поступали в Северное Причерноморье с территории Византийской империи в начале – середине X в.

Еще четыре амфоры-голосника из церкви Иоанна Предтечи были обнаружены в 1976 г. во время реставрационных работ в ее куполе. Две из них недавно опубликованы Е.Д. Артеменко (2010 г.). Одна амфора, с вытянуто-коническим желобчатым корпусом, аналогична опубликованным М.М. Никитенко, другая, несколько меньших размеров –находит аналогии среди тары в комплексе кораблекрушения в Серче-Лимани конца X – начала XI вв. В целом же амфоры-голосники из купола церкви датированы Е.Д. Артеменко X – началом XI вв.

Опираясь на предложенную А.В. Сазановым хронологию керченских амфор-голосников, Т.И. Макарова в одной из последних своих работ отнесла время сооружения церкви Иоанна Предтечи ко второй половине X – началу XI вв. (2003 г.). В это же время, по ее мнению, начинает функционировать прихрамовый некрополь и городской квартал, раскопанный в 1963–1964 гг. к северу от церкви (2005 г.).

Таким образом, подводя итоги существующей дискуссии вокруг времени сооружения церкви Иоанна Предтечи в исторической части

Керчи, следует отметить, что ее вряд ли стоит считать завершенной. Дальнейшее аргументированное обсуждение этого вопроса представляется возможным лишь в случае обработки и публикации полных результатов архитектурно-археологических обследований церкви в 50-80-х гг. XX в. Здесь, прежде всего, речь идет об отчете о предреставрационных исследованиях Е.И. Лопушинской (1968 г.) и полевых материалах из раскопок Т.И. Макаровой в 1963–1964, 1970–1971, 1976 и 1980 гг. Также безусловный интерес вызывают неопубликованные материалы археологических работ Е.В. Веймарна (1957 г.), Д.С. Кирилина (1967 г.) и В.Н. Холодкова (1988 г.). Кроме того, в перспективе, если представится возможность, актуальным является продолжение раскопок памятника и прилегающих к нему кварталов. Полученная в процессе этих исследований новая стратиграфическая колонка памятника, в совокупности с материалами предыдущих работ, позволит, наконец, решить одну из главных проблем истории и археологии средневекового Боспора.

Непомнящий А.А.
(Симферополь)

ДИРЕКТОР КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ КАРЛ ДУМБЕРГ: ПО НОВЫМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ

До последнего времени о крымоведческой деятельности К. Е. Думберга было известно мало. Биографические источники для восстановления биографической канвы подвижника удалось выявить в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук в Санкт-Петербурге, где сохранились его формулярные списки, донесения в императорскую Археологическую комиссию и обширная служебная переписка.

Карл Евгеньевич родился 12 октября 1862 года в семье кандидата агрономии Дерптского университета. После окончания курса историко-филологического факультета Дерптского университета со степенью кандидата и выдержав установленные испытания на звание старшего

учителя исторических наук в гимназиях К. Е. Думберг 1 августа 1889 г. получил должность старшего учителя истории и географии в Ревельской губернской гимназии (ИИМК РАН РА, ф.1, 1891 г., д. 37, л. 7 об.–8). Еще в Дерпте К. Е. Думберг стал заниматься вопросами организации охраны древностей. Он состоял членом Ученого эстонского общества и являлся хранителем нумизматического кабинета музея Общества. Научные и личные контакты связывали его с одним из ведущих антиковедов России Христианом Христиановичем Гилем (1837–1908), с которым он вел многолетнюю переписку (РНБ ОР, ф. 904, оп. 1, д. 126, л. 1–38). К. Е. Думберг был одним из организаторов проведенного в 1887 г. в Дерпте совещания этого научного собрания, посвященного вопросам выявления и сохранения памятников древних эпох в Эстонии (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1887 г., д. 69, л. 160–181).

В феврале 1891 года, узнав от Владимира Густавовича Тизенгаузена (1825–1902) о вакансии в Керченском музее древностей Карл Евгеньевич обратился в Археологическую комиссию с предложением своих услуг. В письме председателю Комиссии Алексею Александровичу Бобринскому (1852–1927) от 28 февраля он «в связи с открывшейся вакансией» просит назначить его на должность директора музея в Керчи и представляет рекомендации, заверяя, что будет «честно и добросовестно посвящать свои силы делу, которому был предан» (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 1). 31 марта 1891 г. приказом по Министерству императорского двора К. Е. Думберг был переведен исправляющим должность члена императорской Археологической комиссии (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 246 об.–247). К этому времени 28-летний краевед был женат, имел дочь Герту-Маргариту. Переезд к новому месту службы семья совершила в июне 1891 года на деньги, выданные Археологической комиссией новому директору в счет жалования.

Последнее десятилетие XIX и первые годы XX века деятельности крупного научного и культурного центра юга страны – Керченского музея древностей – связано с именем Карла Евгеньевича Думберга, который являлся его директором с 1891 по 1901 годы. В донесении в императорскую Археологическую комиссию от 3 июля 1891 г. новый директор сообщал, что принял музей и представил план первоочередных действий, связанных с финансированием музея, систематизацией фондов, археологическими раскопками (ИИМК РАН РА, ф 1, 1891 г., д. 37, л. 24). Одновременно он поставил Археологическую комиссию в известность о непригодности музейной квартиры, которая, «кроме залы для помещения древностей, состоит из трех маленьких комнат» и вначале осени сообщает в Петербург о найме для Музея дома Парафиевской на углу Николаевской и Мещанской улиц (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 25–26, 34–36).

Первые рапорты К. Е. Думберга в Археологическую комиссию, отправленные из Керчи, были написаны весьма эмоционально. Они представляют собой констатацию плачевного состояния исторической науки, в частности, археологии в регионе. Отмечая значение сохранившихся классических древностей Керчи для изучения древней истории, он с сожалением констатирует, что «Почти вся так сказать образованная публика не имеет ни малейшего понятия о судьбе своей родины, о высокой культуре древнего Босфорского царства и о том, что последнее представляет в нынешнее время с точки зрения археологического барышничества. Вред, наносимый счастливчиками и их покровителями, далеко превышает приносимую ими пользу». К. Е. Думберг объективно понимал, что тот музей, который он принял, не может кардинально изменить отношение местного общества к древностям: «Это не музей, а скорее кладовая для разной древней рухляди, разбросанной без всякой системы наглядности. Музей состоит из дубликатов или вещей, не годных для вывоза в Санкт-Петербург. Пестроте этого археологического магазина соответствуют неуклюжие шкафы и витрины, в которых трудно что усмотреть, и каталоги, в которых потеряешься. Музей нуждается, главным образом, в приятной для глаза обстановке и в систематическом подборе. Ученое учреждение должно иметь солидный и достойный вид. Преобразование Керченского Музея Древностей стоит, несомненно, многих денег. Придется заказать новые удобные шкафы, витрины, столы, чтобы всему дать необходимый приличный и привлекательный вид и завести мало-мальски порядочную библиотеку для научных занятий» (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 39–45). Под руководством К. Е. Думберга в 1896–1899 гг. были организованы первые крупные раскопки Пантикапея. Были открыты остатки нескольких зданий с расписными архитектурными деталями, остатки мощеной улицы (Драгоценные… 1900; Половцов А. 1900). Однако по распоряжению из Санкт-Петербурга эти работы, не принесшие за три года так желаемых в столице золотых украшений, были прекращены. Основное внимание директору было предложено сосредоточить на некрополях. Вместе с тем, в течение 1890-х годов керченская земля принесла немало археологических открытий.

Именно К. Е. Думберг смог организовать действенную борьбу с кладоискательством – так называемыми «счастливчиками», которые на свой страх и риск производили раскрытия для поиска драгоценностей. Он неоднократно ставил вопрос об охране памятников на заседаниях Керченской городской думы, обращался в полицию и при поддержке Археологической комиссии – к губернским властям. Так, 25 июля 1896 г. он представил в Комиссию проект договора с городскими властями об охране раскопов и борьбе с несанкционированными разорениями (Непомнящий 2006: 96–98).

Карл Евгеньевич довольно быстро приобрел авторитет знатока Крыма: 8 мая 1894 г. он был избран в действительные члены Одесского общества истории и древностей (ИИМК РАН РА, ф 1, 1891 г., д. 37, л. 246 об.–247), а 17 апреля 1899 г.– членом Таврической ученой архивной комиссии (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 249 об.–250), с 20 апреля 1900 г. он – член-корреспондент, а с 1901 года – член-сотрудник Русского археологического общества (ИИМК РАН РА, ф. 3, оп. 1, д. 14, л. 227). Совместно с ведущими специалистами-крымоведами из академических центров, приезжавшими на полуостров, К. Е. Думберг проводил археологические исследования. Так, вместе с профессором университета Св. Владимира (Киев) Юлианом Андреевичем Кулаковским (1855–1919) они занимались изучением керченским катакомб. К. Е. Думберг занимался под руководством киевского профессора копированием и расшифровкой найденных надписей. 6 сентября 1894 года Карл Евгеньевич писал Ю. А. Кулаковскому: «Я все еще сижу в Керчи благодаря проклятым надписям 1094 года, которые мне стоили в четыре раза больше времени, чем я предполагал» (ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 130, л. 9). Сохранившаяся переписка ученых содержит информацию о новых поступлениях музея, варианты расшифровок древних надписей, описание текущих археологических находок. Из письма, датированного 11 октября 1894 года мы узнаем, что «6 октября Керченская дума выделила деньги на строительство нового здания музея. Через пять лет будет видный музей» (ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 130, л. 11). По рекомендации Ю. А. Кулаковского К. Е. Думберг неоднократно требовал от Керченской думы организации эффективной охраны керченских древностей, предлагал проекты по консервации и действенной охране археологических памятников от грабителей. Так, 7 января 1892 г. К. Е. Думберг сообщал Ю. А. Кулаковскому, что «Керченская дума отклонила за неимением средств Ваше предложение о сохранении Керченских катакомб» (ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 130, л. 30).

Сохранившаяся многолетняя (за 1892–1899 годы) переписка К. Е. Думберга с археологом, филологом-классиком Василием Васильевичем Латышевым (1855–1921) содержит подробную информацию о находках и пополнении фондов музея. К. Е. Думберг отсылал В. В. Латышеву в Санкт-Петербург копии надписей и рисунков наиболее интересных древностей. Из писем видно, что столичные ученые доверяли К. Е. Думбергу работы по систематизации и распределению находок: «Императорская Археологическая Комиссия предложила из имеющихся амфорных ручек отобрать те, которые я признаю полезным оставить при музее, а остальные из имеющих какое-либо научное значение отправить в Казанский университет» (ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 19, л. 5–6). 12 января 1893 г. Карл Евгеньевич писал

В. В. Латышеву: «Будьте так любезны и пришлите свою фотокарточку. Питаю к Вам глубокое и истинное уважение и мне хотелось бы иметь в своей комнате фотографию того человека, который так много и так образцово работал для истории греческих колоний» (ПФАРАН, ф. 110, оп. 2, д. 19, л. 11). Кандидатура К. Е. Думберга рассматривалась одно время на пост руководителя раскопок в Ольвии (ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 182, л. 18–23).

Постоянную официальную и личную переписку К. Е. Думберг вел с Алексеем Александровичем Бобринским. Интерес представляет письмо директора Керченского музея от 22 февраля 1899 г., где он делится с председателем Археологической комиссии своими планами на будущее: «1) Керченский климат влияет крайне вредно на здоровье моего единственного малолетнего сына, лишает меня возможности иметь его при себе и не позволяет мне дать ему надлежащее воспитание. 2) Восьмилетнее пребывание в Керчи и разные командировки познакомили меня теоретически и практически со всеми отраслями археологии нашего Юга, и я истинно желал бы посвятить свои силы, под непосредственным руководством Вашего сиятельства, научной разработке археологических вопросов. Добросовестному составлению научных статей мешает в Керчи отсутствие библиотек и всякого умственного поощрения. Современная наука требует от авторов, по крайней мере, полного знакомства с литературой» (ИИМК РАН РА, ф. 25, оп 1, д.163, л. 5–5 об.). Уже в это время К. Е. Думберг рекомендовал на должность будущего директора Керченского музея древностей Владислава Вячеславовича Шкорпила (1853–1918): «Шкорпил хорошо знаком с местными условиями, обладает весьма солидною филолого-археологической эрудицией, знает технику раскопок и заслуживает во всех отношениях полнейшего доверия. Музей теперь так поставлен, что ему легко будет продолжить начатое мною дело» (ИИМК РАН РА, ф. 25, оп 1, д.163, л. 5 об.).

Общее описание Керченского музея древностей при К. Е. Думберге содержит очерк «Керчь и ее достопримечательности», помещенный в «Памятной книжке Керчь-Еникольского градоначальства»: «Керченский музей древностей находится на Мещанской улице», в настоящее время служит передаточной станцией для находимых здесь древностей, которые, в большинстве поступают в Императорский Эрмитаж, только побывав в котором и можно составить полное понятие об археологическом богатстве Керчи. В местном музее остаются только дублеты и второстепенные, не представляющие особого интереса древности; все они, по большей части, греческого происхождения, преимущественно от VI в. до Р. Х. – V в. н.э. Замечательна частная коллекция из терракот, ваз и стекла А. А. Новикова, коллекция

боспорских монет И. А. Терлецкого (Керчь и её достопримечательности 1899: 69).

Увы, но уже к 38 годам карл Думберг «высокого роста, крепкого телосложения» постоянно мучался приступами ревматизма. Интересным документом по биографии К. Е. Думберга является его рапорт предателю Археологической комиссии А. А. Бобринскому от 28 апреля 1901 г. с прошением об отставке в связи с болезнью. Из него мы узнаем, что «Прошением от 12 и рапортом от 18 апреля 1900 г. я просил Ваше сиятельство об увольнении меня, по болезни, от службы. Болезнь была обусловлена археологическими раскопками, производившимися в течение 9 лет.– Первые признаки болезни появились осенью 1896 г., на Таманских раскопках, которыми я руководил, живя два месяца в палатках. Летом 1897 г. случилось в Керчи страшное наводнение, породившее в здании Музея неуничтожаемую сырость, заставившую меня, в прошлом году, приискать новое помещение. Старая квартира, усиленные раскопки 1897, 1898 и 1899 гг., вызванные открытием мною развалин древнего Пантикапея и постоянное пребывание в сырых раскопах и могилах, во всякое время года при всякой погоде, постепенно подорвали мое здоровье. В начале 1900 г., во время упорядочения и упаковки коллекции г. Новикова, последовал серьезный приступ ревматизма, приковавший меня на 3 недели к постели. Представленное при рапорте от 18 апреля 1900 г. медицинское свидетельство от 10 февраля того же года указывало на необходимость безотлагательного лечения минеральными грязями в Чокраке. Я, разумеется, никогда не решился бы расстаться с любимой деятельностью, удостоившейся столь лестного отзыва со стороны Вашего Сиятельства в предложении от 17 апреля 1900 г. за № 659, если бы я еще весной прошлого года мог рассчитывать на перевод в Петербург, что, по мнению здешних врачей, без сомнения, благоприятно повлияло бы на мое здоровье и позволило бы мне продолжать с еще большим успехом начатое мною в Керчи дело. Я смею утверждать, что мои раскопки обогатили Императорский Эрмитаж ценными древностями, а науку – важными данными. Результаты моих работ были на выставке Императорской Археологической комиссии, несколько раз удостоены Высочайшего одобрения. Археологические разыскания в Керчи были так поставлены, что их смело можно было поручить другому лицу, оставляя за мною главное руководство и надзор. Но лишенный всяческих надежд на перевод, я был вынужден, в виду моей болезни, просить об отставке» (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 258–259). Императорская Археологическая комиссия неоднократно отклоняла его просьбы об отпуске, что привело к окончательному расстройству здоровья. Сдав все археологические отчеты Карл Евгеньевич получил

отставку. Начав свою деятельность в Керчи без чинов и званий Карл Евгеньевич дослужился до чина надворного советника и имел награды: серебряную медаль на Александровской ленте в память царствования Александра III, орден Св. Анны 3-й степени и бронзовую медаль за труды по переписи 1897 года.

6 июля 1901 г. согласно акту, К. Е. Думберг передал дела новому директору музея В. В. Шкорпилу (ИИМК РАН РА, ф. 1, 1891 г., д. 37, л. 288). Официальной датой увольнения К. Е. Думберга стало 15 июля 1901 г. (Правительственный вестник). Ему назначили пенсию в 333 рубля 33 копейки. Нами выявлены публикации К. Е. Думберга в форме отчетов о раскопках в изданиях Археологической комиссии (Непомнящий 2001: 212–213), а также объемное неопубликованное исследование, где приведено описание работ 1899–1901 годов (ИРНБУВ, ф. 5, оп. 1, д. 1587, л. 1–42). В дальнейшем он работал в Керчь-Еникальском статистическом комитете, полностью в последующем игнорируя археологию. Благодаря подвижничеству краеведов, одним из которых был Карл Евгеньевич Думберг, в Крыму в досоветскую эпоху значительного развития достигли исследования по изучению местного края.

Источники

ИИМК РАН РА (Институт истории материальной культура Российской Академии наук), ф. 1 (Императорская Археологическая комиссия), 1887 г, д. 67; 1891 г., д. 37; ф. 3 (Русское археологическое общество), оп. 1, д. 14; ф. 25 (А. А. Бобринский), оп. 1, д. 163.

ИРНБУВ (Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского), ф. 5 (Архив Одесского общества истории и древностей), оп. 1, д. 1587.

ПФАРАН (Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук), ф. 100 (В. В. Латышев), оп. 2, д. 19.

РНБ ОР (Российская национальная библиотека, отдел рукописей), ф. 904 (Архив Х. Х. Гиля), оп. 1, д. 126.

ЦГИАУК (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве, ф. 264 (Ю. А. Кулаковский), оп. 1, д. 130, 182.

Литература

Драгоценные находки в Керчи // Записки Крымского горного клуба.– 1900.– № 10.– С. 40–42.

Керчь и её достопримечательности // Памятная книжка Керчь-Еникальского градоначальства.– Керчь, 1899.– С. 68–70.
Непомнящий А. А. Карл Думберг – археолог, краєзнавець, подвижник музейної справи в Криму // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПІК.– Київ, 2006.– Вип. 9.– С. 94–102.
Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века).– Симферополь: Доля, 2001.– 816 с.
Половцов А. Русская Помпея: Историко-археологические картинки Керчи // Московские ведомости.– 1900.– 17, 18 апреля
Правительственный вестник.– 1901.– 1 августа.
Ремезов М. По поводу заметки проф. Кулаковского // Русская мысль.– 1892.– Декабрь, отд. 2.– С. 225–227.

Олейник Т.В.
(Харьков)

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ И ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.Н. КАРАЗИНА: 90 ЛЕТ ВМЕСТЕ…

Всем, кто когда-либо исследовал
и, несмотря ни на что, продолжает исследовать…
…Тебя, Мой Херсонес!

Казалось бы, что может связывать лесостепной, некогда слободской город, стоящий на «варварских» землях скифов и хазар, с благородной колонией античных греков? Какое отношение имеет Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина к исследованию Херсонеса? Традиция сотрудничества нашего университета (далее - ХНУ) и Заповедника «Херсонес Таврический» уходит корнями во времена К.Э. Гриневича (8 сент. 1891 – 30 авг. 1970 г.), который стал первым «советским» директором Заповедника «Херсонес». С Харьковом его связывало очень многое.

Константин Эдуардович Гриневич родился в г. Вологде в семье

служащего. В 1898 г. вместе с родителями он переезжает в Харьков. Здесь, по окончании гимназии №3, в 1910-1915 гг. обучается на историко-филологическом факультете Харьковского Императорского университета (ныне – ХНУ), где существенное влияние на него оказали его руководители: академик В.П. Бузескул и профессор Ф.И. Шмит. В 1915-1918 гг. обучался в Петрограде, куда был отправлен с целью дальнейшей подготовки к получению звания профессора, и заимствования опыта у мэтров: С.А. Жебелева, М.И. Ростовцева, Б.В. Фармаковского, Б.А. Тураева. В 1915 г. молодой исследователь работал на раскопках Б.В. Фармаковского в Ольвии, а затем на Таманском полуострове у В.В. Шкорпила. Последующие годы он отдал изучению археологии Керченского полуострова. В 1918 г. К.Э. Гриневич становится приват-доцентом и летом того же года впервые посещает Херсонес. [6, с.129-130; 5, с. 14.]

Однако гражданская война помешала ему вернуться в Петроград, потому он остается при Харьковском университете в должности приват-доцента, где читает спецкурс по истории древнегреческих колоний на юге России. В это время ученый очень страдает из-за невозможности заниматься любимой научной темой: «…еще один такой год, - я погибну! …в Харькове мне, занимающемуся классическими древностями нашего Юга, нечего делать: ни древностей, ни библиотеки!» и просит «о содействии» тогдашнего директора Херсонесского музея, Л.А. Моисеева. [2, с. 352-355.] А в 1919-1921 гг. по ходатайству последнего, К.Э. Гриневич занимает пост директора Керченского музея, получив приглашение прийти на смену В.В. Шкорпилу, убитому кладоискателями. [6, с. 130; 5, с. 14.]

В 1921 г. К.Э. Гриневич возвращается в Петроград, на должность университетского доцента и научного сотрудника РАИМК. С 1924 г. – совмещает эту работу с постом директора Херсонесского музея. Его особенно интересовал вопрос локализации места зарождения Херсонеса. Возможно, потому в 1925-1930 гг. приоритет был отдан изучению оборонительной системы юго-восточной части Херсонеса (где были обследованы т.н. «Цитадель», портовый район и «древнейшая» оборонительная стена), откуда, он предполагал, могло начаться первичное заселение городища, а также изучению обстановки на Гераклейском полуострове. В связи с этим в 1929-1930 гг. – впервые в СССР – создается подводная экспедиция для поиска предположительного места расположения «Страбонова Херсонеса» - около Маячного полуострова. [6, с. 131-132; *ср.*: 7, с. 285-288; 5, с. 29-30.] К.Э. Гриневич был первым, кто обратил внимание на взаимосвязь между памятниками Гераклейского полуострова (т.н. «ближней хоры») и непосредственно самим Херсонесским городищем.

[7, с. 287-288.] Результаты его полевых исследований и накопленный личный опыт в сфере музееведения вылились в ряд трудов: «Стены Херсонеса Таврического» (первые две части, 1925, 1927 гг.) - где проведен разносторонний анализ фортификации городища, «Сто лет херсонесских раскопок» (1927 г., особо ценная использованием материалов по раскопкам, начиная с 1827 г., не дошедших до наших дней, и приложением графика раскопок), а также – ряд путеводителей по Херсонесу и популярных изданий по античности Крыма и музееведению. Под его руководством в свое время работали известные «херсонеситы» Г.Д. Белов, Л.Н. Белова, и начинали свой путь, тогда – студенты-практиканты, а впоследствии, – известные ученые В.Ф. Гайдукевич, В.Д. Блаватский, М.М. Кобылина, П.Н. Шульц, Н.В. Пятышева и др. [6, с. 132.]

В 1928 г., в связи с получением должности заместителя заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР, К.Э. Гриневич переехал в Москву, оставляя после себя серьезный задел на будущее: приняв Херсонес в качестве «Склада местных древностей», он покидал его в статусе научно-исследовательского учреждения, с существенно расширенной материальной базой, с усовершенствованной стратегией и методикой ведения раскопок (ученик Б.В. Фармаковского, он привнес сюда способ выборки слоя и фиксации материала послойно-квадратным методом. А также был разработан новый концепт систематических исследований широкими площадями). [7, с. 285-286.] На период его руководства пришлось становление Херсонесского Заповедника и как культурно-просветительного центра, издающего свою научную периодику (было положено начало серии «Херсонесских сборников») и популярную литературу для любознательного обывателя. [6, с. 133.]

Но уже в 1933 г. К.Э. Гриневича ждала ссылка в Новосибирск (по подстроенному, достаточно абсурдному, доносу), а в 1935 г. – арест и пять лет лагерей (Карлаг, с. Долинка) в Карагандинской области. И только в 1943 г., после реабилитации, ему удается возобновить полноценную научную деятельность. В 1944 г., в МГУ, он защищает в качестве диссертации свою двухчастную (– пока что) монографию «Стены Херсонеса». За этим последовали: 1940-1948 г. – работа в Томском университете, а в 1948-1953 гг. – переезд в Нальчик, а затем – в Нежин – по состоянию здоровья. Однако, вопреки всем обстоятельствам, неутомимый ученый все это время продолжает заниматься проблемами античности. В частности, в 1946 и 1948 гг. – провел обследование античного поселения «дальней хоры» Херсонеса – Калос-Лимена. [6, с. 130-133; 7, с. 288-289, 290; 5, с. 30.]

Последний период научной деятельности (1953-1970 гг.) Константина Эдуардовича связан с возвращением в Харьков. По

приглашению он вернулся в ХНУ (тогда – Харьковский государственный университет), где до 1966 г. заведовал кафедрой древней истории и археологии. После чего, оставаясь профессором, читал общий курс по древней истории, спецкурсы, осуществлял научное руководство студентами и аспирантами, организовал Ольвийскую экспедицию ХНУ. В это время увидела свет третья часть его труда «Стены Херсонеса» (1959 г.), значимость которого тяжело переоценить и по сей день, а также готовились к публикации материалы по т.н. «ближней хоре» Херсонеса… [6, с. 131, 133; 7, с. 290-291].

И старания эти не были напрасными. Нашелся последователь, который продолжил незавершенное дело своего Учителя. В 1959 г. к проф. К.Э. Гриневичу в качестве аспиранта поступил выпускник ХГУ В.И. Кадеев (8 июн. 1927 – 25 нояб. 2012 г.). Этот момент, возможно, и стал переломным в карьере молодого харьковского ученого: произошел поворот в его научных интересах – от археологии Слобожанщины – к эллинистической античности. [1, с. 282; 4, с. 366.] Владимир Иванович в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I-IV вв. н.э.», которая впоследствии легла в основу монографии «Очерки истории экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э.» (1970 г.) И в том же, 1963 г., он создал Херсонесскую экспедицию ХНУ, которую возглавлял затем более 20 лет, вошедшую в состав Объединенной экспедиции под руководством С.Ф. Стржелецкого (тогда - заместителя директора музея по научной работе). За это время были проведены раскопки т.н. «центра квартала» и «казармы» портового района, а также могильника в долине р. Черная (совхоз «Севастопольский»). Отсюда начинали свой путь в науку В.М. Зубарь, В.Ф. Мещеряков, С.Б. Сорочан, С.Г. Рыжов. В.И. Кадеев был также инициатором и участником подводных исследований в Круглой, Карантинной и Песочной бухтах. В 1975 г. он защитил докторскую диссертацию «Херсонес Таврический в I в. до н.э. - III вв. н.э.» (науч. консульт. – В.Д. Блаватский, который в свое время «начинал» у учителя В.И. Кадеева – К.Э. Гриневича). Эта работа, как и предыдущая, стала основой монографии «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры» (1981 г.), освещавшей «римский» период истории Херсонеса. [4, с. 366-367; 1, с. 282-283]. Еще одна его монография - «Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III вв. н.э.)» (1996 г.) посвященная вопросам культуры, образования и воспитания, повседневной жизни, - обозначила новое направление в исследовании Херсонеса [4, с. 368], которое будет продолжено его учениками, – в частности, С.Б. Сорочаном.

Сергей Борисович родился в г. Севастополе (18 апр. 1953 г.). Окончив городскую среднюю школу №3, решил поступать на

исторический факультет в Ленинград. В 1970-1971 гг., в процессе подготовки к поступлению, он около девяти месяцев проработал в Херсонесском музее, совмещая обязанности землекопа, лаборанта и реставратора. Тут ему повезло: он попал в состав экспедиции И.А. Антоновой (на тот момент – уже директора музея) и Н.В. Пятышевой (н.с. ГИМ), исследовавших тогда внутреннюю застройку т.н. «Цитадели» Херсонеса. Здесь же С.Б. Сорочан повстречал В.И. Кадеева, которого знал, однако, еще до работы в Херсонесе, и тот посоветовал ему поступать на учебу в Харьковский университет, где в свое время учился и его отец, Борис Павлович. [8, с. 3-4.]

На этот раз, история, удивительным образом, сделала виток: как когда-то К.Э. Гриневич отправился «на Юг», так, на этот раз, С.Б. Сорочан подался из Севастополя в Харьков, чтобы продолжить изучение античности. В 1971 г. С.Б. Сорочан поступил в Харьковский университет, где его руководителем был В.И. Кадеев, возглавлявший на тот момент Херсонесскую экспедицию университета. Так Кадеев, уже на следующий год после смерти К.Э. Гриневича, потеряв учителя, приобрел нового ученика. А С.Б. Сорочан снова имел возможность изучать Херсонес, где в течение нескольких лет успел поработать в составе разных экспедиций Харьковского университета и ГИМ (В.И. Кадеева, Н.В. Пятышевой) на раскопках античного могильника Бельбек IV (И.И. Гущиной), античного поселения т.н. «северной хоры» Херсонеса «Маслины» (рук. Валерия Александровна Латышева (12 дек. 1934 – 09 июл. 2002 г.), к слову, также – сотрудница ХНУ). [8, с. 4-5.] С 1976 г., после окончания университета, С.Б. Сорочан учится в заочной аспирантуре и защищает, под руководством В.И. Кадеева, диссертацию «Торговля в Херсонеса Таврического в I – V в. н.э.» (1982). А с 1981 г., после пятилетнего перерыва, возобновляет свою деятельность Херсонесская археологическая экспедиция ХГУ (нач. В.И. Кадеев), исследовавшая Портовый район городища, в которой функции заместителей руководителя выполняют преподаватели исторического факультета – С.Б. Сорочан и В.Ф. Мещеряков. [8, с. 5-6.] В 1987 г. полномочия начальника Харьковской экспедиции в Херсонесе были переданы С.Б. Сорочану, возглавлявшему ее до 1990 г. В 1989-1990 гг. заместителем начальника экспедиции у С.Б. Сорочана был Сергей Владимирович Дьячков (01 нояб. 1957 г.), также преподаватель ХНУ. А уже в 1991-1999 С.В. Дьячков впервые лично возглавляет экспедицию, заручившись поддержкой многоопытного археолога Валерия Федоровича Мещерякова (11 янв. 1947 - 11 июл. 2002 г.). Последний, будучи народным депутатом Украины, в 1990-1994 гг., одновременно находил возможность, чтобы руководить практикой, входившей в состав экспедиции. [3, с. 307.] А в 1992 г., когда

встал вопрос о возвращении территорий заповедника в монастырское владение, В.Ф. Мещеряков защищал интересы Херсонесского музея в Верховном Совете. Тогда же, сотрудники ХНУ отправили ряд писем в поддержку заповедника вице-премьеру Н.Г. Жулинскому и министру культуры Л.И. Хоролец. ХНУ поддержал заповедник также и в вопросе передачи ему бывшей базы ИА АН СССР. [3, с. 311.] В 1998-1999 гг. окончены раскопки т.н. «центра квартала» и «казармы» в портовом районе, начатые в 60-70 гг. еще в составе Объединенной экспедиции (под руководством (поочередно) С.Ф. Стржелецкого, И.А. Антоновой, В.Н. Даниленко, В.И. Кадеева, А.И. Романчук, М.И. Золотарева), где основной рабочей силой являлись практиканты ХНУ. [3, с. 315, 318, 319.] [3, с. 311, 317].

А в 1996 г. отряд С.Б. Сорочана снова вернулся в состав экспедиции заповедника, «под крыло» И.А. Антоновой, которая на то время продолжала раскопки в т.н. «Цитадели», где сосредоточены памятники всех периодов существования города, и откуда когда-то начиналась карьера Сергея Борисовича как археолога. С 2001 г., после смерти Антоновой, С.Б. Сорочан единолично возглавил эту экспедицию. [8, с. 9-10, 11.] Но интерес С.Б. Сорочана к Херсонесу никогда не сводился лишь к полевым исследованиям. Ему принадлежит ряд многочисленных статей и фундаментальных трудов, среди которых особо выделяются: «Жизнь и гибель Херсонеса» (в соавт., 2000 г.), «Херсонес Таврический» (в соавт., 2004, 2005 гг.) «Византийский Херсон» (Ч. 1-2., 2005 г.). Однако уже в 2009 г., по состоянию здоровья, [8, с. 13] он вынужден был передать экспедицию своему ученикау Андрею Николаевичу Домановскому, который честно выполнял свой долг исследователя «Цитадели» до 2012 г. включительно. К сожалению, этим исследованиям не суждено было завершиться…

2013 г. – стал последним годом, когда экспедиция ХНУ работала в Национальном Заповеднике «Херсонес Таврический» (НЗХТ). Ныне (в результате известных геополитических событий) ХНУ лишен какой-либо юридической возможности официально сотрудничать с НЗХТ (а теперь – Федеральным государственным бюджетным учреждением культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»). Продолжение каких-либо совместных исследовательских работ откладывается на неизвестный срок, а все виды контактов сводятся лишь к поддержанию личных связей. ХНУ, некогда «снаряжавший» в Крым четыре экспедиции, для раскопок в Севастополе, Балаклаве и Северо-Западном Крыму, потерял разом их все. [4, с. 368.]. Так в одночасье было уничтожено то, что создавалось годами. Восстановимо ли оно?..

К сожалению, регламент тезисов вынуждает ограничиться лишь

поверхностным обзором ключевых моментов из истории нашего почти столетнего сотрудничества, сведя все к формальному перечислению набора сухих фактов. Увы, пришлось обойти вниманием и словом многих и многих, кому эта тесная дружба была обязана своей продолжительностью. Тут возникнет и вполне закономерный вопрос: а какое же отношение имеет автор этих строк ко всему, перечисленному выше? – Наверное, он был одним из тех, кто последними покидал свою «Цитадель». Одним из тех, кому не безразлична дальнейшая судьба наших совместных исследований…

Но хочется верить, что в этой истории мы ставим не точку, а лишь многоточие, чтобы вновь продолжить ее однажды… Потому позвольте завершить повествование словами Гая Саллюстия Криспа [Sallust. Jug. 10.6]: **«*…concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur*»*…***

Литература

Владимиру Ивановичу Кадееву – 80 лет // Древности 2006-2008. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 7. – Харьков: НМЦ «МД», 2008. – С. 282-284.

Гриненко Л.О. «Керченский коллега» (Роль В.В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // БИ. –2005. – Вып. 9. – С. 330 – 359.

Дьячков С.В. «Лихие 90-е» (к 50-летию Херсонесской археологической экспедиции Харьковского университета) // Древности 2012. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 11. – Харьков: НМЦ «МД», 2012. – С. 307-326.

Дьячков С.В., Мартемьянов А.П. Владимир Иванович Кадеев: вехи жизни и научного творчества. // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 12. – Харьков: НМЦ «МД», 2013. – С. 366-370.

Зубарь В.М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914-2005 гг.). – Т. I. - Т. II. // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 6. – Симферополь, 2009. – 496 стр.

Кадеев В.И. К. Э. Гриневич как ученый // Вестник Харьковского университета. – 1992. – № 362: История. – Вып. 25. – Харьков: Основа, 1992. – С. 129 – 134.

Латышева В.А. К. Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Вып. 5. – Харьков: НМЦ «МД», 2004. – С. 284-294.

Сергей Борисович Сорочан – профессор Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина: библиогр. указ. / сост., вступ. ст. А.Н. Домановский; библиогр. Ред. С.Р. Марченко. – Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2013. – 92 с.

Панченко В.В.
(Севастополь)

«УСАДЬБА С ИСТОЧНИКОМ» И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

На территории земельного участка № 386 хоры Херсонеса (по Г.М.Николаенко) у северо-западной дороги на небольшом мысу левого склона одного из ответвлений балки Бермана находится усадьба. Рядом с усадьбой расположен источник пресной воды (Николаенко, 2001, с.139-140). Усадьба окружена густой естественной растительностью, что само по себе представляет редкость для Гераклейского полуострова. На протяжении двух с лишним столетий эта усадьба в силу своего монументального вида и наличия источника привлекала внимание многих исследователей.

Первый план Гераклейского полуострова с нанесением на него следов античного размежевания был составлен по поручению князя Г.А.Потемкина путешественником и натуралистом К.И.Габлицем. В 1786 г. план был поднесен Екатерине II во время ее путешествия в Крым (Зубарь, 2007, с.9). Впоследствии этот план вошел в научную литературу как план землемера подпоручика А.Г.Строкова. И.В.Тункина установила, что он был составлен не А.Г.Строковым, а Пепелевым (Тункина, 2002, с.486-487). На плане Габлица-Пепелева «Усадьба с источником» отмечена литерой А.

Следующим на Усадьбу обратил внимание натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере (1798 – 1850 гг.). В 1831—1834 годах Дюбуа де Монпере предпринял масштабное путешествие в Крым и на Кавказ, результаты которого изложил в шеститомном труде «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым» с приложением Атласа, содержащего множество сделанных лично рисунков, чертежей и схем. В рамках этого путешествия Дюбуа де Монпере в 1833 г. побывал в Севастополе, исследовал его окрестности

и составил подробное описание агротехнических сооружений и сельских усадеб (Дюбуа де Монпере, 2009. с.5-6).

Дюбуа де Монпере составил первое описание Усадьбы. «№3 (№6 общего плана), расположенный ближе всего к храму Ифигении, имеет башню и подземный ход, оба прекрасно сохранившиеся; пошедший на их постройку обработанный камень имеет 5 футов в длину, 3 в ширину и 3 в высоту. Толщина камней уберегла усадьбу от разрушения, неизбежного при соседстве с хуторами» (Дюбуа де Монпере, 2009, с.221).

Во второй половине 20-х гг. XX в. сотрудники Севастопольского музея краеведения предприняли серию разведок античных памятников Гераклейского полуострова. В 1927 г. совместные разведки Севастопольского музея краеведения (СМК) и Государственного Херсонесского музея под руководством П.П.Бабенчикова и К.Э.Гриневича обследовали Усадьбу, которая получила условное обозначение «башня № 15». Было отмечено, что «башня № 15 находится на крутом спуске в балку, большая часть камней скатились вниз». Была составлена схема расположения строительных сооружений в балке Бермана (рис.1).

Исследователи составили подробную схему сооружения, построили его поперечный разрез и детально описали стены (рис.2). «Расположена на южном склоне б. Бермана. На обрыве у тополей... Главное сооружение сложено из больших блоков, положенных отвесно. В блоках прорезаны пироны». По результатам исследований был выделен водопровод. «В балке Бермана, у тополей, у самого бассейна обнаружена намечающаяся стена, идущая от дна балки к Сев. (напр. Сев-Юг). В конце этой стены у дна балки при рытье ямы обнаружили осколки гончарных труб (каннелированных)» (Стржелецкий, 1955, паспорт № 76).

В 1927 г. партия во главе с Л.А.Моисеевым по поручению Гидрогеологической секции Всесоюзного Геологического комитета провела детальное обследование древних гидротехнических сооружений в истоках Юхариной балки и в балке Бермана. В рамках изысканий Л.А.Моисеев произвел сверку на месте данных, имеющихся на планах античного размежевания Габлица-Пепелева и Ф. Дюбуа де Монпере (Моисеев, 1927, л.6). В частности исследователь уточнил расположение и нумерацию «Усадьбы с источником» (Николаенко, 1999, с.109).

Помимо этого в рамках работ по гидрогеологии Гераклейского полуострова Л.А.Моисеев изучил расположенные в балке Бермана источники. Источник возле Усадьбы –№ 12 согласно нумерации Л.А.Моисеева – расположен на высоте 163 м и имеет обильный дебит. Источник питается из нижнесарматских мелкозернистых и

крупнозернистых песков, прикрытых известняком. (Моисеев, 1932. с.27, с.52-53, таб.3). Со ссылкой на А.Л.Бертье-Делагарда Л.А.Моисеев назвал балку Бермана важным источником воды для Херсонеса и оценил дебит воды всех источников балки в 30000 ведер в сутки (Моисеев, 1927, л.22).

В 1932 г. научный сотрудник Государственного Херсонесского Археологического Музея Н.М.Янышев составил «Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове», в которое под номером 35 включил «Усадьбу с источником». Н.М.Янышев отметил, что сооружение сложено из крупных блоков четырьмя уступами. «Высота первого снизу уступа равна пяти метрам, второго уступа – одному метру, третьего уступа – около полутора метра и наконец верхний уступ высотою немного менее метра. Ширина сохранившихся частей около шести метров, а горизонтальная проекция всего подъема равна девяти метрам. Внизу почти на уровне дна балки Бермана примкнут к горе прекрасный водоем, сложенный из белого хорошо отесанного камня. Можно допустить, что это сооружение в древности могло служить водонапорным приспособлением, так как и в настоящее время из горы выходит в бассейн струя воды превосходного качества и большой силы» (Янышев, 1932, л.28). К описанию Н.М.Янышев приложил фотографию, план и профиль Усадьбы.

В 1935 г. бывший сотрудник музея Е.В.Веймарн составил «Сводные материалы разведок Севастопольского музея краеведения», в которых описал 90 сооружений. Он присвоил Усадьбе номер 76. К уже известным сведения Е.В.Веймарн добавил: «В балке, недалеко от современного бассейна, при рытье ямы были обнаружены осколки гончарных водопроводных труб. Данные остатки зафиксированы в дневнике СМК от 2-го апреля 1927 г. под № 1 и нанесены на археологическую карту СМК под шифром Д-XI-В» (Веймарн, 1935, л.25). Е.В.Веймарн к описанию приложил карту балки Бермана 1924 г. с соседними памятниками (Веймарн, 1935, л.110).

В 1955 г. заведующий античным отделом Херсонесского музея С.Ф.Стржелецкий в рамках паспортизации усадеб хоры Херсонеса присвоил Усадьбе номер 77. Он зафиксировал, что Усадьба находится на территории подсобного хозяйства; над его конторой и бассейном. С.Ф.Стржелецкий составил следующее описание: «Усадьба больших размеров, площадью 50х50 м минимально. Башня усадьбы сложена из огромных блоков на крутом склоне балки. По склону сохранилось 6 рядов блоков один на другом уступами. Усадьба сильно заросла густым и колючим кустарником. Стены помещений засыпаны толстым слоем натечной земли. По сохранности башни – усадьба является уникальным памятником среди подобных на Гераклейском полуострове.

По дну балки, под усадьбой, проходит линия древнего водопровода на Херсонес. Усадьба клера III – II вв. до н.э.». (Стржелецкий, 1955, паспорт № 76).

В 1999 г. заместитель директора Национального заповедника «Херсонес Таврический» по науке Г.М.Николаенко провела идентификацию «Усадьбы с источником» по чертежам Дюбуа де Монпере. Под «подземным ходом» исследователь предположила водопроводный канал или галерею (Николаенко, 1999, с.116-117). В 2001 г. Г.М.Николаенко в своей работе, посвященной земельному кадастру IV – III вв. до н. э., привела подробное описание Усадьбы. Дополнительно Г.М.Николаенко описала водовод: «По дну балки, под усадьбой проходит линия водовода из массивных гончарных труб с ребристой поверхностью. Стыки между коленами сделаны на очень прочном известковом растворе. Водовод начинается в тальвеге балки, у выхода совр. источника и бассейна, который находился прямо под усадьбой. Постепенно отклоняясь к северу водовод выходит на правый склон балки к усадьбе на участке 359 и огибает его, направляясь к Херсонесу» (Николаенко, 2001, с. 140).

Таким образом, различные исследователи на протяжении двухсот лет в процессе изучения ближней хоры Херсонеса обращали внимание на «Усадьбу с источником» и на некоторые особенности, которые выделяли ее среди остальных усадеб. Дюбуа де Монпере обратил внимание на мощную башню и подземный ход. Совместные разведки Севастопольского музея краеведения и Государственного Херсонесского музея под руководством П.П.Бабенчикова и К.Э.Гриневича зафиксировали строительные сооружения Усадьбы, пересекающую балку Бермана стену и обнаружили водопровод. Н.М.Янышев отметил наличие источника, описал водоем под Усадьбой и предположил существование водонапорного сооружения. Л.А.Моисеев описал этот источник наряду с другими источниками балки Бермана. С.Ф.Стржелецкий датировал Усадьбу. Г.М.Николаенко высказала предположение о том, что расположенный у ее подножия водопровод направлялся в Херсонес.

Накопленный материал позволяет высказать гипотезу о том, что основное значение Усадьбы на определенном этапе ее существования было связано с источником и идущим от него водопроводом, который снабжал Херсонес водой. Несмотря на то, что памятник неоднократно привлекал внимание исследователей, никто из них не провел комплексное его изучение. Между тем полное изучение «Усадьбы с источником» позволило бы получить дополнительную информацию не только о ней самой, но и о системе организации водоснабжения Херсонеса.

Литература

Веймарн Е.В. Гераклейский полуостров. Материалы разведок Севастопольского музея краеведения. 1935 г. // НА НЗХТ. Д. № 1404/1,2. 1935. 131 л.

Дюбуа де Монпере Фр. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т.5,6. Симферополь, 2009. 328 с.

Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: История раскопок и некоторые итоги изучения. К., 2007. 318 с.

Моисеев Л.А. Отчет об обследовании древних гидротехнических сооружений в Севастопольском районе. // НА НЗХТ. Дело № 1576. 1927. 31 л.

Моисеев Л.А. Гидрогеологический очерк г.Севастополя и его окрестностей. М.-Л., 1932. 56 с.

Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н. э. Часть II. Севастополь, 2001. 164 с.

Николаенко Г.М. Фр. Дюбуа де Монпере о сельских усадьбах Гераклейского полуострова // Херсонесский сборник. Вып. X. 1999. с.107-120.

Стржелецкий С.Ф. Паспорта на памятники, находившиеся в ведении Херсонесского музея в 1949-1955 гг. // НА НЗХТ. Д. № 1392/V. 1955.

Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX вв.). СПб., 2002. 676 с.

Янышев Н.М. Краткое описание древних сооружений, находящихся на Гераклейском полуострове // НА НЗХТ. Д. № 476. 1932. 49 л.

Рис.1. Усадьба с окрестностями (по данным СМК)

Рис.2. Схема Усадьбы (по данным СМК)

Паромов Я.М.
(Москва)

В.Ф. ГАЙДУКЕВИЧ И ТИРИТАКА
(секрет успеха ученого)

Среди исследователей Боспора Киммерийского В.Ф. Гайдукевич занимает совершенно особое, бесспорно лидирующее место. Приведем краткую биографическую справку.

Гайдукевич Виктор Францевич [12 (25).11.1904, Троки Ковенской губ. – 9.10.1966, Керчь] – выдающийся антиковед, археолог и историк, сын врача-поляка, переехавшего в Санкт-Петербург из Виленской губ. Окончил трудовую школу в 1923. После учился и работал: в ЛГУ (1923–28), Керченском музее древностей (1928–30), аспирантуре ЛГУ–ЛИЛИ (1930–32), ГАИМК–ИИМК–ИА АН СССР (1932–66); кандидат (1938), доктор (1950) исторических наук; доцент (1938), профессор (1953) ЛГУ. Ежегодные раскопки с 1926: Херсонес, Китей, Фанагория, Тиритака, Гермонасса, Мирмекий, Илурат и др. Руководил одной из крупнейших археологических экспедиций – Боспорской (1935–66), Советско-Польской экспедицией в Мирмекии (1957–58). После Б.В. Фармаковского и своего учителя С.А. Жебелева возглавил ленинградскую школу античной археологии. Опубликованные в сводных отчетах исследования В.Ф. Гайдукевича составляют уникальное издание источников по археологии и истории городов Боспора [МИА: № 4 (1941); № 25 (1952); № 85 (1958); № 69 (1959)]. Их итогом явилась обобщающая монография «Боспорское царство» (1949), в переработанном и дополненном виде вышедшая на немецком языке (1971). Список печатных работ включает 105 названий (1934–87). Умер на раскопе, похоронен в Санкт-Петербурге, на Серафимовском кладбище (Капошина. 1967; Капошина, Якобсон. 1967; [Некролог]. 1969; Виноградов. 2005).

Настоящие чтения посвящены 85-летию систематических

исследований Тиритаки. Трудно представить, что до раскопок 1932–34 гг. об этом городе ничего не было известно, кроме упоминаний античных авторов Псевдо-Арриана, Птолемея и Стефана Византийского. Вспомним и конспективно изложим лишь главное, что сегодня известно о нем. Древнее городище у Камыш-Буруна и Чурубашского озера, обнаруженное в зоне промстройки зимой 1931–32 гг. было идентифицировано с Тиритакой В.Ф. Гайдукевичем (1941). По мнению В.Д. Блаватского (1954), Тиритака имела второе название – Дия, однако локализация В.Ф. Гайдукевича (1941, 1958) осталась незыблемой. В раскопках этого памятника участвовали Ю.Ю. Марти, Т.Н. Книпович, Л.М. Славин (1932–34), В.Ф. Гайдукевич (1935–40, 1946–57). Исследованиями установлено, что город был основан греками-ионийцами в середине 6 в. до н.э. на месте поселения эпохи поздней бронзы (найдены каменные изваяния этого периода, фрагменты шлифованных топоров, керамика и др.). Название города имело не греческое происхождение. Размеры его укрепленной части составляли 280–340 х 140–150 м, площадь около 4,5 га. В плане она близка трапеции, вытянутой с юго-запада на северо-восток и ориентированной острым углом к югу. В 6–4 вв. до н.э. рядом с этой укрепленной частью существовало поселение открытого типа. Архаические дома второй половины 6 – 5 в. до н.э. с жилыми и хозяйственными помещениями, замощенным двором и комплексами находок, характерными для керамического и ткацкого ремесла, сельского хозяйства и рыболовства, представляют картину жизни раннего торгово-земледельческого центра. Вероятно, уже в начале 5 в. до н.э. Тиритака была подчинена Пантикапею, а с 480 г. находилась под властью Археанактидов. Ранняя стена города толщиной 1,7–1,8 м возводилась из камня в первой половине 5 в. до н.э. В 4–3 вв. до н.э. она была заменена более мощными оборонительными линиями с башнями, городскими воротами, отмостками, водостоком, бассейном и другими примыкавшими к ней сооружениями. Некоторые участки обновленных укреплений имели внушительный облицовочный панцирь, сложенный из рустованных блоков (эти стены продолжали служить и в первые века н.э.). Жилые дома 4–2 вв. до н.э. почти не сохранились. Вероятно, они были разобраны при строительстве более поздних больших домов и хозяйственно-промысловых комплексов. Эллинистическое время отражено преимущественно массовым материалом из раскопок – фрагментами амфор, пифосов, черепицы, расписной и чернолаковой керамики, круговой столовой и кухонной посуды, лепных сосудов, а также находками терракотовых статуэток, светильников, ткацких и рыболовных грузил, керамических клейм, монет и т.д. Находка бронзового штампа для изготовления бляшек с

изображением бюста Афродиты свидетельствует о присутствии в городе мастера-торевта.

Одно из важнейших мест в экономике Тиритаки занимало виноделие. Самая ранняя из семи исследованных виноделен имела две давильные площадки и рычажный пресс, то есть была высокопроизводительным сооружением, работавшим на рынок уже в 3 в. до н.э. Тиритакские винодельни первых веков н.э. представляли распространенный в то время тип боспорской винодельни с тремя давильными площадками, тремя резервуарами и каменной гирей рычажного пресса, установленного на средней площадке – своего рода небольшие винные заводы. Однако важнейшей отраслью хозяйства Тиритаки был рыбный промысел. В римское время город стал одним из первых на Боспоре по добыче и переработке рыбы. Судя по исследованиям, размах этого промысла был грандиозен. Только один комплекс из 16 рыбозасолочных ванн за двухнедельный производственный цикл обрабатывал около 200 т рыбы, а в Тиритаке было открыто 59 ванн (бетонных открытых цистерн, сложенных из камня и цементированных раствором извести с песком и толченой керамикой). В них солилась разная рыба, но главным образом керченская сельдь и красная рыба, предназначенные для экспортной торговли. Оба направления хозяйственной деятельности нашли отражение в материалах из дома-усадьбы 3–4 вв. н.э. Семь помещений этого дома были расположены вокруг вымощенного плитами двора с водостоком, уходящим на улицу. Во дворе, над оголовьем – приемником стоков лежал тарапан (каменное ложе пресса для выжимания виноградного сока) – свидетельство домашнего виноделия. А с внешней стороны дома к стене была пристроена рыбозасолочная цистерна. В самом доме найдено много каменных грузил для рыболовных сетей, костяные иглы для их плетения и починки, костяной «нож» для чистки рыбьей чешуи, несколько амфор 4 в. н.э. со следами рыбьих костей и чешуей. В разных частях городища были найдены зерновые ямы, круглые жернова и граненые зернотерки, остатки пшеницы и ячменя, фруктовые косточки, а также другие свидетельства пахотного земледелия и садоводства, относящиеся к различным периодам существования города. Характерной особенностью керамического комплекса Тиритаки является абсолютное преобладание в нем лепной посуды (в упомянутом доме практически вся глиняная посуда была лепной). Очевидно, столь значительное количество лепной керамики говорит о большом проценте негреческого, по мнению исследователей, сарматского населения. Большое значение для истории города в позднеримский период имеют монетные клады. Первый состоял из 2093 боспорских статеров 234–276 гг. н.э. (от Ининфимея до

Тейрана), помещенных в глиняный кувшин. Второй был найден в лепном горшке в доме-усадьбе и содержал 227 боспорских царских монет 276–332 гг. н.э. (от Тейрана до Рискупорида VI). Вероятно, эти клады были связаны с разновременными нашествиями и морскими походами варварских племен, возглавлявшихся готами. Согласно исследованиям, Тиритака подверглась разгрому в 370-е гг. н.э., однако вскоре, уже в конце 4 и 5 вв. на пепелище старого города жизнь снова стала возрождаться и налаживаться. По некоторым современным взглядам, существование города практически не прерывалось. В позднеантичное и ранневизантийское время Тиритака достигла нового расцвета, но уже в иной исторической обстановке. Об этом свидетельствует строительство в городе христианского храма в виде трехнефной базилики с дорогими мраморными колоннами, капителями и отделочной плиткой. Она была возведена в 5–6 вв., скорее всего, при Юстиниане I (527–565). В хазарское время, в 8–9 вв. базилика была разрушена, а на месте античного города возникло и существовало одно из торгово-земледельческих поселений салтово-маяцкой культуры.

Как и о Тиритаке, о других городах Боспора – Мирмекии и Илурате до исследований В.Ф. Гайдукевича почти ничего не было известно. Их раскопки, отличавшиеся большим размахом и тщательностью, приобрели широкую известность благодаря новым открытиям и систематическому освещению результатов исследований в научной печати. Впечатление от знакомства с ними было ошеломляющим. Подлинное значение, сила, скрытая в истине, и успех публикаций стали откровением и для поклонников этих достижений, и для недоброжелателей. Следует отметить, что успеху содействовали прежде всего личные качества ученого: глубокие знания, полученные в университете на лекциях выдающегося методиста и полевика А.А. Миллера и в аспирантуре под руководством заведующего отделением классических древностей Эрмитажа О.Ф. Вальдгауера, а также опыт, накопленный в процессе раскопок Херсонеса, памятников Керченского полуострова – с Ю.Ю. Марти и Фанагории – в составе Северо-Кавказской экспедиции (Иессен, Миллер. 1932. С. 61). У В.Ф. Гайдукевича не было ни «ученических опытов», ни «ранних работ». Он вошел в науку просто и естественно, как входят в свой дом. Первые работы, посвященные гончарным печам и боспорским черепицам (Гайдукевич. 1934а; 1934б), и по уровню исследований, и по литературному воплощению были исполнены Мастером. Обладая большими знаниями и опытом, он был одновременно осторожным и уверенным исследователем, вдумчивым и правдивым аналитиком, терпеливым и добрым учителем. Соединение этих качеств в одном лице возможно лишь при высшей степени порядочности и преданности науке. Однако

общий успех и признание объясняются не только перечисленными достоинствами. Успеху во многом способствовали и удачный выбор жанра публикаций, и формат издания материалов и исследований по археологии. Выпуск в свет сводных отчетов о раскопках памятников был чрезвычайно благотворным явлением. Следует отметить, что принципы публикации сводных отчетов о раскопках были выработаны А.А. Миллером еще в 1920-е годы в целях наиболее полного освещения работ возглавлявшейся им Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК (Миллер. 1925; 1926; 1929). В опубликованных отчетах о раскопках Боспорской экспедиции эти принципы получили дальнейшее развитие. Очень важным обстоятельством было помещение этих отчетов в основанной директором ИИМК М.И. Артамоновым фундаментальной серии «Материалы и исследования по археологии СССР», первые тома которой выходили под его редакцией. Главная задача этого издания, сформулированная в предисловии к первому тому, состояла во введении в научный оборот археологических материалов в виде отчетов о раскопках и работ монографического характера по отдельным памятникам (МИА. № 1. 1940. С. 8, 9). Можно сказать, что исследования Боспорской экспедиции, подготовленные к изданию В.Ф. Гайдукевичем, и само издание, основанное М.И. Артамоновым, соответствовали одно другому особенно удачно (см. МИА. №№ 4, 25, 69, 85). Нельзя не отметить, что формат этого издания был подсказан идеей и оформлением «Материалов по этнографии России», выходивших под редакцией Ф.К. Волкова при участии А.А. Миллера еще до 1917 г. (МЭР. Т. I. СПб., 1910; Т. II. Пг., 1914).

Литература

Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. № 33. М., 1954. С. 7–44.

Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966): [Некролог] // КСИА. Вып. 116. М., 1969. С. 3–10.

Виноградов Ю.А. К 100-летию со дня рождения В.Ф. Гайдукевича // АВ. № 12. СПб., 2005. С. 323–330.

Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи // Изв. ГАИМК. Вып. 80. Л., 1934а. 116 с.

Гайдукевич В.Ф. Строительные керамические материалы Боспора: Боспорские черепицы // Из истории Боспора: Изв. ГАИМК. Вып. 104. Л., 1934б. С. 211–315.

Гайдукевич В.Ф. О местоположении древней Тиритаки // МИА. № 4. М.–Л., 1941. С. 85–92.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. 624 с.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1953 гг. // МИА. № 85. М.–Л., 1958. С. 9–48.

Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщ. ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 58–61.
Капошина С.И. Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966): [Некролог] // ВДИ. 1967. № 1. С. 213–214.
Капошина С.И., Якобсон А.Л. Виктор Францевич Гайдукевич (1904–1966): [Некролог] // СА. 1967. № 2. С. 299–300.
Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. // Изв. РАИМК. Вып. 4. Л., 1925. С. 1–42.
Миллер А.А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг. // Сообщ. РАИМК. Т. 1. Л., 1926. С. 71–142.
Миллер А.А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1926 и 1927 гг. // Сообщ. ГАИМК. Т. 2. Л., 1929. С. 60–122.
Gaidukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. 604 s

Петракова А.Е., Ягги О.
(С-Петербург, Базель)

АМАЗОНКИ НА АТТИЧЕСКИХ КРАСНОФИГУРНЫХ ВАЗАХ ИЗ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Амазонки – один из наиболее часто встречающихся изобразительных мотивов в сюжетно-тематическом репертуаре импортированной в Северное Причерноморье аттической керамики конца 5 и 4 века до н.э. (см., например: Кобылина, 1951; АГСП, разные разделы; Fless, 2002; Вдовиченко, 2003; и проч.). Амазонки сражаются с греками, амазонки сражаются с грифонами, головы амазонок предстают на вазах, соседствуя с головами грифонов и коней и т.д. (см., например: Шталь, 2000, кат. 38-46 и проч; Langner 2013; Ягги, 2012, кат. 45-56, 61, 66-83 и проч.).

При этом, если мы обратим внимание на распространение ваз с

изображением амазонок, очевидным станет тот факт, что их основная масса найдена на территории Пантикапея и окрестностей, в то время как в других греческих городах и поселениях выявлено сравнительно мало таких ваз (Langner, 2013). Что касается территорий за пределами Боспорского Царства и греческих городов, т.е. так называемых «варварских» территорий, если опираться на статистику И. Вдовиченко – в них найдена, по состоянию на момент публикации книги, всего лишь одна такая ваза (Вдовиченко, 2008, Табл. 5). Получается, что, по сути, такие вазы характерны для находок, происходящих в греческих городах и поселениях или на территориях, где греки или же их культурное влияние преобладали (этому вопросу посвящен отдельный доклад – см.: О. Ягги, Аттическая краснофигурная керамика в Северном Причерноморье: особенности распространения, восприятия, использования).

Ранее в исследованиях по теме (Schefold, 1934, 148; Скржинская, 1986; Соколов, 1999, 167; Шталь, 2000, 15; Вдовиченко, 2008, 110-112 и проч.) часто говорилось о том, что местное население Северного Причерноморья не воспринимало эти изображения на привезённых из Аттики вазах таким же образом, как их греческие (аттические) создатели и покупатели, а интерпретировало по-своему, проецируя на изображения свои собственные, местные идеи и мифы, в результате чего изображения амазонок интерпретировались в связи с Великой Богиней, т.е. местным скифским божеством, как разновидность психопомпов и проч. (см., например: «сцены сражений амазонок с греками... одни из самых распространенных... это или единоборство конной амазонки с пешим греком или многофигурные композиции... восходящие к сценам мифа и эпоса, как греческого, так и варварского, скифского... В дионисийской символике амазонки – служанки Владычицы Преисподней”, Шталь, 2000, 15; ср. : “The specific character of northern Black Sea coast, especially the Bosporus area, is distinguished by the image of the woman warrior – the Amazon – who takes the place of the traditional image of the goddess. In all the likelihood, within the context of local mythical – epic notions, the horse and the griffin can be seen as representing *mystides*, participants in mysteries associated with conducting the souls of the dead to the afterworld”, Н. Жижина в издании: Greeks on the Black Sea, 2007, 162-164; ср., также: “в представлениях греков этого времени амазонки были служительницами Великой богини подземного мира, куда и отправлялись умершие на берегах Понта греки. Не Харон, переправлявший мертвых через Лету, встречал их в подземном мире, а местные проводники – амазонки, грифоны, аримаспы, и их предводительница на коне. Варварские мифо-эпические предания об амазонках и аримаспах стали частью религиозных представлений

боспорян», Вдовиченко, 2008, 111). Однако следует задуматься о том, что амазонки на вазах вполне могли восприниматься населением Боспора в соответствии с греческой традицией и в их греческой смысловой интерпретации. Как же воспринимались амазонки самими греками из метрополии, в том числе жителями Аттики – создателями и покупателями этих краснофигурных ваз?

Будучи достаточно популярным персонажем уже в аттической черно- и краснофигурной вазописи 6 века до н.э. (амазономахия вообще и битвы с конкретными греческими мифологическими героями, вроде Геракла или Тезея, вооружающиеся амазонки, амазонки с конями и т.п.), амазонки в различных ситуациях становятся чрезвычайно популярной темой в античном, в частности – древнегреческом искусстве конца 5 и 4 вв. до н.э. (von Bothmer, 1957; Tyrell, 1984; Fornasier, 2007; Wünsche, 2008, 46-99; Boulogne, 2009; Lebedynsky, 2009; Franke-Penski, 2010; Amazonen, 2010, 36-95; Puritani, 2012; а также соотв.раздels LIMC – LIMC I, 1981, s.v. Amazones, LIMC, Suppl. 2009, s.v. Amazones), кстати, в это время к перечисленным выше сценам добавляются не только новые варианты амазономахий, но и головы амазонок рядом с головами коней или грифонов в качестве вполне самостоятельного изобразительного мотива. Причем, популярность амазонок в изобразительном искусстве отмечается не только на территории материковой Греции (особенно аттическая вазопись), но и на других территориях, к примеру, амазонки нередко являются персонажами южноиталийской вазописи, а у некоторых вазописцев их изображения входят в число любимых тем (см., например: Trendall, 1989, p. 24, 27, 57, 85, 172, figs. 27, 36, 50-51, 53-54, 80, 260; LIMC, s.v. Amazones Etruscae). Однако, по сравнению с искусством 6-5 веков до н.э., в конце 5-го и в 4 веке до н.э. изменяется интерпретация темы амазонок. Уже в вазописи 6-5 вв. до н.э. амазонки появляются вне контекста активных боевых действий – весьма распространённым является изображение амазонок одевающихся, вооружающихся, дрессирующих лошадей, причём, особенно любопытными являются прецеденты изображения амазонок на эпинетронах, изделиях, принадлежность которых к женскому миру не вызывает сомнений (эпинетрон инв. 2184 из Афинского национального музея с вооружающимися амазонками выполенными в технике чернофигуной росписи и украшенный женской головой в технике рельефа – Heinrich, 2006, Taf. 4.1-4; эпинетрон инв. MNC624 из Лувра – Ibid. Taf.13.1-2, фрагмент эпинетрона из Археологического музея в Брауроне; фрагмент эпинетрона из Элевсина, Локр и др.). Однако в конце 5 и в 4 вв. до н.э. амазонки зачастую начинают появляться на вазах вместе с Дионисом и персонажами дионисийского круга (см., например: Jaeggi, 2012, 170) – прекрасным примером может

служить аттический кратер 4 в. до н.э. из Лувра (инв. G 530; CVA Paris, Louvre 5, III.IE.8, PLS.(383-384) 7.3-4.7.9, 8.1.4-8) с изображенем в нижнем регистре на одной стороне сидящего Диониса в окружении Эрота, менады и сатира, в нижнем регистре на другой стороне – конной амазонки сражающейся с грифонами, а в верхнем регистре на обеих сторонах – амазонок и грифонов, среди которых не только конные и пешие амазонки представленные очень недвусмысленно нападающими или обороняющимися, но и безоружные амазонки, позы и жесты которых сложно однозначно интерпретировать, ибо они больше напоминают танец или какой-то ритуальный жест, чем борьбу. Другим примером сочетания сцены с амазонками с дионисийской сценой является луканская гидрия-кальпида последней трети 5 в. до н.э. из Национального археологического музея в Неаполе (инв. H.3241; LIMC Amazones 777; LCS 36, 137 Taf. 12, 3. 4; LCS Suppl. 3, 11): на плечиках представлены вполне мирные амазонки в восточных костюмах (у всех покрыта голова, длинные волосы, под одеждой просматриваются женские груди), в нижнем регистре представлен Дионис с менадами и сатирами. Ещё один пример – апулийский кратер с волютами датированный 380-370 гг. до н.э. из Музея искусства и истории в Женеве (инв.15036; LIMC Amazones 376, Mainades (S) 43, ThesCRA: V. 2.b. Kultinstrumente 1446a), на одной стороне представлена амазономахия, на другой – Дионис со свитой. Подчеркну ещё раз, что приведённые примеры происходят из разных центров вазового производства – Аттика, Лукания, Апулия. В некоторых случаях амазонки даже появляются среди спутников Диониса наряду с сатирами и менадами, причем, не воинственными, а танцующими и с соответствующими атрибутами – примером может служить кратер из Мадрида инв.11080 (Metzger, 1951, pl. XVI,4; Giudice, Panvini, 2006, 135, fig.10a), два кратера из Аль-Мины инв. 82 и 60 (Metzger, 1951, pl. XXI,1 и 2) или кратер из музея Фогга (Ibid, pl. XX,2); в дионисийском контексте, в окружении менады с тимпаном, пантеры, оленя, Эрота, предстает и конная амазонка на гидрии из Эрмитажа 370-х гг. до н.э., происходящей из Пантикапея (инв. П.1867.45, ГЭ). Кроме того, амазонки появляются в качестве танцующих персонажей в ритуальных сценах на вазах, например, на пелике из Ялтинского музея (ЯКМ КП 498 А1-23; Шталь, 2000, кат. 38; Вдовиченко, Турова, 2006, кат. 58, Ил. 1) две амазонки представлены вместе с грифоном, причем руки у них подняты вверх, оружие отсутствует, всё вместе это напоминает скорее процессию, чем сцену битвы (аналогичный элемент есть и на описанном выше луврском кратере).

В аттической и италийской вазописи существуют разнообразные персонажи в восточных одеждах: это Парис, костюм которого зачастую

похож на один из вариантов костюма амазонок (в другом варианте их представляют в облачении, аналогичном облачению греческих воинов). Будучи юным (т.е. безбородым) Парис чётко идентифицируется именно благодаря контексту, когда узнаваема вся сцена целиком (как, например, на эрмитажных вазах ЮО-26, 27 и 28, Petrakova, 2012, fig. 3; см.также пелику инв. CA 2261 из Лувра, CVA Paris, Louvre 8, III.I.D.35, PL.(529) 49.4-6, 8-9). Кроме того в восточных костюмах изображают мужских персонажей, которых современные исследователи интерпретируют, как «скифов», «варваров», «фракийцев» и проч., а также персов (в сценах, подобных представленным на эрмитажных лекифах Ксенофанта или в работах италийского вазописца Мастера Дария, см.: Trendall, 1989, pl. 203, 201), большинство из этих персонажей представлены бородатыми, как, например, на краснофигурной аттической ойнохое 410-400 гг. до н.э. из Гамбурга (инв.1983.280).

Поэтому необходимо подробнее остановиться на иконографических признаках именно амазонок. На кратере из Лувра в одном и том же регистре в сражении с грифонами мы видим в костюмах одинакового типа: бородатого мужчину, безбородого персонажа с короткими волосами и длинноволосых персонажей с покрытой головой (у этих персонажей на груди вертикальные складки одежды или же складки вместе с узорами, так что груди не просматриваются). Первые два могут интерпретироваться, как это нередко делается в отечественной традиции, в качестве аримаспов или «варваров», однако длинноволосые персонажи с покрытой головой, несомненно, являются амазонками – не случайно один и тот же вазописец на одной и той же вазе дифференцирует персонажей. И именно такие персонажи изображены на пелике из Ялты. Прекрасным примером для подтверждения идеи может также служить мозаика с амазонками и грифонами на полу в андроне в Доме с мозаиками в Эретрии (ок. 350 г. до н.э.; Ducrey, 1993, особенно 85-96), раскапывавшемся Швейцарской археологической школой – в мозаике чётко видны женские груди персонажей, которые в вазописи не всегда так хорошо просматриваются по причине наличия в верхней части костюма узора или складок. Кстати сказать, прорисовка груди под одеждой не является обязательным элементом обозначения женщины – прекрасным примером может служить эрмитажная гидрия инв. Б.4550, на которой представлены конная амазонка и две бегущие женщины – у всех персонажей совершенно не обозначена грудь, тем не менее их пол сомнений не вызывает. Всем известные и широко распространенные пелики с головами/бюстами амазонок (как и упомянутые выше примеры с танцующими амазонками в свите Диониса) также представляют персонажей вне контекста сражения, а как прекрасных женщин с золотистыми волосами и с ювелирными

украшениями (например, Ягги, 2012, кат. 63-64, 69-80). Причем, вопреки распространенному мнению, эти пелики с головами/бюстами амазонок не производились в аттических керамических мастерских специально для покупателей из Северного Причерноморья – такие пелики были найдены в результате археологических раскопок почти по всей территории Восточного Средиземноморья, особенно на Эгейских островах (Крит, Санторин, Родос и проч.) (Langner, 2013); также находки ваз с амазонками имели место на территории Турции и, хотя пока и в единственном экземпляре – Испании (см., например: Jaeggi, 2012, 171).

Однако, как показывает статистика, примерно половина из всех пелик с амазонками (имеется ввиду статистика, основанная на тех вазах, точные данные о происхождении которых известны) была найдена в Пантикапее и окрестностях (Langner, 2013, 221-257; Langner, 2014, 103-133). Мартин Лангнер предлагает объяснять этот факт тем, что на вазы подобного типа в Пантикапее и окрестностях, действительно, был особый спрос, что становится особенно очевидным при исследовании так называемых акварельных пелик, которые стали замещать привозные аттические пелики к концу 4 века до н.э. Он предполагает, что изображения амазонок были привлекательными, востребованными, возможно, потому, что они напоминали мифологические предания об амазонках, живших на территории Северного Причерноморья, или же о воинственных скифских женщинах, воинственность которых подтверждается погребальным инвентарем в женских погребениях, который, помимо прочего, включал и оружие. Однако: ни одна из этих пелик не была еще найдена в скифских погребениях!

Тем не менее, мысли о том, что изображения амазонок были привлекательны именно в силу знания мифов о них, находят подтверждения. Наиболее ярким примером является женское погребение из Павловского кургана, входящего в систему Юз-Оба: женский костяк в деревянном гробу, с бронзовым зеркалом и ювелирными украшениями, среди которых – подвески в виде двух танцующих амазонок, на женщине помимо золотых диадемы, ожерелья с подвесками, сережек, колец, была одежда с выполненным на ней изображением конной амазонки, а также кожаные сапоги. В погребальной камере также был обнаружен лекиф в форме танцующей амазонки (с чётко обозначенными грудями), причем костюм амазонки, представляющей собой тулово лекифа, удивительным образом (не только сапоги, но и цветовыми сочетаниями, широкой каймой по подолу и проч.) напоминает костюм, в который была облачена погребенная. Аналогичным образом одета и конная амазонка, изображенная на ее одежде (подробнее об этом: Petrakova, 2012, 155-156). Как расценивать такое погребение с «тематически подобранным» погребальным

инвентарем? Следует ли видеть здесь самоотождествление погребенной женщины с амазонкой, разновидность фантазии, ролевой игры, выраженной через одежду, ювелирные украшения, фигурный сосуд? Вместе с темой амазонки, погребальный инвентарь в лице декора саркофага и покрывавшей его ткани, ювелирных украшений, темы танцующей амазонки, также вызывает и четкие ассоциации с дионисийской сферой.

Предварительные заключения таковы: амазонки в греческом искусстве конца 5 – 4 века до н.э. принадлежат к мифологическому миру, миру фантастических представлений, в котором они появляются в различных контекстах – сражающимися с греками, сражающимися с грифонами, но, в то же время – едущими верхом на грифонах, охотясь на оленей или других грифонов, как это происходит, например, на весьма необычной пелике из Феодосийского музея (Вдовиченко, 2008, Рис.45,3; Ил. 2) и ее аналогии из Кабинета Медалей в Париже (Metzger, 1951, Pl.XLII,2) – на этих пеликах грифон одновременно является и «конём» амазонки, и «дичью». Названные пелики из Ялты и Феодосии , а также многочисленные пелики с головами/протомами амазонок (особенно в сочетании амазонка и грифон) показывают, что взаимоотношения между конями, грифонами и амазонками не являются в представлении создателей и покупателей афинских краснофигурных ваз раз и навсегда определенными и зафиксированными – они могут изменяться в разных контекстах. Грифоны выступают не только в качестве врагов амазонок, но и в качестве компаньонов, и даже «коней» амазонок. То есть эти персонажи появляются на вазах не в контексте какого-либо конкретного мифа, а как некии аллюзии, отсылающие к экзотическим землям или сферам (например, сферам, связанным с Дионисом). Если в аттической вазописи 6-5 вв. до н.э. мы часто встретим амазонок, сражающихся против Геракла, Тезея или каких-то других конкретных греческих героев, то в 4 в. до н.э. такие сцены являются, скорее, редкостью, в сравнении с многочисленными сценами не отсылающими нас к конкретному месту, времени, мифу. В целом амазонки выражают дионисийскую атмосферу, которая прекрасно подходит к погребальному контексту могилы, однако кратеры и пелики, украшенные такими изображениями, также использовались и в повседневной жизни. В конце концов, не все вазы с амазонками были найдены в погребениях, они также были найдены и в жилом контексте. Однако в Северном Причерноморье такие вазы найдены только в греческих городах или в пределах Боспорского царства, но не в скифских погребениях, таким образом, часто высказываемые ассоциации со скифскими традициями и религией (Великая Богиня и проч.) должны быть пересмотрены. Причем, это не

исключает существования случаев самоидентификации с амазонками на уровне индивидуальном, персональном, как в случае с упомянутым погребением, или же наличие в некоторых гордах/поселениях специальных культов, связанных с амазонками (к подобному культу может иметь отношение знаменитая стела из Ольвии, хранящаяся в Херсонском музее).

Литература

АГСП Античные государства Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры (М.-Л., 1955)

Вдовиченко, 2003 И. И., Античные расписные вазы из крымских музеев. Материалы по археологии Крыма (Симферополь, 2003).

Вдовиченко, 2008 Вдовиченко И.И., Античные расписные вазы в Северном Причерноморье (Симферополь, 2008) Вдовиченко,

Турова, 2006 Вдовиченко И.И., Турова Н.П. Античные расписные вазы из собрания Ялтинского историко-литературного музея (Симферополь-Керчь, 2006)

Кобылина, 1951 Кобылина М. Поздние боспорские пелики, МИА 19 (1951), 136-170

Скржинская, 1986 Скржинская М., Черты киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII-VI вв. до е.э. // ВДИ 1986, 4.

Соколов, 1999 Соколов Г.И. Искусство Боспорского царства (М., 1999)

Шталь, 2000 Шталь И. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазописи по музеям Российской федерации и стран СНГ (пелики IV века до н.э., керченский стиль) (М., 2000)

Ягги, 2012 О. Ягги, при участии Л. Лазенковой, Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция расписной керамики, Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э., Киев, 2012

Amazonen, 2010 Amazonen: geheimnisvolle Kriegerinnen (München, 2010)

Boulogne, 2009 J. Boulogne, D. Devauchelle, M. Hecquet (éds), Amazones et Déesses guerrières, (Lille, 2009)

von Bothmer, 1957 von Bothmer, D. Amazons in Greek Art (Oxford, 1957)

Ducrey, 1993 Ducrey P., Metzger I., Reber K., Le quartier de la Maison aux mosaïques, Eretria, fouilles er recherches VIII(Lausanne, 1993)

Fless, 2002 Fless, F. Rotfigurige Keramik als Handelsware. Erwerb und Gebrauch attischer Vasen im mediterranen und pontischen Raum während des 4. Jhs. v. Chr. (Rahden, 2002)

Fornasier, 2007 Fornasier, J. (ed.) Amazonen, Frauen, Kämpferinnen und Städtegründerinnen (Mainz, 2007)
Franke-Penski, 2010 Franke-Penski U. (ed. et al.), Amazonen - Kriegerische Frauen (Würzburg, 2010) Giudice,
Panvini, 2006 Giudice, F., and Panvini, R. (eds.), Il greco, il barbaro e la ceramica attica, Immaginario del diverso, processi di scambio e autorappresentazione degli indigeni, Volume terzo, Atti del Convegno Internazionale di Studi, 14-19 maggio 2001, Catania, Caltanisetta, Gela, Camarina, Vittoria, Siracusa (Rome, 2006) Greeks on the
Black Sea, 2007 Trofimova A. (ed.) Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage (Los Angeles, 2007)
Heinrich, 2006 Heinrich, F., Das Epinetron, Aspekte der weiblichen Lebenswelt im Spiegel eines Arbeitsgerats (Rahden, 2006)
Jaeggi, 2012 O. Jaeggi, Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption, in: Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli) (München, 2012), 165-176.
Langner, 2013 Langner M., Amazonen auf Kertscher Vasen, in: C. Schubert – A. Weiss (eds.), Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310 (Göttingen, 2013) 221-257
Langner, 2014 Langner M., Amazonen als Einwanderer. Ursprung, Konstruktion und Dekonstruktion mythischer Verwandtschaft in Athen und Ephesos, in: A.-B. Renger – I. Toral-Niehoff (eds.), Genealogie und Migrationsmythen im antiken Mittelmeerraum und auf der Arabischen Halbinsel (Berlin, 2014) 103-133
Lebedynsky, 2009 Lebedynsky I. Les Amazones, Myth et realite des femmes gueriers ches les anciens nomades de la steppe (Paris, 2009)
Metzger, 1951 H. Metzger. Les représentations dans la céramique attique du IVe siècle (Paris, 1951)
Petrakova, 2012 Petrakova A. Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts, in: Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli) (München, 2012), 151-163
Puritani, 2012 Puritani L., Amazonen in Etrurien. Zur Rezeption attischer Vasenbilder am Beishpil einer Hydria des Polygnotos, in: Beihefte zum CVA Deutschland (Hrsg. P. Zanker), Band V, Vasenbilder im

Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. / Hrsg. S. Schmidt, A. Stähli) (München, 2012), 103-112
Schefold, 1934 Schefold K. Untersuchungen zu den Ketscher Vasen (Berlin, 1934)
Schubert, 2013 C. Schubert – A. Weiss (eds.), Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310 (Göttingen, 2013)
Trendall, 1989 Trendall A.D., Red-figure vases of South Italy and Sicily (London, 1989)
Tyrell, 1984 Tyrell, W. B. Amazones: A Study in Athenian Mythmaking, (Baltimore, 1984)
Wünsche, 2008 Wünsche, R. (ed.) Starke Frauen: Staatliche Antikensammlungen München, (München, 2008) 46–99

Рис. 1. Пелика краснофигурная инв. ЯМК КП-498 А1-23 (Ялтинский историко-литературный музей). Фото и развертка - О. Ягги.

Рис. 2. Пелика краснофигурная инв. А-12783 (Феодосийский музей древностей). Фото и развертка - О. Ягги.

Поваляев Н.Л.
(Геттинген)

АНТИЧНЫЙ ИСТОРИК И ЕГО «РЕМЕСЛО». ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В РАМКАХ «ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

Нет нужды много говорить о значении письменных источников для изучения греческой колонизации и, особенно, о данных античных авторов о северно-причерноморских колониях. Все такие сообщения тщательно, до последней запятой обсуждаются и как могут анализируются. К сожалению, в подобном анализе отсутствует, как правило, постановка вопроса о целеполагании античных историков, в том числе о том, как воспринималось прошлое в античной (греческой) культуре и для чего оно было нужно настоящему. Очень часто, хотя

и неявно, принимается достаточно модернизаторская установка об историке, который занимался документальной реконструкцией прошлого и ограниченного только недостатком знаний и скудостью источников. Последние (т.е. недошедшие до нас источники) должны были бы нести в себе «обьективную» информацию о прошедшем, ну например, когда и кем была основана колония, или о характере взаимоотношений между колонистами и местным населением: было ли оно мирным или нет. Под этим углом зрения многими современными исследователями рассматриваются, например, исторические изыски Фукидида, набросавшего в т. н. «Археологии» и «Истории Сицилии» (Thuk. 1. 1-23; 6. 1-6) понятный и близкий многим очерк линейно-прогрессивного развития общества от варварства к цивилизации и историю основания сицилийских колоний (оценку сообщений Фукидида см. Bernstein 2004, 28-31; Schmitz 2014, 52).

В подобном же ключе, как в конечном итоге поиск реальных фактов, трактуются изыски актуальных для Боспора эллинистических авторов, например Страбона и Арриана, и даже составителей византийских компиляций. Причина распространенности такого взгляда на работу античных историков понятна. Так хочется отыскать историческое ядро в зачастую внешне совершенно легендарных сюжетах. В качестве примера можно привести интерпретацию сообщения Стефана Византийского об основании Пантикапея (Steph. Byz. s.v. Παντικάπαιον), как содержащего древнейшие исторические сведения о начальном этапе жизни колонии и ее контактах со скифами (Saprykin 2014, 303), или трактовку сообщений Арриана об основании Гермонассы (к дискуссии о Гермонассе см. Суриков 2012, 460) или Фанагории, как основывающихся на недошедших до нас данных локальной исторической традиции, сохранившей «обьективную» историческую информацию (Lehmann 2011, 280-295).

Отрицать наличие локальных традиций о Фанагории, о которых якобы умолчал Арриан в своем подчиненном жестким формам придворного этикета письме императору Адриану на том основании, что мы о них ничего не знаем (Povalahev 2014, 100-101, Esp. Anm. 79) представляется не вполне корректным. Хотя сам аргумент в пользу бытования таких «обьективных» традиций для Фанагории, указывающий на существование буйной локальной историографии в позднеэллинистическое и римское время в лице ряда практически только по имени известных авторов, таких как Мемнон из Гераклеи или Зенон из Родоса и подобных им, практически является argumentum ex silentio и сам по себе тоже сомнителен.

Проблема заключается здесь не столько в доказательстве существования той или иной традиции как таковой, а в том, чтобы

понимать, в чем состояла цель составления таких «историй» и насколько они были историчны в современном понимании. Я убежден, что все не дошедшие, как впрочем, и дошедшие до нас источники, в том числе ранние, т.е архаического и классического времени, так и более поздние, т.е эллинистически-римские были «интенциональны», а не «обьективны». Цель историописания с самого начала заключалась не в фиксации реальной хронологии и документальной истории родного полиса (апойкии), а в том, чтобы в первую очередь утвердить себя в актуальном политическом контексте, подчеркивая свои права и притязания. Последние определялись характером соперничества с конкурентами и менялись с изменением социо-политической обстановки. Ради этой политической целесообразности многие греческие полисы проявляли удивительную пластичность в своем самоопределении и связанным с этим буйным мифо-историческим творчеством. Здесь достаточно вспомнить фессалийские полисы, входившие и выходившие в 3-2 вв. до н. э. из этолийского союза (Grainger 1999, 499ff.). Можно также привести актуальный для истории колонизации пример. В эпоху Августа, как сообщает Страбон со ссылкой на более ранних безымянных авторов, город Сирис, как впрочем и многие другие греческие и италийские города, считался основанным троянцами (Strab. 6. 1. 14; Stein-Hölkeskamp 2006, 314). Понятен общий посыл такого рода историй и их равнение на идентификационную мифологему Рима. Современный анализ исторической традиции южно-италийских колоний и ее сопоставление с археологическим материалом побуждает многих исследователей признать, что колониальные истории говорят гораздо больше о том времени, когда они были составлены, нежели сохраняют какие-либо, пусть даже смутные воспоминания о ранней истории колоний (Osborne 1998, 251-270; Stein-Hölkeskamp 2006, 325).

Можно с уверенностью полагать, что исторические предания южно-италийских городов были в высшей степени «интенциональны», т.е являлись с одной стороны ядром культурной идентичности ее носителей, с другой были сознательно «сфабрикованы» на злобу дня.

Здесь нет противоречия: прошлое, в т.ч. «мифическое» прошлое – это важнейшая часть культурной идентичности (Gehrke 2014, 1-8). И что бы не думали ее носители о своем постоянстве, идентичность не статична, а подвижна и требует актуального для каждого времени «исторического» обоснования. Иными словами смена идеологических парадигм обуславливала смену «историй». Пластичность, конечно в определенных рамках, давала возможность с самого начала колонизации сплетать истории, в которых обосновывались права колонистов на новые земли и делалась попытка телеологического

трактовки событий, приведших к основанию апойкии. По крайней мере в эпоху Геродота подобного рода мифотворчество было широко распространено.[1] Как пример можно привести сообщение «отца истории» о теосцах в Абдере. Колонисты, считавшие себя теосцами, оказывали героические почести Тимесию из Клазомен, раннему основателю города (Hdt. 1. 168). Ритуальные почести предполагют наличие также определенного, хотя бы минимального набора сказаний, из которого теосцы могли создать недостающую версию колонизации с древним оракулом и другими подобными вещами. Как происходили такого рода манипуляции хорошо иллюстрирует снова Геродот в истории Дориея. После неудачной попытки закрепиться в Ливии Дорией отправился на запад в Сицилию, уверенный в правоте оракула о земле Геракла и следовательно в своем праве Гераклида наследовать ее. Оракул этот был дан якобы отцу Эдипа, Лаию, и следовательно должен был быть очень древним и, следовательно, верным (Hdt. 5. 43). Понятна вся фиктивность обсуждаемой ситуации. Если бы однако Дориею удалось его предприятие и новая колония стала бы успешной, то вне всякого сомнения, были бы сплетены мифо-исторические сказания, которые связывали бы эпоху Геракла и Дориея в единой телеологически выстроенной схеме. Подробнее по-поводу телеологизма я скажу ниже. Сейчас следует просто отметить, что фиктивные псевдо-исторические схемы, с памятными местами и соответствующей традицией, вытесняющей реальное прошлое, складывались необычайно быстро. Здесь опять же можно вернуться к Дориею. Как утверждает Геродот, сибариты рассказывали, что Дорией воздвиг храм Афине Крафийском после взятия их города. Имеются серьезные основания сомневаться в реальности этого события, во во всяком случае кротонцы отрицали участие Дориея в военных действиях (Hdt. 5. 45), так что, кто-то был определенно неправ, может быть даже обе стороны. Как бы то ни-было сомнения в предании сибаритов вызываются его особой телеологической направленностью: это легенда, цель которой показать тщеты тех, кто не понимает знаки свыше и не следует воле богов. По-подобному же лекалу, построены многие истории Геродота, начиная от гибели Лидии (см. ниже) до анекдотичной истории двух братьев, пытавшихся «сосватать» свою сестру Дарию и стать владыками пеонов (Hdt. 5. 12-14; Dewald 2003, 39-40).

Можно с уверенностью утверждать, что «историческое» мифотворчество являлось неотьемлемой частью греческой историографии. В отсутствие в Греции каких-либо специализированных

[1] О значении Геракла для самоутверждения Ольвии см. Bäbler 2011, 116-121.

замкнутых групп жреческого типа, монополизировавших занятия историей, кажется оправданным вывод, что сначала поэту, а впоследствии историку, в т. ч. локальному историографу, принадлежала выдающаяся роль в создании и оформлении мифо-исторической традиции, а следовательно и в выработке политически целесообразных, можно сказать ситуативных форм культурной идентичности греческих обществ (Gehrke 2014, 10-16).

Таким образом любому анализу о достоверности, того или иного сообщения античного автора, должно предшествовать понимание того, как античный историк воспринимал прошедшее. Здесь можно отметить следующие принципиальные моменты: Прежде всего это *а)* восприятие мифических рассказов, пусть даже и «рационализированных», как реальных событий; *б)* представление о *телеологичности* истории, и связанной с этим *персонификации* мифо-исторических событий, а также *в) проецирование* характерных для своего времени социо-политических и экономических реалий в прошлое.

Каждый из этих пунктов может быть прояснен на целом ряде примеров. Рамки тезисного сообщения не предполагают слишком растянутого обсуждения, поэтому я сосредоточусь в основном на нескольких избранных местах из Геродота.

а) «Отец истории» пишет, что накануне битвы при Платеях в 479 г. до н. э. между афинянами и тегейцами разгорелся спор о том, кто более достоин занять место на левом фланге (Hdt. 9. 26-27). (Правый фланг был «навсегда» зарезервирован за спартанцами.) Для обсуждаемой темы важно, как обе стороны аргументируют свои претензии. Во-первых и тегейцы и афиняне отождествляют себя с предками. При обращении к собственной истории сразу же появляется вневременное «мы», «наш» закрывающее разрыв во времени между прошлым и настоящим: Наш царь Эхем, мы тегейцы, мы афиняне и т.п. Таким образом достигается глубина собственной истории, которая, через это идентифицирующее «мы», создает впечатление о непрерывной и неизменной культурной идентичности его носителей. При этом собственная древность, понимаемая как старшинство, являлась зачастую единственным доказательством правоты в споре. На это напирали в первую очередь тегейцы, указывавшие на древность своих по их мнению по-прежнему актуальных доблестей, впервые проявленных их предводителем Эхемом в поединке против сына Геракла Гилла. Афиняне парируют «доказательствами» своих еще более древних подвигов во времена похода семерых против Фив, Тесея и Троянской войны. Неизменность же доблестей тегейцев подвергается сильнейшему сомнению. Те кто был когда-то храбрецами, могли стать трусами. Чтобы опровергнуть эту аксиому, лежащую в основе всего

геродотовского труда (Hdt. 1. 5), тегейцам надо было бы совершить нечто выдающееся в современности. Здесь однако первенство принадлежит афинянам, разбившим Варвара при Марафоне и спасшим Элладу. Понятно, что реальное соотношение сил было в афинскую пользу и последний аргумент удачно заканчивал всю афинскую «теорему». Однако, когда сами афиняне попадали в ситуацию, где Марафон и их миссия спасителей сталкивались с равноценными деяниями и не принимались за доказательство, оставался только один способ, подчеркнуть свою древность и первородство по отношению к конкуренту. И это считалось совершенно правомочным доводом. Именно в таком ключе построен спор афинского посланника с тираном Сиракуз Гелоном. Гелон подхватывает сделанное посланцами Спарты и Афин в их вступительном слове отождествление, по крайней мере, части Сицилии с Элладой и указывает на свою миссию «спасителя цивилизации»: Отмщение за гибель Дориея, что возводит Гелона на уровень восстановителя основ миропорядка (к значению т.н. long-term-transactional-order см. ниже) и перекликается с деяниями самих афинян, спасших и предавших погребению тела, павших под Фивами Полиника и других вождей, отражение Варвара в его карфагенской ипостаси и наличие самой мощной у Эллинов армии и флота (Hdt. 7. 158, 160). После этих слов сиракузского тирана афиняне уводят спор от современных реалий и пытаются добиться своего через доказательство своих «природных прав» на руководство: Они единственные среди эллинов автохтоны и старше по-происхождению всех остальных, тем более каких-то сиракузян (Hdt. 7. 161).

Таким образом глубоко прочувствованное мифическое прошлое было, как показывают выше приведенные пассажи из Геродота, важнейшим источником для легитимизации своих собственных претензий на власть, территорию, ресурсы и т.п. Особенно в условиях, когда происходил контакт с могущественным соперником и реальных сил для отстаивания собственных интересов было недостаточно, активизировалось историческое мифотворчество, при этом прошлое и собственные героические деяния удревнялись насколько это можно, или, по-крайней мере глубже чем у конкурентов. Те же тегейцы в озвученном выше споре с афинянами используют подобный мотив, они единственные из пелопонессцев, постоянно живут на своей «малой родине» (Hdt. 9. 26; ср. Thuk. I. 2, *3*). Спартанский посол в споре с Гелоном тоже прибегает к подобному аргументу, упоминая внука Пелопса, Агамемнона, «возопившему бы к небесам», узнай он, что Гелон и сиракузцы отобрали командование у спартанцев (Hdt. 7. 159). Нелишне напомнить, что одной из основ спартанских претензий на главенство в Пелопоннесе было по Геродоту династическое право не дорийской ахейской царской линии (Hdt. 5. 72).

Во всех этих историях очевидно, что мифические для нас события воспринимались как часть абсолютно реального прошлого. Причем не только на профанном уровне, но и на уровне теоретической рефлексии, как видно из Геродота. И это прошлое было, благодаря возможности соединять и/или сочинять различные варианты мифов, практически неисчерпаемым (Gehrke 2010, 15-33). Другое дело, что каждая эпоха и каждая часть античной ойкумены требовала актуализации какого-то своего отрезка мифо-исторического прошлого, как например мифа об Аргонавтах на восточных окраинах римской империи во времена Веспасиана и впоследствии Адриана (Bäbler 2014, 414-413 с предш. лит.). Менее значимое просто уходило в тень, но не становилось нереальным, как видно из замечания того же Геродота о похищениях женщин, предшествоваших нападениям лидийцев на греков (Hdt. 1. 5).

б) Чтобы пояснить мысль о телеологичности и персонификации исторических событий можно еще раз вернуться к Геродоту и его Лидийскому логосу. Гибель Лидийского царства интерпретируется как божественная кара за совершенное некогда Гигесом преступление. Последнее было вынужденным. Гигес был поставлен перед выбором, или погибнуть самому, или пойти против «правильных» ценностей, гарантировавших устойчивость социума (Hdt. 1. 7-13) «Правильные» ценности, регулирующие должные отношения между человеком и богами, мужчиной и женщиной, родителями и детьми, хозяином и гостем, живыми и мертвыми и т.п. образуют ядро долговременного порядка (long-term-transactional-order) более важного нежели кратковременный порядок (short-term-transactional-order). В рамках этого последнего человек преследует свои собственные «скоротечные» интересы, такие как удержание власти, накопление денег, или сохранение жизни, что не является особенно в последнем случае порочным per se. Следование своим «сиюминутным» интересам скорее свойственно природе человека. Это и проявляется в решении Гигеса выбрать жизнь, а не верность долгу, а также и во многих других принимаемых персонажами Геродота решениях. Сравните например мотивацию Гистиея, стремившегося сохранить мост через Истр для Дария (Hdt. 4. 137). Другое дело, что чрезмерно активное преследование «кратковременных» интересов ведет к нарушению баланса и деформациям в долговременном порядке вещей (к понятиям long-term-transactional-order и short-term-transactional-order и их примененимости к анализу античных авторов см. Bloch & Parry 1989, 23-30; Morris 1994, 357-358; Povalahev 2014, 80-83).

Решение Гигеса таким образом привело к долговременным возмущениям в «космическом» порядке и в конечном итоге к гибели страны. Т.к. его выбор не был однозначно негативным и к тому же был,

как сказано, вынужден, то и наказание последовало не сразу. Таким образом Геродот конструирует исторический процесс, когда актуальные события, особенно, если это события исторического масштаба, являются результатом персонального выбора. Задача историка в таком случае, распутать цепь событий и найти инициирующий финал момент в прошлом и ответственных за это персонажей. Понятно, как в выше упомянутой новелле о Гигесе и Кандавле, что исходный импульс, и не только он, в цепи рассказанных событий есть плод мифотворчества, в рамках которого сочиняются цепляющиеся друг за друга новеллы, историчность которых, за исключением некоторых имен, не выдерживает никакой критики. Такие рассказы (Алиатт и храм Афины в Милете, Крез и Биант/Питтак/Солон, гибель Аттиса, посольство в Дельфы и т.п.) преследуют только одну цель, показать способность или неспособность соответствущего персонажа следовать правильно понятому долговременному порядку вещей. Дорией, например, не понял и поплатился за это (Hdt. 5. 48). Главное было обьяснить известный современникам исторический факт и назвать того, кто в прошлом, возможно и не таком далеком, был ответственен за настоящее положение дел.

в) Такого рода тяга к персонификации и сведению всех процессов к одному началу характерна для всей греческой (античной) историографии. Дополнительную устойчивость подобной тенденции придавала, необходимая для самоидентификации полиса потребность подводить под политическую и культурную общность физическую базу. Так большие массы людей считали себя потомками Акарнана или Фессала и т.п. Для колониальных историй это имело то значение, что основание колонии мыслилось, по крайней мере с 5-го в. до н.э. как хорошо организованный и следующий определенным шагам процесс, во главе которого стоял назначенный по велению оракула ойкист, воглавлявший единую в плане культурно-политической идентификации группу. Конфликты в новых колониях происходили, как правило, из-за столкновения с не менее однородно структурированными группами греческих поселенцев. Причем большую роль в таких конфликтах играли противоречия между дорийцами и ионийцами. Именно так мыслят Геродот и Фукидид (Thuk. 6. 4). Нет сомнения, что это проекция, как практики конца 6-5 вв. до н.э. выводивших клерухии Афин, так и актуального для афинского самоопределения 5-го в. до н.э. противопоставления дорийцев ионийцам. Вряд ли можно было в уходящем 8 в. и последующем за ним 7 в. до н.э. найти в греческом мире подобным образом окрашенные конфликты, не говоря уже о несуществовавшем тогда влиянии Дельф. Можно с уверенностью полагать, что информанты Страбона, такие как Антиох Сиракузский или

Эфор разделяли подобные стереотипы (Stein-Hölkeskamp 2006, 313). В более позднее время противопоставление ионийцев дорийцам сошло на нет, но общее представление о колонизации как государственно организованном мероприятии осталось и даже усилилось. К этому добавилась еще проекция эллинистической практики, называть новооснованный полис именем царственного ойкиста, чего в предыдущие века просто быть не могло (см. ниже).

Такого рода проекции не должны нас удивлять. Это своего рода оборотная сторона представлений о неизменности коллективного «мы», о которой было уже сказано выше при анализе спора тегейцев с афинянами. Последние воплощали в себе мечту о коллективном бессмертии общества, которое было важнее не достижимой для отдельного человека вечной жизни. Пример такой мечты с соответствующими социальными и психологическими особенностями для ее носителей встречается в греческой литературе очень рано, это гесиодовское описание счастливого полиса в «Трудах и Днях» (Hes. *Erg.*225-237). Можно утверждать, что идеализированные представления практически любого полиса Греции включали в себя комплекс идей, использовавших пластичную мифоисторическуй традицию, и подчеркивавших собственную неизменность и подобие предкам. (См. пример Магнезии на Меандре – Gehrke 2001, 286ff.). Эта схожесть носила в первую очередь моральный характер и постоянство добродетелей, но вела фактически к механическому переносу актуальных современных представлений об устройстве общества в прошлое. С подобной рефлексией современных на момент составления конкретного источника условий мы и сталкиваемся в античном восприятии прошлого.[2]

Какие же практические выводы могут следовать из приведенных выше рассуждений? Следует больше внимания уделять изучению того идейного контекста в котором были составлены источники. Признание сообщений античных авторов интенциональными предполагает отказ от буквально-позитивистских интерпретаций. Если исходить, как было сказано выше, из того, что легендарное прошлое это ядро культурной идентичности и одновременно силовой и политический ресурс, то

[2] Кажущееся противоречие этому тезису может быть на первый взгляд, как уже сказано выше, обнаружено у Фукидида. Здесь надо заметить, что вся «эволюционная» схема Фукидида афиноцентрична и служит цели доказать тезис о концентрации торговли в Афинах (ср. Thuk. 2. 38) и небывалом за всю историю Эллады увеличении вооруженной мощи в руках противников (Thuk. 1. 10). Его представления о социо-политическом характере общества, как видно из речи Перикла, статичны (Thuk. 2. 36).

например, история основания Пантикапея, переданная Стефаном Византийским (см. выше), выглядит как часть «интенциональной» истории, основной целью которой было обоснование прав пантикапейцев на землю. Если предположить, что в пантикапейскую «интенциональную» историю входили представления о смене владельцев земли, от киммерийцев, к скифам, подобные переданным Геродотом и Страбоном (Hdt. 4,11-12; Strab. 11,2,5), то вариант Стефана представляет своего рода «завершение истории» почти в фукуямовском духе: пришедшие в седой древности греки являются последними и окончательными владельцами земли. По-поводу реальных отношений между скифами и греками в начале 6 в. до н. э. эта легенда не говорит ничего. Когда она была создана неизвестно. На фоне вышесказанного о конкурентной среде и ее влиянии на историописание греков представляется весьма вероятным, что она бытовала в то же время, что и легенда фанагорийцев, переданная Псевдо-Скимном (885-886), о *некогда* (энкл. ποτε) основанной теосцами Фанагории. Последняя есть такая же «интенциональная» история, важная для самоидентификации и легитимизации прав фанагорийцев на окружающий их мир.

Далее, в свете описанного выше проецирования собственного настоящего в прошлое и обусловленной этим склонности пост-классической историографии производить имя колонии по имени фиктивного ойкиста не следует комбинировать сообщения Гекатея и Арриана, а искать для каждого из них свой исторический контекст. Имеет смысл сравнивать данные Гекатея о Фанагории (FGrHist 1F 212) с его же сообщением о названии самийской колонии Нагидос по имени некоего кибернета Нагида (FGrHist 1F 266). Основание колонии требовало укоренения в ландшафте и, как было сказано выше, какой-либо построенной по телеологической схеме связи с прошедшим. Сказание о некоем Нагиде давало такую возможность гражданам Нагидоса, так же как теосцам почитание Тимесия в Абдерах. Аналогично должны были поступить колонисты на Тамани. Нужно понимать, что как минимум лет за 60-50 до основания Фанагории, если не раньше, греки должны были дать имена и острову и всем заметным особенностям местного ландшафта. Фанагория не могла быть, по-крайней мере для самих фанагорийцев, основана в совершенно неокультуренном и безымянном месте. Нельзя в таком случае отбрасывать дополнительное сообщение Стефана об острове Фанагора в той же лемме о Фанагории. Скорее город получил название по острову, чем наоборот. В любом случае наименование колонии по смертному современнику представляется для архаики крайне маловероятным. Все собранные И. Малкиным примеры, иллюстрирующие якобы латентную тенденцию архаического времени называть колонию именем ойкиста, и проявившуюся в

Фанагории, не выдерживают никакой критики. (Malkin 1985, 114-130; ср. Surikov 2012, 440-469; Povalahev 2014, 92-95). Еще менее вероятно для архаического времени название города по имени женщины, как в случае Гермонассы. Только эпохальные сдвиги эллинистического времени изменили ситуацию. И неясно, почему именно Фанагория и Гермонасса должны были опередить свое время более чем на 200 лет.[3]

Гораздо более правдоподобным представляется гипотеза о том, что это именно Арриан в рамках установок своего времени сформировал предание о Фанагоре, как бежавшем от персов ойкисте. То, что Арриана не следует рассматривать с современных позиций, как занимавшегося документальными реконструкциями прошлого историка, очевидно. В своей Вифинике он выводит многие географические названия, имена городов, племен и рек (Фасос, Делос и т.п.) от имен выдуманных им самим персонажей-эпонимов (Stadter 1980, 158). Нет оснований отрицать, что аналогичным образом он мог поступить с Фанагорией, если он поступил так же с Гермонассой. Удачный выбор времени в случае Фанагории, близкий к реальному, мог учитывать сообщение Гекатея о существовании колонии до ионийского восстания. В основе своей он был тем не менее подчинен схематизму разделяемой Аррианом программы панэллинизма императора Адриана, для которой эпоха греко-персидских войн была исходным пунктом противостояния цивилизации и варварства. При этом, именно ионийцы, должны были быть как тогда, так и в его время первыми в этой борьбе. Отсюда, как мне кажется, и появляется прежде не фиксируемый сюжет бегства Фанагора от персов (Povalahev 2014, 99-101; о программе панэллинизма см. Doukellis 2007, 295-307; к мифологизации греко-персидских войн см. Gehrke 2010, 24). Этот сюжет соответствовал идейному багажу образованной римской элиты и актуальному политическому контексту.

Литература

Bäbler B. 2011. Das Land der Skythen – ein Wolkenkuckucksheim Herodots?, in: Povalahev, N. & Kuznetsov, V. (Hrsgg.), *Phanagoreia, Kimmerischer Bosporus, Pontos Euxeinos*. Göttingen, 103-139.

Bäbler B. 2014. Arrian als Archäologe, in: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 407-418.

[3] Если принять во внимание господствующий этос позднеархаического времени с его тенденцией к сбалансированной реципрокации во всех областях жизни, то идея назвать город по имени согражданина не имела бы успеха. О позднеархаическом этосе см. Schmitz 2004, 144-145, 187-188.

Bernstein F. 2004. *Konflikt und Migration. Studien zu griechischen Fluchtbewegungen im Zeitalter der sogenannten Großen Kolonisation*. St. Katharinen.

Bloch M. & Parry J. 1989. Introduction: money and morality of exchange, in: J. Parry & M. Bloch (eds.), *Money and the morality of exchange*. Cambridge, 1-32.

Dewald C. 2003. Form and Content: The Question of Tyranny in Herodotus, in: K. Morgan (ed.), *Popular Tyranny: Sovereignty and Its Discontents in Ancient Greece*. Austin, 25-58.

Gehrke H.-J. 2001. Myth, History, and Collective Identity: Uses of the Past in ancient Greece and Beyond, in: N. Luraghi (ed.), *The Historian's Craft in the Age of Herodotus*. Oxford, 286-313.

Gehrke H.-J. 2010. Representations of the past in Greek culture, in: L. Foxhall & H.-J. Gehrke & N. Luraghi (eds.), *Intentional history: spinning time in ancient Greece*. Stuttgart, 15-33.

Gehrke H.-J. 2014. *Geschichte als Element antiker Kultur. Die Griechen und ihre Geschichte(n)*. Berlin/Boston.

Grainger J. 1999. *The League of the Aitolians*. Brill.

Lehmann, G.A. 2011. Römische Präsenz und Herrschaft im Pontos-Raum in der Ära Hadrians – im Spiegel der *periplous*-Schrift des L. Flavius Arrianus, in: N. Povalahev & V. Kuznetsov (Hrsgg.), *Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.)*, Göttingen. 289-304

Malkin, I. 1985. What's in a Name? The Eponymousw Founders of Greek Colonies, *Athenaeum* 63, 115-130.

Morris, I. 1994. The Athenian Economy Twenty Years After The Ancient Economy, *Classical Philology* 89, 351-366.

Osborne, R. 1998: Early Greek colonisation? The nature of Greek settlement in the West, in: N. Fisher & H. van Wees (eds.): *Archaic Greece: New Approaches and New Evidence.* London, 251-270.

Povalahev N. 2014. Literarische Tradition und architektonische Ausstattung: Überlegungen zu einer „Sonderstellung" Phanagoreias am Nordpontos, in: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 75-110.

Saprykin S. 2014. The Archaeanactids of Bosporus and urban development, in: N. Povalahev (Hrsg.), *Phanagoreia und darüber hinaus... Festschrift für Vladimir Kuznetsov*. Göttingen, 297-316.

Schmitz W. 2004. *Nachbarschaft und Dorfgemeinschaft im archaischen und klassischen Griechenland*. Berlin.

Schmitz W. 2014. *Die griechische Gesellschaft. Eine Sozialgeschichte der archaischen und klassischen Zeit*. Heidelberg.

Stein-Hölkeskamp, E. 2006. Im Land der Kirke und der Kyklopen. Immigranten und Indigene in den süditalischen Siedlungen des 8. und 7. Jahrhunderts v. Chr., *Klio* 88, 311-327.

Surikov, I. 2012. On Etymologie of the Names of Phanagoria and Hermonassa (towards the statement of a problem), *Drevnosti Bospora* 16, 440-469.

Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В.
(Керчь)

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК НА ПЯТОЧНОЙ КОСТИ, ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЙ ВСАДНИКА СРЕДИ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ

В скелете человека обнаруживается целый ряд своеобразных особенностей, представляющих адаптационно-компенсаторные изменения, генез которых различен. Они нередко ошибочно рассматриваются как проявление патологии или ее следствие. Эти изменения связаны с чрезмерной обычной, но длительной (изо дня в день), или же нефункциональной нагрузкой на костно-суставной аппарат в ответ на которую костная и соединительная ткань, как правило, реагирует гипертрофией. Часто большая нагрузка на отдельные мышцы или группы мышц сопровождается параоссальным окостенением в месте прикрепления сухожилий, которое происходит в результате метаплазии - перехода родственных кости опорных тканей (например, фиброзной) в кость [Рохлин, 1965, с. 175 - 179].

Двигательная активность, занятия физическими упражнениями, спортом, а также любая динамическая или статическая нагрузка оказывают многостороннее влияние на организм, которое проявляется как во время нагрузки, так и после ее окончания (срочный эффект). Однако на палеоостеологическом материале можно выявить лишь кумулятивный эффект как суммарный результат воздействия

многочисленных тренировок (нагрузок). Он характеризуется более значительными, широко выраженными, стойкими функциональными и структурными изменениями в организме. По ним можно отличить тренированного человека от нетренированного.

В местах прикрепления мышц (сухожилий) на поверхности костей имеются гребни, бугры, шероховатости. Они выражены тем больше, чем сильнее развиты мышцы. Общеизвестно, что под воздействием тренировочных нагрузок у штангистов изменяется форма лопатки, утолщается ключица, у бегунов происходит утолщение большой берцовой кости. Такие изменения носят адаптационный характер и протекают как благоприятные, прогрессивные, связанные с рабочей гипертрофией кости. Общие адаптационные изменения имеют место во всех костях скелета, а локальные – в наиболее нагружаемых его отделах (у метателей в одной из рук, у прыгунов в толчковой ноге и т.д.)

Такой же адаптационно-компенсаторный процесс, но с иной локализацией, мы выявили на костном материале трех античных и средневековых некрополей (3 индивида).

Как известно, на наружной поверхности тела пяточной кости расположена нерезко выраженная *борозда сухожилия длинной малоберцовой мышцы* (sulcus m. peronaei longus) [Воробьев, Синельников, 1946, с.237]. В ней залегает сухожилие одноименной мышцы (musculus peroneus longus), относящейся к наружной группе мышц голени. Функционально она сгибает стопу, отводит ее наружу и пронирует [Алкамо, 2002, с. 94; Иваницкий, 1948, с. 304, 305]. Такое функциональное положение стопы (**рис. 1**) как нельзя лучше укладывается в механизм управления всадником конем без стремян, в петлевых кожаных стременах-петлях или металлических стременах.

Рис. 1. Функциональное положение стопы всадника

Биообъект. Античный некрополь городища «Марьинское» (Джан-Баба). Западный Крым. Могила № 4. 2-я пол. I в. н.э. Пяточная кость, правая. Мужчина 30-40 лет (автор раскопок к.и.н. С.Б. Ланцов). На наружной поверхности тела кости определяется резко выраженная борозда сухожилия длинной малоберцовой мышцы в виде остеофита с желобовидным углублением по центру, длиной 30,8 мм, шириной 19,1 мм и высотой 11 мм, окаймленного сверху и снизу валикообразными костными козырьками шириной 8 мм и 5 мм соответственно, а сзади и спереди

желобовидными выемками, переходящими в клювовидные костные выросты, направленные кзади кверху и книзу кпереди (**рис. 2 А,Б**).

Рис. 2. Правая пяточная кость, некрополь «Марьинское».
А - наружная поверхность; Б - задневнутренняя поверхность

Оптимальная посадка всадника имеет огромное значение и является основой в верховой езде необходимой для правильного воздействия на лошадь. Бедра всадника плотно прижаты внутренней стороной к седлу (крупу), повернуты внутрь и отставлены назад насколько это возможно при седалище, опирающемся на всю ширину седла. Таким образом посадка становится оптимальной и стабильной. Положение пяточной части стоп при этом должно быть в самой нижней точке – сгибательное положение [В. Мюзелер, К.А. фон Цигнер, 1980, с. 23].

Вышеописанный признак на трех некрополях выявлен у минимума индивидов, что позволяет с полной уверенностью говорить о том, что мужчина с видоизмененной пяточной костью был опытным всадником с детства, почему и развился описанный адаптационно-компенсаторный процесс.

Литература

Алкамо Э. Анатомия. Учебное пособие. Москва. АСТ Астрель. 2002.

Воробьев В.П. и Синельников Р.Д. Атлас анатомии человека. Издание 2-е стереотипное. Том первый. Государственное Медицинское издательство (Медгиз). Москва - 1946 - Ленинград.

Иваницкий М.Ф. Анатомия человека (для институтов физической культуры). 2-е изд-е. Москва. 1948.

Мюзелер В., К.А. фон Цигнер. Учебник верховой езды. Москва. «Прогресс». 1980.

Рохлин Д.Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох – нормальные и рентгенологически измененные. Москва-Ленинград. «Наука». 1965.

Прохоров Д.А.
(Симферополь)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАРАИМСКОЙ ОБЩИНЫ СОЛХАТА В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.[1]

Дискуссия относительно времени появления караимов на Крымском полуострове продолжается уже более столетия; увы, зачастую она выходит за рамки научной аргументации. Наиболее полемический характер носит проблема этногенеза караимов в Крыму, Литве и Польше. Существует две основных версии, объясняющих появление караимов в этом регионе. Сторонники одной из них утверждают, что этнически караимы являются потомками хазар, половцев и других тюркских народов. Впервые эта концепция, которой и сегодня придерживаются некоторые ученые и краеведы, была выдвинута российскими востоковедами В.Д. Смирновым и В.В. Григорьевым (последний был известен своими юдофобскими воззрениями): в соответствии с ее постулатами, современные караимы являются прямыми потомками хазар.

В соответствии со второй теорией принято считать, что караимы появляются в Восточной Европе уже в послехазарское время. Основанием для этого утверждения могут служить сведения, содержащиеся в ряде письменных источников. Первые свидетельства о существовании караимских общин на Крымском полуострове относятся к началу XII в. Путешественник Петахья (Птакия) бен Иаков га-Лабан из Регенсбурга, побывавший в Северном Причерноморье в 1175 г., сообщал, что среди кочевников-половцев он встретил евреев-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825».

сектантов, сходных по обычаям с караимами-ананитами[2] (Кругосветное странствие, 2004, с. 266, 267).

Наиболее достоверное упоминание о пребывании караимов на полуострове датируется второй половиной XIII в. По свидетельству византийского караимского законоведа, философа, врача и литургического поэта Аарона I бен Йосефа га-Рофе (по некоторым сведениям, он родился в Солхате ок. 1260; остальные годы прожил в Константинополе, ум. ок. 1320), между общиной караимов и евреев-раввинистов Солхата в 1278 г. состоялась дискуссия относительно догматическо-календарной проблемы, а именно, о том, какой день следует считать началом месяца «Тишри»[3] (Анкори, 2012, с. 281). Данное свидетельство позволяет утверждать, что караимская община в Солхате существовала как минимум с середины XIII в.; состояла она из переселенцев из Персии, Кавказа и Средней Азии (Кизилов, 2011, с. 115). В XIV в. в Солхате проживал некий Авраам Къырыми (т. е. «из <города> Крыма» – как полагает Д. Шапира, прозелит общины евреев-раввинистов) (Шапира, 2010, с. 21). Авраам Къырыми является автором теологического трактата «Сефат а-эмет» («Язык истины», 1358 г.), написанного по просьбе его ученика, главы караимской общины Езекии (Хизкиягу) бен Эльханана (Кизилов, 2003, с. 124). Помимо всего прочего, упоминания в караимских преданиях о переселении в Крым караимов также могут косвенно свидетельствовать о том, что они появились на территории полуострова в XIII в. – возможно, как уже говорилось выше, караимы прибыли сюда вместе с татарами из Персии, Бухарии и Черкессии после одного из набегов татар в Крым в 1239 г. (Кеппен, 1837, с. 289, 290).

В 1795 г., уже после присоединения Крыма к России, в прошении на имя Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора графа П.А. Зубова крымские караимы сообщали о своем происхождении следующее: «мы, караимы, поселившись в Крыму около 450 лет, живем на местах своего пребывания постоянно, упражняемся в различных рукоделиях трудолюбиво» (Белый, 1994, с. 31, 32). 31 января 1839 г. таврический губернатор М.М. Муромцов, в соответствии с просьбой созданного Одесского общества истории и древностей (члены которого

[2] *Ананиты* – названные по имени Анана га-Наси бен Давида, кодификатора караизма (караимизма) VIII в., его последователи первоначально именовались «ананиты». Караимы, или караиты (с иврита «карай» – буквально «читающие», или «люди Писания») – возникшая в Багдаде в начале VIII в. религиозная секта, доктрина которой основана на отрицании раввинистическо-талмудической традиции.

[3] *Тишри*, или *Тишрей* – седьмой, а в позднейшей традиции – первый месяц еврейского года. Соответствует обычно сентябрю-октябрю.

заинтересовались происхождением караимов), и последовавшим за этим распоряжением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора князя М.С. Воронцова (ГКУ РК ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1437. Л. 1) обратился к караимскому гахаму Симхе бен Шломо Бабовичу с несколькими вопросами – в том числе, и о древности проживания этой этноконфессиональной общности в Крыму. «Не дождавшись Вашего приезда в Симферополь, – писал М.М. Муромцов С. Бабовичу, – я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою поручить кому либо из известных Вам своею опытностию и образованием караимов составить так сказать исторических о быте замечания, с объяснением с которого времени по какому случаю они поселились в Крыму, куда или от какого народа Караимы ведут свое происхождение, какие разительные черты в характере их, не были ли из числа их таких мужей, которые бы знаменовали жизнь свою чем-нибудь особенным, нет ли в преданиях караимов каких-либо памятников, которые бы свидетельствовали о <прошлом> политическом их быте, наконец, чем особенно отмечаются догматы их религии от еврейского исповедания?» (Белый, 1995, с. 114).

В связи с этим распоряжением гахамом Симхой Бабовичем была инициирована деятельность известного караимского ученого и собирателя иудейских древностей Авраама бен Шмуэля (Самуиловича) Фирковича, положившего начало созданию обширной коллекции караимских, еврейских и самаритянских рукописей, связанных с историей иудейских общин, в том числе, и Крыма. 17 сентября 1839 г. Симха Бабович рапортовал М.М. Муромцову о начале археографической экспедиции (Вихнович, 2012, с. 111, 112; Shapira, 2003, p. 65–68), в которой А.С. Фирковича сопровождал газзан Шломо бен Авраам (Соломон Абрамович) Бейм (Рис. 1). В результате проведенных изысканий ими была обнаружена 51 древняя рукопись и фрагменты ТаНаХа (Ветхого Завета), а также были изготовлены 58 копий с надгробных камней на караимских кладбищах в Чуфут-Кале и на Мангупе. 2 ноября 1839 г. А.С. Фирковичем был составлен рапорт на имя М.М. Муромцева об обнаруженных находках. К нему прилагалась справка, заверенная в старокрымской городской ратуше, о том, что «Фиркович отыскал в Старом Крыму при выезде из оного <…> пять камней в кладбищах с надписями 4670, 4704, 4842, 4819 и 4864 годов» (Стевен, 1891, с. 88) – т. е., 910, 944, 1059, 1089 и 1104 гг. н. э. – с которых он также снял копии. Однако, как полагают некоторые специалисты, надписи эти были А.С. Фирковичем фальсифицированы, как и многие приписки к колофонам на найденных библейских рукописях, в том числе, и к четырем колофонам, в которых сообщается о посвящении свитков Торы синагоге хазар в Солхате (929, 939, 965 и 1140 гг.) – в действительности, самые древние из них датируются только XIV в. (1360 и 1376 г.) (Шапира, 2004, с. 105, 106, 115–117, 121, 124, 127; Шапира, 2010, с. 22; Федорчук, 2007, 33, 34).

Часть собранного А.С. Фирковичем материала была передана в музей Общества истории и древностей, а их краткое описание помещено в первом томе «ЗООИД» (Штерн, 1844, 640–649). Для детального изучения собранных документов членами Общества был приглашен директор Одесского еврейского училища Бецалель Штерн. В сентябре-октябре 1842 г. им была совершена поездка в Крым. В целом отчет, составленный Б. Штерном, был для собранной А.С. Фирковичем коллекции положительным (Штерн, 1844, с. 647), однако впоследствии многие детали сделанных находок вызвали у исследователей множество вопросов и сомнения в их аутентичности (Гаркави, 1877, с. 98–121; Гаркави и др., 1875, с. 35–36). В 1845 г. собранный А.С. Фирковичем и Б. Штерном материал был обработан и опубликован на средства Общества немецким гебраистом, доктором философии из Берлина Э. Пиннером. Краткое извлечение из этого издания, помещенное во втором томе «ЗООИД», помимо всего прочего, содержит сведения и о том, что «Сулхатское Козарское общество» существовало уже в конце IX в. (один из опубликованных свитков якобы был подарен местной общине в 881 г.) (Михневич, 1848, с. 50, 52), что, конечно же, не может не вызывать сомнений в его аутентичности.

Заметим также, что дискуссия на тему подлинности находок А.С. Фирковича продолжается и в наши дни: например, в соответствии с точкой зрения, высказанной Б.Е. Рашковским, свидетельства о хазарах, сохранившиеся в рукописях караимских и раббанитских экзегетических сочинений из Первого и Второго собраний А.С. Фирковича, могут не являться подделками, т. к. многие из них коррелируются с текстами, хранящимися, например, в Библиотеке Британского Музея, хотя сам Б.Е. Рашковский признает, что «А.С. Фиркович, действительно, иногда подчищал в рукописях отдельные слова или сочинял к ним поддельные колофоны» (Рашковский, 2011, с. 51).

В дальнейших своих путешествиях по Крыму, Турции, Кавказу, Ближнему Востоку, Литве А.С. Фиркович собрал действительно уникальные рукописные коллекции по истории иудейских общины Крыма и Кавказа. В 1856 г. он обратился к дирекции Императорской публичной библиотеки с предложением приобрести это собрание. В октябре 1862 г. после рекомендации Особой комиссии Российской АН по «Высочайшему повелению» коллекция рукописей была куплена за 125 000 рублей. В нее вошло 975 свитков и рукописей на коже и пергаменте, 703 документа (подлинники и копии), 734 снимка и копии с надгробных надписей. Собрание, которое также включало надгробные плиты с кладбища Чуфут-Кале, по словам современников, «обратило на себя внимание всего ученого мира, не только в России, но и вне ее» (Вихнович, 2012, с. 166). В 1872 г. А.С. Фиркович издал в Вильно книгу «Сэфер Авнэ-Зиккарон. Сборник

надгробных еврейских надписей на Крымском полуострове, собранных ученым караимом Авраамом Фирковичем», куда вошло 769 эпитафий: 564 – из Чуфут-Кале (древнейшая из них датирована Фирковичем 6-м г. н. э.), 72 – из Мангупа (с 866 г.), 28 – из Кафы (с 1078 г.), 5 – из Солхата (по утверждению коллекционера, с 910 г.) и 100 – из Евпатории (с 1593 г.) (Федорчук, 2008, с. 215).

В Солхате-Старом Крыму иудейские (караимские) кварталы локализованы в юго-восточном секторе города. В первой половине XIX в. в городе еще существовали три еврейских кладбища и синагоги, однако впоследствии они были разрушены; последнее сохранившееся здание синагоги видели здесь в 60-х гг. XIX в. (Шапира, 2010, с. 22). По словам путешественника Минаса Бжишкяна (Минаса Медици), посетившего Старый Крым около 1830 г., местная караимская община возникла еще во времена генуэзцев, о чем якобы свидетельствовали «их памятные записи и могилы» – М. Бжишкян утверждал даже, что видел могилу Аарона I бен Йосефа га-Рофе (Кизилов, 2003, с. 123).

В середине XIX в. наиболее заметным становится интерес научной общественности к крымским древностям. В 1886 г. Крымский полуостров посетил известный российский ориенталист В.Д. Смирнов, который осмотрел историко-архитектурные достопримечательности Старого Крыма. В числе прочих ученый обратил внимание на остатки разрушенного здания предположительно караимской кенасы: «к замечательным остаткам древностей принадлежат развалины, которые слывут в народе за «еврейскую школу» (Смирнов, 2008, с. 510, 511). Проблемам, связанным с прошлым крымских караимов, пристальное внимание уделялось и членами ТУАК. Так, в июне 1888 г. в Старый Крым с научной командировкой приехал председатель Комиссии А.И. Маркевич; в 1892 г. в одном из номеров ИТУАК была опубликовано его сообщение «Старокрымские древности», в котором была рассмотрена проблема сохранения археологических памятников, и в частности, остатков здания кенасы. Старокрымским городским головой Ф.К. Ровицким в музей ТУАК была передана найденная надгробная плита с надписями на арабском (с указанием даты реставрации местной мечети – 1309 г.) и на иврите (размеры плиты: 83 х 44 х 8 см). Последняя надпись относилась к 1517 г. (а не к 1417 г., как неверно указывал А.И. Маркевич), и гласила: «Здесь похоронен почетный старец Мардохей, сын Мардохея. Скончался в первый день недели 17-го Тевета 5277 г. Да будет душа его завязана в узле жизни у Господа Бога его» (Маркевич, 1892, с. 127). До обнаружения плиты древнейшим эпиграфическим памятником мусульманского происхождения в Старом Крыму была надпись на портале мечети Узбека (1314 г.). Кроме того, вторичное использование закладного камня мечети караимами, занимавшими в Крымском ханстве подчиненное положение

«райя», или «зимми», может свидетельствовать о сильнейшем упадке мусульманской общины Солхата в начале XVI в. (Кизилов, 2003, с. 125). Ныне этот ценный артефакт хранится в лапидарии Центрального музея Тавриды в Симферополе (КП-15558 А-20750) (Рис. 2).

В 1902 г. Комиссия рассматривала дело о передаче старокрымской еврейской общине здания караимской кенасы. Доклад, с которым на ее заседании 25 февраля 1902 г. выступил А.И. Маркевич, был подготовлен им в связи с поступившей в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД, а затем переданной Таврическим губернатором П.М. Лазаревым в ТУАК жалобой от Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП) на необоснованность, по мнению караимского духовенства, претензий еврейской общины на данное культовое сооружение (в частности, речь шла о постановлении собрания уполномоченных Старокрымского упрощенного общественного управления, решившего передать здание еврейской общине) (Протокол, 1902, с. 44, 45). Главным аргументом ТОКДП в данном споре являлось утверждение, что гехал (алтарь) этого молитвенного дома ориентирован по оси север-юг, тогда как в религиозной практике евреев он обращен на восток. Доводы противоположной стороны основывались на факте наличия вблизи здания синагоги миквы – водного резервуара для омовения, очищения от ритуальной нечистоты (элемента, характерного для богослужебной практики евреев-раввинистов). П.М. Лазарев поручил членам Комиссии разобраться в этом щекотливом вопросе, используя для этого строго научную аргументацию.

Что касается конфессиональной принадлежности здания синагоги/кенасы, то Комиссией однозначное решение по этому дискуссионному вопросу принято не было; отметим также, что впоследствии данная тема не раз обсуждалась на заседаниях ТУАК–ТОИАЭ (Прохоров, 2007, с. 162–177). В недавнее время археологические исследования территории, на которой расположены руины данного объекта, были продолжены: в результате изысканий было выяснено, что общая площадь строения составляла 0,03 га (размеры здания около 13 х 16 м), при этом его северная стена разобрана почти до уровня дневной поверхности (Гаврилов и др., 2014, с. 148–150). Рядом располагалось кладбище с надгробиями, часть из которых была увезена караимами, переселившимися в другие места проживания. Дальнейшее исследование этого вопроса позволит провести научную реконструкцию истории караимской общины Солхата-Старого Крыма.

Литература

Анкори Цви. Крымские караимы и хазары (из книги «Происхождение караимов в Византии») // в кн. *Вихнович В.Л.* Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012. С. 255–304.

Белый О.Б. Из истории караимской общины Крыма в конце XVII – нач. XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления в ЦГАК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1994. № 1. С. 30–35.

Белый О.Б. Обзор архивных документов по истории караимской общины в первой половине XIX в. (По материалам фонда Таврического и Одесского караимского правления в ГААРК) // Крымский музей. Симферополь: Таврия, 1995. № 2. С. 105–117.

Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович: Еврейские рукописи. История. Путешествия. 2-е изд. СПб.: Академия исследования культуры, 2012.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым: Материалы к археологической карте города Старый Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014.

Гаркави А.Я. К вопросу об иудейских древностях, найденных Фирковичем в Крыму // ЖМНП. 1877. № CXCII, Ч. 2. С. 98–121.

Гаркави А.Я., Штрак Г.М. О Коллекции восточных рукописей А.С. Фирковича, находящихся в Чуфут-Кале // ЖМНП. 1875. № CLXXVIII, Ч. 4. С. 5–49.

Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым», г. Симферополь (ГКУ РК ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 3.

Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1837.

Кизилов М.Б. К истории малоизвестных караимских общин Крымского полуострова // Тирош: Труды по иудаике. М., 2003. Вып. 6. С. 123–140.

Кизилов М. Крымская Иудея: Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. Симферополь: Доля, 2011.

Кругосветное странствие Рабби Петахии Регенсбургского // Три еврейских путешественника; Под ред. Г. Зеленина; пер. П.В. Марголина. М.: Мосты культуры, 2004. С. 259–330.

Маркевич А.И. Старо-Крымские древности // ИТУАК. Симферополь, 1892. № 17. С. 124–129.

Михневич И. О еврейских манускриптах, хранящихся в Музеуме Одесского общества истории и древностей // ЗООИД. Одесса, 1848. Т. 2. С. 47–77.

Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии 25 февраля 1902 г. (с сообщением А.И. Маркевича «О старокрымской синагоге, как предмете спора между евреями и караимами») // ИТУАК. Симферополь, 1902. № 34. С. 44–47.

Прохоров Д.А. Деятельность ТУАК–ТОИАЭ по изучению истории, этнокультурных и конфессиональных традиций крымских караимов (1887–1930 гг.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19. С. 162–177.

Рашковский Б.Е. 2011. «Выбор веры» в средневековом иудаизме. Дисс… канд. ист. наук. 24.00.01. Москва.

Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года // в кн. *Непомнящий А.А.* Подвижники крымоведения. Т. 2. TAURICA ORIENTALIA. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008. С. 499–529.

Стевен А.Х. Дела архива Таврического губернского управления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // ИТУАК. Симферополь, 1891. № 4. С. 84–94.

Федорчук А. Авраам Фиркович и фальсификация крымских надгробных памятников // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2007. С. 33–34.

Федорчук А. Еврейские некрополи Крыма: история исследования и современное состояние. // Евроазиатский еврейский ежегодник – 5768 (2007/2008). М.: Паллада, 2008. С. 212–227.

Шапира Д. Нынешнее состояние ряда приписок к колофонам на библейских рукописях из первого собрания А.С. Фирковича // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М.: Сефер, 2004. Т. 1. С. 102–130.

Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. Под ред. А. Кулика. Иерусалим: Гешарим; Москва: Мосты культуры, 2010. С. 13–43.

[*Штерн Б.*]. Древние еврейские кодексы и другие памятники // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1. С. 640–649.

Shapira D. Avraham Firkowicz in Istanbul (1830–1832): paving the way for Turkic nationalism. Ankara: KaraM, 2003.

Рис. 1. Авраам Фиркович, Шломо Бейм, Гавриил Фиркович и дочь А.С. Фирковича Милка Фиркович (из книги и Г.-Ф. Х. Паули «Этнографическое описание народов России», СПБ., 1862 г.)

Рис. 2. Надгробная стела с надписью на иврите (Старый Крым, 1892 г.). Мрамор, резьба по камню, врезной рельеф (ЦМТ, КП-15558 А-20750)

Прохорова Т.А.
(Севастополь)

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ХЕРСОНЕССКОГО И КЕРЧЕНСКОГО МУЗЕЕВ В 20-Х ГГ. XX В.: СТАТЬЯ К.Э. ГРИНЕВИЧА «ПАНТИКАПЕЙ»

2016 год является юбилейным для ряда крымских музеев: минуло 205 лет со дня основания Феодосийского музея древностей; 95 лет назад, в 1921 г. был учрежден Центральный музей Тавриды; и, наконец, 190

лет назад, в 1826 г., был основан Керченский музей древностей. Через год, в 1827 г., были произведены первые археологические раскопки в юго-западной части Крыма – на городище Херсонеса Таврического, а еще через 65 лет был открыт Херсонесский музей. Две последние даты музейное сообщество готовится отметить в грядущем 2017 г., и в связи с этим небезынтересным видится вопрос о деятельности двух музеев – Керченского и Херсонесского – накануне их 100-летних юбилеев в 20-х гг. XX в.

В сентябре 1926 г. состоялась IV Крымская музейная конференция в Керчи, на которой был завершен процесс организационного оформления единой сети государственных музеев в Крымской АССР в первой половине 20-х гг. XX в. Решением итоговой резолюции конференции археологические музеи были выделены в отдельную группу профильных учреждений. Было определено, что археологическую специализацию имеют три музея Крыма – Херсонесский, Керченский и Феодосийский [Закс 1981, с. 201*; Асанова 2012*].

Феодосийский музей древностей, один из старейших в Европе, был открыт 13 мая 1811 г. по инициативе и при содействии феодосийского градоначальника С.М. Броневского (1763–1830). Первая коллекция, поступившая в фонды музея, была приобретена у феодосийского купца Дживарджи и состояла из предметов старины – терракот, барельефов, амфор, монет. В дальнейшем музейное собрание пополнялось за счет дарений, покупок и археологических раскопок [Тункина 2002, с. 209]. До 1871 г. музей, бывший по сути хранилищем древностей, располагался в центре Феодосии на территории турецкой мечети, а после – в здании, специально построенном для него на средства художника И.К. Айвазовского. В середине 1920-х гг. археологический музей был перемещен в бывший дом великого художника, и только в 1988 г. Феодосийскому краеведческому музею было выделено здание, где до революции размещалась гостиница «Генуэзская» [Петрова 1994; Петрова 2012; Тункина 1998].

Активный рост городов в Таврической губернии, строительство портов и развитие инфраструктуры в первой половине XIX в. неизбежно тревожило остатки древних поселений, предшествовавших современным городам. Обнаруженные памятники древности оседали в частных коллекциях, со временем стали проводиться грабительские раскопки на руинах древних городов и некрополях. Проблема сбережения культурно-археологического наследия становилась все ощутимее, и вот о необходимости создания музеев-«древлехранилищ» заговорили в Керчи и в Одессе. Усилиями М.С. Воронцова этот вопрос был решен, и 2(15) июня 1826 г. состоялось открытие Керченского музея древностей. В основу музейного собрания легла коллекция

археолога-любителя, члена-корреспондента Императорской академии художеств П. Дюбрюкса (1770–1835), назначенного первым директором музея. Коллекция музея пополнялась за счет дарений, но более всего – за счет археологических раскопок, дававших неимоверные объемы новых поступлений – находок из Керчи и ее окрестностей, с побережья Боспорского пролива, Таманского полуострова и всего Крыма. В 1841 г. музей переехал в новое здание на горе Митридат. С Керченским музеем древностей связаны судьбы таких видных деятелей, как дипломат и коммерсант Р.А. Скасси, археолог и основатель Одесского музея И.П. Бларамберг, керченский градоначальник И.А. Стемпковский (1789–1832), историк и археолог А.Б. Ашик, чиновник для расследования древностей Д.В. Карейша, историк и археолог Н.Н. Мурзакевич (1806–1883), член Одесского общества истории и древностей Н.П. Кондаков, художник Ф.И. Гросс (1822–1897), доктор истории и теории искусств Д.В. Айналов; был в их числе и будущий директор Херсонесского музея К.Э. Гриневич. С основанием музея, Керчь – колыбель российской археологии – превратилась в центр развития классической науки на юге России, а собрание ее музея и по сей день остается уникальнейшим в ряду крупнейших музеев Европы [Федосеев 2002; *Федосеев* 2005; Марти 1926; Тункина 2002, с. 220–226].

На закате «века археологии», т.е. XIX в., был создан Херсонесский музей, подытожив шесть с половиной десятилетий, миновавших с начала археологических раскопок в Херсонесе. Огромную роль в создании музея сыграла графиня П.С. Уварова, указавшая на необходимость устройства музея для сохранения историко-культурного наследия, а также К.К. Косцюшко-Валюжинич – председатель Севастопольского городского банка, основатель музея, первый директор раскопок в Херсонесе, зачинатель библиотечного и архивного дела в Херсонесе, организатор охраны и популяризатор памятников, основоположник исследований на Гераклейском полуострове. Раскопки, проводимые в Херсонесе, давали богатый материал, который был аккумулирован на «Складе местных древностей», устроенном в 1892 г. Наряду с Керчью Херсонес становится центром развития классической археологии, в котором работали такие видные ученые, как Д.В. Айналов, В.В. Латышев, А.Л. Бертье-Делагард. И уже на начальном этапе ощущалось участие керченских специалистов в жизни Херсонесского музея: так, после смерти К.К. Косцюшко-Валюжинича устройством дел в Херсонесе занимался директор музея в Керчи, эпиграфист и археолог В.В. Шкорпил (1853–1918). Он указал на острые проблемы в жизни музея – отсутствие надлежащих зданий для хранения и экспонирования музейных коллекций, а также скудное материальное обеспечение, которого не хватало даже на зарплату сотрудникам. Ему

же пришлось заведовать музеем в Херсонесе и некоторое время после отстранения от дел Р.Х. Лепера в 1914 г. Передав дела Л.А. Моисееву, В.В. Шкорпил вернулся в Керчь, где продолжал руководить музеем вплоть до своей трагической гибели 27 декабря 1918 г. На этом посту его сменил историк и археолог, блестящий музеевед К.Э. Гриневич, связавший свою судьбу, как и его предшественник, с двумя музеями Крыма – в Херсонесе и в Керчи [Гриненко 2005].

Все три музея вели активную деятельность по собиранию и сохранению древностей с начала XIX в. (несмотря на то, что Херсонесский музей официально был создан гораздо позже). Старейший музей на юге России – Феодосийский музей древностей – в составе своей первой коллекции 1811 г. имел вещи и из Херсонеса, и с Боспора, выступив неким объединяющим началом музейного дела в Крыму [Тункина 2002, с. 207–215].

6 ноября 1919 г., согласно приказу Управления народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале А.И. Деникине, по рекомендации Л.А. Моисеева, К.Э. Гриневич стал заведующим Керченским музеем древностей, которым руководил до 10 июля 1921 г, после чего вернулся в Петроград [Латышева 2004, с. 284–285; Марти 1926, с. 44–45; Асанова 2012]. Выбор К.Э. Гриневича на должность заведующего Херсонесским музеем, очевидно, был продиктован наличием необходимой квалификации, а также необходимым опытом руководящей работы в музейном учреждении. 18 июня 1924 г. К.Э. Гриневич к должности заведующего музеем дополнил исполнение обязанностей заведующего Севастопольским ОХРИСом, став, таким образом, единоличным руководителем всей музейной системы в городе.

Константин Эдуардович связал два музейных сообщества Юго-Западного и Восточного Крыма, что определило тесное сотрудничество двух музеев в это и последующие десятилетия.

В 20-х гг. XX в. Константин Эдуардович начал работу над статьей «Пантикапей». В научном архиве Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» (далее – ГИАМЗ «Херсонес Таврический») хранится дело, содержащее материалы переписки Херсонеса с Керченским музеем древностей в 1926-1930 гг. (НА ГИАМЗ ХТ, ф.1, д. 1573, л. 1-2). В подшивке этого дела на листах 1-2 имеется черновая рукопись статьи К.Э. Гриневича «Пантикапей». Сюжеты истории Боспора нередко встречаются в научной деятельности первого директора Херсонесского археологического музея, ведь именно на Боспоре К.Э. Гриневич начинал свою археологическую деятельность, и потому судьба предметов, происходивших из Восточного Крыма, вызывала в нем

живой интерес. В авангарде его научных публикаций имеется ряд статей, посвященных вопросам боспорской истории [См. например: Гриневич 1927; Гриневич 1946; Гриневич 1952; Гриневич 1924]. Вероятно, идея создания статьи о столице Боспорского царства возникла у него во время работы на Пантикапейском некрополе в качестве самостоятельного исследователя в 1920 г.

Статья о Пантикапее задумывалась К.Э. Гриневичем как фундаментальное исследование по истории боспорской столицы. Краткий план статьи, составленный автором на полях рукописи, показывает, что работа должна была состоять из нескольких частей: введения (время основания, местоположение, размеры и укрепления), разделов о государственном устройстве (правительство, социалы и экономическое устройство), религии, быте, искусстве. На момент написания черновика Гриневич в историографии отметил только две работы – «Воспорское царство с его палеографическими и надгробными и расписными вазами, планами, картами и видами» А.Б. Ашика (Одесса, 1848) и «Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского» П.П. Сабатье (СПб., 1851).

Во введении автор статьи отметил важность изучения Пантикапея – «одного из ста друзей Милета, одной из его колоний». Город был основан на территории, выделенной скифским царем Агаетом, в VII–VI вв. до н.э., а название, как отмечал Гриневич, было дано городу сыном Аэта по имени реки Пантикапы. Автор дает схематический очерк истории города, затем переходит к описанию экономического уклада древнего Пантикапея и характеристике боспорского пантеона. В конце статьи К.Э. Гриневич сакцентировал свое внимание на предметах искусства – расписных вазах, ювелирных изделиях и скульптуре, представлявших уникальное собрание из раскопок древнего Пантикапея.

Работа над этой статьей продолжалась и позже. Константин Эдуардович не оставлял идеи о написании серьезной работы о Боспорской столице, учитывая уже проведенную грандиозную работу по сбору материала. В письме директору Керченского музея древностей Ю.Ю Марти, написанном предположительно уже после назначения на должность директора Херсонесского музея, К.Э. Гриневич отмечал свою заинтересованность в подготовке этого труда. Как следует из письма, статья была задумана давно и со временем обрела более четкую структуру. В новой проработке статья должна была состоять из пяти разделов. Во введении планировалось показать значение археологических открытий для изучения древней истории и роль юга России в развитии отечественной археологии. Второй раздел, посвященный исторической судьбе Пантикапея, заключал

характеристику древней истории города, перечисление и анализ причин колонизации на фоне истории Древней Греции, описание древней полиции, описание политики Археанактидов, Спартокидов, Митридата, господства Рима и последних боспорских царей. Третий раздел, посвященный древностям Пантикапея, должен был содержать описание основных памятников Пантикапея – горы Митридат, так называемых «кресел» Митридата, раскопок, терм, истории исследований (по данным архива Музея). Сведения о некрополе Пантикапея были выделены исследователем в отдельный четвертый раздел с описанием типов погребений (в этом разделе автор статьи планировал объединить результаты собственных раскопок 1920 г. и исследований В.В. Шкорпила в 1917 г., а также дать характеристику Царскому, Мелек-Чесменскому курганам, задействовать архивные данные о раскопках Юз-Обы, Куль-Обы и других курганов). В пятом, последнем, разделе планировалось показать работу музеев: а) Центрального музея с изданием собрания терракот (для этого автор систематизировал все терракоты из раскопок В.В. Шкорпила), изданием коллекции чернофигурных ваз (16 предметов) и других находок; б) издать индекс всех стел из фондов музея, с Митридата, а также предметы из экспозиции («витринные предметы»); в) переиздать краткий каталог Музея Мелек-Чесменского кургана (в работе Ю.Ю. Марти «Описание Мелек-Чесменскаго кургана и его памятников в связи с историей Боспорскаго царства» в ЗООИДе [Марти 1913]).

К.Э. Гриневич планировал издать свою статью в виде отдельной книги. Составив план будущей работы, автор отметил, что издание уже вышло на французском языке, имея ввиду путеводитель на французском языке [Grinevitch 1920]. Русскоязычное издание планировалось масштабнее и было рассчитано более чем на 150 страниц (ко времени написания письма 150 страниц Гриневичем уже было написано), завершить ее автор хотел до сентября 1926 (?) г. и уже даже определил, что печатать труд будет в типографии евпаторийского купца Лаго [Сведения о существующих в России типографиях… 1895, с. 38].

На момент проведения музейной конференции 1926 г. директором Керченского музея был Ю.Ю. Марти, сменивший на этом посту К.Э. Гриневича, который не покинул руководящей должности и возглавил Херсонесское музейное собрание. Благодаря деятельности руководителей археологических музеев был обеспечен процесс непосредственной организации раскопок памятников, а также техническое сопровождение сбора, описания, учета и хранения найденных объектов. К.Э. Гриневич, посвятив свою деятельность возрождению археологических исследований в Крыму, уделял большое внимание методологическим разработкам в этой сфере, особенно

относительно форм исследований археологических объектов [Гриневич 1929; Гриневич 1928; Гриневич 1926]. Этим был достигнут новый качественный уровень в деле изучения памятников прошлого Крыма, археологические раскопки и охранные мероприятия стали проводиться на регулярной основе, а публикации результатов исследований появлялись оперативно. В этой связи следует заключить, что коллектив крымских профильных музеев к концу 30-х гг. XX в. превратился в основных организаторов раскопок, а местные исследователи заняли ведущую роль в определении перспектив исследований, что свидетельствовало об оформлении крымских музеев в полноценные научно-исследовательские учреждения [Асанова 2012, с. 51–52].

В 1926 г. Керченский музей древностей отмечал свое 100-летие. В Научном архиве ГИАМЗ «Херсонес Таврический» хранится поздравительное письмо Л.А. Моисеева в адрес Ю.Ю. Марти и всего коллектива Керченского музея древностей (НА ГИАМЗ ХТ, ф.1, д. 1573, л. 3). Как и сегодня, тогда перед музейщиками Крыма стояла задача сохранения и приумножения историко-археологического наследия полуострова, справиться с которой могли такие преданные своему делу люди, как К.Э. Гриневич.

Литература

НА ГИАМЗ ХТ, ф.1, д. 1573.

Асанова У.К. Экспедиционная деятельность государственного Херсонесского историко-археологического музея (20–30-е гг. XX в.): по материалам архивов Санкт-Петербурга и Москвы // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 25 (64), № 2. Симферополь, 2012. С. 51–71.

Асанова У.К. Развитие музейной сети в Крымской АССР: археологические профильные музеи 1920-1930 гг. // Культура народов Причерноморья. 2012. №228. С.29–32.

Гриневич К.Э. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток. 1924. № 6. С. 524–525.

Гриневич К.Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского п-ва // ИТОИАЭ. 1927. Вып. I. С. 47–52.

Гриневич К.Э. Краеведный музей, его задачи, структура и принципы экспозиции // Краеведение. М.; Л., 1929. № 2. С. 95–109.

Гриневич К.Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. № 2. 1946. С. 160–164.

Гриневич К. Э. Опыт методологии археологической науки. Керчь, 1926.

Гриневич К.Э. Что такое музей // Известия Центрального Бюро Краеведения. 1928. № 2. С. 7–10.

Гриневич К.Э. Юз-Оба: (Боспорский могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора: сборник статей. Симферополь, 1952. Т. 1. С. 129–147.
Гриненко Л.О. Керченский коллега (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. IX. С. 330–359.
Закс А.Б. Областные музейные конференции в РСФСР 1926–1927 годов: по материалам ОПИ ГИМ // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981. С. 197–211.
Латышева В.А. К.Э. Гриневич как археолог // Древности 2004. Харьков, 2004. С. 284–294.
Марти Ю.Ю. Сто лет Керченского музея: исторический очерк. Керчь, 1926.
Марти Ю.Ю. Описание Мелек-Чесменскаго кургана и его памятников в связи с историей боспорскаго царства // ЗООИД. Одесса, 1913. Т. XXXI. Отд. 3. С. 1–88.
Петрова Э.Б. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. С. 20–34.
Петрова Э.Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округи в 1920–1930-х годах // Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. 1800-летию города Судака. Археологический альманах, № 28. Донецк: Донбасс, 2012. С. 259–284.
Сведения о существующих в России типографиях, литографиях, металлографиях, заведениях, производящих и продающих принадлежности тиснения, фотографиях, а равно о местах книжной торговли, публичных библиотеках и общественных читальнях, составленные по 1-е января 1894 года. [СПб., 1895].
Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
Тункина И.В. Создание Феодосийского музея древностей // Древнее Причерноморье: IV Чтения памяти проф. П. О. Карышковского (12–14 марта 1998 г.). Одесса, 1998. С. 38–43.
Федосеев Н.Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
Федосеев Н.Ф. «Один из древнейших» (Керченский музей древностей) // Исторический и зеленый туризм в Восточном Крыму. Вып. 2. Керчь, 2005. С. 15–21.
Grinevitch C. L'Archeologie classique de Pantikapee. Kertch, 1920. 16 p.

Радочин В.Ю.
(Симферополь)

ИССЛЕДОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭСКИ-КЕРМЕНА ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ
(история вопроса, результаты, перспективы)

Изучение антропологических материалов древних народов, населявших полуостров в разное время, позволяют выделить морфологические типы и проследить генетическую преемственность между отдельными этническими группами.

В этой связи особое значение здесь имеют городские центры, имевшие продолжительную историю и являвшиеся военными форпостами, центрами торговли и культуры.

История раскопок Эски–Кермена и его некрополя насчитывает довольно продолжительный период. С некоторыми перерывами с 20-х годов прошлого века и до сегодняшних дней (1928-1934, 1936-1937, 1978-1982, 2003, 2006-2008, 2013, 2015 гг.) велись археологические раскопки оборонительных сооружений, наземных построек, пещерных комплексов, культовых и погребальных сооружений. Материалом для исследования стал и разновременный палеоантропологический материал.

Впервые публикацию антропологических материалов из погребений Эски - Кермена мы встречаем в работе Г.И. Петрова «Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931 – 1933 гг.» [7]. Был получен материал из земляных склепов V-VII вв., из подбойных могил VII-VIII вв., из разновременных усыпальниц от VIII- XIII вв. и простых грунтовых могил XI-XIII вв.

По результатам раскопок 1928 – 1933 годов была получена серия из 300 черепов, а также значительное количество длинных костей. Накопленного материала, по мнению автора, было достаточно, чтобы сделать ряд выводов «по вопросу об изменчивости физических

признаков и (физического типа человека) в Эски-Кермене». В своей работе автор обращает внимание на некоторые существенные положения в характеристике антропологических материалов из Эски-Кермена. В своем анализе Г.И. Петров указывает на весьма значительную дифференциацию «расовых признаков» на материале из ранних погребений (V-VII вв.)

Обычай искусственной деформации (наибольшее количество мужских черепов имело затылочно – теменную деформацию) Г.И. Петров объясняет определенным общественным положением погребенного.

В сообщении также указывается на вполне очевидную, по мнению автора, генетическую связь между ранними и более поздними погребениями. Нужно добавить, что наиболее многочисленные серии получены из поздних погребений.

На краниологическом материале автор выделяет два основных типа брахиоидный и долихоидный, их черты прослежены и в катакомбном могильнике. В работе автор увязывает серии черепов из Эски–Кермена с населением Кавказа. В целом, Г.И. Петров указывает на сложные процессы расо-генетического порядка на означенной территории.

В 1949г. была опубликована работа Г.Ф. Дебеца «Антропологический состав населения средневековых городов Крыма».[1] В работе использовано около 140 черепов. Большее количество материала происходит из поздних усыпальниц, но некоторая часть и из катакомбного могильника. Автор сосредоточил свое внимание на морфологических характеристиках черепов.

Основной вопрос работы выяснение расового состава населения полуострова после предполагаемого готского вторжения. Также рассматриваются участия элементов греческого и гунно-хазарского типов.

В заключении Г.Ф. Дебец приходит к выводу, что основная масса населения местного происхождения. Скандинавская примесь, если она и была, сводилась к весьма незначительному проценту. Также автор считает, что основной тип средневековых городов горного Крыма обнаруживает наибольшее сходство с сарматами волжской дельты и крымскими таврами. Проводятся параллели с горцами Северного Кавказа и черепами хазаро-аланского времени из Зливкинского могильника.

В 1973 году была опубликована работа Г.П. Зиневич «Антропологические материалы средневековых могильников Юго-западного Крыма». [2] В ней автор наряду с другими материалами публикует исследования 16 черепов из могил жилых комплексов Эски-Керменского городища XII – XIII вв., полученных в ходе раскопок

жилых комплексов на плато Эски-Кермена в 1936 году. Г.П. Зиневич относит черепа из Эски–Кермена к брахикранному европеоидному антропологическому типу, что по ее мнению свидетельствует о почти неизменном в целом морфологическом облике населения «пещерных городов» на протяжении нескольких веков. (V-VIIвв. – XII-XVвв.) Краниологические материалы из Эски-Кермена свидетельствуют о почти неизменном облике населения этого города на протяжении нескольких веков. Черепа из Эски-Кермена, как и черепа из Мангуп-Кале, относятся к брахикранному европеоидному антропологическому типу, близкому к типу черепов из могильника Суук-Су на Южном берегу Крыма, древним черепам из Передней Азии, в частности из Сиалка на территории Ирана и северного побережья Малой Азии, а также древним черепам с Северного Кавказа.

По итогам работ археологических раскопок 1978-1982гг. были опубликованы некоторые материалы антропологических исследований в которых Т.А. Назаровой дана характеристика палеоантропологического материала из раскопок Эски-Керменской экспедиций. В своих работах Т.А. Назарова обращает внимание на общее сходство средневекового населения Юго-западного Крыма по отношению к брахикрании. [3,4,5,6] Также автор указывает на некоторую смешанность морфологических типов внутри серий из Эски-Кермена и Мангупа. В одной из работ дается краткий анализ палеопатологических состояний серии из Эски-Кермена.

Таким образом, к моменту возобновления систематических раскопок под руководством А.И. Айбабина в 2003 году был накоплен достаточно большой пласт исследований антропологического материала. Ни сколько не умоляя важности выводов и проделанной работы, хотелось бы заметить, что основная масса опубликованного материала происходит с территории самого городища, а не некрополя, находящегося на западном склоне городища, на котором находятся наиболее ранние погребения. В основном исследования посвящены решениям вопросов связанных с морфологией. Также хотелось бы выразить сожаления об отсутствие в публикациях результатов исследования посткраниальных скелетов.

В 2003 году археологическая экспедиция Крымского отделения Института востоковедения под руководством А. И. Айбабина возобновила охранные раскопки на городище Эски-Кермен и его некрополе.

Раскопки на некрополе велись в 2003, 2006-2008, 2013, 2015гг. на участке с погребениями второй половины VI-XI вв. На сегодняшний день в период с 2003 по 2015 гг. поучен материал из 36 погребальных сооружений среди них 18 склепов, 9 подбойных и 9 грунтовых могил.

Речь идет только о погребальных сооружениях из которых был получен антропологический материал. Всего исследовано 107 погребенных (мужчин-23, женщин-36, детей-29 половая принадлежность не определена-19). Достоверно зафиксирована искусственная деформация на 21 черепе.

По результатам проведенных работ было издано несколько публикаций, содержащих в себе описания и характеристику полученных материалов из могильника на западном склоне городища, а также освещены палеопатологические аспекты.[8-10]

Результатом совместных работ с Римско-Германским музеем г. Майнц в 2006-2008 гг. стала публикация анализов молекулярно – биологических исследований, целью которых был генетический анализ. [11] Материал показал чрезвычайно хорошую сохранность ДНК. Полученные результаты указали на скандинавское происхождение некоторых индивидуумов. Также в работе затронуты некоторые вопросы палеопатологических и некоторых эпигенетических характеристик (особенно деформированных черепов). Проведены исследования по сравнению материалов из синхронных могильников раннесредневекового Крыма.

Несомненно, Эски-Кермен на протяжении всего времени существования был полиэтничным центром, что в полной мере подтверждается антропологическими данными.

Продолжение исследования некрополя Эски–Кермена и погребальных комплексов на самом городище с применением современных методик комплексного изучения материала позволит ответить на ряд вопросов, поставленных еще на ранних этапах исследования, что поможет нам восстановить в полной мере картину жизни данного памятника.

Наряду с традиционными направлениями, следует обратить внимание на создание базы данных для будущих исследований ДНК материалов и изотопных проб для реконструкции палеодиеты и мобильности раннесредневекового населения. Актуальными являются вопросы палеопатологических исследований и эпигенетических изменений. Обязательным пунктом изучения состава населения Эски-Кермена остается соотнесение полученных результатов с синхронными сериями соседних городских центров и населения, составлявших их округу.

Литература

Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма.// Сб. музея антропологии и этнографии.- М.-Л-д.1949.- Т .XII.- с. 333-386.

Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго Западного Крыма.- Киев. 1973.- 261с.

Иванов А. В Назарова Т.А. Позднекочевнический могильник Ек-Мурун-Оба и средневековое население Мангупа и Эски- Кермена.// Проблемы истории и археологии Украины. Харьков . 1997,- с.54.

Назарова Т.А. Краткая характеристика палеоантропологического материала из раскопок Эски-Керменской экспедиции 1979–1981 гг. // Прил. 2 к Сб. «Архитектурно-археологические исследования в Крыму» К., 1988. с. 57–59.

Назарова Т.А. Брахикранное население в Юго-Западном Крыму // Вестник антропологии. 2009. № 17.с. 164–177.

Назарова Население средневекового Херсона и «пещерных городов» Крыма. // Население Юга России с древнейших времен до наших дней. Ростов на Дону 2013. с. 91-95

Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931-33гг.//ИГАИМК.- 1935.-вып . 17.- с. 12-17.

Радочин В.Ю., Бассалыго О.А. Результаты исследования антропологического материала из некрополя Эски-Кермена. // МАИЭТ. Симферополь. 2006. Вып. XII. с. 271-298.

Радочин В.Ю. Население Эски – Кермена конца VI начала VII вв.(антропологический аспект). II Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Бахчисарай 2013. с. 38-39.

Радочин В.Ю. «Антропологический материал из раскопок некрополя Эски-Кермена в 2006-2008 гг.» // МАИЭТ. Симферополь, 2014. Вып. XIX. с. 88-117.

Frauke Jakobi, Marcus Stecher, Stephane Zesch, Vladimir Radochin, Kurt W. Alt Eski-Kermen, Almalyk und Lucistoe – Bioarchaologie auf der Krim // Die Hohensiedlungen im bergland der Krim. Mainz 2013. P. 335-359.

Савостина Е.А.
(Москва)

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА БРИТОВА И ЕЕ ВРЕМЯ

В этом году исполняется 115 лет со дня рождения антиковеда Натальи Николаевны Бритовой (1901-1968 гг.). Большая часть ее научной и творческой жизни была связана с ГМИИ им. А.С. Пушкина, в котором она служила с 1931 года и до конца своих дней.

Наталья Николаевна не была забыта музеем, особенно часто о ней вспоминают в рассказах о тех обстоятельствах, в которых музей и его сотрудники оказались во время войны. Достойный материал о Н.Н. Бритовой дан и в Юбилейном альбоме, посвященном столетию ГМИИ [Тугушева, 2012. С. 135]. В отделе рукописей сохранились ее диссертация, копии статей, личная переписка с сотрудниками и очень важные документы: ее дневники - рабочие дневники с небольшими, очень краткими вкраплениями личных замечаний, которые она вела с 1931 по 1967 гг.[1] [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I].

Лаконичная манера этих записей, похоже, была связана не только со служебным характером дневников, но и вообще с близкой к аскетизму скромностью автора, о чем говорят и многочисленные экземпляры ее автобиографии, написанные в разные годы, и характеристики, данные ей как научному работнику начальством и коллегами (характеристики, как многие помнят, обычно сочинял сам характеризуемый), но даже и текст некролога не содержит таких деталей, как дата ее рождения (как и большинство написанных в разное время, но не датированных

[1] Пользуясь случаем, выражаю признательность Отделу рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина за разрешение и предоставленную возможность работать с личным фондом Н.Н. Бритовой.

ее автобиографий) и обстоятельства жизни до музея. А ведь Наталья Николаевна, как и ее современники, пережила не одну – две войны…

Читая и сопоставляя тексты одной за другой автобиографий разных лет, рассматривая заметки в дневниках, да и некоторые официальные характеристики, по мельчайшим, как бы случайно прорвавшимся данным, можно чуть более подробно представить себе жизнь и творческий путь антиковеда Н.Н. Бритовой, равно как и то, как и когда, собственно, обозначилась главная линия ее научной жизни.

Итак, родилась Наталья Николаевна 18 (30) августа 1901 г. в г. Шуше Елизаветпольской губернии в Закавказье (позже - Нагорно-Карабахская автономная область), в семье ветеринарного врача Николая Исидоровича Бритова. В 1903 г. семья переезжает в Елизаветполь, в 1908 г. следует перевод отца в Царство Польское, город Седлец, потом (1911 г.) - в Варшаву. «Война 1914 г. застает меня под Вильной, где мы проводили лето, и нас эвакуируют в тыл. Мы живем в Гомеле до зимы 1915, когда снова возвращаемся в Варшаву. Летом 1915 мы окончательно покидаем Варшаву и в качестве беженцев поселяемся в Гомеле», – пишет Наталья Николаевна [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I, ед. хр.1]. В Варшаве она начинает посещать гимназию, в Гомеле продолжает обучение в женской гимназии в 1915-19 годах. В январе 1919 г. родители принимают решение вернуться в Варшаву по месту жительства до войны 1914 г., «а я остаюсь в Гомеле и с этого момента существую совершенно самостоятельно» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I, ед. хр. 1]. Виделись ли они с тех пор – неизвестно. «В переписке с родителями не состояла с 1936 года», – отмечает она. Приходили извещения: в 1932 г. о смерти отца, в 1936 г. – матери.

Самостоятельная жизнь привела Наталью Николаевну в МГУ, где она училась на факультете общественных наук и работала в студенческой мед. библиотеке. В 1926 г. вышла замуж за сослуживца по библиотеке Юрия Григорьевича Иванова, выучившегося затем на инженера, родилась у них дочь Катя, которая потом и передала в музей дневники своей мамы…

Жизнь пронеслась, будто перевернули страничку в личном деле, и вот уже: «в настоящее время муж на пенсии, дочь по окончании МГУ работает в центральных реставрационных мастерских (реставратор живописи)». Меняется время, оно изменяет и детали автобиографии, и уже в большинстве биографических откровений гимназия названа средней школой, уже не передаются семейные перипетии I Мировой войны, ни слова о Варшаве. Понять нетрудно, такие времена…

В 1924 г. Наталья Николаевна закончила университет, продолжая работать в библиотеке. К тому времени факультет, на котором она училась, приобрел педагогический уклон, но ее заинтересовала история

культуры, русская архитектура, она много читала и по выходным стала «водить экскурсии по Останкину». И – важный момент! «С 1928 г. участвовала в цикловых занятиях по изучению искусства в ГМИИ. С 1930 г. водила экскурсии по Античному отделу ГМИИ» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I]. А уже в 1931 г. она – штатный сотрудник-экскурсовод. Эти записи явно можно датировать после 1937 г., потому как, на самом деле, поступала Наталья Николаевна на службу еще в Музей изящных искусств (рис. 1) [Полякова, 2008. С. 224].

Жизнь в музее развивалась стремительно: через год (1932 г.) она научный сотрудник Античного подотдела, затем (1933-1935 гг.) ученый секретарь музея и уже снова - в Античном отделе (1935 г.), но уже в качестве старшего научного сотрудника.

Что представлял собой тогда Отдел античного искусства? Он был подотделом крупного подразделения - отдела скульптуры, и только в 1936 г. становится самостоятельной структурной единицей, включающей три сектора: Греции, Рима и Античных древностей на территории СССР. Здесь уже работают и В.Д. Блаватский, и М.М. Кобылина, и Н.М. Лосева, среди новых сотрудников вместе с Натальей Николаевной приходят Надежда Николаевна Погребова (с которой они стали близкими подругами)[2], Ираида Борисовна Зеест[3]. В эти годы развивается лекционная деятельность и существенным образом, с точки зрения, отвечающей тогдашним идеологическим представлениям, изменяется античная экспозиция. Молодежь работает со школьниками, ведет экскурсии для групп рабочих, ездит в археологические экспедиции. Наталья Николаевна дважды принимала участие в «экспедициях Античного отдела ГМИИ в Фанагорию»: в 1937 и 1938 годах.

Научная жизнь в отделе весьма насыщенна в эти годы. В дневнике Бритовой за 1935 год есть запись о докладе В.Д. Блаватского «Амфора Полигнота» (о его знаменитой находке подписи мастера (4.VI), в том же месяце он читает «О Скопасе» (11.VI), за ним М.М. Кобылина рассказывает «О костяном торсе Александра» (22.VI), а египтолог В.В. Павлов раскрывает «Реалистические тенденции искусства Древнего царства» (25.VI). И это только за один месяц! В сентябре узнаем, что отдел провел заседание по поводу соцсоревнования с К.М. Малицкой (зав. картинной галереей).

Но одна из первых записей в дневнике 1935 года связана

[2] С 1941 г. Н.Н. Погребова перешла в отдел Древнего Востока. А в 1946 г. – в ИИМК и стала известным специалистом в области скифологии.

[3] В 1946 г. И.Б. Зеест перешла в ИИМК (позднее это Институт археологии АН СССР).

«с определением моей темы научного описания – стекло, моей темы диссертации: «Искусство Босфора»[4], отдел хранения – стекло, хранительская работа – слепочный запас» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I. ед. хр. 3]. Так определилась линия научной судьбы Натальи Николаевны, хотя прошло еще целых 12 лет, прежде чем тема диссертации приобрела более конкретные очертания, и труд был защищен. За это время Бритовой проделана большая работа по систематизации и определению коллекции античного стекла, были составлены «Очерки по искусству Боспора», «Очерки по скифо-сарматскому искусству», предназначенные для печати и «не увидевшие свет по обстоятельствам войны» (из характеристики, подписанной Б.Р. Виппером).

Война изменила и искорежила налаженную жизнь. Всё теперь подчинялось только ей. Дневник 1941 г. говорит о речи Молотова, сразу же, 22.VI., последовало «составление списка уникумов по отделам. В 3 ч. ночи тревога, учебная». 24.VI.: «На даче роют убежище. Весь день текущая…».

«Текущая работа» не прекращалась всю войну. Сначала – эвакуация экспонатов, потом – хранение тех памятников, что не подлежали вывозу, огромная работа по поддержанию самого здания музея, лишившегося стеклянной крыши в результате взрыва бомбы во дворе Голицынской усадьбы. Все полы музея устелены битым стеклом, через разрушенную кровлю шел снег, собирающийся в залах сугробами. С ними вручную боролись научные сотрудники: «Сильный мороз – 43 градуса ниже нуля. Весь день убираем снег из залов», - пишет Наталья Николаевна. Сохранились и красноречивые фотодокументы: Н.М. Лосева и Н.Н. Бритова убирают снег в зале эллинизма [Александрова, 2012. С. 60].

Между тем, состав сотрудников сильно сократился: многих уволили, кого-то командировали сопровождать экспонаты, да так там и оставили, в неопределенности, без необходимых личных вещей: «думали, на 3-4 месяца, они-то обернулись несколькими годами», – вспоминает реставратор Михаил Александрович Александровский. Он писал из эвакуации Наталье Николаевне письма, иногда отчаянные: музей не помогал, выручали третьяковцы («получается впечатление, что я стал уже совсем чужой»). И лично Бритова поддерживала его и решала, в том числе, бытовые проблемы: «Благодарю Вас, как единственную, отнесшуюся сочувственно и оказавшую свое влияние и помощь» (М.А. Александровский из Новосибирска, 1-5. 02. 1942) [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I].

Кому-то повезло еще меньше: научных и других сотрудников музея

[4] Орфография автора

отправили на лесозаготовки, среди них и Нину Михайловну Лосеву. Из тех краев сохранились письма А.Л. Вейнберг с красноречивым обратным адресом: «Краснокамск Молотовской обл., Красный рынок, Новый барак, Красный уголок» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I] . Жизнь там была ох, какая несладкая! Ни еды, ни тепла, да и обстановка для «научников», мягко говоря, негостеприимная. Особенно доставалось Н.М. Лосевой. И тоже деталь: первое письмо адресовано всем, с расспросами, как музей, как знакомые и друзья? И второе, с недоумением: почему их забыли, ничего не передали с почтой и посылочкой третьяковцев? Непростое было время.

Но и тогда оставшиеся в Москве находили возможность заниматься наукой. В августе 1942 г. в музее возрождается ученый совет. В него вошли Н.И. Романов, В.Д. Блаватский, А.И. Авдиев, М.В. Алпатов, В.Н. Лазарев, Н.В. Яворская, В.В. Малков, Б.В. Веймарн, Л.П. Харко, В.Н. Крылова (директор музея) и другие. Блестящий состав, и нет ничего удивительного в том, что вскоре совет становится центром искусствоведческой Москвы [Кончин, 1984. С. 28].

Наталья Николаевна продолжает занятия своей темой и в 1943 г. поступает в аспирантуру ИИМК им. акад. Марра – на 2 курс. Из характеристики. подписанной В.Д. Блаватским в 1942 г., узнаем, что «В последнее время Н.Н. Бритова работает над кандидатской диссертацией «Стелы Боспора Киммерийского». Отдельные части этой работы уже закончены и были прочитаны в виде докладов. Они свидетельствуют о глубоком ознакомлении автора с материалом и самой тщательной разработке последнего» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Личное дело].

И вот окончилась война. В дневнике Натальи Николаевны на страничке, где записано о талонах на галоши, о том, что у Кати болит ухо и других бытовых делах, отдельно в рамочке надпись: «Берлин взят!!!» (и ниже – строчка восклицательных знаков). Начиналась новая жизнь, с возвращением эвакуированных экспонатов, получением памятников из Берлина и Дрездена. В дневнике – запись о встрече с Сикстинской мадонной: «Так вот ты какая, матушка! – Замечательная!».

3 октября 1946 г. музей был открыт для посетителей. После войны Античный отдел пополнился новыми кадрами: Ю.Е. Чистяков и Н.А. Сидорова, А.К. Коровина и перешедшая из ГИМа И.Д. Марченко, тогда отделом заведовал П.Н. Шульц (с 1944 по 1947 гг.). Сформировался новый состав отдела, состоящий из известных теперь искусствоведов и археологов, где каждый сотрудник, как и их предшественники, боготворил музей и горел огромным интересом к своему делу, что позволило им со временем стать прекрасными профессионалами и незаменимыми для музея людьми.

В 1946 году завершена и защищена кандидатская диссертация Н.Н. Бритовой «Боспорские стелы с рельефными изображениями эллинистическо-римского периода» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I, ед. хр. 21]. Уже само изменившееся название говорит о том, насколько ясные, отчетливые очертания приобрела для автора эта тема, насколько убедительно поставлена ею проблема, еще не так определенно звучавшая несколько лет назад. Диссертация и сейчас не потеряла своего значения, боспорские стелы рассматриваются в ней и как «источник, проливающий свет на ряд вопросов бытовой археологии: костюм, вооружение, мебель и т.д.; как надгробный памятник, то есть, часть похоронного обряда, далее – как предмет малой архитектурной формы.... наконец, дана систематизация этого материала по группам, соответственно их стилевым признакам» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Оп. I. Ед. хр. 21. С. 1], помимо сюжетного ряда и стиля это должно быть увязано с хронологией памятников. Несомненно, это большая и серьезная работа. В отличие от дневниковых записей, здесь проявилась и другая грань эпистолярного наследия Натальи Николаевны: даны точные и емкие характеристики предшествующих работ по теме, представлен глубокий анализ концепции их исследований, переданный ярким. живым и образным языком. И это - еще одна черта личности Бритовой.

И вот – характеристика нового заведующего Античным отделом за подписью зам. директора по научной части Б.Р. Виппера: Н.Н. Бритова «является специалистом по античной культуре и искусству, выросшим в стенах Гос. Музея изобразительных искусств, путем непрерывной, очень организованной и всегда целеустремленной работы по овладению материалом античной истории, духовной культуры, искусства и художественной промышленности в хранителя всего собрания античных коллекций ГМИИ (1935-1940) и заведующего Античным отделом (с декабря 1947)» [ОР ГМИИ, Ф. 57. Личное дело]. С тех пор и до 1968 г. отдел работал уже под руководством Н.Н. Бритовой.

Научное творчество Натальи Николаевны многообразно. Она писала статьи для энциклопедии, для 1 тома Истории искусств, выпускавшегося Академией художеств (по искусству Эгейского мира, Древнего Рима и Северного Причерноморья), часть текста для путеводителя по музею. Помимо лекций в музее преподавала в Художественно-графическом педагогическом училище (1947-1950). После войны она занялась обработкой обширного фонда терракоты (рис. 2). Один из ее важнейших трудов: «Греческая терракота», 1969, как и «Искусство этрусков и Древнего Рима», книга, написанная совместно с Ю.Д. Колпинским,1982, вышла уже после того как ее не стало.

За время работы в музее Наталья Николаевна Бритова награждена

почетной грамотой от Комитета по делам искусств за работу в музее во время войны «и получила три медали: За оборону Москвы, За доблестный труд, В память 800-летия Москвы».

В 1967 году Бритова посетила Грецию с группой общества «Знание»: «Побывать в Греции, увидеть памятники культуры и искусства древней Эллады, колыбели современной цивилизации, мечта почти каждого человека. Это была и моя мечта и она осуществилась», - так написала Наталья Николаевна на закате своей жизни...

Архивные материалы

ОР (Отдел рукописей) ГМИИ. Ф. 57. Оп. I.

Литература

Александрова Н. «Война – состояние противоестественное»: музей в 1941 – 1945 годах //100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Юбилейный альбом. В 2 томах. - Т. I. М., 2012. С. 61-79.

Кончин Е. Былого ищу следы…М., 1984. С. 5-38.

Полякова О.Б. Участие сотрудников ГМИИ им. А.С. Пушкина в сохранении и изучении российского культурного наследия (по материалам Отдела рукописнй ГМИИ) // МГОИМЗ Заповедник Коломенское / Отв. оед. Е.А. Верховская. Вып. 11. М., 2008. С. 217-229.

Тугушева О. Коллекции античного искусства /100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Юбилейный альбом. В 2 томах. - Т. I. М., 2012. С.124-150.

Юбилейный альбом. 100 лет Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Юбилейный альбом. В 2 томах. - Т. I. М., 2012.

Рис. 1. Н.Н. Бритова. Шарж Л.П. Харко (1930-е годы).

Рис. 2. Н.Н. Бритова за работой над собранием терракоты (1960-е гг.)

Сапрыкин С.Ю.
(Москва)

ПРЕДЭЛЛИНИЗМ ИЛИ ПРОТОЭЛЛИНИЗМ В ИСТОРИОГРАФИИ БОСПОРА

1) В отечественной историографии проблема эллинства и варварства в Северном Причерноморье разработана достаточно подробно. М.И. Ростовцев первым обстоятельно сформулировал концепцию взаимодействия греков и варварских племен в этом регионе. По его мнению тесное взаимодействие эллинских, скифских, синдо-меотских, а чуть позднее и сарматских традиций, привело к тому, что на Боспоре, в Ольвии и Херсонесе греческий образ жизни подвергся значительному варварскому (иранскому) влиянию. Древние греки достаточно рано вступили во взаимодействие со скифами,

вследствие чего часть скифской аристократии приобщалась к греческим обычаям и даже выбирала греческие полисы для проживания. С приходом в III в. до н.э. в скифские степи сарматов взаимодействие эллинских и иранских традиций стало более интенсивным (Ростовцев 1918, 33-121; Rostovtzeff 1922, 61 ff.). С.А. Жебелев, опираясь на означенную концепцию, пришел к выводу, что в результате постепенно развивавшегося взаимодействия греческого и туземного населения Боспорское царство превратилось в типичное греко-скифское, а затем и греко-сарматское государство. По его убеждению черты эллинистического государства, сложились на Боспоре уже в начале IV в. до н.э. еще в правление династии Спартокидов, что позволило ему встать в один ряд с эллинистическими царствами Пергамом, Вифинией, Каппадокией, Арменией, Понтом. (Жебелев 1953, 158).

2) Основные положения, высказанные М.И. Ростовцевым и С.А. Жебелевым, в дальнейшем разрабатывались советскими исследователями. Одни ученые отстаивали идею о сильном воздействии греков на скифов и сарматов (Хазанов, Шкурко 1978, 72-80), другие принижали степень влияния эллинов на местные племена, постулируя тезис о том, что скифы, синды, меоты и сарматы играли ведущую роль в материальной и духовной культуре античных государств Северного Причерноморья, в особенности на Боспоре. Эти выводы обосновывались изучением религии, культов, погребального обряда, отдельных памятников культуры и искусства (Гайдукевич, Капошина 1951, 162-187; Иванова 1951, 188-203; Книпович 1955, 178-187).

3) В наиболее полном виде идеи о взаимовлиянии варварства и эллинства на Боспоре были развиты В. Д. Блаватским. Согласно выдвинутой им так называемой концепции «протоэллинизма», к началу IV в. до н.э. полисные рамки античных центров Боспора (и других регионов) оказались тесными, вследствие чего они превратились в большие территориальные государства, напоминавшие эллинистические царства. В основе такого превращения лежало тесное взаимодействие эллинского образа жизни, форм и институтов власти с общинными традициями варваров, в результате чего произошло слияние греческой верхушки полисов и местной знати. Это усилило эллинизацию и содействовало проникновению эллинской культуры в варварскую среду. Благодаря взаимному влиянию греческих и местных традиций в экономике, политике, культуре, т.е. более чем за полвека до того периода в истории античности, который мы называем эллинистическим, в Северном Причерноморье образовались настоящие эллинистические государства (Блаватский 1985, 95-132). Изложенная концепция была поддержана в работах ряда исследователей на рубеже 1950-х – 1960-х годов (Сокольский 1955,

199-204; Сокольский, Шелов, 1959, 61; Сокольский 1961, 123-136). Не так давно Э.Д. Фролов предложил заменить понятие «протоэллинизм» на «предэллинизм». Сравнивая процессы социально-экономического и социально-политического развития античных центров Причерноморья и Сицилийской державы Дионисия Старшего и Дионисия Младшего, он сделал вывод, что в этих государствах имел место переход «от ограниченного узкими рамками города и ближайшей сельской округи автономного полиса к государству державно-территориального типа». Эти государства сохраняли полисную основу, но включали обширные анклавы местного населения, что делало их близкими эллинистическим монархиям. Для них было свойственно сосуществование полисов и монархической формы власти, что являлось характерной чертой эллинистических царств (Фролов 1982, 93-96; 1996, 56-58; Высокий 1996, 136). Опираясь на эти положения, полисные центры типа Ольвии и Херсонеса периода расцвета в IV – первой половине III в. до н.э. некоторые исследователи считают «территориальными» образованиями, которые перешагнули полисные рамки и перешли в разряд государств, контролировавших обширную округу, населенную и обрабатываемую варварами. Они оказались близки государствам эллинистического типа не потому, что в их рамках происходило смешение культуры греков и варваров, а вследствие включения полисов в эллинистические монархии в качестве составной части (Зубарь, Сон 2007, 116).

4) В последнее время правомочность термина «предэллинизм» отстаивает И.Е. Суриков. Он полагает, что термин оправдан, ибо отражает изменение психологического климата в греческих полисах, которые не были затронуты греко-македонским завоеванием и, в отличие от государств Востока, не подверглись греко-варварскому синтезу. Он считает, что предэллинизм зародился на Западе, поскольку в эллинских государствах полисного типа, прежде возвеличивавших понятие «гражданина», усилились тенденции восхваления и даже почитания носителей единоличной власти, включая боспорских тиранов Спартокидов. Рассуждения исследователя подводят к тому, что предэллинизм на Западе – это социально-психологический феномен на определенном этапе исторического развития полиса, когда среди бывших граждан нарождается новая мораль – почитать монарха и считать себя его подданными (Суриков 2015, 19 сл.).

5) Основные аргументы критиков концепции протоэллинизма (=предэллинизма) на Боспоре сводятся к следующему. Сложившаяся в первой половине – последней четверти IV в. до н.э. в Боспорском царстве ситуация являлась конкретно-историческим проявлением его развития и не подпадала под понятие «эллинизм». Боспор развивался

не как монархия, а как государство, в основе которого лежали эллинские полисы и полисные традиции. В V в. до н.э. во главе Боспора встали тираны, ограничившие автономию полисов. Это привело к тому, что греческая часть жителей перестала быть их опорой, поэтому началось мирное присоединение варварской периферии. В результате греки и варвары оказались в равном положении как подданные тиранов (Шелов-Коведяев 1985, 182-186; Шелов-Коведяев 1985а, 320-333). Критика теории «протоэллинизма» нашла сторонников, поэтому большая часть исследователей от этой концепции отказалась (Завойкин 2001, 158 сл.; 2007, 219-243; Габелко 2009, 174).

6) К высказанным аргументам против концепции протоэллинизма (предэллинизма) как на Западе, так и на Боспоре, считаем уместным добавить следующее. При анализе этого понятия, обозначавшего явление на определенном этапе развития государств, мы исходим из определения эллинизма в том виде, в каком оно сформулировано К.К. Зельиным: «эллинизм – это конкретно историческое явление, «характеризуемое сочетанием и взаимодействием эллинских и местных, главным образом восточных, начал в области экономического строя, социальных и политических отношений, в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определившейся в основном в результате македонского завоевания» (Кошеленко 1990, 12; ср. Зельин 1953, 145-156; 1955, 99-108).

Начнем с того, что совершенно неправомерно оперировать термином «территориальное государство» ни в полисном ни в монархическом смыслах, ибо никогда и нигде не бывает внетерриториального государства, которое всегда подразумевает определенную территорию. Боспорское государство, Сицилийская держава и тирания в Гераклее Понтийской, которые иногда считаются воплощением протоэллинистических тенденций развития, представляют собой типичные полисные объединения и принятие их правителями (по сути полисными тиранами) царской титулатуры дела не меняет. Власть – надстроечное явление, базирующееся на определенных отношениях социально-экономического характера, а в этих государствах они всегда оставались полисными. Их существование было обусловлено полисным землевладением и полисной (коллективно-гражданской) формой собственности при наличии индивидуально-семейной собственности отдельных граждан, включая и правителей – тиранов. Поэтому какой бы титул они ни приняли, сущность их власти останется прежней. Для наполнения титула истинно «царским» содержанием надо, прежде всего, поменять форму собственности на землю в государстве, заменив полисное землевладение на царское. «Варваризация» и «эллинизация» – это понятия этно-культурные и

сути эллинизма как конкретно-исторического явления не затрагивают. Эллинизм – это преимущественно социально-экономическое понятие, на основе которого развиваются политические, культурные, духовные и социально-психологические традиции. Он связан с господством новых форм земельных отношений, прежде всего, царской земельной собственности при определенной форме урбанизации в сторону создания или сохранения (как на Боспоре) греческих полисов. Этот этап в его развитии наступает только после падения династии Спартокидов.

Расширение полисной хоры с вкраплением в нее варварских анклавов (Пантикапей, Фанагория, Нимфей, Феодосия, Гермонасса, Херсонес, Ольвия и т.д.) это не формирование на основе полисных государств эллинистических отношений, свойственных эллинистическим царствам, а укрепление полисной формы собственности и полисного правления при определенной варваризации и в большей степени эллинизации населения. Поэтому сравнивать их с монархиями эллинистического Востока в корне неправомерно. Боспор V – II вв. до н.э. представлял собой государство полисного типа, сформировавшееся при тиранах Пантикапея и вокруг них путем союза-симмахии эллинских полисов. Включение в его состав варварской периферии и варварского населения не изменило его полисной сути и полисной по характеру власти (архонты Боспора и Феодосии – это не общее обозначение власти как таковой, а ее характеристика как полисной, архонтской, что подчеркивается названием территории, на которую она распространяется). Распространение власти Спартокидов на синдо-меотские племена как «царской» не меняет сути их полисной тирании, так как эти племена были поставлены как бы в коллективную зависимость от полисных общин Боспора, власть над которыми осуществляли архонты Боспора и Феодосии.

Изменение социальной психологии греков в IV в. до н.э. в сторону почитания правителей – единодержцев вызвано кризисными явлениями в полисе и никак не определяет сущности понятия «предэллинизм». Социальная психология – плоть от плоти социально-экономических отношений, которые в Греции и на Боспоре оставались полисными. С этой точки зрения предэллинизм является исключительно временным понятием из области хронологии (т.е., проще говоря, это время, предшествующее эллинизму), но он никак не определяет конкретный исторический период с социально-экономической точки зрения, как это проявляется в случае с эллинизмом. Что до понятий «эллинистическая Македония» и «эллинистическая Греция», где сохранялись полисные традиции и не было никакого синтеза греческого и восточного (варварского) начал, как, впрочем, и на Боспоре, где наличествовало только «варварское», то здесь картина сложнее. Греческие города-

полисы Балканской Греции признали над собой господство Македонии, признавали власть македонских царей и их ставленников, приняли у себя македонские гарнизоны и стали ареной междоусобной борьбы диадохов за власть. В самой же Македонии эллинистические социально-экономические отношения, связанные с формированием царской земельной собственности, стали активно развиваться во времена диадохов. При этом полисные формы соседствовали с новыми эллинистическими проявлениями как привнесенными с Востока (при Лисимахе), так и в большей степени развивавшимися на базе локальных традиций. Полисная же Эллада, сохраняя традиционный уклад, по сути стала частью Македонской монархии, так что термин «эллинистическая Греция» является своеобразным дополнением к понятию «эллинистическая Македония».

Боспорское государство также не испытало на себе греко-македонского завоевания и не было подвержено синкретизму греческой и восточной культур, как это было в государствах диадохов. Варварское начало проявлялось и укреплялось там в домитридатовскую эпоху исключительно в рамках полисного государства, как в Ольвии, Херсонесе, Истрии, Каллатисе, Геракле, Синопе и др. Исключение – Понтийская Каппадокия и соседние области, где со времени хеттов и персов сохранялась структура царского землевладения, сочетавшего в себе местные общинные формы землепользования и греческие полисы. Но это имело место исключительно в эпоху эллинизма и к прото- или предэллинизму на конкретно-историческом этапе развития отношения не имеет.

Протоэллинизм на Боспоре иногда сближают с Карией и другими малоазийскими государственными образованиями под властью местных династий. Однако при этом не принимается во внимание тот факт, что правление Мавсола в Галикарнассе является по сути тиранией, а другие мелкие малоазийские династии имели мало общего с греко-македонскими монархиями и Боспором, так как полисные структуры до времени Александра и диадохов у них практически отсутствовали. Что касается Пергама, где эллинистические формы государственности сложились на основе одного полиса, то это происходило в условиях господства в Передней Азии греко-македонян и при сохранении местных анатолийских традиций и обычаев, чуть ранее подкрепленных персидским воздействием.

Таким образом понятие протоэллинизма или предэллинизма на Боспоре не имеет никакой исторической конкретики. Оно не отражает превращение его (а также Ольвии, Херсонеса и др.) в государство, структурно напоминавшее эллинистические царства Переднего Востока. Прото- или предэллинизм на Боспоре, в Сиракузах или в Балканской

Греции, как и на Переднем Востоке, имеет исключительно временной оттенок и лишь отчасти выступает как социально-психологическое явление, но никак не характеризует конкретно-исторический этап развития древних государств, ибо лишен социально-экономической сущности, свойственной понятию «эллинизм». Применительно к Боспорскому государству он при случае может употребляться, но только без социально-экономического наполнения и связанных с этим проявлений в области социальной истории, культуры и духовной жизни. Он подходит только для обозначения времени, предшествовавшего эллинистическому периоду, наступившему не ранее конца II – I вв. до н.э. Для большей части восточносредиземноморских и переднеазиатских государств, переживших действительно яркий в социальном и экономическом отношениях период эллинизма, римский этап их истории можно с полным правом назвать «постэллинизмом». Для Боспора же, который до эпохи Митридата Евпатора существовал в условиях полисной тирании и полисной земельной собственности, римский период в действительности являлся эллинистическим и термин «постэллинизм» для этого времени вряд ли по отношению к нему в полной мере подходит.

Сейдалиева Д.Э.
(Симферополь)

ШТАМПОВАННАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК СТАРОКРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЕТОВ 1978–1983 ГГ.

Исследования на городище средневекового Солхата археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Марка Григорьевича Крамаровского были начаты в 1978 году и проводятся по настоящее время. Перед экспедицией стояла задача исследовать этот золотоордынский город, его население и культуру [1, с. 37-38]. В нашем докладе мы решили остановиться на исследованиях 1978-1983 гг. Материалы этих исследований введены

в оборот лишь частично. В то же время работы в указанный период проводились в основном на комплексе медресе-мечети хана Узбека, что тем более актуально в связи с тем, что в 2014 году мечеть отмечала свое 700-летие и интерес научного сообщества и общественности к этому объекту актуализировался. Мы решили остановиться на таком материале как штампованная керамика, поскольку она представляет собой неординарную категорию находок, а в научный оборот до сих пор не введена. Следует отметить, что археологические исследования на этом объекте проводились так же в 20-е гг. XX в., но материалы этих исследований доступны лишь частично, многие из них до недавнего времени считались утерянными, а часть не обнаружена и поныне.

В 1978 году были изучены нижние кладки и фундаменты западной стены мечети и северной стены медресе для выявления временных соотношений обеих конструкций. В результате удалось выявить три культурных горизонта: современный, слой XV–XIX вв. и слой второй половины XIII – начала XV в [2].

В 1979 г. работы были продолжены. Вскрытие фундамента и изучение нижних кладок западной и восточной стен мечети позволили установить, что она принадлежит ко второму периоду строительства комплекса, и была пристроена к медресе не ранее середины XIV в. Исследования так же показали, что под пилоном портала мечети отсутствовал фундамент, следовательно портал был перенесен и вторично использован [3].

Работы экспедиции в 1980 г. на территории комплекса мечети Узбека и медресе подтвердили гипотезу о принадлежности мечети ко второму строительному этапу. Всего здесь было выявлено три культурных горизонта. Наиболее ранний датирован второй половиной XIII – XIV вв., второй из них отнесен к концу XVI в., когда на заброшенной портальной площади из различных деталей медресе была сложена подпорная стена кладбища [4, с. 92–93]

В 1981 году экспедиция открыла 438,5 м. кв. прилегающей к медресе площади, где были найдены портальная стена, каменная вымостка предпортальной площади, подземный канал и часть керамического водовода. Также изучены основания портала медресе и крыльцо парадного входа. В центре закрытого двора был обнаружен колодец. Колодец предназначался для сброса дождевых стоков двора и стока фонтана [5]. В западной части раскопа исследованы три помещения с прилегающей к ним частью двора.

Работы 1982 года вновь были сосредоточены на медресе Инджибек Хатун. Экспедиция открыла центральную и западную часть двора медресе. На южном и северном участках двора были выявлены четыре каменные базы колонн аркады внутреннего дворика [6].

Систематическое исследование комплекса медресе-мечети экспедицией Государственного Эрмитажа было завершено в 1983 году. Общая рабочая площадь составила свыше 800 кв. м. Раскопками 1983 г была открыта часть двора и шесть худжр, одна из которых в 70-х гг. XIV в. была перестроена под усыпальницу Инджибек-Хатун. В одной из худжр комплекса под полом XV в. был выявлен тандыр [7].

Таким образом, М.Г. Крамаровский выделил два периода строительства мечети Узбека. Первый из них отнесен к середине XIV в., второй – к началу XVI в., когда в 1512–1513 гг. мечеть была превращена в соборную. Также, благодаря работам СКАЭ ГЭ доказано, что портал с надписью и датой 1314 г. использовался вторично. В результате исследования получены сведения об устройстве ремесленного района, находившегося на месте медресе (в 1981 г. исследован подземный канал ливневого водостока, один из участков которого расположен непосредственно под учебным заведением) [8].

В ходе перечисленных полевых сезонов был выявлен ряд комплексов, содержавших тисненную керамику. Раскоп I – 1978 заложен у внешнего стыка северной стены медресе к западной стены мечети. Вскрыто восемь участков общей площадью 32 м^2. Штампованная керамика зафиксирована на всех участках (2; 3; 5; 6; 9; 10), кроме участка № 1. Она покрыта растительным (цветки в виде завитков), геометрическим (в виде ромбиков и точек) и зооморфным орнаментом (в виде птичек).

Раскоп II-1978 г. заложен в 2 м. от портала мечети 1314 г. в направлении север-юг. Раскоп состоял из двух участков – западного (№1) и восточного (№2). На участке I, в западной его части открыта каменная кладка. Нижний горизонт третьего слоя характеризуется большим содержанием древесных остатков в виде прослоек угля и угольных включений. Нижний горизонт насыщен остатками сооружений в виде хозяйственных ям и каменной постройки (мавзолей?). Находки горизонтов третьего слоя - сфероконусы. Монеты, происходящие из слоя относятся в XIV в. Другим датирующим материалом для третьего слоя данного участка являются фрагменты серой штампованной посуды среднеазиатского типа время бытования которой не выходят за рамки конца XIII-п.п.XIV вв. [9, с. 112]

В 1979 г. были проведены исследования на внешнем стыке восточной стены мечети и северной стены медресе (продолжены в 1980-1981; 1987-1988 годах).

Раскоп I-79 заложен в интерьере мечети. Вскрыто восемь участков общей площадью 88, 67 м2.

Сооружение № 1: на участке 3-5 на глубине 40 см. от поверхности обнаружено гуммированное пятно диаметром 2 м. После выборки пятна

появилась яма без облицовки, с плоскими краями и расширяющаяся у основания. Глубина ямы в материке - 70 см. Заполнение ямы неоднородно: в верхних слоях она была покрыта слоем глины и забутовкой; ниже — темно-серой супесью почти без культурных остатков.

Сооружение № 2: на участке 6 у восточного края платформы северо-восточной колонны на глубине 40 см. от современной поверхности обнаружено два керамических сливных устройства в виде корчагообразных сосудов.

В 1982 году исследования проводились за западной стеной медресе (участки, 81, 82, 83, 84, 92) На участке 81 и 89 на разных уровнях вскрыты линии водоводов. Наиболее ранним сооружением на этих участках является водовод из керамических труб. Этот водовод расположен на 20 см ниже известняковой прослойки времени строительства медресе и относится к первой половине XIV. Тандыр на участке 83 М.Г. Крамаровский относит к разряду летних дворовых печей. По конструкции он близок к двум печам обнаруженным на участках 84 и 92. Размеры печей примерно одинаковы: диаметр 50-55 см; высота сохранившейся части 30-35 см.

В связи с тем, что в иллюстративной части отчетов представлены не все фрагменты упомянутые в описях, мы можем выделить лишь несколько групп, среди перечисленных категорий, основываясь на орнаменте.

Материал из раскопок этих лет представлен различными керамическими находками, монетами, изделиями из железа и цветных металлов, архитектурными деталями и т. д., в числе находок из этих комплексов присутствует тисненая (или штампованная) керамика. Обширная коллекция средневековой штампованной керамики из раскопок в Старом Крыму ранее еще не подвергалась научному изучению. Она была найдена по всей территории вышеобозначенного архитектурного комплекса. Всего выявлено в описях 1978 — 1983 гг. 320 фрагментов. В соответствии с материалом, данном в отчетах, имеются два археологически целых сосуда — кувшин (рис. 1) и сфероконус (рис. 2).

Вся найденная тисненная керамика включает **две основные группы**: кувшины и сфероконусы.

Группа 1. Кувшины:

Тип I: Кувшины одноручные, овальные в сечении, с приплюстнутым туловом и выраженными плечиками, с низким горлом и утолщенным венчиком:

Подтип I: Красноглиняное тесто

Вариант I: покрытые красным ангобом и геометрическим

орнаментом в виде параллельных линий внутри которых имеются небольшие кружки. Как правило, такие штампованные сосуды были с фильтрами в месте прикреплении горла;

Встречаются также другие варианты, покрытые белым ангобом и зеленой глазурью.

Тип II: Кувшины одноручные, овальные в сечении, с более вытянутым туловом, с расширенным венчиком:

Подтип I: Красноглиняное тесто,

Вариант I. Покрытые красным ангобом и геометрическим орнаментом в виде зигзагообразных линий, внутри которых имеются небольшие кружки. Возле горла — большие кружки.

Встречаются также другие варианты покрытые зеленой глазурью.

Тип III: Кувшины одноручные, уплощенные в сечении, с приплюстнутым туловом, узким горлом и зауженным венчиком на низком кольцевом поддоне:

Подтип I: Сероглинянное тесто.

Вариант I.Верхняя часть сосуда орнаментирована растительным мотивом в виде цветков, а нижняя — геометрическим мотивом в виде полос из рядов ромбов внутри которых имеются точки, на месте перехода горла к тулову нанесен орнамент в виде ряда повторяющихся букв «х»;

Тип IV: Кувшины одноручные,в сечении расширяются по краям, а в середине впадина, с круглым туловом, с широким высоким горлом, на низком кольцевом поддоне и дно по краям немного задернуто к верху:

Подтип I: Сероглинянное тесто.

Вариант I: Туловище орнаментировано в виде арабских букв, вокруг располагаются точки и цветки.

Тип V: Кувшин с высоким профилированным горлом и округлыми плечами;

Подтип I: Сероглиняное тесто:

Вариант I: Зооморфный мотив представлен изображением птичек

Группа 2 представлена сфероконусами.

Тип I: Сосуды сфероконической формы с удлиненным конусом имеет фигурно-коническое горло.

Подтип I: Красноглиняное тесто.

Вариант I: Вся поверхность покрыта отпечатками штампа в виде овалов («кольчужный орнамент»)

Тип II: Сосуды сфероконической формы с приплюстнутым конусом имеет фигурно-коническое горло.

Подтип I: Сероглиняное тесто.

Вариант I: Геометрический орнамент в виде кружков выстроенных

в несколько рядов в виде виноградных кистей, состоят из девяти кружков, расположенных на тулове.

В 1983 году были найдены матрицы-калыпе в виде чаш на небольшом кольцевом поддоне. На внутренней поверхности матриц нанесен орнамент в виде небольших точек, кружков и s-образных символов. Точно такой же орнамент встречается на находках комплекса медресе-мечети, караван-сарая. Что свидетельствует о возможном производстве таких изделий на территории, где позже функционировал комплекс медресе-мечети Узбека.

В то же время на территории ремесленного поселения Бокаташ, были обнаружены матрицы, узор на которых соответствует узору на некоторых фрагментах обнаруженных на территории комплекса медресе-мечети.

Подводя итог анализу немногочисленных комплексов керамических находок, можно сказать, что все найденные материалы штампованной керамики укладываются во временной промежуток конца XIII – XIV в. (благодаря находкам нумизматического материала и датировке архитектурного комплекса мечети-медресе). Обнаружение же в слоях, предшествующих времени функционирования комплекса, материалов, указывающих на производство штампованной керамики, может свидетельствовать о функционировании на этом месте в конце XIII – первой трети XIV вв. ремесленных мастерских по производству этого вида керамической посуды.

Литература

Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Государственного Эрмитажа, 1997-1998 год / под ред. М. Б. Пиотровского. - Спб.: Славия, 1999. - С. 37-38.

Отчет о полевых исследованиях 1978 г. на городище Солхата (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа / Крамаровский М. Г. Старый Крым- Ленинград, 1979.

Отчет о полевых исследованиях 1979 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа / Крамаровский М. Г. - Старый Крым — Ленинград, 1980.

Золотоордынская экспедиция // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л.: Искусство, 1982. – № 47. – С. 92–93

Отчет о полевых исследованиях 1980 г. на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа / Крамаровский М. Г. - Старый Крым — Ленинград, 1981.

Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1982 г. / Крамаровский М. Г. - Старый Крым — Ленинград, 1983.

Отчет о полевых исследованиях на городище средневекового Солхата (Крым, Старый Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1983 г. / Крамаровский М. Г. - Старый Крым — Ленинград, 1984.

Крамаровский М. Г. Солхат и Амасья в XIV в. К итогам археологического изучения комплекса медресе и мечети Узбека в г. Крым (Старый Крым) // Проблемы истории архитектуры: Всесоюзн. науч. конф. Суздаль, 1991.

Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси. Конец IX – XVIII вв. М., 2010.

Рис. 1. СКАЭГЭ - 1983. Штампованный сосуд

Рис. 2. СКАЭГЭ - 1982. Сфероконус

Сидоренко В.А.
(Симферополь)

О.Ф. РЕТОВСКИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ НУМИЗМАТИКИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Начало исследованию монетных выпусков Крымского ханства было заложено трудами по составлению общих каталогов коллекций восточных монет. В русской исторической литературе было принято именование династов Гиреями, не соответствующее написанию имени на монетах, но восходящее к упоминаниям их русскими летописцами и документацией российских дипломатических ведомств. В 1821 г. Х.М.Френ отмечал наличие монет Крымского ханства в собрании

Азиатского музея в Санкт Петербурге: Хаджи Герая (город Крым, 845 г.х.), Менгли Герая (883, 884, 886, 888 и 892 гг.х.), Мехмед Герая I (923 г.х.), Девлет Герая I, Гази Герая I, Мехмед Герая IV, Селим Герая, Мурад Герая, Сафа Герая, Девлет Герая II, Гази Герая II, Каплан Герая, Менгли Герая II, Селамет Герая II, Крым Герая и Шахин Герая [19, S. 64-65]. Он же в Recencio Nummorum Muchammedanorum включил монеты Крымского ханства [20, p. 413-421], часть которых нашлась и в бывшем собрании К. Фухса, составившим основу коллекции восточных монет Казанского университета [75, p. 40-41]. Собрание восточных монет основателя Московского Публичного и Румянцевского музеев графа Румянцева в количестве 753 экземпляра, описанное в 1825 г. Х.М. Френом в рукописи, практически не располагало полнотой коллекции монет Гераев, но при публикации материала нумизматического кабинета этих музеев в 1886 г. в нем уже насчитывалось их 2759 и одна генуэзско-татарская с именем Хаджи Герая [73, с. 112-120, №№ 1056-3815]. Значительное число монет генуэзско-татарских и Крымского ханства из собрания музея Одесского общества истории и древностей было представлено в описаниях О. Блау [83, S. 62-88]. Кроме заметных собраний восточных монет, среди которых монеты Гераев занимали все же скромное место, также публиковались отдельные их виды и типы, пополнявшие исследовательскую базу. Ранее опубликованные Х.М. Френом монеты Гераев были дополнены им новыми типами, включенными в Nova Supplementa [88; 89, p. 118-119].

Для нумизматики династического государства Гераев значительным явлением стала работа О.Ф.Ретовского «Die Münzen der Gireï», публиковавшаяся начиная с 1889 г. в виде статей [56; 57; 96-98], а в 1905 г. – также книгой, объединившей ранее изданные части [99]. Особое внимание в ней уделялось монетам Хаджи Герая, представленным в числе около 200 видов, и, что существенно, они впервые для восточной нумизматики разбирались по оттискам штемпелей и их сочетаниям в видах. Недостатком работы О.Ф. Ретовского над чеканкой Хаджи Герая является обычное для его времени главенствование типологического метода классификации, в основу которого были положены разновидности написания лакаба и имени хана на их лицевых сторонах и легенд оборотных сторон монет. В результате смысл несовместимого с типологическим «объективного» метода сопоставления штемпелей во многом утрачивался, а в различных по датировке группах (858 и 867 гг.х.) оказывались монеты, чеканенные общими для них штемпелями лицевых сторон. Неиспользование отмечавшихся О.Ф. Ретовским общностей лицевых штемпелей как показателя синхронности или смежности чеканок монет разных типологических групп привело к ошибкам в заключениях и выводах, касавшихся и хронологии чеканки,

и атрибуции монет по месту их выпуска. Очевидно, что выделенными им «переходными» штемпелями лицевых сторон монеты не могли быть отчеканены в несмежные 867 и 858 гг.х. Отнесение О.Ф. Ретовским к чеканке города Крыма монет с арабской легендой «ад-дуриба ба-ль-Крыми» – «чеканка в Крыму» на оборотных сторонах [99. Nr. 110-115; 116; 118, 188] исключало возможность заключений, опирающихся на отмеченную им общность некоторых штемпелей их лицевых сторон с монетами, снабженными тюркской легендой «зарб Кырк Йер» – «чекан Кырк Йера» [99, Nr. 55-58; 65-66; 88-93], в то время как вытекающим отсюда выводом могло быть отнесение монет с различающимися легендами к единому месту их производства в Кырк Йере. Можно отметить, что топоним Крым и ранее середины XV в. распространялся на весь полуостров, хотя некоторые исследователи немотивированно причисляли переход названия города Крыма (Солхат, Эски Крым, Старый Крым) на полуостров к более позднему времени или даже 1783 г. (М.Г.Крамаровский). Очевидно, в прямой связи с одновременным существованием одноименных города и полуострова находится употребление уточняющей топоним надписи «чекан города Крыма» на оборотных сторонах монет городской чеканки, что в последний раз встречается на монетах Хаджи Герая 845 г.х. (1441/1442 г.).

Параллельно исследованиям гераевских монет О.Ф.Ретовский занимался каталогизацией и изучением генуэзско-татарских, вылившимися в серию публикаций [58-62]. Эти двуязычные монеты, чеканившиеся в Каффе до 1475 г., все же не рассматривались им как неотъемлемый атрибут монетного дела Крымского ханства со времени его образования.

Первой эмиссией Хаджи Герая, выпуск которой осуществлялся на монетном дворе Каффы, являлись аспры с инициалами YY после имени города на лицевой стороне [61, №№ 175-183; 62, № 175а]. Еще Б.В. Кене, В. Юргевич и О. Блау усматривали в буквах YY окончания легенды инициалы консула Каффы Джиовани Джиустиниани (Joannes Justiniani), исполнявшего должность в 1449 г. [1, с. 312; 17, с. 160; 18, S. 88, No. 2968]. Их мнение поддерживалось О.Ф.Ретовским, заключавшим на основании сходства легенд оборотных сторон о принадлежности следующим годам чеканки монет с буквами BS и BG. Последние инициалы Б.В.Кене и В.Юргевич причисляли Бартоломео Джентиле, исполнявшему должность консула в 1458-1459 гг., но такую трактовку не поддерживал О.Блау [18, S. 88, No. 2965-2966], а О.Ф.Ретовский, обнаруживая более тесную связь этой группы по стилистическому сходству и общему монетному типу штемпелей, относил их к Борруэле Гримальди [9, с. 54], время консульства которого как 1453 г. было ошибочно определяемо В.Юргевичем [17, с. 141-

160]. По непонятной причине О.Ф.Ретовским не привлекалась статья Н.Мурзакевича «Генуэзские консулы города Кафы» [2, с. 352-355], в которой консульству Гримальди отводилось два года – 1451-1452 гг. Штемпельные связи подтверждают наблюдение О.Ф.Ретовского о смежности чеканок монет с буквами YY, BS и BG, а время занятия должности неизвестным консулом с инициалами BS приходится на 1450 г. Таким образом, по уточняемым заключениям О.Ф.Ретовского, в чеканке Каффы выделяется группа монет, датируемая 1449-1452 гг. (853-856 гг.х.). В этой группе находятся монеты с именем Хаджи Герая и связанные общим штемпелем лицевых сторон с ними монеты с изображением той же крымской тамги с чертой над ней, но с именем Нурдевлета. Инициалы BS неизвестного по имени консула позволяют датировать короткое правление Нурдевлета I 1450 г., а имя хана связывать с упоминанием автором Ас-себу-с-сейяр фи ахбари мулюки татар (Семь планет в известиях о царях татарских) [11; 13, с. IX-XIV] Сейидом Мехмедом Ризой Нурдевлета, сына Сейид Ахмеда и двоюродного брата Хаджи Герая. С конъектурами сообщение Мехмеда Ризы повторено Халим Герай султаном в сочинении Гюльбюн-и Ханаан яхуд Къырым тирихи (Розовый куст ханов или история Крыма) [16]. Мехмед Риза (так же и Халим Герай) приписывает события Менгли Гераю, но из того, что обозначена их связь со смертью Тегенэ Ширинского и малолетством его сына Эминека, следует, что речь идет о Хаджи Герае: «сторонник <Менгли> (Хаджи – *В.С.*) Герая Ширкин-Текне (Ширин Тегенэ) тем временем помер, а сын его (Эминек) был ребенком, и большая часть эмиров перешла на сторону Нурдевлета. <Менгли> (Хаджи – *В.С.*) Герай вынужден был скрываться в Мангупской крепости, принадлежавшей христианам» [11, с. 83]. Имя другого хана, упоминаемого Мехмедом Ризой и Халим Гераем, Бая Кельди, который, напав на орду своего брата Нурдевлета у Днепра, убил его и занял престол Крымского ханства, также находится на генуэзско-татарских монетах в форме Ґельдибек, Кельдибек. По свидетельству Мехмеда Ризы, Байкельди правил несколько лет, прежде чем потерпел поражение от войска объединившихся крымских беев во главе с Эминеком и уступил престол Хаджи Гераю. Возможно, его правление измерялось месяцами, поскольку уже в конце консульства неизвестного лица с инициалами BS (1450 г.) в Каффе чеканились монеты с именем Хаджи Герая [9, № 200], а их штемпель оборотной стороны (с именем хана) использовался (как отмечал О.Ф.Ретовский) в чеканке следующего года в консульстве Борруэле де Гримальди [9, № 195]. Но не исключено, что правление Байкельди (Ґельдибека) счислялось без учета перерывов в нем и оканчивалось в 856 г.х. (23.01.1452-11.01.1453 гг.), когда Хаджи Герай одержал решительную победу над Сейид Ахмедом.

А.Л.Пономарев причислил медные монеты Каффы с изображением ордынской тамги хану Ибрагиму, принимавшему, как он считал, участие в борьбе за крымский престол после смерти Хаджи Герая в сентябре-октябре 1466 г. в качестве непоименованного в казначейских книгах Каффы третьего (с Нурдевлетом II и Менгли Гераем I) претендента [3, с. 144-145]. Посредством такого допущения изыскивалась возможность привлечь к крымским событиям серебряные монеты хана Ибрагима с изображениями двух тамг, чеканенные в Ордабазаре. Произвольная атрибуция медной монеты повлекла датировку 1466 г. всей группы монет с инициалами YY (1449 г.), BS (1450 г.) и BG (1451-1452 гг.). В соответствии с этим А.Л.Пономарев высказывал сомнения в принадлежности инициалов на монетах Каффы консулам. Можно отметить, что основы для подобных сомнений были заложены уже О.Ф.Ретовским, читавшим буквы DL (Дамиано де Леоне, 10.12.1457-29.08.1458 гг.), помещенные на монете в перевернутом виде под изображением портала, как IQ и причислял их консулу Джиованни Кабелла (1466 г.) [9, № 257]. Распознаваемое на обороной стороне имя Хаджи Герая вполне соответствовало концу его правления, но подобная атрибуция оригинального в чеканке Каффы монетного типа с крупным изображением портала, с одной стороны, оставляло неатрибутированными собственно монеты с инициалами IRG – Джиованни Ренцио де Габелла (12.12.1465-11.01.1467 гг.), с другой – нарушало всю последовательность смены монетных типов, в которой Затем О.Ф.Ретовский не допускал возможности чеканки монет с изображением ордынской тамги позже 1449 г., исключив из поздней группы выпуски с инициалами D (Томасо де Домокульто, 25.04.1455-9.12.1456 гг.) и ALY (Антонио Ленкаро, 10.12.1456- 9.12.1457 гг.), а поместив их среди монет с именами Мухаммеда и Девлета Берди, пришел к убеждению, что на части их арабские надписи искажены до неузнаваемости. Постепенное искажение надписей действительно наблюдается в арабских легендах каффинских монет, отмечается перестановка в процессе копирований букв местами, сокращение титулов и стилизация знаков. Тем не менее, имена ханов, поддававшиеся чтению современниками, несмотря на особенности и своеобразие шрифта, различимы. Очередность смены инициалов в латинской легенде монетных выпусков, которые замещаются несоответствующими консульствам буквами YЗ только в 1470 и 1471 гг., устанавливается по штемпелям и последовательному изменению типа оформления сторон, и совпадает с последовательностью смены консулов [12, с. 282-285].

В персоналии, скрывавшейся за буквами YЗ в конце легенды на лицевой стороне одного из типов генуэзско-татарских монет,

О.Ф.Ретовский был склонен видеть Якобуса Зоалио, известного как арендатора каффинского монетного двора [9, с. 59]. Вероятно, из-за ошибки перевода, Ж.Лунарди, ссылаясь на О.Ф.Ретовского, причисляет Зоалио к консулам [24, p. 95]. Тех же латинских букв Y-З по сторонам ромбовидного обрамления тамги, как и L-V в легенде оборотных сторон, О.Ф.Ретовский не распознавал, принимая их за части искаженной арабской надписи. Ранее Б.В. Кёне в буквах YЗ на лицевой стороне монеты предполагал инициалы консула Джиулиано Джентиле Фаламоника, объясняя несоответствие одного из имен инициальной букве возможностью использования какого-то итальянского наречия, подобного венецианскому, на котором имя произносится как Зентиле [1, No. 6]. Но О.Ф.Ретовским было замечено, что Джиулиано Джентиле, действительно избранный в Генуе на должность консула Каффы, таковую не смог занять по причине взятия Каффы турками 6.06.1475 г. [9, с. 59].

Зависимость от полноты источников, какими для нумизматики являются в первую очередь монеты, ограничила О.Ф.Ретовского в возможностях исторических выводов, оставила неполно представленными выпуски Крымского ханства после 1475 г., что не умаляет достоинств его фундаментальных трудов. Его огромная и скрупулезная работа по систематизации и изучению кыркъерских (до 1475 г.) и генуэзско-татарских крымскоханских монет создали незыблемую основу для дальнейшего их исследования, являясь надежным краеугольным камнем истории Крымского ханства.

Литература

Кёне Б.В. Описание музеума покойного князя Василия Викторовича Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений, равно как царств: Понтийского и Боспора Киммерийского. Т. I. СПб., 1857. – 412 с.

Мурзакевич Н. Генуэзские консулы города Кафы // ЗООИД. Т. III, Одесса, 1853, с. 552-555.

Пономарев А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. № 1 (3), 2014, Казань, с. 128-162.

Ретовский О.Ф. Монеты Гази-Герая хана II, бен Девлет // ИТУАК, № 8, Симферополь, 1889, с. 90-98.

Ретовский О.Ф. К нумизматике Гиреев (с 4-мя таблицами) // ИТУАК, № 18, Симферополь, 1893, с.73-118.

Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы // ИТУАК, № 27, Симферополь, 1897, с. 49-104, табл. I-IV.

Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья вторая // ИТУАК, № 29, Симферополь, 1899, с. 1-52, табл. IV-V.
Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты города Каффы. Статья третья // ИТУАК, № 32-33, Симферополь, 1902, с. 1-17, табл.
Ретовский О.Ф. Генуэзско-татарские монеты // ИИАК, вып. 18. СПб., 1906, с. 1-72, табл. I-VI.
Ретовский О.Ф. Новые генуэзско-татарские монеты // ИИАК, вып. 51. Петроград, 1914, с. 1-16, табл.
Сейид Мухаммед Риза — Ассеб о-Ссейяр или Семь планет, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, т.е. с 871/1466 по 1151/1737 г. Сочинение Сейида Мухаммеда Ризы, издано под наблюдением Мирзы Казимбека. Казань, 1832 (арабск. шрифт).
Сидоренко В.А. Монетная чеканка Кырк Йера и Каффы в истории Крымского ханства (1442-1475 гг.) // МАИЭТ, вып. XX, Симферополь, 2015, с. 263-302.
Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. – 772 с.
Трутовский В. Каталог восточных монет / Московский Публичный и Румянцевский музеи, нумизматический кабинет. Вып. III. М.: Типогр. О.О. Гербека, 1886. – 156 с., табл.
Френ Х.М. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении; из прежнего собрания Г-на Профессора, Статского Советника и Кавалера К.Фухса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету. Перевел с немецкого Михаил Волков. СПб., 1832. – 80 с., XVIII табл.
Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или история Крыма. Перевод переложения А.Ильми 1909 г. и пояснения К.Усейнова 2004 г. Симферополь: Доля, 2004. – 288 с.
Юргевич В. О монетах генуэзских, находимых в России // ЗООИД, т. VIII, Одесса, 1872, с. 141-160.
Blau O. Die orientalishen Münzen des Museums der Kaiserlichen Historisch-Archäologischen Gesellshaft zu Odessa. Odessa: Druck von P. Franzow, 1876. – 94 S., Taf.
Frähn C.M. Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kaiserl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg. St. Petersburg: Kaiserl. Academie der Wissenschaften, 1821. 124 S., Taf.
Fraehn Ch. M. Recencio Numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae / Numi muhammedani, qui in Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae. Museo Asiatico

Asservantur. Tomus I. Recensionem Omnium Musei Asiat. Numor. Muhammedanorum. Petropoli: Litteris Academicis, 1826. XXXVIII + 744 p.
Fraehn Ch. M. Nova Supplementa Numorum Muhammedanorum, quae Museo Asiatico Academiae Imp. Scient. Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae Imperial. Scientiarum, 1842. 216 S.
Fraehn Ch. M. Nova Supplementa ad Recencionem Numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae / Ch. M. Fraehnii Opusculorum postumorum, pars I. Ed. Bernh. Dorn. Petropoli: Typis Academiae Imperial. Scientiarum, 1855. XX+452 p.
Köhne B. Les monnaies génoises de Kaffa // Revue Belge de numismatique. 1875, Bruxelles, p. 73-81, 1 pl.
Lunardi G. Le monete delle colonie genovesi / Atti della Società ligure di storia patria. Nuova Serie. Vol. XX (XCIV), fasc. I. Genova: Nella sede della Società ligure di storia patria, 1980. – 320 p.
Retovski O. Die Münzen der Gireï. I // ТМНО, т. II, вып. 2. М., 1901, с. 241-308, Taf. I-VI.
Retovski O. Die Münzen der Gireï. II // ТМНО, т. III, вып. 1. М., 1903, с. 10-107, Taf. VII-IX.
Retovski O. Die Münzen der Gireï. III // ТМНО, т. III, вып. 2. М., 1905, с. 187-328, Taf. XII-XXX.
Retovski O. Die Münzen der Gireï. Moskau: Buchdruckerei und Schriftgiesserei von Otto Herbeck, 1905. – VIII+306 S., XXX Taf.

Смекалова Т.Н., Волошинов А.А.
(Симферополь)

«ДЛИННЫЕ ПОЛЯ» У ГОРОДИЩА ЗАЯЧЬЕ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

В большинстве работ, посвященных изучению позднескифской культуры, подчеркивается ведущая роль земледелия в экономическом развитии варваров (Шульц, 1957: 78; Высотская, 1987: 33; Дашевская 1991: 12-15). Ю.П. Зайцев высказал иное мнение: «на примере Неаполя Скифского и других поселенческих структур хорошо видно, что на протяжении II в. до н. э. – первой половины II вв. н.э. сколько-нибудь выразительные признаки существования развитого земледелия практически отсутствуют» (Зайцев 2003: 46). Можно предположить, что этот вид хозяйственной деятельности все же осуществлялся, но на селищах, где и следует искать следы земледелия.

Для изучения пространственного расположения и типов хозяйствования поздних скифов наиболее показателен район Юго-Западного Крыма, а, точнее, долин рек Кача и Альма. Позднескифские городища располагаются вдоль речных долин и сухопутных дорог, идущих по долинам, с определенным интервалом, равным примерно 3-5 км, что, возможно, соответствовало размерам земельной округи, занимаемой отдельным социумом.

Наиболее крупные позднескифские городища Альминской долины возникают во II- I вв. до н.э. Часть из них, была основана на месте более ранних поселений херсонесской хоры IV-III вв. до н.э. (Усть-Альминское, Вилино-Рассадное, Алма-Тамак). В 17,5 км к востоку от

[1] Исследования проводились при финансовой поддержке гранта РНФ № 15-18-30047 «Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н.э. - VII в. н.э.)».

крупнейшего из них - Усть-Альминского городища, находится городище Заячье с двумя большими селищами, примыкающими с северо-востока (т.н. «северным») и с юго-востока («юго-восточным»). Пространство между прибрежным Усть-Альминским городищем и городищем Заячье занято несколькими поселениями, территории которых были подвержены в XIX-XX вв. застройке, вспашке, посадке виноградников и т.д. В обширных окрестностях поселения Заячье, незатронутых современной распашкой, сохранились не только селища с развалами оград и жилых построек, но и, что особенно важно, следы древнего пашенного земледелия.

Городище Заячье расположено в 1,3 км к юго-востоку от с. Брянское Бахчисарайского района. Оно находится на мысу, образованном крутым поворотом глубокой Сакальской («Сакавской») балки. По информации известного краеведа И.Л. Белянского, возвышенность, на которой находится городище, называется «Тогерек-Эгерек», а также «Куль-Тепе». Скалистый мыс, имеющий крутые склоны с трех сторон огибает глубокая балка, мыс соединен с ее краем узким перешейком. В тальвеге балки, к югу от городища, имеется действующий родник, а сама балка имеет временный водоток.

Удобный въезд на плато со стороны долины р. Альмы закрывает каменно-земляной вал, в основании которого находятся крупные необработанные камни. Таким образом, городище Заячье, относясь к числу мысовых укреплений, сопоставимо с другими позднескифскими городищами, конфигурация которых также была подчинена рельефу местности, а защищенные крутые склоны сократили потребность в оборонительных сооружениях. При этом сама возвышенность не является доминантой.

Городище имело главную линию обороны протяженностью не менее 200 м и цитадель размером 65х25 м, расположенную на вершине холма. Оборонительная стена прослеживается вдоль северо-западного и западного склона холма. С восточной стороны к ней примыкают каменные постройки. Судя по ширине каменного развала, в северной части укрепления могла находиться каменная башня (Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 46), к востоку от которой размещались ворота. Площадь городища составляет 1,3 га.

Первое название памятника - городище Биюк-Яшлау. Памятник был известен Н.Л. Эрнсту, в 1954 г. его вновь обнаружил П.Н. Кацур (Веймарн 1954, 21 и сл.). В этом же году его обследовал Горный отряд археологической экспедиции Бахчисарайского музея под руководством Е.В. Веймарна, который оставил подробное описание городища в своем отчете (Веймарн 1954: 20-22). П.Н. Шульц посещал это городище и интерпретировал его как две укрепленные усадьбы (Шульц 1957, 84,

прим. 2). Наиболее детально памятник исследовала Т.Н. Высотская в 60-е гг. Она уделила особое внимание изучению крепости и юго-восточного селища, составила их план, а на склонах убежища и на селище провела небольшие раскопки (Высотская 1963, 8, Высотская 1968, 186-187; Высотская 1972, 27-29).

В 1995-1996 гг. сотрудниками Брянского отряда (начальник А.А. Труфанов) Альминской экспедиции КФ ИА НАН Украины на селищах был собран подъемный материал. В 2007 г. на западном склоне городища (у подножья) Альминской экспедицией Крымского филиала Института археологии НАНУ под руководством А.Е. Пуздровского был заложен небольшой шурф, который из культурного слоя, образовавшегося от сползания отложений с городища, дал материал первых веков н.э. (Пуздровский 2011: 31). В настоящее время наиболее приемлемой датой памятника в целом представляется I в. до н. э. — III в. н. э.

Северное селище было датировано I в. до н. э. - III в. н. э., юго-восточное - II-III вв. н. э. (Колтухов 1999: 117). К этому времени относятся и остатки небольшого (8,2 х 6 м) прямоугольного дома мегаронного типа, исследованного Т.Н. Высотской в 1963 г. на юго-восточном селище (Высотская 1972: 28). По всей его территории тянутся длинные незамкнутые каменные стены-загородки, составленные из двух рядов крупных камней, поставленных на ребро.

На восточной окраине северного селища в 2007 г. А.Е. Пуздровский, А.А. Труфанов и Г.В. Медведев раскопали коллективное захоронение в каменной гробнице I в. до н.э. – первой половины I н.э. (Пуздровский, Труфанов, Медведев 2010: 199-205; Пуздровский 2011: 32-35), которая по строительным приемам напоминает раскопанный Т.Н. Высотской дом. Исследованный объект - вероятно часть большого могильника из курганообразных насыпей и безурновых кремаций, расположенных на плато возвышенности Кыбла-Баир в радиусе 1-2 км от городища. Часть могильника исследована в 2013 и 2015 гг. А.А. Волошиновым, И.И. Неневолей и А.Е. Соломоненко (Волошинов, Неневоля 2013).

Приблизительные границы селищ могут быть определены по наблюдениям Т.Н. Высотской, а также новейшим данным дистанционных и геофизических методов. На космических снимках, сделанных весной 2014 г., селища выделяются темными пятнами более густой травянистой растительности (особенно, на весенних снимках от 27 апреля 2014 г.). Юго-восточное селище имеет площадь около 3 га. Вместе с территорией, примыкающей с юга, занятой длинными каменными оградами, площадь селища увеличивается до 12,5 га.

Северное селище впервые описал Е.В. Веймарн (1954: 22). Он определил его площадь (не менее 4-5 га) и отметил наличие оград из крупных камней, которые намечают улицы, отдельные дворы,

постройки внутри дворов. Сохранность построек, по мнению Е.В. Веймарна, плохая; повсюду были видны следы позднейших работ по выборке и вывозу камня. Керамический материал представлен лепными сосудами без орнамента. Ученый подметил, что с северо-востока это селище имело ограду из крупных камней, за которой на сотни метров прослеживались полевые межи (Веймарн 1954: 22).

Северное селище по новейшим данным космических снимков имеет площадь не менее 4,7 га. Между северным селищем и городищем, а также к востоку от селища на аэрофотосъемке, спутниковых фотографиях и непосредственно на местности хорошо просматриваются следы древних «длинных полей», примыкающих к неровностям в рельефе. Они имеют ширину от 22 до 26 м, сохранившуюся длину 250-270 м; с восточной стороны они разрушены современной распашкой. Подобные поля были обнаружены к западу от городища, на другой стороне балки, где их длина достигает 460 м.

Впервые о важности изучения полей, располагающихся поблизости от позднескифских селищ и городищ, высказался Е.В. Веймарн. В 1954 г., во время проведения учета и обследования курганов в районе сел Заячье и Репино Горным отрядом археологической экспедиции Бахчисарайского историко-археологического музея были обнаружены следы полевых меж, представляющие собой длинные ряды камней и земляных валиков, очерчивающих какую-то систему прямоугольных участков (Веймарн 1954: 18-20). Одна из фотографий межей из отчета Е.В. Веймарна приведена в работе Т.Н. Высотской (1972: рис. 11). Особенно ярко полевые межи были представлены к северо-востоку и юго-западу от городища Заячье; здесь они просматривались на сотни метров по обеим сторонам балки, образующей петлю вокруг городища.

Е.В. Веймарн назвал следы древних полей «крайне важным и драгоценным материалом для изучения экономики Юго-Западного Крыма в эпоху скифского государства в Крыму» и признал необходимым проведение на них углубленных археологических работ с построением инструментальных планов, так как в 1954 г. исследователю удалось только найти, а не исследовать эти памятники. Е.В. Веймарн высказал мнение, что изучение этих полей способно дать материал для постановки вопроса о наделах и землепользовании у местного населения предгорий в последние века до н.э. и первые четыре столетия н.э. (Веймарн 1954, с. 18-20).

Вопрос об изучении следов древних полей более не поднимался, и только в недавнее время, с появлением доступных космических снимков высокого разрешения и аэрофотографий, эта тема получила дальнейшее развитие.

В 2014 г. начались комплексные исследования следов пахотных

полей в крымских предгорьях. Здесь, в районе поселения Заячье все еще сохранились отдельные островки, на которых можно наблюдать так называемые «длинные поля», ассоциируемые с позднескифскими селищами. Благодаря космическим снимкам ареал этих памятников в Юго-Западном Крыму значительно расширился, а также перешагнул далеко за пределы этого региона. Подобные поля мы видим и на других позднескифских поселениях. Например, на зимнем космическом снимке городища Борут-Хане в Центральном Крыму, где поля «подступают» вплотную к селищу, окружающему городище. Подобные поля были обнаружены нами также и в окрестностях позднескифских крепостей Ак-Кая/Вишенное, Бурундук-Кая, Уч-Коз, Аргинское в Белогорском районе. Поля такого типа были впервые замечены на ряде селищ эллинистического времени в Северо-Западном Крыму. С помощью спутниковых фотографий и последующей геофизической съемки были открыты системы полей и античные земельные наделы (Смекалова 2013; Смекалова, Кутайсов 2013; Смекалова, Кутайсов 2014; Смекалова, Кутайсов, Кецко 2015; Смекалова, Лисецкий, Маринина, Чудин, Гарипов 2015).

«Длинные поля» имеют характерную структуру: каждое поле ограничено по обеим сторонам валиками, в середине полей проходят ровики. Такая структура могла образоваться только в результате пахоты с применением ассиметричного плуга с боковым отвалом (Смекалова, Кутайсов 2013, 153-192).

Для более детального представления о структуре и планировки северного селища поселения Заячье и «длинных полей» нами была проведена магнитная съемка на площади 2,5 га. Исследованная площадь охватила большую часть селища и часть «длинных полей», примыкающих к нему.

Магнитная съемка проводилась с использованием четырехдатчиковой системы на основе канадского Оверхаузеровского магнитометра GSM-19WG на немагнитной тележке производства фирмы Geometrics (США), что существенно ускорило проведение съемки по сравнению с однодатчиковой системой. Шаг съемки не превышал 0,5 м, высота датчиков 0,3 м. С помощью стационарного магнитометра той же системы контролировались дневные вариации магнитного поля Земли.

Карта магнитного поля на северном селище насыщена магнитными аномалиями разных знаков и интенсивности. Территория самого селища отразилась в магнитном поле в виде групп положительных аномалий, создаваемых зольниками, скоплениями и отдельно стоящими ямами, очагами. Наиболее интенсивные и значительные по площади аномалии создаются тремя крупными зольниками, которые

выделяются также и в рельефе местности. Менее крупные по площади положительные аномалии отражают, возможно, сгоревшие остатки домов. И, наконец, наиболее многочисленные мелкие локальные аномалии соответствуют не менее чем сотне хозяйственных ям.

Для прояснения вопроса об относительной датировке полей и ям было решено раскопать одну из хозяйственных ям, «врезанных» в середину «длинного поля». Для этого эксперимента была выбрана небольшая положительная аномалия в южной части магнитной карты, на месте которой был разбит шурф 2х2 м, ориентированный по сторонам света.

Под дерновым слоем, на материковом галечнике, залегал достаточно однородный темно-серый гумусированный слой мощностью до 0,3-0,45 м. Находки из этого слоя представлены обломками свинца, один из которых был использован для ремонта сосудов, железным черешковым наконечником стрелы, полихромной бусиной из полупрозрачного синего стекла, орнаментированной пятнистым орнаментом из капель желтого, зеленого и синего стекла. В однослойной кладке из бутового камня и известняковых плит, открытой у западного борта шурфа, найден фрагмент каменного жернова. Керамический материал представлен фрагментами лепных сосудов, ручками светлоглиняной позднегераклейской амфоры (тип С II по С.Ю. Внукову), датируемой рубежом I в. до н.э. - I в. н.э., колхидской и косской амфор, датируемой по А.П. Абрамову (1993: 44, рис. 47, 4.31) и И.Б. Зеест (1960: табл. XXIV, рис. 51) III-II вв. до н.э., а также фрагментом красноглиняного ангобированного сосуда. Кроме того, в указанном слое была найдена стенка тонкостенного кувшина с краснолаковым покрытием высокого качества. Таким образом, датировка указанного слоя по наиболее выразительным керамическим фрагментам может быть определена в пределах II в. до н.э. - I в. н.э.

В северо-восточном углу шурфа была открыта колоколовидная хозяйственная яма, дно которой находилось на глубине 1,6 м от уровня современной поверхности. Сохранившийся диаметр обрушенной в древности горловины составляет 0,95-1,0 м, а диаметр дна - 1,6 м.

Горловина ямы, выявленная на отметке 0,5 м от уровня современной поверхности, была перекрыта линзовидным серо-желтым золистым слоем (мощностью до 0,55 м) с включением фрагментов глиняной обмазки и многочисленных плоских обломков известняка, которыми, вероятно, была первоначально обложена горловина. В заполнении ямы – сером золистом слое мощностью до 1,05 м, найдены обломки глиняной обмазки и фрагменты лепных сосудов, родосской амфоры типа вилланова (I-E), либо александрийского варианта (I-F) датируемых по С.Ю. Монахову III-II вв. до н.э. (2003: 117,120, табл.

81-84) и валикообразный венчик херсонесской амфоры, отнесённый С.Ю. Монаховым ко второму типу венцов с датой III-II вв. до н.э. (1989: 70, табл. XIX, *73*) В заполнении ямы найдены также венчик чернолаковой миски, свинцовая скоба для ремонта сосуда и детский бронзовый пластинчатый браслет, украшенный геометрическим орнаментом. Керамический материал позволяет предположить наиболее вероятную дату комплекса в границах III-II вв. до н.э.

Из детального анализа магнитной карты следует, что ямы «перерезают» линии полей. Учитывая расположение шурфа в середине одного из «полей», точную дату возникновения поля установить сложно. Таким образом, «длинные поля» могли быть сооружены как до появления селища, так и после прекращения жизни на нем. Впрочем, из рассмотрения магнитной и интерпретационной карт следует, что «длинные поля» примыкают к выявленным поселенческим структурам, возможно являясь их современниками.

Поскольку наше предположение о том, что локальные положительные аномалии создаются хозяйственными ямами, подтвердилось в результате проверочных раскопок, можно утверждать, что на селище находилось не менее ста ям. Окончательную датировку полей можно будет установить в результате полномасштабных археологических раскопок на Северном селище поселения Заячье.

Литература

Абрамов А. П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. № 3, 1993. Москва.

Веймарн Е.В. Отчет о работе Горного отряда археологической экспедиции КФ АН СССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г. // Научный архив отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР. Инв. А-12/Г. 29. 70 с.

Волошинов О.О., Неневоля І.І. Розкопки кургану біля с. Брянське Бахчисарайського р-ну. Археологічни дослидження в Україні. Київ 2013, с. 26-27.

Высотская Т.Н. Отчет о работе Альминского отряда Крымской археологической экспедиции в 1963 г. // Научный архив отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии АН УССР. Инв. А-3 49/1. 30 с.

Высотская Т.Н. Позднескифские городища и селища Юго-Западного Крыма // Советская археология. 1968. № 1. С. 185 – 193.

Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972.- 192 с.

Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) //Материалы к этнической истории Крыма (VII в. до н. э —VII в. н. э.). - К., 1987.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. Свод археологических источников (САИ) Д 1 – 7, М., 1991, 142 с.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский. II в. до н.э. – III в. н.э., Симферополь, 2003. 212 с.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // Материалы и исследования по археологии СССР. № 83. 1960.

Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV - II вв. до н. э. Опыт системного анализа. Саратов. 1989.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва-Саратов. 2003.

Пуздровский А.Е. Археологические разведки и охранные исследования в среднем течении р. Альма в 2007 г. // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции, Песчаное-Вилино, 26-27 сентября 2009 г. Выпуск № 2. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011, с. 26-35.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. и Медведев Г.В. Каменный подкурганный склеп с «коллективными» захоронениями у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Древняя и Средневековая Таврика. Археологический альманах № 22, Издательство «Донбасс», Донецк, 2010, с. 199-205.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Пастухи и земледельцы раннего железного века в северо-западном Крыму. Материалы к археологической карте Крыма, 2013 г., вып. VIII, ч. 2, 336 с.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В. А., Кецко Р. С. - Новые данные о хоре Калос Лимена. Проблемы истории, филологии, культуры, 2015 № 3 (49).

Смекалова Т.Н., Ф.Н. Лисецкий, О.А. Маринина, А.В. Чудин, А.С. Гарипов. Изучение пространственной организации древнего землепользования в северо-западном Крыму геоархеологическими методами. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №2. 150-160.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. Материалы к археологической карте Крыма, вып. 15. Санкт-Петербург, «Алетейя». 2015. 450 с.

Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945 – 1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 67-93.

Рис. 1. Карта магнитного поля на северном селище Заячье, показанная на фоне космического снимка.

Рис. 2. Интерпретация карта магнитного поля на северном селище Заячье. Черными точками отмечены хозяйственные ямы, черными овалами – зольники, черными линиями отмечены стены каменных помещений и каменная ограда или стенка. Параллельными белыми сплошными линиями показаны валики, а пунктирными – ровики «длинных полей».

Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А.
(Симферополь, СПб)

КУРГАННЫЙ НЕКРОПОЛЬ В ЛАНДШАФТЕ НИМФЕЯ. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ[1]

Нимфейский некрополь расположен непосредственно за городищем и занимает обширную территорию в несколько десятков гектаров к югу, западу и северо-западу от древнего города. Курганы простираются цепочками и группами на расстоянии 2-3 км от Нимфея и делятся по своему расположению на две группы: южную и северо-западную (рис. 1).

Южная группа курганов тянется по вершинам возвышенности, идущей вдоль берега моря, начиная от городища и до конца возвышенности, обрывающейся за последними домами с. Героевка. Насыпи шести наиболее крупных курганов этой группы венчают вершины естественных известняковых мшанковых скал, так же, как и курганы группы Юз-Оба [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012]. На обширном поле с запада от наиболее высоких курганов находятся курганы меньших размеров.

Курганы северо-западной группы рассеяны по степи вплоть до Чурубашского озера. Они располагаются группами, цепочками или поодиночке, и, в целом, уступают курганам южной группы по размерам.

Кроме курганного некрополя, непосредственно за городищем находились невысокие насыпи в виде валов, так называемые «сплошные могильные насыпи». Как показали последующие раскопки, они содержали по нескольку погребений [Силантьева 1959, с. 5].

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ а(ц) № 15-31-10151 а(ц) «Российские археологи XIX - начала XX вв. и курганные древности европейского Боспора», а также грантов РГНФ а(ц) № 15-31-10107 и РФФИ а № 14-06-00022.

В последней трети XIX в. некрополь Нимфея сильно пострадал от неофициальных раскопок и разграбления. Это произошло из-за несовершенства российского законодательства относительно археологических памятников на частных землях. Городище Нимфей и прилегающий к нему некрополь больше й частью располагались в принадлежавшем помещице Гурьевой имении Эльтиген, что исключало какой-либо контроль со стороны властей [Силантьева 1959, с. 11-12]. Раскопки здесь велись крестьянами по заданию помещиков, самими крестьянами на принадлежавших им участках, либо земля отдавалась на откуп желающим искать древности.

Первые ставшие известными курганные комплексы были фактически разграблены местными крестьянами в 1866 г. Затем ряд курганов нимфейского некрополя был раскопан 1867 г. прусским подданным Биллером, купившим это право у Гурьевой. Найденные им вещи были проданы за границу и после долгих странствий попали в оксфордский Ашмолеан-музей. В 1884 г. эта коллекция была издана Е.А. Гарднером [Gardner, 1884, p. 62-73, Pl. XLVI-XLVII], а позднее еще раз проанализирована и переиздана М. Викерсом [Vickers, 1979].

Раскопки Императорской Археологической Комиссии на территории, прилегающей к Нимфею, проводились на протяжении всего четырёх лет: в 1876 г. — А.Е. Люценко и Н.П. Кондаковым, а в 1878-1880 гг. — С.И. Веребрюсовым. Материалы этих исследований, далеко несовершенных с точки зрения полевой методики и фиксации, а также первая топографическая схема городища и некрополя, составленная Н.П. Кондаковым, опубликованы Л.Ф. Силантьевой [Силантьева, 1959]. По составу коллекции, проданной помещиком А.В. Новиковым Эрмитажу в 1900 г., можно судить о том, что в конце XIX в. некрополь Нимфея снова подвергался интенсивным хищническим раскопкам, которые дали значительный, но, к сожалению, «беспаспортный» материал [Грач, 1999, с. 179]. Еще более серьезный урон местность в районе Нимфея понесла во время Великой Отечественной войны, когда по краю береговой возвышенности были устроены окопы, блиндажи и укрепленные огневые точки, а многие курганы использовались как временные укрепления.

В 1973-1978 гг. Нимфейской экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Н.Л. Грач поводились масштабные исследования грунтового некрополя, Всего были открыты 254 погребения в хронологическом диапазоне от середины VI в. до н.э. до первой трети IV в. н.э. и следы раннесредневекового поселения салтово-маяцкой культуры [Грач, 1999, с. 179-181]. Тогда же был составлен план расположения курганов в пределах некрополя. Учитывались только близлежащая территория на расстоянии 4 км к западу и югу от

северного края Нимфейского плато. Всего были нанесены на карту и измерены 71 курган [Грач, 1999, с. 175, 311, табл. 179], хотя необходимо отметить, что в условиях отсутствия точной топографической основы, иногда их трудно идентифицировать на местности. При размещении данной схемы курганного могильника на современной топографической карте масштаба 1:5000 заметны некоторые смещения обозначенных на ней курганов относительно возвышенностей.

В 2013 г. экспедицией «CREDO» была проведена детальная инструментальная съемка ближайшей к городищу части некрополя, в масштабе 1:500. В 2014 г. А.П. Пигин составил карту на основе данных этой съемки и данных спутниковых снимков. На этой карте детально показаны места старых раскопок («Аллея склепов»), отвалы, места, изрытые грабителями, военные окопы и укрепленные позиции.

В настоящее время все поля вокруг курганов распахиваются. Охранные зоны имеют только наиболее крупные и заметные курганы. Множество мелких насыпей ежегодно страдают от вспашки.

Несмотря на многочисленные повреждения, которые претерпели курганы, в настоящее время на распаханных полях все еще возвышаются цепочки, группы и одиночные насыпи, самые крупные из которых расположены на склоне южного хребта, тянущегося вдоль берега моря (рис. 1). Как уже упоминалось, в XIX в. хорошо прослеживался и грунтовой могильник в виде так называемых «сплошных могильных насыпей». Очевидно, они были рассеяны по всему полю, занимаемому некрополем, но в настоящее время почти исчезли с лица земли в результате ежегодно проводившейся здесь распашки в течение более чем столетия.

В июне 2015 г. были проведены натурные обследования курганов северо-западной и южной группы Нимфейского некрополя. Во время пеших разведок измерялись точные географические координаты курганов, делались описания внешнего вида насыпей, степени их сохранности, фотофиксация; с помощью цифрового альтиметра измерялись высота курганов, а с помощью лазерного дальномера и рулеток – диаметр насыпей и расстояние между курганами. Все курганы имеют земляные насыпи.

Полученные данные относительно точного местоположения насыпей были использованы для помещения курганов на современную топографическую карту масштаба 1:5000 (рис. 2). В ходе анализа полученного материала учитывались все доступные космические снимки и детальные топографические карты и планы местности. Нумерация обследованных курганов приведена на рис. 2. Приведем далее описание их современного состояния.

Курган 0. Находится у дороги, ведущей в пос. Героевка, с южной

ее стороны. Высота насыпи 3,4 м, диаметр 33 м. Середина кургана изрыта нелегальными раскопами, грабителями и окопами военного времени. С западной стороны к этому кургану примыкает небольшой курган, сильно поврежденный окопом. Курганы 0, 1, 16 и 17, возможно, располагались вдоль древней дороги, ведущей в Нимфей, которая просматривается на космическом снимке в виде темной линии.

Курган 1. Соседствует с предыдущим курганом, находится в 33 м к западу от него. Высота кургана 2,4 м, диаметр 27 м. Восточная и западная части насыпи очень сильно повреждены прямоугольными ямами. Вокруг полы кургана с северной и западной частей проходит окоп.

Курганы группы 2 находятся в 80 м к юго-западу от кургана 0. Группа состоит, вероятно, из трех небольших курганов, высоты которых не более 1,6 м, насыпи очень сильно повреждены военными окопами.

Курганы 0-2 находятся на общем нераспахиваемом «островке», который, однако, имеет минимально возможные размеры. Распашка подходит вплотную к полам курганов и повреждает их, что, безусловно, недопустимо.

Курган 3. Курган с длинной, вытянутой в направлении запад-восток насыпью, размеры которой 35х15 м. Высота кургана 1,6 м. Не охраняется и ежегодно распахивается.

Курган 4. Крупный курган высотой 2,7 м. Размеры овальной насыпи 40х29 м. Вершина повреждена в северо-восточной части грабительской ямой и окопом, проходящем через всю верхнюю часть кургана.

Этот курган является крупнейшим в цепочке из 7 курганов, следующих по наиболее возвышенной напольной части местности, примыкающей к прибрежному склону (рис. 2). Насыпь кургана не распахивается, однако, поле подходит слишком близко к полам кургана.

Курганы 5, 5а и 6 – небольшие курганы, идущие в ряд вдоль кромки склона. Курган 5 а – невысокий (0,8 м), относительно широкополый курган. Диаметр насыпи 21 м. Небольшая грабительская яма в северо-восточной части. Ежегодно распахивается.

Курган 5 имеет высоту 1,2 м, диаметр 19-21 м. По вершине кургана проходит военный окоп.

Курган 6. Очень маленький курган высотой всего 0,8 м, диаметром 12 м. Изрыт окопами военного времени. Расстояние между соседними курганами 5 и 6 – 33 м.

Курган 7. Находится на расстоянии 24 м от соседнего кургана 6. Имеет средней величины насыпь высотой 1,2 м, диаметром 24 м. По вершине проходит глубокий окоп.

Курган 8. Отстоит от кургана 7 на расстоянии 34 м. Высота насыпи 0,8 м, диаметр – 24 м. В средней части находится грабительская яма.

Курган 9. Находится на расстоянии 58 м от предыдущего. Крупный курган высотой 2,4 м с овальной в плане насыпью размерами 24 х 17 м. Курган имеет уплощенную вершину. Он «замыкает» группу из курганов 4-9.

Следующая курганная группа, состоящая из насыпей 10 и 11, отстоит от кургана 9 на расстоянии 124 м.

Курган 10. Курган высотой 1,5 м образовался, возможно, от слияния двух насыпей. Его форма вытянутая, размерами 31 х 15 м. Очень сильно изрыт грабительскими ямами и окопами.

Курган 11. Насыпь высотой около 2 м, имеет удлиненную форму. У кургана устроен окоп.

До следующей курганной группы, состоящей из трех насыпей (12-14), 154 м. Возможно, что эти курганы стояли вдоль предполагаемой древней дороги, следующей по дну небольшого, ныне распаханного, оврага.

Курган 12 – самый крупный в этой группе. Он имеет высоту 2,5 м и диаметр 32 м. На его вершине находятся три больших грабительских ямы.

Курган 13 – находится в 25 м к западу от предыдущего. Его высота несколько меньше – всего 1,1 м, диаметр 21 м. Насыпь кургана сильно пострадала – на вершине две больших ямы.

Курган 14 – примерно таких же размеров, как и курган 13: высота насыпи 1,1 м, диаметр – 24 м. Его насыпь изрыта глубокими окопами военного времени.

Вся цепочка курганов 4-14 находится на «островке» нераспахиваемой почвы.

Последний из рассмотренных курганов (15), расположенных вдоль линии едва заметной вершины той же возвышенности, находится на расстоянии 223 м от кургана 14.

Курган 15 довольно крупный, имеет высоту 1,8 м, диаметр насыпи 35 м. Курган почти не имеет видимых повреждений.

Перейдем теперь к описанию курганов и курганных групп, находящихся в напольной части, к западу от рассмотренной цепочки курганов.

Показательна и любопытна группа курганов 18а-23 (рис. 2). Насыпи в этой группе расположены очень тесно. Восточная часть группы состоит практически из одной сплошной насыпи, длина которой превышает 54 м, ширина составляет 18 м. Высота насыпи в разных ее частях разная, от 2,4 до 2,8 м. Она очень сильно изрыта глубокими ямами и, вероятно, окопом военного времени.

Завершает эту группу с юга крупный курган 21 высотой 3,5 м, диаметром 29 м. На вершине кургана несколько больших грабительских

ям, а с северо-западной стороны в насыпь врезался окоп.

С западной стороны от длинной насыпи находятся еще два небольших кургана.

Курган 22 высотой всего 0,3 м и диаметром 18,5 м. Его поверхность задернована, и насыпь едва различима.

Курган 23 несколько больше, высотой 0,5 м, диаметром 19 м. На поверхности выступают несколько камней, поверхность задернована и почти не повреждена.

В 185 м к северу от этой группы находится плохо различимая широкая насыпь кургана 17а высотой всего около 0,5 м. Этот курган год от года распахивается, поэтому почти совсем исчез с поверхности.

Далее на север, в 120 м от этого кургана находится еще один очень широкий и неповрежденный курган 17. Его высота 0,8 м, диаметр не менее 40 м. Возможно, он относится к эпохе бронзы.

В 50 м к западу от предыдущего располагается большой курган 16 с довольно крутыми склонам. Его высота не менее 2 м, диаметр – 22 м. На вершине – грабительские ямы. Курган находится сейчас у перекрестка дорог, одна из которых ведет из Керчи в п. Челядиново, а вторая – в п. Героевка.

Перейдем теперь к характеристике курганов, находящихся к западу от городища. Здесь курганы пострадали от грабительских раскопок и военных разрушений больше всего. От крупной курганной группы, находящейся в 600 м к северо-западу от границы города и в 360 м к северу от дороги на п. Героевка, остались только несколько значительных, но очень сильно изрытых и бесформенных курганов, слившихся в единую насыпь (см. №№ 24-28 на рис. 2). Курган 27 высотой не менее 2,5, диаметром 27 м, находится к западу от этой группы.

Необходимо сказать несколько слов о прибрежной группе курганов, идущих по кромке возвышенности, довольно круто обрывающейся к морю.

Курганы, располагающиеся к юго-западу от памятника десанту («Парус»), в настоящее время настолько изрыты, что представляют собой бесформенные нагромождения земли, камня, щебня, и, скорее напоминают каменоломни, чем курганы (рис. 3 *б*). В районе самого памятника «Парус» сохранился довольно большой курган высотой 2,5 м, диаметром 25 м, однако и он поврежден грабительскими ямами.

* * *

Курганы, окружающие древнее городище Нимфей, вероятно, относятся к разным эпохам: от бронзового века до эллинистического времени. Курганы эпохи бронзы имеют наиболее пологие склоны и

широкие полы. Не исключено, что курганы более позднего времени насыпались поверх курганов бронзового века. Прибрежная цепочка курганов к юго-западу от Нимфея имеет сходный принцип воздвижения насыпей с курганами группы Юз-Оба: также, как и в последней, курганы насыпались поверх естественных выходов мшанковых известняковых останцов [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012]. Наиболее яркой особенностью нимфейских курганов является их тесное расположение в группах, так, что часто насыпи сливаются друг с другом. Явление высокой концентрации курганов в окрестностях античного города Нимфея, также как и у других античных городов – Пантикапея, Керкинитиды, необходимо специально изучать с точки зрения греко-варварских взаимоотношений на периферии античного мира.

Литература

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора // Боспорские исследования. Supplementum. Симферополь-Керчь. 2012 г.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб. 1999.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. // Материалы и исследования по археологии СССР. 69. 1959.

Gardner E.A. Ornaments and Armors from Kerch in the Museum at Oxford // The Journal of Hellenic Studies. 5. 1884.

Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxford. 1979.

Рис. 1. Городище Нимфей и близлежащий курганный некрополь на карте 1957 г. масштаба 1:25000. Клетка на карте имеет размеры 1х1 км. Отмечены Северо-Западная и Южная курганные группы. Красным прямоугольником обозначена территория, представленная на рис. 2.

Рис. 2. Курганы, обследованные в 2015 г., на фоне современной карты масштаба 1:5000.

Соколова О.Ю.
(С-Петербург)

«МЫ ЕХАЛИ СЮДА, ЧТОБ ГРАД НИМФЕЙ КОПАТЬ...» (П. Ф. Силантьева, М. М. Худяк, В. М. Скуднова)

В 1876 г. Императорская Археологическая Комиссия организует первые серьёзные археологические исследования Нимфея и его некрополя. Работы проводятся под руководством директора Керченского музея А. Е. Люценко и члена Императорской Археологической Комиссии Н. П. Кондакова. На выступающей в море восточной оконечности верхней террасы нимфейского плато было заложено несколько траншей, которые, с точки зрения руководившего работами Н. П. Кондакова, не дали интересных находок. В результате, раскопки на городище прекращаются в самом начале (ОАК за 1876 год. С. VIII–XXX).

В 1937 г. по северному и северо-восточному склонам нимфейского плато предприятием Азводстрой начались разработки выходов известняка для нужд строительства, которые привели к разрушению строительных остатков и культурного слоя городища (Худяк 1939. С. VI). Для того, чтобы предотвратить дальнейшее разрушение памятника, в 1938 году отряд Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, возглавляемой профессором В. Ф. Гайдукевичем, проводит разведочные раскопки на территории Нимфея. Руководила этими работами П. Ф. Силантьева, старший научный сотрудник Отдела истории культуры и искусства античного мира.

Пелагея (Лина) Федоровна Силантьева (в девичестве – Соколова) родилась 7 мая (24 апреля по ст.ст.) 1904 г. в д. Сандогоры Костромского уезда Костромской губернии (илл. 1). В своей автобиографии Лина Федоровна пишет, что её родители были из крестьян. Отец, Соколов Ф. И. (1873–1929), мальчиком отправлен в Петербург, где работал разносчиком, занимался мелочной торговлей, после

Октябрьской революции – был продавцом в Ленкооперации, а затем работал «в кустарных организациях пищевой промышленности». Мать, Соколова Е. И. (1874–1959), первые годы после замужества жила в деревне и занималась сельским хозяйством, потом была домохозяйкой, занималась воспитанием дочерей (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 15, дело 108, л. 23). Пелагея Федоровна – младшая из пяти сестер.[1]

В 1923 г., по окончании средней школы, П. Ф. Силантьева поступила в Петроградский государственный университет на Общественно-педагогическое отделение факультета Общественных наук. А в 1925 г., в связи с преобразованием факультета, перешла на Отделение истории материальной культуры Историко-лингвистического факультета, который окончила в 1929 г. по Античному циклу. Но, согласно копии свидетельства от 28 мая 1935 г., она «не подвергалась испытаниям в Государственной Квалификационной комиссии и дипломную работу не защитила» (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 15, дело 108, л. 8). По окончании университета она принята на работу в Эрмитаж, где прошла путь от помощника хранителя Эллино-скифского отделения Отдела Древностей (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 18, дело 14, л. 91) до заведующего сектором Северного Причерноморья (Кунина 1983). Её научные интересы были разнообразны – чернолаковая и краснолаковая керамика, античные ювелирные изделия, терракоты, материалы Семибратних курганов и некрополя Нимфея.

В 1946 г. П. Ф. Силантьева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». С первых дней войны она активно участвует в упаковке и подготовке музейных ценностей к эвакуации. Первый эшелон, состоявший из багажных вагонов с бесценным грузом, пассажирских вагонов для сотрудников музея, сопровождавших его в далекий путь, и платформы с зенитными орудиями, увозивший около полумиллиона экспонатов, отошел из Ленинграда рано утром 30 июня 1941 г. Его начальником и директором филиала Государственного Эрмитажа на месте прибытия был назначен В. Ф. Левинсон-Лессинг. 9 июля железнодорожный состав благополучно прибыл в Свердловск, где ящики с эрмитажными коллекциями размещают в Картинной галерее, костёле и в здании Антирелигиозного музея, бывшего особняка Ипатьева. Второй состав прибывает в Свердловск 6 августа, а третий не успевает покинуть осажденный город. Эвакуировавшись в Свердловск,

[1] Соколова М. Ф. (1897 г.р., д. Сандогоры) стала бухгалтером; Соколова О. Ф. (1899 г.р., г. Санкт-Петербург) работала врачом Василеостровской инфекционной детской больницы; Соколова К. Ф. (1901 г.р., г. Санкт-Петербург); Соколов З. Ф. (1902 г.р., г. Санкт-Петербург) работала конструктором на заводе Госметрология (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 15, дело 108, л. 20).

Лина Федоровна вместе с эрмитажными коллегами занимается охраной коллекций, ведет хранительскую работу, принимает участие в организации лекций в школах, дворце пионеров, вузах, госпиталях, на предприятиях г. Свердловска, занимается в университете марксизма-ленинизма, сдает кандидатский экзамен по философии (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 15, дело 108, л. 5, 24).

Со студенческих лет она активно участвует в работе Крымской экспедиции Академии Наук СССР (1927–1928 гг.), Ольвийской (1928–1929 гг.) и Березанской (1930–1931 гг.) экспедиций, в 1933 г. – в разведках на территории Башкирии, позднее – в работах Боспорской археологической экспедиции ГАИМК/ИИМК/ЛОИА АН СССР на Илурате под руководством В. Ф. Гайдукевича (Колесниченко 2011. С. 184; Кунина 1984). В 1938 г. Лина Федоровна руководит отрядом Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, который осуществляет разведочные раскопки на городище Нимфей. Результатом этих работ явилось открытие несколько гончарных печей, а археологические материалы впервые позволили установить хронологические рамки жизни города – с конца VI в. до н.э. по III в. н.э. включительно (Гайдукевич 1940. С. 314–317). В 1939, 1941 и 1949 гг. она участвует в Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа, руководя работами на одном из участков, а в 1956 г. вновь осуществляет самостоятельные исследования на городище в составе экспедиции ИИМК АН СССР. Большое значение для изучения Нимфея имеет подготовленная П. Ф. Силантьевой обобщающая публикация материалов из раскопок Императорской Археологической комиссии нимфейского некрополя в 1876–1880 гг. (Силантьева 1959).

До последних дней Лина Федоровна продолжала работать в Эрмитаже, занимаясь научно-исследовательской и экспозиционной работой, щедро делясь своими знаниями с коллегами. Она скончалась 10 сентября 1981 г.

Двадцать пять лет изучения Нимфея связаны с именами М. М. Худяка (Передольская 1959; 1959а) и В. М. Скудновой (Вощинина 1971) (илл. 2–3).

Марк Матвеевич Худяк родился 22 октября 1899 г. в г. Харькове. Отец, Худяк Матвей Михайлович (1873–1937), работал маляром, мать, Худяк Сарра Рахмилевна (1878– ?), была домохозяйкой, занималась детьми. У Марка Матвеевича было два брата и сестра, младше его по возрасту.[2] В 1918 г. по окончании 2-го Харьковского реального училища, он поступил в Харьковский Технологический институт, но

2 Худяк М. М. (1901 г.р.) – служащая; Худяк А.М. (1903 г.р.) – служащий; Худяк Л. М. (1905 г.р.) – художник (ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 13, дело 915, л. 19).

проучился там только год. С 1916 по 1923 гг. параллельно с учебой М. М. Худяк работает подручным слесаря в электромеханических мастерских, занимается репетиторством, дает частные уроки. В 1923 г. переезжает в Петроград, переводится в Технологический институт, но и отсюда уходит с 3 курса. В 1928–1930 гг. он учится на Высших государственных курсах искусствоведения при Институте истории искусств, по специальности музеевед-археолог. В октябре 1929 г., обучаясь на курсах, Марк Матвеевич зачислен в Эрмитаж «временно на поденную работу консультантом по делам музея с оплатой по 3 р. за дежурство согласно представляемой в бухгалтерию ведомости» (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 18, дело 20, л. 36–37). Около 30 лет своей жизни он посвятил музею, пройдя путь от консультанта до главного хранителя отдела и заведующего Отделением греческих городов Северного Причерноморья. В 1940 г. вступает в ряды ВКП(б).

Работу в музее М. М. Худяк на протяжении ряда лет совмещает с работой в ГАИМК/ИИМК АН СССР (Академическая археология 2013. С. 394). С 1930 года он состоит в штате Березанской экспедиции ГАИМК/ИИМК (илл. 2). Экспедиция тогда подчинялась Комбинату черноморских археологических экспедиций Сектора науки Наркомпроса Украины, во главе которого стоял М. Ф. Болтенко (Колесниченко 2011. С. 184). В 1933 г. числится в Комитете по работам ГАИМК в новостройках (КРН), участвуя в экспедициях, связанных с новостройками на Волге и Дону. В 1934 г. – в Секторе полевых исследований (СПИ) ГАИМК, в 1935 г. – в Институте исторической технологии ГАИМК (ИИТ), а с 1936 по 1937 годы в Институте истории рабовладельческого общества (ИИРО) ГАИМК. В течение ряда лет он активный участник Ольвийской экспедиции. Терракотам из Ольвии посвящена его первая научная работа (Худяк 1940).

Научные интересы Марка Матвеевича были связаны с археологией античных городов Северного Причерноморья, в первую очередь Нимфея. В 1939 г. его назначают руководителем Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. На протяжении ряда лет он исследует комплекс сооружений VI–III вв. до н.э., который был интерпретирован как святилище богини плодородия и земледелия Деметры (Худяк 1952). Ведутся работы в мысовой части городища, где открыты жилые кварталы и общественные здания разного времени, оборонительная стена IV в. до н.э., винодельня II в. н.э. Обширный археологический материал пополнил коллекции Эрмитажа. Результаты работ были им опубликованы в Сообщениях и Трудах Государственного Эрмитажа, в журнале «Советская археология».

С 1939 по 1958 гг. М. М. Худяк руководит экспедицией Государственного Эрмитажа и на протяжении всех этих лет его

постоянной помощницей была В. М. Скуднова, которая после смерти Марка Матвеевича возглавила экспедицию.

Варвара Михайловна Скуднова родилась 16 августа 1894 г. в Петербурге. Отец, Скуднов М. А. (1862–1916), был из крестьян Курской губернии, по окончании Академии Художеств по медальерному классу, работал на Монетном дворе художником-медальером, преподавал рисование в учебных заведениях. Мать, Скуднова О. А. (1866–1930), из петербургских мещан, занималась хозяйством, после смерти мужа работала медсестрой (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 13, дело 785, л. 4).

В 1912 г. Варвара Михайловна окончила гимназию в Петербурге. До прихода в Эрмитаж она освоила множество специальностей: в годы Первой мировой войны работала медсестрой в одном из петроградских лазаретов, затем конторщицей в редакции газеты «Петроградский листок», статистиком в Комиссариате Снабжения и Распределения Северо-Западной Области, откуда была командирована счетоводом в Уездный Продовольственный комитет г. Богучар Воронежской области. В связи с наступлением белых на Богучары, она эвакуируется вместе с Продкомитетом в Воронеж, в результате, её мобилизуют письмоводителем в батальон связи 41 стрелковой дивизии Южного фронта, где Варвара Михайловна проработала до марта 1920 г. Вернувшись в Петроград она работает конторщиком, счетоводом, техником в Управлении Мурманской железной дороги, откуда уволена по сокращению штатов в январе 1934 г. (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 13, дело 785, л. 1, 4). В 1931–1932 гг., работая в Управлении, она учится на курсах экскурсоводов при Государственном Эрмитаже, по окончании которых числится внештатным экскурсоводом при Ленинградском Областном Совете Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ). В январе 1935 г. В. М. Скуднова зачислена «временным научным сотрудником ... с окладом 175 руб. с использованием свободной вакансии научного сотрудника сектора Античного общества» (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 18, дело 118, л. 11), где и продолжает работать до ухода на пенсию в декабре 1965 г. Круг её научных интересов был широк – архаическая керамика Ольвии и Березани, материалы архаического некрополя Ольвии, разнообразные группы керамики из раскопок Нимфея и многое другое. В период учебы на курсах экскурсоводов она заинтересовалась античной археологией и, уже работая в Эрмитаже, оканчивает «археологические курсы, организованные Академией Истории Материальной Культуры в 1936 г.» (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 13, дело 785, л. 4). Работу в музее В. М. Скуднова совмещает с участием в археологических экспедициях: в 1936–1938 гг. в Ольвии, а с 1939 г. – является постоянным участником экспедиции в Нимфее.

22 июня 1941 г. сотрудники Нимфейской экспедиции как обычно

ведут раскопки древнего Нимфея. О том, что началась война они узнают от начальника Эльтигенского маяка, на территории которого жили. Им приходится переселяться в село, так как маяк является военным объектом и пребывание на нем посторонних запрещено военным положением. Часть сотрудников, в том числе заведующая Античным отделом А. А. Передольская, уезжает в Ленинград, а Марк Матвеевич и Варвара Михайловна задерживаются, чтобы обеспечить доставку находок в Эрмитаж. Это удается сделать только 2 июля. Отправив по почте 22 посылки, на следующий день они выезжают в Ленинград. «До Керчи мы добрались на лошадях пароконной линейкой – рассказывает Варвара Михайловна Скуднова, научный сотрудник отдела античного искусства ... В Керчи и дальше, на пересадочных станциях, вокзалы, перроны, билетные и багажные кассы осаждались толпами людей. …Мы тащились то дачным поездом, забитым уезжающими с юга москвичами, уральцами, сибиряками, то в тамбуре вагона с эвакуированными больными евпаторийского костнотуберкулезного санатория, то на тормозной площадке товарного вагона. Хорошо еще, что мы ехали налегке: с нами были только золотые монеты боспорского чекана, найденные под руинами Нимфея и зашитые в пиджак Худяка; все остальное – почти полтонны груза! – ушло почтой....» (Варшавский, Рест 1985. С. 45)

Вернувшись в Ленинград, они активно участвуют в упаковке и подготовке музейных ценностей к эвакуации вторым эшелоном, а М. М. Худяк назначается заместителем начальника штаба МПВО Эрмитажа. Посылки с нимфейскими вещами прибывают в последний момент, поэтому их упаковывают в том виде, как их доставила почта, в 2 больших дощатых ящика и отправляют в Свердловск (Варшавский, Рест 1985. С. 48). Сотрудники музея, оставшиеся в городе, осуществляют работы по консервации зданий и сохранению тех экспонатов, которые остались в музее и требовали надежного укрытия, оборудуют бомбоубежища в подвалах Эрмитажа, принимают участие в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Ленинграду, дежурят на крышах. Не прекращается и научная жизнь Эрмитажа.

Только 26 февраля 1942 г. М. М. Худяк и В. М. Скуднова вместе с рядом других сотрудников музея эвакуируются из Ленинграда по Дороге жизни. В пути они вынуждены были задержаться на маленькой станции в Ярославской области, чтобы подлечиться перед дальнейшей дорогой. В июне им наконец удается добраться до конечного пункта своего путешествия – села Онгудай Ойратской автономной области Алтайского края. В облоно Ойрат-Туры они получили направление на работу в школу с. Онгудай: Марк Матвеевич был назначен

директором средней школы и учителем истории старших классов, а Варвара Михайловна – учителем истории 5–7 классов. Но из писем, адресованным в филиал Эрмитажа в Свердловске А. А. Передольской, известно, что В. М. Скуднова вела ещё и уроки немецкого языка: «В день у меня 6 уроков – история и немецкий» (Письмо В. М. Скудновой А. А. Передольской. 24 октября 1942 г. Архив ОАМ ГЭ). Варвара Михайловна организует в школе театральный кружок, в котором участвуют учителя и ученики. Они ставят пьесы Шиллера «Коварство и любовь», А. Н. Островского «Женитьба Бальзаминова» и «Русские люди», «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина, «Золоченые лбы», к 7 ноября 1943 г. готовят монтаж «Молодая гвардия – Краснодон». В марте 1943 г. Марк Матвеевич с гордостью сообщает, что за спектакли было собрано 4000 руб., которые они передали в банк на строительство эскадрильи «Алтайский истребитель» (Письмо М. М. Худяка А. А. Передольской. Март 1943 г. Архив ОАМ ГЭ). Но в декабре 1943 г. по состоянию здоровья он уходит с поста директора школы, продолжая преподавать в Национальном педагогическом рабфаке в Онгудае (Письмо М. М. Худяка А. А. Передольской. 23 декабря 1943 г. Архив ОАМ ГЭ).

Работа отнимает у них много сил и времени, а ещё и бытовые проблемы. В июле 1942 г. Варвара Михайловна пишет, что «квартира и дрова бесплатно. Мы получаем 600 гр. хлеба, как эвакуированные из Л-града, а остальные учителя 400 гр. Купить на базаре ничего нельзя…» (Письмо В. М. Скудновой А. А. Передольской. 28 июля 1942 г. Архив ОАМ ГЭ). А осенью 1943 г. она сообщает Анне Алексеевне, что «... Вы верно плохо представляете нашу жизнь ... Ведь под ударом был огород. А без огорода нет жизни в Онгудае. Выдач нет никаких, купить ничего нельзя. Вот капусту 80 вилков съели у меня гуси и коровы и мы остались без капусты на зиму.» (Письмо В. М. Скудновой А. А. Передольской. 1 ноября 1943 г. Архив ОАМ ГЭ).

При зачислении на работу в Эрмитаж у Варвары Михайловны не было специального исторического образования, в связи с чем в 1943 г. она поступает на заочное отделение Барнаульского педагогического института. Но бытовые проблемы – необходимость заниматься огородом, ремонтом нового здания школы, заготовкой дров – не позволили ей сдать зачетную сессию. Весной 1944 г. она и Марк Матвеевич получают вызов на работу в Свердловск в филиал Эрмитажа, а в октябре Скуднова поступает на исторический факультет Свердловского государственного педагогического института, где учится до реэвакуации музея осенью 1945 г. И только в 1949 г. она получает диплом о том, что окончила заочно полный курс Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского по специальности

история с присвоением квалификации и звания учитель средней школы (ОРДФ ГЭ. Ф. 1, оп. 18, дело 118, л. 8).

Вскоре после освобождения Крыма от немецко-фашистких захватчиков, Марк Матвеевич командирован из Свердловска в Керчь для обследования и научного описания состояния археологических памятников (Варшавский, Рест 1985. С. 156–158).

Уже в 1946 г. эрмитажная экспедиция возобновляет раскопки на городище Нимфей. М. М. Худяк и В. М. Скуднова[3] продолжают работы по изучению святилища Деметры, исследуют жилые кварталы и общественные здания в мысовой части городища, вводят в научный оборот новые материалы из раскопок. Исследователям удается воссоздать общую картину жизни города на протяжении почти тысячи лет, дополнить фактическими материалами свидетельства древних авторов. По материалам раскопок в 1950 г. в залах Античного отдела открывается выставка, посвященная Нимфею.

Главным итогом их многолетней работы на памятнике стала монография М. М. Худяка «Из истории Нимфея VI-III вв. до н.э.» (1962), вышедшая посмертно.

Литература

Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013

Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Документальная повесть. Л., 1985

Вощинина А., Скуднова В.М.. 1894–1969 // СГЭ. 1971. Т. XXXIII. С. 130–131

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 300–317

Колесниченко А.Н., Болтенко М.Ф. и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы (из личного архива М. Ф. Болтенко) // История археологии: личности и школы. Международная научная конференции к 160-летию со дня рождения В.В.Хвойки (Киев (5–8.10.2010)). СПб., 2011. С. 181–186

Кунина Н.З., Силантьева П.Ф. (1904–1981) // СГЭ. 1983. Т. XLVIII. С.

ОАК за 1876 год. СПб., 1879. С. VIII–XXX

Передольская А.А., Худяк М.М. // СА. 1959. № 3. С. 282

Передольская А.А., Худяк М.М. (1899–1959) // СГЭ. 1959а. Т. XVI. С. 73–74

Силантьева П.Ф. Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69. С. 3–107

[3] В 1945 г. В. М. Скуднова была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1946 г. - «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Худяк М.М. Отчет о работах Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа 1939 года // Архив ОАМ ГЭ.
Худяк М.М. Терракоты // Ольвия. Киев. 1940. Т. 1. С. 85–103.
Худяк М.М. Раскопки святилища Нимфея // СА. 1954. Т. XVI. С. 232–281
Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962.

Рис. 1 - Силантьева Пелагея Федоровна (1904 - 1981). Фото 1946 г. ОРДФ ГЭ. Ф.1, оп. 15, дело 108, л. 1.

Рис. 2 - Березанская экспедиция. 1931 г. За столом сидит М.М. Худяк, по правую руку от него - его жена О.А. Артамонова-Полтавцева. Фото из личного архива О.А. Артамоновой-Полтавцевой.

Рис. 3 - Скуднова Варвара Михайловна (1894 - 1969) - начальник Нимфейской экспедиции в 1960-1964 гг.

Столяренко П.Г., Куликов А.В.
(Керчь)

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ УЧАСТОК НЕКРОПОЛЯ ПАРФЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. (по архивным материалам и данным новых исследований)

Попытки локализации и целенаправленного изучения некрополя Парфения практически не предпринимались, исследования на отдельных его участках носили, как правило, спорадический характер и были вызваны необходимостью проведения охранно-спасательных работ. В ближайших окрестностях городища Парфений расположены два малоизвестных и почти неисследованных некрополя античного времени, принадлежность обоих к городищу весьма вероятна ввиду близости местоположения. Оба некрополя занимают вершины водоразделов, вытянутых по направлению ЮВ – СЗ. Такая

пространственная организация участков некрополя едва ли случайна и могла быть обусловлена не только топографическими особенностями местности или расположением дорог, но и хозяйственным использованием прилегающей равнинной территории. Некрополю же были отведены непригодные для сельскохозяйственного освоения каменистые гребни гряд, очерчивающие ближайшую обозримую округу города. Подобным образом организована планировка некрополя и соседнего Порфмия, площадь которого вытянута в широтном направлении к западу от городища, и занимает часть пологого склона плато вдоль берега Еникальского лимана и отчасти вдоль устья питающей его обводненной балки.

Один из упоминаемых участков некрополя Парфения локализован в 700 м юго-западнее городища и занимает гребень гряды, возвышающейся над пос. Опасное [Столяренко, Михайлов 2015. С. 103-108]. Его территория простирается примерно на километр по гряде к северо-западу от поселка. По материалам точечных исследований разных лет, функционирование некрополя можно датировать в пределах IV в. до н.э. – II в. н.э., не исключено, что дальнейшее его изучение позволит скорректировать эту датировку.

Еще один некрополь вблизи Парфения, которому посвящена настоящая работа, прослежен на нескольких участках по гребню небольшой гряды, расположенной к северо-западу от городища. Гряда является водоразделом двух пересыхающих балок и ориентирована по направлению ВЮВ-ЗСЗ. Низменная восточная ее часть прослеживается от обрывистого берега Еникальского лимана, поднимаясь к западу, достигает высоты 102.6 м, на которой расположено несколько курганов. Она имеет крутой северный и пологий, переходящий в покатое плато южный склон, занятый в настоящее время новым городским кладбищем.

Некрополь был обнаружен в августе 1970 года при закладке карьера по добыче мергеля на гребне гряды, в 1 км к северо-западу от Парфения. Сведения о нем сохранились в дневнике археологических разведок сотрудника Керченского музея М.М. Никитенко, который кратко описал остатки трех погребений [Никитенко 1970. С. 28-29]. Приведенное описание позволяет установить, что могилы были ориентированы по направлению восток – запад, одна из них – грунтовая с плитовым перекрытием, оказалась наполовину разрушена. Две другие могилы были почти полностью разрушены, одна из них представляла собой каменный ящик, внутри которого были выявлены следы деревянного саркофага. К сожалению, для всех трех погребений не указано место расположения погребений в карьере и относительно друг друга. На схематическом абрисе карьера, приведенном в дневнике, две из могил

отмечены у северного его борта и вероятно размещались на самом гребне хребта.

Находки из разрушенных могил, были переданы в Керченский музей сторожем карьера, без связи предметов с погребениями. Как отметил М.М. Никитенко «в настоящее время нет никакой возможности установить какие вещи происходят из каких могил». В сумме погребальный инвентарь могил состоял из 5 керамических и 6 стеклянных сосудов, фрагментов гипсовых прилепов, бронзовой монеты Котиса I, пряжки и колокольчика. Почти все керамические сосуды, происходящие из погребений в карьере, в большей или меньшей степени фрагментированы. Среди кувшинов два краснолаковых (рис. 2, *1,2*) близки к форме 2.1 [Журавлев 2010. С. 154, табл. 39-42]. По материалам могильников Юго-западного Крыма, они имели распространение в конце I – первой половине II вв. н.э. Еще один кувшин без покрытия, изготовлен из глины светло-коричневого цвета (рис. 2, *3*). Он имеет морфологическое сходство с краснолаковыми сосудами и находит аналогию среди кувшинов формы 20.1 [Журавлев 2010. С. 166, табл. 54, кат. № 431], датирован так же концом I – первой половиной II вв. н.э. Фрагментированный кубок с округлым вертикально сжатым туловом (рис. 2, *5*), можно отнести к форме 31 по Журавлеву или типу 8 по Труфанову [Журавлев 2010. С. 61, табл. 28-29; Труфанов 2009 С. 162, рис. 23, *15-17*]. Подобные кубки датируются так же в пределах второй половины I – первой половины II вв. н.э. Краснолаковая кружка с грушевидным туловом, полностью утраченным венчиком и ручкой (рис. 2, *4*), может быть датирована в пределах I – III вв. н.э. [Журавлев 2010. С. 91-92, табл. 60-65; Труфанов 2009 С. 167, рис. 24: 11-16].

Набор стеклянной посуды состоит из одного кувшина и пяти бальзамариев. Кувшин, высотой 12.5 см, с широким приземистым цилиндрическим, слегка сужающимся к низу туловом, опоясанным гравированными бороздками (рис. 2, *6*). Бытование этой формы на Боспоре относятся, к I – началу II вв. н.э., большинство их происходит из комплексов середины – второй половиной I в. н.э. [Алексеева, Сорокина 1997. С. 73.]. Бальзамарии принадлежат к типу I по классификации Н.З. Куниной Н.П. Сорокиной, два из них изготовлены из стекла темно-зеленого цвета, вероятно египетского производства (рис. 2, *7,8*) и относятся к вариантам Б и В группы 1. Их можно датировать соответственно серединой I – второй четвертью II вв. н.э. и второй половиной I – началом II вв. н.э. [Кунина, Сорокина 1972. С. 150-157]. Другие три бальзамария изготовлены из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком, относятся к группе 2, вариантам А и В. Бальзамарии варианта А, с каплевидным туловом (рис. 2, *9*),

были распространены на Боспоре в первой половине I в. н.э. [Кунина, Сорокина 1972. С. 157-159], но изредка встречаются и в более позднее время. Бальзамарии группы В (рис. 2, *10,11*) появляются в середине I в. н.э. [Кунина, Сорокина 1972. С. 160-161], наиболее широкое распространение получают в последней четверти этого столетия – начале II в. н.э.

Отмечено, что бальзамарии вышеописанных форм часто встречаются в комплексах с гипсовыми украшениями саркофагов. В этой связи отметим упоминание Никитенко, о следах саркофага, в одной из разрушенных могил, а так же наличие в комплексе фрагментов нескольких гипсовых украшений в виде баз или капителей декоративных колонок (рис. 2, *15*).

Кроме того, в комплексе из могил находились бронзовая монета Ассарий Котиса I (рис. 2, *12*), датированный 50 – 54 гг. н.э. [Анохин 1986 № 349]. А так же бронзовая пряжка с подвижным язычком в круглой рамке и маленький фрагментированный колокольчик полусферической формы (рис. 2, *13,14*). Эти предметы имеют широкие датировки со второй половины I по середину III вв. н.э. [Труфанов 2009. С. 218, 235], хотя отмечается, что пряжки этой формы получают широкое распространение около середины I в. н.э. Анализ этого материала позволяет отнести комплекс находок из могил ко второй половине I – началу II вв. н.э.

Разведывательные работы последних лет, проводившиеся в районе карьера, пока не привели к выявлению следов погребальных конструкций. Восточнее по гребню гряды, на расстоянии 440 м от края карьера и в 550 м к северу – северо-западу от городища в ходе визуальных разведок было выявлено и исследовано погребальное сооружение. По всей видимости, изначально погребальная конструкция представляла собой, небольшой склеп, сложенный из массивных плит и блоков плотного камня ракушечника (рис. 3, *1*), с внутренним размером камеры 2.6 х 1.7 м. Судя по незначительной глубине склепа от дневной поверхности, можно предположить, что он имел курганную насыпь. Внутренние грани плит стенок склепа ровно обработаны, тогда как внешние лишь грубо отесаны, либо оставлены рваными. Впоследствии, южная продольная стенка камеры, была смещена к северу внутрь склепа, сузив ширину камеры до 0.57 – 0.6 м. При этом, плиты оказались обращены рваными внешними сторонами внутрь камеры, из чего можно заключить, что они были перевернуты вокруг продольной оси на 180° со смещением к центру камеры и установлены на другое ребро. В заполнении, оставшемся под их нижними торцами, были расчищены фрагменты человеческих костей, несколько бусин и мелкие фрагменты другого инвентаря. Таким образом, в какой-то период существования склепа, его камера была довольно грубо перестроена, продольно сужена до размеров могилы и использовалась в таком качестве. В результате последующих грабительских перекопов западные части ее продольных стен оказались разрушены.

Остатки погребального инвентаря, происходящие из заполнения склепа, хронологически неоднородны, большая часть материала относится к IV – III вв. до н.э., его нужно связывать с постройкой и началом функционирования подкурганного склепа. Находки фрагмента краснолаковой миски, стенки стеклянного сосуда и другой материал I – II вв. н.э. могут быть связаны с перестройкой камеры и ее повторным использованием. Таким образом, небольшой курган, оказавшись вблизи нового некрополя, мог быть включен в его пространство, а его склеп повторно использован для погребений.

С этим некрополем можно связать и фрагмент известняковой стелы, найденный в ходе разведок 2009 года в 1.5 км к западу – северо-западу от городища Парфений, близ западной оконечности гряды. Фрагмент представляет собой верхнюю часть стелы (рис. 3, *2*). В неглубоком поле изображена фигура война, сохранившаяся по пояс. Воин стоит в подпоясанном кафтане и плаще, опираясь правой рукой на копье, с высоким щитом слева. Увенчивает стелу рельефный фронтон с пятилепестковой розеткой в тимпане, две такие же розетки размещены над фронтоном. По находкам аналогичных стел ее можно датировать I в. н. э.

Таким образом, северо-западный участок некрополя мог занимать практически весь гребень водораздела, вплоть до высоты 102.6 в западной его части. Функционировал он, наряду с основным юго-западным участком, но в отличие от него, захоронения здесь производились непродолжительный период времени, вероятно, на протяжении второй половины I – начала II веков н.э. Проводя параллель со стратиграфической ситуацией на городище, отметим, что время существования описанного некрополя может быть отнесено к завершающему этапу жизни городища. Позднейшие напластования и строительные остатки, выявленные при исследовании Парфения, в пределах раскопа 1, датированы этим же временем. Еще одним, хотя и косвенным хронологическим маркером прекращения погребений на некрополе, могут выступать остатки небольшого поселения или усадьбы II – III вв. н.э. зафиксированные в ходе разведок у южного борта карьера и так же частично уничтоженные при его разработке.

Литература

Алексеева Е.М., Сорокина Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии (I - III вв.). М., 1997. 160 стр.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К. – 1986. – 182 стр.
Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н.э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. – Supplementum. – Вып. 9. – Симферополь, 2010. – 320 стр.
Кунина Н.З., Сорокина Н.П. Стеклянные бальзамарии Боспора. — «Труды ГЭ», XIII. Л., - 1972. – С. 146-177
Никитенко М.М. Дневник № 1 археологических разведок и обследований 1968 - 1970 гг. На 49 листах // Архив ГБУ ВКИКМЗ. Опись 2, Ед. хр. 355.
Столяренко П.Г., Михайлов А.М. К топографии некрополя Парфения // Таврические студии. – № 7 – Симферополь, - 2015. – С. 103-108.
Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. – № 4 (2005–2009). – 2009. – С. 117–329.

Рис. 1. План района городища Парфений и Порфмий.
1. Юго-западный участок некрополя Парфения.
2. Северо-западный участок некрополя Парфения, площадь карьера.
3.Склеп № 1 северо-западного участка некрополя Парфения.
4. Место находки стелы

Рис. 2. Погребальный инвентарь из могил в карьере.

Рис. 3. 1. План склепа № 1 северо-западного участка некрополя Парфения.
2. Стела, найденная у западной оконечности гряды.

Стоянова А.А., Шабанов С.Б.
(Симферополь)

АНТИЧНОЕ СТЕКЛО В СОБРАНИЯХ КРЫМСКИХ МУЗЕЕВ. ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Античное стекло – понятие собирательное, объединяющее разнообразные предметы, изготовленные из стекла в греко-римский период. Стеклоделие, зародившееся в IV–III тыс. до н.э. на Ближнем Востоке претерпевало в своем развитии определенные изменения: одни техники сменяли другие, совершенствовались приемы стеклоделия, которые позволяли изготавливать предметы, отвечавшие запросам человека. Если до II тыс. до н.э. из стекла производились преимущественно украшения, то с середины I тыс. до н.э. постепенно возрастает количество стеклянной посуды, а также численность и разнообразие бус и подвесок. В римское время укрепляются и развиваются контакты и торговые связи между различными регионами Европы и Азии, что обуславливает расширение спектра стеклянных изделий различного назначения, найденных, в том числе, в Северном Причерноморье. Вероятно, можно говорить и о зарождении в это время в регионе местного стеклоделательного производства.

На территории Крыма наиболее ранние находки стеклянной посуды относятся к рубежу VI – V вв. до н.э., единичные экземпляры стеклянных бус фиксируются значительно раньше, в некоторых захоронениях эпохи бронзы. Самые ранние сосуды из стекла происходят из некрополя Пантикапея – наиболее крупного античного центра полуострова. В V – IV вв. до н.э. количество стеклянной посуды постепенно увеличивается, о чем также свидетельствует материал из пантикапейского некрополя. К этому же времени относятся многие находки стеклянных сосудов в античных полисах по обеим сторонам Боспора Киммерийского. Аналогична динамика распространения стеклянных бус и подвесок – в это время их большая часть сосредоточена в античных центрах.

С XIX в. материалы из раскопок двух крупнейших античных памятников Крыма – Пантикапея и Херсонеса – поступают не только в музеи Петербурга и Москвы, но и пополняют собрания музеев древностей в Керчи и Севастополе. Наиболее значительную коллекцию стеклянных изделий из фондов **Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника** составляют изделия римского времени из раскопок крупных городов Боспора – Пантикапея, Нимфея, Китея и др. Часть коллекции стеклянной посуды изучена Н.П. Сорокиной и Н.З. Куниной, которые привлекали этот материал для реконструкции истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Также много стеклянных сосудов опубликовано в работах, посвященных исследованию отдельных памятников Керченского полуострова. Однако значительная часть коллекции, относящаяся, прежде всего к раскопкам К.Е. Думберга и В.В. Шкорпила остается неизученной и представляет большой интерес. Что касается стеклянных бус из дореволюционных раскопок боспорских памятников, то они, несмотря на неудовлетворительное состояние, были изучены Е.М. Алексеевой и вошли в ее фундаментальный свод.

Исследования Хероснесского городища и некрополя, начавшиеся в 1827 году, дали обширный и интересный материал, позволивший реконструировать историю не только полиса, но и всего региона. Большое количество вещей из стекла хранится в фондах **Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»**. Коллекция сосудов состоит, преимущественно, из предметов I – VI вв. н.э., происходящих как из погребальных комплексов, так и из слоев Херсонесского городища. Часть их опубликована в работах В.И. Кадеева, В.М. Зубаря, С.Б. Сорочана, Л.А. Голофаст. Стеклянные бусы и подвески из херсонесской коллекции также были включены в исследование Е.М. Алексеевой, кроме того отдельно бусы и подвески из могильника «Совхоз №10» рассматривались Т.Н. Высотской и Л.А. Рыжовой. Тем не менее, следует констатировать, что большая часть коллекции стекла из Херсонесского заповедника, к сожалению, остается пока малопонятной или вовсе не введенной в научный оборот. Требуется современная обработка и анализ материалов раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича, Р.Х. Лепера и других исследователей, проводивших раскопки в XIX – начале XX вв. Отдельного внимания заслуживают стеклянные изделия из раскопок могильника «Совхоз №10», качество публикации которых оставляет желать лучшего. Изучение материалов из этих памятников на качественно новом уровне может значительно расширить представления о развитии и характере связей местного населения и Херсонеса в римское время.

Стеклянные предметы из раскопок памятников римского и раннесредневекового времени, расположенных в юго-западной части крымских предгорий, хранятся в **Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике**. Значительную часть коллекции составляют предметы из могильников Бельбек IV, Инкерман, Черная Речка и пр. Исследователи часто обращаются к материалам из раскопок этих объектов, но на данный момент нет полного представления о предметах (в т.ч. и стеклянных сосудах) хранящихся в Бахчисарайском музее. Работа с коллекциями позволит ввести в научный оборот значительное количество нового материала и ответить на важные вопросы истории Юго-Западного Крыма в эпоху античности.

Часто собрания музеев пополняются не только за счет поступления вещей из раскопок каких-либо памятников, но и от частных лиц. В фондах **Центрального музея Тавриды** хранятся около сотни стеклянных сосудов римского времени, переданных благотворителями – членами Таврической ученой архивной комиссии. Кроме этого в музей поступают предметы из раскопок многочисленных памятников предгорного и горного Крыма, степных районов полуострова, что делает археологическую коллекцию музея одной из крупнейших на полуострове.

Также стоит отметить интересную коллекцию стеклянных изделий из фондов **Ялтинского историко-литературного музея**, а именно предметы, найденные при исследовании святилища Гурзуфское Седло. Среди них есть большое количество стеклянных сосудов и бус, относящихся к эллинистической эпохе, часть которых неоднократно публиковалась.

Таким образом, изучение античного стекла является чрезвычайно перспективным направлением научных исследований. Пока следует с сожалением отметить, что изделия из стекла привлекают внимание ученых лишь в контексте изучения отдельных памятников или комплексов. Анализ материалов из крымских музеев, привлечение естественнонаучных методов, систематизация и качественное введение их в научный оборот дадут новые возможности для хронологических построений и реконструкций культурных и торговых связей населения Крыма в античную эпоху.

Суворова Н.И.
(Ростов-на-Дону)

ТЕРРАКОТА ТАНАИСА I-III ВВ. Н. Э.

Коллекция терракоты, хранящаяся в Танаисе, сравнительно небольшая. Она насчитывает 130 предметов. Целых форм мало, зачастую попадаются фрагменты, часть которых с трудом поддается атрибуции. Поскольку принято историю Танаиса условно делить на три больших периода: эллинистический (III – I вв. до н. э.), римский (I – III вв. н. э.) и позднеантичный (IV – V вв. н. э.), то и при характеристике терракоты мы будем пользоваться этой периодизацией и терминологией.

Из общего числа терракотовых изделий 25, относящихся к эллинистическому времени, мы рассмотрели ранее [Суворова, 2013. С. 450] Две относятся к позднеантичному, а 103 - к римскому периоду существования города. Именно на характеристике последней группы терракоты здесь хотелось бы остановиться подробнее.

Терракотовые статуэтки, датирующиеся I – III вв. н. э., составляют самую многочисленную группу танаисской терракоты. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, это время – период наивысшего расцвета Танаиса, развития торговли и производства. Во-вторых, именно к этому времени относится наличие большого количества «закрытых комплексов», дающих богатейший материал по хозяйственной, культурной и религиозной жизни города. В – третьих, степень изученности памятника, состоящего из разных временных слоев, неодинакова.

По месту обнаружения находок можно выделить акрополь – основной четырехугольник городища (IV, VI, XII, XIV, XIX, XX раскопы), Западный городской район (XXV раскоп), Нижний город, некрополь, зольники, свалки, а также случайные находки (рис. 1).

Основная масса статуэток и их фрагментов найдена на основном четырехугольнике городища – всего 73 предмета. Наибольшее

их скопление отмечается на раскопах VI и XIV, где располагались центральные кварталы города. А также на раскопе XIX, в районе торговой площади и южных ворот.

Терракоту, найденную на территории акрополя по морфологическому признаку можно разделить на несколько групп: объемные статуэтки, бюсты, протомы, маски, фигурные сосуды, шкатулки, игрушки. Рассмотрим каждую группу отдельно.

Среди объемных статуэток большинство – фрагменты миста с подвесными ногами (15 предметов) и женских (13 предметов). А также фрагменты животных (6 предметов), мужских статуэток (5 предметов), постаментов (5 предметов), два фрагмента Афродиты и два фрагмента Кибелы, статуэтка Тюхе, Эрота и Психеи, Мена на петухе и Геракла. Помимо объемных статуэток был найден один фрагмент мужского бюста, одна протома Кибелы, фрагмент глиняной шкатулки и одно глиняное колесо, возможно, от игрушечной повозки. Кроме этого на акрополе были найдены фрагменты пяти фигурных сосудов: краснолаковый алтарик, гутус в виде богини, фрагмент сосуда в виде силена и фрагменты двух фигурных сосудов в виде барана. Одной из многочисленных находок являются маски. Пять из них изображают Сатира, еще пять – мужские, одна – женская и одна в виде Диониса.

В Западном городском районе была найдена лишь одна терракота в мусорных слоях, поскольку эта часть города, заселенная в более ранний период, с конца I в. до н. э. использовалась, вероятно, как свалка [Шелов, 1972. С. 8]. Здесь была обнаружена верхняя часть объемной мужской статуэтки с подвесными ногами, изображающей миста.

Нижний город исследовался частично и эпизодично, поскольку почти полностью занят современными постройками. На его территории было обнаружено три терракотовых предмета: верхняя часть лицевой стороны объемной женской статуэтки, фрагмент оборотной стороны объемной статуэтки и фрагмент женской маски.

При исследовании юго-западного холма, а также мусорных ям на некрополе было найдено 9 фрагментов изделий коропластики. Среди них 6 фрагментов объемных статуэток: женской, мужской, миста, статуэтки всадника со сценой охоты, фрагмент животного и два фрагмента постаментов. А также протома Афродиты и погремушка с изображением Эрота.

Пять терракот относят к случайным находкам. Среди них четыре объемных статуэтки, изображающих всадника и дельфина, миста, фрагмент постамента, а также маска.

Часть терракотовых предметов по разным причинам оказались депаспортизованы, поэтому сейчас невозможно определить, где

и когда они были найдены. Таких предметов пять. Три из них – фрагменты объемных статуэток: два фрагмента миста и Афродиты. А также фрагменты двух масок.

Если на городище находят в основном фрагменты, то терракота из некрополя Танаиса представлена целыми статуэтками. Всего из некрополя происходят 8 терракот: из западного (раскопы XVI и XVIII) – 6 предметов, из северного (курган 10) – 2 (рис. 1). По морфологическому признаку предметы можно разделить на несколько групп: объемные статуэтки, протомы, фигурные сосуды. Две объемные статуэтки изображают Кибелу, сидящую на троне. Одна статуэтка изображает стоящую Афродиту с виноградом и голубем в руках. Еще одна статуэтка, найденная в детском погребении изображает синкретическую богиню Афродиту Уранию владычицу Апатура [Ильяшенко, Толочко, 1993. С. 178]. Другая, тоже из детского погребения, изображает миста с подвесными ногами. Из женского погребения происходят две протомы Деметры. В одном из погребений был найден фигурный терракотовый сосуд, изображающий женскую головку.

Таким образом, мы видим, что большинство терракотовых предметов было найдено на территории древнего города. Часть из них, вероятно, использовалась в религиозных культах в качестве вотивов или в домашних святилищах: статуэтки с изображением Афродиты, Деметры, Кибелы, Тюхе, Диониса, Мена и Геракла. Другие служили украшением внутреннего убранства дома и имели практическое применение: фигурные сосуды, маски, шкатулки, игрушки. У жителей Танаиса римского времени также существовал обычай в качестве сопутствующих предметов помещать в погребения терракотовые изображения божеств.

Литература

Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса //Вестник Танаиса, № 1. Ростов-на-Дону. 1994.

Суворова Н. И. Эллинистическая терракота Танаиса //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Вып. XIV. - Керчь. 2013.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 1972.

Рис. 1. Общий план Танаиса с исследованными участками

Сударев Н.И., Кашаев С.В.
(С-Петербург)

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ВИНОГРАДЫЙ-7 И РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКЕ В 2015 Г.

В апреле-октябре 2015 г. сотрудниками Восточно-Боспорской АЭ проводилось археологические раскопки поселения Виноградный-7 (Темрюкский район, Краснодарского края). Поселение расположено в 4,8 км к северо-западу от ст-цы Вышестеблиевской. Памятник охраняется государством согласно распоряжению комитета по

охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей (наследия) Краснодарского края от 18 декабря 2002 г. №3-р. Впервые поселение Виноградный-7 было, предположительно, отмечено, как «следы античной культуры», на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту относительную датировку, охарактеризовав интересующий нас объект, как поселение, относящееся к «классическому эллинистическому и римскому периоду», и поместив его под №32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930-31 гг.

В 1984 г. памятник был обследован разведочным отрядом Института археологии АН СССР под руководством Я.М. Паромова, который и дал ему современное название, поместив на составленной им археологической карте Таманского полуострова под номером 166[1]. В 1993 г. в связи со строительством железнодорожных путей, проходящих через территорию поселения и расположенной здесь курганной группы, проводились охранно-спасательные археологические работы под руководством И.И. Марченко. Было исследовано 8 курганных насыпей.

В 2001 г. Отрядом экспедиции КубГУ под управлением Н.Ю. Лимберис на северо-западном краю поселения Виноградный-7 в ходе охранных археологических работ, связанных со строительством железнодорожной линии АО «Тольятти-Азот», было исследовано два раскопа общей площадью 256 кв. м. При этом оказалось, что основной материал, в том числе и 4 хозяйственные ямы, обнаруженные во время раскопок, датируются эпохой раннего средневековья – VIII-IX вв. Немногочисленные находки античного времени были отнесены к VI-III вв. до н.э В следующем 2002 г. охранные раскопки северо-западного края памятника в зоне разрушений, произошедших при прокладке железнодорожных путей, продолжил В.В. Бочковой, исследовавший 624 кв. м. Выявленные при этом остатки 3 каменных зданий, 7 хозяйственных ям и часть ровика, окружавшего поселение, также были датированы VIII-IX вв. Античные находки снова оказались крайне немногочисленными.

В 2004 г. исследования северо-западной части памятника, уже однозначно трактуемого, как раннесредневековое поселение, было продолжено И.И. Марченко. Под его руководством было исследовано 580 кв. м площади, на которой были выявлены остатки двух каменных построек и 3 хозяйственные ямы. Подавляющая часть находок датировалась VIII-IX вв. Артефакты античного времени были единичными. В следующем полевом сезоне 2005 г. раскопки того же

[1] Паромов, Николаенко, 1985, с. 75-77.

северо-западного участка поселения Виноградный-7 продолжил отряд экспедиция КубГУ под руководством В.Ю. Кононова. На 580 кв. м исследованной площади было обнаружено ещё 4 хозяйственные ямы и продолжено исследование ровика, окружавшего поселение. Основной материал, как и прежде, датировался VIII-IX вв. Находки античного времени были крайне не многочисленны. Кроме этого, с южной стороны железной дороги к северо-западу от поселения были раскопаны 6 возвышений, считавшихся курганами. При этом выяснилось, что часть из них являются естественными возвышениями, в которых был выявлен грунтовый могильник. Было исследовано 89 погребений и 25 объектов, из которых два погребения относятся к катакомбной культуре бронзового века, 8 погребений и 19 объектов связаны с античностью, а остальные датированы ранним средневековьем.

В 2006 г. изучение грунтового могильника продолжил В.В. Бочковой. Под его руководством было вскрыто 5 всхолмлений, в которых было обнаружено 14 погребений и 5 объектов. 4 погребения и 4 комплекса были отнесены к эпохе эллинизма II-I вв. до н.э., а 9 погребений и один объект – к эпохе раннего средневековья VIII-IX вв. Датировка одного погребения не была определена.

В 2011 г. для составления учётной карты археологического памятника «Поселение Виноградный-7» он был обследован отрядом под руководством сотрудника Восточно-Боспорской экспедиции С.А. Буравлёва. С целью уточнения границ поселения, мощности культурного слоя и датировок на территории распространения подъёмного материала с южной стороны железной дороги было заложено 6 шурфов. Объект культурного наследия был вытянут по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. При этом его западная оконечность уходила на 200 м к северу от железнодорожного полотна, а восточная примерно на 150 м сдвигалась к югу от него. Северная граница памятника, судя по его топоплану, помещённому в учётной карте, пересекала линию железной дороги в районе 100-го железнодорожного пикета. Датировался памятник VI-I вв. до н.э. Кроме того, западную часть памятника исследователь на основе распространения средневекового подъёмного материала, а также учитывая результаты раскопок 2001-2006 гг., выделяет в отдельное поселение: Гора Чиркова-1. Его площадь частично перекрывает западный край поселения Виноградный-7, бытовавшего на этом месте в IV-III вв. до н.э. Размеры поселения Гора Чиркова-1 составляют 600х380 м, что предполагает площадь около 17,72 га. Датируется памятник VIII-X вв. Площадь же собственно поселения Виноградный-7 была определена в 38 га.

Таким образом, можно констатировать, что все археологические

раскопки 2001-2006 гг., которые формально связывались с поселением Виноградный-7, фактически затрагивали лишь расположенные вблизи поселения курганный и грунтовые некрополи, и площадь средневекового селища Гора Чиркова-1.

В 2015 г. раскопкам подверглась северная часть памятника, расположенная к северу от существующих железнодорожных путей. Поверхность памятника в этом месте в целом ровная, слабо понижающаяся к северу, в сторону Таманского залива. В недалёком прошлом она подвергалась регулярным распашкам плантажным плугом. Вдоль железной дороги идёт полоса лесопосадки. С её северной стороны проходит просёлочная дорога. К началу проведения археологических раскопок поверхность памятника была слабо задернована. Восточная часть территории, подлежащей раскопкам, частично покрыта виноградником.

Общая площадь памятника, подлежащая раскопкам, составила около 50000 кв. м. В ходе исследования археологического памятника Виноградный-7 широкими площадями постепенно стала выявляться его структура. В западной части культурный слой поселения сильно нарушен распашкой. Обнаруженные находки датируются III-II вв. до н.э. В восточной части – исследован грунтовый некрополь. Всего при раскопках обнаружено 25 различных объектов и 61 погребение. Среди погребений встречены захоронения разных конструкций – простые грунтовые могилы, подбойные могилы, могилы с перекрытием, сырцовые и каменные ящики и грунтовые склепы с дромосом (см. Табл. 1).

Общая датировка обнаруженных погребений укладывается в IV-I вв. до н.э., по векам:

к I в. до н.э. относятся 3 погребения (№№ 24, 41, 57).

к II-I вв. до н.э. – 30 погребений (№№ 4, 6, 8, 10, 14, 17, 22, 23, 26, 27, 31, 33, 34, 35, 39, 40,42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 52, 53, 55, 56, 58, 59, 61).

II в. до н.э. можно датировать 20 погребений (№№ 2, 3, 5, 7, 11, 12, 15, 16, 18, 19, 21, 25, 28, 29, 30, 36, 49, 50, 51, 54).

III в. до н.э. – 2 погребения (№№ 1, 37).

IV в. до н.э. – 6 погребений (№№ 9, 13, 20, 32, 38, 60).

По результатам раскопок некрополя можно сделать предположение об его планиграфии и развитии. В восточной части памятника примерно по линии СВ – ЮЗ проходит овраг, который в древности мог использоваться как транспортный путь (например для перегонки скота). От оврага в СЗ направлении в одну линию расположено 4 котлована (Объекты №№ 1, 13, 17, 21). Предположительно котлованы могли образоваться при добыче (выборке) глины. Котлованы имею округлую форму, при размерах до 10 х 15 м.

Большинство погребений концентрируются вокруг этих котлованов или внутри них. Таким образом, именно эти котлованы являются наиболее ранними комплексами на месте некрополя. В IV в. до н.э. были сделаны первые 6 захоронений, причем 3 из них сырцовые ящики. Не исключено, первоначальная добыча глины в котлованах могла быть организована именно для постройки этих погребальных сооружений. Косвенно это подтверждается тем, что погребения этого времени расположены на некотором удалении от котлованов.

В III в. до н.э. захоронения, по-видимому, продолжались. К этому времени можно отнести как минимум 2 погребения. В дальнейшем в ходе детального анализа погребального инвентаря могут быть выявлены и другие захоронения этого времени.

Наибольшее количество - 20 захоронений датируются II в. до н.э. Видимо это время активного развития поселения и его демографического подъема. Значительное количество – 30 погребений, имеют широкую датировку II-I вв. до н.э., это связано с отсутствием в инвентаре узко датируемых предметов. Большая часть этих погребений скорее всего относится к II в. до н.э., а некоторые могут относиться и к III в. до н.э.

I в. до н.э. датируются 3 погребения. Примерно в это время захоронения на данном участке прекращаются, но сам некрополь мог продолжать существование на других участках.

Из 25 обнаруженных объектов большая часть относится к комплексам некрополя – это тризны, скопления камней и керамики, развалы сосудов и т.п. Всего в культурном слое памятника и исследованных комплексах обнаружено около 30000 различных находок, сюда входят индивидуальные находки, фрагменты керамики, профильные части и стенки сосудов. Подавляющая часть находок относится к IV-II вв. до н. э. Только некоторые фрагменты можно отнести к эпохе средневековья.

На исследованной площади памятника, в слое поселения и открытых комплексах обнаружено 473 индивидуальные находки – изделия из камня; керамические и стеклянные сосуды; бронзовые монеты; орудия труда и предметы быта из глины, железа и бронзы; украшения из бронзы, серебра, золота; наборы бусин из разных материалов – стеклянной пасты и полудрагоценных камней. Судя по облику комплекса, выявленного к настоящему времени индивидуального и массового материала, археологический памятник поселение Виноградный-7 можно связать с кругом древностей IV-II вв. до. н. э.

Грунтовый могильник, выявленный на территории поселения в непосредственной близости к древней дороги, проходившей через территорию памятника, в настоящее время может быть датирован

также VI-I вв. до н.э. Возможно, захоронения на этой территории совершались и в первые века нашей эры. Встреченные при раскопках данного некрополя погребальные сооружений широко представлены в различных некрополях Боспора VI-I вв. до н.э. Так, ящики из сырцового кирпича распространены на всей территории Боспора начиная с VI в. до н.э., но особенно они распространены на территории Азиатского Боспора. В частности в некрополе Кеп нам известно не менее 10 таких сооружений, в некрополе Фанагории – около 30. Два десятка сырцовых ящиков открыто на некрополе Артющенко-2. Наиболее распространены в этих некрополях и захоронения в подбойных могилах – 17 в Кепах и 10 в Фанагории[2], при том, что в других некрополях Азиатского Боспора их число невелико. В некрополе Артющенко-2 подбойные погребения единичны.

Грунтовые склепы также широко распространены на территории как Азиатского, так и Европейского Боспора, отличаясь конструктивными особенностями. Следует отметить и наличие в некрополе у пос. Виноградный 7 детских погребений в амфорах, которые на Азиатском Боспоре представлены неравномерно. Наибольшее их количество известно в некрополях Кеп и Фанагории.

Расположение некрополя у древнего пути, ведущего от Фанагории к Кизилташскому лиману возможно говорит о связи населения его оставившего с хорой Фанагории.

Таблица 1. Характеристика погребений исследованных в 2016 г.

№ Погре-бения	Конструкция погребения	Местополо-жение	Дата	Примечание
1	Подбойное	Кв.Д-77	III в. до н.э.	М. 40-45 лет
2	Грунтовое	Кв.Д-77	II в. до н.э.(?)	М. 50-55 лет
3	Склеп земляной	Кв.Д-77	II в. до н.э.	8 человек
4	Грунтовое	Кв.Д-77	II-I вв. до н.э.(?)	М. 50-55 лет
5	Склеп земляной	Кв.Д-71	II в. до н.э.	6 человек
6	Грунтовое	Кв.Д-76	II-I вв. до н.э.(?)	Ж. 40-50 лет
7	Грунтовое	Кв.Д-75	II в. до н.э.(?)	М. 40-50 лет
8	Грунтовое	Кв.Д-75	II-I вв. до н.э.(?)	Ж. 40-50 лет
9	Грунтовое	Кв.Д-76	VI в. до н.э.	Ж. 40-50 лет
10	Грунтовое	Кв.Д-75,76	II-I вв. до н.э.(?)	М. 40 лет; М. 40 лет
11	Склеп земляной	Кв.Д-74	II в. до н.э.	4 человека
12	Грунтовое	Кв.Д. 74,75	II в. до н.э.(?)	Ж. 20-30 лет
13	Подбойное	Кв.Д-75	VI в. до н.э.	Ребенок до 6 лет
14	Подбойное	Кв.Е-75	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет
15	Подбойное	Кв.Е-73	II в. до н.э.	Ж. 20-30 лет
16	Подбойное	Кв.Е-73	II в. до н.э.	Ребенок до 6 лет
17	Грунтовое	Кв.Е-75	II-I вв. до н.э.(?)	Ж. 20-30 лет, Ребенок 0-1 лет
18	Подбойное	Кв.Е-73	II в. до н.э.	Ж. 45-50 лет
19	Подбойное	Кв.Е-73	II в. до н.э.	Ж. 20-25 лет
20	Ящик сырцовый	Кв.Е-76	VI в. до н.э.	М.40-45 лет, Ж.40-45 лет
21	Склеп земляной	Кв.Е-75	II в. до н.э.	6 человек
22	Склеп земляной	Кв.Д,Е-72,73	II-I вв. до н.э.	3 человека
23	Кремация	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.	1 человек
24	Младенец в амфоре	Кв.Е-74	I в. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет
25	Подбойное	Кв.Е-73	II в. до н.э.	Ж. 25-30 лет
26	Подбойное	Кв.Ж-73	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет
27	Склеп земляной	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ж. 20-30 лет
28	Младенец в амфоре	Кв.Е-75	II в. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет
29	Подбойное	Кв. Ж-73	II в. до н.э.	Ребенок 5-6 лет, мальчик
30	Подбойное	Кв. Ж-73	II в. до н.э.	Ж.25-30 лет, мать
31	Грунтовое	Кв.Е-75	II-I вв. до н.э.(?)	Ж.20-25
32	Ящик сырцовый	Кв.Ж-76	VI в. до н.э.	М.25-30 лет, Ж.25-30 лет, ограблен в древ.
33	Подбойное	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ж.20-25 мать

[2] В данной выборке не учтены результаты еще неопубликованных исследований.

34	Подбойное	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет,
35	Подбойное	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 10-12 лет, девочка
36	Грунтовое	Кв.Е-75	II в. до н.э.(?)	М.20-30 лет ?
37	Грунтовое	Кв.Е-75	III-II вв. до н.э.(?)	М.20-40 лет
38	Грунтовое	Кв.Е-75	VI в. до н.э.	Ж.45-50 лет
39	Грунтовое	Кв.Е-74	II-I вв. до н.э.(?)	М.25-30 лет
40	Младенец в амфоре	Кв.Ж-75	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет
41	Сырцовый обклад	Кв.Ж-75	I в. до н.э.(?)	
42	Грунтовое	Кв.Е,Ж-74	II-I вв. до н.э.(?)	Кости ног на прав. боку
43	Подбойное	Кв.Ж-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ж.20-25
44	Грунтовое	Кв.Ж-75	II-I вв. до н.э.(?)	М.40-45
45	Грунтовое	Кв.Ж-75, Об.13	II-I вв. до н.э.(?)	М.20-25, переотлож.
46	Грунтовое	Кв.Г-67	II-I вв. до н.э.(?)	Кости переотлож
47	Младенец в амфоре	Кв.Ж-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет, в ногах п.45
48	Грунтовое	Кв.Г-69	II-I вв. до н.э.(?)	Кенотаф
49	Грунтовое	Кв.Г-69	II в. до н.э.(?)	Ж. 20-30 (?)
50	Грунтовое с заплеч.	Кв.Г-67, Об.13	II в. до н.э.(?)	Ж.40-45 – С.В.
51	Подбойное	Кв.Г-69	II в. до н.э.(?)	Ребенок 6-8 лет, мальчик?
52	Грунтовое	Кв.Г-67,68	II-I вв. до н.э.(?)	М. 50-55 Сырцов. перекрытие
53	Младенец в амфоре	Кв.Ж-74	II-I вв. до н.э.(?)	Ребенок 0-1 лет, около п.45
54	Грунтовое	Кв.В-67	II в. до н.э.(?)	С черепицей
55	Подбойное	Кв.Г-68	II-I вв. до н.э.(?)	с сырцовым перекрытием
56	Младенец в амфоре	Кв.Г-68	II-I вв. до н.э.(?)	Около лошади
57	Грунтовый склеп	Кв.Г-68,69	I в. до н.э.(?)	3 человека

58	Грунтовое	Кв.В-67	II-I вв. до н.э.(?)	Кенотаф, с камкой
59	Подбойное	Кв.В-67	II-I вв. до н.э.(?)	Кенотаф, с сырцовым закладом
60	Ящик сырцовый	Кв.Б-64,65	VI в. до н.э.	Ж и М, ограблен
61	Каменный ящик	Кв.А,Б-63	II-I вв. до н.э.(?)	1 чел., Ограблен в древности

Рис. 1 Виноградный-7. Фрагмент схемы расположения погребений и объектов.

Рисю2 Виноградный-7. Погребение 20, находки.

Супренков А.А.
(Москва)

ПОСЕЛЕНИЕ ГОРА ЧИРКОВА 1 – ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И НОВЕЙШИЕ РАСКОПКИ.

Поселение *Гора Чиркова 1* расположено в Темрюкском районе Краснодарского края в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный и 3,2 км к югу от п. Приморский. Данное археологическое наименование, связанное с расположенным западнее одноимённым холмом, возникло недавно. Ранее его территория документально входила в часть более масштабного поселения, которому Я.М. Паромовым было присвоено название Виноградный 7. Известное ещё с первой половины XX вв. по картам А.А. Миллера и С.Ф. Войцеховского оно было им обследовано в 80-ых гг. На основании данных аэрофотосъёмки и распространения подъёмного материала исследователь установил границы поселения. Его размеры составляли 1100 м с запада на восток и 400 м с севера на юг при площади в 31 га. На основании амфорного материала Я.М. Паромов предположил, что это поселение датируется VI-I вв. до н.э.[1]

Первые же связанные с ним археологические раскопки были проведены в 1993 г. Кубанским Государственным университетом. Тогда экспедицией под руководством И.И. Марченко было раскопано три кургана из курганного могильника, расположенного непосредственно на северо-западе территории поселения Виноградный 7, и частично выходящего за его границы, согласно топоплану Я.М. Паромова. Полевые работы проводились под руководством Н.Ю. Лимберис. В их результате были исследовано множество греко-варварских погребений, относящихся к IV-I вв. до н.э. Среди них 12 склепов, вырубленных в материке, 10 погребений в узких ямах, 22 детских погребения в амфорах (в основном родосских и синопских) и 2 погребения с трупосожжением на месте. Большая часть захоронений относилось к периоду III-II вв. до

[1] Паромов 1992, 535-538.

н.э. Погребальный инвентарь был представлен посудой фанагорийского производства (пелики, леканы, тарелки), импортной родосской буролаковой посудой, терракотовыми статуэтками и разнообразными украшениями, среди которых преобладали стеклянные бусы. Из немногочисленных погребений более поздней датировки происходила краснолаковая посуда. Погребальный обряд был охарактеризован авторами как эллинский, характерный для некрополей Азиатского Боспора, однако с присутствием элементов меотского и сарматского влияния. Результаты работ были опубликованы в 1997 г.[2] В статье авторы предположили, что данный могильник принадлежит к какому-то периферийному некрополю Фанагории, однако в последующих исследованиях привязали его к поселению Виноградный 7.[3]

Следующий этап работ на поселении был связан со строительством на данной территории участка железной дороги Вышестеблиевская – Волна в начале 2000-ых гг. Их осуществлял возглавляемый проф. И.И. Марченко НИИ Археологии при Кубанском Государственном Университете. В 2001 г. Н.Ю. Лимберис на северо-западной окраине поселения был заложен раскоп площадью 256 кв.м. В результате работ было установлено наличие на исследованном участке античного культурного слоя толщиной от 0,2 до 0,5 м и более мощного средневекового. Строительные остатки были представлены несколькими хозяйственными ямами средневекового времени. Античный материал был представлен фрагментами амфор из Синопы, Гераклеи и других центров, кусками красноглиняной черепицы, красноглиняной посудой, в том числе немногочисленной чернолаковой. Он датировался IV-III вв. до н.э. Средневековый находки включали в себя разнообразную салтово-маяцкую керамику и фрагменты так называеых «причерноморских» амфор, среди которых преобладали типы II и III по Якобсону - борозчатые и яйцевидные с желобчатым рифлением. Этот материал датировался VIII-IX вв., за исключением немногочисленных фрагментов более поздних «воротничковых» амфор.[4]

В следующем, 2002 г. работы Кубанского Университета продолжались к югу и востоку от раскопа 2001 г. под руководством В.В. Бочкового. Им были исследованы остатки как минимум трёх каменный построек, семь хозяйственным ям и часть ровика, который мог окружать жилую часть поселения. Находки за исключением немногочисленных предметов античного времени, снова были датированы VIII-IX вв. В

[2] Лимберис, Марченко, 1997.
[3] Лимберис, Марченко 2010, 152.
[4] Лимберис 2002.

частности были найдены три целых амфоры, относящихся к типам II и III по Якобсону.[5]

В 2004-2005 работы Кубанского Университета на поселении проводились по открытым листам В.В. Кононова. Была исследована площадь более 1000 кв.м., а также различные постройки, определённые как средневековые. За два года работ была собрана значительная коллекция разнообразного керамического и другого материала, в том числе множество целых форм. Что касается античного материала, то теперь импортные амфорные центры были представлены более разнообразно. В их число входили Синопа, Книд, Менда, Родос и Гераклея. Средневековые находки, вновь составляющие абсолютное большинство, опять же преимущественно представляли самую разнообразную салтово-маяцкую посуду и амфоры типа II и III по Якобсону.[6]

Год спустя, 2006 г, в связи с продолжением раскопок в охранной зоне железной дороги В.В. Бочковым исследовался ряд археологических объектов в интересующем нас районе. В их число входили и несколько курганов вблизи поселения Виноградный 7. На одном из планов в отчёте, автор обозначил южную часть границ «*средневекового поселения*», в которые он включил территорию, на которой проходили охранные раскопки в 2001-2005 г. Данное поселение, обозначалось отдельно от Виноградного 7, хотя границы располагались практически вплотную.

Последующие исследования здесь были связаны с масштабными археологическими работами в 2011 г. в зоне проектирования морского порта «Тамань» и подъездных путей к нему. В составе объединённой экспедиции ИА РАН в них принимала участие Восточно-Боспорская АЭ под руководством Н.И. Сударева. В частности в окрестностях поселения Виноградный 7 проводил разведки С.А. Буравлёв. По результатам шурфовки им были уточнены границы поселения Виноградный 7, и введено наименование *Гора Чиркова 1* для средневекового поселения расположенного к западу от вышеуказанного при значительном наложении границ одного на другое. Под таким названием поселение и было поставлено на учёт в органах охраны памятников Краснодарского края. Автор подтвердил датировку поселения IV-III вв. до н.э., VIII-X вв. н.э., на основании найденных на распашке а также в шурфах фрагментов античных амфор Хиоса, Синопы, Фасоса, Менды, а также средневековых «причерноморских» и салтово-маяцкой посуды.

Несколько позднее, в 2013 г. В.В. Бочковой предложил свой

[5] Лимберис, Марченко 2010, 152.
[6] Бочковой 2003.

вариант границ поселений Виноградный 7 и Гора Чиркова 1, несколько отличающихся от С.В. Буравлёва.

Наконец в 2015 г. в связи со строительством подъёздных путей к порту «Тамань» состоялись масштабные раскопки на северных частях поселений Виноградный 7 и Гора Чиркова 1. Их общая площадь составила 75 000 кв.м. Восточной часть на площади 50 000 кв. м. исследовалась Восточно-Боспорской экспедицией ИА РАН под руководством Н.И. Сударева, западная на площади 25 000 кв. м. Таманско-Керченским отрядом под руководством автора. Граница раскопов находилась практически посередине пересекающейся территории двух поселений, в связи с этим была принята и за фактическую границу памятников на раскапываемом участке.

В результате работ на поселении Гора Чиркова 1, был исследован культурный слой достигающей мощности до 2 м на некоторых участках, более сотни углубленных в материк археологических объектов, а также несколько погребений. В результате было найдено множество археологических артефактов. Среди них в коллекционную опись вошли 170 предметов, представленных известковыми жерновами, целыми или склеенными амфорами «причерноморского» типа, средневековыми горшками разных типов, античными монетами, керамическими рыболовными грузилами, многочисленными металлическими предметами, и несколькими украшениями. В полевую опись вошло около 1500 профилированных фрагментов керамических сосудов, а также были обработаны несколько тысяч единиц статистического материала.

На сегодняшний момент мы можем изложить только предварительные результаты проведённых работ. По-видимому, на исследованной территории, жизнедеятельность осуществлялась в три хронологических периода.

К первому, вероятно, относятся исследованные погребения. В них практически отсутствовал инвентарь, за исключением двух фрагментов небольших лепных сосудов. По предварительной оценке специалистов они могут относиться к эпохе бронзы.

Немногочисленный античный материал по большей части относился к эпохе эллинизма. Он был представлен парой десятков бронзовых пантикопейских и фанагорийских монет III-II вв. до н.э., а также несколькими фрагментами амфор Синопы и Гераклеи. Самым же ярким предметом этого периода стал серебряный перстень с камеей (рис. 1), найденный в одном из углублённым объектов.

Что касается наиболее многочисленного средневекового материала, то по самой предварительной оценке большая часть находок этого времени относится к VIII-IX вв., хотя некоторые

фрагменты, вероятно, выходят за указанные хронологические рамки.

Таким образом, проведённые масштабные раскопки в целом подтвердили датировку, предложенную нашими предшественниками. Продолжение работы над материалом, а также дальнейшие раскопки помогут, несомненно, значительно её уточнить, а также в целом прояснить вопросы исторической интерпретации поселения Гора Чиркова 1.

Литература

Бочковой В.В. Отчёт Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Виноградный 7 в 2002 г. (Темрюкский район Краснодарского края). ИА РАН. Научно-отраслевой архив Ф. 1 Р. 1. 26561.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории. Studia Pontocaucasica 3. Краснодар 1997.

Лимберис Н.Ю. Отчёт Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Виноградное 7 на Таманском полуострове в 2001 г. (Темрюкский район Краснодарского края). ИА РАН. Научно-отраслевой архив Ф. 1 Р. 1. 25742.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное 7 на Тамани. ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия № 1. М.-Киев 2010 г.

Паромов. Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М. 1992.

Рис. 1 Гора Чиркова 1.
Находка № 44. Перстень серебряный с геммой.

Тихонов И.Л.
(С-Петербург)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ф.А.БРАУНА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Федор Александрович Браун (по метрическому свидетельству – Фридрих-Агафон-Марий) родился 20 июля 1862 г. в Петербурге в семье врача Мариинской больницы для бедных Александра-Вильгельма Брауна и его жены Доротеи-Юлии, урожденной Штейн (ЦГИА СПб Ф.14. Оп. 3. Д. 21126. Л. 2).

В 1881 г. Федор Браун закончил гимназию с золотой медалью, и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где его главным учителем стал Александр Николаевич Веселовский - основоположник знаменитой филологической школы. Получив осенью 1885 г. оплачиваемую командировку на два года от Петербургского университета Ф.А.Браун отправился за границу. Уже тогда стала определяться его специализация как германиста, причем особо его привлекали вопросы не строго лингвистические, а общий круг проблем, касавшихся древностей в широком понимании этого слова,. Центральное место в научном творчестве Брауна стали занимать вопросы, связанные с областью взаимоотношений славянского и германского миров, чему немало способствовали его личные обстоятельства (немецкое происхождение и русское воспитание)[1].

[1] О биографии Ф.А.Брауна см.: Свердлов М.Б. Ф.А.Браун – исследователь скандинавских источников по истории Древней Руси// Скандинавский сборник. Вып. XXI. Таллин, 1976. С. 221-225; Жеребин А.И. У истоков русской германистики (профессор Ф.А. Браун) // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 14-21; Тункина И.В. Н.Я.Марр и Ф.А.Браун: история взаимоотношений (1920 – 1925 гг.)// Stratum plus. № 4. 2000. С. 384 -391; Тихонов И.Л. Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф.А.Браун// Материалы XXXI Всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. С. 8-13.

Не ограничившись изучением письменных источников, Браун обратился в 1890 г. в Императорскую археологическую комиссию с запиской о необходимости поисков следов готов в Серном Причерноморье. Русское археологическое общество поддержало его ходатайство и просило разрешить изыскания в Мариупольском округе и горном Крыму для изучения православного татарского населения, «в которых г. Браун предполагает потомков готов» (НА РО ИИМК Ф. 1. 1890 г. Д. 40. Л.1). Археологическая комиссия выделила на эту поездку 300 рублей.

Первоначально Браун .занялся поисками следов готского языка в окрестностях Мариуполя, куда переселилась в 1778 г. часть греческого и татарского населения Крыма. но не обнаружил ни одного слова, которое можно было бы связать с готами. Зато ученому бросилось в глаза различие между двумя этническими типами местного населения, в одном из которых он увидел «готский тип» (Браун, 1890. С. 84). Не получив от этнографии и лингвистики ожидаемых результатов Браун пришел к выводу, что остается «один только путь - археологические разыскания в самой Крымской Гори» (Там же. С. 92). Парадоксально, но факт, что хотя готская проблема уже давно интересовала русских ученых, никто из них до Брауна не пытался обнаружить следы культуры готов с помощью археологии.

Изначально планировалось провести раскопки на Мангупе, в Сюйрени, в деревне Бия-сала и Партените, но за недостатком времени и средств пришлось ограничиться только Мангупом. Поселившись прямо на городище в одной из пещер, Браун в течение 28 дней провел там раскопки. Отчет об этих исследованиях был представлен в Археологическую комиссию (НА РО ИИМК Ф.1. 1890 г. Д. 40. Л. 18 – 31) и с некоторыми сокращениями опубликован в ее издании (ОАК за 1890 г. С. 15 – 21). Отметив деление хорошо укрепленного поселения на три части: цитадель, средний и нижний город, исследователь попытался начать раскопки во всех трех частях с целью установления исторической планиграфии города. В цитадели он открыл фундамент восьмигранной церкви, в средней части города вскрыл 12 погребений. В нижней части начав раскопки большого холма, Браун обнаружил остатки большой базилики, которые интерпретировал как ограду кладбища и кладбищенскую церковь, окруженную склепами. Раскопки велись траншеями, что являлось в то время общепринятым приемом. Современная исследовательница Мангупской базилики Н.И.Бармина, опираясь на отзывы А.Л.Бертье-Делагарда и Р.Х.Лепера, считает эти полевые исследования Ф.А.Брауна крайне несовершенными и плохо документированными (Бармина, 2005. С. 308). Это был первый опыт полевых археологических работ Ф.А.Брауна, который до 1890 г.

самостоятельных раскопок никогда не производил. Тем более нужно отметить, что к отчету были приложены план восьмиугольной церкви, рисунки найденных вещей и 19 фотоснимков. В то время фотография еще только начинала использоваться для целей археологической фиксации и полевые отчеты очень редко сопровождались фотоснимками. Стоит также отметить, что в ходе раскопок была сделана важная находка - надпись с упоминанием названия крепости Феодоро, являвшейся столицей одноименного средневекового княжества, что позволяло окончательно локализовать ее на Мангупе. Немногочисленные находки в виде пяти наконечников стрел были переданы в Артиллерийский музей, а обломок железного стремя, шпоры, фрагменты надписей, архитектурных деталей и фресок - в музей Таврической ученой архивной комиссии. По результатам своих этнографическим наблюдений в Северном Приазовье и археологических раскопок в Крыму Браун в том же году выпустил статью на русском языке (Браун, 1890) и книжку о судьбах последних крымских готов на немецком (Braun, 1890).

Следующий эпизод археологической деятельности Ф.А.Брауна тоже связан с поисками готов в Восточной Европе, но происходил не в Северном Причерноморье а в Прибалтике. В июне 1892 г. он обратился в Археологическую комиссию с заявлением, в котором предложил новые раскопки на Альт-Раденском могильнике на территории усадьбы Утинг в Баусском уезде Курляндской губернии. Могильник был открыт в 1886 г. и по поручению Археологической комиссии там были проведены раскопки, в ходе которых были открыты погребения с богатым инвентарем. Эти находки заинтересовали известного шведского археолога О.Монтелиуса, предположившего их принадлежность племенам готов или вандалов и датировавшего первыми веками н.э.. Ф.А.Браун склонялся к более поздней датировке могильника VII – X вв. и полагал необходимыми новые раскопки на неисследованной части луга на берегу Немана что бы «восполнить пробел, оставленный при прежних работах: а именно точно констатировать расположение могил, способ погребения и т.д.» (НА РО ИИМК РАН Ф.1. 1892 г. Д. 103. Л. 2). Комиссия отпустила 150 руб. и в ходе проведенных раскопок Браун обнаружил три погребения с шейными бронзовыми гривнами, булавками, фибулами, железными кинжалами. Опись находок насчитывала 35 номеров бронзовых и железных вещей и еще 11 предметов было приобретено у местного населения. Эти находки вместе с другими из раскопок в данном регионе были переданы Археологической комиссией в Виленский музей древностей и демонстрировались на выставке к IX-у Археологическому съезду, состоявшемуся в Вильне в августе 1892 г. В благодарственном

письме председатель съезда графиня П.С.Уварова сообщала, что эти экспонаты послужили ядром выставки и составили ее лучшее украшение (НА РО ИИМК Ф.1. 1890 г. Д. 207. Л. 111). Активные поиски археологических следов готов привели к тому, что как записала в своем дневнике жена С.Ф.Платонова, академик В.Г.Васильевский окрестил Брауна «Готокопом».

В 1896 г. в Археологической комиссии освободилась должность штатного члена, так как В.Г.Дружинин перешел в Археографическую комиссию и с 1 декабря этого года Ф.А.Браун стал штатным членом Императорской археологической комиссии с «оставлением в занимаемой должности» приват-доцента и лектора Петербургского университета. Накануне этого назначения председатель комиссии граф А.А.Бобринской утвердил «Положение о распределении обязанностей служащих Археологической Комиссии», согласно которому каждый из ее трех штатных членов должен был заведовать отдельным районом. В «зону ответственности» Брауна входила огромная территория от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия. Крымский полуостров, естественно, тоже подлежал его ведению и в конце 1890-х гг. Брауну приходилось докладывать на заседаниях комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости Алустон, осматривать раскопки Херсонеса. Директор Керченского музея К.Е.Думберг и заведующий Херсонесскими раскопками К.К.Косцюшко-Валюжинич в научном отношении должны были починяться ему (ИАК, 2009. С. 168 – 169).

В 1897 г. вице-губернатор Екатеринославской губернии сообщил в Археологическую комиссию о том, что крестьяне с. Бородаевки начали раскопки кургана, находящегося в Острой балке Днепровокаменской дачи. Комиссия поручила Ф.А.Брауну осмотреть этот курган, произвести его раскопки, и «если найдет нужным» раскопки ближайших от него курганов; а также осмотреть раскопки Херсонеса, посетить Керчь и вместе с К.Е.Думбергом обсудить план раскопок на будущий год; а на обратном пути посетить Старый Крым. При осмотре «курган» показался ему естественным холмом, возникшим вследствие обвала значительной глыбы земли с крутого южного склона балки. Никаких признаков погребений, например, материкового выкида, или других следов человеческой деятельности в насыпи, кроме нескольких поздних грабительских траншей и мин, Браун не обнаружил. Остальное время он провел на раскопках Херсонеса и Керчи, и даже съездил на Таманский полуостров для смотра памятников в окрестностях Сенной (НА РО ИИМК Ф.1. 1897 г. Д. 127). Таким образом, он ближе познакомился с основными памятниками региона, который входил в его ведение.

Наиболее ярким эпизодом недолгой службы Ф.А.Брауна в Археологической комиссии стали раскопки курганов в Таврической губернии летом 1898 г. В конце января 1898 г. петербургский градоначальник сообщал в Археологическую комиссию, что некий мещанин Дмитрий Моргунов, проживающий в селе Большая Белозерка Мелитопольского уезда, прибыв в Петербург, послал телеграмму государю императору, в которой просил принять его лично для сообщения весьма важного дела. Выяснилось, что жители этого села начали раскопки кургана, натолкнулись на каменный свод и, не решаясь продолжать, не имея разрешения, послали в Петербург Моргунова за его получением. Газета «Крымский вестник» от 3 августа 1898 г. сообщала, что один из белозерских жителей оказавшись в Петербурге без всяких средств, обратился в Археологическую комиссию в надежде получить средства на возвращение домой. Как бы то ни было, комиссия, выделив 1800 руб., послала Ф.А.Брауна для раскопок «перспективных» курганов. Для полевых работ была нанята артель рабочих, которым заплатили 1345 руб. за раскопку 6 курганов, еще 225 руб. пришлось потратить на их проезд из Керчи и обратно (НА РО ИИМК Ф.1. 1898 г. Д. 76. Л. 80 – 82).

Ф.А.Браун исследовал четыре насыпи у с. Нижние и Верхние Серагозы, в которых были обнаружены погребения различных эпох, начиная с бронзового века и два крупных кургана в окрестностях с. Большая Белозерка. Первый содержал около двадцати погребений, второй, имеющий высоту более 5 метров, именовался местными жителями Чмыревой могилой. По преданию в его центре в каменном склепе были захоронены несметные сокровища, поэтому крестьяне неоднократно предпринимали попытки раскопок. Именно, об этом кургане и сообщал Моргунов. Приступив к исследованию, Браун заложил траншею шириною 14,2 метра с северо-западной стороны и две траншеи с южной стороны к центру кургана. Центральное погребение оказались полностью разграбленными и почти уничтоженными. Боковая катакомба, в которую была пробита тринадцати метровая грабительская мина, тоже была ограблена. Тем не менее, просеивание через грохот ее заполнения дало свои результаты – были найдены золотые бляшки, в том числе с изображениями борющихся скифов и крылатых зверей; золотая пронизка и бусина; бронзовые наконечники стрел; остатки железного доспеха. Главным открытием стало захоронение десяти коней с богатым убором в яме, имеющей размеры 7 х 3 метра. Браун подробно описал каждый конский убор в соотношении со скелетом лошади. В отчете, который позднее был опубликован с небольшими сокращениями (Браун, 1906), содержались планы расположения погребений в курганах, планы и разрезы погребальных

камер, рисунки и фотографии находок. Была проведена фотофиксация и хода работ. От внимания исследователя не скользнули многие детали конструкции курганов: наличие камки, поэтапное сооружение насыпи, Если сравнивать этот отчет с отчетом о раскопках на Мангупе в 1890 г., то явно видно как исследователь приобретал опыт полевых работ и совершенствовал методы раскопок и фиксации. Приемы, которые он применял – траншеи, мины, обвалы, и другие направленные, прежде всего, на поиск погребения, являются совершенно недопустимыми с точки зрения современной полевой методики археологии, но в то время являлись общепринятыми и общеупотребительными при раскопках крупных земляных насыпей. Завершался отчет констатацией факта, что Чмыреву могилу нельзя считать окончательно исследованной, так как осталась незатронутая раскопками ее восточная часть. Так оно и было – в 1909 – 1910 гг. Н.И.Веселовский провел новые раскопки и обнаружил в неисследованной части кургана ограбленное еще в древности погребение с тайником, в котором оказались десять серебряных сосудов. Окончательное доследование этого памятника было проведено экспедицией ИА НАН Украины в 1994 г.

14 февраля 1900 г. Ф.А.Браун подал рапорт председателю Археологической комиссии графу А.А.Бобринскому с просьбою об увольнении от должности штатного члена комиссии, мотивируя это желанием сосредоточиться на продолжении научных работ, «требующих усиленного труда и значительной затраты времени» (НА РО ИИМК Ф.1. 1896 г. Д. 297. Л. 16). Этому шагу предшествовало несколько обстоятельств. Во-первых, в 31 января 1900 г. была утверждена его магистерская диссертация, представленная в виде книги «Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле», опубликованной в 1899 г. в Сборнике ОРЯС Петербургской АН. Защита открывала ему доступ к профессорской должности в университете, которую он и получил в начале августа 1900 г. Жалование экстраординарного профессора составляло 2000 руб. в год, что немногим уступало окладу штатного члена комиссии. Во-вторых, в самой комиссии на рубеже веков разгорелся кадровый конфликт, в котором с одной стороны участвовали ее «ветераны» В.Г.Тизенгаузен и делопроизводитель И.А.Суслов, а с другой члены, начавшие работать в 1890-е гг. – Н.И.Веселовский и А.А.Спицын. Председатель встал на сторону вторых, а Ф.А.Браун, судя по всему, примыкал к первым. Во всяком случае, когда летом 1899 г. Ф.А.Браун, заведовавший в это момент делами комиссии, попытался командировать Н.И.Веселовского, ведшего раскопки недалеко от Майкопа, для осмотра вновь открытых памятников на Зубовских хуторах и у селения Гатлукай, то получил

резкий отказ от выполнения этого поручения (Императорская, 2009. С. 175). Не желая совсем терять ценного сотрудника А.А.Бобринской добился назначения его сверхштатным членом Археологической комиссии, которое последовало в декабре 1900 г.

Помимо комиссии, Ф.А.Браун активно участвовал в научной работе Русского археологического общества. В 1898 г. на его общем собрании он выступил с докладом о раскопках Чмыревой могилы, а в заседании Отделения русской и славянской археологии сделал доклад «Устье Дуная по Птолемею». В последующие годы он в заседаниях этого отделения сделал еще шесть докладов, посвященных тематике варяжско-славянских контактов и новых находок рунических надписей. В начале XX столетия от продолжения готской тематики его отвлекло поручение Академии наук подготовить план издания скандинавских источников по истории Древней Руси. В ходе этой работы Браун собрал и проанализировал исландские саги, содержащие сюжеты, которых были связаны с Русью. Кроме саг, его особое внимание привлекли памятники рунической письменности, и во время трех поездок по Швеции он обследовал более 80 камней и стел, содержащих руны. Также, Брауном была издана руническая надпись, найденная на о. Березань в 1905 г. (Браун, 1907). В мае 1912 г. он обращался в Археологическую комиссию с просьбой о командировке в 1913 г. к Днепровским порогам для изучения камня, обнаруженного в кургане у Ненасытицкого порога. Был получен открытый лист и 250 руб. на это исследование, однако произвести его Браун не смог и в декабре 1913 г. возвратил деньги в кассу министерства императорского двора. На лето 1914 г. был получен новый лист и опять та же сумма, но работы снова не состоялись «по независящим от него причинам» (НА РО ИИМК Ф. 1. 1912 г. Д. 165. Л.1 – 14). Причиной этой была начавшаяся война.

Подводя итог необходимо заметить, что обращение Ф.А.Брауна в 1890-е гг. к археологии было неслучайным, так как под влиянием ее успехов во второй половине XIX в. многие представители историко-филологической науки обратили свои взоры к археологии. Причем, для них было характерным интерес к археологии не в силу «любительского увлечения» или коллекционирования древностей, а в поисках дополнительных источников для исторических реконструкций.

Литература

Бармина Н. И. Хронология Мангупской базилики (Опыт изучения)// Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2005. Вып. 36: Материалы XII Международных научных Сюзюмовских чтений (Севастополь, 6-10 сентября 2004 г.). С. 307-318.

Браун Ф.А. Мариупольские греки //Живая старина. 1890. Вып. II. С. 79–92.

Браун Ф.А. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1908 г.// Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 19. СПб., 1906. С. 81 – 116.

Браун Ф.А. Шведская руническая надпись, найденная на о. Березани// Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 23. СПб., 1907. С. 66 – 75.

Императорская Археологическая Комиссия (1859 – 1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия/ Науч. ред.- сост. А.Е.Мусин. Под общей ред. Е.Н.Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. SPb., 1890. 138s.

Рис. 1. План церкви на Мангупе. Раскопки Ф.А.Брауна 1890 г. (НА РО ИИМК РАН. Ф.1. 1890 г. Д. 40 Л. 34).

Рис. 2. Раскопки кургана Чмырева могила, 1898 г. В центре Ф.А.Браун. (НА РО ИИМК РАН. Ф.1. 1898 г. Д. 76. Л. 53).

Е. Д. Трубникова
(Симферополь)

ПРИМЕНЕНИЕ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИИ[1]

В наше время происходит активное внедрение естественнонаучных методов в археологию. Одним из таких является молекулярно-генетический анализ. Это важнейший информативный метод, который включает в себя исследования митохондриальной ДНК человека и животных.

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Первое исследование в этой области было посвящено выделению, клонированию и анализу последовательности фрагмента митохондриальной ДНК (мтДНК) из останков вымершего представителя рода лошадей (Equus) – квагги (Equus quagga) возрастом около 140 лет [Hofreiter, Jaenicke, Serre, 2001, p. 4793-4799].

Почти сразу же была опубликована первая работа по анализу ДНК из археологического объекта – останков египетской мумии возрастом около 2400 лет. Эти работы продемонстрировали принципиальную возможность экстракции и анализа структуры ДНК из ископаемых останков животных и человека различного возраста. Было показано, что эндогенная ДНК в биологических останках представлена короткими фрагментами многокопийных локусов, таких, как мтДНК, сохраняющимися в чрезвычайно низкой концентрации [Higuchi, Bowman, Freiberger, 1984, p. 282-284.)

Предшественниками молекулярно-генетического анализа являлись исследования групп крови и ранние работы о связях между классическими генетическими маркерами и языковыми и этническими группами. Среди первых исследователей в этом направлении известны Людвик Хиршфельд и Ханка Хиршфельд, Уильям Бойд и Артур Муран. Начиная с 1960-х годов Луиджи Лука Кавалли-Сфорца использовал классические генетические маркеры для исследования доисторического населения Европы, результатом чего стала публикация его исследования «История и география человеческих генов» в 1994 году [Cann, Stoneking, Wilson, 1987, p. 31-36].

Внедрение во второй половине 1980-х гг. в практику молекулярно-генетических исследований нового метода – полимеразной цепной реакции (ПЦР), позволяющей получать практически неограниченное число копий короткого целевого фрагмента ДНК даже при его чрезвычайно низкой концентрации, что сделало возможным анализ древнего генетического материала, выделенного из образцов останков живых организмов и их частей значительного срока давности. Низкая температура и низкая влажность способствуют лучшему сохранению ДНК, что позволяет получать пригодные для молекулярно-генетического анализа препараты ДНК из образцов возрастом в десятки тысяч лет [Rogaev, Moliaka, Malyarchuk, 2006, p. 73].

Таким образом исследование мтДНК в популяциях человека позволило вычислить «митохондриальную Еву», гипотетическую прародительницу всех живущих в настоящее время людей. Полиморфизм мтДНК изучен для целого ряда современных популяций Евразии, которые потенциально могут иметь генетические связи с анализируемой культурой. Наиболее информативным методом является определение первичной нуклеотидной последовательности

контрольного района путем секвенирования. В настоящее время создан целый банк данных для секвенированных последовательностей ДНК контрольного района нескольких выборок европейцев, коренного населения Северной Азии и Горного Алтая, японцев, монголов, коренных жителей Нового Света, Полинезии и Африки.

Геном человека включает три части, которые по-разному передаются в поколениях: хромосомы, которые передаются потомству и от отца, и от матери; Y-хромосома, которая передается только по отцовской линии; митохондриальная ДНК (мтДНК). Для большинства групп типов мтДНК установлена региональная специфичность [Захаров, 2003, с. 139-144]. У большинства многоклеточных организмов митохондриальная ДНК наследуется по материнской линии. В чем же преимущество ее исследования – мДНК не мутирует, передается только по материнской линии, не рекомбинирует, т.е. не смешивается, мДНК наследуется по отцовской линии, полиморфизм мДНК хорошо изучен у многих живых организмов.

Одними из основных задач при исследовании археологических памятников являются отбор максимально возможного числа источников, несущих какую-либо информацию об изучаемом древнем населении, их тщательное документирование, сохранение в процессе полевых работ. Только при условии квалифицированного проведения полевой части исследования создаются предпосылки для последующего полноценного анализа обнаруженных археологами материалов в камеральных и лабораторных условиях. Пополнение методических возможностей археологических исследований за счет естественнонаучных методов чрезвычайно расширяет спектр информативных источников.

В настоящее время можно выделить несколько типов материалов, обнаруживаемых при археологических раскопках, которые могут быть использованы в качестве источников ДНК для молекулярно-генетического исследования: костные останки человека и животных, мягкие ткани, копролиты, растительные остатки, микроорганизмы.

Костные останки человека и животных являются наиболее распространенными материалами для экстракции древней ДНК. Костная ткань обеспечивает наилучшие условия для сохранности молекул ДНК в останках в течение длительного периода после смерти организма. Минеральный матрикс обеспечивает защиту внутренних областей костной ткани от воздействия микроорганизмов и неблагоприятных для сохранности ДНК условий внешней среды. В адсорбированном на минеральном матриксе состоянии короткие фрагменты ДНК способны сохраняться в течение достаточно длительного времени. При этом зубы, особенно находящиеся в челюсти

меньше подвержены контаминации, чем кости посткраниального скелета [Rollo, Ermini, Luciani, 2006, p. 557-564]. Сохранившиеся мягкие ткани человека или животных являются редкой находкой при исследовании археологических памятников. Копролиты так же могут быть использованы в качестве альтернативного источника древней ДНК. Считается, что их изучение уменьшает риск контаминации образцов современной ДНК [Gilbert, Jenkins, Gotherstrom, 2008, p. 786-789]. Копролиты могут служить источником информации о структуре генетических маркеров особи продуктом жизнедеятельности, которой они являются или реконструкции ее диеты и патологического статуса (присутствие ДНК гельминтов, инфекционных агентов) [Poinar, Fiedel, King, 2009, p. 148]. Так же, для молекулярно-генетического исследования представляют интерес остатки культурных растений (главным образом семена), которые находят при раскопках археологических памятников и остатки дикорастущих растений, использовавшиеся человеком в быту или обрядовой практике [Jaenicke-Despres, Buckler, Smith, 2003, p. 1206-1208].

В данной статье мы приведем обзор молекулярно-генетического анализа, как метода молекулярной генетики, который помогает получить качественно новую информацию об исследуемом археологическом материале этнической истории Крыма.

Молекулярно-генетический анализ древней ДНК включает в себя несколько стадий:

- выделение ДНК из костных останков;
- ПЦР анализ ДНК;
- создание геномных библиотек;
- секвернирование;
- обработку и сознание банка данных с помощью специальных компьютерных программ (биоинформатика).

Экстракцию (выделение) ДНК проводят из костной ткани, измельченной до состояния порошка с помощью гомогенизатора. Далее измельченный костный порошок направляют на экстракцию ДНК, что также может осуществляться разными химическими способами В целом ряде статей предлагается производить полную или частичную декальцификацию костной ткани [Tuross, 1994, p. 530-535].

Полимеразно-цепная реакция (ПЦР) – экспериментальный метод молекулярной биологии, позволяющий добиться значительного увеличения малых концентраций определенных фрагментов нуклеиновой кислоты (ДНК) в биологическом материале (пробе). ПЦР проводят в амплификаторе – приборе, обеспечивающем периодическое охлаждение и нагревание пробирок, обычно с точностью не менее 0,1°С. Современные амплификаторы позволяют

задавать сложные программы, в том числе с возможностью «горячего старта» и последующего хранения амплифицированных молекул при 4°С.

Каждый цикл амплификации включает 3 этапа, протекающих в различных температурных режимах:

1 этап: Денатурация ДНК (расплетение двойной спирали). Протекает при 93-95 градусах в течение 30-40 сек.

2 этап: Присоединение праймеров (отжиг). Присоединение праймеров происходит комплементарно к соответствующим последовательностям на противоположных цепях ДНК на границах специфического участка. Для каждой пары праймеров существует своя температура отжига, значения которой располагаются в интервале 50-65 градусов. Время отжига – 20-60 сек.

3 этап: Достраивание цепей ДНК. Комплементарное достраивание цепей ДНК происходит от 5'-конца к 3'-концу цепи в противоположных направлениях, начиная с участков присоединения праймеров. Материалом для синтеза новых цепей ДНК служат добавляемые в раствор дезоксирибонуклеотидтрифосфаты (дНТФ). Процесс синтеза катализируется ферментом термостабильной ДНК-полимеразой (Taq-полимеразой) и проходит при температуре 70-72 градусов. Время протекания синтеза – 20-40 сек.

Образовавшиеся в первом цикле амплификации новые цепи ДНК служат матрицами для второго цикла амплификации, в котором происходит образование искомого специфического фрагмента ДНК (ампликона). При многократном повторении циклов синтеза происходит экспоненциальное увеличение числа копий специфического фрагмента ДНК, что позволяет из небольшого количества анализируемого материала, который может содержать единичные клетки микроорганизмов получить достаточное количество ДНК копий для идентификации их методом электрофореза [Глик, Пастернак, 2002, с. 589].

Геномная библиотека представляет собой набор ДНК всего генома одного организма. Геномная библиотека (банк генов) пр едставляет собой клонированный в составе векторов полный набор последовательностей ДНК данного организма. Фрагментация целого генома на отдельные участки значительно облегчает все генно-инженерные манипуляции и позволяет анализировать отдельные последовательности, проводиться сравнительный анализ различных геномов по определенным участкам и, главное, выделять и работать с индивидуальными генами [Щелкунов, 2004, с. 496].

Секвернирование – определение аминокислотной нуклеотидной п оследовательности белков и нуклеиновых кислот (от лат. Sequentum – последовательность). В результате секвенирования получают

формальное описание первичной структуры линейной макромолекулы в виде последовательности мономеров в текстовом виде. Размеры секвенируемых участков ДНК обычно не превышают 100 пар нуклеотидов (next-generation sequencing) и 1000 пар нуклеотидов при секвенировании по Сенгеру. В результате секвенирования перекрывающихся участков ДНК, получают последовательности участков генов, целых генов, тотальной мРНК и даже полных геномов организмов. Для секвенирования применяют методы Эдмана, Сэнгера и другие; в настоящее время для секвенирования генов обычно применяют метод Сэнгера с дидезоксинуклеозидтрифосфатами. Секвенирование полного генома обычно осуществляют при помощи технологий секвенирования нового поколения (next-generation sequencing) [Альбертс и др., 1994, с. 517].

Существует четыре основных проблемы при работе с ДНК из археологических источников. Первые две имеют химическую природу. За тысячи лет, когда кости лежат в земле, ДНК в них разрушается, и потому большинство фрагментов очень короткие, их длина – малые десятки. Во-вторых, ДНК подвергается изменениям, и одни нуклеотиды превращаются в другие; последовательность случайным образом меняется. Две другие проблемы – биологические. Лишь малая доля ДНК, выделенной из образца, – это то, что нужно; подавляющая часть (95-99%) – это ДНК почвенных микроорганизмов. И самая серьезная проблема, критически существенная при исследовании древних геномов человека, – это загрязнение современной ДНК. Количество сохранившихся фрагментов ДНК так ничтожно мало, что за время раскопок, пребывания в музее и в лаборатории на кость попадает сравнимое, если не большее, количество ДНК тех, кто с ней работал. Для секвенирования используют внутренние части кости, извлекая их в стерильных условиях. В частности, для исследования древней ДНК с места захоронений лучше всего использовать зубы в качестве исследуемого материала, так как в них с меньшей вероятностью попадают различные бактерии, разрушающие организм после его смерти и, как правило, приводящие к контаминации (загрязнению) образца древней ДНК своими ДНК-фрагментами. Кроме того, туда не попадает ДНК современных людей, например, археологов и антропологов, описывающих находки.

Первая российская работа по полногеномному секвенированию человека была выполнена в 2009 году в Лаборатории геномики Курчатовского НБИК-Центра. Основной особенностью этой работы является факт комбинирования двух технологических платформ – Genome Analyzer II (Illumina) и SOLiD™ (Applied Biosystems). Обработка и анализ полученных данных проводились на вычислительном

кластере РНЦ «Курчатовский институт». Использовалось программное обеспечение, предоставленное производителями оборудования, равно как и доступное на правах open-source, а также собственные разработки.

Биоинформатика – совокупность методов и подходов, включающих в себя: математические методы компьютерного анализа в сравнительной геномике (геномная биоинформатика), разработку алгоритмов и программ для предсказания пространственной структуры биополимеров (структурная биоинформатика), исследование стратегий, соответствующих вычислительных методологий, а также общее управление информационной сложности биологических систем [Pevsner, 2013, p. 179-215]. Биоинформатика стала важной частью многих областей биологии. В экспериментальной молекулярной биологии методы биоинформатики, такие как создание изображений и обработка сигналов, позволяют получать полезные результаты из большого количества исходных данных. В области генетики и геномики играет роль в анализе гена, экспрессии белка и регуляции. Инструменты биоинформатики помогают в сравнении генетических и геномных данных и, в целом, в понимании эволюционных аспектов молекулярной биологии. В общем виде, она помогает анализировать и каталогизировать биологические пути и сети, которые являются важной частью системной биологии.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ накопленной археологией обширной базы разнообразных источников с учетом имеющихся методических возможностей с помощью молекулярно-генетического исследования позволяет эффективно отобрать из множества локальных моделей те, которые в наибольшей степени информативны по отношению к исследуемым феноменам. Работа, проведенная археологами на протяжении многих десятилетий, существенно сокращает для палеогенетического направления путь от накопления первичного фактического материала до формулирования первых обобщений и позволяет уже на начальных этапах исследования заниматься осторожной интерпретацией полученных данных в рамках археологического контекста сначала на локальном уровне, а затем и в большем масштабе. В настоящее время начаты широкомасштабные работы по накоплению первичной информации о генетическом разнообразии в группах древнего населения планеты различного возраста и этнокультурной принадлежности. Исследованию подвергаются генетические маркеры, наиболее информативные при проведении исследований этногенеза методами геномного анализа.

Антропологи и археологи и ранее использовали молекулярные характеристики ДНК, полученные для современного населения Земли,

с целью описания изменчивости человека и выяснения вопросов антропогенеза, однако лишь молекулярно-генетический анализ ДНК позволил непосредственно ввести параметр времени в эти исследования. Спектр объектов, из которых можно выделить древнюю ДНК, весьма широк – от антропологических и палеонтологических находок до копролитов диких животных.

Возможность применения в комплексных междисциплинарных исследованиях методов анализа древней ДНК из музейного, коллекционного материала и археологических находок, делает нашу работу актуальной для широкого круга специалистов разных областей науки. Данные о генофонде уже не существующих популяций человека представляют несомненную научную значимость для изучения биологической истории современных народов, характеристики их генофондов и оценки основных направлений эволюции всего человечества. Исследования древней ДНК животных и растений помогают определить направления эволюции их геномов и определить филогенетические связи древних видов с ныне существующими.

Современный методический уровень исследований структуры ДНК из биологических останков различного возраста и наличие системы критериев достоверности палеогенетических данных позволили приступить к полноценному использованию молекулярно-генетических методов для решения разнообразных вопросов, возникающих при исследовании археологических культур. Масштаб решаемых проблем варьирует от определения конкретных биологических характеристик отдельных древних индивидов до реконструкции особенностей этногенетических процессов обширных регионов и даже проблем становления анатомически современного человека как вида. Дальнейший методический прогресс в данной области, очевидно, будет связан с внедрением в рутинную практику высокопроизводительных методов анализа структуры древней ДНК. Информативность молекулярно-генетических исследований будет определяться степенью их интеграции с другими составляющими комплексного археологического подхода. В перспективе этот анализ, по-видимому, станет обязательно составляющей археологических исследований, особенно в области этногенетических реконструкций.

Литература

Альбертс Б., Брей Д., Льюис Дж., Рэфф М., Робертс К., Уотсон Дж. Молекулярная биология клетки: в 3 т. М.: Мир, 1994. Т. 1. 517 с.

Глик Б., Пастернак Дж. Молекулярная биотехнология. Принципы и применение / Пер. с англ. М.: Мир, 2002. 589 с.

Захаров И.А. Центральноазиатское происхождение предков первых американцев // Первые американцы. 2003. № 11. С. 139-144.
Щелкунов С. Н. Генетическая инженерия. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2004. 496 с.
Amorim A. Archaeogenetics // Journal of Iberian Archaeology. 1999. Vol. 1. P. 15-25.
Cann R. L., Stoneking M., Wilson A. C. Mitochondrial DNA and human evolution // Nature. 1987. Vol. 325. P. 31-36.
Gilbert M. T. P., Jenkins D. L., Gotherstrom A. et al. DNA from pre-clovis human coprolites in Oregon, North America // Science. 2008. Vol. 320. P. 786-789.
Jaenicke-Despres V., Buckler E. S., Smith B. D. et al. Early allelic selection in maize as revealed by ancient DNA // Science. 2003. Vol. 302. P. 1206-1208.
Higuchi R., Bowman B., Freiberger M. et al. DNA sequences from the quagga, an extinct member of the horse family // Nature. 1984. Vol. 312. P. 282-284.
Pevsner J. Bioinformatics and Functional Genomics. Molecular Phylogeny and Evolution. 2013. P. 179-215.
Hofreiter M., Jaenicke V., Serre S. et al. DNA sequences from multiple amplify cations reveal artefacts induced by cytosine deamination in ancient DNA // Nucleic Acids Research. 2001. Vol. 29. P. 4793-4799.
Poinar H., Fiedel S., King C. E. et al. Comment on «DNA from Pre-Clovis Human Coprolites in Oregon, North America» // Science. 2009. Vol. 325. P. 148.
Rogaev E. I., Moliaka Y. K., Malyarchuk B. A. et al. Complete Mitochondrial Genome and Phylogeny of Pleistocene Mammoth. // PLoS Biology. 2006. Vol. 4(3). P. 73.
Rollo F., Ermini L., Luciani S. et al. Fine characterization of the iceman's mtDNA haplogroup // American Journal of Physical Anthropology. 2006. Vol. 130. P. 557-564.
Tuross N. The biochemistry of ancient DNA in bone // Experientia. 1994. Vol. 50. P. 530-535.

Труфанов А.А.
(Симферополь)

А.Е. ПУЗДРОВСКИЙ. ИССЛЕДОВАНИЯ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ В 2014 Г. [1]

Имя А.Е. Пуздровского прочно связано с исследованием памятников позднескифской культуры Крыма. Среди них Неаполь скифский, городище Кермен-Кыр, поселение Доброе, некрополи Битак, Перевальное, Брянское, Казан-Таш и др. Но, несомненно, важнейшим научным вкладом исследователя стало многолетнее изучение Усть-Альминского некрополя. Исследованием этого памятника А.Е. Пуздровский занимался более 20 лет. Результаты этих ежегодно проводимых Альминской экспедицией полевых работ отражались в научных статьях и докладах, прочитанных им на конференциях. В 2007 г. в печати вышла его монография «Крымская Скифия», в основу которой легли материалы многих позднескифских некрополей, но значительное место в этой книге было отведено именно Усть-Альминскому могильнику, и многие выводы автора построены с учетом результатов раскопок памятника в 1993–2007 гг.

В последующее время раскопки некрополя продолжались, краткая информация о них публиковалась на страницах периодических изданий, публиковались отдельные погребальные комплексы. Но с результатами своего последнего полевого сезона (2014 г.) ознакомить коллег А.Е. Пуздровский не успел – в начале 2015 г. он ушел из жизни. В 2014 г. в составе Альминской экспедиции я выполнял функцию начальника

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения прикладной плановой темы «Археологические памятники варварского населения Крыма в 3 в. до н.э. – 6 в. н.э.» (1005-2015-0003), утвержденной государственным заданием отделу археологии раннего железного века ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» на 2016 г.

раскопов, а после окончания работ помогал А.Е. Пуздровскому в создании отчета о раскопках Усть-Альминского некрополя.

Исследования 2014 г. проводились в центральной части могильника на трех раскопах. Всего было изучено 21 погребальное сооружение, из которых 5 подбойных могил, 10 грунтовых могил с каменным перекрытием, 2 простых грунтовых могилы и 4 грунтовых склепа. Найденные погребальные сооружения датируются в пределах второй половины I в. до н. э. – второй половины II в. н. э. Наиболее ранним из обнаруженных объектов является склеп 1070.

Грунтовый склеп 1070 (рис. 1; 2). Погребальная камера прямоугольных очертаний, размерами 3,10 х 3,76 м, расположена к западу от входной ямы. Дно камеры находится на глубине 3,95–4,00 м от уровня современной поверхности.

На дне и в придонной части заполнения выявлены остатки захоронений. Принимая во внимание общее количество найденных черепов, можно прийти к выводу, что здесь было похоронено не менее 8 человек, но, судя по большому количеству разрозненных костных остатков, обнаруженных при выборке грунта из грабительских шурфов, следует допускать, что погребенных было больше – возможно, около 20.

Погребение 1 размещалось у западной стенки камеры. Захоронение принадлежало взрослой женщине, погребенной на дне погребальной камеры в вытянутом положении на спине, головой на юг. В районе шейных позвонков зачищены бусы из стекла, фаянса, гагата, сердолика и янтаря (рис. 1, 5), в области запястий найдены скопления бус (рис. 1, 3, 4) и золотых бляшек (рис. 1, 6, 7), которыми, были расшиты рукава одежды. Еще одно скопление бус находилось у берцовых костей (рис. 1, 2) и, вероятно, имело отношение к обуви или расшивке платья. Поверх костей таза погребенной стоял краснолаковый канфар (рис. 1, 1).

От *погребения 2* сохранилось лишь несколько костей в северо-западном секторе камеры.

Погребение 3. В северо-восточной части камеры, на дне обнаружены детские зубы, скопление бус (рис. 1, 18; 2, 2) и бронзовая подвеска (рис. 1, 19; 2, 1). Концентрированное расположение находок позволяет считать, что здесь был погребен ребенок, вероятно, головой на север, костяк которого полностью истлел.

Погребение 4. В юго-восточном секторе камеры, на высоте около 0,10–0,15 м от уровня дна находились кости ног взрослого человека, рядом зафиксировано скопление мелких бус (рис. 1, 20; 2, 3), расположенных вокруг берцовой кости, что указывает на их использование в качестве расшивки обуви или нижнего края штанов, или же в виде ножного браслета. Расположение костей указывает на то, что погребенный был положен головой на север.

Погребение 5. Поверх ступени, расположенной при спуске в камеру у восточной стенки, лежал костяк взрослого человека, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на север. Рядом с ключицей погребенного лежала железная фибула (рис. 1, 22; 2, 7), на груди найдена гагатовая бусина (рис. 1, 23; 2, 4), возле левой плечевой кости находились створки раковин (рис. 1, 15; 2, 16), в районе тазовых костей обнаружено скопление бус (рис. 1, 21; 2, 5). Вероятно, с этим же захоронением надо связывать краснолаковый, орнаментированный белой краской канфар, найденный у левого колена (рис. 1, 14; 2, 8).

Погребение 6. В северо-восточном секторе камеры, под черепом погребения 5, на дне были зачищены кости ног взрослого человека, погребенного головой на север. Остальных костей не обнаружено. Неподалеку найдено скопление бус (рис. 1, 24; 2, 10). Возможно, с этим же погребением связан гончарный флакон (рис. 1, 16; 2, 9).

Помимо того, в грунте заполнения погребальной камеры найдены четыре черепа, принадлежавшие взрослым людям, фрагменты больших лепных горшков, бусы (рис. 2, 11, 17), обломки бронзовой серьги (рис. 2, 13), железных фибул (рис. 2, 12, 14) и гвоздя, кремневый отщеп (рис. 2, 6) и фрагмент костяного предмета (рис. 2, 15).

Погребение 1 располагалось под дальней от входа западной стенкой, на дне камеры, так что следует относить к числу наиболее ранних захоронений в склепе. На основании находки краснолакового канфара оно может быть отнесено к последним десятилетиям I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.

Наиболее поздним из найденных захоронений, несомненно, является погребение 5 – костяк располагался поверх ступени, загораживая таким образам доступ в камеру. В датировке этого погребения может помочь находка гончарного флакона, вероятно, относящегося к более раннему захоронению 6. Такие сосуды распространяются на территории Римской империи и в прилежащих районах в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. и почти повсеместно выходят из употребления до второй половины I в. н. э. [Anderson-Stojanovic, 1987, p. 113]. Северо-Причерноморские комплексы с такими флаконами, как правило, датируются первой половиной I в. н. э. [Малышев, Трейстер, 1994, с. 70, рис. 6, 2], «от первых десятилетий до середины I в. н. э.» [Пуздровский, 2007, с. 171].

Таким образом, время функционирования склепа 1070 может быть определено в пределах хронологического отрезка от последних десятилетий I в. до н. э. до середины I в. н. э.

Ряд выявленных в 2014 г. объектов относится ко второй половине I – II в. н. э. Среди них несколько могил с женскими захоронениями второй половины II в. н. э. (1053, 1055, 1062), сопровождающиеся

большим количеством бус, фибулами различных типов, перстнями, бра слетами и краснолаковой посудой.

Вызывают интерес находки оружия в составе вещей из мужских погребений – железного наконечника копья из подбойной могилы 1054 и длинного железного меча (71,5 см) с навершием в виде прямоугольной пластины, происходящего из могилы с каменным перекрытием 1059.

Примечательным событием стало открытие на территории могильника двух грунтовых склепов (1067 и 1068), камеры которых соединены общей входной ямой. Погребальные сооружения, состоящие из двух камер, связанных общей входной ямой, уже встречались на территории Усть-Альминского могильника, но таких объектов известно немного – это третий случай. Оба склепа оказались ограбленными, тем не менее, в них удалось собрать ряд датирующих находок. В погребальной камере склепа 1067 захоронения совершались с третьей четверти I в. н. э. до конца I – начала II в. н. э. Сложнее решить вопрос о времени сооружения и продолжительности функционирования склепа 1068. Поскольку этот склеп оказался полностью разграбленным, основанием для его датировки могут служить лишь находки лучковой фибулы I в. н. э. и краснолакового канфара.

Наиболее поздним из выявленных в течение полевого сезона 2014 г. погребальных сооружений является могила 1069, датируемая концом II – первой половиной III в. н. э. и относящаяся к последнему периоду существования Усть-Альминского позднескифского некрополя.

Таковы краткие итоги работ, проведенных в 2014 г. Альминской экспедицией под руководством А.Е. Пуздровского.

Литература

Малышев А.А., Трейстер М.Ю. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. – М., 1994. – Вып. 5. – С. 59–86.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.

Anderson-Stojanović V.R. The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // American Journal of Archaeology. – 1987. – Vol. 91.

Рис. 1. Склеп 1070 из Усть-Альминского некрополя. План погребальной камеры, находки: 1 – краснолаковыйканфар, 2 – 5 – бусы, 6, 7 – золотые бляшки.

Рис. 2. Склеп 1070 из Усть-Альминского некрополя. Находки: 1 – бронзовая подвеска, 2 – 5 – бусы, 6 – кремневый отщеп, 7 – железная фибула, 8 – краснолаковыйканфар, 9 – гончарный флакон, 10, 11 – бусы, 12 – фрагменты железных предметов, 13 – бронзовая серьга, 14 – фрагмент железной фибулы, 15 – фрагмент костяного предмета, 16 – створки раковин, 17 – бусы.

Федосеев Н.Ф.
(Керчь)

КАТАКОМБА 7 НЕКРОПОЛЯ НИМФЕЯ

Жемчужиной некрополя Нимфея несомненно является склеп под названием «Катакомба 7». Найденный в 1899 г. помещиком А.В. Новиковым, он открывался в для осмотра в 1905 г. М.И. Ростовцевым и еще раз, в рамках изучения некрополя Нимфея, в 1973 г. Н.Л. Грач. Этот склеп стал широко известен из-за рельефных украшений стен - изображений Афины, Гермеса, Диониса, Гелия и Селены (рис. 1). Нужно отметить, что этот склеп уникален, поскольку ничего подобного ни на некрополе Нимфея, ни на других боспорских некрополей найдено не было.

О раскопках 1899 г. М.И. Ростовцев пишет, что это были «хищническое разграбление богатого Эль-Тегенского некрополя, при котором найден был ряд подземных в грунте склепов, по большей части разграбленных» [Ростовцев, 1914. С. 394]. Он пишет, что его видел А.В. Половцев[1] вскоре после открытия.

Через 6 лет, с разрешения владельца земли А.В. Новикова, склеп был вновь открыт для М.И. Ростовцева. Он сделал план катакомбы, фотограф Рубанчик сделал большие фотографии скульптур склепа, которые привлекли внимание М.И. Ростовцева. По его мнению время гробницы не определяется, поскольку была найдена разграбленной. Время катакомбы определила Н.Л. Грач по найденной здесь золотой индикации императора Галиена (253-268 гг. н.э.) [Грач, 1999. С. 137]. Из других находок следует упомянуть венчики стеклянных сосудов, обломки фибул, гипсовые украшения саркофага, листочки от золотого

[1] Половцов, Анатолий Викторович (1849-1906) - историк, чиновник земского отдела Министерства внутрутренних дел, заведующий общим архивом Министерства императорского двора.

венка, реберчатая ручка амфоры III в. н.э., фрагмент боспорской черепицы с клеймом и антропоморфное изваяние. Уточнен был не только план захоронения, но персонификация рельефов: Сатира, Пана, Афины и Силена. Возле эдикулы, в сторону Силена, есть прорись мужской фигуры в плаще, перед лицом которого надпись KAI SU (... и ты...). На левой стороне, вблизи входа изображение человеческого лица. Эти зарисовки не были замечены М.И. Ростовцевым. По мнению Н.Л. Грач время последнего захоронения в пределах последней трети III в. н.э., то есть буквально накануне гибели города от нашествия готов.

Эти характеристики добавляет описание этого склепа В.В. Шкорпилом в письме Б.В. Фармаковскому от 10 апреля 1906 г. [РГИА. Ф. 1073 Оп. 1 Д. 286.], которое осталось вне поля зрения исследователей:

«Меня и А.В. Новикова очень поразило Ваше сообщение о том, что во время прений по поводу скульптуры в Эльтигенской катакомбе было высказано некоторыми членами Русского Археологического общества сомнение насчет подлинности рельефов.Так как склеп найден теперешним моим надсмотрщиком Иваном Анищенко и двумя рабочими моей артели Яковом Шамановым и Артемом Чудиною, то я их подробно расспросил об обстоятельствах. Из рассказа я узнал:

1). Что земля в коридоре, ведущей в склеп, была твердая не перекопанная в новое время.

2). Что в склепе оказались «вторые» костяки, при которых найдены нижеперечисленные вещи: в склепе лежало в деревянных гробах девять костяков, часть. вдоль боковых стен, частью вдоль стены, находящейся против входа. Возле костяков стояли сосуды из простого стекла, некоторые были без ручек, другие с одной ручкой и напоминали формами посуду, находимую в катакомбе на северном склоне горы Митридата. Часть сосудов была разбита отвалившимися от стены и потолка кусками мягкой скалы. Найдены три пары золотых серег: одна пара была украшена подвесками в виде виноградных кистей; были крученные серьги в три проволоки и гладкие детские в виде колечка. Бусы были сделанные из янтаря, разноцветной массы и золота; последние имели форму рубчатых трубочек. Было несколько золотых перстней, кажется четыре штуки; все были украшены стеклянным изображением мухи, жука и др. Ценных перстней не оказалось. Найдены также несколько медных монеток, которые были переданы А.В. Новикову.

После открытия склепа, дня через четыре (рабочие находились в городе один раз в неделю) поехал Новиков с Думбергом в Эльтиген посмотреть рельефы. Новиков приглашал и меня, но я должен был отказаться, потому что у меня были в тот день уроки в гимназии. По

той же причине я не мог поехать в имение Мme Новиковой и тогда, когда приехал покойный А.В. Половцев, написавший впоследствии об этой поездки фельетон в Московских ведомостях. Таким образом, мне удалось впервые увидеть эти замечательные скульптуры только летом прошлого года, хотя я знал о них со времени открытия, происшедшего в 1899 г. или в 1902 г.

Мой надсмотрщик сообщил мне также, что он с своими товарищами открыли в одном и том же месте ряду сорок таких же больших склепов и три маленьких детских. Ни в одном не было лежанок, потому что мягкая скала не дозволяла их строить. Шаманов говорил, что еще в одной из этих катакомб находится на потолке рельефное изображение, но что он уже не помнит, в какой именно. Для того, чтобы отыскать его, пришлось бы открыть все склепы, а это пока невозможно, так как земля заарендована и арендатор страшный враг всяких раскопок.

С истинным уважением преданный Вам,

Вл. Шкорпил.

г. Керчь, 10 апреля 1906 г.»

Это описание принадлежит Владиславу Вячеславовичу Шкорпилу - на мой взгляд лучшему из директоров Керченского музея, знатоку древних языков и автору более 100 научных статей. Но на время открытия склепа он был преподавателем Керченской гимназии и заведующим музеем Мелек-Чесменского кургана. Только с 1901 г. он возглавил Керченский музей древностей. Как следует из его письма, попал он в склеп только в 1905 г., весьма вероятно сопровождая М.И. Ростовцева. Рассказывал ли он М.И. Ростовцеву обстоятельства находки? Скорее всего нет, ведь поводом для его расследования стали сомнения в подлинности рельефов Русским Археологическим Обществом (РАО).

Адресует В.В. Шкорпил письмо Б.В. Фармаковскому - ученому секретарю РАО, с которым завязались у Шкорпила дружеские отношения. В РГИА хранятся еще несколько писем Б.В. Фармаковскому, где В.В. Шкорпил информирует об археологических исследованиях в Керчи, о реставрации ваз из Ольвии, о рисунках вещей, купленных у Е.Запорожского, об участии керченского надсмотрщика в раскопках Ольвии. Б.В. Фармаковский несколько раз посещал Керчь, он бывал в Керченском музее и присутствовал на раскопках В.В. Шкорпила на некрополе у Цементной слободки. О раскопках самого Фармаковского в Керчи остались неизвестно: в октябре 1902 г. им, при содействии В.В. Шкорпила, был раскопан расписной склеп. Материалы остались неопубликованными [Шестаков, 2006]. Есть в РГИА и письмо сына

Владислава Шкорпила - Владимира, датированное 25.02.1921 г., с просьбой к Б.В. Фармаковскому о помощи в поездке в Керчь, чтобы навестить родных.

В упомянутом фельетоне А.В. Половцева «Русские Помпеи» в Московских ведомостях говорится: «Владелец предложил ему посетить раскопки и ознакомиться с только что обнаруженной катакомбой, украшенной скульптурами на стенах... влезаем в низкое отверстие, оборачиваемся к выходу, зажигаем свечи... первое впечатление, что это – женщина в странном головном уборе, но по ближайшем рассмотрении оказывается, что это – молодой воин, римский центурион в шлеме и панцире. Очень хорошо бы вынуть эти барельефы...[2] Направляемся к другой катакомбе, где живут рабочие... Любезный хозяин угощает пивом из античного стеклянного сосуда... Новиков объяснил мне, что он не в состоянии производить правильные раскопки и вынужден пользоваться услугами и опытностью «счастливчиков». Он убежден, что они отдают ему лучшие вещи. Предметы второстепенного достоинства он уступает им самим, и они их продают. Это уже их доход...» [Неверов, 2006, с.193].

Упоминаемый А.В. Новиков – владелец земель в Эльтигене и одной из богатейших коллекции древностей в городе, активный помощник музея. Член многих городских комиссий активно сотрудничал с Императорской Археологической Комиссии, член Таврической ученой архивной комиссии, член Одесского общества истории и древностей. На период поездки по Греции в апреле-мае 1904 года директор музея В.В. Шкорпил передал ему заведование музеем. По определению М.И. Ростовцева А.В. Новиков - «просвещенный и любящий нашу науку и last but not least»[3] Между столичным профессором и керченским помещиком завязалась дружба и кода в 1909 г. на берегу моря в Эльтигене был найден мраморный блок с надписью – греческой эпиграммой в честь некоей Гликарии, А.В. Новиков послал М.И. Ростовцеву прорисовку этой надписи. Профессор М.И. Ростовцев сделал для великого князя Константина Константиновича Романова перевод, по которому тот написал поэтический вариант эпиграммы [Зуев, 1997].

Коллекция А.В. Новикова хранится в Эрмитаже и в Музее Эшмола в Оксфорде. А.В. Новиков умер в 1916 г. в возрасте 73 лет, оставив после себя добрую память. После революции часть его книг и коллекции попала в Керченский музей. В Керченском музее хранятся стеклянные

[2] Мысль актуальная и по сей день. На мой взгляд было бы разумным создать в керченском лапидарии копию катакомбы №7 с реальными рельефами.

[3] «Последний по счету, но не по значимости» [Ростовцев, 1906, с. 230].

негативы[4], среди которых есть фотография стеклянных сосудов из коллекции А.В. Новикова (рис. 2). Возможно, что среди этих сосудов есть и найденные в катакомбе №7?

В сообщении В.В. Шкорпила упоминается, что рабочие открыли 40 склепов, в то время как у Н.Л. Грач описывается лишь 22 катакомбы с одной стороны и три с другой. Возможно, что остальные катакомбы находятся по другую сторону аллеи [Грач, 1999. С. 112]. Еще одно рельефное изображение описанное одним их рабочих, по всей вероятности открыто в катакомбе №11. В рельефе высечено бородатое лицо мужчины [Грач, 1999. С. 124].

Внимания заслуживает упоминание М.И. Ростовцева, что родина гробниц, украшенных скульптурами, - несомненно Малая Азия, откуда этот род гробниц распространился и в Сирии, зашел и к нам в Боспорское царство. Помимо упомянутой еще одной катакомбы с рельефным изображением на некрополе Нимфея, следует упомянуть склеп на кызаульском некрополе с рельефным изображением Геркулеса [Федосеев, 2014]. В некрополях Боспора этого времени весьма часты находки сосудов из сирийского стекла [Кунина, 1964; Кунина, 1973; Сорокина, 1965], в том числе и из некрополя Нимфея [Кунина, 2005; Кунина, 2004]. Кроме Н.В. Пигулевской и Н.Н. Болгова [Болгов, 2004; 2004а; 2004б] вопрос о сирийском влиянии практически никто не рассматривал. Именно из Сирии в Причерноморье попадали многочисленные христианские реликвии и предметы благочестия (кресты, ампулы-евлогии, энколпионы, стекло и т.д.). Рельефы из катакомб имеют некую сирийскую основу, этот вопрос надо рассматривать не только в искусствоведческой плоскости, но и рамках фильтрации в Причерноморье элементов языческих культов Малоазийского - Сирийского региона.

Интересно также рассмотреть и хтоническую сторону Силена, Пана и Афины. К сожалению, мне не удалось обнаружить в литературе статей, раскрывающих именно хтоническую сущность Афины. Я не берусь утверждать, но на мой взгляд, существует какая-то связь между изображением Силена на рельефе катакомбы из нимфейского некрополя и головой, которую держит в руках змееногая богиня на бляшках из Куль-Обы.

С Сирией, возможно, связана и надпись KAI SU. Она является стяженной юнктурой распространенной на полах и камнях формулы:

[4] Хочу еще раз обратить внимание к этой коллекции. Стеклянные негативы требуют немедленного разбора, сортировки, оцифровки. К сожалению, около ста лет такой массив информации остается недоступен для исследователей.

χαῖρε καὶ σύ[5]. Эта надпись представлена на мозаиках Антакьи, турецкого города на границе с Сирией, древней Антиохии. На мозаиках изображен Приап и горбун, которые сопровождает надпись KAI SU. Считается, что они имеют апотропеический смысл. Встречается она и в погребальных памятниках, где как правило призвана оградить от могильных грабителей. Так, на траурной надписи памятника Flauius Iulianus в Катюра, формула зловеще предупреждает, что не следует нарушить могилу [Brenk, 1999]. В любом случае, надпись из катакомбы №7 достойна отдельной публикации.

Литература

Российский государственный исторический архив. Письма Б.В. Фармаковскому Шкорпила Владислава Вячеславовича, ст. сов., члена имп. археологической комиссии, директора керченского музея древностей. Ф. 1073. Оп. 1 Д. 286.

Болгов Н.Н. Сирийские культурные влияния в позднеантичном Северном Причерноморье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. 1. Киев – Судак, 2004. С. 17-19.

Болгов Н.Н. О сирийских культурных влияниях в позднеантичном Северном Причерноморье // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004а. С. 61-62.

Болгов Н.Н. Сирийский пласт формирования ранневизантийской культуры Северного Причерноморья (статья) // Материалы IX Чтений памяти проф. Н.П. Соколова. Н. Новгород, 2004б. С. 9-12.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. Санкт-Петербург, 1999. 328 с.

Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и великий князь Константин Константинович // Скифский роман. Москва, 1997. С. 233-247.

Кунина Н.З. Группа сирийских стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея // ТД на юбилейной сессии Государственного Эрмитажа, 1964. Октябрь. С. 34–36.

Кунина Н.З. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея // Памятники античного прикладного искусства. Ленинград, 1973. С. 101–150.

Кунина Н.З. Стеклянный кувшин IV в. н.э. из некрополя Нимфея // БИ. Вып.X. Симферополь-Керчь, 2005. С.196-200.

Кунина Н.З. Стеклянный кувшин с христианскими символами из Эльтигена // Византия в контексте мировой истории. Материалы научной конференции, посвященной памяти А.В. Банк. Санкт-Петербург, 2004. С. 82–86.

[5] Я благодарю А.В. Белоусова за указание на существующую литературу.

Неверов О.Я. Коллекция А.В. Новикова // Боспорский город Нимфей. ТД конф. Санкт-Петербург, 1999. С. 58–60.

Неверов О.Я. Коллекция керченских древностей А.В. Новикова // БИ. Вып.XIII. Симферополь, Керчь, 2006. С.189-206.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Санкт-Петербург, 1914. Т.1. Изд. ИАК XVIII, 537 с.; Атлас. Санкт-Петербург, 1913. Изд. ИАК 4, 10, 21 с. 112 с. илл.

Сорокина Н.П. Сирийский стеклянный сосуд из собрания Одесского музея // КСОАМ за 1963 год. 1965. С.185–189.

Шестаков С.А. В.В. Шкорпил и археография // VII Таврические научные чтения г. Симферополь, 19 мая 2006 г. Сборник материалов. 1 часть. Симферополь, 2007. С. 148-151.

Федосеев Н.Ф. Склеп «Геркулеса» на некрополе Кыз-Аул и вопросы датировки уступчатых склепов // ДБ 18. М., 2014. С.431-451.

Brenk, S. J. F. E. The KAI SU Stele in the Fitzwilliam Museum, Cambridge // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 126. (1999). S. 169–174.

Рис. 1. Катакомба 7 по Н.Л. Грач (1999).

Рис. 2. Стеклянные сосуды из коллекции А.В. Новикова. Фото из архива Керченского музея.

Хайрединова Э.А.
(Симферополь)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА КРЫМСКИХ ГОТОВ[1]

Традиционный женский костюм является полноценным историческим источником, иллюстрирующим сложный процесс этногенеза и позволяющим проследить историю народа, его быта

[1] Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

и культуры. Женский костюм крымских готов известен, в основном, по находкам из могильников – по металлическим функциональным деталям одежды (пряжкам и фибулам) и различным украшениям.

Накопление археологического материала и его интерпретация. Предметы женского готского костюма попадают в поле зрения исследователей в конце XIX в. В основном, это были богатые находки из Боспорского некрополя, поступившие в Российские и иностранные музеи, либо попавшие в руки антикваров и частных коллекционеров [Baye 1892]. На основании этих находок, еще до начала систематических раскопок в Керчи и Юго-Западном Крыму, Ж. де Бай выделил главные элементы готского женского костюма: пальчатые фибулы, пряжки с прямоугольным щитком и 14-гранные серьги [Baye 1891].

В начале XX в. в Керчи и Юго-Западном Крыму проводились широкомасштабные раскопки раннесредневековых некрополей. В ходе раскопок В.В. Шкорпила на горе Митридат в 1902-1909 гг., в склепах на Госпитальной улице были выявлены не разграбленные позднеантичные и раннесредневековые погребения. Однако печатные отчеты об этих раскопках лишены иллюстраций, а описание найденных пряжек, фибул и серег сведено к констатации их принадлежности к «готскому» стилю [Шкорпил 1907; Шкорпил 1909]. В 1903-1905 и 1907 гг. Н.И. Репников раскопал 200 погребальных сооружений в Суук-Су, зачистил отдельные погребения в Бал-Готе и Узень-Баше, а также зафиксировал несколько находок из полностью разрушенных могильников в Артеке и Кореизе [Репников 1906; Репников 1907; Репников 1909]. Благодаря находкам византийских монет в не разграбленных погребениях, а также публикации материалов раскопок на высоком научном уровне, с подробным описанием всех комплексов инвентаря, могильник Суук-Су достаточно долго оставался единственным памятником для построения хронологии раннесредневековых древностей не только Крыма, но и варваров Центральной и Западной Европы.

Анализу стилистических особенностей крымских находок и поиску их прототипов посвящены исследования А. Гетце и Б. Салина. А. Гетце собрал и исследовал большие поясные пряжки с рельефной орнаментацией: наметил основные типы, хронологию, районы распространения и связал их с готами, расселившимися от Крыма до Испании [Götze 1907]. Шведский археолог Б. Салин учел все известные ему фибулы и пряжки IV-VII вв. из Крыма и Подунавья и установил, что пальчатые фибулы с ромбической ножкой и рельефным декором возникли на Среднем Дунае под влиянием провинциального искусства, а впоследствии проникли на Боспор и в Италию [Salin 1914]. Иная точка зрения на происхождение «готских» вещей сложилась у российских археологов. По мнению М.И. Ростовцева, готы, проникшие

в Южную Россию, адоптировали местную, развитую греко-сарматскую культуру и немного модифицировали ее в соответствии со своими вкусами [Rostovtzeff 1923]. Л.А. Мацулевич также связывал появление на Боспоре пальчатых фибул и больших пряжек с развитием в местных ювелирных мастерских позднеантичных и сарматских традиций [Мацулевич 1926]. Л.А. Мацулевич сделал важный шаг в разработке хронологии: он выделил два этапа в развитии вещей так называемого «готского» стиля в Керчи. Находки «типа Суук-Су» исследователь считал «последующим вариантом тех же керченских типов» [Мацулевич 1926]. Хронология Л.А. Мацулевича на несколько десятилетий стала общепринятой.

Развернувшиеся в 1950-60 гг. археологические исследования раннесредневековых могильников в Юго-Западном Крыму дали новые материалы, которые позволили уточнить некоторые вопросы хронологии и дополнить представление о женском костюме. В.В. Кропоткин на основании анализа погребального обряда и инвентаря женских захоронений из Чуфут-Кале пришел к заключению, что могильник принадлежал смешанному алано-готскому населению горного Крыма [Кропоткин 1958]. Большое значение для окончательного выяснения хронологии нижнего слоя Суук-Су имела опубликованная в 1961 г. работа В.К. Пудовина [Пудовин 1961]. На основании комплексов вещей из погребений и их датировки по находившимся там монетам и малым византийским пряжкам, он показал, что наиболее обоснованная дата нижнего слоя Суук-Су – вторая половина VI и первая половина VII в. В 1964 г. выходит монография А.Л. Якобсона «Средневековый Крым», которая стала первым исследованием по истории Крыма, обобщившим все имеющиеся на тот момент данные письменных источников и результаты археологических раскопок. А.Л. Якобсон отнес считавшиеся ранее готскими древности к «коренному, греко-аланскому» населению [Якобсон 1964].

В 1950-70-х годах несколько важных для изучаемой темы работ было опубликовано зарубежными исследователями. Отметим, прежде всего, труды Й. Вернера по древностям Подунавья и Западной Европы. В 1961 году он издал каталог фибул из коллекции И. Диргардта, в котором представлены и находки из Северного Причерноморья [Werner 1961]. Й. Вернер отметил, что именно для готов, в отличие от других германских племен, было характерно ношение парных фибул на плечах в костюме с большой поясной пряжкой, что хорошо прослеживается по находкам из погребений готов Крыма, визиготов Испании и остготов Италии. В 1975 г. вышла монография Ф. Бирбрауера, в которой дана развернутая картина археологического наследия королевства остготов в Италии. В книге опубликован исчерпывающий каталог

остготских находок из Италии и сопредельных стран, охарактеризован традиционный женский костюм [Bierbrauer 1975].

Новый этап в изучении раннесредневековых древностей Крыма связан с исследованиями А.К. Амброза и А.И. Айбабина. Используя накопленный в ходе раскопок материал и результаты зарубежных исследователей, А.К. Амброз создал единую относительно-хронологическую систему, показывающую взаимосвязь между всеми этапами разных культур IV-IX вв. на обширных пространствах Южной Европы и Азии [Амброз 1971]. Важны выводы А.К. Амброза о тесных генетических связях ювелирного искусства Крыма со Средним Подунавьем [Амброз 1968]. Именно в названном регионе сложились основные элементы женского костюма и оттуда были заимствованы населением Крыма. А.К. Амброз отметил, что в раннесредневековой материальной культуре Юго-Западного Крыма наиболее ярко выражен готский компонент, проявившийся в женском этнографическом костюме второй половины VI-VII вв. [Амброз 1994/1994]. А.И. Айбабин продолжил начатую А.К. Амброзом работу по хронологизации крымских древностей. Значительно расширив источниковедческую базу за счет находок, полученных как в ходе собственных раскопок, так и происходящих из раскопок других исследователей и хранящихся в различных музеях, он разработал детальную типологию археологического материала раннесредневековых памятников Крыма [Айбабин 1990; Айбабин 1999]. В монографии «Этническая история ранневизантийского Крыма» исследователь представил принципиально новую научную концепцию этнокультурной и политической истории Крымского полуострова с IV по X вв., основанную на комплексном исследовании письменных и археологических источников [Айбабин 1999]. А.И. Айбабин аргументировано локализовал страну Дори Прокопия Кесарийского в Юго-Западном Крыму, между Алуштой и низовьями реки Черная. Он также убедительно доказал, что выявленные на ее территории могильники принадлежали единому населению – готам и аланам.

В 1980-90-х годах многочисленные публикации материалов раскопок и музейных коллекций значительно расширили источниковедческую базу для изучения костюма. Опубликованы материалы раскопок могильника Скалистое – единственного в Крыму почти полностью исследованного памятника, непрерывно функционировавшего в V-IX вв. [Веймарн, Айбабин 1993]. Издано несколько коллекций из зарубежных музеев, в состав которых входят и находки V-VII вв. из Керчи и Юго-Западного Крыма [Andrási J., Aibabin 1008; Damm 1998].

Для изучения костюма важно знать, в каких сочетаниях носили перечисленные выше детали и как они лежали в погребении. Поэтому особое значение имеют не разграбленные захоронения, с

зафиксированным *in situ* на костяке расположением остатков одежды. В Юго-Западном Крыму таких погребений насчитывается не более 170, в основном они зачищены в Суук-Су и Лучистом. Могильник у с. Лучистое – единственный памятник, на котором выявлены не разграбленные погребения всего исследуемого периода [Айбабин, Хайрединова 2008; Айбабин, Хайрединова 2014]. Только в Лучистом найдены все известные на сегодняшний день типы больших пряжек. Пряжки с прямоугольным щитком с христианской символикой и орлиноголовые поясные застежки представлены большими сериями, что дает возможность рассмотреть все разновидности костюма и их особенности. Многие женские погребения выявлены в склепах с многослойными захоронениями, что позволяет проследить изменения в костюме на протяжении долгого времени и на примере одной семьи. Большинство погребений на могильнике зачищено в присутствии автора. Личные многолетние полевые наблюдения и фиксация расположения вещей *in situ* позволили определить их назначение и место в костюме, а также сделать более точные реконструкции [Хайрединова 2000].

История изучения костюма. В специальных, обобщающих работах по истории костюма отсутствуют данные об одежде жителей раннесредневекового Крыма. Историки моды изучают костюм древних народов, как правило, по изобразительным материалам, сохранившимся образцам одежды и по данным письменной традиции. Ни одного из перечисленных источников жители Крыма эпохи раннего средневековья после себя не оставили. Тем не менее, необходимо учитывать исследования по истории моды, поскольку в них отражены общие, характерные для многих народов тенденции в развитии одежды интересующего нас времени. Особенно важны работы, посвященные раннесредневековому костюму византийцев и народов Западной Европы [Martinelli 1969; Houston 2003].

В 20-х годах XX вв. появляется ряд исследований по истории византийского искусства, в рамках которых рассматривается и костюм. Н.П. Кондаков [Кондаков 1929; Кондаков 1998], Ж. Эберсольт [Ebersolt 1923] и Н.М. Беляев [Беляев 1926] используют сведения письменных источников и сопоставляют их с «материалом изобразительным и вещественным» [Беляев 1926]. В обширном исследовании П. Каламары рассматривается византийская одежда IV-XI вв. различных социальных и половозрастных групп, а также особенности костюма нескольких регионов империи [Kalamara 1995]. Автор, наряду с иконографическим материалом, привлекает многочисленные свидетельства письменных источников, а также сохранившиеся целые образцы одежды и фрагменты тканей. Перечисленные работы важны также тем, что в них

воспроизведен обширный иконографический материал, являющийся источником для реконструкции одежды.

Отдельно остановимся на серии работ, посвященных реконструкции древней одежды по археологическим материалам. В публикации материалов раскопок могильника Суук-Су Н.И. Репников обратил внимание на функциональное назначение отдельных элементов одежды. Он отметил парность фибул, высказал предположения об использовании их в качестве застежек для верхней одежды типа плаща и о назначении некоторых украшений [Репников 1906].

Большое значение для изучения раннесредневекового костюма варваров имело открытие в 1959 г. в крипте базилики Сен-Дени, в саркофаге №49 богатой могилы с текстильными остатками [France-Lanord, Fleury 1962]. Исследователи связывают это погребение с меровингской королевой Арегондой, супругой Хлотаря I, умершей около 590/600 г. [Périn 1991]. М. Флёри детально изучил все текстильные остатки из саркофага, на основании чего А. Франс-Лянор реконструировал одеяние королевы. Впоследствии П. Перэн уточнил назначение некоторых металлических аксессуаров и предложил новую реконструкцию одежды Арегонды [Périn 1991]. Ф. Бирбрауер, в упоминавшейся выше монографии о древностях остготов в Италии, посвятил целую главу реконструкции женского костюма этого народа [Bierbrauer 1975]. На основании находок из женского погребения первой половины V в. из Хохфельдена он пришел к заключению, что фибулами застегивалась верхняя одежда типа плаща [Bierbrauer 1975]. Однако, в более поздних работах Ф. Бирбрауер, опираясь на исследования М. Мартина [Martin 1995], пересмотрел назначение фибул, сочтя их наплечными застежками одежды типа пеплоса [Bierbrauer 1997].

М. Мартин, восстанавливая раннесредневековый костюм с фибулами, использовал изображения на древнегреческих сосудах VI в. до н.э., а также, в качестве аналогии – реконструкции женской одежды эпохи бронзы и периода Латена [Martin 1995]. Исследователь пришел к заключению, что фибулами на плечах застегивали платье наподобие пеплоса, и что одежда такого типа дольше всех задержалась у остготов и вестготов [Martin 1995]. М. Мартин некорректно использовал эллинистические изображения для реконструкции одежды раннесредневековых народов. Отметим, что в одной из первых статей автор настоящей работы также представила одеяние погребенной из Лучистого, из склепа 54 в виде пеплоса – платья, застегивавшегося на плечах фибулами [Айбабин 1999, рис. 66]. Однако впоследствии мы отказались от такой интерпретации. Иконографические материалы и реконструируемый костюм должны соответствовать по времени и принадлежать одному культурному кругу. Перемены в одежде в позднеримское время, а именно – исчезновение греко-римской одежды

с драпировкой (в том числе и пеплоса) и повсеместный переход на далматику – документированы многочисленными изобразительными памятниками и находками целых образцов одежды [Кондаков 1929].

И. Дамм реконструировала женский костюм эпохи переселения народов, используя материалы опубликованных отчетов В.В. Шкорпила о раскопках на Госпитальной улице [Damm 1999]. На наш взгляд, эти реконструкции носят условный характер: по ним можно только представить расположение вещей на одежде, однако совершенно не понятно их функциональное назначение. Фибулы изображены таким образом, что представляются декоративными брошами. Большие сомнения вызывает и реконструкция, определенная И. Дамм как «костюм остготской женщины VI в.», выполненная якобы по материалам могильника Суук-Су [Damm 2000]. Представленная на ней одежда подвязана поясом с орлиноголовой пряжкой керченского типа, а на плечах застегнута пальчатыми фибулами типа Аквилея/Удине-Планис, соединенными между собой цепью. Отметим, что керченские орлиноголовые пряжки в Суук-Су не известны. В Юго-Западном Крыму единственная такая пряжка найдена на некрополе Эски-Кермена, в могиле 315, где она лежала на костяке вместе с двупластинчатыми фибулами. Фибулы типа Аквилея/Удине-Планис *in situ* зачищены только в четырех погребениях из Лучистого, где они зафиксированы в наборах с большой пряжкой с прямоугольным щитком. Кроме того, нам не известны случаи украшения фибул этого типа цепью. Представленный на реконструкции гарнитур скорее характерен для жительниц Боспора. Однако и в этом случае из него следует исключить цепь. Спорен и фасон реконструированной одежды, представленной в виде античного пеплоса, застегнутого на плечах фибулами. Отметим, что это мало соответствующая действительности реконструкция уже цитируется исследователями. Так, Ф. Бирбрауер, без всяких оговорок использовал ее в качестве иллюстрации «пеплоса крымских готов по находкам из Суук-Су» [Bierbrauer 2008].

Изучение женского костюма крымских готов остается актуальным и перспективным направлением в исследованиях по раннесредневековой истории Крыма. Главной задачей является комплексное изучение костюма и реконструкция его основных типов на основании археологических материалов, при привлечении данных иконографии и письменной традиции.

Литература

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.

Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). / Боспорские исследования. Supplementum 4. Симферополь – Керчь, 2008.
Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у с.Лучистое. Том II. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993-1995 гг. / / Боспорские исследования. Supplementum 14. Симферополь – Керчь, 2014.
Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв) // КСИА. 1968. №113.
Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. №2.
Амброз А.К. Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. Симферополь, 1994/1995. Вып. IV.
Беляев Н.М. Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Prague, 1926.
Веймарн Е.В., Айбабин. А.И. Скалистинский могильник. К., *1993*.
Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: в 2-х т. Т. 1. М., 1998.
Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма // СА. 1958. XXVIII.
Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су (550-650 гг.) // СА. 1961. №1.
Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.
Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ЗООИД. 1907. Т. XXVII.
Репников Н.И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 году // ИАК. 1909. Вып. 30.
Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 2000. Вып. VII.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г.Керчи в 1904 г. // ИАК. 1907. Вып. 25.
Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г.Керчи в 1905 году // ИАК. 1909. Вып. 30.
Якобсон А.Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.-Л., 1964.
Andrási J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. London, 2008.
Baye J. De l'influence de l'art des Goths en Occident. Communication faite au Congrès historique et archéologique de Liège (août 1890). Paris, 1891.

Baye J. La bijouterie des Goths en Russie // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. Paris, 1892. T. LI.
Bierbrauer V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto, 1975.
Bierbrauer V. Les Wisigoths dans le royaume franc // Antiquités nationales. 1997. N29.
Bierbrauer V. Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich // Bayerische Academie der Wissenschaften. München, 2008. Heft 131.
Damm I.G. Goldschmiedearbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2. // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Berlin, 1988. Band 21.
Damm I.G. Völkerwanderungszeitliche Frauentracht // Unbekannte Krim. Archäologische Schätze aus drei Jahrtausenden. Heidelberg, 1999.
Damm I.G. Huns and Goths: Jewerly from the Ukraine and Southern Russia // From Attila to Charlemagne. Arts of the Early Medieval Period in The Metropolitan Meseum of Art. Yale, 2000.
Ebersolt J. Les arts somptuaires de Byzance. Etude sur l'art impérial de Constantinople. Paris, 1923.
France-Lanord A., Fleury M. Das Grab der Arnegundis in Saint-Denis // Germania. 1962. N40.
Götze A. Gotische Schnallen. Berlin, 1907.
Houston M.G. Ancient Greek, Roman and Byzantine Costume. New York, 2003.
Kalamara P. Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle. Thèse du Nouveau Doctorat. T. I. Paris, 1995.
Martin M. Schmuck und Tracht der frühen Mittelalters // Frühe Baiern im Straubinger Land. Straubing, 1995.
Martinelli P.A. Il costume femminile nei mosaici Ravennati // Corsi di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina. N16-29, Marzo. Ravenna, 1969.
Périn P. Pour une révision de la datation de la tombe d'Arégonde, épouse de Clotaire I, découverte en 1959 dans la basilique de Saint-Denis // Archéologie Médiévale. 1991. T. XXI.
Rostovtzeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch // Monuments et mémoires. Paris, 1923. T. XXVI.
Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda : problemas de cronologia y tipologia // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. Rouen, 1991.
Ripoll López G. La necropolis visigoda de El Carpio de Tajo. Una nueva lectura a partir de la topocronologia y los adornos personales // Butlleti de la Reial Academia Catalana de Belles Arts de Sant Jordi. Barcelona, 1993-1994. № VII-VIII.
Salin B. Die Altgermanische Thierornamentik. Stockolm, 1904.

Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitlicher Schmuck). Bd. 1. Die Fibeln. Berlin, 1961.

Храпунов Н.И.
(Симферополь)

ЭДВАРД-ДАНЬЕЛ КЛАРК О КРЫМСКИХ ДРЕВНОСТЯХ: КАК СДЕЛАТЬ АРХЕОЛОГИЮ ОРУДИЕМ ИДЕОЛОГИИ[1]

Имя Эдварда-Даньела Кларка (1769–1822 гг.), британского путешественника и ученого-энциклопедиста, известно, пожалуй, всем исследователям древнего Крыма. Побывав на полуострове в 1800 г., Кларк через несколько лет опубликовал подробное описание своего путешествия. Это сочинение стало одним из первых энциклопедических исследований Крыма, его физической географии, флоры и фауны, населения и городов, экономики и военного положения, истории и археологии. Особое внимание было уделено состоянию памятников древности [Clarke, 1817]. Кларк создал на редкость непривлекательный образ России и русских, проиллюстрировав его, в частности, многочисленными примерами губительного отношения новых хозяев Крыма к археологическому наследию. Живой, эмоциональный стиль Кларка и информативность его записок снискали им огромную популярность у современников и последующих поколений исследователей. Однако вопрос об использовании археологии как одного из ключевых аргументов в созданной Кларком «карте

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

цивилизации» и предложенной им программе политических действий Великобритании в Причерноморье до сих пор поставлен не был.

Путешественника поразило богатство античного наследия Крыма. По его словам, древности Боспора превосходят памятники Италии: «*Почему же просвещенные путешественники не едут в эти края, где земля вымощена мраморными надписями, где историю можно поднять из могилы, и где скифы, бóльшие варвары, чем их предки – антропофаги, погребают ценнейшие свидетельства в фундаментах своих крепостей? О, если бы турки и татары снова стали хозяевами этой земли!*» [Otter, 1827, p. 292–293]. Здесь под «скифами» Кларк разумеет русских. Нужно отметить, что общественная мысль Западной Европы XVIII в. традиционно представляла русских как варваров, причем детали этого образа у разных авторов разнились, иногда весьма существенно [см.: Вульф, 2003; Нойманн, 2004, с. 111–125]. Кларк же дополняет его новыми чертами, в частности, неспособностью понять значение материального наследия античности. В это время в Европе возникает мода на античность и представление о Греции как о колыбели европейской цивилизации [Eisner, p. 63–88], потому обвинение в небрежении греко-римскими древностями должно было придать убедительности рассуждениям о «русском варварстве».

Британец приходит к неутешительному выводу: над великолепными памятниками Крыма нависла страшная угроза, ведь новые хозяева полуострова неуклонно и безжалостно стирают их с лица земли. Так, они почти полностью уничтожили античные постройки в Керчи и ее окрестностях [Clarke, 1817, p. 110–126], а также на Гераклейском полуострове [Clarke, 1817, p. 207]. Развалины Херсонеса и его хоры стали каменоломней, откуда брали материалы для строительства Севастополя. Таково обычное поведение русских, заключает Кларк, которые точно также поступили бы с древностями Эгейского побережья. «*Если Архипелаг когда-нибудь попадёт во власть русских, прекрасные остатки Древней Греции будут разрушены, Афины будут снесены до основания, не останется и камня, показывающего, где стоял город. По сравнению с русскими турки обладают вкусом и глубокой учёностью*» [Clarke, 1817, p. 207]. Характерно, что, рассказывая об османской крепости в Керчи, Кларк обнаружил там «*прекрасный мраморный фонтан, сложенный из античных материалов, где видны не только турецкие буквы, но и греческая надпись с более древней датой*» [Clarke, 1817, p. 122], но такое использование древних фрагментов для строительства у него осуждения не вызывает, ведь это было сделано турками. Не возмутило его и то, что пещерные церкви в Инкерманских скалах сделались обиталищем татарских пастухов и их коз, а высеченные в камне гробницы превратились в поилки для

скота [Clarke, 1817, p. 205]. Очевидно, Кларк прекрасно понимал, когда нужно выдвигать обвинения в уничтожении памятников прошлого, а когда закрывать на это глаза.

Русские не ограничивались разрушением античных древностей, сделав жертвой своего варварства и средневековые поселения. Почти до основания разрушена была османская Кафа (современная Феодосия) – русские солдаты разрушали мечети, валили минареты, уничтожали водопроводы и фонтаны, переплавив свинцовые архитектурные детали на пули, а камни взяв для собственных построек [Clarke, 1817, p. 144–147]. В Карасу-Базаре (ныне Белогорск) на строительство пошли надгробия с татарских кладбищ, хотя вокруг имелись залежи превосходного известняка [Clarke, 1817, p. 159]. Фактически стерли с лица земли некогда цветущий торговый порт Кезлев, даже его имя заменив на совершенное неуместную Евпаторию, хотя древний город с таким названием находился в другом месте [Clarke, 1817, p. 305–306]. В руинах лежала столица Крымского ханства – Бахчисарай, а загородная резиденция ханов в Ашламе попросту исчезла [Clarke, 1817, p. 172–173]. Последнее, впрочем, неверно – российское правительство сначала намеревалось сохранить дворец, впрочем, быстро отказавшись от этой идеи, но в любом случае его остатки можно было осмотреть и лет через 30 после Кларка [Храпунов, 2014, с. 145]. Несколькими страницами ниже британец вынужден признать и то, что главный ханский дворец в Бахчисарае сохранялся в порядке по указанию Екатерины II [Clarke, 1817, p. 180–184]. Кларк, кажется, не понял (или предпочел не заметить), насколько это противоречит его обвинения в адрес русских.

По словам путеешственника, в Крыму уцелели те памятники прошлого, естественной защитой которых стала самая природа. Так, Успенский монастырь близ Бахчисарая сохранился потому, что русским не удалось разрушить скалу, в которой он был высечен [Clarke, 1817, p. 188], а памятники Мангупа сохранились благодаря труднодоступности плато [Clarke, 1817, p. 279]. Ак-Мечеть (нынешний Симферополь) был спасен заступничеством Палласа [Clarke, 1817, p. 164–165], которого Кларк почитает едва ли не единственным достойным человеком в этих краях, последним огоньком европейского просвещения во мраке варварского невежества.

Еще одним свойством русского варварства Кларк считал запрет на вывоз за границу памятников древней скульптуры и эпиграфики, на что неоднократно жаловался в своих записках и письмах. И если ему удалось доставить в Англию несколько надписей и рельефов из Тамани и Крыма [Clarke, 1817, p. 82; Clarke, 1809], то русские власти в Керчи, Феодосии и Севастополе категорически запретили вывозить

купленные здесь по бросовой цене мраморы [Otter, 1827, p. 293–294, 298–299; Clarke, 1817, p. 119, 149, 207–208]. Кларк скупал древности и в других местах – так, с острова Патмос он вывез коллекцию рукописей [Лемерль, 2012, с. 314], а из Элевсина – кариатиду, которую принял за изображение Цереры [Hamiliakis, 2008, 276–277]. Однако отправляя древности в Англию, Кларк заботился не только об их «сохранении», но и собственных карьере и кармане. Продажа коллекций в музеи английских университетов обеспечила ему солидный доход и способствовала получению докторской степени [подробнее: Храпунов, 2011, с. 608; Храпунов, 2014, с. 149–150]. Так, препятствуя коммерческому предприятию Кларка, русские власти навлекли на себя очередное обвинение в варварстве – хотя фактически они сохранили эти памятники для будущих российских музеев.

Подводя итоги своим наблюдениям, Кларк призывает европейские державы, и прежде всего Англию, силой вернуть Крым Османской империи, что, по его мнению, будет нетрудным делом, учитывая разложение русской армии и нелюбовь крымских татар к завоевателям [Clarke, 1817, p. 268–272]. И хотя в этом отрывке Кларк не вспоминает о печальной судьбе крымских древностей, должно быть, для него она была одним из аргументов, способных убедить читателя в его правоте, раз уж он неоднократно возвращался к этой теме.

Несомненно, после присоединения Крыма к России нередки были случаи разрушения памятников античной, византийской, генуэзской и мусульманской археологии и архитектуры. Свидетельства этого имеются в источниках, несмотря на то, что российское правительство и частные лица предпринимали различные меры к изучению и сохранению древностей [Бертье-Делагард, 1893, с. 5–8; Тункина, 2002, с. 39–54; Храпунов, 2011, с. 604]. Использование античного и византийского наследия в идеологических играх – прием, достаточно распространенный в XVIII в. Достаточно вспомнить идеологические модели, созданные Екатериной II и ее окружением [см.: Зорин, 2004, с. 33–64, 97–122; Проскурина, 2006, с. 11–104]. Но Кларк оказался первым, кто осмыслил проблему сохранения археологических памятников Северного Причерноморья как показатель «варварства» и «нецивилизованности» России.

Литература

Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России. – 1893. – № 12.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. – М., 2003.

Зорин А. [Л.] Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М., 2004.
Лемерль П. Первый византийский гуманизм… – СПб., 2012.
Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М., 2004.
Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. – М., 2006.
Тункина И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). – СПб., 2002.
Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2011. – Вып. XVII.
Храпунов Н. И. Бахчисарай Эдварда-Даньела Кларка: Восток, Россия и Крым // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 4.
Clarke E. D. Greek Marbles Brought from the Shores of the Euxine, Archipelago, and Mediterranean, and Deposited in the Vestibule of the Public Library of the University of Cambridge. – Cambridge, 1809.
Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. – London, 1817.
Eisner R. Travelers to an Antique Land: The History and Literature of Travel to Greece. – Ann Arbor, 1993.
Hamilakis Y. Decolonizing Greek archaeology: indigenous archaeologies, modernist archaeology, and the post-colonial critique // A Singular Antiquity. Mouseio Benaki 3rd Supplement. – Athens, 2008.
Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. – New York, 1827.

Храпунов Н.И., Храпунова С.Н.
(Симферополь)

КРЫМ В СОЧИНЕНИИ ИТАЛЬЯНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ПУТЕШЕСТВЕННИКА ФРАНЧЕСКО АЛЬГАРОТТИ[1]

Итальянский ученый и литератор Франческо Альгаротти (1712–1764 гг.) в русской культуре известен как автор знаменитого афоризма, сравнивающего Петербург с окном, через которое Россия смотрит на Европу, который впоследствии был использован Пушкиным [Альгаротти, 2006, с. 69; Альгаротти, 2014, с. 49; Неклюдова, Осповат, 1997]. В докладе будут проанализированы сведения о Крыме, которые Альгаротти изложил в своей книге «Очерк в письмах о России» или «Русские путешествия». Эти данные обычно не используются исследователями Крымского ханства и воображаемой географии полуострова.

Альгаротти родился в Венеции, учился в Болонье, Флоренции и Падуе, жил в Париже, Лондоне, Берлине и Дрездене. Он был не столько оригинальным ученым, сколько популяризатором науки, теоретиком искусства и литературоведом. Известность принесло ему популярное изложение оптики Ньютона. Альгаротти отличался весьма разнообразными интересами, среди которых были творчество античных авторов и философия Декарта, опера и французский язык, живопись и архитектура, история древнего Рима и цивилизации инков. В 1740–1742 и 1746–1753 гг. он состоял на службе у прусского короля Фридриха II, а в 1742–1745 гг. – у саксонского курфюрста Августа III. В 1739 г. он присоединился к английской делегации, отправлявшейся в Петербург на бракосочетание принцессы Анны Леопольдовны

[1] Работа выполнена в рамках Гос. задания Минобрнауки РФ № 2015/701-3 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

Мекленбургской – племянницы императрицы Анны Иоанновны, и принца Антона-Ульриха Брауншвейгского [см.: Неклюдова, Осповат, 1997; Талалай, 2006; Володина, 2014].

В 1760 г. Альгаротти опубликовал «Очерк в письмах о России», якобы написанных во время путешествия в Россию в 1739 г. и адресованных британскому политику Джону Харви (Херви), некогда бывшему покровителем итальянца. В 1763 г. выходит следующее издание книги, дополненное новыми письмами к маркизу Шипионе Маффеи, драматургу, литератору и археологу из Вероны, написанных якобы в 1750–1751 гг. Третье издание, в котором уменьшена критика России, вышло уже после смерти автора, в собрании его сочинений. Книга снискала широкую популярность и почти сразу была переведена на французский и английский языки. К настоящему времени сочинение Альгаротти выдержало более 50 изданий на семи европейских языках, включая две полные русские публикации [Альгаротти, 2006; Альгаротти, 2014].[2] В основе этого труда не реальные письма, а дневник, который Альгаротти вел в путешествии, дополненный разнообразными материалами, взятыми из английских, французских, итальянских публикаций [Талалай, 2006, с. 17; Володина, 2014, с. 228–231, 235–236; ср.: Неклюдова, Осповат, 1997, с. 261–263]. Подобная мистификация была распространенной формой философических и публицистических произведений в эпоху Просвещения, в частности, создавая у читателя впечатление особой достоверности. В отличие от большинства деятелей века Просвещения, путешествовавших по Восточной Европе, Альгаротти не смотрел на Россию сверху вниз, но занял позу благожелательного, пусть и критичного наблюдателя.

Итальянец рассказывает о Крыме в связи с русско-австро-турецкой войной 1735–1739 гг. (Письма VI и VII). По мнению Альгаротти, стратегически – для сдерживания крымских и кубанских татар – России следовало овладеть Азовом, а затем и Керчью, дабы завести там флот, который мог бы держать под контролем Черное море и угрожать Константинополю. В подтверждение своих слов он ссылается на планы Петра I, представление о которых он мог составить по «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера [I, с. 96; II, с. 83; Voltaire, 1906, p. 105]. Крымских татар Альгаротти считал самыми опасными соседями России, ведь они выставляли до 80 тысяч войска. Именно их нападения на пограничные земли, и в частности на Украину, и стали поводом к войне [I, с. 96, 106–107; II, с. 82, 95–98]. Описание военного дела крымских татар [I, с. 96, 106–107, 111–112; II, с. 83, 96–98, 104–105] довольно стереотипно и, возможно, представляет собой

[2] Далее указанные в скобках ссылки соответствуют изданиям: I – Альгаротти, 2006; II – Альгаротти, 2014.

выжимку из «крымского раздела» книги Николааса Витсена [ср.: Витсен, 2010, с. 705–709], голландского путешественника и исследователя, в Крыму не бывавшего, но в конце XVII в. собравшего сведения о полуострове из нескольких разнообразных источников.

Альгаротти полагал, что владения крымского хана делились на собственно Крым, где проживало оседлое земледельческое население, и Малую Татарию к северу от него, где жили кочевые скотоводы. На полуострове он выделяет ханскую столицу в Бахчисарае, резиденцию калги-султана в Султан-Сарае (по-видимому, имелась в виду Ак-Мечеть, нынешний Симферополь), зажиточный Карасу-Базар, процветающие торговые города Кезлев и Кафу (в последнем велась торговля зерном, солью, коровьим маслом и осетровой икрой), а также прикрывавшие доступ на полуостров крепости Перекоп и Арабат [I, с. 106, 107, 110, 117, 118; II, с. 95, 96, 102, 103, 114–116]. Сведения о географии Крымского ханства Альгаротти мог почерпнуть из сочинений Витсена, французского историка Жозефа Дегиня, а также короткой статьи Луи де Жокура «Татария» из знаменитой французской «Энциклопедии» [ср.: Витсен, 2010, с. 709–711; Deguignes, 1757, p. 344, 375, 390–391; Jaucourt, 1751, p. 926].

Господство Османской империи над Северным Причерноморьем покоилось на крепостях, в которых находятся турецкие гарнизоны. Так, опорные пункты в Кафе и Балаклаве обеспечивали османскому султану власть над Крымом, в Бендерах и Очакове – над бессарабскими татарами, а в Азове – над татарами кубанскими. Владения турок отделены от России полосой безводных степей, равно затрудняющих османам нападение на русских и России – захват и удержание турецких владений [I, с. 96, 106, 113, 114; II, с. 82, 96, 107, 108].

Крымский поход 1736 г. под командованием фельдмаршала Бурхарда-Христофора Миниха был частью более сложного плана, согласно которому русские одновременно заблокировали основные опорные пункты турок – Азов и Очаков, а также взяли Кинбурн, пока их союзники-калмыки напали на кубанских татар. В описании Альгаротти поход приобрел поистине эпические черты, наглядно демонстрируя столкновение порядка и хаоса, цивилизации и варварства. Не случайно итальянец сравнил его с покорением Шотландии римлянами и европейской колонизацией Северной Америки. Миних представлен как герой, несущий цивилизацию в дикие земли, усмирявший буйную и страшную стихию врагов с помощью передовых военных технологий и рационализма Просвещения. С помощью обманного маневра преодолев неприступные укрепления Перекопа, русская армия захватила Кезлев, Бахчисарай и Ак-Мечеть, но, опасаясь того, что татары могут нанести удар им в тыл и ограбить Украину, Миних принял

решение возвращаться [I, с. 108–111; II, с. 99–104]. По-видимому, взятых в этом походе пленных русские поместили в Ревеле (ныне Таллин) в качестве гарнизона [I, с. 49; II, с. 27].

Действиям фельдмаршала Петра Ласси в следующем, 1737 г. Альгаротти отыскал параллели в поступках Юлия Цезаря в Германской войне. В результате у читателя может создаться впечатление, что покорение Крыма должно было стать одним из судьбоносных событий в истории, уподобляясь наиболее блестящим страницам истории римской. Ласси продемонстрировал на деле весь блеск европейской военной науки. В Крым он прорвался хитростью, избежав столкновения с вражескими войсками, сосредоточившимися в двух уязвимых местах – на Перекопском перешейке и у Арабатской крепости. Добравшись до середины Арабатской стрелки, Ласси вброд перешел Сиваш, затем захватил Карасу-Базар и, ловким маневром обманув турецко-татарское войско, ушел из Крыма по Чонгарской косе. Однако, оценивая итоги кампании, Альгаротти не скрывает разочарования: война, направленная на разорение, а не завоевание вражеских земель, не казалась ему ни оправданной, ни успешной [I, с. 116–118; II, с. 112–115]. .

В 1738 г. Ласси вновь попытался овладеть Крымом, захватив Кафу, которая должна была стать опорным пунктом русских на полуострове. Однако поход закончился неудачей из-за нехватки провианта [I, с. 118–119; II, с. 116–117]. В целом, собранная Альгаротти информация о ходе военных действий в период войны 1735–1739 гг. соответствует современным представлениям [см.: Бантыш-Каменский, 1840, с. 186–190, 207–211; Соловьев, стлб. 1335–1391].

Таким образом, сочинение Альгаротти, представляет собой определенный срез знаний о Крыме, существовавших в Западной Европе в эпоху Просвещения. Итальянец представил Крым как пограничье между «цивилизацией» и «варварством», ключевым пунктом в противостоянии между христианской Европой и исламской Османской империей. Именно к Крыму устремлялись интересы России – потенциально сильнейшей державы в Европе, которая, однако, не смогла реализовать свои амбициозные планы. Альгаротти был, по-видимому, одним из тех, кто сделал Крымский полуостров известным в Европе. Благодаря своей популярности, его сочинение способствовало закреплению определенных представлений о Крыме в общественной мысли второй половины XVIII в.

Литература

Альгаротти Ф. Русские путешествия. Письма о России / пер. М. Г. Талалай. – СПб., 2006.

Альгаротти Ф. Путешествие в Россию / подгот. И. П. Володина, А. Ю. Миролюбова, пер. В. В. Зельченко. – СПб., 2014.

[Бантыш-Каменский Д. Н.] Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 1. – СПб., 1840.

Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / пер. В. Г. Трисман. Т. II. – Амстердам, 2010.

Володина И. П. Русские впечатления Франческо Альгаротти // *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. – СПб., 2014.

Неклюдова М. С., Осповат А. Л. Окно в Европу: источниковедческий этюд к «Медному всаднику» // Лотмановский сборник 2. – М., 1997.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. 2е изд. – СПб., [1896].

Талалай М. Г. Франческо Альгаротти: путешественник, литератор, просветитель // *Альгаротти Ф.* Русские путешествия. Письма о России. – СПб., 2006.

Deguignes [J.] Histoire générale des Huns, des Mongoles, des Turcs el des autres Tartares occidentaux… T. 3. – Paris, 1757.

Jaucourt [L. de]. Tartarie // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. T. 15. – Paris, [1751].

Voltaire. History of the Russian Empire under Peter the Great. Vol. I // The Works of Voltaire: A Contemporary Version. Vol. XXXIV. – Akron, 1906.

Хршановский В.А.
(С-Петербург)

РАИСА ВИКТОРОВНА ШМИДТ. СТРАНИЦЫ ЗАБЫТОЙ ЖИЗНИ. (1899-1941)

У Раисы Викторовны Шмидт была всего одна прижизненная археологическая публикация - «К исследованию боспорских оборонительных валов», которая вышла за несколько месяцев до ее гибели (Шмидт, 1941. С. 268-279). Вторая – посмертная – «Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки» (Шмидт, 1952. С. 223-248) – 11 лет спустя. Краткие биографические сведения о ней содержатся лишь в Сетевом биографическом словаре историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XX вв. (Сосницкий, Ростовцев. Сост. и ред.. 2012-

2014). Тем не менее, фамилия ее на слуху у археологов, работающих на Керченском полуострове. Вспоминается она, прежде всего, в связи с экспедициями, которые организовал и провел в Керчи в 30-х годах Виктор Францевич Гайдукевич. Но важной и весьма плодотворной работе в археологических экспедициях ИИМКа предшествовал долгий и тернистый путь, пунктиром восстанавливаемый по сохранившимся архивным материалам и редким воспоминаниям.

Раиса Викторовна Шмидт родилась в Петербурге в 1899 году. Своеобразной приметой времени можно считать то, что во всех ее жизнеописаниях и листках по учету кадров 20-х - 30-х гг., хранящихся в личном деле, местом рождения указан г. Ленинград. В 1915 году она окончила Василеостровскую женскую гимназию (8 классов) и, выдержав в 1916 году экзамен на аттестат зрелости, поступает на историческое отделение Историко-филологического. факультета…. Пермского Университета. Вопрос, который возникает сразу: почему пермского?

Ответа на него кроется в сложившихся к этому времени жизненных обстоятельствах отца Раисы Викторовны – Виктора Карловича Шмидта (1865-1932). Он происходил из семьи обрусевших немцев, родился в Санкт-Петербурге, с 1873 по 1884 годы учился в Санкт-Петербургском немецком училище Св. Петра, затем получил высшее образование на медицинском факультете Императорского Дерптского университета (1884 - 1890 гг.). Сразу по окончании, в 1891 году, защитил диссертацию на учёную степень доктора медицины и после этого успешно преподавал: сначала в Дерптском университете (1893-1898 гг.), затем в Санкт-Петербургском университете (1899-1916 гг.) и на Высших женских естественно-научных курсах (1905-1916 гг.). С сентября 1916 года его командируют в отделение Петроградского университета в Перми для чтения лекций и ведения практических занятий по анатомии. Отделение вскоре становится самостоятельным Пермским университетом, а доктор медицины В.К. Шмидт уже в 1917 году был утвержден ординарным профессором по кафедре анатомии. Вместе с ним (или к нему) переезжает его семья, и Раиса Викторовна, таким образом, оказывается в Пермском университете.

В 1917-1920 годах она обучается на Историко-филологическом факультете Пермского университета, где одним из ее руководителей является также переехавший из Петербурга известный исследователь античной и крито-микенской культуры профессор. Б.Л. Богаевский. Одновременно, в Музее древностей Пермского университета начинается ее трудовая деятельность.

Пермский период в жизни Р.В. Шмидт заканчивается осенью 1921 года, когда она (возможно, вместе с матерью) по неизвестной

нам причине возвращается в Ленинград и переводится на факультет Общественных наук Ленинградского Государственного Университета. Отец - Виктор Карлович - остается в Перми. Его карьера складывается удачно. В 1923 году он избирается первым ректором Пермского университета и в течение 2 лет занимает этот пост. С 1924 года, одновременно, В.К. Шмидт становится директором созданного при его непосредственном участии Биологического научно-исследовательского института, ответственным редактором издаваемых институтом научных журналов, в 1927-1930 годах он – член Пермского горсовета, Президиума горсовета. Научную деятельность он не прекращал до самой смерти, которая последовала от туберкулеза легких 7 мая 1932 года.

В Ленинградском университете, на факультете Общественных наук, Р.В. Шмидт продолжает специализироваться на изучении истории и культуры Древней Греции. Здесь ее наставниками становятся профессора С.А. Жебелев и Б.В. Фармаковский. Завершив обучение в 1922 году, она предъявляет в качестве зачетного сочинения работу: «Первое знакомство греков с Черным морем».

Еще до перевода в Ленинградский Университет, из Перми 1 августа 1921 года, она обратилась в Российскую Академию Истории Материальной Культуры с просьбой предоставить ей «какую-либо должность в Комиссии Карт и Путей Академии». Просьба была поддержана Б.В. Фармаковским в записке от 1 сентября: «Для Комиссии Карт и путей необходим регистратор……», и уже на следующий день Правление Академии постановило: «Представление утвердить»[1]. Так началась работа Р.В. Шмидт в Академии Истории Материальной Культуры.

Тогда, с первого раза, закрепиться в Академии не удалось. Необходимость зарабатывать на жизнь (помогал ли Раисе Викторовне и ее матери из Перми Виктор Карлович Шмидт неизвестно) уже в конце 1921 года приводит ее в Петроградское Отделение Русского словаря, где до 1923 она состояла научно-техническим сотрудником. В 1923-25 годах Р.В. Шмидт работает научным сотрудником Музея Сравнительного изучения религии (будущего Антирелигиозного музея), где заведует античным отделом. Тогда же по линии Политпросвета она начинает (и продолжает до 1930 года) заниматься организацией экскурсий по Эрмитажу. В 1925 г. работает в библиотеке Научного Общества Марксистов.

Однако, заботы о «хлебе насущном» не заглушили потребности в научной деятельности. В 1926 году Р.В. Шмидт поступает в аспирантуру

[1] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 1-1 об.

Института сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), в которой обучается до 1929 года, специализируясь в области классической филологии. Одновременно она состояла ассистентом факультета Языка и Материальной культуры ЛГУ при Кабинете Древнего Мира. В 1928-1929 годах принимала участие в работе секции «Десмотики» Яфетического Института Академии Наук. С 1928 - в работах секции Древнего мира Научно-Исследовательского Института Методологии Марксизма (будущее Ленинградское отделение Коммунистической Академии). В 1930 году в Государственном Институте Речевой Культуры (бывшем ИЛЯЗВ) Р.В. Шмидт защищает диссертацию под заглавием «Металлическое производство в мифе и религии древней Греции».

После защиты, в 1930-1933 годах, она работает в Ленинградском Историко-Лингвистическом Институте (ЛИЛИ) - ассистентом при Кабинете античной филологии, лаборантом Музейно-Краеведческого Кабинета, исполняет обязанности заведующей кабинетом. Но с 1931 года - ровно через 10 лет - основным местом работы Р.В. Шмидт вновь становится Академия Истории Материальной Культуры. Но теперь она - научный сотрудник I разряда «по античному сектору».

В 20-х годах в круг научных интересов Раисы Викторовны входили проблемы, связанные с древнегреческой религией. Об этом свидетельствуют ее первые публикации: Афина Эргана (К вопросу о религии ремесленников в Древней Греции)// Сб. в честь С.А. Жебелева. Л., 1926. С. 324-246; К вопросу о возникновении культа деревьев//Доклады Академии наук. Л., 1928. С. 121-123; Первобытное мышление в образах Илиады// Язык и Литература. ИЛЯЗВ, 1929. С. 99-109 и - по теме ее «аспирантской» (как она тогда называлась) диссертации - Металлическое производство в мифе и религии античной Греции// Известия ГАИМК. Т. IX. Вып. 8-10. 1931 г. С. 1-80. В 30-е годы, в ГАИМКе сферой ее научных интересов (добровольно или вынужденно) оказывается, преимущественно, материальная культура. Она публикует статьи: О крепостных отношениях в древней Фессалии (К вопросу об укладах в рабовладельческой Греции)// Проблемы истории материальной культуры. 1933 г. № 3-4. С. 33-38; О мотыге в античном сельском хозяйстве// Проблемы истории материальной культуры. 1933 г. № 5-6. С. 45-51; Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции // Известия ГАИМК, Вып. 108. 1935 г. С. 222-342; О непосредственных производителях на Крите// Проблемы истории докапиталистических обществ. ГАИМК, 1935 г. Вып. 5-6. Участвует в составлении разделов: «Свободное ремесло и наемный труд» в сб. Античный способ производства в источниках// Известия ГАИМК.

1933 г. Вып. 78. Несколько публикаций Р.В. Шмидт были посвящены общим проблемам из истории Древней Греции. В сб. Из истории античного общества// Известия ГАИМК. 1934 г. Вып. 101. С. 75-115 она пишет раздел «Из истории Фессалии»; в трехтомнике «История древнего мира» («История древней Греции» Т. 2. Ч.1; Т. 3, Ч. 2. М., 1936-1937) – главы VII и XIV: Спарта, Фессалия, Крит, Беотия, готовит перевод рассказа Лукиана «Геродот или Аэций» для академического двухтомника (Лукиан. Т.1. Изд. «Academia». М-Л., 1935) и некоторые другие, публикует рецензию на книгу Теодора Кресси Скита «Дорийцы в археологии» /Theodore Cressy Skeat - The Dorians in Archaeology. London. De la More Press. 1934/ (ВДИ №1, 1937. С. 157-162) и – как извлечение из более обширной работы, о которой она докладывала в ГАИМК 23 марта 1937 года – статью «Античное предание о дорийском переселении» (ВДИ. 1938. №2. С. 50-65).

По материалам личного дела не всегда можно представить повседневную жизнь человека. И все же, в ответах на какие-то вопросы анкеты, в отдельных документах атмосфера времени улавливается. Так в анкете, которую она заполняла 3 октября 1931, при приеме на работу в ИИМК[2], на п. 4 Народность Р.В. Шмидт отвечает: русская, на п. 5 Соц. происхождение: дочь профессора (из мещан); основное занятие родителей: отец – профессор, мать – домашняя хозяйка (примечательно, что фамилия ее матери ни в одной анкете первой половины 30-х годов не указывается, но из более позднего Личного листка по учету кадров, заполненного 13/X 1937 года следует, что она - «из дворян»[3]). Из п. 24 мы узнаем, что она владеет немецким, французским и английским языками. А на п. 29 «Проходила ли чистку госаппарата (где, когда и результат чистки)», дан ответ: проходила в 1930 году в Ленинградском университете, и «оставлена на работе».

Из следующего «Жизнеописания Р.В. Шмидт» - научного сотрудника I разряда Академии Истории Материальной Культуры «по рабовладельческому сектору», написанного в 1933 году мы узнаем о ее семейном положении: «В браке не состою, живу с матерью»[4] Хранится в ее Личном деле и расписка на четвертушке листка: «Оружия не имею Р. Шмидт 27/VI 33»[5], которую вряд ли она давала по собственной инициативе.

Аромат времени хранят и другие, гораздо более «невинные» канцелярские документы, например, гарантийное письмо в библиотеку

[2] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 2-3.
[3] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 41.
[4] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л 8 об.
[5] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л 10.

ЛГУ от 7 апреля 1934 года: «Государственная Академия Истории Материальной Культуры ручается сроком на один год в количестве 10 книг за научного работника Академии Р.В. Шмидт в том, что она будет возвращать своевременно и в исправном виде взятые из библиотеки книги, а в случае неисполнения сего Государственная Академия Истории Материальной Культуры будет принимать меры к восстановлению нарушенных интересов библиотеки. Управделами… Зав. Канцелярией….Обязуюсь исполнять установленные для пользования книгами правила научный работник….»[6]. Или выписке из Распоряжения № 28 от 9 апреля 1934 года о премировании: «III. Третьей премией 100 р. деньгами и на 50 р. книгами со склада Академии премируется: ШМИДТ Р.В. – н.с. I р. – за методологический рост, за производственную активность. Врид (о?). Председателя Академии Ф Кипарисов»[7].

Бесспорным признанием научных заслуг Р.В. Шмидт было утверждение ее постановлением Президиума АН СССР с 1 ноября 1937 года старшим научным сотрудником в одном приказе с такими известными в будущем исследователями, как А.Н. Зограф, М.К. Каргер, Т.Н. Книпович, Т.С. Пасек, Б.Б. Пиотровский и другими[8] и присвоение ей Ученым Советом Ленинградского Государственного Университета 28 июня 1938 года без защиты диссертации ученой степени кандидата исторических наук[9].

Но одним из главных (если не главным) дел Р.В. Шмидт в ИИМКе во второй половине 30-х годов становятся археологические экспедиции. В Автобиографии, написанной 13 октября 1937 года, она сообщает, что «с 1934 г. каждое лето принимала участие в археологических экспедициях ГАИМК /в 1937 году в качестве заведующего раскопом». Там же она сообщает, что имеет слабые легкие, в 1929 году болела туберкулезом и считает наиболее целесообразным использовать ее «на научной работе по древней истории в частности по исследованию греческих колоний в северном Причерноморье»[10].

Судя по сохранившимся документам, впервые Р.В. Шмидт была командирована в Керчь в 1933 году[11] В 1934 она принимает участие в Керченской экспедиции[12], в 1935 - командируется в с. Парутино

[6] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л 11.
[7] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л 13.
[8] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л 35.
[9] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 45.
[10] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 43.
[11] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 12
[12] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 15.

Одесской обл. для участия в работах Ольвийской экспедиции[13], в 1936-37 годах работает в Керченской экспедиции [14]. Вероятно, последним для нее стал полевой сезон 1938 года. В Личном деле никаких документов об этом не сохранилось, но в Приказе об организации экспедиции № 86 по Институту истории материальной от 19/VII-1938 года, она значится в списке под №4[15]. Боспорская (керченская) археологическая экспедиция работала на Тиритаке без перерывов с 1932 года до начала войны. Параллельно с 1934 по 1938 годы она вела систематические раскопки Мирмекия (Гайдукевич, 1947. С. 188). В архиве сохранились Полевые дневники, которые Р.В. Шмидт вела в этом году: «Дневник раскопок городища Мирмекий (г. Керчь), раскоп «И» Планы раскопов, рисунки находок. Начато: 1 августа 1938 г. Окончено: 19 августа 1938 г. На 64 листах»[16] По всей вероятности, она присутствует и на фотографии участников Боспорской экспедиции того же года: стоит, в заднем ряду, третья слева, в соломенной шляпе (Рис. 1).

Из воспоминаний М.М. Кубланова (Кубланов. Апокрифы. Ч. II., 2016. С. 324-326) мы узнаем о некоторых последних эпизодах ее личной жизни: рождении дочки и их трагической гибели в Ленинграде, в квартире на канале Грибоедова (дом 74, кв. 12), блокадной зимой 1941/42 года. 75 лет тому назад.

Литература

Гайдукевич В.Ф. Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия (10 лет работ Боспорской археологической экспедиции) // Вестник древней истории (ВДИ) № 3. М-Л, 1947.

Кубланов М.М. Апокрифы. Ч. II. Потайные дневники советского пенсионера. Записи о событиях 1975-1993 гг. СПб, 2016.

Сосницкий Д.А., Ростовцев Е.А. (Сост. и ред.) Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII-XX вв. СПб., 2012-2014.

Шмидт Р.В. К исследованию боспорских оборонительных валов // Советская археология VII. М-Л.,1941.

Шмидт Р.В. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки» //. Материалы и исследования по археологии (МИА) №25. М.-Л., 1952.

[13] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 18
[14] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 5. Д. 344. Л. 23, 32.
[15] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Опись 6. Д. 5. Л. 44.
[16] Архив ИИМК РАН. Ф. 35. 1938. Ед. хр. (Д) 14.

Рис 1. Раиса Викторовна Шмидт. Вторая половина 1930-х годов.

Рис 2. Боспорская археологическая экспедиция. Керчь. 1938 год. Р.В. Шмидт стоит третья слева в заднем ряду.

Чистов Д.Е.
(С-Петербург)

РЕКОНСТРУКЦИЯ СВОДНОГО ПЛАНА РАСКОПОК 1904-1929 ГГ. В СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОСТРОВА БЕРЕЗАНЬ

Значительный прогресс в накоплении знаний о пространственной организации Березанского поселения, достигнутый в результате планомерных раскопок последних десятилетий, позволил существенно уточнить реконструкцию планировки этой архаической колонии [Solovyov, 1999, p. 78-79; Крутилов, Чистов, 2012; Chistov, Krutilov, 2014, p. 216-220, 222, fig. 2]. Удается достичь большей определенности и в вопросе расположения общественного центра древнего Борисфена [Chistov, 2015]. Вместе с тем, любая попытка создать сводный план основных исследованных участков Березанского поселения выглядит неполной без учета раскопов первой половины XX в., исследовавшихся под руководством Э. Р. фон Штерна (1904-1909, 1913 гг.) и М. Ф. Болтенко (1927-1931, 1946-1947 гг.). К настоящему времени, наиболее подробной картой всех исследованных участков Березани остается план, опубликованный С. Л. Соловьевым, в свою очередь, основанный на плане В. В. Лапина. Эта карта, наиболее полно отражая состояние археологической изученности острова на начало 1990-х гг., не лишена условности, как отмечал сам ее автор [Solovyov, 1999, p. 16, fig 6; Соловьев, 2005, с. 22], и содержит лишь контуры самих исследованных участков, без указания раскрытых в их границах строительных остатков. Вместе с тем, создание детального сводного плана наиболее важных раскопов имеет решающее значение для понимания планировки Березанского поселения.

Сопоставление результатов раскопок Э. Р. фон Штерна и М. Ф. Болтенко с результатами современных исследований наталкивается на множество проблем. В их числе - отсутствие точной топографической привязки старых раскопов, или утрата имевшихся привязок по причине

изменения рельефа и береговой линии острова за прошедшее столетие, а также - отсутствие опубликованных сводных планов наиболее важных участков, исследования которых проводились Э. Р. фон Штерном и М. Ф. Болтенко (раскопов «А[1]» и «В[8]»). Некоторые из планов указанных участков были изданы Э. Р. фон Штерном в отчетах о работе на Березани[1]. Тем не менее, они не дают полной картины его исследований на 1913 г., а планы прирезок М. Ф. Болтенко, продолжившего исследования участков «А[1]» и «В[8]», самим автором не издавались. Описания этих исследований, включая части незавершенной монографии, содержатся в материалах архивного фонда М. Ф. Болтенко, и в настоящее время активно обрабатываются и публикуются [Колесниченко, 2011; 2015; Болтенко, 2009; 2015]. Оригиналы чертежей и полевой документации, позволяющих воссоздать сводные планы этих участков, хранятся в научном архиве Одесского археологического музея и в научном архиве ИИМК РАН.

В настоящей работе предложен вариант реконструкции сводного плана участков «А[1]» и «В[8]», а также трех небольших раскопов С[4], С[5] и С[6], расположенных между ними (илл. 1.1), с привязкой к современному топографическому плану острова Березань[2] (илл. 2.1). Само создание такой реконструкции стало возможным лишь благодаря наличию в фондах научного архива ОАМ НАНУ двух вариантов сводного плана перечисленных выше участков, выполненных в единой координатной сетке[3]. Съемка основы для этих планов была осуществлена в ходе экспедиции 1927 г.

М. Ф. Болтенко отмечал, что объединение «между собой в едином плане … ранее разрозненные планы раскопок 1904-1913 гг. на главных участках «А[1]»и «В[8]» входило в число основных результатов экспедиции того сезона [Колесниченко, 2011, с. 182, Болтенко, 2015, с. 310]. Проведенная в 1927 г. топосьемка, несомненно, была связана с неосуществленным намерением М. Ф. Болтенко со временем объединить два указанных участка в один, исследовав пространство между ними. Эта работа была им начата с прирезки к раскопу В[8], расширявшей участок Штерна к северу в том месте, где был

[1] План раскопа «А[1]» на 1906 г.: [Штерн, 1909, с. 51, рис. 64]. План раскопа «А[1]» на 1907 г.: [Штерн, 1910а, с. 67, рис. 58]. Прирезки к раскопам «А1» и «В8» 1908 г. [Штерн, 1910, с.47-48; 1912, с. 85, рис. 76, с. 91, рис. 79]. План раскопа В[8] на 1909 г. [Штерн, 1910, с. 90-91; 1913, с. 107, рис. 154].

[2] Для этой цели использован топографический план о. Березань, снятый геодезистом Д. Б. Беленьким в 1991 г.

[3] Благодарю Л.Ю. Полищук и А.Н.Колесниченко за неоценимую помощь, оказанную мне в поиске этих документов и работе с ними в архиве Одесского археологического музея.

частично исследован наиболее интересный строительный комплекс, включавший т. н. «домик» с дверным проемом и каменными стенами, сохранившимися до 2.93 м в высоту. Возобновление раскопок именно с этого участка объясняется также тем, что он совершенно не пострадал в ходе военного строительства, экспериментальных стрельб и подрывов склада снарядов в 1919 г., «как будто приглашая исследователя к продолжению своих прежних работ с того самого места, на котором они оборвались в 1913 г.» [Болтенко, 2015 с. 301, 303-304]. На оба варианта сводного плана, хранящиеся в архиве ОАМ НАНУ, нанесены прирезки к участкам «А[1]» и «В[8]» 1927 и 1928 гг., однако эти планы различаются рядом деталей. Один из планов выполнен в цвете[4], другой – черно-белый[5]. На цветной версии имеется детальный план участка В[8] с прирезкой 1927 г. однако участок «А[1]» показан лишь границами раскопов отдельных лет. Пространство между двумя большими участками на цветном плане размечено общей сеткой пятиметровых квадратов, причем прирезка М. Ф. Болтенко к раскопу В[8] была разбита именно в соответствии с этой сеткой (не сориентированной по сторонам света). На черно-белой версии схематично показаны кладки в границах раскопа «А[1]», размечена сетка квадратов прирезки 1928 г. к этому участку, и, кроме того, отмечены границы небольших раскопов С[4], С[5] и С[6] (1905, 1907-1908) а также раскопа «Ж» 1929 г., находившегося на склоне вала турецкой батареи. Однако наибольшее различие между этими планами заключается во взаимном расположении больших раскопов: на черно-белом плане, в сравнении с цветным вариантом, участок «А[1]» смещен относительно участка В[8] приблизительно на 20 м к северо-востоку.

В ходе работы над реконструкцией сводного плана помимо двух перечисленных выше планов были использованы отдельные планы прирезок к раскопам «А[1]» и «В[8]», также хранящиеся в научном архиве Одесского археологического музея[6]. Уточненный план раскопа «А[1]», в части, исследованной Э. Р. фон Штерном, составлен на основе разных планов, хранящихся в научном архиве ОАМ НАНУ[7] и научном архиве ИИМК РАН[8].

[4] НА ОАМ НАНУ №69111

[5] НА ОАМ НАНУ. Личный архив М. Ф. Болтенко. Б/н

6 План прирезки к раскопу А[1]: Загальний план розкопувань на острові Березань в 1928 р. з зазначенням місць попередніх розкопувань. НА ОАМ НАНУ. Фонд М. Ф. Болтенко. Б/н. План той же прирезки по состоянию на 1927 г. опубликован: [Болтенко, 2015, табл. 9]. План прирезки 1927-28 гг. к раскопу В[8]: Фонд М.Ф. Болтенко. Загальний план розкопувань на острові Березані рр. 1927 та 1928. Розкоп В[8]. НА ОАМ НАНУ № 69112

[7] НА ОАМ НАНУ. №59579

8 План раскопа А[1] на 1905 г.: НА ИИМК РАН, Ф-1. 1905. Д. 72, Л.89. План

План участка А[1] вызывает наибольшие сложности, поскольку этот раскоп никогда не имел четких границ: рабочие Э. Р. фон Штерна работали «площадями неопределенных размеров и формы… полосами и траншеями», перевалом, т. е. откидывали землю на ранее исследованные участки [Болтенко, 2015 с. 304]. Планы этого раскопа различных лет очень схематичны, при совмещении их масштабов одни и те же кладки часто не совпадают по расположению и размерам. Общие очертания участка А[1] лишь приблизительно соответствуют контурам, нанесенным на сводный план 1927-28 г.: отсутствие ровных бортов и отвалы, переброшенные на ранее раскопанную территорию, очевидно, осложняли определение его точных границ при нанесении на план. Наиболее старая часть этого участка, раскопанная в 1904-1906 г, по-видимому, распространялась дальше на северо-восток.[9]

План части раскопа «В[8]», исследованной Э. Р. фон Штерном, на реконструированном сводном плане скопирован с «цветной» версии сводного плана 1927-28 гг., поскольку последняя включает в себя все прирезки до 1913 г. В архиве ОАМ НАНУ хранится цветной план этого участка на 1909 г.[10], в целом соответствующий опубликованному [Штерн, 1910, с. 90-91; 1913, с. 107, рис. 154], а также отдельные планы прирезок 1913 г.

Относительно точное совмещение сводных планов М.Ф. Болтенко с современной топоосновой возможно, в первую очередь, благодаря тому, что на черно-белой версии плана нанесены очертания турецкого укрепления, которые были сняты и Д. Б. Беленьким на топоплане 1991 г. Вторым ориентиром для совмещения стала линия северного берегового обрыва, проходящая по раскопу «В[8]». Следует учесть, что очертания берега за прошедшие годы не могли остаться неизменными; сам М. Ф. Болтенко отмечал, что при составлении плана в 1927 г. в этом месте было зафиксировано отступление берега примерно на 3 м вглубь острова в сравнении с 1909-1913 гг. [Болтенко, 2015, с. 310]. В ходе раскопок 1989 г. отмечалось, что северо-восточная часть участка Северо-западный «Б» (илл. 2.1, № 4 на плане) вплотную приблизилась к раскопу «В[8]», о чем свидетельствовало резкое понижение рельефа к северу и большое количество находок XX в. в верхних слоях [Доманский, Соловьев, 1989, с. 19]. Если предложенная нами реконструкция сводного плана верна, их разделяют от 3 до 12 м. Кроме того, на цветном плане указано расстояние до насыпи большого

раскопа А[1] на 1907 г.: НА ИИМК РАН, Ф-1. 1907. Д.3 Л.42.

[9] На реконструкции сводного плана раскоп «А[1]» нанесен не в точном соответствии с планом 1927 г., а в наиболее вероятных, по нашему мнению, границах.

[10] НА ОАМ НАНУ, №59580

блиндажа (помещения для комиссии и жандармов), расположенного западнее, приблизительно соответствующее реальному с учетом того, что насыпь сильно расплылась.

На топоплане Д. Б. Беленького отчетливые границы участков «А[1]» и «В[8]»не зафиксированы; по состоянию на 1991 год (как и в настоящее время) местам расположения этих участков соответствуют обозначенные изолиниями обширные оплывшие углубления с нечеткими границами, что позволило лишь очень приблизительно скорректировать совмещение современного плана с планами 1927-28 гг. Следует заметить, что с учетом нынешних границ низины, соответствующей раскопу «А[1]», взаимное расположение участков «А[1]» и «В[8]» в «черно-белой» версии сводного плана 1927-28 гг. выглядит более достоверным (илл. 1.2). Одно из углублений, зафиксированных на плане 1991 г., достаточно уверенно отождествляется с раскопом «С[6]». Таким образом, возможно дополнительно скорректировать местонахождение этого и двух соседних раскопов «С[4]» и «С[5]»[11] .

Представленный вариант совмещения сводного плана раскопов Э. Р. фон Штерна и М. Ф. Болтенко с участками раскопок 1960-2015 гг. может быть использован для изучения планировки Березанского поселения лишь с известными оговорками. Прежде всего необходимо принимать во внимание крайнюю условность чертежа раскопа «А[1]» и возможные неточности его привязки к местности. План этого участка включает такие вызывающие сомнения элементы, как округлые и апсидные постройки, зигзагообразные стены и т. п., по-видимому, ставшие результатом ошибочных интерпретаций плохо сохранившихся кладок. Однако, какая-либо проверка этих данных невозможна, поскольку указанные конструкции до наших дней не сохранились. Можно лишь с большой осторожностью предположить, что в границы этого участка попал перекресток двух улиц.[12] Направления кладок, раскрытых в границах раскопов «В[8]» и С[4]-С[6], имеют ориентировку север-юг с небольшим отклонением к юго-западу, что, в целом, соответствует векторам планировки построек городского квартала, раскрытого на Северо-Западном участке «Б» (илл. 2.1 №4 на плане). Эти строительные остатки, очевидно, принадлежали жилым домам двух соседних кварталов, расположенных к северу и к востоку. Вместе с тем, стены домов, попавших в границы участка «А[1]», имели несколько иную ориентировку с более существенным отклонением к юго-западу.

[11] Отдельный план трех этих небольших раскопов также находится в НА ОАМ НАНУ (Фонд М.Ф.Болтенко. Б/н).

[12] Улица в северо-восточной части участка, на площади прирезки 1905 г., кратко упоминается Э. Р. Фон Штерном (Штерн 1907 с. 69).

Нетрудно заметить, что она скорее соответствует направлениям планировки сооружений, раскрытых в северо-восточной части острова, на участках «О-Западный и О-Восточный» (илл. 2.1, №№9-10 на плане), «Т» (№6 на плане), «ГШ» (№12 на плане), «Р-1в» и «Р1-з» (№№ 8, 11 на плане).

Среди остатков построек, раскрытых на участке В[8], наибольший интерес представляют остатки упомянутого выше комплекса, включавшего т.н. «домик» - очевидно, подвальное помещение с хорошо сохранившимися каменными стенами. Реконструкция плана этого дома была подготовлена В. В. Лапиным для его неизданной монографии [Лапин, 1978], опубликована и кратко проанализирована С. Д. Крыжицким, отметившим очень низкий уровень ее достоверности [Крыжицкий, 2006, с. 107, 109, рис. 9.3). Это действительно так – сам план В. В. Лапина не учитывает разницу в строительных периодах (подвал относится к наиболее позднему из них), и, кроме того, содержит фактические ошибки, в чем нетрудно убедиться, сравнив его реконструкцию с планом строительных остатков на сводном плане участков Э. Р. Штерна и М. Ф. Болтенко (илл. 2.2 – 2.3).

Если сравнительно точная локализация двух самых крупных участков раскопок Э. Р. фон Штерна и М.Ф. Болтенко в наши дни вполне возможна, то с небольшими участками раскопок 1904-1913 гг. дело обстоит совершенно иначе. Военное строительство 1909-1914 и 1930-х гг., подрывы боеприпасов 1919 г., окопы и воронки времен Великой отечественной войны почти до неузнаваемости изменили ландшафт острова, уничтожив абсолютно все привязки (возвышенности – «курганы» и временные постройки), отмеченные на плане 1907 г[13]. вместе с углами и расстояниями от ориентиров до участков раскопок. Уточнения расположения этих участков возможны лишь в ходе новых археологических исследований. Такой случай, по-видимому, имел место в северной чести раскопа «О-Западный», где в результате раскопок последних лет были выявлены южная и западная граница обширного котлована размерами не менее 150-200 кв. м. Возможно, он соответствует раскопам «С[1-3]» или раскопу «Б[5]» 1904 г. Первый вариант наиболее вероятен, поскольку в стратиграфии заполнения этого углубления была выявлена бровка шириной около 1 м, а раскопы «С[1-3]», судя по плану, представляли собой три небольшие параллельные траншеи.

[13] Штерн 1910а с. 71 рис. 60. Цветная версия плана хранится в научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК РАН, 1907, Д.3 Л. 41).

Литература

Болтенко М.Ф. Остров Березань и его исследования. Часть I. Исследования по 1900 г. // МАСП. Одесса, 2009. Вып. 9. С. 321-380.

Болтенко М.Ф. Часть II. Продолжение исследования острова Березань в советское время // МАСП. Одесса, 2015. Вып. 13. С. 301-310.

Доманский Я.В., Соловьев С.Л. Отчет о работе Березанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 1989 году. Научный архив ИА НАНУ. 1989/140.

Колесниченко А.Н. М.Ф. Болтенко и археологические исследования на о. Березань: неизвестные страницы личного архива М.Ф. Болтенко // История археологии: личности и школы. Материалы международной конференции к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки (Киев, 5-8.10.2010). СПб., 2011. С. 181-186.

Колесниченко А.Н. Научная деятельность М. Ф. Болтенко в Одесском археологическом музее с 1921 по 1934 г. // МАСП. Одесса, 2015. Вып. 13. С. 293-300.

Крутилов В.В., Чистов Д.Е. К вопросу о реконструкции планировки Березанского поселения во второй половине VI – первой трети V в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Вопросы урбанизации. Материалы XIII Боспорских чтений. Керчь, 2012. С. 238-244.

Крыжицкий С.Д. К типологии ранних жилых домов Березани // ВДИ. 2006. № 1. С. 104-116.

Лапин В.В. Березань и проблема генезиса Северопричерноморской цивилизации (рукопись монографии). Научный архив ИА НАНУ. 1978. Ф. 24 № 58.

Соловьев С.Л. Историческая география и топография Березани // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа. СПб., 2005. Т. 1. С. 16-25.

Штерн Э.Р. Отчет о раскопках на Березани летом 1907 г. // ЗООИД. 1907. Т. 27. С. 68-71.

Штерн Э.Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1906 г. СПб., 1909. С. 50-58.

Штерн Э.Р. Отчет о работах на о. Березани в 1909 г. // ЗООИД. 1910. Т. 28. С. 80-91.

Штерн Э.Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1907 г. СПб., 1910а. С. 66-75.

Штерн Э.Р. Раскопки на о. Березани // ОАК за 1909-1910 г. СПб., 1913. С. 105-117.

Chistov D.E. The civic centre of Archaic Borysthenes: a new approach to localization. // Tsetskhladze, G. (ed.), The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas (7th Century BC-10th Century AD). Proceedings of the Fifth International Congress on Black Sea Antiquities. London, 2015. P. 403-413.

Chistov D.E., Krutilov V.V. The archaic town on the Berezan island: new studies on the chronology and urban planning of the Berezan settlement // N. Povalahev, (ed.), Phanagoreia und darüber hinaus.... Festschrift für Vladimir Kuznetsov: Göttingen, 2014. P. 209-230.

Solovyov S.L. Ancient Berezan: The Architecture, History and Culture of the First Greek Colony in the Northern Black Sea. Leiden-Boston-Köln, 1999.

Рис. 1.
1- Реконструированный сводный план участков «А1», «В8», «С4», «С5», «С6». 2 – часть топографического плана Березани Д. Б. Беленького 1991 г. с обозначением контуров участков «А1», «В8», «С4», «С5», «С6».

Рис. 2. 1 – Сводный план участков раскопок в северной части о. Березань. Номера участков на плане: 1 – Некрополь. 2 – Раскоп «С-1». 3 – Раскоп «С-2». 4 – Раскоп «Северо-западный Б». 5 – «Раскоп Северно-западный А». 6 - Раскоп «Т». 7 – раскоп «Г». 8 – раскоп «Р-1в». 9 – раскоп «О – западный» (1991-2015). 10 – Раскоп «О-восточный» (1960-1980). 11 – раскоп «Р1-з». 12 – раскоп «ГШ». 13 – раскоп «А1». 14 – раскопы «С4-6». 15 – Раскоп «В8». 16 – раскоп «Ж». 2.2 – дом на участке «В8» (реконструкция плана В. В. Лапина). 2.3 - дом на участке «В8» (на основе планов Э. Р. Фон Штерна и М. Ф. Болтенко).

Шепко Л.Г.
(Донецк)

ПОСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА: ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ РАЙОНИРОВАНИЯ БОСПОРСКИХ ЗЕМЕЛЬ

В истории Боспора целостным и качественно однородным с точки зрения социально–политического развития периодом является хронологический отрезок с VI до начала I в. до н.э. – время формирования и развития боспорского государства.

Политическая трансформация находит отображение в материальных характеристиках освоенной территории. К настоящему моменту количество известных на Керченском полуострове поселений и городов, датируемых этим временем, насчитывает свыше 360 объектов. Благодаря археологическим исследованиям на Европейском Боспоре локализовано немногим более 10 городов и городков, зафиксированных в письменных источниках. Из остальных трех с половиной сотен поселений исследованиям подвергалась примерно четвертая часть общего числа. Раскопки и шурфование проводились на 92 памятниках, которые изучены с разной степенью полноты. Кроме того, имеются проблемы с определением времени существования многих из них.

Наличие обильного археологического материала дает почву для появления различных гипотез, но его дискретность порождает неоднозначность реконструкций и скептицизм в перспективах изучения.

Анализ такого количества сложных многослойных объектов на обширных территориях предполагает применение принципов группировки по существенным признакам. Исходя из того, что государственные образования представляют собой территориальную систему с определенной иерархической структурой, проанализируем распределение известных памятников в пределах боспорских земель в VI–II вв. до н.э..

Попытки упорядочения открытых многочисленных и разнообразных поселенческих памятников Боспора предпринимались. Необходимо упомянуть работы И.Т. Кругликовой (1975), А.А. Масленникова (1998, 2001, 2007), Зинько В.Н. (1991, 2003, 2007), В.К. Голенко (2004), Я.М Паромова (2000), Г.П.Гарбузова (2009), Болгова Н.Н. (2002). Можно заметить, что они ограничены территориальными или хронологическими аспектами. Большое внимание было уделено природному фактору (геоморфологическим и гидрологическим условиям). Исследователями выделены природные районы и отмечены особенности отдельных территорий Боспора: Восточного Крыма в целом, Крымского Приазовья, юго-востока Керченского полуострова. Изучение отдельных городов Боспора в определенной мере можно считать вариантом его районирования.

С учетом палеогеографических характеристик и этно-исторической ситуации на Керченском полуострове выделяются историко-географические области, которые с разной интенсивностью изучались и продолжают изучаться. Благодаря компактности расположения памятников и обстоятельствам исследования их можно рассматривать как локальные территориально-хозяйственные районы, которые базировались на естественных ландшафтных микрозонах и входили в более крупные географические области. Примерами являются Крымское Приазовье, Феодосия с округой, Нимфей, Опук и др.

Ориентируясь на естественные географические рубежи, греческие поселенцы, осваивая новые территории, демонстрируют высокие адаптивные способности в конкретных условиях. Поэтому необходимо отметить, что природный фактор являлся лишь предпосылкой развития общины колонистов, определяя ее своеобразие.

Кроме того, несмотря на существование объединяющего понятия «Боспор» и обобщающих монографических исследований, посвященных боспорскому обществу, его история предстает как совокупность описаний отдельных городов или земель, слабо связанных между собой. Возникает вопрос. Эта ситуация отражает реальное положение вещей или является субъективной особенностью исследований этих территорий.

Возможно, следует сделать акценты на иных признаках и принципах группировки данных.

Одним из способов упорядочивания является районирование, широко применяемое в географических исследованиях как универсальный метод упорядочения и систематизации территориальных систем. И один из его видов – метод функционального районирования, который предполагает выделение районов по интенсивности хозяйственных связей внутри них, выявляет сферы влияния городов,

транспортных узлов. Границы района проводятся там, где показатели принимают минимальное значение.

В данном случае особое внимание предложено обратить на такой критерий выделения районов как формирование полисов и их пространственной структуры, т.е. на социально-политическое развитие.

Греческие колонисты представляли конкретное историческое сообщество. Их жизнь на отдаленных северопонтийских территориях организовывалась в соответствии с традицией – в рамках полисной организации, которая существовала как самоуправляющаяся община, самодостаточная хозяйственная единица. Хозяйственная деятельность жителей, имеющих полноценные земельные наделы, осуществлялась на прилегающей к поселению территории (хоре). В конкретном случае это выражается в расстоянии от основного городища.

Законы внутреннего развития полиса вначале не требовали его территориального расширения. Границы определялись с учетом особенностей рельефа и расчетом перспективы его роста в начальный период. Со временем община маркировала свои границы сакральными объектами, фортификационными сооружениями, в условиях плотного заселения – пограничными усадьбами.

Определяя место поселения в пределах какого-либо района Боспора, следует считаться с тем, что оно находилось в рамках определенной социально-политической структуры, которая диктовала направление и характер освоения окрестных земель. И со временем действие этого фактора усиливается.

Для разных районов располагаем неоднородным материалом, поэтому следует признать некоторую условность и относительность предлагаемых границ. По мере обнаружения новых поселений и уточнения датирующих материалов могут конкретизироваться как периоды обустройства земель, так и размеры районов.

Принимая во внимание эти положения, проведен анализ территориального и хронологического распределения поселений Европейского Боспора. Дефиниция «район» применяется с определенной долей условности, поскольку понятие «полис» не покрывает разнообразия конкретно-исторических ситуаций, которые сложились во время колонизации Северного Причерноморья и формирования Боспорского царства.

Распределение поселений Керченского полуострова по районам представлено в таблице 1, которая обобщает материалы их каталогизирования. Рассмотрены и учтены данные списков сельских поселений античного времени, подготовленных И.Т.Кругликовой (1975); сводных ведомостей разведок В.В.Веселова на Керченском полуострове 1949–1964 гг., опубликованных в 2005 г., результатов

комплексных исследований 1994–2007 гг. района горы Опук, северо-восточного побережья полуострова, Феодосийского залива. В каталог включены материалы исследований территории между озерами Чурубаш и Тобечик, полученные в результате реализации научного проекта «Нимфей – история и структура греческого полиса».

На сегодняшний день большинство авторов в работах по истории Боспора VI – конец II вв. до н.э. ориентируются на хронологические этапы, представленные в таблице. В определенной мере в этих границах, выделенных на основе датировок керамических комплексов, прослеживаются и социально-политические изменения. Для картографирования известных памятников использована археологическая карта, составленная С.Л.Смекаловым. Картографирование поселений показывает, что они размещены неравномерно, большая их часть группируется «кустами»

Известные поселения сгруппированы по их отношению к конкретному социально-политическому организму. За центры ряда районов приняты наиболее ранние поселения, ставшие городами и существовавшие на протяжении всей истории Боспора. Среди них Пантикапей, Нимфей, Китей, Феодосия и др.

Появление и обустройство греческих колонистов в данном регионе относится ко второй четверти VI в. до н.э., ближе к ее началу. Общепринятыми являются следующие даты основания первых поселений, установленные на основе анализа расписной керамики, главным образом ионийской. Первые поселения Пантикапей, Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Феодосия возникли в течение короткого промежутка времени – 80-70-е гг. VI в. до н.э.

В середине-начале третьей четверти VI в. до н.э. основаны Порфмий и Парфений. На рубеже VI–V в. до н.э. появляется Китей. Концом VI в. до н.э. датируются находки на плато Опук, где локализуют Киммерик.

Комплекс находок из ранних слоев поселения мысе Зюк, отождествляемый с Зеноновым Херсонесом, позволяет отнести время его возникновение к первой четверти – середине V в. до н.э. Второй половиной V в. до н.э. датируется основание Акры.

Древние авторы и эпиграфические тексты называют полисами почти все перечисленные пункты полисами. Из упомянутых древними авторами поселений неизвестна локализация Гермисия, Казеки.

Картографирование и группировка известных памятников с учетом указанных положений позволяет сделать некоторые выводы. Формирование отдельных территориально-хозяйственных районов в начальный период происходит на основе естественных природных ландшафтов и в радиусе действия определенных центров.

Предлагается выделить 8 районов, на основе которых, вероятно, формировалась административная структура европейской части Боспорского государства.

1. Столичный: Пантикапей с Мирмекием и Тиритакой, сельской округой. Возникнув, скорее всего, как самостоятельные центры и практически одновременно с Пантикапеем, Мирмекий и Тиритака довольно быстро вошли в зону его влияния.

2. Нимфей с хорой.

3. Юго-восточный район, включающий Китей и Акру, границами которого можно обозначить на севере: оз.Тобечик – Марьевская Горка, на западе граница пройдет от Опука вдоль оз.Узунлар.

4. Южный – побережье Черного моря от Опука, включая Киммерик, до мыса Чауда (Казека) и далее по северо-восточной части побережья Феодосийского залива до пос. Приморского. Выделение этой территории в самостоятельный район связано с существованием на горе Опук городища Киммерик и его цитадели, группы поселений в окрестностях соленых озер Кояшского, Узунларского и Киркояшского и мыса Чауда.

5. Юго-западный – Феодосия и ее ближняя хора.

6. Северо-восточный район имеет западную границу от мыса Зюк к югу до г.Туркмен и далее по линии Партизаны – Каменка. Здесь располагались Зенонов Херсонес, Порфмий, Парфений. Эту территорию чаще рассматривают как единую область, включающую Порфмий, Мирмекий, Тиритаку с их хорами или без нее. Мы полагаем, что есть основания разделить эту территорию на два района Столичный и Северо-восточный.

7. Крымское Приазовье простирается к западу от мыса Зюк, а южную границу можно провести вдоль железной дороги Керчь – Владиславовка. Расположенные в районе Караларского побережья поселения объединяются системой взаимосвязей в торгово-хозяйственной деятельности их обитателей. А.А. Масленников, вполне обоснованно говорит об определенной их стратификации, своего рода административном соподчинении. Центром района являлся комплекс Генеральское Западное.

8. Внутренние районы Керченского полуострова. Выделение этого район отвечает таким соображениям. По рельефу холмистая равнина, от южного района отделенная Параболическим гребнем, проходящим через гору Опук. Городов нет, а поселения здесь существуют в короткий отрезок времени на протяжении IV – первой трети III вв. до н.э. Со второй трети III в. район практически обезлюдел. Вероятно, земли были востребованы в период интенсивного занятия земледелием.

Таким образом, распределение памятников по территориям и

периодам характеризует динамику освоения Керченского полуострова и социально–политического развития Боспора. На Боспоре уже в начале VI в. до н.э. образуется система полис (город) – хора (сельская округа) со своей специфической организацией, типологией поселений и иных памятников. Заселение отдельных земель шло различными темпами. Оформление ряда районов происходило в начальный период колонизации на основе полисов. В Восточном Крыму после основания первых поселений на побережье пролива продвижение в степь начинается со второй четверти V в. до н.э. Наиболее инициативны в этом плане были Феодосия и Китей. В это же время положено начало освоения Крымского Приазовья. Наибольшая активность в освоении Керченского полуострова приходится на период второй четверти IV – первой трети III вв. до н.э. К этому времени относится и наибольшее число известных населенных пунктов. Этот процесс прослеживается во всех районах Европейского Боспора. Наиболее динамично осваивались внутренние, северо-восточный, столичный районы.

Отчетливо выделяется период второй половины III – рубежа II-I вв до н.э., когда наблюдается сокращение количества памятников на всем полуострове. Внутренние районы практически опустели. Со второй пол. III в до н.э. происходит возвращение размеров хозяйственно-освоенных территорий на Европейской стороне к уровню начала – середины V в. до н.э.

На протяжении пяти веков домитридатовского истории указанные районы имели различное значение. Их роль в государстве менялась. Особенно это заметно после первой трети III в. до н.э. На Европейском Боспоре свое хозяйственное значение продолжали сохранять Столичный, Северо-восточный районы, Крымское Приазовье. Выделенные районы, несмотря на определенную самостоятельность существования в пределах европейского Боспора в указанный период, все же развивались в рамках общих социальных процессов, предопределяемых Пантикапеем.

Литература

Археологическая карта Крыма / С.Л.Смекалов. – Режим доступа : http: arch_map.ru.

Болгов Н.Н. Палеогеография Северного Причерноморья в период поздней античности // Проблемы истории, историографии, палеогеографии Северного Причерноморья IV–VI вв. – Белгород, Изд-во БелГУ, 2002. – С. 72–100.

Веселов В.В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949-1964 гг. // ДБ. Supplementum II. – М.: Тула ИПП Гриф и К, 2005.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. – Симферополь: Азбука, 2004.
Гаврилов А. В., Голенко В. К., Ермолин А. В., Столяренко П. Г. Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. – М., 2006. – Т. 10. – С.144-155.
Гаврилов А.В. Первые результаты археологической разведки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове // Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. – Севастополь, 2010. – С.24-38.
Гарбузов Г.П. Районирование античных агроландшафтов Таманского // ДБ. – М., 2009. – Т. 13. – С.123–140.
Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симферополь: Сонат, 2006.
Зинько В.Н. Об этносоциальной стратификации сельского населения Европейской хоры Боспора в IV–III вв. до н.э. // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. – Вып. II. – С.39–43.
Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея // БИ. – Симферополь–Керчь, 2003. – Вып. IV.
Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.). - Симферополь-Керчь 2007.
Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. – М.: Наука, 1975.
Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. – М.: Индрик, 1998.
Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. – М.: К.: Запорожье, 2007. – С.181-218.
Молев Е.А. Боспорский город Китей [БИ. Supplementum 6]. – Симферополь–Керчь, 2010.
Паромов Я.М. Пространственная организация античной системы расселения на Таманском полуострове (селитебные зоны) // Таманская старина. Вып. 3. – СПб., 2000. – С.39–42.

Таблица 1. Поселения Европейского Боспора VI-I вв. до н.э.

№	район	3/3 VI – 1/4 V	2/4 V – нач. IV	2/4 IV – 1/3 III вв.	2/2 III– рубеж II-I	Всего / без городов
1	Столичный	2	4	30	11	32
2	Нимфей	2	8	42	7	45
3	Юго-восток	1	11	45	8/ 2	46
4	Юг	1	5	24	6	25
5	Феодосия	-	20	39	9	47
6	Северо-восток	-	1	43	24	51
7	Крымское Приазовье	-	8	46	21	56
8	Внутренние районы	-	1/-	57	4	61
	Всего	8/ 9	58/12	316	88	354
	С городами / раскоп.					363/ 92

Динамика численности поселений Европейского Боспора VI-II вв. до н.э.

Шестаков С.А.
(Керчь)

В.В. ШКОРИЛ И РАСКОПКИ НЕКРОПОЛЕЙ

В.В. Шкорпил – известный археолог и эпиграфист. Однако некоторые стороны его деятельности остаются недостаточно понятными. Причиной тому являются превратности судьбы археолога и его семьи и гибель рукописного творческого наследия, раскассированность находок из раскопок некрополей, которые хранятся в разных музеях. В свою очередь, этими же причинами вызываются трудности изучения некрополей, которые он раскопал. Кроме того, ныне пишущие о В.В. Шкорпиле ошибочно пишут о его семье, поэтому в эти вопросы нужно внести ясность.

Владислав Вячеславович Шкорпил родился 5 ноября 1853 г. в Восточной Чехии, в городе Высоке Мыто. Отец Вацлав Шкорпил (31 августа 1826 –15 октября 1903) происходил из аристократической семьи. Занимался предпринимательством, чтобы обеспечить содержание семьи. Мать, урождённая Анна Иречкова (14 февраля 1829 – 23 января 1897), была сестрой знаменитых деятелей чешского возрождения Иречков: Йозефа (9 октября 1825 – 25 ноября 1888), женатого на дочери П. Шафарика – Божене (1831 – ?) и Герменегилда (13 апреля 1827 – 29 декабря 1909). Сестра Анны Йозефа жила в Высоком Мыте. Вторая сестра Ноэма была пианисткой в Вене. Анна Шкорпилова – женщина образованная, собрала большую библиотеку, и привила детям интерес к наукам. Детей было восемь. Первый из братьев Вацлав (1851) остался в родном городе и унаследовал имение родителей. Он создал музей в Высоком Мыте, став его первым руководителем. Владислав (1853 – 1918) - директор Керченского музея древностей. Йозеф (1856) учился в консерватории, но стал архитектором в Пльзени. Его сын Вацлав Мария Шкорпил был основателем и директором военно-исторического музея в Праге. Герменегилд (1858) и Карел (15 июля1859 – 10 марта 1944) работали в музеях Болгарии. Сведения

о Рудольфе не найдены. Сестра Вероника (1864) после замужества осталась в родном городе. Они все получили хорошее образование. Владислав по окончании классической гимназии в городе Литомышле учился в Краловом университете в Праге, где изучал классическую филологию и славистику, главным образом, русский язык.

В 1870 году в России проводилась реформа средней школы. Вводились классические гимназии с преподаванием древних языков, но для поставленной цели было недостаточно учителей древних языков. Министр просвещения граф Д.А. Толстой решил пригласить их из Австрийской империи и воспользоваться способными студентами из Чехии. Они должны были продолжить обучение в Лейпцигской классической семинарии, созданной Д.А. Толстым при университете, или в Петербургском филологическом институте. Претендентам была назначена стипендия, а по окончании работы в России – пенсия.

Профессор кафедры древних языков Ян Квичала настоятельно рекомендовал Владиславу Шкорпилу поехать в Россию. Так он оказался сначала в Лейпциге, потом в Петербурге. Был назначен учителем древних языков в Ялтинскую Александровскую мужскую прогимназию и утверждён в чине коллежского асессора. В Ялте в 1882 году женился на дочери купца Христофора Лебеши Лидии (20 июня 1863 – 19 мая 1940). Она была племянницей жены керченского табачного фабриканта К.И. Месаксуди Марии Константиновны (урождённой Лебеши). В 1886 году был переведён из Ялты в Керченскую Александровскую гимназию. Их дети Мария (18 июля 1883 – ?), Владимир (10 января 1890 – 21 октября 1937), Георгий (8 января 1900 – ?). С 1894 года по 4 марта 1904 В.В. Шкорпил был заведующим Мелек-Чесменского кургана. Суть работы состояла в комплектовании фондов Одесского музея и Музея Мелек-Чесменского кургана путём покупок у торговцев древностями: Запорожского Е.Р., Пекерова И., Букзиля Б.И., Тульмана И.А., Головлёва С. Вынуждено поддерживая взаимоотношения с торговцами древностями и гробокопателеми, он понял систему торговли древностями. Эти знания пригодились, когда он стал директором Керченского музея древностей

Директором музея В.В. Шкорпил был с 1902 года и до конца жизни – восемнадцать лет. В течение всех этих лет он вёл раскопки некрополей круглый год в Керчи и летом на Таманском полуострове. Он внёс в их исследование большой вклад. При этом он вёл борьбу с гробокопателями. Трагическая гибель археолога была обусловлена событиями, которые произошли в 1904 году.

С 13 марта до 1 июня 1904 года В.В. Шкорпил находился в командировке в Греции, устроенной председателем Археологической комиссии графом А.А. Бобринским, для ознакомления сотрудников

Комиссии с раскопками и методикой раскопок археологов, работавших на почве Греции. Экскурсия, организованная Германским Археологическим институтом, была проведена под руководством Вильгельма Дёрпфельда. Поездка была приятной и полезной для В.В. Шкорпила.

В это же время была В.В. Шкорпилу назначена другая командировка в Гагры с 14 по 29 июня 1904 года. Один из рабочих якобы нашёл редкие археологические предметы в имении принца А.П. Ольденбургского, доставив их принцу. Для экспертизы находок и для разведочных раскопок с двумя рабочими Шкорпил выехал в Гагры и обнаружил обман. Рабочий сознался, что ограбил погребение в районе Новороссийска и путём подлога хотел получить от принца вознаграждение.

А в это время в Керчи в ночь с 23 на 24 июня1904 года ограбили полностью сохранившийся склеп на Госпитальной улице домовладелец Антон Коробка, Иванов Василий, Клочков Пётр, Клочков Иван, Щелкунов Кузьма, И. Зубков. Вещи продали коллекционеру, врачу пограничной стражи И.А. Терлецкому. Тот заплатил 2352 рубля 49 копеек наличными и 3 векселя на 9000 рублей. В.В. Шкорпил добился изъятия вещей у Терлецкого на Высочайшее воззрение. Полицмейстер объявил векселя неплатёжными. Терлецкому Археологическая комиссия вернула его наличные деньги. Грабители значительную часть золотых вещей продали ювелирам и часовщикам. Одни из них сохранили изделия, другие их переплавили. Грабители остались неудовлетворёнными. С жалобой на Шкорпила и с просьбой оплатить находки обратились к Императору. Жалоба была рассмотрена, но найдена необоснованной, а занятие жалобщиков раскопками незаконными. В 1905 – 1906 гг. грабители Зубков и Щелкунов стали прямо требовать деньги от Шкорпила лично. Когда же в Керчи 6 января 1918 года установили власть Советов, те же грабители предъявили иск к Шкорпилу на 11 тысяч рублей в революционный трибунал, называя его дворянином. В.В. Шкорпил был вызван в революционный трибунал 23 марта. Из Петрограда А.А. Бобринский, который тогда ещё не эмигрировал, 20 марта прислал в Керчь срочную телеграмму: «Комиссия приобрела древности Терлецкого за триста пятьдесят два рубля для Эрмитажа. Бобринской». В иске грабителям ревтрибунал отказал, поскольку Эрмитаж был национализирован. Ничего у них не получилось и при немцах, и при белых. 25 декабря они подстерегли В.В. Шкорпила, возвращавшегося с педсовета гимназии в 22 часа 15 минут, и на пороге музея пробили голову тяжёлым предметом. 27 декабря он умер.

Музеем после гибели В.В. Шкорпила управлял П.К. Месаксуди, затем вдова Л.Х. Шкорпил. Потом директором был назначен К.Э.

Гриневич, приехавший с матерью. Они заняли директорскую квартиру при музее, где оставалась личная библиотека В.В. Шкорпила, его рукописи и записные книжки. Вдову Шкорпила с дочерью приютили в доме № 3 на Спицынской улице. Вскоре после окончания Гражданской войны вдову Шкорпила и её дочь Марию Мавропуло, ассистентку 5-ой советской аптеки, находящуюся на 8 месяце беременности, стали выселять из этого дома лица из следственной части революционного военного трибунала Восточного побережья Крыма. Семье выдано было предписание от 11апреля 1921 г.: «…предлагаю вам в трёхдневный срок очистить занимаемые вами помещения, считая конечный день 14 сего апреля. Военный следователь Петровский».

Женщины продолжали жить где-то в Керчи потому что, вдова В.В. Шкорпила Л.Х. Шкорпил обратилась 30 августа 1922 г. в правление Российской Академии истории материальной культуры с просьбой о ходатайстве назначения соответствующего обеспечения семье. Учёный секретарь Б.В. Фармаковский 18 декабря предложил вновь ходатайствовать о назначении пенсии семье покойного В.В. Шкорпила. 8 ноября 1926 г. Л.Х. Шкорпил обратилась с просьбой об издании работы В.В. Шкорпила об амфорных ручках, которую так и не издали. Какую-то помощь оказывал сын Владимир, работавший на патронном заводе в Ленинграде, а потом в Москве. 19декабря 1936 г. его арестовали. Во время обыска выбросили всё, лишённое компромата, в том числе документы отца, семейные фотографии… Дворник всё это собрал и сжег. Владимир был расстрелян. Его жена Татьяна Евгеньевна Шкорпил (Яковлева) была осуждена на 8 лет. Отбывала заключение в Акмолинском лагере жён изменников Родины. Сыновья Георгий (1921) и Борис (1922) находились на попечении бабушки, матери жены. Оба сына погибли на фронте. Татьяна Евгеньевна была освобождена 9 ноября 1945 года. Их реабилитировали в 1956 году. О сыне В.В. Шкорпила Георгии сведений почти нет. В 1915 году с другим гимназистом работал на раскопках отца. В 1918 году он был учтён как военнообязанный, приписанный по метрическим книгам церкви Иоанна Предтечи. В 1960-е годы жил в Ленинграде на улице Правды. Его жена Порфирьева с сыном Вадимом переехали в Павловск. Никаких документов В.В. Шкорпила у них не было, по словам людей, вселённых в их бывшую квартиру.

Археологические документы Шкорпила погибли во время Великой Отечественной войны в Армавире вместе со всем архивом Керченского музея древностей в результате действий немецких войск. Там были документы раскопок и записные книжки В.В. Шкорпила. Сохранились лишь обрывки документов и частично - фототека. За время своей археологической деятельности В.В. Шкорпил раскопал

2248 погребений, в которых содержалось 11616 находок. В фондах Керченского музея хранится 943 предмета из раскопок В.В. Шкорпила. Отсутствие оригинальной полевой документации создаёт разрыв между находками и отчётами о раскопках, который преодолевается за счёт изучения дел Керченского музея древностей в архиве ИИМК.

Литература

Москва.Книга памяти. 1941 – 1945. Т.14. М.1994.
Sklenař. K. Od čechiJ do Pompeij. Praha. 1989.

Архив

Архив ИИМК Ф. 1, дд.12,32,19,6.
ГАРК Ф.162,оп.2, ед.хр.4995.

Отмар Ягги
(Базель)

АТТИЧЕСКАЯ КРАСНОФИГУРНАЯ КЕРАМИКА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ, ВОСПРИЯТИЯ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Простой взгляд на карту с фиксацией мест находок (Вдовиченко, 2008, рис. 7) показывает, что импортированные краснофигурные аттические вазы к настоящему моменты были найдены, главным образом, в *греческих* городах Северного Причерноморья или на прилегающей к ним территории, как например, на территории восточной части Керченского полуострова, т.е. рядом с Пантикапеем.

Мы знаем из письменных источников, что, впрочем, подтверждается и материалами археологических раскопок, что на этих территориях греческое и не-греческое население проживало совместно. Примером может служить скифский царь Скил, который «даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку», а также «снимал своё скифское платье и облачался в эллинскую одежду... в

этом наряде... ходил по рыночной площади... ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде», «царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов» (Herodot IV, 78-80, пер. Г.А. Стратановского). В свою очередь находки в Херсонесе надгробий с не-греческими женскими именами (но с эпитафиями на греческом языке и выполненными в греческих традициях) свидетельствуют о том, что греческое население брало себе в жёны местных женщин (Posamentir, 2011; Posamentir, 2005). Хотя название «скифы» нередко используется для обобщения разнообразных не-греческих народов, уже Геродот говорил о существовании, в действительности, различных этнических групп с различными культурными традициями (Herodot IV, 6). Совместная повседневная жизнь греков и представителей других народов формировала новые варианты культурной идентичности с учётом региональных различий (сравни: Jaeggi, 2012, 173; Langner 2005, 65-66), культурные различия в разнообразных сферах, которые мы можем осознать, в частности, на примере разных погребальных традиций: так, часто встречающиеся в курганах в окрестностях Пантикапея монументальные каменные склепы отсутствуют на территории западного Крыма (см. последнии публикации, в которых учтены и предшествующие труды по этому вопросу: Бутягин, 2014; Виноградов, 2012; Fless-Lorenz, 2005). Тем не менее, основной культурный компонент оставался, главным образом, греческим, что становится очевидным благодаря использованию греческого языка вплоть до поздней античности.

Основываясь на этом допущении, мы можем предположить, что изящная импортированная керамика использовалась в греческих городах и поселениях Крыма как керамика для симпосиев и для прочих нужд, таких как посвятительные дары в святилищах или как основа для граффити (примеры из Херсонеса, Калос Лимена, Пантикапея, а за пределами полуострова – из Ольвии), что означает: использование этой керамики в городах и поселениях осуществлялось в соответствии с греческими традициями (Вдовиченко, 2012; Ягги, 2012; Вдовиченко, 2011; Вдовиченко, 2008, в разных частях, но особенно с. 97-109, 114-125, 150-169 [более ранние публикации по вопросу]; Вдовиченко, 2003. По поводу граффити на вазах и фрагментах: Krim, 2013, 248-251; Ягги, 2012, 188, Кат. 89; Lejpunskaja, 2010, 503, Nr. S-14).

Импортированная аттическая керамика также широко использовалась в качестве погребальных даров в некрополях, хотя в способах ее использования существуют региональные различия. Например, исследования показали, что лекифы в комбинации с леканами характерны в качестве местной традиции для погребальных

камер Пантикапея (Fless-Lorenz, 2005, 21-22). Леканы использовались в качестве контейнера для еды в погребениях Юз-Обы (Petrakova, 2012, 152) – очевидное отличие от греческой погребальной практики, вполне возможно – вдохновленное не-греческим влиянием (см.: АГСП). Другая местная особенность, которую можно вывести на материалах погребений Юз-Обы, состоит в находках образцов (по преимуществу краснофигурной) аттической керамики в разбитом виде в насыпях над склепами (по-видимому, их разбивали в процессе церемонии; Petrakova, 2012, 152-154, а также – АГСП). Отдельно следует упомянуть случай с курганом V, погребение 48, где в насыпи над склепом были обнаружены три краснофигурные аттические вазы, две из которых отнесены к работам разных мастерских с разными датировками – все эти вазы были найдены вместе, т.е. были разбиты и закопаны в насыпи в один и тот же период, по-видимому, во время церемонии. При том, что это вазы разных форм и из двух разных мастерских, их всех объединяет тема, имеющая отношение к предыстории Троянской войны: вазы представляют три эпизода Троянской войны – суд Париса, похищение Елены, а также Париса вместе с Еленой (подробнее об этом: Petrakova, 2012, 152-154). Таким образом, истинный мифологический смысл изображений явно был понятен тем, кто собрал эти вазы (как знать, быть может, один из ранних примеров чего-то наподобие «коллекционирования»?). Поскольку речь идет, главным образом, о греческих городах или территориях преобладания греческой культуры, мы с большой долей уверенности можем говорить о том, что «греческий» смысл изображений на аттических краснофигурных вазах был вполне понимаем местным населением. Это утверждение может показаться очевидным, тем не менее, вопрос об особенностях восприятия изображений на аттических вазах населением Северного Причерноморья породил долгую, и все еще продолжающуюся дискуссию об амазонках (этому посвящен отдельный доклад – см.: А. Петракова. Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений).

В публикациях (Вдовиченко, 2008, рис. 7, ср. также: Langner, 2013, 232-233; Langner, 2012, 35-37, fig. 1) дается карта распространения аттической краснофигурной керамики на этой территории, базирующаяся на материалах собранных авторами трудов. Даже если эта карта изменится по результатам материалов новых раскопок и публикаций – она демонстрирует вполне четкую картину (даже с учетом того, что какие-то факты до конца не изучены, в музейных собраниях существуют вещи с неизвестным происхождением, интенсивность археологических раскопок в разных точках обозначенной территории сильно отличается). Картина такова: за пределами греческих колоний

в Крыму, за пределами территории Пантикапея и Боспорского Царства, было найдено весьма незначительное количество краснофигурных аттических ваз, причем среди них почти нет выдающихся экземпляров (по крайней мере, на сегодняшний день это так). Исключения в Крыму составляют (среди немногих других) Червонное, Крыловка, Филатовка (маленькие вазы по упомянутой публикации Вдовиченко, 2008, 87-90). Что касается находок на территории восточной части Крымского полуострова – они должны восприниматься в контексте греческого культурного влияния, Боспорского Царства. С противоположной стороны пролива (т.е. кавказской) мы наблюдаем аналогичную ситуацию: за исключением нескольких панафинейских амфор (Алексинский, 2013, 113-114 Kat. 63) и некоторого количества ваз малых форм в гробницах за пределами Боспорского царства, находки аттической керамики ограничены территорией Боспорского царства (Вдовиченко, 2008, 64-65. 90-96; см.также: Бонгард-Левин, 2010; Morgan, 2004). В весьма скромных количествах аттические вазы были найдены в районе Таганрог-Ростов, демонстрируя интенсивные торговые связи между колонистами из Боспорского царства и местным населением (Вдовиченко, 2008, 90-96).

Другим важным центром находки краснофигурной аттической керамики является Ольвия и ее окрестности, хотя еще не до конца ясно, сколь много ваз и фрагментов найдено непосредственно на «Хоре» Ольвии (Вдовиченко, 2008, 49-54). В этом контексте, к северу от морского берега, уже в Западной Украине (на границе с Молдавией) задокументированна еще одна группа находок аттической керамики (Вдовиченко, 2008, 84-87). Предположительно, эти находки связаны с торговлей с Ольвийским регионом, проходившей по рекам. На скифских территориях, в частности на территории, где располагались так называемые царские гробницы, в средней и южной части Днепра, примеров изящной аттической керамики не найдено. Богатейшие гробницы Северного Причерноморья не содержали аттической керамики, за редким исключением в виде чернолаковых чаш и сосудов для питься без изображений, найденных, например в кургане Солоха или в кургане Чертомлык (Манцевич, 1987, 95-96 Кат. 67; Rolle, 1998, 26, Kat. 149-150, Pl. 43). При этом часть найденных в них изделий из металла не только изображает греческие сюжеты (как, например, серебряные чаши из Солохи: Манцевич, 1987, 34-35. 86-96), но и интерпретируется как греческая работа. Из всего сказанного возникает следующий вопрос: почему на территории максимальной концентрации богатейших скифских гробниц не найдено импортированной изящной аттической керамики? Греческие колонии, особенно Пантикапей, развивали интенсивную торговлю со скифским

населением. Мастерские греческих городов работали на скифских покупателей, особенно – принадлежавших к высшим слоям социума. В так называемых царских гробницах найдено множество предметов, таких как гориты, мечи, колчаны, зеркала, ювелирные украшения, вазы из бронзы, серебра, золота (см. в качестве обзора: Alexeyev, 2012). Многие из них украшены изображениями по греческим сюжетам, но есть и сделанные явно специально для скифских заказчиков (изображены скифы в контексте сражений и в повседневной жизни). Прекрасный пример – большая серебряная амфора из Чертомлыка, найденная вместе с большой бронзовой чашей с черпаком (Alexeyev, 194-201; Rolle, 1998, 17 Kat. 91). По-видимому, она предназначалась для вина, которое пили во время церемоний, в то время как разнообразные «комплекты» серебряных сосудов для питья из других «царских» скифских гробниц, как, например, Солоха, указывают на употребление вина во время церемоний (скифского варианта «симпосия»), как чего-то вполне укоренившегося. Если культуру симпосия приняло и развило население Аппенинского полуострова (чему есть множество доказательств, например, в инвентаре и росписях этрусских гробниц, Bentz, 2004, Reusser, 2002), почему бы эту культуру не адаптировать и скифам? Конечно, этруски имели гораздо более продолжительные и тесные контакты с греками, чем скифы. Но, тем не менее, симпосий имел иное значение в Этрурии, чем в Греции, например в том, что касается положения женщин, жен, которые участвовали в симпосии в Этрурии, в отличие от Греции (Amann, 2000). Таким образом, симпосий становился скорее некоей показательной церемонией, при помощи которой участники демонстрировали свою принадлежность к аристократии. Аналогичное значение имел симпосий во Фракии (об этом можно говорить на материале раскопок гробницы в Казанлыке (Živkova, 1975; Vassiliev, 1959).

Мы можем предполагать, что симпосий был воспринят и адаптирован представителями скифской аристократии в качестве церемонии, характеризующей высокий социальный статус участников, хотя это не исключает и того, что в то же время эта церемония могла иметь для скифов и некое религиозное значение (последнее сложно определить, поскольку мы почти ничего не знаем о скифской религии). Чаши из Солохи и Частых курганов (Манцевич, 1987, 88-91 Kat. 61; Alexeyev, 2012, 244-249) и амфора из Чертомлыка (см.выше) имеют «греческую» форму, но украшены изображениями скифов – охотящихся, приручающих лошадей. В конце концов, огромное количество греческих тарных амфор доказывает, что употребление вина было важным элементом социального разграничения и, возможно, элементом религиозных церемоний (очень хорошим

примером являются находки из Чертомлыка: Rolle, 1998, part 2: 107-110). Подводя итоги, мы можем утверждать, что для богатых скифских покупателей мастера из греческих городов производили особые предметы с особыми изображениями, которые подходили для нужд репрезентации и для церемоний скифской аристократии. Эти нужды и культурные характеристики были хорошо известны мастерам, которые, по-видимому, были в тесном контакте с заказчиками. На выполненных греками изображениях скифов детали одежды, оружия, разнообразные виды активности в повседневной жизни и во время боевых действий внимательно замечены и представлены. Это может рассматриваться как исключение в греческом искусстве, которое в целом выказывало мало интереса к точным наблюдениям и к передаче особенностей «варваров» при их изображении.

Но почему тогда аттические вазы, например, Мастера Марсия и его мастерской (Ягги, 2012, 133-137), не были востребованы? В то время как очевидно, что серебряные сосуды использовались для «симпосия»? Возможно ли, что керамические вазы не были востребованы по причине «бедного» материала (глина, не сопоставимая с золотом, серебром или бронзой по ценности) или они были не востребованы потому, что изображения на них не были понятны скифскому населению, или потому, что они ничего не значили для них?

Вряд ли отсутствие изящной аттической керамики в раскопках на скифских территориях объясняется тем фактом, что керамика хрупка, а, следовательно – не подходит для кочевников. Вспомним тот факт, что кочевники в других частях античного мира использовали керамику, например, набатеи, которые высоко ценили, производили и использовали очень тонкую, деликатную и расписную керамику в больших количествах (Schmid, 2000). К тому же не все скифы жили кочевым способом в 4 веке до н.э. Единственная импортированная керамика в скифских поселениях 4 века до н.э. – это тарные винные амфоры. Получается, что или материал «глина» был сочтен слишком «бедным» для репрезентационных нужд, или же изображения на вазах были непонятны или не оценивались по достоинству... или и то, и другое одновременно.

Если мы примем этот вопрос в качестве гипотезы – она породит последующие вопросы и предположения, а именно: «греческие» изображения на предметах, найденных в скифском контексте, были специально отобраны для этих заказчиков и имели для них особый смысл. Коль скоро торговля – это, по сути, коммуникация при помощи тех или иных предметов, она, как и любой вид коммуникации, нуждается в некоем языке, понятном обеим сторонам, соответственно, мы можем сказать, что обмен товарами ограничивается теми предметами,

которые (их назначение, смысл, изображения на них и т.п.) понятны обеим сторонам. Получается, что такие предметы, как производимые в Афинах вазы (где мастера не знали специфических нужд скифских заказчиков) не были поняты и оценены по достоинству за пределами греческих территорий Черного моря за редкими (названными выше – Таганрог, Западная Украина) исключениями, и, соответственно, не являлись предметом торговли. Интересным исключением могут быть названы панафинейские амфоры, происходящие из таких мест, как, например, Елизаветинский могильник; возникает вопрос: не использовались ли они просто как сосуды для растительного масла (в качестве которого они использовались в материковой Греции)?

Одно из предварительных заключений состоит в следующем: обмен предметами с изображениями между а) Афинами/Материковой Грецией и греками на побережьях Крыма и Северного Причерноморья и б) между греческими колониями черноморского побережья и скифами и прочими не-греческими народами фильтровался/обуславливался разными культурными традициями и пониманием изображений. Таким образом, выявление закономерностей в распространении импортированных керамических ваз (наряду с другими видами находок, такими, как, например, терракотовые статуэтки) может помочь нам в создании более аккуратной культурно-исторической карты региона со всеми необходимими оттенками и нюансами.

Литература

Алексинский Д.П. 2013 (с соавт.), Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (СПБ, 2013).

Бонгард-Левин Г.М., В.Д. Кузнецов (под ред.) 2010. Античное наследие Кубани. В 3 томах (Москва, 2010).

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. 2014. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Том II. Курганы на мысе Ак-Бурун. Боспорские исследования. Supplementum 13 (Симферополь-Керчь, 2014).

Вдовиченко И.И. 2003. Античные расписные вазы из крымских музеев. Материалы по археологии Крыма (Симферополь, 2003).

Вдовиченко И.И. 2008. Античные расписные вазы в Северном Причерноморье, Симферополь, 2008.

Вдовиченко И.И, Жесткова Г.И. 2011. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера), Рубежи Ойкумены, Stratum plus, 3, 2011, 15-126.

Вдовиченко И.И., Рыжов С.Г., Жесткова Г.И. 2011. Античная расписная керамика из северного и северо-восточного районов Херсонеса (раскопки С. Г. Рыжова в 1976-2010 гг), Херсонесский Сборник, выпуск 17, 2012, 19-35.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. 2012. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I: История изучения и топография. Боспорские исследования. Supplementum 9 (Киев, 2012).

Манцевич А.П. 1987. Курган Солоха. Публикация одной коллекции «Искусство» Ленинградское отделение, 1987

Ягги О. 2012. при участии Л. Лазенковой, Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Коллекция расписной керамики, Аттические краснофигурные вазы. IV в. до н.э., Киев, 2012.

Alexeyev A. 2012. The Gold oft he Scythian Kings in the Hermitage Collection (St. Petersburg, 2012).

Amann P. 2000. Die Etruskerin: Geschlechterverhältnis und Stellung der Frau im frühen Etrurien (9.-5. Jh. v. Chr.) (Wien, 2000).

Bentz M., Reusser C. 2004 (eds.). Attische Vasen in etruskischem Kontext: Funde aus Häusern und Heiligtümern (München, 2004).

Fless F., Treister M. 2005 (eds.). Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet: Kolloquium in Zschortau/Sachsen 2003 (Rahden, 2005).

Fless F., Lorenz A. 2005. Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr., in: Fless, 2015, 17-25.

Jaeggi O. 2012. Attische Vasen des 4. Jhs. aus Kerč und Umgebung: Fragen zu Gebrauch, Verteilung und Rezeption, in: Schmidt, 2012, 165-176.

Krim, 2013 LVR-Landesmuseum Bonn (ed.), Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung (Bonn, 2013).

Langner M. 2012. Kam es auf die Bilder an? Handelskontakte, Verwendungskontexte und lokale Imitationen spätrotfiguriger Vasenbilder aus Athen, in: Fless, 2012, 35-50.

Langner M. 2013. Amazonen auf Kertscher Vasen, in: Schubert, 2013, 221-257.

Lejpunskaja N.A. (et alii) 2010. The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD, Black Sea Studies 13 (Aarhus, 2010).

Morgan C. 2004, Phanagoria Studies 1. Attic Fine Pottery of the Archaic to Hellenistic Periods in Phanagoria (Leiden, 2004).

Petrakova A. 2012. Late Attic Red-figure Vases from Burials in the Kerč Area: The Question of Interpretation in Ancient and Modern Contexts, in: Schmidt, 2012, 151-163.
Posamentir R. 2005. Spätklassische Grabstelen und die griechische Besiedlung von Chersonesos, in: Fless, 2015, 105-110.
Posamentir R. 2011. The polychrome grave stelai from the early Hellenistic necropolis (Austin, 2011).
Reusser C. 2002. Vasen für Etrurien: Verbreitung und Funktionen attischer Keramik im Etrurien des 6. und 5. Jahrhunderts vor Christus (Kilchberg, 2002).
Rolle R. (et. al.) 1998. Königskurgan Čertomlyk: ein skythischer Grabhügel des 4. vorchristlichen Jahrhunderts / Renate Rolle, Vjačeslav Murzin, Andrej Alekseev (Mainz a. Rh., 1998).
Schmid S.G. 2000. Die Feinkeramik der Nabatäer (Mainz a.Rh., 2000).
Schmidt S., Stähli A. (eds.) 2012. Vasenbilder im Kulturtransfer – Zirkulation und Rezeption griechischer Keramik im Mittelmeerraum. Beihefte zum CVA Deutschland (München, 2012).
Schubert C., Weiss A. (eds.) 2013. Amazonen zwischen Griechen und Skythen. Gegenbilder in Mythos und Geschichte, Beiträge zur Altertumskunde 310 (Göttingen, 2013).
Vassiliev A. 1959. Das antike Grabmal bei Kasanlak (Sophia, 1959).
Živkova L. 1975. The Kazanluk Tomb (Recklinghausen, 1975).

Яйленко В.П.
(Москва)

СКАЗ ПРО ТО, КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И. Е. СУРИКОВ ОТПРАВИЛ В НЕБЫТИЕ ФАНАГОРА, ГЕРМОНА, ГИЛОНА И РАЗОБЛАЧИЛ ЛЖЕЦОВ ДЕМОСФЕНА ДА ЭСХИНА

В статье 2012 г. «Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы (Древности Боспора. Т. 16) И. Е. Суриков счел, что в архаическую эпоху основанным городам не давались имена ойкистов и заключил, что Phanagoria и Hermonassa – эпиклесы божеств: первая Аполлона, вторая некой «Владычицы Гермеса». Правда, обе не засвидетельствованы, но не станем придираться. Статья большая, автор рассуждает о том да сем, но собственно этимологиям уделено по небольшому абзацу. Фанагория, согласно И. Е. Сурикову, получила название от острова Phanagora, по которому он реконструировал эпиклесу Phanagores, основа phan- которой, происходящая от слова phos «свет», близка эпитету Аполлона Phanaios. Стало быть, в основе названия города Фанагория лежит эпиклеса Аполлона. Это решение И. Е. Сурикова бесплодно, во-первых, ввиду безосновательности замены распространенного личного имени Фанагор не засвидетельствованной эпиклесой; во-вторых, из-за утраты второй основы эпиклесы -agore-s: о ней ни слова. И промолчал он не случайно, а потому, что обе основы плохо вяжутся друг с другом по смыслу в эпиклезе божества: у Сурикова получается, что Аполлон «светлый, чистый, прославленный» (это значения слова phanos) в «собрании, стечение людей; месте собрания; на рыночной площади» (это значения слова agore). Вытекающее из соединения обеих основ значение «прославленный среди людей» естественно для личного имени мужчин и женщин, но проблематично для эпиклесы Аполлона, ибо порождает неясность, чем же он прославлен.

Вообще, обо всем этом можно и не говорить, так как одно лишь употребление основы -agora, -agore, -agoras, -agores в ономастике

показывает ее почти исключительно антропонимический характер: около 160 личных имен, несколько топонимов и ни одной эпиклесы [Hansen B. Ru>ckla>ufiges Wo>rterbuch der griechischen Eigennamen. B. 1958, S. 39, 61, 140, 167]. Репрезентативность этих данных такова, что не оставляет и доли шанса на право существования домыслу И. Е. Сурикова о Fanagovrh" как эпиклесе божества. Прежде чем выступать на ниве этимологии и ономастики, не мешало бы освоить эти науки.

Усмотрев в эпиклесе Гермонасса слово anassa «владычица», И. Е. Суриков счел, что первая основа происходит «от имени Гермеса... Кто же такая эта «Гермесова владычица»? Варианты настолько разнообразны и, в сущности, почти равноценны, что делать какой-либо выбор из них (во всяком случае пока) не представляется возможным». Лукавит автор сей цитаты: на деле его «разнообразные варианты» свелись к глухой ссылке на эссе Ж. Вернана о Гестии, которая (цитирую Сурикова) «воспринималась греками как находящаяся в неких парадоксальных связях с Гермесом». На деле же нет никаких «вариантов» с богинями, есть всего лишь голословные посулы И. Е. Сурикова, призванные оправдать открытую им «эпиклесу». Хотя бы по роли Афины в мифологии Геракла мы вполне можем судить, чем и кем должна быть в мифологии Гермеса какая-либо богиня, чтобы иметь эпитет «Гермесова владычица». В связанных с Гермесом мифах, мантике и прочем ничего подобного нет, потому и подтвердить Сурикову свою «этимологию» нечем. Если следовать логике И. Е. Сурикова, то и личное имя Diwvnassa (< Dio<anassa, мать Ликурга) означает «владычица Зевса», и кто же это из дам греческого пантеона? Нет таковой, так что и с точки зрения образования имен мнение И. Е. Сурикова безосновательно.

Результат его изысканий еще и потому нулевой, что получен он путем ничем не оправданной вивисекции – удаления имен ойкистов из названий основанных ими городов, в том числе реального антропонима Phanagores из названия Phanagoreia. Рассмотревший вопрос о первоначальной форме названия Фанагория П. Харалампакис, специалист по исторической географии Греции, справедливо отверг суждения И. Е. Сурикова и показал лингвистически чистую связь топонима с именем основателя Phanagores [AMA, 2013, с. 181-184]. Свой тезис об отсутствии примеров наречения города именем ойкиста в архаическое время И. Е. Суриков построил на критике статьи И. Малкина, который утверждал, что в ряде случаев такое имело место [Malkin, 1985]. Статья Малкина слабая, бить слабого легко, но в ряде случаев и критика Сурикова немощна, так что число доказательных примеров у Малкина осталось достаточным. Ограничимся 3 примерами. Мегару Гиблейскую основали в 728 г. мегаряне, когда сикульский царь Гиблон

предоставил им землю (*Thuc.* VI, 4). И. Е. Суриков отвел этот пример, поскольку имя Гиблона «отразилось не в основном названии города, а лишь в дополнительном эпитете, имевшем идентификационные цели» – для различения с метрополией Мегарой Нисейской. Он не знает реалий: судя по источникам [Pape, Benseler, 1884, S. 877, 1574], город часто именовался просто Гиблой (Hybla), а что это было основное его наименование показывает наличие на Сицилии еще трех городов с таким названием и четвертого в Южной Италии. Посему это сикульский топоним Hybla, сикулы и за ними греки так называли мегарскую апойкию, более того, у нее было и другое туземное название – Styella. То же и с городом на южном побережье Пропонтиды Даскилеем, название которого связывают с отцом лидийского царя Гигеса по имени Daskylos. И. Е. Суриков счел, что по археологическим данным город явно греческий, а ойкист эллинской апойкии не может быть негреком. И тут он не знаком с реалиями: в Эолии, Фригии, Ионии, Карии было несколько городов, называвшихся Daskylion, и личное имя Daskylos распространено там же в качестве династического у лидийских Мермнадов (отец, сын, внук Гигеса) и легендарного у мисийцев (отец и сын царя мисов Лика. Совпадение территории распространения топонимов и династического личного имени (это все Западная Анатолия) свидетельствует об их взаимосвязи – города определенно получали имя по династам, тем более, что Стефан Византийский прямо указал: Даскилей в Карии назван по имени сына тирана Периандра Даскила. Совсем уж забавна критика И. Е. Суриковым параллельного названия основанной при тиране Коринфа Периандре Аполлонии Иллирийской Gylakeia, которое Стефан Византиец связал с именем ойкиста из Коринфа по имени Gylax. Основываясь на толковании имени Gylax В. Папе и Г. Бензелером «нытик», И. Е. Суриков ничтоже сумняшеся объяснил название Гилакия как «город нытиков». До сих пор подобного рода названия давали городам лишь авторы книжек для детей. А если отнестись к вопросу серьезно, толковании имени Гилакс Папе и Бензелером не единственно возможное, вероятно по смыслу и сравнение с дорическими именами V в. до н. э. Gylis, Gulidas, с прозвищем Геракла Gylios, все они сопоставимы с глоссой Etym. Magn. gylios: «кабан, лев», по смыслу это вполне антропонимический материал.

Проблема И. Е. Сурикова в том, что он идет по статье Малкина, а не по источникам, это коренной недостаток его творчества в целом – он отталкивается от англоязычной литературы, а не от собственных источниковедческих штудий. Если бы он дал себе труд просмотреть сочинения Павсания и Страбона, то нашел бы множество местных преданий в Греции архаического времени, связывающих название

города с именем реального основателя. К примеру, город Этил в Лакедемоне назван по имени героя Этила, аргосца по происхождению, известна и его родословная – он сын Амфианакта, внук Антимаха (*Paus*. II, 19, 1; III, 25, 10), и Сурикову не найти весомых доказательств, что это только легендарная традиция и в ней нет исторической основы. Историчен и рассказ Павсания (X, 17) о колонизации греками острова Сардиния, в котором трижды говорится о тождестве имен города и ойкиста. Дабы облегчить себе задачу, И. Е. Суриков искусственно отрывает номинацию архаического периода от классического и эллинистического времени, когда примеры наименования города по эпониму многочисленны (одних Александрий десятки). На деле же это одна традиция, проходящая через все три эпохи греческой истории.

Чтобы покончить с домыслами И. Е. Сурикова о названиях городов Фанагория и Гермонасса, напомним сообщения Арриана (у Евстафия) и Стефана Византийца о них. Арриан: «города Фанагория и Гермонасса, основанные ионийскими колонистами, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по которым названы эти места. Так свидетельствует Арриан: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, названная по Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя»». Источник известия Арриана – Гекатей Милетский (у Стефана): «Фанагория, полис, названный по Фанагору, как свидетельствует Гекатей в книге «Азия»». Рассмотрим вопрос об историчности этих сведений с точки зрения характера сочинения Арриана «Вифиника» и места информации о Фанагории и Гермонассе в нем. По отзыву Фотия, в «Вифинике» Арриан «начинает изложение, как говорится, от мифических времен истории, заканчивает же смертью последнего царя Никомеда, который, умирая, оставил царство римлянам по завещанию» (fr. 1 Roos). Таким образом, «Вифиника» включала мифологическую предысторию и хронологически последовательное изложение реальной истории Вифинии, больше того, сохранившиеся фрагменты (всего их 72) показывают, что история Вифинии дана в широком контексте греческой мифологии и истории. Волей случая ок. 4/5 уцелевших цитат и пересказов принадлежат к мифологической части труда Арриана, но сохранилось и несколько фрагментов реальной истории от VII в. до до н. э. до смерти Ганнибала в 183 г. В мифологической части превалируют сообщения об эпонимах разных местностей и народов Греции и окружающих стран от Ассирии до Северной Африки и Италии (десятки фрагментов). Рассказы об эпонимах городов весьма редки – Астак, Битинополь, Халкедон (fr. 5, 37, 38). Все эти 3 города вифинские,

так что сообщение Арриана об основании Фанагории и Гермонассы стоит особняком; из существа этого сообщения явствует, что оно принадлежало к рассказу о времени Великой греческой колонизации, следовательно, заимствовано прямо или опосредованно из сочинения типа ктисис. В числе источников Арриана был Гелланик (fr. 32 *adnot*. , 53 *adnot*.). Имея в виду выявленную нами [Боспорские чтения, 2012, с. 493-496] причастность Гелланика к известиям Псевдо-Скимна об основании городов Причерноморья, вполне вероятно, что сообщение об основании Гермонассы восходит к этому милетскому логографу. Поскольку Гелланик любил местные мифологемы и ктисис-предания, может ему принадлежать и народноэтимологическая экзегеза о правительнице Гермонассе, жене ойкиста Семандра. Именно таков по характеру рассказ Арриана: к историческому известию об основании Гермонассы эолийскими колонистами во главе с ойкистом Семандром добавлена народноэтимологическая экзегеза о его жене Гермонассе, ставшей правительницей и эпонимом города. Сообщение же об основании Фанагории, как сказано, Арриан заимствовал у Гекатея. Сей логограф тоже любил мифологические предания (он написал и легендарные «Генеалогии»), но его Периэгеза, как явствует из сохранившихся фрагментов, точна географически и исторически, чему вполне соответствует и его рассказ об основании Фанагории теосцами, выселившимися со своего острова во избежание насилий со стороны персов. Поскольку Стефан сначала назвал ойкистов Фанагора и Гермона, а затем пересказал текст Арриана о Фанагоре, очень вероятно, что и упоминание о Гермоне взято у него, т. е. в конечном счете тоже заимствовано у Гекатея.

Таким образом, для сомнений в реальности Фанагора и Семандра текст Арриана никаких поводов не дает. И с точки зрения характера «Вифиники» Арриана мнение И. Е. Сурикова о неподлинности его известий о Фанагоре, Гермоне и Семандре как ойкистах не находит оснований.

Итог рассмотренной его стати неутешителен: он некомпетентен в вопросах ономастики и филологии. Даже «хлеб» историка источниковедение не числится в его рационе, вследствие чего и его суждения исторического плана легковесны. Показательны в этом отношении его статья, посвященная выявлению недостоверности рассказа Эсхина о деде Демосфена Гилоне, который сдал принадлежавший афинянам Нимфей врагам [Древности Боспора, 2009]. Процитировав текст Эсхина о Гилоне, он утверждает, что все другие сообщения разных авторов об этом восходят к нему; по его мнению, рассказ Эсхина о Гилоне содержит внутренние противоречия, а также составляет диссонанс с более ранним сообщением о Гилоне

самого Демосфена. Все это свидетельство недостоверности данных о сдаче Гилоном Нимфея: Эсхин-де выдумал предательство деда для того, чтоб очернить Демосфена. Указав, что вранье было в обыкновении у тяжущихся сторон в афинском суде, он привел также компрометирующее родителей Эсхина сообщение Демосфена, что отец того раб, мать проститутка; это самая гнусная ложь, констатирует И. Е. Суриков. Его заключительное суждение: «Мы ни в малейшей мере не утверждаем, что в переданном Эсхином эпизоде вообще нет невыдуманных элементов»: Нимфей, бесспорно, находился одно время под афинским контролем, у Демосфена были связи с боспорскими царями, потому он и лоббировал их интересы в Афинах, но все это известно из других источников, а «похождения Гилона оратором сочинены». Поскольку сведения Эсхина о Гилоне и Нимфее[1] предоставляют в наше распоряжение данные о важном эпизоде ранней истории Боспора, попытка И. Е. Сурикова элиминировать их нуждается в рассмотрении, к которому и перейдем. Практически все ученые, анализировавшие текст Эсхина, считали и считают историчными его данные, усомнился лишь С. А. Жебелев [1953, с. 180-195], но по причине не научных, а идеологических обстоятельств 1930-х годов.

Аргументацию И. Е. Сурикова разберем ниже, а прежде всего отметим коренной недостаток его статьи – не исследован контекст § 171-172 речи Эсхина против Ктесифонта с известием о Гилоне и Нимфее. Opinio communis потому так дружно в признании сих сведений Эсхина историчными, что это абсолютная очевидность в контексте всей речи о Ктесифонте. Кратко напомним, что эта речь 330 г. формально оспаривает правомочность давнего предложения Ктесифонта о награждении золотым венком Демосфена, по существу же это акт политической борьбы с Демосфеном и патриотическими силами Аттики (Эсхин в числе лидеров промакедонской партии)[2]. Содержание речи Эсхина в целом следующее. Он строит свое

[1] Эсхин, III,171: «Теперь я скажу, как обстоит дело у него с матерью и дедом по матери. Был некий Гилон из дема Керамий. Он предал врагам Нимфей на Понте – наше государство тогда владело этим местечком – и бежал из города (Афин) вследствие поданного против него чрезвычайного заявления (исангелии), не дождавшись судебного разбирательства. Он прибывает на Боспор и получает в дар от тиранов область под названием Кепы» (перевод Л. М. Глускиной [Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. // ВДИ. 1962, с. 223]). В §172 Эсхин говорит о женитьбе Гилона на богатой скифянке, их двух дочерях, которых он отправил в Афины, где они вышли замуж; от брака одной из них с природным афинянином Демосфеном родился будущий оратор.

[2] Для знакомства с контекстом см. перевод этой речи [Греческие ораторы, 1962, 4, с. 190-239].

обвинение на юридической противозаконности, по его мнению, предложения Ктесифонта (§ 1-48), но поскольку с этой стороны его позиция уязвима, уделил основное содержание речи выявлению вреда для Афинской демократии политической деятельности Демосфена и показу неприглядной с точки зрения морали и этики его личности (§ 49-176). Иными словами, речь Эсхина – обычная у ораторов IV в. инвектива против политического противника, в том числе с диффамацией его личности. Для нас самое существенное заключается в том, что все обвинения против Демосфена построены Эсхином на материале исключительно реальных исторических событий, в которых Демосфен принимал активное участие, возглавляя борьбу Афин против македонской агрессии. Это война с Филиппом за Амфиполь 351-348 гг. , затем период 10-летнего перемирия и вторая война с ним, закончившаяся поражением греков при Херонее в 338 г. , а также взаимоотношения с Александром Македонским до 330 г. Эсхин подробно перебирает военные и политические события этого времени, показывая гибельную, по его мнению, для Афин роль Демосфена в них, а также недостойность самой его личности. В этом контексте многих военных, а также внешне- и внутриполитических событий и стоит известие о деде Демосфена по матери Гилоне, который предал принадлежавший афинянам Нимфей врагам. Для наглядности проиллюстрируем сказанное событиями, изложенными непосредственно до эпизода с Гилоном и сразу после него. До § 159 Эсхин ведет речь об афинско-беотийской коалиции и ее поражении при Херонее, с § 160 по § 170 говорится о политике Демосфена в отношении севшего на македонский престол после Филиппа Александра. Подвергнув остро негативной критике действия Демосфена, Эсхин в § 166-170 дает уничижительную оценку и его личным качествам, в плане чего упоминает в § 171-172 эпизод с его дедом Гилоном. Далее, с § 173 по § 180 продолжается личностная диффамация и настояния в юридической неправомочности присуждения Демосфену венка, а в § 181-195 из аттической истории приведен ряд примеров того, что великие деятели прошлого не получали венков за свою в высшей мере полезную для афинян деятельность.

Таким образом, все изложенные Эсхином события, использованные для диффамации Демосфена – и до эпизода с Гилоном и после него – исключительно исторические по своему характеру, оратор лишь по-своему трактует роль своего оппонента в них. Следовательно, таков и только таков также рассказ о Гилоне и утрате из-за него афинянами Нимфея: это такой же реальный военно-политический эпизод, как и все предыдущие и последующие действительные события истории Аттики. Эсхин не выдумал в речи ни одного военного или политического

события, и поскольку история со сдачей врагам Нимфея Гилоном тоже военно-политический эпизод истории Аттики, его никак нельзя считать выдуманным.

И. Е. Суриков пренебрег в своих построениях основным постулатом источниковедения – изучением контекста исследуемого пассажа (это тем более обязательно, если оценке достоверности какого-либо известия посвящена статья в целом). Отсюда и происходит его в корне противоречащее характеру всей речи Эсхина – опоре на реальные исторические события – убеждение в неисторичности данных о сдаче Нимфея Гилоном. На этом можно поставить точку: статья его ущербна в источниковедческом плане, потому выводы ее ошибочны. Однако ради вящей объективности рассмотрим и другие его доводы.

По словам И. Е. Сурикова, известие Эсхина о Гилоне «находится в полном диссонансе с другим, более ранним сообщением о Гилоне, которое принадлежит самому Демосфену. Этот последний, надо полагать, знал дела своих предков и родственников лучше, чем кто-либо иной». В сказанной в 364 г. речи против Афоба (XXVIII, 1-3) Демосфен утверждает, что дед его (Гилон) не должник, а был должником. По И. Е. Сурикову, данные Эсхина и Демосфена резко противоречат друг другу: Эсхин говорит о государственной измене Гилона, который бежал на Боспор и не предстал перед судом, потому был заочно приговорен к смертной казни; «Демосфен же говорит о принципиально другом. По его данным, Гилон был должником государства, но впоследствии погасил свой долг». Сочтя оба свидетельства непримиримыми, он объявил ложными сведения Эсхина о сдаче Гилоном Нимфея, о предоставлении ему (Сатиром I) Кеп и прочем.

Ученые по-разному понимали соотношение известий Эсхина и Демосфена о Гилоне, признавая их полную историчность, и критика их И. Е. Суриковым [с. 401] выдержана в обычной для него аккламационной манере, которая всерьез ничего не элиминирует (пример: Д. П. Каллистов не увидел противоречия в известиях Эсхина и Демосфена, опровержение И. Е. Сурикова даем полностью – «Это явным образом означает: затушевывать реально имеющие место противоречия»). Соотношение данных Эсхина и Демосфена о Гилоне можно трактовать по-разному, позиция И. Е. Сурикова всего лишь один из возможных вариантов, не более. Как и предшествующие ученые, я тоже не вижу никакого противоречия между рассказами Эсхина и Демосфена, но по следующей причине – это два разных эпизода жизни Гилона, тем более, что и по фиксации они разделены 34 годами. И адресат речи Демосфена 364 г. недобросовестные опекуны его имущества, а не Эсхин, который вообще еще прозябал в безвестности. Формулируем первый эпизод из жизни Гилона: когда-то он задолжал полису какие-то

деньги, и если верить Афобу, не вернул долг, по Демосфену, вернул. Второй эпизод (по Эсхину): Гилон оказался виновником сдачи Нимфея врагу, был привлечен к суду, но, не дожидаясь решения, прибывает на Боспор, где получает на кормление от тиранов городок Кепы. Приведем и резонную комбинацию известий Демосфена и Эсхина С. А. Жебелевым [1953, с. 194]: «что вина Гилона (сдача Нимфея, – В. Я.) заключалась именно в нанесении материального ущерба Афинам, ясно следует из того, что, как указывает и Демосфен, Гилон состоял государственным должником, т. е. не уплатил того штрафа, к которому присудил его суд». И. Е. Суриков не упоминает этого мнения С. А. Жебелева, и тут самое время сказать о странном замалчивании им статьи этого своего прямого и единственного предшественника по негативной оценке сведений Эсхина [Жебелев, 1953, с. 180-195].

Еще одно свидетельство внутренней недостоверности данных Эсхина о Гилоне и тем самым общей их неисторичности И. Е. Суриков усмотрел в его известии, порочащем мать Демосфена [Клеобулу]: как дочь природного афинянина Гилона и боспорской скифянки, Клеобула тоже скифянка, но по закону афинским гражданином считается лишь тот, у кого оба родителя афиняне, так что, будь сведения Эсхина о матери Демосфена правдивы, последний не был бы афинским гражданином; при этом И. Е. Суриков оперирует законами VI-V вв. о правилах получения афинского гражданства. Однако в реальности дети от браков афинского гражданина с неафинянкой (nothoi) отличались от полноправных детей афинянина и афинянки (gnesioi) в основном ограничениями в области наследования имущества, «однако на практике эти ограничения совершенно сглаживались, так что уже в доперикловские времена между gnesioi и nothoi не существовало различия» [Латышев В. В. Очерк греческих древностей. СПб. , 1997, 1, с. 190]. Нам достаточно напомнить, что у Кимона, сына Мильтиада, мать была фракийская принцесса, также у родившегося в 460 г. его родственника Фукидида мать была фракиянка, но проблем у Кимона и Фукидида с афинским гражданством, как известно всем, но не Сурикову, не было, и потому сей его аргумент вовсе не опровергает свидетельства Эсхина о скифском происхождении матери Демосфена и его самого, тем более, что и Динарх в речи «Против Демосфена» (§ 15) обозвал противника «скифом», а по Плутарху (*Dem.* 3, 4), Демосфен и Цицерон «оба поднялись от безвестных и ничтожных».

Перейдем к вопросу о достоверности взаимных обвинений Эсхина и Демосфена в низком происхождении родителей. По Эсхину, Демосфен наполовину варвар, ибо мать его и бабка по матери скифянки, а по деду Гилону он сын предателя. Демосфен не остался в долгу: в сказанной на том же процессе 330 г. речи в

защиту Ктесифонта (XVIII, 129-131) он утверждал, что отец Эсхина Атромет раб, добившийся афинского гражданства, стало быть, таков и Эсхин, а мать его Эмпуса бывшая проститутка. И. Е. Суриков счел то и другое вымыслом обоих противников, старавшихся очернить друг друга, это-де топой – принятые у ораторов приемы диффамации супостата клеймами «предатель», «раб», «варвар», если речь о женщине, она непременно «проститутка». Он приводит решающий, на его взгляд, довод своим заключениям: в сказанной 13 годами ранее речи (XIX, 249) Демосфен характеризует родителей Эсхина гораздо сдержанней: «его мать, совершая таинства и очищения и пожиная плоды с имущества обращающихся к ней, воспитала такими важными этих вот сыновей, и что отец его, обучая грамоте, как я слыхал от старших, возле святилища героя Врача, как мог, все-таки жил у нас в городе, а сами они (сыновья), будучи подписарями и прислуживая при всяких должностях, скопили деньги и вот, наконец, выбранные вами в секретари, в течение двух лет кормились в толосе, а этот вот теперь был отправлен отсюда в качестве посла». И. Е. Суриков признает, что за прошедшие 13 лет отношения между Эсхином и Демосфеном резко накалились и нападки их друг на друга стали «менее сдержанными», но вместо того, чтобы так и объяснить сдержанность здесь и развернутые обвинения в речи XVIII возросшим накалом страстей, он приписал «ожесточенность» характеристики родителей Эсхина в речи 330 г. использованному Демосфеном приему псогоса – риторического жанра «хулы», построенного на перечисленных нами выше топой. В результате он заключил, что известия обоих ораторов о родителях противника вымышлены.

Увы, все это по жанру всего лишь «научпоп», в котором И. Е. Суриков мастер. Как и в случае с пассажем из речи Эсхина о деде и матери Демосфена, он не удосужился ознакомиться с контекстом пассажа Демосфена о родителях Эсхина в речи за Ктесифонта (XVIII, 129-131). В § 53-109 Демосфен показал несостоятельность основных обвинений Эсхина, и он полон конкретики: оратор подробно говорит о военно-политических событиях противостояния Афин агрессии македонян и своей роли в них – освобождение Евбеи, спасение Византия и Херсонеса, за свою деятельность он удостоен первого увенчания. Отсюда логически проистекают § 110-125: закономерность предложения Ктесифонта об увенчании Демосфена. Обвинения Эсхина просто брань, вызванная завистью, заключает Демосфен; раз Эсхин перешел на личности и распространяет ложь, то и мы посмотрим, кто он такой (§ 121-128). Отсюда логично содержание § 126-140, в которых Демосфен указывает на низость происхождения Эсхина и разоблачает его предательскую политику. Как видно, личностный выпад Демосфена

против Эсхина о его низком происхождении логично встроен в рассказ о его враждебной интересам Афин промакедонской деятельности.

Демосфен перемежает фактические события, резко негативную оценку роли Эсхина в них и диффамацию противника (в этом отношении речи Демосфена и Эсхина по взаимным обвинениям зеркальны). Демосфен сам не раз говорит о враждебности их личных отношений, но каждый раз сопровождает это конкретными примерами – разной ролью их обоих в военно-политических событиях того времени. Поскольку канва обвинений Демосфена следует исключительно в русле юридической конкретики и только реальных политических и военных событий, нет оснований вместе с И. Е. Суриковым и в его рассказе о родителях Эсхина видеть выдумку. Демосфен показал, как со временем все больше и больше промакедонская политика Эсхина наносила вред Афинам, отсюда понятно, что враждебные личные взаимоотношения обоих политиков возникли не вдруг, а прошли свое развитие – от сдержанных в 343 г. , вскоре после Филократова мира (речь Демосфена XIX о преступном посольстве), до открыто враждебных в 330 г. (речь Эсхина против Ктесифонта, *sc.* против Демосфена, речь Демосфена XVIII за Ктесифонта). Этим и объясняется разный градус характеристики родителей Эсхина в 343 и 330 годах. При этом существенно, что в обоих случаях она нелицеприятная: уже в 343 г. Демосфен обвинял мать Эсхина в причастности к казни жрицы Нино, уничижительно отозвался об обоих родителях и их сыновьях. Он указывал на обогащение матери от должности жрицы (XIX, 249), а об отце говорил с пренебрежением: «отец его, обучая грамоте, как я слыхал от старших, возле святилища героя Врача, как мог, все-таки жил у нас в городе». Отметим, что выражение «как мог, все-таки жил у нас в городе» определенно указывает на положение отца Эсхина как некоренного жителя Афин – он приезжий, метек, поэтому понятно, что в пору открытой и ничем не сдерживаемой вражды с Эсхином 13 лет спустя, в 330 г. , Демосфен говорит о его отце уже не как о метеке, но как о рабе. И это может иметь свои основания, чтобы быть реальностью, ибо в Греции IV в. известны персонажи, прошедшие через состояния раб → вольноотпущенник → метек → гражданин (достаточно упомянуть хорошо знакомого нам по речам Демосфена Формиона, проделавшего весь этот путь). Эсхин сколотил достаточное богатство, чтобы оформить отцу и себе афинское гражданство.

Правдивость рассказа Демосфена о родителях Эсхина явственно следует из его насыщенности детальной конкретикой, которая делает сущность его сведений истинной или близкой к истине (подробно см. об этом в полном варианте этой заметки, который будет опубликован в «Древностях Боспора» за 2016 г.), что элиминирует вердикт

И. Е. Сурикова об его лживости. Поскольку в источниковедческом отношении статья его ущербна, а суждения, как мы показали, поверхностны, вывод, существенный для специалистов по Северному Причерноморью, однозначен: попытка его вычеркнуть известие Эсхина о Гилоне и Нимфее из числа исторических событий безосновательна.

Проблемы И. Е. Сурикова заключаются в том, что он пишет на всевозможные темы, не имея специальной подготовки. О филологии и ономастике речь уже шла. Вторгается он в эпиграфику, нумизматику, археологию, и всюду с пшиком ввиду отсутствия необходимых для этого знаний и опыта. Чего стоит, например, его статья о жилищах боспорских колонистов. Серьезные археологи, специалисты в этой области – В. Д. Блаватский, Д. Е. Чистов, С. Д. Крыжицкий, В. Д. Кузнецов и др. – плодотворно обсуждают эту не простую тему, сунулся сюда и Суриков с идеей, что боспорские колонисты жили в деревянных бревенчатых избах; впрочем, оговаривается он, леса там мало, так что это не основной вид жилища [Боспорский феномен, 2011, с. 62]. Автор этой забавной идеи должен был задуматься не просто о лесе, а о строительном лесе для изб (ель, сосна, ясень). Но его не было не только на Боспоре и на Северном Кавказе, даже в Гилее («Лесная» область) сосны были наперечет (в так называемом «письме жреца» из Ольвии упомянуто 200 испорченных). Для пошехонца изба, конечно, универсальное жилье, но надо быть последовательным: картина неполна без статьи-продолжения о лаптях, косоворотках да панёвах у боспорян (обязуюсь прочесть ее первым). В докладе на симпозиуме 2013 г. в Констанце, упомянув о недостатках современной российской историографии, В. Кожокару привел в качестве примера творчество И. Е. Сурикова. По имеющемуся в интернете списку изданных его работ он не поленился подсчитать, что сей ученый муж средних лет опубликовал уже более 4 тысяч страниц. От себя добавлю: плодовитейшие античники Т. Моммзен или И. Винкельман отдыхают. При таком количестве изданного о качестве не может быть и речи, одно число опубликованных книг – 21! – само по себе диагноз: графомания.

Яшаева Т.Ю.
(Севастополь)

ЭНКОЛПИОНЫ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРИСТА В КОЛОБИИ И ЕВАНГЕЛЬСКИМИ НАДПИСЯМИ

Среди энколпионов, происходящих из раскопок византийского Херсона, можно выделить большую группу крестов-реликвариев с рельефными изображениями, хранящихся в коллекциях трех российских музеев: ГМЗХТ (Севастополь) – 6 экземпляров (№ 1, 2, 6, 10, 12, 19); ГЭ (Санкт-Петербург) – 6 экземпляров (№ 3, 4, 7, 11, 16, 18)[1]; ГИМ (Москва) – 6 экземпляров (№ 5, 8, 9, 13, 14, 15); место нахождения неизвестно – 1 экземпляр (№ 17). Чтобы не перегружать описания, отметим присущие им общие черты. Все представленные в выборке экземпляры отлиты из сплава на основе меди (визуальный осмотр), прямоконечные, со слегка расширяющимися концами, имеют рельефные изображения и устоявшуюся иконографию: на лицевой створке (далее – л.с.) изображен распятый Христос в колобии с предстоящими Богоматерью и Иоанном Богословом в рост; голова Спасителя в большей или меньшей степени наклонена к правому плечу, крестчатый нимб подковообразный или «циркульный»; прямые руки распростерты на широкой горизонтальной перекладине Крестного древа, ноги с сомкнутыми ступнями на подножии; на стопах и ладонях стигматы; под руками Христа гравированные греческие надписи из Евангелия от Иоанна: под правой рукой: «Ἴδε ὁ υἱός σου» («се сын твой»); под левой: «Ἰδοῦ ἡ μήτηρ σου» («се матерь твоя») [Ин. 19:27-27]. В центре оборотной створки (далее – о.с.) изображена Богоматерь Оранта (в одном случае – Богоматерь Кириотисса) в рост, на концах ветвей в медальонах погрудные изображения евангелистов с пояснительными гравированными греческими литерами: вверху – М

[1] Приношу искреннюю благодарность В.Н. Залесской за предоставленные сведения о некоторых энколпионах из собрания ГЭ.

(Матвей), внизу – М (Марк), слева – Λ (Лука), справа – І (Иоанн); под руками Богоматери монограмма: МР/ΘΥ под титлами; над головой Христа четырехконечный крест и солярные символы. Особенностью типа также является оформление основания соединительных петель на лицевой створке в виде трилистников и наличие на верхнем и нижнем концах оборотной створки широкого и узкого выступов [Пескова, Строкова, 2012, 125]. Из 19 крестов-реликвариев, выявленных в Херсоне, целых – 4 экземпляра, лицевых створок – 5, оборотных створок – 10. (С сожалением приходится констатировать отсутствие археологических привязок у многих херсонских экземпляров из дореволюционных раскопок, что значительно снижает их научную информативность).

Целые экземпляры.

1. Энколпион из раскопок А.И. Романчук в 1987 г.: Портовый квартал 2; размеры: 7,1х5,6х0,6 см (ГМЗХТ, Инв. № 104/3711 (л.с.), 100/3711 (о.с.) (створки были инвентаризированы под разными номерами, что привело к путанице в публикациях) (рис. 1, *1*). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; лики, складки одежд тщательно проработаны резцом. Л.с.: голова Христа слегка наклонена вправо, нимб «циркульный»; подножие декорировано пунсоном; между солярными символами литеры: Φζ под титлой; надписи под руками Христа в две строки, литеры четкие, глубокие, без наклона. В отличие от других экземпляров, на о.с. поясняющие литеры возле медальонов с изображениями евангелистов Матфея и Марка двойные: МТ и МР. Створки оконтурены узким гладким валиком.

2. Энколпион из раскопок Р.Х. Лепера в 1909 г.: Северо-восточный район, квартал І; размеры[2]: 7,1х5,5х0,5 см (ГМЗХТ, Инв. № 18648) (рис. 1, *2*). Изображения на обеих створках выполнены в низком уплощенном рельефе, лики заглажены. Л.с.: голова Христа опущена к правому плечу, нимб подковообразный; над нимбом крест и солярные символы, декорированные пунсоном; надписи под руками Христа в две строки, литеры крупные четкие, с небольшим наклоном влево. О.с.: сохранились пояснительные литеры и монограмма Богоматери. Створки оконтурены врезной линией. *Аналогии: о.с. – № 19 в настоящей* публикации.

3. Энколпион из раскопок Ю.П. Калашника в 1987 г.: XX квартал, усадьба 3, пом. 7; размеры: 6,6х5,0 см (ГЭ). Л.с.: голова Христа крупная, опущена к правому плечу; нимб подковообразный; над головой крест и солярные символы; надписи под руками двухстрочные; на верхнем

[2] Размеры энколпионов даны без учета оглавия, выступов, соединительных петель.

конце створки выступ-трилистник; пояснительные литеры на о.с. не прописаны. Археологический контекст: найден в слое пожара 20-70-х гг. XIII в. вместе с № 18 [Калашник, 1989, с. 168, 175, рис. 6].

4. Энколпион из раскопок Г.Д. Белова в 1976 г.: квартал XXVIII, пом. 44; размеры: 6,8х5,4 см (ГЭ, п.о. 13-76). Л.с.: голова Христа наклонена к правому плечу; нимб подковообразный, над ним четырехконечный крест и солярные символы, декорированные пунсоном; надписи под руками Христа в две строки, с небольшим наклоном влево, литеры крупные, четкие; пояснительные литеры и монограмма Богоматери на о.с. прописаны традиционно. Археологический контекст: створки были найдены в слое пожара XIII в. на разных ступенях лестницы, ведущей из подвала в помещение [Белов, 1976, л. 57, рис. 42].

Лицевые створки.

5. Л.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.; размеры: 7,0х5,4х0,5 см (ГИМ № 39320 ов 494) (рис. 2, *1*). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; лики, складки одежд тщательно проработаны резцом; голова Христа слегка наклонена вправо; нимб «циркульный»; над головой крест и солярные символы; надписи в две строки, литеры крупные четкие, с небольшим наклоном влево, выполнены глубокой гравировкой [Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 2, с. 139].

6. Л.с. из раскопок О.И. Домбровского в 1954 г.: «Храм с ковчегом»; размеры: 7,1х5,5х0,6 см (ГМЗХТ, № 26/36505) (рис. 2, *2*). Изображения выполнены в невысоком уплощенном рельефе, лики оплывшие, не проработаны резцом; голова Христа крупная, опущена к правому плечу, нимб подковообразный; от креста на нимбе едва просматривается только одна насечка; солярные символы и крест над головой оплывшие; надпись очень мелкая, однострочная, сохранилась только под правой рукой. На нижнем конце створки отверстие для крепления, что свидетельствует о ее вторичном использовании после поломки энколпиона. Археологический контекст: найдена вместе с оборотной створкой от складня № 10.

7. Л.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.: Центральный район; размеры: 7,4х5,9 см (ГЭ, х 10). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; голова Христа слегка наклонена вправо, нимб «циркульный»; четырехконечный крест, солярные символы над головой и подножие декорированы пунсоном; надпись под руками однострочная. На концах ветвей выступы-трилистники [ОАК за 1899 г., с. 13, рис. 20].

8. Фрагмент л.с. из дореволюционных раскопок (ГИМ овд №109); размеры: длина 7,3 см, толщина 0,7 см. Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; складки одежд проработаны резцом;

голова Христа в подковообразном нимбе; над головой крест и солярные символы; на концах ветвей слегка сглаженные выступы-трилистники (утрачена правая ветвь) [Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 3, с. 140].

9. Л.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1899 г.: Юго-восточный район, часовня Е, гробница; размеры: 8,5х5,6х0,7 см (ГИМ 39320 ов 493). Изображения выполнены в низком уплощенном рельефе, лики заглажены; голова Христа крупная, наклонена к правому плечу, нимб подковообразный; под руками двухстрочная гравированная надпись; выступы-трилистники. На концах верхней и нижней ветвей сквозные отверстия для крепления, сделанные после поломки складня [Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 1, с. 139].

Оборотные створки.

10. О.с. из раскопок О.И. Домбровского в 1954 г.: «Храм с ковчегом»; размеры: 7,4х5,4х0,4 см (ГМЗХТ, № 26/36505) (рис. 2, *3*). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; лики, фигуры, складки одежд хорошо проработаны резцом; пояснительные греческие литеры отсутствуют. Лики немного затерты, вероятно, в процессе ношения. Археологический контекст: найдена в слое вместе с лицевой створкой от другого энколпиона № 6.

11. О.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1900 г.: Юго-восточный район, возле оборонительной стены; размеры: 7,5х5,5 см (ГЭ, № х 212). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе; лики, фигуры, складки одежд хорошо проработаны резцом; пояснительные литеры возле медальонов. Лики немного затерты, вероятно, в процессе ношения [ОАК за 1900 г., с. 24, рис. 58]. Аналогии: № 18 в *настоящей* публикации.

12. Фрагменты о.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (ГМЗХТ, Инв. № 5281). Сохранились концы верхней (2,0х2,6 см) и правой (2,0х2,4 см) ветвей креста с изображениями евангелистов в медальонах. На верхнем конце створки возле медальона – литера М.

13. О.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1890 г.; размеры: 7,5х5,5х0,5 см (ГИМ ов 250). Изображения выполнены в низком плоском рельефе, сильно сглажены; пояснительные литеры читаются плохо, кроме четкой литеры М у верхнего медальона [Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 4, с. 140].

14. О.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича; размеры: 7,4х5,2х0,6 см (ГИМ № 26945, опись 116/I овд № 30). Изображения выполнены в низком плоском рельефе, сильно сглажены, лики затерты; пояснительные литеры разной сохранности [Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 5, с. 140-141].

15. О.с. с изображением Богоматери Кириотиссы и четырех евангелистов из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1891 г.; размеры: 10,4х7,7х0,9 см (ГИМ, № 26945, опись 1/116). С двух сторон от фигуры Богоматери и в медальонах с изображениями евангелистов вертикальные рельефные надписи. Отличается от других экземпляров иконографией Богоматери, большими размерами и глубиной створок [ОАК за 1891 г., с. 4; Асташева, Петрова, Сарачева, 2013, № 7, с. 142].

16. О.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1890 г.; высота 6,7 см (ГЭ, № х 32) [ОАК за 1890 г., с. 32].

17. О.с. из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в 1897 г.: «Храм с ковчегом», усыпальница в «среднем нефе»; размеры: 7,0х5,35 см (место хранения неизвестно). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе, лики и облачения хорошо проработаны, сохранились пояснительные литеры возле медальонов [ОАК за 1897 г., рис. 210].

18. О.с. из раскопок Ю.П. Калашника в 1987 г.: XX квартал, усадьба 3, пом. 7; размеры: 7,2х5,6 см (ГЭ). Изображения выполнены в низком выпуклом рельефе, лики и облачения хорошо проработаны резцом; четко прописаны пояснительные литеры возле медальонов и монограмма Богоматери; лики и одежды не затерты. Створка оконтурена узким валиком с насечками. Аналогии: № 11 в данной публикации. Археологический контекст: найден в слое пожара 20-70-х гг. XIII в. вместе с № 3. [Калашник, 1989, с. 168, 176, рис. 7].

19. О.с. из раскопок А.И. Романчук в 1987 г.: Портовый квартал 2; размеры: 7х5,4 см (ГМЗХТ, Инв. № 104/3711) (рис. 2, *4*). Изображения выполнены в низком уплощенном рельефе, лики сглажены; пояснительные литеры и монограмма Богоматери читаются четко. *Аналогии: № 2 в настоящей* публикации.

В приведенной выборке выделяются экземпляры, на которых фигуры Христа и Богоматери отличаются изяществом и соразмерностью пропорций; изображения на обеих створках выполнены в низком, но выпуклом рельефе; тщательно проработаны резцом лики, фигуры, складки одежд; нимб у Христа в плане «циркульный», а не подковообразный; надписи четкие, стройные (№ 1, 5, 7, 10, 11) (рис. 1, *1*; 2, *1, 3*). Не будет преувеличением отнести некоторые из них к лучшим образцам византийского прикладного искусства. Наиболее показателен в этом плане крест № 1 из раскопок Портового района Херсона (рис. 1, *1*). Его исключительная сохранность позволяет увидеть не только высокохудожественность изделия в целом, но и тонкую духовную выразительность образа. Представляется важным, что этот крест находит полную аналогию, позволяющую говорить о руке одного мастера (к сожалению, в каталоге метрополитеновской выставки, где опубликован этот памятник, не указано его происхождение) [The Glory of Byzantium, 1997, p. 169, № 119]. Высокие художественные и

технологические достоинства перечисленных экземпляров позволяют, на наш взгляд, связать их изготовление со столичными мастерскими. В целом вопрос о месте производства крестов-реликвариев данного типа пока остается открытым и требует дальнейшего изучения. До недавнего времени их происхождение связывали с сиро-палестинским регионом, однако в настоящее время «понятие «сирийские» («сиро-палестинские») кресты-реликварии, применявшееся до сих пор, зачастую, ко всему комплексу разнообразных византийских крестов, практически исчезает, …возможно, оно сохранится лишь для какой-то группы ближневосточных крестов-реликвариев с врезными изображениями» [Пескова, 2009, с. 290].

Исследователи отмечают широкий ареал рассматриваемых энколпионов и датируют их рамками X-XII вв. [Залесская, 1988, с. 98; Атанасов, 2006, с. 212-214, обр.48-50, табл. XIX. 2-4; табл. LI, 219-225; Pitarakis, 2006, p. 190-221, № 3-114; Дончева-Петкова, 2011, с. 124-131, № 219-269; Пескова, Струкова, 2012, с. 128-132]. Вероятно, в этот период они появляются в Херсоне и надолго обретают популярность в городской христианской среде. Известен этот тип и в других средневековых центрах Таврики, например, в Восточном Крыму, южнобережной крепости Чембало [Фарбей, 2001, с. 60-61; Адаксина, 2010, с. 53-54, рис. 190], но все же больше всего крымских находок приходится на византийский Херсон. По нашим предварительным подсчетам, из всех известных в Херсоне крестов-реликвариев рассматриваемый тип является самым многочисленным. В определенной степени это объясняется спецификой иконографии. Энколпионы, как известно, соединили в себе три главные христианские святыни: крест, реликвию, икону [Яшаева, 2005, 121-130]. На лицевой створке рассматриваемого типа появилась четвертая святыня – богодухновенные евангельские строки, что значительно усиливало сакральность почитаемого предмета. Византийские энколпионы с изображением Христа в колобии и евангельскими надписями оставались востребованными до последних дней жизни города. Не случайно именно они оказывались в числе тех немногочисленных ценностей, которые хозяева пытались вынести из горящих домов.

Литература

Адаксина С.Б. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2008-2009 гг. СПб., 2010.

Атанасов Г. Християнският Дуросторум-Дръстър. Велико-Тырново, 2006.

Асташева Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013.

Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1976 г. // Архив ГМЗХТ. Д. 1842.

Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX-XIV в.). София, 2011.

Залесская В.Н. Связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X-XII вв. // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV-XVI вв. Ленинград, 1988. С. 93-104.

Калашник Ю.П. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки1982-1988 гг.) // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 165-187.

Пескова А.А. Традиции изображения святых на византийских крестах-реликвариях // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009. С. 285-312.

Пескова А.А., Строкова Л.В. Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко. Санкт-Петербург-Киев, 2012.

ОАК за 1890 г. СПб., 1893.

ОАК за 1891 г. СПб., 1893.

ОАК за 1897 г. СПб., 1900.

ОАК за 1899 г. СПб., 1902.

ОАК за 1900 г. СПб., 1902.

Фарбей А.М. Дослідження посаду середньовічної Сугдеї у 1999 р. // Археологічні відкриття в Україні 1999 – 2000 рр. Киев, 2001. С. 345-384.

Яшаева Т.Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий - крест - икона // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов. Севастополь, 2005. С. 121-130.

Pitarakis B. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris, 2006.

The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843-1261 / Ed. by Helen C. Evans and William D. Wixom. New York, 1997.

Рис. 1. Целые кресты-реликварии: 1 - № 1; 2 - № 2.

Рис. 2. Лицевые и оборотные створки крестов-реликвариев: 1 - № 5; 2 - № 6; 3 - № 10; 4 - № 19.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические Вести
АДСВ – Античная древность и средние века
БИ – Боспорские исследования. Керчь
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГМЗХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ИА – Институт археологии
ИАК – Известия императорской Археологической комиссии
ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК – Институт истории материальной культуры
ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛИЛИ – Ленинградский историко-лингвистический институт
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии
НА РО ИИМК – Научный архив Рукописный отдел Института истории материальной культуры Российской Академии наук
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ОАМ ГЭ – Отдел античного мира Государственного Эрмитажа
ОРДФ ГЭ – Отдел рукописей и документально фонда Государственного Эрмитажа
РАИМК – Российская академия истории материальной культуры
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ОАК – Отчеты императорской Археологической комиссии
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив С-Петербурга

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамзон М.Г. *(Магнитогорск)*
Массовая тезаврация на Боспоре в 320-х – начале 340-х гг. н.э.: проблема интерпретации..... 5

Айбабин А.И. *(Симферополь)*
Еврейская община в позднеантичной Пантикапее и раннесредневековом Боспоре..... 12

Александрова Н.В. *(Москва)*
Переписка Ю.Ю. Марти и Л.П.Харко. 1926-1952. (По материалам отдела рукописей ГМИИ им. А.С.Пушкина)..... 16

Алексеенко Н.А. *(Севастополь)*
Г. Шлюмберже, Б.А. Панченко, Н.П. Лихачев и др.: Зарождение боспорской сфрагистики и проблема византийской администрации на Боспоре..... 25

Анисимова О.С. *(Судак)*
Заметки академика П.С. Палласа о древностях античного, варварского и средневекового Крыма..... 30

Антипенко А.В. *(Симферополь)*
Основные тенденции в изучении снаряжения верхового позднеримского времени..... 32

Безуглов С.И. *(Ростов-на-Дону)*
Д.Б.Шелов: Танаис и античная нумизматика..... 36

Белик Ю.Л. *(Керчь)*
История исследования объектов археологии на мысе Ак-Бурун..... 39

Бойко А.Л., Толочко И.В. *(Ростов-на-Дону)*
Криминальный антикварный рынок на Юге России в конце XIX – начале XX вв.: «*agente recitatore*» Ф.С. Романович и «*tombarolo*» А.А. Смычков..... 43

Бонин А. В., Шаров О. В. *(Москва, С-Петербург)*
Н.И.Сокольский и его батарейки (от укреплений и поселениям) 57

Бутягин А.М. *(С-Петербург)*
Материалы из раскопок Данкана Макферсона курганов на мысу Ак-Бурун в коллекции Британского музея..... 63

Быковская Н.В. *(Керчь)*
К вопросу об археологические исследованиях на Керченском полуострове в годы Крымской войны..... 68

Вахтина М.Ю. *(С-Петербург)*
Из истории раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам научного архива ИИМК РАН)..... 73

Вахонеев В.В. *(Симферополь)*
Кораблекрушения X-XI в. в акватории Крыма..... 83

Виноградов Ю.А. *(С-Петербург)*
Российский археолог Кирилл Романович Бегичев..... 87

Винокуров И.Н. *(Москва)*
Профессор А.С. Башкиров – археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии)..... 92

Волошинов А.А., Масякин В.В. *(Симферополь)*
Германские элементы из некрополя Сувлу-Кая..... 119

Гарипов А.С., Смекалова Т.Н. *(Симферополь)*
А.Н. Щеглов - инициатор внедрения естественнонаучных методов в археологию Северо-Западного Крыма..... 127

Голенцов А.С.†, Туровский Е.Я., Филиппенко А.А. *(Севастополь)*
Керамические клейма с поселения у мыса Зюк..... 135

Гунчина О.Л. *(Керчь)*
Исследование металлов в Фанагорийском научном центре..... 140

Деваев А.С. *(Симферополь)*
Пространственная локализация поселений Керченского полуострова III в. до н.э. - VI в. н.э..... 142

Дорошко В.В., Дорошко О.П. *(Севастополь)*
Исследования на высоте 283 Караньских высот к северо-западу от с. Флотское г. Севастополя в 2014 – 2015 гг..... 147

Журавлев Д.В., Костромичев Д.А. (Москва, Севастополь)
Р.Х. Лепер и его раскопки херсонесского некрополя..... 152

Завойкина Н.В. *(Москва)*
Царь Аспург, он же Рескупорид I или Реметалк? Источники и гипотезы..... 150

Застрожнова (Панкратова) Е.Г. *(С-Петербург)*

Организация и быт археологической экспедиции в Фанагории в XIX столетии..... 166

Зинько А.В. *(Керчь)*
Из истории подводных археологических исследований в Керченском проливе..... 172

Зинько В.Н. *(Керчь)*
Архаическая Тиритака в исследованиях В.Ф. Гайдукевича и настоящего времени..... 177

Зинько Е.А. *(Керчь)*
Раннехристианские склепы Боспора в исследованиях Ю.А. Кулаковского..... 185

Ибраимова С.Ш. *(Симферополь)*
История изучения крымско-татарского ювелирного искусства.. 190

Иванов А.В. *(Краснодар)*
О времени основания и культурной атрибуции Краснобатарейного городища..... 193

Ильяшенко С.М. *(Ростов-на-Дону)*
Северные и южные ворота Танаиса из раскопок П.М. Леонтьева..... 201

Казанский М.М. *(Париж)*
Находка 1918 г. в Керчи (коллекция Месаксуди)..... 206

Катюшин А.Е. *(Симферополь)*
Хазары и Херсон в источниках: точка зрения тайного советника Татищева..... 216

Ковалевская Л.А. *(Севастополь)*
Хора Херсонеса в римское время. Итоги исследований..... 221

Колосов В.П. *(С-Петербург)*
Зольник II Мирмекия в раскопках В.Ф.Гайдукевича..... 228

Конкин Д.В. *(Симферополь)*
Землеустройство Крыма в конце XVIII – начале XIX вв.: исследования в процессе интеграции (дефект описания)..... 232

Котина А.В. *(Керчь)*
К. Михайловский и традиция польских археологических исследований на Боспоре..... 237

Крамаровский М.Г., Сейдалиев Э.И. *(С-Петербург, Симферополь)*
Дюрбе Инджи-бек Хатун в Солхате. Вопросы изучения и сохранения..... 240

Кропотов В.В. *(Симферополь)*
Грунтовой некрополь Неаполя Скифского (по материалам работ В.П. Бабенчикова 1947-1948 гг.)..... 243

Кучеревская Н.Л. *(Керчь)*
Вклад исследователей Тиритаки в комплектование лапидарной коллекции..... 247

Лавров В. *(Симферополь)*
Исследования Качи-Кальона в 1954 г. по неопубликованным материалам личного архива Е.В. Веймарна..... 250

Майко В.В. *(Симферополь)*
Салтово-маяцкая кухонная керамика Восточного Крыма. Исследователи и исследования..... 256

Майко В.В., Зубарев В.Г., Ярцев С.В. *(Симферополь, Тула)*
Христианизация салтовского населения Восточного Крыма. Исследователи и исследования..... 261

Манаев А.Ю. *(Симферополь)*
Археологические исследования в Крыму в послевоенные годы в контексте развития советской исторической науки..... 265

Масленников А.А. *(Москва)*
Кто был земли боспорской хозяин?..... 272

Мастыкова А.В. *(Москва)*
Птицевидные фибулы эпохи Великого переселения народов на Кавказе и Северном Причерноморье: история изучения и вопрос происхождения..... 280

Молев Е.А. *(Н-Новгород)*
Этно-политические проблемы истории Боспора в материалах I-V Боспорских чтений..... 289

Молева Н.В. *(Н-Новгород)*
Несостоявшийся музей (исследования Тиритаки в середине 70-х гг. XX века)..... 294

Мосягина А.А. *(С-Петербург)*
Поступления и потери античного стекла (из истории Отдела античного мира Государственного Эрмитажа 1917-1929)..... 300

Мульд С.А. *(Симферополь)*
Склеп уникальной формы из могильника Левадки (Центральный Крым)..... 309

Науменко В.Е., Душенко А.А. *(Симферополь)*
К истории археологического изучения Мангупа. Раскопки Р.Х. Лепера в 1912-1914 гг. (По материалам коллекции Государственного Эрмитажа)..... 313

Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. *(Симферополь, Керчь)*
К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс..... 325

Непомнящий А.А. *(Симферополь)*
Директор Керченского музея древностей Карл Думберг: по новым архивным документам..... 330

Олейник Т.В. *(Харьков)*
Херсонес Таврический и Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина: 90 лет вместе…..... 338

Панченко В.В. *(Севастополь)*
«Усадьба с источником» и ее исследователи..... 345

Паромов Я.М. *(Москва)*
В.Ф. Гайдукевич и Тиритака (секрет успеха ученого)..... 351

Петракова А.Е., Ягги О. *(С-Петербург, Базель)*
Амазонки на аттических краснофигурных вазах из Северного Причерноморья: к вопросу о понимании изображений..... 356

Поваляев Н.Л. *(Геттинген)*
Античный историк и его «ремесло». Целеполагание в рамках «интенциональной истории»..... 366

Пономарев Д.Ю., Никитаев А.В. *(Керчь)*
Специфический признак на пяточной кости, идентифицирующий всадника среди древних людей..... 378

Прохоров Д.А. *(Симферополь)*
К истории изучения караимской общины Солхата в конце XVIII-XIX вв..... 381

Прохорова Т.А. *(Севастополь)*
Из истории взаимоотношений Херсонесского и Керченского музеев в 20-х гг. XX в.: статья К.Э. Гриневича «Пантикапей».... 389

Радочин В.Ю. *(Симферополь)*
Исследование населения Эски-Кермена по данным антропологии (история вопроса, результаты, перспективы)..... 397

Савостина Е.А. *(Москва)*
Наталья Николаевна Бритова и ее время..... 402

Сапрыкин С.Ю. *(Москва)*
Предэллинизм или протоэллинизм в историографии Боспора. 409

Сейдалиева Д.Э. *(Симферополь)*
Штампованная керамика из раскопок Старокрымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по материалам отчетов 1978–1983 гг..... 415

Сидоренко В.А. *(Симферополь)*
О.Ф. Ретовский в исследованиях нумизматики Крымского ханства..... 422

Смекалова Т.Н., Волошинов А.А. *(Симферополь)*
«Длинные поля» у городища Заячье в Юго-Западном Крыму. Историография вопроса и современные исследовании..... 430

Смекалова Т.Н., Горончаровский В.А. *(Симферополь, СПб)*
Курганный некрополь в ландшафте Нимфея. История изучения и современное состояние..... 439

Соколова О. Ю. *(С-Петербург)*
“Мы ехали сюда, чтоб град Нимфей копать...” (П. Ф. Силантьева, М. М. Худяк, В. М. Скуднова)..... 448

Столяренко П.Г., Куликов А.В. *(Керчь)*
Северо-западный участок некрополя Парфения первых веков н. э. (по архивным материалам и данным новых исследований)..... 457

Стоянова А.А., Шабанов С.Б. *(Симферополь)*
Античное стекло в собраниях крымских музеев. Перспективы исследования..... 465

Суворова Н.И. *(Ростов-на-Дону)*
Терракоты Танаиса I-III вв. н.э..... 368

Сударев Н.И., Кашаев С.В. *(С-Петербург)*
История исследования поселения Виноградый-7 и работы на памятнике в 2015 г..... 471

Супренков А.А. *(Москва)*
Поселение Гора Чиркова 1 – история исследований и новейшие раскопки..... 481

Тихонов И.Л. *(С-Петербург)*
Археологические исследования Ф.А.Брауна в Северном Причерноморье..... 486

Трубникова Д.Е. *(Симферополь)*
Применение молекулярно-генетического анализа вархеологии..... 494

Труфанов А.А. *(Симферополь)*
А.Е. Пуздровский. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2014 г..... 503

Федосеев Н.Ф. *(Керчь)*
Катакомба 7 некрополя Нимфея..... 509

Хайрединова Э.А. *(Симферополь)*
Некоторые аспекты истории изучения женского костюма крымских готов..... 518

Храпунов Н.И. *(Симферополь)*
Эдвард-Даньел Кларк о крымских древностях: как сделать археологию орудием идеологии..... 526

Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. *(Симферополь)*
Крым в сочинении итальянского исследователя и путешественника Франческо Альгаротти..... 531

Хршановский В.А. *(С-Петербург)*
Раиса Викторовна Шмид. Страницы забытой жизни (1899-1941)..... 535

Чистов Д.Е. *(С-Петербург)*
Реконструкция сводного плана раскопок 1904-1929 гг. в северной части острова Березань..... 543

Шепко Л.Г. *(Донецк)*
Поселения Европейского Боспора: один из вариантов районирования боспорских земель..... 552

Шестаков С.А. *(Керчь)*
В.В. Шкорпил и раскопки некрополей..... 560

Ягги О. *(Базель)*
Аттическая краснофигурная керамика в Северном Причерноморье: особенности распространения, восприятия, использования..... 564

Яйленко В.П. *(Москва)*
Сказ про то, как исследователь И. Е. Суриков отправил в небытие Фанагора, Гермона, Гилона и разоблачил лжецов Демосфена да Эсхина..... 573

Яшаева Т.Ю. *(Севастополь)*
Энколпионы из византийского Херсонеса с изображением Христа в колобии и евангельскими надписями..... 585

Боспорские чтения
Вып. XVII

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования

Редакторы-составители: д.и.н. Зинько В.Н., к.и.н. Зинько Е.А.
Компьютерная верска: Кучеров В.В.
Корректор: д.и.н. Зинько В.Н.

Подписано в печать 00.04.2015 г.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Улс. печ. л. 35,11
Тираж 120. Заказ № 77

Издательство: ООО «Соло-Рич»
295000, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 38 38,
+7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru
Отпечатано в ООО «Прондо»
109316, Москва, ул. Волгоградский пр-т, д.45, офис 542
тел.: +7 (495) 62-4942

Представитель типографии ООО “Прондо”
в Республике Крым ООО “Соло-Рич”
295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Пушкина, 9, оф. 84
тел.: +7 (978) 817 39 39, +7 (978) 817 38 38,
+7 (978) 817 05 50, +7 (978) 722 63 66,
e-mail: solo-88888@yandex.ru
www.design-solo.ru